

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Евразийский Ежегодник
2023 (1)

Москва
2023

Рецензенты:

АМИРХАНОВ Х.А., академик РАН, доктор исторических наук, профессор
МОЛДОВАН А.М., академик РАН, доктор филологических наук

Е 22 Евразийский ежегодник 2023 (1). – М.: РАН, 2023. – 516 с.

ISSN 2949-5865

Первый номер нового периодического издания «Евразийский ежегодник» Научного Совета Отделения историко-филологических наук РАН по комплексным проблемам новейшей истории и культуры Евразии приурочен к 300-летию РАН и включает в себя исследования, которые были определены ОИФН РАН в качестве приоритетных в деятельности Совета в настоящее время. Среди них – проблемы интеграции и дезинтеграции на пространстве Большой Евразии. Данная тематика представлена в издании работами, посвященными феномену многополярности в исторической ретроспективе, идеологии евразийства: от зарождения до современных мировых практик; статьями по темам: Большая Евразия в фокусе современной политики Китая; взаимодействие бизнеса на постсоветском пространстве, цифровая повестка и ее новые приоритеты и потенциал интеграции, технологии ненасильственной борьбы в «цветных революциях» в Евразии и др.

Издание освещает также актуальные сюжеты истории и культуры субрегионов Евразии от глубокой древности до наших дней, включая Восточную Европу, Поволжье, Урал, Сибирь, Центральную Азию, Забайкалье, Монголию, Китай, Корею и Дальний Восток РФ, а также проблематику диаспор народов макрорегиона, языки и литературы стран Евразийского пространства, сюжеты, посвященные исторической памяти и исторической политике.

Для научных работников, преподавателей, студентов высших учебных заведений, всех, интересующихся проблематикой новейшей истории и культуры Евразии.

ISSN 2949-5865

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций 30.11.2023 г.,
регистрационный номер: серия ПИ № ФС77-86431 от 30 ноября 2023 г.

DOI журнала: 10.22455/2949-5865

DOI выпуска: 10.22455/2949-5865-2023-1

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н.А. МАКАРОВ (Россия) – председатель Совета
Е.И. ПИВОВАР (Россия) – заместитель председателя Совета
Н.Н. КРАДИН (Россия) – заместитель председателя Совета
Б.В. БАЗАРОВ (Россия)
В.В. ДАНИЛОВИЧ (Беларусь)
Дж. ДЖАФАРОВ (Азербайджан)
С. ДЕШПАНДЭ (Индия)
Н.П. КАЛАШНИКОВА (Казахстан)
А.А. КОВАЛЕНЯ (Беларусь)
Т.О'КОННЕР (США)
А.А. МАСЛОВ (Россия)
А.А. МЕЛКОНЯН (Армения)
Г. МУХАММЕДОВ (Туркменистан)
М. ОЛИМОВ (Таджикистан)
А. САБИРОВ (Узбекистан)
К. САДЫКОВ (Кыргызстан)
М. САНАИ (Иран)
Ц. СЯОЮАНЬ (КНР)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

MAKAROV N. A. (Russia) – Chairman of the Council
PIVOVAR E.I. (Russia) – Deputy Chairman of the Council
KRADIN N.N. (Russia) – Deputy Chairman of the Council
BAZAROV B.V. (Russia)
DANILOVICH V.V. (Belarus)
DESHPANDE S. (India)
JAFAROV J. (Azerbaijan)
KALASHNIKOVA N.P. (Kazakhstan)
KOVALENIA A.A. (Belarus)
MASLOV A.A. (Russia)
MELKONYAN A.A. (Armenia)
MUHAMMEDOV G. (Turkmenistan)
O'CONNER T. (USA)
OLIMOV M. (Tajikistan)
SABIROV A. (Uzbekistan)
SADIKOV K. (Kyrgyzstan)
SANAI M. (Iran)
XIAOYUAN C. (China)

*Евразийский
ежегодник*

2023 (1)

Главный редактор
академик РАН
Е.И. ПИВОВАР

Москва
2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Е.И. ПИВОВАР, академик РАН, доктор исторических наук.

Заместители главного редактора:

АЛИКБЕРОВ А.К., доктор исторических наук;

КРАДИН Н.Н., академик РАН, доктор исторических наук;

ПОЛОНСКИЙ В.В., член-корреспондент РАН, доктор филологических наук.

Члены редколлегии:

ПЛУНГЯН В.А., академик РАН, доктор филологических наук;

ПОБЕРЕЖНИКОВ И.В., член-корреспондент РАН, доктор исторических наук;

ПОПОВА И.Ф., член-корреспондент РАН, доктор исторических наук;

СОЛОПОВА О.В., кандидат исторических наук;

ТИШКОВ В.А., академик РАН, доктор исторических наук;

ХРИСТОФОРОВ В.С., член-корреспондент РАН, доктор юридических наук;

ЧУБАРЬЯН А.О., академик РАН, доктор исторических наук.

Секретарь:

ЛЕВЧЕНКОВ А.С., кандидат исторических наук.

Ответственный за выпуск:

КОНДРАШОВА И.С.

EDITORIAL BOARD:

Editor-in-Chief: PIVOVAR E.I., Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences.

Deputy Editors-in-Chief:

ALIKBEROV A.K., Doctor of Historical Sciences;

KRADIN N.N., Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences.

Editorial Board Members:

PLUNGYAN V.A., Academician of RAS, Doctor of Philology;

POBEREZHNIKOV I.V., Corresponding Member of the RAS, Doctor of Historical Sciences;

POPOVA I.F., Corresponding Member of the RAS, Doctor of Historical Sciences;

SOLOPOVA O.V., Candidate of Historical Sciences;

TISHKOV V.A., Academician of the RAS, Doctor of Historical Sciences;

KHRISTOFOROV V.S., Corresponding Member of the RAS, Doctor of Law;

CHUBARYAN A.O., Academician of the RAS, Doctor of Historical Sciences.

Secretary:

LEVCHENKOV A.S., Candidate of Historical Sciences.

Responsible for the release:

KONDRASHOVA I.S.

СОДЕРЖАНИЕ

К выходу первого номера периодического издания ОИФН**«Евразийский ежегодник»**

Приветственное слово Президента РАН, академика Красникова Г.Я.	12
От редакции	13

Раздел I**Процессы интеграции и дезинтеграции на пространстве Большой Евразии***Крадин Н.Н.*

Феномен многополярности в исторической ретроспективе	18
--	----

Курылев К.П., Смолик Н.Г., Станис Д.В.

Идеология евразийства: российский и казахстанский подходы (история и современность)	31
--	----

В.Л. Ларин

Большая Евразия в фокусе интересов и политики Китая в «новую эпоху»	64
---	----

Головнев А.В.

Музы и науки «продвигаются к северу»: Петр I и северность России	93
--	----

Виттенберг Е.Я.

Взаимодействие бизнеса на постсоветском пространстве на современном этапе: достижения, проблемы и перспективы	120
--	-----

Пивовар Е.И.

Евразия в контексте глобальной цифровой цивилизации XXI века: новые приоритеты и потенциал интеграции	143
--	-----

Наумов А.О.

Технологии ненасильственной борьбы в «цветных революциях» на Евразийском пространстве	155
--	-----

Раздел II**Субрегионы Евразии (от глубокой древности до наших дней)***Артизов А.Н.*

К выходу сборника «Об историческом единстве русских и украинцев. Документы»	178
--	-----

М.Ю. Мухин

Железные дороги Белоруссии в постсоветский период.	196
--	-----

Мартынов Д.Е.

«Слышен на Волге голос Янцзы»: прошлое, настоящее и будущее казанского Восточного разряда	213
--	-----

Зубков К.И., Побережников И.В.

Восточный фронт русской колонизации в контексте модернизационной динамики	235
--	-----

Мазур Л.Н.

Особенности освоения территории Среднего Урала в XV–XX вв.: расселенческий аспект	264
--	-----

Котюкова Т.В.

Кокандская автономия: пролог гражданской или национально- освободительной войны в Туркестане?.	282
---	-----

Гомбожапов А.Д.

Политическое переустройство монгольского мира в период формирования империи Цин	303
--	-----

<i>Бадараев Д.Д.</i>	
Трансформация социальной структуры на российско-монгольском трансграничье в исторической динамике	318
<i>Базаров Б.В., Курас Л.В.</i>	
Монголия между революцией Синьхайской (1911) и революцией Монгольской (1921)	336
<i>Актамов И.Г.</i>	
Система образования Автономного района Внутренняя Монголия КНР на начальном этапе государственного строительства	358
<i>Ванчикова Ц.П., Ринчинов О.С.</i>	
Основные этапы истории тибетской медицины в Забайкалье	369
<i>Вовин А.А.</i>	
К проблеме социокультурного взаимодействия СССР и Кореи в 1945–1948 гг.: выборы в Народные Комитеты Северной Кореи осенью 1946 г. и их роль в формировании северокорейской государственности . . .	382
Раздел III	
Диаспоры народов региона в России и в мире	
<i>Мосейкина М.Н.</i>	
Русская диаспора Узбекистана в контексте межкультурного диалога двух стран . . .	390
Раздел IV	
Историческая память и проблемы исторической политики	
<i>Кантор Ю.З.</i>	
Зимний дворец 25 октября 1917 г. в исторической памяти и музейном пространстве: конструирование мифа и фактологические парадигмы рубежа тысячелетия	405
Раздел V	
Языки и литература стран Евразийского пространства	
<i>Султанов К.К.</i>	
Национальные литературы в политэтническом евразийском пространстве: русский опыт «единства-в-различии»	416
<i>Грамотчикова Н.Б.</i>	
Репрезентация российских пространств и их этнического многообразия в путевой прозе XIX века (Урало-Поволжский регион)	440
<i>Кашкин Е.В.</i>	
Языковые контакты в России: основные направления исследований	457
<i>Казакевич О.А., Кибрик А.А.</i>	
Концепция языковой политики Российской Федерации: документ, формирующий будущее	477

CONTENTS

To the publication of the first issue of the periodical edition of the DHPS

«Eurasian Yearbook»

Address of the President of the Russian Academy of Sciences, Academician Krasnikov G.Ya.	12
Editorial	13

Part I. Processes of integration and disintegration in the space of Greater Eurasia

<i>Kradin N.N.</i>	
Phenomena of multipolarity in historical retrospective	18
<i>Kurylev K.P., Smolik N.G., Stanis D. V.</i>	
The ideology of Eurasianism: Russian and Kazakh approaches (history and modernity).	31
<i>Larin V. L.</i>	
Greater Eurasia in the focus of China's interests and policy in the "new era"	64
<i>Golovnev A.V.</i>	
Muses and sciences are "moving north": Peter I and the northerness of Russia	93
<i>Vittenberg E. Ya.</i>	
Interaction of business in the post-soviet space at the present stage: achievements, issues and prospects	120
<i>Pivovarov E.I.</i>	
Eurasia in the context of the global digital civilization of the XXI century: new priorities and potential for integration	143
<i>Naumov A.O.</i>	
Technologies of nonviolent struggle in the «color revolutions» in the Eurasian space	155

Part II. Sub-regions of Eurasia (from ancient times to the present day)

<i>Artizov A.N.</i>	
To the publication of the collection «About the historical unity of Russians and Ukrainians. Documentation»	178
<i>Mukhin M.Yu.</i>	
Railways of Belarus in the post-soviet period	196
<i>Martynov D. E.</i>	
“The voice of the Yangtze is heard on the Volga”: the past, present and future of the Department of Oriental Studies in Kazan	213
<i>Zubkov K. I., Poberezhnikov I.V.</i>	
Eastern Frontier of the Russian Colonization in the Context of Modernization Dynamics	235
<i>Mazur L.N.</i>	
Features of the development of the territory of the Middle Urals in the XV–XX centuries: the settlement aspect	264
<i>Kotyukova T.V.</i>	
Kokand autonomy: a prologue to the civil or national liberation war in Turkestan?	282
<i>Gombozhapov A.D.</i>	
Political Reconstruction of the Mongol World during the Formation of the Qing Empire	303
<i>Badaraev D.D.</i>	
Transformation of the Social Structure on the Russian-Mongolian Transborder in Historical Dynamics	318

<i>Bazarov B.V., Kuras L.V.</i>	
Mongolia between the Xinhai revolution (1911) and the Mongolian revolution (1921)	336
<i>Aktamov I.G.</i>	
The education system of the Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China at the initial stage of state formation	358
<i>Vanchikova T.P., Rinchinov O.S.</i>	
The main periods of the history of Tibetan medicine in Transbaikalia	369
<i>Vovin A.A.</i>	
To problem of socio-cultural interaction between USSR and Korea in 1945–1948: elections to People's Committees of North Korea in autumn of 1946 and their role in formation of North Korean State	382
Part III. Diasporas of the peoples of the region in Russia and in the world	
<i>Moseykina M.N.</i>	
The Russian diaspora of Uzbekistan in the context of intercultural dialogue between the two countries.	390
Part IV. Historical memory and problems of historical politics	
<i>Kantor J.Z.</i>	
The Winter Palace on October 25, 1917. in historical memory and museum space: the construction of the myth and factual paradigms at the turn of the millennium	405
Part V. Languages and literature of the countries of the Eurasian space	
<i>Sultanov K.K.</i>	
National literatures in the multiethnic Eurasian space: the Russian experience of “unity-in-difference”	416
<i>Gramatchikova N.B.</i>	
Representation of Russian Spaces and Their Ethnic Diversity in Travelogues of the XIX Century (Ural-Volga Region)	440
<i>Kashkin E.V.</i>	
Language contact in Russia: main directions of research.	457
<i>Kazakevich O.A., Kibrik A.A.</i>	
Concept of language policy of the Russian Federation: A document shaping the future	477

К выходу первого номера периодического издания ОИФН «Евразийский ежегодник»

Уважаемые друзья!

В ваших руках первый номер «Евразийского ежегодника». Этот сборник посвящён вопросам, которые обсуждаются на Научном совете по комплексным проблемам новейшей истории и культуры Евразии Отделения историко-филологических наук РАН.

Глубоко символично, что первый выпуск этого издания приурочен к 300-летию Российской академии наук. Основанная в эпоху великих реформ, Академия вместе со страной преодолевала все испытания минувших лет. Академия всегда объединяла поистине великих учёных, вносила ценный вклад в укрепление экономического, культурного, исследовательского потенциала нашей страны.

Отмечу, что сегодня Российская академия наук в своей деятельности опирается на лучшие традиции фундаментальной науки, вместе с тем проводит и передовые исследования, достойно отвечает на вызовы современности. И конечно, потенциал наших учёных необходимо в полной мере задействовать во благо развития Евразии – уникального региона, обладающего богатейшим историко-культурным наследием.

Убеждён, что выпуск «Евразийского ежегодника» будет способствовать решению важнейших научных задач, укреплению научного авторитета России на просторах Большой Евразии.

*Президент Российской академии наук академик РАН
Г.Я. Красников*

От редакции

Мировые процессы современности кардинально меняют геополитическую, геокультурную и геоэкономическую картину мира. Контуры этого, неизвестного прежде, положения дел в гуманитаристике еще только намечаются. В этой связи резко повышается значимость потенциала интеграции на просторах всего макрорегиона Большой Евразии, а сами результаты активных действий Российской Федерации, направленные на укрепление интеграционных связей, служат серьезной опорой и залогом успеха в будущем. Не менее актуальным в этом отношении являются и дальнейшие исследования историков, этнологов, литературоведов, лингвистов, востоковедов, культурологов, актуализирующих историко-культурное наследие народов Большой Евразии.

Принимая во внимание научную важность данной задачи, Отделение историко-филологических наук Российской академии наук на своем заседании в октябре 2022 г. приняло решение создать Совет ОИФН РАН по комплексным проблемам новейшей истории и культуры Евразии.

Были определены основные направления деятельности Совета:

- содействие развитию исторических и филологических наук, фундаментальных научных и поисковых исследований в области истории и культуры евразийского пространства новейшего времени;
- популяризация научных знаний и достижений в области истории и культуры евразийского пространства;
- содействие сохранению общего историко-культурного наследия пространства Евразии;
- подготовка предложений по участию ОИФН РАН в формировании и реализации государственной научно-технической политики, направленной на сохранение общего научно-образовательного пространства Содружества Независимых Государств;
- содействие развитию сотрудничества ОИФН РАН с международными интеграционными организациями на евразийском пространстве в области научно-образовательной интеграции и сохранения общего историко-культурного наследия Евразии;
- изучение и анализ достижений мировой и российской науки в области истории и культуры Евразии и др.

В состав Совета вошли члены ОИФН, профессора РАН, ведущие ученые, представляющие научные организации РАН Москвы (Институт всеобщей истории РАН, Институт востоковедения РАН, Институт славяноведения РАН, Институт этнологии и антропологии РАН им. М. Маклая, Институт российской истории РАН, Институт мировой литературы РАН им. А.М. Горького, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт языкознания РАН), Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Институт восточных рукописей РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Институт русской литературы РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН), Уральско-го, Сибирского, Дальневосточного отделения РАН, Научных центров РАН в Перми и Улан-Удэ, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ и др.

Мы рассчитываем также на активное участие в работе научного Совета и его периодического издания «Евразийский ежегодник» ведущих ученых по данной проблематике из стран СНГ, ЕАЭС, ШОС. Открывая первый номер данного издания, хотелось остановиться и на его примерной проблематике.

Среди ключевых направлений исследований, которые будут находиться в центре внимания Редакционного Совета и редколлегии ежегодника, следует выделить, прежде всего:

- Общее историческое, культурное, литературное и языковое наследие стран и народов Евразии.
- Современную историю, язык и литературу макрорегиона в целом и его субрегионов в новейшее время.
- Современное развитие государственности стран региона, ее институтов в контексте глобальных и региональных тенденций мирового развития.
- Процессы интеграции и дезинтеграции на пространстве Большой Евразии. Формирование и развитие региональных и межрегиональных союзов и объединений в конце XX – начале XXI вв.
- Межгосударственные, этнотерриториальные конфликты, их генезис в историко-культурном контексте, проблемы урегулирования, феномен государственности де-факто.
- Современную историко-филологическую мысль, историографию стран евразийского пространства. Научные школы в области исторических и филологических наук, их взаимовлияние, конфликтные точки и дискуссии между ними.
- Историческую память и проблемы исторической политики в контексте современных международных отношений на пространстве Евразии.
- Этнонациональную политику на пространстве Евразии в контексте исторического прошлого и современных реалий.
- Языковую политику в Евразии в историко-культурном и международном контексте.
- Проблематику российских соотечественников в регионе Евразии.
- Диаспоральную проблематику. Диаспоры народов региона в России и в мире.
- Современное состояние и тенденции развития языков и литературы стран Евразийского пространства, динамику языковой карты макрорегиона в целом и его субрегионов.
- Многополярный мир и проблемы безопасности на пространстве Большой Евразии.

Разумеется, этим перечнем проблематика Ежегодника не ограничивается, и ряд сюжетов и направлений исследований возникают, исходя из международной ситуации наших дней. К примеру, сегодня все более актуальной становится проблематика изменения миропорядка, происходящего перед глазами современников событий, роль фундаментальных ценностных ориентиров в гуманитарном знании, позиция мирового бизнес-сообщества на Евразийском пространстве, новые задачи научной дипломатии в современных условиях и т. д.

Примечательно, что многое из сказанного выше тесно перекликается с положением дипломатической практики Российской Федерации, концен-

трировано выраженной в утвержденной Президентом РФ В.В. Путиным в марте 2023 г. новой Концепции внешней политики РФ.

Запуск предлагаемого издания, безусловно, связан с серьезными изменениями, происходящими в России и в мире. Мы являемся свидетелями тектонических сдвигов в современном миропорядке, когда на наших глазах происходит переход от однополярного к многополярному миру. Россия, исходя из ее историко-культурного наследия, географического положения и ресурсного потенциала, в настоящее время является одним из немногих по-настоящему суверенных политических, экономических и культурных центров в Евразии.

Долгий процесс поиска такой формулировки, которая отражала бы глубину содержания исторической миссии России, особенностей генезиса и эволюции ее государственности, сопровождался острыми философскими спорами между славянофилами, западниками, евразийцами и др. Прямое воздействие на философско-теоретические воззрения неизбежно оказывала геополитическая ситуация: войны и конфликты, смены систем международных отношений и трансформации государственного устройства в самой России. При этом всегда абсолютным приоритетом для нашей страны было взаимодействие с другими народами и цивилизациями на пространстве Евразии.

Результаты переосмысления роли и места России в мире нашли отражение в новой Концепции внешней политики Российской Федерации. В документе, в частности, говорится, что «более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»¹.

Россия позиционирует себя именно как государство-цивилизация, которое «стремится к формированию такой системы международных отношений, которая обеспечивала бы надежную безопасность, сохранение культурно-цивилизационной самобытности, равные возможности развития для всех государств независимо от их географического положения, размера территории, демографического, ресурсного и военного потенциалов, политического, экономического и социального устройства»².

Фактически Россия в условиях турбулентности современных международных отношений находится в процессе реализации грандиозного межцивилизационного проекта разворота к глобальному Югу и Востоку. Евразийскому пространству в этом развороте объективно принадлежит ведущее

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 25 апреля 2023).

² Там же.

место. Наша страна декларирует намерение уделять приоритетное внимание «поощрению отвечающих интересам России процессов региональной и межрегиональной экономической интеграции, прежде всего в рамках Союзного государства, ЕАЭС, СНГ, ШОС, БРИКС, а также в целях формирования Большого Евразийского партнерства... использованию уникального географического положения и транзитного потенциала России для развития национальной экономики, укрепления транспортной и инфраструктурной взаимосвязанности в Евразии»³.

Реализация первых интеграционных инициатив на евразийском пространстве в конце прошлого столетия начиналась в довольно неблагоприятных условиях. Интеграционные структуры работали с трудом, скорее выполняя функции, амортизирующие последствия распада СССР. Однако с течением времени стало ясно, что евразийский интеграционный проект продемонстрировал, с одной стороны, гибкость в принятии коллегиальных решений, с другой, устойчивость к внешним воздействиям.

Российская Федерация была и остается безальтернативным экономическим, военно-политическим и культурно-цивилизационным ядром той части евразийского пространства, которое синонимично постсоветскому, а также важнейшим элементом формирования новой системы межгосударственного взаимодействия в рамках Большого Евразийского партнерства. Однако вызовы и угрозы, скапливавшиеся по периметру СНГ и российских границ на протяжении всего постсоветского периода, вышли на новый, беспрецедентный уровень. В этих условиях особое значение приобретает комплексное развитие многоуровневого взаимодействия России и других государств евразийского пространства в целях недопущения дальнейшего раскола как следствия вмешательства внешних игроков, инструментарий которых включает активное провоцирование и использование политических, экономических, межнациональных и других противоречий. Развитие гибкой системы многоуровневой интеграции и коммуникации может стать эффективным базисом для противодействия государствам евразийского пространства как внешним угрозам, так и внутренним кризисам.

³ Там же.

РАЗДЕЛ I

ПРОЦЕССЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ НА ПРОСТРАНСТВЕ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Феномен многополярности в исторической ретроспективе

Николай Н. Крадин

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Владивосток, Россия, kradin@mail.ru
ORCID 0000-0003-1024-6285

Аннотация. В статье рассматриваются истоки евроцентристского видения мировой истории, согласно которым Европа, а затем Запад являлись ее локомотивом. Подобная однолинейная схема была сформулирована западной наукой в эпоху колониализма, когда Европа постепенно подчинила и поставила на колени многие цивилизации и культуры планеты и затем активно навязала остальному миру свое видение исторического процесса. На самом деле длительное время Европа была периферией мир-системных процессов и только с конца древности стала одним из региональных центров. В этот период начинает функционировать «Великий шелковый путь», который впервые открыл Древний Рим и Китай друг другу. В средние века товарные потоки стали еще более насыщенными и разветвленными. Это привело к созданной монголами «средневековой глобализации» XIII в., и важнейшими компонентами этой мир-системы были торговые пути, которые объединили все региональные центры в единую сеть. Только после её распада сложились предпосылки для ускоренного роста Запада, который постепенно создал свой нарратив истории. Евразийская средневековая мир-система была организована иначе, чем сменившая ее мир-система модерна. Вместо иерархического деления на доминирующее «ядро» и зависимую «периферию» здесь сосуществовали несколько региональных «ядер», которые устанавливали между собой отношения как через конфликты и войны, так и через сотрудничество и торговлю.

Ключевые слова: мир-системный анализ, Россия, евроцентризм, многополярность.

Для цитирования: Крадин Н.Н. Феномен многополярности в исторической ретроспективе // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 18–30. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-18-29

Phenomena of multipolarity in historical retrospective

Nikolay N. Kradin

Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far- Eastern Branch of the RAS
Vladivostok, Russia, kradin@mail.ru
ORCID 0000-0003-1024-6285

Abstract. The article examines the origins of the Eurocentric vision of world history, according to which Europe, and then the West were the locomotive of world history. Such single-line scheme was formulated by western science, in Colonial

Europe, slowly subordinated and put on the knees many civilizations and cultures of the planet, after imposed on the rest of the world its outlook of historical process. In fact, for a long time Europe was the periphery of the world-system processes and only since the end of antiquity has it become one of the regional centers. During this period, the Great Silk Road begins to function, which for the first time opened Ancient Rome and China to each other. In the Middle Ages, commodity flows became even more saturated and branched out. This led to the “medieval globalization” of the 13th century created by the Mongols and the main element of this world-system was trade roots, which united all regional centers into a single network. Only after its collapse were the preconditions for the accelerated growth of the West, which gradually created its own narrative of history. Eurasian medieval world-system was organized in other way in comparison with changed her Modern world-system. Instead of hierarchical division on the dominating “center” and dependent periphery in it several regional “cores” coexisted which established a relationship with each other through conflicts and wars or through cooperation and trade.

Key words: world-systems analysis, Russia, Eurocentrism, multipolarity.

For citation: Kradin, N.N. (2023), “Phenomena of multipolarity in historical retrospective”, *Eurasian Yearbook*, no.1, pp. 18–30. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-18-29

Однолинейная схема мировой истории была сформулирована западной наукой в эпоху колониализма, когда Европа постепенно подчинила и поставила на колени многие цивилизации и культуры планеты и затем активно навязала остальному миру свое видение исторического процесса. Именно в этот период складывается трехстадийная интерпретация истории, в основе которой лежит деление на древность – средневековье и новое время. Впоследствии она была воспроизведена в разных вариациях в трудах многих видных и часто упоминаемых мыслителей Запада. С разными вариациями Европа виделась в этих концептах как вершина исторического развития – у Гегеля, например, как вершина абсолютной свободы индивидов, а у А. Сен-Симона как всемирная ассоциация трудящихся [Илюшечкин 1996].

Российское историческое сообщество рассматривало себя в тесной связи с европейской наукой и в отечественном мировоззрении сложилось схожее понимание прошлого. Это можно проиллюстрировать, например, популярным сто лет назад дореволюционным учебником Р.Ю. Виппера по истории средних веков. Здесь странам и событиям, связанным с Востоком, уделено менее 30% общего объема. Еще печальнее в этом отношении обстоит дело с учебниками советского времени. В многократно переиздававшемся учебнике для педвузов странам Востока уделено чуть более 10%. Подобных примеров более, чем предостаточно.

При этом, как это ни парадоксально, марксизм, который много сделал как для теоретической критики колониализма, так и практической борьбы против империализма, тоже оказался в прокрустовом ложе однолинейного евроцентризма, который предполагал, что прогрессивная социалистическая революция должна произойти только в высокоразвитых странах Запада. Отсюда и возникшая проблема «азиатского способа про-

изводства», который не вписывался в жесткую однолинейную формационную схему, и слабость модели рабовладельческого общества, которое не удалось найти ни на древнем Востоке, ни во многих других регионах мира, и, наконец, Великая российская революция, которая противоречила марксистскому закону соответствия уровню развития производительных сил и характеру производственных отношений, в результате чего Л.Д. Троцкому и В.И. Ленину пришлось придумать ревизионистскую теорию «слабого звена».

В постсоветский период марксизм быстро ушел из отечественной исторической науки. Во многих работах он был заменен теорией модернизации. Популярность последней теории в нашей стране может быть объяснима ее близостью к формационному подходу – выделение четырех стадий (к трем добавлена первобытность), определяющая ключевую роль экономики, вера в ее прогрессивное развитие. Правда, вместо коммунизма идеалом общественного развития, к которому нужно стремиться, стал пониматься Запад с частной собственностью, равенством по закону, демократией, избирательным правом, либерализмом, рациональным мировоззрением. Россия рассматривалась во многих интерпретациях в контексте «догоняющей модернизации» в известной степени как «полутрадиционное» общество, стремящееся войти в один ряд с высокоцивилизованными странами Запада [Ахиезер 1991]. С падением системы социализма все это, казалось бы, стало фактической реальностью. В сознании многих произошло определенное замещение, которое хорошо отражает известный пассаж писателя Чингиза Айтматова, который на Первом съезде народных депутатов СССР в 1989 г. заявил, что именно Европа живет при настоящем социализме. Говоря словами Ф. Фукуямы, многие тогда действительно всерьез поверили, что «конец истории» в прямом смысле и правда не за горами.

Трагическая эскалация последнего времени не вписывается в тезисы теоретиков модернизации, согласно которым западные постиндустриальные демократии мирно и постепенно должны распространяться по миру. Гораздо лучше позволяет понять современные события мир-системный анализ. Как известно, у его истоков стоял французский историк Ф. Бродель. В его трехтомнике, посвященном генезису капиталистической цивилизации, идет речь о взаимосвязывающей все общества «мир-экономике» или «мир-экономиках» (Средиземноморье, Китай, Индия и др.). Мир-экономики существуют вне политических, религиозных и национальных границ. Они имеют свой центр (со своим «сверхгородом»; в XIII в. им была Венеция, позднее центр переместился сначала в Геную, затем во Фландрию, в Антверпен, после этого в Англию, в Лондон, оттуда в XX столетии за океан в Нью-Йорк), второстепенные, но развитые общества, окраинную периферию. Торговые коммуникации связывают разные регионы и культуры в единое макроэкономическое пространство [Бродель 1986-1992].⁴

⁴ Здесь и далее для удобства читателей ссылки даются не на первоисточник, а на имеющиеся переводы на русский язык.

Впоследствии эти идеи были развиты в рамках мир-системного анализа И. Валлерстайном [Валлерстайн 2015-2016]. Главной единицей развития Валлерстайн избирает не «национальное государство», а социальную систему. Системы имеют определенную логику функционирования и развития. В первобытности – это дисперсные мини-системы охотников, рыболовов и ранних фермеров, основанные на отношениях взаимообмена. В доиндустриальный период – это мир-империи, которые существуют за счет дани и налогов с провинций и захваченных колоний. Это большие территориальные государства, иерархически организованные, контролирующие внутреннюю и внешнюю периферию. Они являлись центрами целых континентальных регионов и источниками военной, политической и культурной экспансии. Отличительный признак мир-империй – административная централизация, доминирование политики над экономикой. В качестве примеров мир-империй выступают Китай, Россия, Османская держава и т. д. Помимо мир-империй Валлерстайн, следуя Броделю, отмечает существование мир-экономик. Последние, в отличие от мир-империй, интегрировались посредством экономических связей, которые пронизывали политические границы стран. В мир-экономике ведущее место играет разделение труда и неравнозначный обмен между их разными частями.

Главное внимание И. Валлерстайн уделяет капиталистической мир-системе. Она сформировалась в Европе на протяжении так называемого «длинного XVI века» (1450-1650 гг.) на основе западноевропейской мир-экономики. Она состоит из: трех частей: (1) «ядра» (применительно к современной мир-системе это наиболее высококоразвитые страны Запада с развитым индустриальным/постиндустриальным производством и сильным государством); (2) «периферии» – страны и районы, специализирующиеся на добыче ресурсов, имеющие крестьянскую экономику и слабое государство (страны третьего мира); (3) «полупериферии» (страны модернизации «второй волны»; в XX в. страны социализма, в настоящее время страны БРИКС и т. п.). Капиталистическая мир-система существует за счет неэквивалентного разделения труда и эксплуатации между развитыми странами и остальным миром. Страны ядра заставляют периферию поставлять сырье по заниженным ценам, что способствует процветанию центра и обнищанию периферии.

В капиталистической мир-системе обязательно присутствуют страны-гегемоны, а также меняется наполнение «ядра» и «полупериферии». Таких гегемонов по Валлерстайну было всего три. Сначала в XVI в. им на короткий срок стала Голландия. В этот период формируется «ядро» капиталистической мир-системы, в которое кроме государства-гегемона вошли Англия и Северная Франция. Затем центр постепенно перемещается в Англию. Пик ее владычества приходится на XIX в. В это столетие фиксируется быстрый рост севера США, Пруссии, Швеции. К концу XIX в. складывается устойчивая конфигурация ядра, в которое входят Великобритания, США, Франция и Германия. В полупериферию входят страны Южной и Восточной Европы, Россия, Турция, Япония, некото-

рые страны Южной Америки (Чили, Мексика, Бразилия и др.). Периферией в это время являлись европейские колонии и полукolonии в Азии и Африки, большинство стран Латинской Америки. Между двумя мировыми войнами эстафета гегемона переходит к США, хотя этот вопрос уже выходит за рамки четырехтомника Валлерстайна, охватывавшего исторические события до 1914 г.

Англо-саксонцев пытались оспаривать несколько стран. В начале XIX в. это старался сделать Наполеон, который смог подчинить значительную часть континентальной Европы Французской империи. В первой половине XX в. бремя лидерства пытались оспорить немцы, но оба раза потерпели сокрушительные поражения в мировых войнах (во второй войне на их стороне были японцы). Валлерстайн отмечает, что англосаксы имели более гибкую мир-экономику и стратегическое преимущество в военно-морской мощи (к нему добавилось военно-воздушное доминирование). По всей видимости, здесь нужно учитывать совокупный демографический потенциал и ВВП конфликтующих сторон, поскольку это является едва ли не ключевым фактором глобального противостояния. К этому следовало бы добавить и так называемое «окраинное преимущество», о котором писал Р. Коллинз, а также обычно принижаемое англосаксонской наукой значение русских военных побед (1812, 1945 гг.). Завершение военной фазы всякий раз приводило к кардинальному переустройству мира – Венскому конгрессу 1815 г., Ялтинским соглашениям и созданию ООН после 1945 г. Здесь важно отметить, что ни голландцы, ни французы, ни немцы, ни японцы не стремились разрушить капиталистическую мир-систему. Они боролись только за доминирование внутри «ядра».

Совершенно иная ситуация сложилась после 1917 г. в отношении между странами Запада и Советским Союзом. Российская империя никогда не входила в состав «ядра» капиталистической мир-системы. Она относилась к странам «полупериферии». Советский Союз также не смог развить свою экономику, чтобы достичь «ядра». Но он сформировал совершенно иной политический режим, который отрицал частную собственность и капитализм и в значительной степени был его угрозой. Данное обстоятельство сразу же привело к попыткам свержения нового строя и иностранной интервенции, а после её провала к различным экономическим и прочим санкциям. Тем не менее, социалистическая система смогла устоять, а затем провести насильственную экономическую и культурную модернизацию, став примером для многих стран. После Второй мировой войны и крушения системы колониализма влияние СССР и его союзников было высоко как никогда. Советский Союз, даже оставаясь «полупериферией» в макроэкономическом плане, стал фактически второй «сверхдержавой». По количеству ядерных боеголовок к середине 1970-х гг. он догнал, а затем и перегнал США. Обратной стороной капиталистического окружения и проводимого курса стало формирование авторитарной политической системы, которая привела к Большому террору, а со временем постепенно сама стала тормозом для развития страны.

После распада Советского Союза глобальная мир-система вернулась к привычному разделению на «ядро» – «полупериферию» – «периферию». К этому времени произошли определенные изменения в составе «ядра». Туда, в частности, были включены помимо Британии и США остальные англо-саксонские страны, Франция, Германия, Италия, Япония и Южная Корея. Одновременно многие из стран «периферии» развились до уровня «полупериферии». Впрочем, принципы отнесения тех или иных стран к данным подгруппам еще предстоит корректировать. Одним из относительно последних веяний институциональной самоорганизации так называемой «полупериферии» стало создание БРИКС. Не за горами и его расширение.

Поскольку в западной историографии редко подвергается сомнению тезис о легитимности однополярного мироустройства, встает вопрос – насколько широко подобная форма разделения всемирной власти была распространена в различные периоды мировой истории. В этой связи необходимо отметить, что Европа длительное время находилась на периферии исторического развития. А.Г. Франк не согласен с мнением И. Валлерстайна, что именно Запад создал капитализм как систему и распространил ее на весь мир. Рыночная экономика возникла и существовала задолго до появления ее в Европе. Даже главные триггеры капитализма – порох, компас и печатный станок – были изобретены в Китае и гораздо раньше. В многочисленных публикациях Франк убедительно показал, что различные регионы были связаны друг с другом тесными экономическими связями задолго до «длинного XVI века». Он полагает, что мировая система («Мир-Система») всего одна, и возраст ее насчитывает не 500, а 5000 лет. Именно поэтому он использует данный термин в единственном числе и только с заглавной буквы. Изначально она зародилась на Ближнем Востоке и затем расширялась. По мере расширения менялся ее центр [Frank, Gills 1992; Gills, Frank 1992].

А.Г. Франк берет за точку отсчета момент возникновения самых первых цивилизаций. Он уделяет большое внимание выявлению связей между периодами роста – упадка мировых систем и экономическими циклами. Для доиндустриальной эпохи, вполне логично полагает он, характерный период этих циклов был более длинным, чем 50–60-летние циклы Кондратьева⁵ – от 200 до 500 лет (отметим, впрочем, что большинство других исследователей настаивает на неизменности характерного периода кондратьевских волн в доиндустриальную и индустриальную эпоху [см., например: Goldstein 1988; Modelski, Thompson 1996]). Франк и Джиллс берут за начальную точку бронзовый век и начинают отсчет с 3000 г. до н. э. С момента появления цивилизаций они выделяют четыре больших цикла: доклассический (1700–100/50 гг. до н. э.), классический (100/50 гг. до н. э. – 200–500 гг. н. э.), средневековый (200–500 – 1450/1500) и современный (с XVI в.). Внутри циклов выделяются фазы подъема (А) и спада (В), иногда цикл разбивается на два или несколько

⁵ Николай Дмитриевич Кондратьев (1892–1938) – выдающийся российский экономист, основоположник теории экономических циклов.

подциклов. Впоследствии различными исследователями циклы корректировались, уточнялись их хронология и фазовая динамика [подробнее см.: Beaujard 2010; 2018].

К рубежу христианской эры окончательно сложилась система торговых связей между Западом и Востоком, которую обычно называют не совсем точным термином Великий шелковый путь [Frankopan 2015]. Скорее, это совокупность разнообразных маршрутов, которая соединяла в единую цепь крупнейшие страны классической древности – Римскую империю, Парфянское и Кушанское царства, династию Хань в Китае. Фактически это была многополярная система, в которой наиболее сильные игроки контролировали отдельные части тогдашней Ойкумены. Торговые коммуникации распространялись также до континентальной Индии и её побережья, простирались по морю далее в Юго-Восточную Азию. Обмен имел значение для всех участников этого товарооборота. Римские модницы щеголяли в китайских шелках. Китайцы получили для своей армии знаменитых лошадей “с кровавым потом”. Кочевники хунны и сарматы зарабатывали на своих посреднических услугах и получали доступ к новым технологиям, престижным товарам и оружию. Помимо этого, торговые пути способствовали распространению религиозных воззрений, в особенности, буддизма и манихейства. Помимо положительных результатов, установление контактов между цивилизациями Старого Света имело и отрицательные последствия. Распространение во II–III вв. патогенов привело к эпидемическим заболеваниям, которые стали причиной резкого сокращения численности населения и упадка цивилизаций древности [Макнил 2021, с. 126–188].

Археологи уже давно используют для описания подобных процессов в древности термин глобализация [Jennings 2011; Kardulias 2014]. Существует много ярких археологических подтверждений контактов между Азией и Европой в указанное время. Так, в элитном кургане Ноин-Улинского могильника была обнаружена античная серебряная бляха с изображениями богини Артемиды и сатира [Полосьмак и др. 2011, с.111], а при раскопках другого хуннского могильника, Гол-Мод 2, нашли изящную чашечку из римского стекла [Erdenebaatar et al. 2011, p. 312]. В местечке Ваньяри в Италии было раскопано бедное погребение человека, который, как установили генетики, происходил по материнской линии из Восточной Азии [Prowse 2007]. На другом конце континента, в Восточной Монголии, в элитном погребении хуннского могильника Дурлиг Нарс было открыто богатое воинское захоронение, в котором лежал воин-европеоид родом с Апеннин [Kin et al. 2010]. Так или иначе, этот период точнее было бы обозначить более осторожным термином «хуннская про-тоглобализация».

С наступлением раннесредневекового цикла на арене мировой истории появились новые влиятельные игроки: на Дальнем Востоке – династия Тан, на Ближнем Востоке – халифат Аббасидов, в Малой Азии и Восточной Европе – Византия. Королевство франков стало первой державой регионального масштаба в Европе. Фактически цикл совпал с бес-

прецедентным распространением ислама – на запад в Северную Африку и Испанию, на север в Малую Азию и позднее, в следующем цикле, в половецкие степи, на восток и юго-восток в Среднюю Азию и Индию. Кочевники (тюрки и их наследники) продолжали контролировать транс-континентальную торговлю шелком и другими товарами. Объем торговых операций значительно превышал товарооборот древнего мира. Это существенно обогащало государства Средней Азии, местных кочевников, а также каганаты тюрков и уйгуров. В монгольских степях вырос огромный город – Карабалгасун, который мог быть перевалочной базой для торговцев различных стран. Учитывая возросший уровень коммуникации и взаимовлияния, а также масштабное расселение тюркоязычных народов в Евразии, этот период можно называть «тюркской квазиглобализацией».

Фаза упадка раннесредневекового цикла пришлась на закат Каролингов, Аббасидов, династии Тан, гибель уйгурского каганата. Это развязало руки народам Маньчжурии и сначала кидани (907-1125), а затем чжурчжэни (1115-1234) создали свои империи на границе с китайским миром. Это примерно совпало с фазой А следующего средневекового цикла. Поскольку в этот период «ядро» китайской мир-экономики сместилось к югу, это привело к смещению товарных потоков, которые кидани и чжурчжэни пытались перенаправить посредством вымогания богатых подарков у династии Сун. В срединной части Старого Света появляются новые сильные игроки – Сельджукский султанат и государство Хорезмшахов. Там же обеснуются выдавленные чжурчжэнями кидани (каракидани). На крайнем западе континента наступил «Ренессанс XII в.». Яростные попытки христиан вытеснить мусульман из Святой земли оказались безуспешными, однако резко возвысились торговые «города-экономики» – Генуя и Венеция. К XIII в. в северной части Индии образуется Делийский султан.

Все эти процессы венчает создание в 1206 г. Чингис-ханом Монгольской империи. Фактически монголы замкнули цепь международной торговли в единый комплекс сухопутных и морских путей. Впервые все крупные региональные ядра (Европа, исламский мир, Индия и Юго-Восточная Азия, сунский Китай, империя Чингис-хана и её наследники) оказались объединенными в *средневековую мир-систему*. В степи подобно фантастическим миражам возникли гигантские города – центры политической власти, транзитной торговли, многонациональной культуры и идеологии (Каракорум, Шанду, Сарай). С этого времени границы ойкумены значительно раздвинулись, политические и экономические изменения в одних частях света стали играть гораздо большую роль в истории других регионов мира [Abu-Lughod 1989]. Данный период целесообразно называть *монгольской глобализацией*.

Важнейшим компонентом этой мир-системы XIII века были торговые пути. Ж. Абу-Луход пишет, что главный вклад монголов в мировую историю заключается в том, что они создали среду, благоприятную для развития культурных и торговых обменов. В течение короткого времени это сломало барьер между странами и цивилизациями, открыло путь

мощным потокам товаров и идей [Abu-Lughod 1989, p. 154]. Первейшим условием развития международной торговли стала безопасность. Были созданы условия для беспрепятственного передвижения торговых караванов, постепенно сформировалась сеть караван-сараев и станций. Персидский средневековый историк Джувейни сообщает, что после 1206 г. на территории Монголии установился мир и порядок, вследствие чего дороги стали безопасными и это привело к активизации торговой деятельности [Juvaini 1997, p. 77].

Монгольские завоевания привели к серьезным геополитическим последствиям в Старом Свете [Biran 2004]. В восточной части исламского мира центр сместился от Багдада к Тебризу, в Средней Азии – от Баласагуна к Алмалыку, в Восточной Европе – от Киева к Сараю и затем к Москве, в Китае – от Кайфэна к Пекину. Позиции Москвы и Пекина в Евразии остаются центральными до сих пор. Монголы снова объединили весь Китай в единое государство, а их административное деление действует до сих пор. Более того, они заложили фундамент для создания китайской государственности маньчжурами в современных границах, включая Тибет, Синьцзян, Внутреннюю Монголию и Манчжурию. Сегодня китайская историография настойчиво подчеркивает многоэтничный символ юаньского общества как важнейший вклад в национальное строительство КНР. Для Японии победа над монгольским вторжением стала основой формирования имперской идеологии.

Монгольские завоевания способствовали началу масштабных миграционных процессов, новых культурных контактов, зарождению новых вкусов и моды, формированию космополитизма [Rossabi 2013; Biran et al. 2020]. Элементы китайской живописи и декоративного искусства вошли в среднеазиатское искусство так же, как среднеазиатская парча попала на Дальний Восток. В Китае в юаньское время элита стала активным потребителем пищи из баранины, а рис был оттеснен на второй план. Лапша попала в Италию и стала там национальным блюдом. Китайское блюдо, представлявшее мясной фарш в тесте, сваренный в кипящей воде (цзяо цзы), вошло во многие культуры и стало там национальным блюдом: ныне это равиоли в Италии, хинкали на Кавказе, пельмени в России, манты в Средней Азии, бузы (позы) у бурят и монголов.

Важно отметить, что средневековая мир-система была организована иначе, чем мир-система модерна. Вместо иерархического деления на доминирующее «ядро» и зависимую «периферию» здесь сосуществовали несколько региональных «ядер», которые устанавливали между собой отношения, как через конфликты и войны, так и через сотрудничество и торговлю [Abu-Lughod 1989, p. 341].

По иронии судьбы именно завоевания монголов способствовали последующему крушению средневековой мир-системы. Как уже было показано выше, глобализационные процессы, создавая предпосылки для уплотнения сетей экономических и социальной коммуникаций, параллельно увеличивают риски для распространения бактерий и

болезней. Возникший в Китае очаг бубонной чумы быстро распространился по Старому Свету. Период с 1350 по 1450 г. отмечается синхронным экономическим и демографическим кризисом во всех основных субцентрах Афро-евразийской мир-системы [Макнил 2021, с. 221–287].

Еще одним следствием будущих глобальных изменений стал беспрецедентный обмен технологиями между Западом и Востоком. Из Китая в Европу попала информация о взрывчатых веществах и примитивной артиллерии [Allsen 2002]. Это стимулировало развитие аналогичных разработок в европейских странах и со временем стало важным фактором доминирования европейцев в мировой истории. С XVII в. складывается новая, объединившая уже весь земной шар капиталистическая мир-система. Другое китайское изобретение – печатный станок, кардинальным образом изменило мировоззрение европейцев и в немалой степени способствовало формированию национальных языков и бурному развитию западной науки. С течением времени сформировалась евроцентристская парадигма всемирной истории, в которой Запад был показан как гегемон исторического прогресса, начиная с глубокой древности, тогда как другим регионам и цивилизациям была отведена роль исторических статистов. Данный взгляд на исторический процесс продолжает преобладать и по сей день, как в работах профессиональных исследователей, так и в образовательном процессе.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахиезер 1991 – *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1–3. – М., 1991.
- Бродель 1986–1992 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. 1–3. – М.: Прогресс, 1986, 1988, 1992.
- Валлерстайн 2015–2016 – *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Т. I–IV. – М.: Университет Дм. Пожарского, 2015–2016.
- Илюшечкин 1996 – *Илюшечкин В.П.* Теория стадийного развития общества. – М.: Наука, 1996. – 406 с.
- Макнил 2021 – *Макнил У.* Эпидемии и народы. – М.: Университет Дм. Пожарского, 2021. – С. 126–188.
- Полосьмак и др. 2011 – *Полосьмак Н.В., Богданов Е.С., Цэвээндорж Д.* Двадцатый Ноин-улинский курган. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. – 184 с.
- Уилкинсон 2001 – *Уилкинсон Д.* Центральная цивилизация // *Время мира.* Альманах. Вып 1. – Новосибирск, 2001. – С. 397–423.
- Abu-Lughod 1989 – *Abu-Lughod J.* Before European Hegemony: The World-System A.D. 1250–1350. New York: Oxford University Press, 1989. 443 p.
- Allsen 2002 – *Allsen T.* The Circulation of Military Technology in the Mongolian Empire // *Warfare in Inner Asian History (500–1800)*. Ed. by N. Di Cosmo. Leiden and Boston: 2002, p. 265–293.

Beaujard 2010 – *Beaujard P.* From Three Possible Iron-Age World-Systems to a Single Afro-Eurasian World-System // *Journal of World History*, 2010, Vol. 21, No 1, p. 1–43.

Beaujard 2018 – *Beaujard P.* The Birth of a Single Afro-Eurasian World-System (Second Century BC– Sixth Century CE) // *Trade before Civilization*. Ed. by K. Kristiansen et al. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, p. 242–250.

Biran 2004 – *Biran M.* The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire // *Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries*. Leiden: Brill, 2004, p. 354–355.

Biran et al. 2020 – *Along the Silk Roads in Mongol Eurasia: Generals, Merchants, Intellectuals*. Ed. by M. Biran, J. Brack, F. Fiaschetti. Oakland, Cal.: University of California Press, 2020. 335 p.

Buell et al 2000 – *Buell P.D., Anderson E., Perry Ch.* A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Szu-hui's. London and New York: Kegan Paul International, 2000. xiii + 715 p.

Erdenebaatar et. al 2011 – *Erdenebaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaatar S.* Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis // *Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia*. Ed. by U. Brosseder, B.K. Miller. Bonn, 2011, p. 312.

Frank, Gills 1002 – *Frank A. G., Gills B.* The Five Thousand Year World System: An Interdisciplinary Introduction // *Humboldt Journal of Social Relations*, 1992, Vol. 18, No. 1, p. 1–79.

Frankopan 2015 – *Frankopan P.* Silk Roads: A New History of World. London etc.: Bloomsbury, 2015, 656 p.

Gills, Frank 1992 – *Gills B., Frank A. G.* World System Cycles, Crises and Hegemonial Shifts 1700 BC to AD 1700 // *Review*, 1992, Vol. 15, No 4, p. 621–687.

Jennings 2011 – *Jennings J.* Globalizations and the Ancient World. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. 215 p.

Juvaini 1997 – *Genghis Khan. The History of the World-Conqueror* by 'Ala ad- Din 'Ata-Malik Juvaini / Tr. by J.A. Boyle. Manchester: Manchester University Press, 1997. 763 p.

Kardulias 2014 – *Kardulias N.* Archaeology and the Study of Globalization in the Past // *Journal of Globalization Studies*, 2014, Vol. 5, No. 1, p. 110–121.

Kim et al. 2010 – *Kim K., Brenner Ch.H., Mai V.H., et al.* A Western Eurasian Male is Found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia // *American Journal of Physical Anthropology*, 2010, Vol. 142, No 3, p. 429–440.

Prowse et al 2007 – *Prowse T.L., Schwarcz H.P., Garnsey P., et al.* Isotopic Evidence for Age-related Immigration to Imperial Rome // *American Journal of Physical Anthropology*, 2007, Vol. 132, p. 510–519.

Rossabi 2020 – *Eurasian Influence on Yuan China*. Ed. by M. Rossabi. Singapore: Institute of Southeast Asian Studies, 2013. 236 p.

REFERENCES

Abu-Lughod, J. (1989), *Before European Hegemony: The World-System A.D. 1250–1350*. New York: Oxford University Press.

Akhiezer, A.S. (1991), *Rossiya: kritika istoricheskogo opyta* [Russia: Criticism of Historical Experience], vol.1–3, Moscow, Russia.

Allsen, T. (2002), "The Circulation of Military Technology in the Mongolian Empire", *Warfare in Inner Asian History (500–1800)*, in N. Di Cosmo (ed.), Leiden and Boston, pp. 265–293.

Beaujard, P. (2010), "From Three Possible Iron-Age World-Systems to a Single Afro-Eurasian World-System", *Journal of World History*, vol. 21, no 1, pp. 1–43.

Beaujard, P. (2018), "The Birth of a Single Afro-Eurasian World-System (Second Century BC– Sixth Century CE)", *Trade before Civilization*, in K. Kristiansen (ed.), Cambridge University Press, pp. 242–250.

Biran, M. (2004), "The Mongol Transformation: From the Steppe to Eurasian Empire", *Eurasian Transformations, Tenth to Thirteenth Centuries*, Leiden: Brill, pp. 354–355.

Biran, M. (2020), *Along the Silk Roads in Mongol Eurasia: Generals, Merchants, Intellectuals*. Ed. by M. Biran, J. Brack, F. Fiaschetti, Oakland, Cal.: University of California Press.

Brodel', F. (1986–1992), *Material'naya tsivilizatsiya, ehkonomika i kapitalizm* [Material civilization, economics and capitalism], vol.1–3, Progress, Moscow, Russia.

Buell, P.D., Anderson, E. and Perry, Ch. (2000), *A Soup for the Qan: Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era as Seen in Hu Szu-hui's*, London and New York: Kegan Paul International.

Erdenebaatar, D., Iderkhangai, T.-O., Galbadrakh, B., Minzhiddorzh, E. and Orgilbaatar, S. (2011), "Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis", Xiongnu Archaeology: Multidisciplinary Perspectives of the First Steppe Empire in Inner Asia, Brosseder, U. and Miller B.K. (eds.), Bonn, p. 312.

Frank, A. G. and Gills, B. (1992), "The Five Thousand Year World System: An Interdisciplinary Introduction", *Humboldt Journal of Social Relations*, vol. 18, no. 1, pp. 1–79.

Frankopan, P. (2015), *Silk Roads: A New History of World*. London etc.: Bloomsbury.

Gills, B. and Frank, A. G. (1992), "World System Cycles, Crises and Hegemonial Shifts 1700 BC to AD 1700 ", *Review*, vol. 15, no 4, pp. 621–687.

Ilyushechkin, V.P. (1996), *Teoriya stadiinogo razvitiya obshchestva* [The theory of the staged development of society], Nauka, Moscow, Russia.

Jennings, J. (2011), *Globalizations and the Ancient World*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Juvaini (1997), *Genghis Khan. The History of the World-Conqueror by 'Ala ad- Din 'Ata-Malik Juvaini*, Tr. by J.A. Boyle, Manchester University Press, Manchester, UK.

Kardulias, N. (2014), "Archaeology and the Study of Globalization in the Past", *Journal of Globalization Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 110–121.

Kim, K., Brenner, Ch.H., Mai, V.H. et al (2010), "A Western Eurasian Male is Found in 2000-Year-Old Elite Xiongnu Cemetery in Northeast Mongolia", *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 142, no. 3, pp. 429–440.

McNeil, U. (2021), *Ehpidemii i narody* [Plague and peoples], Universitet Dm. Pozharskogo, Moscow, Russia, pp. 126–188.

Polos'mak, N.V., Bogdanov, E.S. and Tsehvehehndorzh, D. (2011), *Dvadtsatyi Noin-ulinskii kurgan* [Twentieth Noin-Ula kurgan], INFOLIO, Novosibirsk, Russia.

Prowse, T.L., Schwarcz, H.P., Garnsey, P. et al. (2007), "Isotopic Evidence for Age-related Immigration to Imperial Rome", *American Journal of Physical Anthropology*, vol. 132, pp. 510–519.

Rossabi, M. (2013), *Eurasian Influence on Yuan China*, in Rossabi, M. (ed.), Institute of Southeast Asian Studies, Singapore.

Wallerstain, I. (2015–2016), *Mir-sistema Moderna* [The Modern World-System], vol. I-IV, Universitet Dm. Pozharskogo, Moscow, Russia.

Wilkinson, D. (2001), "Central Civilization", in *Vremya mira. Al'manakh*, vol.1, Novosibirsk, pp.397–423.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Николаевич Крадин, академик РАН, профессор, доктор исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия; Пушкинская 89, Владивосток, 690001; *kradin@mail.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay N. Kradin, Professor, Doctor of Sciences in history, Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of History, Archaeology and Ethnology, Far- Eastern Branch of the RAS, Vladivostok, Russia; bld. 89, Pushkinskaya St., Vladivostok, Russia, 690001; *kradin@mail.ru*.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-30-61

Идеология евразийства: российский и казахстанский подходы (история и современность)

Константин П. Курьлев

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, kurylev-kp@rudn.ru
ORCID 0000-0003-3075-915X

Надежда Г. Смолик

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, smolik-ng@rudn.ru
ORCID 0000-0001-9166-2138

Дарья В. Станис

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Москва, Россия, stanis-dv@rudn.ru
ORCID 0000-0002-9824-0365

Аннотация. *Распад СССР, крушение системы социализма и освобождения отечественных социальных наук от догматов ушедшей эпохи привели к тому, что российские исследователи обратились к изучению западных политологических теорий. Вследствие чего сформировался своего рода феномен, выражавшийся в том, что в постсоветском научном дискурсе стали доминировать концептуальные представления западных авторов, а собственно отечественная социально-философская и политическая научная мысль была вытеснена на периферию. Однако в последние десятилетия наблюдается постепенное возвращение интереса к наследию российских дореволюционных мыслителей, а также представителей русской эмиграции, среди которых наибольший интерес представляют так называемые «самобытники», отстаивающие культурно-цивилизационную самобытность России. Их идеи оформились в концепции славянофильства, российского коммунизма и евразийства.*

Ключевые слова: *евразийство, неоевразийство, Евразия, Европа, Россия, Казахстан, геополитика, Евразийский союз, национальные интересы, ценности.*

Для цитирования: *Курьлев К.П., Смолик Н.Г., Станис Д.В. Идеология евразийства: российский и казахстанский подходы (история и современность) // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 31–63. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-30-61.*

The ideology of Eurasianism: Russian and Kazakh approaches (history and modernity)

Konstantin P. Kurylev

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russia, kurylev-kp@rudn.ru
ORCID 0000-0003-3075-915X

Nadezhda G. Smolik

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russia, smolik-ng@rudn.ru
ORCID 0000-0001-9166-2138

Daria V. Stanis

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
Moscow, Russia, stanis-dv@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-9824-0365

Abstract. *The collapse of the USSR, the collapse of the system of socialism and the liberation of domestic social sciences from the dogmas of a bygone era led to the fact that Russian researchers made a U-turn and turned to the study of Western political science theories. As a result, a kind of phenomenon was formed, expressed in the fact that the conceptual ideas of Western authors began to dominate in the post-Soviet scientific discourse, and the domestic socio-philosophical and political scientific thought itself was pushed to the periphery. However, in recent decades there has been a gradual return of interest in the legacy of Russian pre-revolutionary thinkers, as well as representatives of Russian emigration. Among them, the most interesting are the so-called “original artists” who defend the cultural and civilizational identity of Russia. Their ideas took shape in the concepts of Slavophilism, Russian communism and Eurasianism.*

Keywords: *Eurasianism, neo-Eurasianism, Eurasia, Europe, Russia, Kazakhstan, geopolitics, Eurasian Union, national interests, values.*

For citation: *Kurylev, K.P., Smolik, N.G. and Stanis, D.V. (2023), “Ideology of Eurasianism: Russian and Kazakh approaches (history and modernity)” // Eurasian Yearbook, no.1, pp. 31–63. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-30-61.*

Введение

Существует большое количество различных вариаций идеологии евразийства – от ее классической версии, которая была предложена отцами-основателями Н.С. Трубецким и П.Н. Савицким в 1920-х и 1930-х гг., до версии Л.Н. Гумилева в советские времена и неоевразийской идеологии, апологетом которой на современном этапе выступает А.Г. Дугин. Именно роспуск СССР катализировал искания новых форм евразийской идеологии, причем не только в Российской Федерации, но и в других государствах СНГ, например, в Республике Казахстан, где один из таких вариантов евразийства стал официальной доктриной государства, сформулированной первым президентом

Н.А. Назарбаевым, в рамках которой республика позиционирует себя в качестве перекрестка Востока и Запада, Европы и Азии, России и Востока. В статье рассматриваются российский и казахстанский подходы к пониманию идеи евразийства. Авторы последовательно останавливаются на анализе классического евразийства, демонстрируя имевшие место дискуссии в среде основателей идеологии по вопросу трактовки масштабов этого понятия. Показано, что в результате спора Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого в классическом евразийстве 1920–1930-х гг. приоритет был отдан более узкому пониманию Евразии, то есть России – Евразии. Авторами дается анализ современному дискурсу по вопросу идеологического обеспечения внешней политики России на базе евразийства. Отмечается, что способность данного термина жить на стыке разных измерений объясняет его популярность и взятие его на вооружение российскими властями. Отдельно рассматривается подход Казахстана к евразийской идеологии. Подчеркивается, что именно через Казахстан евразийство получило общекультурный смысл. Ведь на большом евразийском «поле» место есть для всех: и для Казахстана, для России и Китая, для Центральной Азии и Кавказа, для Японии и Кореи, для Индии и Пакистана, для Турции и Ирана, для Европы и всего Старого Света.

Классическое евразийство

Проблема поиска Россией своей роли и места в мировом историческом процессе, ее отношениях с Западом и Востоком до сих пор представляет собой предмет острых политических дискуссий как в нашей стране, так и за ее пределами. Сегодняшние сложные отношения России с Западом и провозглашенный российским руководством «разворот на Восток» вновь актуализировали данную проблематику в политическом и научном дискурсах. А ведь еще в конце XVIII – начале XIX вв. отечественные концептуалисты спорили о сущности русской цивилизации, о ее самобытности, исторической миссии, особом пути. Именно сквозь призму восприятия России в мире происходит идейное размежевание в стане русских мыслителей в первой половине XIX в., когда в России формировались общественно-политические движения славянофилов и западников. Учение славянофилов представляло собой закономерно вытекавший этап в развитии философского умонастроения, проявившегося в России в XVIII в., ставшего в XIX в. альтернативой распространению в обществе рационалистических идей французского Просвещения. Славянофилы доказывали право России на национальное своеобразие, западники же выступали за восприятие опыта и ценностей Европы. Целью славянофилов, таким образом, было подобраться к альтернативной, собственно русской, не романо-германской, оценке исторического пути развития российского государства.

Большое влияние идеи славянофилов оказали на взгляды русских евразийцев начала XX в. Сами евразийцы считали себя продолжателями идейной линии, которую отстаивали славянофилы [Ivanov 2008, р. 39]. Споры между ними и западниками, панславитские теории, со-

зданные Н.Я. Данилевским [Данилевский 2015] и К.Н. Леонтьевым [Леонтьев 1996], революционное движение начала XX в., а также труды по востоковедению сформировали интеллектуальный фон евразийства.

Но в отличие от славянофилов, носители идей евразийства смотрели не в прошлое, а в будущее, не идеализировали старину, но стремились выдвинуть проект творимой истории, не романтизировали крестьянскую общину и официальную триаду (самодержавие, православие, народность), а разрабатывали теории жесткой идеократической власти, основанной на активной циркуляции элит. Поэтому Евразийцев называли «славянофильскими футуристами» или «православными большевиками».

Евразийство представляет собой идейное и общественно-политическое течение, оформившееся в недрах представителей русской эмиграции первой волны, поэтому евразийскую идеологию можно охарактеризовать постреволюционной идеологией. Часть представителей интеллигентских кругов России, не принявших идей Октябрьской революции, были вынуждены эмигрировать. Эти люди, привыкшие к достатку, всеобщему уважению и почитанию, оказались там, в эмиграции, на «периферии» общества. Казалось, для них не было альтернативного пути кроме как раствориться в европейском обществе. Но подобный сценарий им казался неприемлемым, поэтому, находясь в эмиграции, и чувствуя себя недооцененными, представители русской эмиграции стремились осмыслить произошедшие в России события. Именно среди русских эмигрантов и возникло течение, участники которого называли свои взгляды «евразийством», – то есть представлением о мире, включающем взаимодействие как «европейских», так и «азиатских» элементов. Одними из первых евразийцы-эмигранты обратили внимание на сложносоставной характер цивилизации в Евразии, цивилизации, в которой соединились, взаимодействовали славянские и тюркские народы, христиане и мусульмане.

Начало евразийству было положено в Софии в 1920 г., когда увидела свет работа Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» [Трубецкой 2015].

Н.С. Трубецкий рассматривал соотношения различных культур и цивилизаций в истории человечества и категорически не соглашался с тем, что абсолютизируется романо-германская культура, отождествляемая с европейской. Он заявлял, что неправомерным является притязание культуры европейцев (романо-германцев) на то, чтобы именно их культура стала общечеловеческой, так как нет обоснованных объективных доказательств того, что эта культура лучше других. Н.С. Трубецкий критиковал стремление некоторых народов присоединиться к культуре европейцев. «Одним из самых тяжелых последствий европеизации является уничтожение национального единства, расчленение национального тела европеизированного народа» [Трубецкой 2015, с. 12]. Он также утверждал, что все проблемы России связаны с попытками европеизировать страну, с процессом, в который страна была втянута еще Петром I. «Умы верхов русского общества уже пропитались романо-германскими предрассудка-

ми... в стремлении к полной европеизации всех сторон русской жизни» [Трубецкой 2015, с. 15].

Своим произведением Н.С. Трубецкой «бросал вызов» другим представителям русской эмиграции и требовал поддержать его идеи или доказать, что он ошибается. А поскольку многие русские эмигранты не могли найти свое место в европейском обществе, то с энтузиазмом отнеслись к «брошенному вызову». И если труд Н.С. Трубецкого «Европа и человечество» стал своеобразным катехизисом новой российской философской мысли, получившей название «евразийство», то выход в Софии в 1921 г. сборника статей Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, Г.В. Флоровского и П.П. Сувчинского «Исход к Востоку» – закрепил духовное объединение сторонников евразийства [Исход к Востоку 2021].

Его авторами стали нескольких талантливых и хорошо образованных молодых людей из ранее влиятельных русских семей, которые после Октября 1917 г. потеряли семью, родину и перспективы карьерного роста. В своей работе авторы по отдельности и совместно выразили то, как они видят идею евразийства. «Русские люди и люди народов «Российского мира» не суть ни европейцы, ни азиаты. Сливаясь с родною и окружающею нас стихией культуры и жизни, Мы не стыдимся признать себя – евразийцами» [Исход к Востоку 2021, с. VII].

За социально-политическими потрясениями в России Н.С. Трубецкой и его сторонники разглядели болезнетворные процессы в русской и западноевропейской культуре. По словам А.А. Кизеветтера, «евразийство родилось из ощущений, навеянных великой европейской войной и водворением в России большевизма. С одной стороны, большевизм, был предан анафеме, именно как порождение европейской порочной мысли: коммунизм, социализм, материализм, атеизм, все это – квинтэссенция европейской культуры, обрушившаяся на Россию и губящая ее. Но, с другой стороны, евразийцы готовы благословить большевистский переворот как такой катаклизм, который повалил и вдребезги разбил весь предшествующий культурный уклад русской жизни, построенный на подражании европейским образцам. Отвергая большевизм во всех его основных положениях, евразийцы, тем не менее, находят для себя в большевизме ряд родственных мотивов постольку, поскольку большевизм ставит себе задачей ниспровергнуть предшествующую европейскую культуру [Кизеветтер 1993, с. 266]. Таким образом, коммунизм представлялся евразийцам как своего рода порождение европейской культуры, а на русской почве – как крайнее выражение западничества. «Его политическая победа лишь обнаруживала духовное убожество и предвещала неизбежный возврат эпохи веры. Спротивление коммунизму бесперспективно, если не будет осознана опасность процесса европеизации России и необходимость самобытного пути ее развития» [Трубецкой 1925, с. 10].

Однако Н.С. Трубецкой отмечал, что «евразийство сходится с большевизмом в отвержении не только тех или иных политических форм, но и всей той культуры, которая существовала в России непосредственно до революции и продолжает существовать в странах романо-германского Запада, и в требовании коренной перестройки всей этой

культуры. Евразийство сходится с большевизмом и в призыве к освобождению народов Азии и Африки, поработанных колониальными державами» [Философская энциклопедия 2010, с. 66–81]. Сказанное, «не значит, что евразийцам по пути с большевиками. Кн. Трубецкой подчеркивает их расхождение: большевики объявляют войну европейской культуре, как культуре буржуазной, а евразийцы – как культуре романо-германской; большевики хотят обезличить все народности в новой единообразной пролетарской культуре, тогда как евразийцы отстаивают сосуществование разнообразных национальных культур» [Кизеветтер 1993, с. 266].

Понятие «Евразия» рассматривалось основателями евразийства в трех измерениях. Первое – географическое: Евразия представляла собой срединную территорию (континентальную равнинную часть Европы и Азии) между Европой (странами Западной Европы) и Азией (Восточная Сибирь, Индия, Китай). Второе – этническое: на территории Евразии (то есть – России) сформировался особый культурно-цивилизационный тип человека – «русские – не европейцы и не азиаты, они – евразийцы». Наконец, третье измерение – экономическое: России необходимо развивать внутриконтинентальные экономические связи, исходя из ее географического расположения «моста» между Европой и Азией.

Как отмечал Н.С. Трубецкой, Евразия – это географическое, экономическое и историческое целое, судьбы народов которого напрямую зависят от «евразийского национализма» – основы государственности России-Евразии⁶.

Идеологические корни евразийства лежат в неприятии навязывания иной культуры и в понимании того, что Россия и Запад – культурно-цивилизационные противники. Необходимо привести слова русского историка и философа Н.Я. Данилевского: «Россия – весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению европейской цивилизации... С такой точки зрения становится понятным сочувствие и стремление [Запада] ко всему, что ведет к ослаблению русского начала... Всемирное господство одной системы государств, одного культурно-исторического типа вредны и опасны для прогрессивного хода истории» [Исход к Востоку 1921, с. 100, 611]. При этом глубинную угрозу этого Н.Я. Данилевский видел не столько в политическом срезе, сколько в негативном культурном влиянии: в итоге прозападно-мыслящие правители, выросшие на западных ценностях и принципах, проводят прозападный курс.

По теории Н.С. Трубецкого, «европейская культура не есть культура человечества. Это продукт истории определенной этнической группы. С развитием романо-германская цивилизация стала навязывать свои ценности остальным народам (культурам) силой и хитростью. В попытке создать общечеловеческую цивилизацию Запад тем самым осуществляет дело «богопротивное», приближая времена нового вавилонского столпотворения» [Трубецкой 2015, с. 6].

⁶ Трубецкой Н.С. Общевевразийский национализм. [Электронный ресурс] // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрения. URL:<http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns14> (дата обращения 04 июня 2023).

Н.С. Трубецкой доказывал, что европейская культура есть «зло», с которым необходимо бороться. Он объяснял это тем, что «европеизированный народ, то есть тот народ, который принял европейскую культуру за свою, за определенный момент времени создает меньшее количество культурных ценностей, нежели сам романо-германский народ. Тем самым романо-германцы приобретают абсолютный авторитет и престиж, потому что вновь созданные ценности необходимо также принимать европеизированному народу, что означает их вечную зависимость от настоящих романо-германцев» [Трубецкой 2015, с. 39].

Другой важный вывод Н.С. Трубецкого о разнице между Европой и Востоком. По его теории, Европа (=Запад) противопоставляется остальному человечеству как агрессивная, претендующая на уникальность и полноту моральной и физической власти, аномалия. «Человечество», как обратный Европе термин, отождествляется с «Востоком». В понятии Н.С. Трубецкого, человечество является объединенной категорией всех тех народов, культур и цивилизаций. Человечество должно осознать свое единство через отрицание тоталитарной модели современного Запада, объединив «цветущую сложность» народов и культур в единый лагерь антизападной планетарной освободительной борьбы [Дугин 2000, с. 632]. Эту «цветущую сложность» народов, то есть «нацию», князь называл евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством. Евразия в такой картине мира становилась оплотом и рычагом планетарной борьбы человечества против универсального планетарного романо-германского ига.

По мнению современного исследователя профессора Университета Дж. Вашингтона М. Ларюэль, «термин «Евразия» вошел в широкое употребление в основном из-за отсутствия более привлекательной альтернативы. Он удобным, хотя и довольно интуитивным образом обозначает историческое пространство России и ее «периферий». Термин несет в себе определенную презумпцию, поскольку предполагает хотя бы минимальное географическое, если не геополитическое единство между бывшими постсоветскими странами (или, по крайней мере, между некоторыми из них). Он также содержит фундаментальную терминологическую двусмысленность: обозначаемое им пространство можно воспринимать как и Европу, и Азию, а можно как и не Европу, и не Азию. Сначала «Евразия» являлась чисто географическим термином, обозначающим страны, расположенные на Евразийской тектонической плите, т. е. термин распространялся и на Европу, и на Азию. Даже в узком смысле «и не Европа, и не Азия, а пространство России и ее соседей», этот термин вызывает дебаты о том, какие страны являются евразийскими, а какие не являются» [Ларюэль 2015, с. 1].

Возвращаясь к Н.С. Трубецкому, отметим, что согласно его представлениям, «между народами Евразии постоянно существовали и легко устанавливаются отношения некоторого братания, предполагающие существование подсознательных притяжений и симпатий. Нужно, чтобы братство народов Евразии стало фактом сознания, и при этом суще-

ственным фактом. И нужно, чтобы это сознание своей принадлежности именно к евразийскому братству народов стало для каждого из этих народов сильнее и ярче, чем сознание его принадлежности к какой бы то ни было другой группе народов⁷.

Еще одним значительным представителем первого движения евразийцев, его душой, был П.Н. Савицкий, экономист и географ, автор крупных исследований в сфере экономической географии и геополитики. Он был создателем новой науки – кочевниковедения, основоположником евразийской версии русской геополитики. Им были созданы базовые для евразийства теории месторазвития, хозяйстводержавия, циклов экономической истории, циклов евразийской истории. В течение десяти лет именно П.Н. Савицкий занимался редактированием большинства евразийских изданий.

Главное открытие П.Н. Савицкого заключалось в дополнениях к идеям Н.С. Трубецкого о понимании России как отдельного «срединного материка», находящегося между Европой и Азией. Так, по его мнению, Россия-Евразия – это тот центр, тот каркас, который скрепляет устойчивую линию Восток-Запад. По его концепции Россия представляет собой особое цивилизационное образование. Она – не часть Европы или Азии. Она – особая, самостоятельная реальность – Россия – Евразия, не материк и не континент, а синтез мировой культуры и мировой истории, развёрнутый в пространстве и времени. Россия – это цивилизация, возникшая на основе синтеза арийско-славянской культуры, тюркского кочевничества и православной традиции. В русском человеке сочетаются и славянский и тюркский субстраты⁸. П.Н. Савицкий писал: «Устраните этот центр и все остальные его части, вся эта система материковых окраин (Европа, Передняя Азия, Иран, Индия, Китай, Япония) превращается как бы в рассыпанную храмину»⁹.

Данный тезис созвучен теории «Хартленда» Х. Маккиндера и делает Россию-Евразию центром мирового устройства. Вместе с тем Россия может нивелировать значимость своего положения для своего же собственного развития и в итоге – существования в случае отхода от самостоятельного, не ориентированного на Запад пути. Таким образом, чтобы не отойти на «задворки мирового хозяйства», Россия должна сделать активное развитие экономических отношений со своими ближайшими соседями приоритетом внешней политики [Ивашов 2015, с. 583]. Эти слова имеют особое значение в контексте формирования сегодня Евразийского экономического союза, оправдывая актуальность этого проекта.

⁷ Трубецкой Н.С. Общевразийский национализм. [Электронный ресурс] // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрения. URL:<http://gumilevica.kulichki.net/TNS/tns14.htm> (дата обращения 04 июня 2023).

⁸ Савицкий П.Н. Географические и геополитические основы евразийства [Электронный ресурс] // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрения. URL:<http://gumilevica.kulichki.net/SPN/spn05.htm> (дата обращения 04 июня 2023).

⁹ Там же.

Дискуссия Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого об узком и широком понимании Евразии

Дискуссии вокруг идей евразийства свидетельствуют, что существуют два понимания Евразии – узкое и широкое. В классическом евразийстве 1920–1930-х гг. приоритет был отдан более узкому пониманию Евразии, то есть России – Евразии [Савицкий 1921]. При этом, как известно, продолжало существовать и традиционное географическое представление о Евразии как о континенте Старого Света в целом. Два понимания Евразии сосуществуют в евразийском дискурсе до сегодняшнего дня. В данном контексте необходимо указать на одну примечательную дискуссию, которая имела место в 1920-х – начале 1930-х гг. между двумя отцами-основателями русского евразийства – Н.С. Трубецким и П.Н. Савицким. Разыскания, предпринятые в ГАРФ (фонд П.Н. Савицкого), позволили выявить неизвестные исследователям письма Н.С. Трубецкого. В частности, в письме П.Н. Савицкому от 19 декабря 1931 г. он касается весьма важного вопроса – о широте евразийства¹⁰. Публикация этого письма осуществлена в журнале РАН «Славяноведение» в 2009 г. [Селиверстов 2009, с. 40–54].

Обращаясь к П.Н. Савицкому, Н.С. Трубецкой уверен, что от евразийства требуется «расширение горизонта до планетарных масштабов», однако оно «по-прежнему смотрит на все со своей колокольни и не интересуется ничем, кроме России, ее судьбы и ее роли». По откровенному мнению Н.С. Трубецкого, «это – большая ошибка». Он буквально подчеркивает необходимость этого «внешнего» аспекта: «...Большим пробелом евразийской декларации является ее полное пренебрежение внеевразийским миром. Неизвестно, каким желало бы евразийство видеть этот мир... А, между тем, вопрос этот очень важен»¹¹.

Самое интересное в письме там, где Н.С. Трубецкой возвращается к началу 1920-х гг., в ту эпоху, когда они вместе с П.Н. Савицким закладывали вместе основы евразийства. Однако, как ни парадоксально, он обращает внимание не на то, что их сближало, а на то, что уже тогда, десять лет назад их разделяло. «Вспоминая ретроспективно свою эволюцию, – пишет Н.С. Трубецкой, – я прихожу к заключению, что в этом вопросе [т. е., в вопросе о широте и узости евразийства] всегда и заключался главный пункт наших с Вами расхождений. Я начал с «Европы и человечества», где о России почти не говорилось и на переднем плане была судьба всего человечества. На это Вы ответили «Европой и Евразией», где Вы старались отвлечь внимание от человечества и направить его на свои русские домашние дела. Я согласился временно ограничиться Россией. Теперь я признаю, что это – была ошибка».

Итак, дважды в одном письме Н.С. Трубецкой указывает, что сфокусированность евразийцев на проблемах России есть «ошибка», «большая ошибка». Он даже вспоминает, что статья-рецензия П.Н. Савицкого «Европа и Евразия» на его работу «Европа и человечество» действительно

¹⁰ Письмо Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому. 19 декабря 1931 г. // ГАРФ. Ф. 5783. Оп. 1. Д. 428. Л. 139 об.-141.

¹¹ Письма Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому // Славяноведение. 2009. № 4. С. 53.

была критическим отзывом. Он, наконец, вспоминает, что тогда, в начале 1920-х гг. – «я согласился», то есть, что П.Н. Савицкий прямо повлиял на него, буквально заставив скорректировать масштаб евразийского дискурса. Ретроспективный взгляд Н.С. Трубецкого на обстоятельства возникновения евразийства подтверждает, что само понятие «евразийский», «Евразия» приобрело у эмигрантов конкретно-российский смысл после того, как к евразийцам примкнул П.Н. Савицкий.

При этом Н.С. Трубецкой стремится как-то оправдаться. «Впрочем, если Вы помните, – пишет он П.Н. Савицкому, ~ я и в дальнейшем несколько раз пытался расширить нашу проблематику, вывести наше движение на широкий международный путь. Но этого уже нельзя было сделать. Да и кличка была уже создана, а с нею и географическое самоограничение». Последняя фраза касается именно локального понятия – «Россия-Евразия», которое и лоббировал среди евразийцев П.Н. Савицкий. Но чего, спустя десять лет, желает Н.С. Трубецкой? О каком «широком международном пути» евразийства он говорит? В декабрьском письме 1931 г. он радикально проясняет свою позицию и подчеркивает: «...я убежден, что мы гораздо больше достигли бы, если бы сразу включились в международный контекст». Более того, если бы именно это и произошло, то эмигранты-евразийцы могли бы способствовать формированию нового международного движения, евразийского по своей направленности¹².

Все это не укладывается в стандартные представления об узости евразийства по отношению к Европе. В 1931 г., на исходе первого десятилетия евразийского движения, Н.С. Трубецкой желает перевести евразийство на международный уровень. Притом он не хочет, чтобы евразийство было «обречено на провинциализм», он утверждает, что необходимо сформулировать такой некоммунистический «социально-политический идеал», который был бы приложим не только в России, но и в иных «пунктах земного шара». По существу, Н.С. Трубецкой выступает за создание «нового, международного «евразийства», которое он считает возможным трактовать как международное, интернациональное движение «на национальной основе»¹³. По сути, он продолжает свои же идеи начала 1920-х гг., когда им писались концептуальные работы по национальной проблематике. И тогда, и теперь для него и локальное, и глобальное евразийство – это явления, базирующиеся на национальной основе, это интернационализм, основанный на «истинном» национализме [Трубецкой 1921, с. 71–85].

Понимание эволюции взглядов Н.С. Трубецкого на протяжении 1920-х – начала 1930-х гг. позволяет ставить вопрос о тенденциях в евразийской мысли. Речь идет о существовании евразийской мысли различных цивилизационных, геополитических форматов: с одной стороны, о евразийстве собственно российского масштаба, а с другой стороны – более широкого, международного формата, с учетом и «внеевразийского» мира. Письмо Н.С. Трубецкого от 19 декабря 1931 г. свидетельствует о своеобразном дуализме в евразийстве, воз-

¹² Письма Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому // Славяноведение. 2009. № 4. С. 52.

¹³ Письма Н.С. Трубецкого П.Н. Савицкому // Славяноведение. 2009. № 4. С. 53.

никшем в результате дискуссии между международно-глобальными представлениями Н.С. Трубецкого и россие-ориентированными идеями П.Н. Савицкого. Но чья же идея была более перспективной? С учетом тенденций XX в. перспективы евразийства заключались не в сужении, а в расширении пространственного и содержательного круга евразийской проблематики. Однако международная тенденция в евразийстве в 1930-е гг. не получила развития. И только в конце XX – начале XXI вв. она постепенно пробивает себе дорогу.

Таким образом, именно исторический вызов, каковым для них была Октябрьская революция, побудила Н.С. Трубецкого и его единомышленников к тому, чтобы дать свой оригинальный ответ на большевизм. Примечательно, что при других обстоятельствах евразийцы никогда бы не начали заниматься этими идеями. Именно революцию в России они посчитали спонтанным проявлением русской оппозиции по отношению к попыткам вестернизации государства, а СССР восприняли как евразийскую империю, еще не осведомленную о своем предназначении.

В евразийстве, возникшем в среде русской эмиграции как пореволюционное идейное течение, распространившемся в 1920–1930-е гг. в Софии, Белграде, Париже, Брюсселе и других частях Европы, можно выделить на три этапа:

1. 1921–1925 гг. – характеризовался тем, что идеи евразийства были сосредоточены исключительно на проблематике культуры. Считалось, что только культура может определять политическую направленность. «Для евразийства самым важным являются именно изменения культуры, изменения ее политического строя и политических идей без изменения культуры евразийцы отмечают как несущественные и нецелесообразные» [Трубецкой 1925, с. 66–81]. В эти годы были опубликованы ключевые теоретические работы евразийцев.
2. 1926–1929 гг. – характеризовался изменением программы, сформулированной первыми евразийцами. Евразийство на данном этапе становится политическим и идеологическим. Значительную роль в отказе евразийцев от проблематики культуры сыграл Л. Карсавин, который стремился разработать свою евразийскую концепцию. Однако его идеи отвергали идеологи евразийства, что в итоге привело к разрушению школы евразийцев.
3. 1930-е гг. – период затухания евразийского движения. Функционировали только несколько независимых друг от друга групп в некоторых эмигрантских центрах. Период характеризовался кризисами, разногласиями и ссорами. Евразийские публикации появлялись крайне редко – издания «Евразийская хроника» появились в 1933 г. и 1937 г. Часть исследователей евразийства склонна не брать во внимание третий малозначительный период, сосредотачиваясь исключительно на десяти первых годах. После 1930-х гг. евразийство как организованное движение вообще перестало существовать.

Таким образом, в разработанном ими «концепте евразийства» в наиболее полном объеме был представлен вариант русской идеи, охватываю-

щий разные научные, религиозные, философские концепции, в центре которых – идея России как самобытной цивилизации, неевропейского феномена, обладающего в ряду культур мира уникальным соединением западных и восточных черт, а потому одновременно принадлежащего и Западу и Востоку, но в то же время не относясь ни к тому, ни к другому» [Философская энциклопедия 2010, с. 10].

Основы евразийства – это многополярность мира и антизападноцентризм; уникальность Евразии как особый цивилизации. Евразийцы были против доминирования Запада. Они призывали бороться с «кошмаром всеобщей европеизации», требовали «сбросить европейское иго». Они видели Европу и ее культуру как важнейшего врага и угрозу для России. Европейская культура – вот враг, которому нужно объявить борьбу во имя лучшего будущего России.

Евразийцы хотели создать альтернативную силу, настроенную против Европы, которая бы не являлась ни европейской, ни азиатской, а была особенной, «Евразийской». Они чувствовали и определяли себя, как «осознателей русского культурного своеобразия». И с большой настойчивостью и упорством подбирают и накапливают признаки и свидетельства этого своеобразия. Свообразие они открывают всюду, начиная от «месторазвития» и вплоть до религиозной области. С большим вниманием они изображают в подробностях «географические особенности России», подчеркивают своеобразия этнического состава, не забывая даже об особенностях расового коэффициента гемоагглютинации народов евразийского материка [Флоровский 1928, с. 260].

Неоевразийская концепция Л.Н. Гумилева

Отдельно в рамках настоящего исследования необходимо остановиться на подходах к евразийским идеям русского историка, географа, этнографа, основоположника неоевразийства Л.Н. Гумилева.

Идеи Л.Н. Гумилева очень разнообразны и достаточно широко известны, поэтому подробно останавливаться на них мы не будем. Важно лишь отметить, что в основе его представлений Евразия, не только континент, но и сформировавшийся в его центре суперэтнос. Ядро концепции в объективном характере единства этого суперэтноса, единства страны. По мнению Л.Н. Гумилева, именно великороссы представляют особый этнос, сложившийся под мощным воздействием пассионарного толчка, на основе тюркско-славянского слияния. Этот сплав этносов мог образоваться как симбиоз, порожденный специфическим сочетанием Леса и Степи. При постоянном взаимодействии «истории природы и истории людей»: Леса и Степи, где русичи выступали как представители Леса, который не только кормил, давал материал для сооружения жилищ и поселений, но и позволял укрыться от конницы неприятеля. Степь, которая кормила кочевников, давала место для огромной массы людей. Тесный союз Леса и Степи предопределил сущность цивилизации, культуры, стереотипов поведения великороссов [Гумилев 1992].

Можно сказать, что в гумилевских суждениях об «этногенезе» лежит евразийская концепция «месторазвития», предполагающая существование «географической личности»¹⁴.

Сам Л.Н. Гумилев не формулировал геополитических выводов на основании своей картины мира. Но полагал, что «объединенная Евразия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX в. мы отказались от этой здоровой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами – пытались всех сделать одинаковыми» [Гумилев 1992].

Его взгляды нашли широкое применение в современных геополитических конструктах и в целом их влияние на геополитическую мысль является сильным. Правда, при использовании гумилевских идей авторы зачастую выбирают удобные для себя тезисы, часто не являющиеся центральными у самого Л.Н. Гумилева, и даже с легкостью приписывают ему собственные идеи. Несомненно, это свидетельствует о сложившемся авторитете имени Л.Н. Гумилева и превращении его в идеологический «товар» [Аксенов 2006, с. 44].

«Новое евразийство» как идеологическая детерминанта внешней политики современной России

В XX в. была предпринята попытка начать выстраивать отношения между государствами на основе разумного баланса их национальных интересов и ценностей. При этом стал очевидным постулат: если сделать крен в сторону ценностей и пренебречь интересами, можно потерять выгоду, если поступить с точностью до наоборот, можно потерять уважение. А поскольку в международных отношениях важны и престиж, и коммерческая выгода, то государства, ведущие активную внешнюю политику, встали перед задачей выработки внешнеполитической стратегии, которая бы сбалансировала эти два фактора¹⁵.

Для России вопрос соотношения национальных интересов и ценностей является непреходящим. Верного соотношения между ними нашей стране редко когда в своей истории удавалось найти. На протяжении всего периода существования СССР национальные интересы были на периферии и затенялись интересами интернациональными. Конечно, это не означает, что руководство Советского Союза не понимало, игнорировало, и не защищало национальные интересы. Как раз, наоборот, уместно говорить о последовательной и порой жесткой борьбе за обеспечение национальных интересов Советского государства.

Исключения были. В частности, это период второй половины 1980-х гг., связанный с «перестройкой» в СССР. В это время на смену интернациональным интересам пришли интересы глобальные общечеловеческие, а интересы национальные вновь оказались на периферии. С точки

¹⁴ Дугин А.Г. Геополитика суши: Россия и евразийство. [Электронный ресурс] // «Катехон» URL: <http://katehon.com/ru/article/geopolitika-sushi-rossiya-i-evraziystvo> (дата обращения 04 июня 2023).

¹⁵ Иванов Е. Тезисы о важности идеологии в международных отношениях [Электронный ресурс] // «Катехон» URL: <http://katehon.com/ru/article/tezisy-o-vazhnosti-ideologii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 04.06.2023).

зрения поиска оптимального баланса между национальными интересами и ценностями не лучше выглядели и в 1990-е гг. Тогда у лидеров «новой» постсоветской России родилась идея так называемой «демократической солидарности», согласно которой все демократические страны имеют общие интересы – строительство демократического мира, а потому должны считаться с внешнеполитическими интересами друг друга. Видя в Западе опору реализации в России демократических процессов, новая российская власть ожидала от западных стран и помощи в проведении экономических реформ. Запад становился для российских демократов своего рода образцом для подражания. Они хотели вестернизировать Россию, ввести российское общество в «западную зону процветания», вернуть страну в «цивилизованную семью народов». Вследствие чего российская внешняя политика в 1990-х гг. носила в целом прозападный характер, наша страна шла в фарватере интересов Запада и обслуживала именно их в ущерб собственным интересам. Лишь начиная с 2000-х гг. была предпринята попытка проведения прагматичной внешней политики с опорой на собственные национальные интересы. Вопрос же их соотношения с ценностями на основе приемлемого баланса остается открытым по сей день.

Есть мнение, что России не следует выработать какую-либо собственную идеологическую концепцию, альтернативную западному глобализму. Но данная позиция в корне неверна, поскольку в условиях многополярного мира наша страна, очевидно, становится одним из региональных лидеров. Для того чтобы объединить страны, которые признают верховенство России, в сплочённый региональный конгломерат, а также преодолеть старые региональные конфликты и не допустить возникновения новых, нужна некая концепция, которая отодвинет межгосударственные противоречия внутри новоявленной интеграционной группировки. При этом в условиях выработки такой идеологии нужно учитывать культурное многообразие¹⁶.

Представляется, что одной из идеологических вариаций в развитии России могут служить идеи евразийства, приобщение к которым позволит нашей стране объединить государства, с опасением относящихся к попыткам коллективного Запада во главе с США насадить свою гегемонию. Ведь Россия всегда с уважением относилась к традициям других народов, никогда и никому не отказывала в своем самобытном развитии, что выгодно отличает её от других.

Как отмечает М. Ларюэль, «термином «Евразия» удобно обозначать геополитический принцип, в соответствии с которым России принадлежит центральная роль «локомотива» всего постсоветского мира, а также право контролировать стратегическую ориентацию своих соседей. Однако тем же термином можно обозначать и философский принцип, который провозглашает Россию «другой Европой». В данном случае «Евразия», прежде всего, является зеркальным отражением Европы и

¹⁶ Иванов Е. Тезисы о важности идеологии в международных отношениях [Электронный ресурс] // «Катехон» URL: <http://katehon.com/ru/article/tezisy-o-vazhnosti-ideologii-v-mezhdunarodnyh-otnosheniyah> (дата обращения 04 июня 2023).

Запада, неким ответом на то, что в России воспринимается как вызов самой русскости, и альтернативой тому, что в России видится как тупик идеологии либерализма и всей Западной цивилизации. Наконец, термин «Евразия» имеет и третье измерение: памяти, скорби и ностальгии. Посредством него российское общество может лучше понять свое имперское и советское прошлое. Оно помогает этому обществу примириться с утерянным прошлым и перевернуть исторические страницы, одновременно интегрируя эти страницы в исторический державный контекст» [Ларюэль 2015, с. 3–4].

Идеи евразийства уходят корнями в начало XX в., но и в настоящее время они имеют значительное количество последователей в силу того, что в целом они отражают геополитические реалии. Как отметил выдающийся советский историк Л.Н. Гумилев после распада СССР, «Если Россия будет спасена, то только как евразийская держава и только через евразийство»¹⁷. Евразийство соответствует многовекторной внешней политике, в рамках которой Россия, не отказываясь от сотрудничества с Европой и Америкой, выстраивает прочный диалог со странами СНГ, а также с другими мировыми центрами влияния – Китаем, Индией, Ираном.

В данном контексте стоит привести позицию в отношении евразийских перспектив России и ее роли в современном мире А.Г. Дугина. В «обрамление» России евразийским пространством он видит ключевую возможность для России как укрепить свой статус особой цивилизации, так и «собрать» все постсоветское пространство (пространство СНГ), поскольку фактически только Россия заинтересована в становлении этого региона как глобальной силы. Отношения России с США А.Г. Дугин рассматривает в классических геополитических категориях «теллуракратии» (то есть сухопутной державы или цивилизации Суши – России) и «талассократии» (морской державы или цивилизации Моря – США). Такой дуализм определяет неизбежное столкновение интересов двух сторон, исходя из их коренных, цивилизационных различий. Этот же подход определяет различное видение мирового устройства: по мнению А.Г. Дугина, любая цивилизация склонна к расширению, и столкновение их интересов обосновано тем, что прилегающие к ним стратегические зоны могут тяготеть как к цивилизации Суши, так и к цивилизации Моря [Дугин 2012, с. 57]. Запад, по его словам, отказывает России в существовании в качестве самостоятельной цивилизации, поэтому в качестве альтернативы однополярному миропорядку политолог видит Евразийский экономический союз [Дугин 2015, с. 75].

В контексте рассмотренной нами ранее дискуссии о широте евразийства Н.С. Трубецкого и П.Н. Савицкого, не менее интересно противопоставление взглядам непривечаемого российской академической средой А.Г. Дугина воззрений на евразийство В.Л. Цымбурского. В то время как первый обосновывает необходимость установления Россией контроля над

¹⁷ «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава» / Интервью Л.Н. Гумилева. 1992 г. [Электронный ресурс] // Gumilevica: гипотезы, теории, мировоззрения. URL: <http://gumilevica.kulichki.net/articles/Article28.htm> (дата обращения 04 июня 2023).

евразийским материком и воссоздания империи, второй развил идеи геополитической самодостаточности и внутреннего освоения России.

В.Л. Цымбурский, как отмечает Р. Вахитов, считал, что «евразийство было выражением геополитической конъюнктуры 1920–1930-х гг., когда Россия-СССР оказалась отделена от Запада полосой центрально- и восточноевропейских лимитрофов. В евразийской доктрине Цымбурского отталкивали тезис о духовном родстве России и Востока и восприятие продвижения в Центральную Азию как естественного органического вектора российской геополитической экспансии. Главное, что отталкивало Цымбурского в евразийстве... «имперскость», стремление к расширению российского государства за счет Казахстана, Центральной Азии, Украины, Белоруссии»¹⁸. Для В.Л. Цымбурского Россия не столько Евразия как ее понимали отцы-основатели евразийства, сколько «целостная геополитическая ниша русского этноса, лежащая к востоку от романо-германской этноцивилизационной платформы» [Цымбурский 2007, с. 7].

Евразийство во взглядах В.В. Путина

Евразийская идея востребована в современной России, достаточно широко представлена во взглядах руководства страны.

Еще на заре своей политической юности 10 октября 2000 г., недавно избранный президентом России Владимир Владимирович Путин, выступая в Университете им. Л. Гумилева в Астане, справедливо заметил, что «Инструктивный заряд, который несут в себе евразийские идеи, особенно важен сегодня, когда мы выстраиваем подлинно равноправные отношения между странами СНГ. И на этом пути нам важно сохранить все лучшее, что накоплено за многовековую историю цивилизации и Востока, и Запада... Я убежден, что присущие нашим народам духовность и чувство справедливости будут сопутствовать созданию цивилизованного Евразийского содружества»¹⁹.

Следует напомнить, что именно в ходе данного визита российского лидера в Казахстан был подписан Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и тем самым был дан старт новому этапу развития интеграционных процессов на пространстве СНГ. Президент отдал должное евразийским интеграционным инициативам президента Казахстана Н.А. Назарбаева, отметив, что «Нурсултан Абишевич Назарбаев – приверженец не только идеи, но и создания Евразийского союза государств. Я думаю, что это предложение не потеряло своей актуальности и сегодня... Документ о создании новой экономической организации, который мы подписали, это идея Президента Казахстана»²⁰.

¹⁸ Вахитов Р.Р. «Остров Россия» как евразийский минимум. [Электронный ресурс] // Журнальный клуб Интелрос «Самопознание» № 5, 2015. URL:<http://www.intelros.ru/readroom/samopoznanie/sa5-2015/28116-ostrov-rossiya-kak-evraziyskiy-minimum.html> (дата обращения 04 июня 2023).

¹⁹ Выступление на встрече с преподавателями и студентами Евразийского национального университета имени Льва Гумилева, 10 октября 2000 г., г. Астана [Электронный ресурс] // Кремль.ру URL:<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/21625> (дата обращения 04 июня 2023).

²⁰ Там же.

С учетом сказанного представляется, что глава российского государства вовсе неслучайно выбрал Казахстан и для того, чтобы сделать заявление по проблемам безопасности, сказав, что «Одна из важнейших общих задач – это укрепление безопасности наших государств. Сегодня мы не избавились от таких угроз, как терроризм, контрабанда наркотиков, контрабанда оружия, агрессивный национализм. Даже самое могущественное государство не в силах справиться с такими проблемами в одиночку. И наоборот, когда мы действуем солидарно и сплоченно, решению поддаются даже самые сложные проблемы. Важная роль здесь принадлежит Договору о коллективной безопасности, активными участниками которого являются и Россия, и Казахстан. Договор носит политический открытый характер, он не направлен на создание военного блока. В рамках этой системы коллективной безопасности мы стремимся решать проблемы мирными политическими средствами»²¹.

Еще в мае 2000 г. после Минской сессии начинается новый этап в развитии Договора о коллективной безопасности (ДКБ). Именно тогда проявились единая политическая позиция руководителей государств-участников ДКБ, стремление идти по пути наращивания военно-политической интеграции, общность подходов к обеспечению безопасности с учетом развития геополитической обстановки и практического опыта. Была оформлена структура консультативных органов Совета коллективной безопасности в составе Совета министров иностранных дел, Совета министров обороны и секретарей Советов безопасности в целях координации действий, в первую очередь в борьбе с международным терроризмом, принят ряд договорно-правовых документов, имеющих существенное значение именно для практического развития и функционирования системы коллективной безопасности. Все это создало условия к тому, чтобы 14 мая 2002 г. на Московском саммите стран-участниц ДКБ было принято решение о трансформации ДКБ в полноценную организацию – Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а 7 октября 2002 г. в Кишиневе подписаны Устав и Соглашение о правовом статусе ОДКБ, которые вступили в силу 18 сентября 2003 г. Тем самым оформляется единое военно-политическое объединение государств на евразийском пространстве.

То, что В.В. Путин еще в самом начале своего политического пути уже задумывался об особой роли России, видно и из его статьи «Россия: новые восточные перспективы», опубликованной 14 ноября 2000 г. в «Независимой газете». Статья была им подготовлена накануне визита в Бруней для участия в саммите АТЭС. Да, в статье нет слова «Евразия», Россия в ней названа не «евразийской», а «евроазиатской» страной, но это не меняет сути дела. В своей статье президент России точно указал на то, что «Россия всегда ощущала себя евроазиатской страной. Мы никогда не забывали о том, что основная часть российской территории находится в Азии. Правда, надо честно сказать, не всегда использовали это преимущество. Думаю, пришло время нам вместе со странами, вхо-

²¹ Там же.

дядими в АТР, переходить от слов к делу – наращивать экономические, политические и другие связи. Все возможности для этого в сегодняшней России есть. Ведь Россия – своеобразный интеграционный узел, связывающий Азию, Европу и Америку»²².

Продолжением евразийских интеграционных инициатив В.В. Путина можно считать и его попытку создания Единого экономического пространства (ЕЭП) России, Беларуси, Казахстана и Украины. Будучи с очередным визитом в Астане 9 января 2004 г. российский президент в очередной раз отметил заслуги Казахстана в деле развития евразийской интеграции, отметив, что «Мы активно работаем по созданию Единого экономического пространства четырех стран СНГ. Казахстан здесь вносит очень существенный вклад. Хотел бы это подчеркнуть – не только организационный, но и содержательно-интеллектуальный вклад. Казахстанские специалисты работают над этими документами очень активно, и их предложения, по сути, составляют ядро того, что предлагается в рамках Единого экономического пространства»²³.

23 февраля 2003 г. президенты России, Казахстана, Белоруссии и Украины заявили о намерении сформировать ЕЭП. 19 сентября того же года в Ялте президенты этих стран подписали Соглашение о намерении сформировать ЕЭП. А 15 сентября 2004 г. в Астане президенты стран «четвёрки» утвердили перечень документов, подлежащих согласованию и подписанию в первоочередном порядке. «Если удастся все, что написано на бумаге, вывести в плоскость практической реализации, думаю, что другие партнеры по СНГ будут проявлять внимание и будет шанс развивать эти интеграционные тенденции на новом, качественном уровне», – подчеркнул Владимир Путин²⁴. К сожалению, не удалось. Украина с самого начала проекта начала тормозить этот процесс. А случившаяся в стране «оранжевая революция» и приход к власти прозападного президента В.А. Ющенко положило конец участию Киева в ЕЭП, так как новые власти поставили во главу угла идею евроатлантической интеграции.

Все выше сказанное убедительно свидетельствует в пользу того, что евразийская проблематика активно осваивалась президентом России В.В. Путиным задолго до того, как она приняла сегодняшние свои очертания. Вместе с тем следует признать, что именно третий президентский срок В.В. Путина стал подлинным прорывом в деле культивирования евразийской идеи.

В октябре 2011 г. в статье «Новый интеграционный проект для Евразии», опубликованной газетой «Известия», В.В. Путин отметил, что реинтеграция постсоветского пространства вокруг России является естественной геополитической судьбой евразийских стран, а также о том, что

²² Путин В.В. Россия: новые восточные перспективы [Электронный ресурс] // Независимая газета, 14.11.2000 г. URL:http://www.ng.ru/world/2000-11-14/1_east_prospect.html (дата обращения 04 июня 2023).

²³ Заявление для прессы и ответы на вопросы журналистов на пресс-конференции по итогам российско-казахстанских переговоров 9 января 2004 г. [Электронный ресурс] // Кремль.ру URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22277> (дата обращения 04 июня 2023).

²⁴ Владимир Путин - Единое экономическое пространство России, Украины, Белоруссии и Казахстана открыто для других стран СНГ [Электронный ресурс] // РИА Новости URL:<https://ria.ru/economy/20030922/437509.html> (дата обращения 04 июня 2023).

«только вместе наши страны могут войти в число лидеров глобального роста и цивилизационного прогресса» [Путин 2011, с. 10–14]. В своей статье В.В. Путин, занимавший в то время пост премьер-министра России, указывал на перспективы более глубокой интеграции на евразийском пространстве и о необходимости совместной работы евразийских стран, в качестве моста между Европой и АТР; на выгодность как для самих стран будущего союза, так и для всех участников мирового рынка.

Важным в данном контексте является не только сама идея В.В. Путина о создании Евразийского союза, но и ее сопряжение с европейским интеграционным процессом. Российский лидер всегда по-особому относился к Европе. Очевидно, сказалось длительное пребывание там в ходе заграничных командировок в советский период. И в ходе первого своего президентского срока, и в ходе второго он с редким упорством пытался выстроить прочный мост взаимодействия между Россией и Евросоюзом. Еще в 2003 г. стороны договорились о формировании общего экономического пространства, координации правил экономической деятельности без создания наднациональных структур. В развитие этой идеи Россия предложила ЕС вместе подумать о создании гармоничного сообщества экономик от Лиссабона до Владивостока, о зоне свободной торговли, о формировании согласованной политики в сфере промышленности, технологий, энергетики, образования и науки, о снятии визовых барьеров.

И вот, готовясь в третий раз стать президентом России, он пишет в статье в 2011 г., что «Евразийский союз будет строиться на универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов. Теперь участником диалога с ЕС станет Таможенный, а в дальнейшем и Евразийский союз. Таким образом, вхождение в Евразийский союз, помимо прямых экономических выгод, позволит каждому из его участников быстрее и на более сильных позициях интегрироваться в Европу. Кроме того, экономически логичная и сбалансированная система партнерства Евразийского союза и ЕС способна создать реальные условия для изменения геополитической и геоэкономической конфигурации всего континента и имела бы несомненный позитивный глобальный эффект» [Путин 2011, с. 10–14].

Российский лидер понимал, чтобы «полноценно интегрироваться с Европой, нам нужно сначала самим стать полноценным субъектом, в первую очередь – экономическим. Отставая от Европы экономически, в союзе с ней мы обречены на дальнейшее истощение. Мы не можем экономически интегрироваться с Европой до тех пор, пока не нарастим свой экономический потенциал. А сделать это быстро получится только за счёт интеграции с теми пространствами, куда мы уже и так достаточно инвестировали человеческий и экономический капитал. Ибо, только воссоздав большое евразийское пространство, мы интегрируемся с Европой на равных»²⁵.

²⁵ Коровин В. Путин и евразийская идеология [Электронный ресурс] // Изборский клуб. URL: <https://izborsk-club.ru/2801> (дата обращения 04 июня 2023).

7 мая 2012 г., вступая в должность президента России в третий раз, В.В. Путин произнес инаугурационную речь, в которой можно без труда найти идеи евразийства: «историческая перспектива государства и нашей нации зависят сегодня именно от нас, от реальных успехов в создании новой экономики и современных стандартов жизни, от наших усилий по сбережению народа и поддержке российских семей, от нашей настойчивости в обустройстве огромных российских пространств от Балтики до Тихого океана, от нашей способности стать лидерами и центром притяжения всей Евразии»²⁶.

В октябре 2013 г., выступая на заседании Валдайского клуба, вернувшийся на пост президента России В.В. Путин указывал, что участие в проекте «Евразия» является шансом сохранить свою культурно-историческую идентичность, а также политическую субъектность. Как заявил российский лидер, «Европа ушла от своих христианских основ», религия стала вытесняться из общества. Это привело к тому, что стали искажаться семейные ценности и получать оправдания нетрадиционные виды отношений. Евразийские государства едины в убеждении, что это неверный путь развития: в российском обществе, а также в обществах других евразийских стран, сильна поддержка традиционных семейных ценностей, а также доверие государственным и религиозным лидерам. Согласно В.В. Путину, лишь сохраняя свою культурную самобытность, евразийские страны могут претендовать на то, чтобы стать «самостоятельным центром развития, а не периферией Европы и Азии»²⁷.

Вообще участие главы российского государства в Валдайском форуме в 2013 г. стало наиболее продуктивным с точки зрения его окончательного позиционирования себя как евразийца. «У нас накоплен уникальный опыт взаимовлияния, взаимообогащения, взаимного уважения различных культур. Эта поликультурность, полиэтничность живет в нашем историческом сознании, в нашем духе, в нашем историческом коде. На этом естественным образом тысячелетие строилась наша государственность. Россия всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скрепленная русским народом, русским языком, русской культурой, Русской православной церковью и другими традиционными религиями России. Именно из модели государства-цивилизации вытекают особенности нашего государственного устройства. Оно всегда стремилось гибко учитывать национальную, религиозную специфику тех или иных территорий, обеспечивая многообразие в единстве. Христианство, ислам, буддизм, иудаизм, другие религии – неотъемлемая часть идентичности и исторического наследия России в настоящей жизни ее граждан. Главная задача государства, закрепленная в Конституции, – обеспечение равных прав для представителей традиционных религий и атеистов, права на свободу совести для всех граждан страны»²⁸.

²⁶ Инаугурационная речь Владимира Путина (7 мая 2012 г. Москва, Кремль) [Электронный ресурс] // Кремль.ру URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/15224> (дата обращения 04 июня 2023).

²⁷ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 [Электронный ресурс] // Кремль.ру URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения 04 июня 2023).

²⁸ Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» 19.09.2013 [Электронный ресурс] // Кремль.ру URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/19243> (дата обращения 04 июня 2023).

Именно в таком цвете видится В.В. Путину Россия. Очевидно, что это евразийская Россия. Ведь «евразийство – есть высшая степень культурного и конфессионального плюрализма при сохранении политического имперско-государственного централизма, и это именно то, что всегда было определяющими факторами для Путина»²⁹.

Нельзя сказать, что представления российского лидера о евразийском будущем России сложились окончательно. Мы постоянно наблюдаем их совершенствование, что находит свое отражение во всё новых инициативах и планах.

Выступая в мае 2017 г. на заседании «круглого» стола форума «Один пояс – один путь», который прошел в Пекине, В.В. Путин заявил, что «около 50 государств Европы, Азии и Южной Америки проявляют интерес к сотрудничеству с Евразийским экономическим союзом. Мы говорим о так называемом большом евразийском партнерстве. Речь идет о налаживании многосторонней кооперации с участием стран Евразийского экономического союза, Шанхайской организацией сотрудничества и Ассоциации государств Юго-восточной Азии. Имеется в виду создать систему двусторонних и многосторонних соглашений по упрощению регулирования в различных сферах»³⁰.

8 ноября 2017 г. накануне саммита АТЭС во Вьетнаме официальный сайт президента России опубликовал статью В.В. Путина «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию». В ней российский президент писал: «хочу отдельно отметить нашу идею по созданию Большого евразийского партнерства. Предложили формировать его на базе Евразийского экономического союза и китайской инициативы «Один пояс – один путь». Подчеркну, это гибкий, современный проект, открытый для присоединения других участников. Основой эффективной интеграции призвано стать комплексное развитие инфраструктуры, в том числе транспортной, телекоммуникационной и энергетической. Мы настроены на реализацию двусторонних и многосторонних инфраструктурных проектов, которые свяжут наши экономики и рынки»³¹.

Евразийские инициативы Главы Российского государства по-своему интерпретируются на Западе. Как отмечают западные исследователи, ярлык «Евразия» российскому руководству удобно обозначать геополитический принцип, в соответствии с которым России принадлежит центральная роль «локомотива» всего постсоветского мира, а также право контролировать стратегическую ориентацию своих соседей. Однако тем же самым термином можно обозначать и философский принцип, который провозглашает Россию «другой Европой». По мнению М. Ларюэль, «экс-

²⁹ Коровин В. Путин и евразийская идеология [Электронный ресурс] // Изборский клуб. URL:<https://izborsk-club.ru/2801> (дата обращения 04 июня 2023).

³⁰ От Атлантики до Тихого океана: в чем выгода большого евразийского партнерства? [Электронный ресурс] // МИР 24. URL:<https://mir24.tv/news/16108552/ot-atlantiki-do-tihogo-okeana-v-chem-vygoda-bolshogo-evraziiskogo-partnerstva> (дата обращения 04 июня 2023).

³¹ Статья Владимира Путина «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию» [Электронный ресурс] // Кремль.ру URL:<http://kremlin.ru/events/president/news/56023> (дата обращения 04 июня 2023).

плуатируя евразийскую тематику, глава российского государства придал новый импульс существующей тенденции к реабилитации советского и, в меньшей степени, имперского прошлого России в надежде на то, что гордость россиян за свою страну и ее наследие выразится. Посредством этого российское общество может лучше понять свое имперское и советское прошлое. Оно помогает ему примириться с утерянным прошлым и перевернуть исторические страницы, одновременно интегрируя эти страницы в исторический державный контекст. Среди прочего евразийская идея играет роль и в укреплении российским президентом поддержки собственной власти» [Ларюэль 2015, с. 3–4].

В свою очередь А. Умланд отмечает, что «Путин и ему подобные относительно новоиспеченные евразийцы – это в основном представители старой советской номенклатуры. Этот круг людей мечтает о некой реставрации российской и/или советской империи... образца примерно 1989 г. Официально представленный супранациональным, но, по своей сути, руссоцентристский Евразийский союз стал бы более или менее последовательным продолжением старой России и восстановил бы, по крайней мере, частичную историческую и территориальную преемственность между РФ, СССР и царской империей – а в понимании некоторых русских историософов, даже Московским княжеством и Киевской Русью. Так как этот проект подразумевает восстановление существенного влияния, если не явного контроля Москвы над территориями за пределами России, то Путина и Ко. стоит классифицировать как империалистов»³².

Насколько справедливы подобные измышления. Полагаем, что на сегодняшний день Евразийский союз для В.В. Путина – это единственная возможность, сохранить целостность и идентичность России. Возможность сохраниться через восстановление большого пространства. Начав с экономической интеграции, российский лидер по сути запустил процесс восстановления геополитической субъектности России, что неразрывно связано с разрешением проблемы восстановления стратегического единства большого пространства Евразии, разрушенного в результате распада СССР. Иными словами, дело не в российском империализме, который пугает западных партнеров нашей страны, а в возможности ее выживания и развития, что является двумя ключевыми категориями понятия «национальный интерес».

От евразийства XX в. к евразийству XXI в.: фактор суверенного Казахстана

Коллапс СССР положил начало эпохе, востребовавшей поиск новых концептуальных и практических подходов к решению проблемы развития и сосуществования новых независимых государств на постсоветском пространстве. Особую актуальность обрела идея Л.Н. Гумилева о ком-

³² Умланд А. «Евразийские» проекты Путина и Дугина – сходства и различия [Электронный ресурс] // Researchgate https://www.researchgate.net/publication/255712118_Evrazijskie_proekty_Putina_i_Dugina_-_shodstva_i_razlicia_Ob_idejnyh_istokah_i_politiceskoj_rol_i_pravoekstremistskogo_intellektualizma_v_neoavtoritarnoj_Rossii (дата обращения 04 июня 2023).

плиментарности народов Евразии, выражающейся в безотчетной симпатии без попыток перестроить структуру партнера, принятии его таким, как он есть [Гумилев 2008, с. 470].

Очевидно, это природное качество наших народов не позволило разрушить единое историческое пространство в сложные и судьбоносные 1990-е гг.

Точкой отсчета идеи евразийского проекта в Казахстане принято считать выступление первого президента Республики Казахстан Нурсултана Абишевича Назарбаева 29 марта 1994 г. в стенах МГУ им. М.В. Ломоносова и анонсирование проекта «О формировании Евразийского союза» для представителей российского бизнеса, творческой интеллигенции и СМИ [Вахшитех, Лапенко, Мукашева 2022, с. 60–76]. Однако еще двумя месяцами ранее, 22 марта 1994 г., президент Казахстана выступил в Королевском институте международных отношений Chatham House (Лондон, Великобритания) с анализом тенденций развития постсоветской интеграции и обоснованием необходимости создания нового эффективного и реально работающего союза на основе интеграционного «ядра» с возможным названием «Евро-Азиатский союз» [Назарбаев, 1997, с. 26].

В октябре 1994 г. Н.А. Назарбаев, выступая в Академии социальных наук в Москве, подчеркнул, что он «хорошо знаком с идеями российских интеллектуалов, которые эмигрировали во время гражданской войны, с трудами Савицкого, Вернадского-младшего и других, с их размышлениями... Хорошо знаком и с последними трудами Гумилева». Поэтому, «если в моей идее, – отметил Глава государства, – ученые видят какую-то связь с теми [эмигрантами], кто за пределами России думал о ее судьбе, я не возражаю» [Назарбаев 2003, с. 144].

Высказывания Н. Назарбаева на тему евразийской интеграции повысило интерес к трудам классического евразийства. Особенно популярными в Казахстане тогда стали труды Льва Николаевича Гумилева. Выбор в пользу Л.Н. Гумилева объясняется тем, что формирование казахстанского евразийства совпадает по времени с поиском модели национального государства, осмыслением истории казахского народа и казахстанской государственности, а также обоснованием основ внешней политики Казахстана, основанной на многополярности [Вахшитех, Лапенко, Мукашева 2022, с. 60–76].

Свидетельством позитивной взаимосвязи евразийства XX и XXI вв. стало создание в 1996 г. в Астане Евразийского национального университета и присвоение ему имени известного ученого-евразийца Л.Н. Гумилева.

Следует отметить, что евразийство конца XX столетия имело в основном теоретический характер. В условиях становления новых независимых государств требовалось его практическое наполнение.

В своем выступлении перед профессорско-преподавательским составом МГУ им. М.В. Ломоносова 29 марта 1994 г. глава Казахстана подчеркнул, что «теперь, в условиях независимости, признавая равные права всех, уважая суверенитет и независимость каждого государства, можно было бы создать совершенно новое объединение». Существенно,

что при этом он подчеркнул: «Я бы его назвал Евразийский – не Евроазиатский! – союз». Также было отмечено – «никакой “старый Союз” этим самым не воссоздается. Никакая империя не наступает» [Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев 2000, с. 266–267]. Именно тогда в проекте «О формировании Евразийского союза государств» Н.А. Назарбаевым был инициирован новый этап в развитии евразийства как интеллектуальной концепции, как политического мировоззрения и интеграционной практики [Евразийство: от идеи к практике 2004].

Новизна современной евразийской идеи определяется следующими составляющими: во-первых, она была предложена лидером тюркоязычного и, преимущественно, мусульманского, государства на постсоветском пространстве; во-вторых, имеет региональный и международный формат; в-третьих, новое евразийство стало казахским, казахстанским евразийством; в-четвертых, переход на новый уровень взаимоотношений бывших советских республик в политической, экономической и культурной сферах.

Главное отличие нового евразийства, инициированного Казахстаном, от прежнего, «классического» эмигрантского, относящегося к 1920–1930-м гг., заключается в том, что Евразийство начала XXI в. развивается в принципиально иных условиях, когда на евразийском пространстве реально существует целый ряд независимых государств. В этом плане историческое значение евразийской доктрины Президента Казахстана состоит в том, что по сравнению с евразийством 1920–1930-х гг. он существенно расширил само «поле», дискурс евразийства. И это расширение произошло как в политическом, так и в интеллектуальном отношении. Новое евразийство неразрывно связано и с Казахстаном. Евразийство сегодня – широкий многосторонний диалог.

В начале нового века евразийское сообщество стран и народов уже не может удовлетворять прежняя формула «классического» евразийства – «Россия – Евразия». Сегодня Россия далеко не охватывает всего евразийского пространства. Сегодня независимая Республика Казахстан – это также Евразия.

Современное евразийство существенно расширило свой контекст. Казахстан стал активным субъектом, подлинным актором евразийства, равноправным и важнейшим участником международного евразийского диалога. И эта позитивная тенденция не ограничивается Казахстаном. Расширение евразийского диалога и партнерства привело к включению в контекст обсуждения евразийских проблем центральноазиатского и кавказского регионов. Своей инициативой Казахстан объективно открыл дорогу к евразийскому диалогу всем странам СНГ, а также другим сопредельным государствам.

Таким образом, и в теоретическом, и в практически-политическом плане современное евразийство достигло нового, постимперского уровня. Можно говорить о разработке евразийской доктрины и о расширении евразийского дискурса.

Новизна и уникальность евразийской доктрины, формулируемой Казахстаном, заключается в двух концептуальных подходах:

1. Будущее евразийства – в поиске оптимального сочетания национальных, региональных и глобальных аспектов. Это позволит стать ему сбалансированным форматом конструктивных взаимоотношений в Евразии.
2. Принцип активного взаимодействия с Европой на высоком межгосударственном и межрегиональном уровне, т. е. отход от антизападной составляющей. Практическим проявлением этого стало принятие Казахстаном в 2008 г. государственной программы «Путь в Европу».
3. Совершенно уникальную и по-настоящему «евразийскую» ситуацию создало то, что Казахстан не только председательствовал в европейской ОБСЕ (в 2010 г.), но и является организатором Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА) – азиатского аналога ОБСЕ. Такое европейско-азиатское внешнеполитическое позиционирование уникально. В отличие от Казахстана ни одна из стран Европейского Союза не может играть, хотя бы в силу своего географического положения, ведущей роли в азиатских «совещаниях». А Казахстан органично может действовать и на европейском, и на азиатском пространстве. Для суверенного Казахстана «путь в Европу» открыт в той же мере, как и «путь в Азию». Предложение главы Казахстана о трансформации СВМДА в Организацию по безопасности и развитию в Азии (ОБРА), озвученное на саммите этого форума в Шанхае в мае 2014 г., направлено на формирование действенного инструмента для мирного развития континента³³.

В XXI в. со всей очевидностью выявляются уровни евразийства (и это также отличает современное евразийство от «классического»): 1) национально-региональный уровень, который предполагает экономические интеграционные явления в ЕвразЭС на основе ядра Казахстана и России; 2) континентальный (европейско-азиатский) уровень, который проявляется через структуры ШОС, ОБСЕ, СВМДА и формулируется преимущественно вокруг проблем безопасности и сотрудничества; 3) глобальный уровень, где актуальны проблемы взаимодействия Запада и Востока, широкий цивилизационный, межрелигиозный диалог, а также вопросы преодоления глобальных кризисов. Примечательно, что на всех этих трех уровнях Республика Казахстан выдвигала и выдвигает свои актуальные инициативы.

В 2010 г. были проведены III саммит СВМДА в Стамбуле (июнь), где обсуждались проблемы не только азиатской безопасности, но и в целом евразийской, и Саммит ОБСЕ в Астане (декабрь), где обсуждались не только традиционные вопросы евробезопасности, но и рассматривалось евразийское измерение общей континентальной безопасности³⁴. В Астанинскую декларацию ОБСЕ впервые включено понятие «евразийская

³³ Назарбаев предложил создать в Азии аналог ОБСЕ. [Электронный ресурс.] // Диапазон. Главные новости Актюбе, Казахстана и мира URL:<http://www.diapazon.kz/kazakhstan/kaz-politics/60630-nazarbaev-predlozhit-sozdat-v-azii-analog-obse.html> (дата обращения 04 июня 2023).

³⁴ Выступление Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева на III Саммите СВМДА 8 июня 2010 г. [Электронный ресурс.] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан URL:https://www.akorda.kz/ru/speeches/external_political_affairs/ext_speeches_and_addresses/vystuplenie-prezidenta-respubliki-kazahstan-nursultana-nazarbaeva-na-yubileinoi-sessii-svmda (дата обращения 04 июня 2023).

безопасность». В частности, в ней говорится, что страны заявляют о своей приверженности идее «общего и неделимого евроатлантического и евразийского сообщества безопасности»³⁵. На заключительной пресс-конференции Н.А. Назарбаев отметил: «Саммит стал этапным событием не только для самой организации, но и для огромного геополитического пространства “от океана до океана”, для всего Евразийского континента»³⁶. И далее здесь прозвучала самая интересная мысль за весь Саммит. Начало этой мысли было вполне традиционное: «35 лет назад, когда в Хельсинки рождалась эта организация, Европа была разделена. Был разгар холодной войны. После разрушения берлинской стены и принятия парижской хартии Европа стала единой». А вот дальше последовала буквально революционная мысль (в положительном смысле), которую политики и эксперты будут повторять ещё много раз: «Я считаю, – сказал Президент Казахстана, – что вчера и сегодня был начат процесс демонтажа другой обветшалой стены, разделяющей Европу и Азию на две части единого материка»³⁷.

Расширение контекста безопасности от европейского к евразийскому – дальновидная инициатива, которая будет определять региональную, континентальную и мировую безопасность на многие десятилетия вперед. Евразийство приобрело характер не только локального казахстанско-российского взаимодействия (как многим экспертам казалось в середине 1990-х гг.), но и широкого геополитического и междивизиационного диалога и партнерства Востока и Запада. Как отметил историк Р.А. Медведев, все знают мнение Д.Р. Киплинга, что Восток и Запад «никогда не сойдутся», однако своим Евразийским проектом «Нурсултан Назарбаев оспаривает этот тезис как ошибочный» [Медведев 2008, с. 170].

Именно через Казахстан евразийство получило общеконтинентальный смысл. Ведь на большом евразийском «поле» место есть для всех: и для Казахстана, для России и Китая, для Центральной Азии и Кавказа, для Японии и Кореи, для Индии и Пакистана, для Турции и Ирана, для Европы и всего Старого Света. Инициативы Казахстана открывают путь к евразийству как для тюркоязычных стран, включая Турцию, так и для широкого мусульманского сообщества. Немаловажно, что евразийские идеи актуальны для Турецкой Республики, страны, которая (так же, как и Казахстан) исторически и перспективно воплощает в себе сочетание европейских и восточных тенденций. С другой стороны, разве Китай сегодня находится вне широкого евразийского диалога? Сам факт создания и укрепления ШОС свидетельствует о позитивном расширении евразийских взаимодействий на континенте. «Шанхайский дух» не противоречит «евразийской идее», но фундаментально укрепляет ее со стороны Востока. И в перспективе «Казахстан, являясь центром Евразии, – ука-

³⁵ Астанинская юбилейная декларация. На пути к сообществу безопасности [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОБСЕ. URL:<http://www.osce.org/ru/cio/74990> (дата обращения 04 июня 2023).

³⁶ Стенограмма пресс-конференции Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева [Электронный ресурс] // Международное информационное агентство Kazinform. URL:https://www.inform.kz/ru/astaninskaya-hartiya-stanet-prochnym-osnovaniem-dlya-dal-neyshego-razvitiya-obse-itogovaya-press-konferenciya-prezidenta-n-nazarbaeva_a2328583 (дата обращения 04 июня 2023).

³⁷ Там же.

зывает Глава государства, – будет играть роль экономического и культурного связующего звена между тремя быстро растущими регионами – Китаем, Россией и Мусульманским миром» [Назарбаев 1997, с. 25]. С другой стороны, расширение евразийского контекста логично ведет к активному участию в геополитике Евразии таких крупных азиатских стран, как Япония, Корея, Индия, без которых «евразийский концерт» будет не полным.

Евразийский взгляд позволяет рассмотреть народ Казахстана не как случайный набор этносов (сложившийся в результате стечения исторических обстоятельств XIX–XX вв., которые к тому же нередко трактуются как неблагоприятные), а с точки зрения евразийского комплиментарного культурно-цивилизационного взаимодействия, имеющего глубокие исторические предпосылки и широкую перспективу.

Таким образом, в процессе патриотической консолидации и укрепления национального единства народа Казахстана, наряду с приоритетной гражданско-политической консолидацией следует обратить внимание на культурноцивилизационный аспект, для чего нужно использовать потенциал евразийства.

Для этого есть все предпосылки. Ведь одним из главных результатов 30 лет государственной независимости является то, что, несмотря на прогнозы некоторых зарубежных экспертов, Казахстан не стал полем «столкновения цивилизаций». А, наоборот, являет всему миру органичный пример евразийского симбиоза Востока и Запада, Европы и Азии. Основная причина этого, бесспорно, в правильной, адекватной вызовам времени государственной политике, во внешнеполитической устойчивости Казахстана. Но в том, что Казахстан стал полем органичного культурно-цивилизационного единства и диалога (а не столкновения), есть и культурологические, цивилизационные причины. Их тоже необходимо выявлять, анализировать и использовать во внутренней политике, в общественно-политической жизни. Именно в этом заключен внутренний аспект евразийства.

Казахстан – крупное и авторитетное евразийское государство (во внешнеполитическом, международном отношении), но Казахстан и крупное евразийское государство во внутреннем культурно-цивилизационном, этническом, конфессиональном плане. Характерное для Казахстана толерантное единство тюрко-славянских этносов имеет, бесспорно, евразийский характер. Использование потенциала современной евразийской идеи во внутренней политике способствует не дезинтеграции, а, наоборот, дополнительной консолидации народа Казахстана, лучшему пониманию его своеобразия и осознанному укреплению национального единства, этнической толерантности и солидарности. По существу, модель евразийского мира уже реализована в Казахстане на практике, что и проявилось в феномене народа Казахстана.

Следует подчеркнуть, что еще в марте 1994 г. Н.А. Назарбаев разъяснил в Лондоне европейской аудитории цивилизационное и геополитическое своеобразие своей страны: «Казахстан – уникальное государство в Азии, в котором переплетаются европейские и азиатские корни. Предста-

вители разных народов составляют единство в многообразии. Сочетание разных культур и традиций позволяет нам впитывать лучшие достижения европейской и азиатской культур». Востока и Запада. Место Казахстана особенное – страна расположена в сердце Евразийского материка, волею судьбы занимая «срединное положение» между Россией и Китаем. Феномен нашей республики заключается и в том, что мы являемся одновременно членами и европейских, и азиатских региональных международных организаций... Несомненно, мы понимаем суть своего геополитического положения и, более того, готовы к тому, чтобы стать центром по укреплению безопасности» [Евразийский союз 1997, с. 27–28].

Вклад Л.Н. Гумилева в евразийскую идею был особенно оценен казахстанским народом. Не случайно один из крупнейших университетов Казахстана – Евразийский национальный университет в Астане – носит имя выдающегося мыслителя, тюрколога и истинного евразийца Л.Н. Гумилева. Евразийский национальный университет – это конкретное воплощение идей евразийства, университет будущего для подготовки высококвалифицированных кадров, специализирующихся в области государственного управления и международных отношений, юриспруденции, экономики, политологии, физики, математики, химии, филологии, истории и т. д.

Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева образован 23 мая 1996 г. Указом Президента Н.А. Назарбаева от 5 июля 2001 г. университету присвоен особый статус национального, «учитывая значительный вклад в формирование, развитие и профессиональное становление личности на основе национальных и общечеловеческих ценностей, достижений науки и техники».

ЕНУ стал своего рода «научной базой» для исследований Евразийской идеи Президента. С этой целью в университете был создан исследовательский институт «Евразия», действует музей-кабинет Л.Н. Гумилева, реализуются научно-исследовательские проекты и ведется научная работа.

Одной из важнейших форм сотрудничества стало открытие филиала Московского государственного университета при ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Наличие филиала данного играет большую роль в продвижении имиджа ЕНУ как вуза с международной репутацией. Более того, филиал оценивается как «путь к синхронизации и согласованности работы университетов» евразийского пространства. А это внесет свой непосредственный вклад в расширение масштабов межвузовского сотрудничества в странах СНГ и активизирует деятельность Евразийской ассоциации университетов, которая уже на протяжении почти 25 лет функционирует «с целью координации и организации совместной работы университетов в области совершенствования учебно-методической, научно-исследовательской и культурно-просветительской и общественной деятельности университетов Евроазиатского региона».

Таким образом, впервые в мировой истории государственный лидер такого масштаба официально призвал не только просто к признанию теоретической идеи евразийства, но и к ее конкретной реализации на меж-

государственном уровне. Евразийская теория была усилена за счет политической практики. Евразийская концепция, в свою очередь, стала более жизнеспособной и эффективной [Евразийские инициативы Н.А. Назарбаева 2014, с. 16].

По существу, в новых исторических условиях воплощается старая идея о континентальном хартленде. Однако, если в начале XX века это представление было связано недоступностью, статичностью и известной изолированностью внутриконтинентального пространства от мировых процессов, то сегодня, наоборот, тезис о «географической оси истории», об «осевом ареале» приобретает точный, адекватный смысл. Казахстан становится именно той динамичной цивилизационной и геополитической осью, вокруг которой начинают развиваться многие региональные и континентальные процессы.

В предшествующий период фигура Н.А. Назарбаева и его авторитет играли главную консолидирующую роль в сохранении евразийской интеграции как одного из главных приоритетов внешней политики Казахстана. Представление о Нурсултане Назарбаеве как «архитекторе» евразийской интеграции, ее главном инициаторе и активном стороннике преобладало среди зарубежных исследователей и до недавнего времени активно продвигалось на официальном уровне, в частности Библиотечкой Первого Президента Республики Казахстана-Елбасы. В казахстанской историографии также преобладала точка зрения, что Казахстан и его первый президент являются основоположниками и идейными вдохновителями созданного Евразийского экономического союза [Вахшитех, Лапенко, Мукашева 2022, с. 60–76].

Завершая наше исследование, отметим, что мы сегодня переживаем возрождение евразийства. Широкое применение евразийских идей в практической деятельности таких государств, как Россия и Казахстан, свидетельствует о том, что эти идеи представляют интерес и востребованы. Как видно, евразийство как идеология востребована на пространстве СНГ в государствах, которые ориентированы на сильную власть, но при этом лишены националистического субстрата. При этом развитие евразийских идей в России и Казахстане шло неодинаково. В России евразийство после перерыва возродилось как идеология оппозиции, и лишь впоследствии завоевала популярность у властей. При этом сегодня в Казахстане евразийство практически сразу стало государственной идеологией. Евразийская идея для Нур-Султана в настоящее время играет роль фактора региональной, а не глобальной, внешней, а не внутренней повестки. Поэтому вряд ли следует ожидать того, что в ближайшей перспективе Казахстан будет лидером евразийской интеграции, частью интеграционного ядра или локомотивом создания Большой Евразии. Очевидны различия и в целях, побуждающих Россию и Казахстан обращаться к евразийской идеологии. Для Астаны это стремление самостоятельно интегрироваться в мировое сообщество, перестраивая связи и наполняя свою независимость реальным содержанием. Москва же ставит перед собой более масштабные цели, связанные с укреплением собственного влияния за пределами российских национальных границ. Причем как в ближнем, так и дальнем окружении.

В противостоянии идеологии постмодерна атлантистского типа, когда утрачивается противопоставление между традицией и современностью, идет их уравнивание, наблюдается универсализация всего и вся.

ЛИТЕРАТУРА

Ivanov 2008 – *Ivanov V. Avrasyacilik: Rusya'nin Kimlik Arayisi. Kure Yayinlari, Istanbul, 2008.* [Иванов В. Евразийство: Россия в поисках идентичности. Кура Публикация, Стамбул, 2008].

Аксенов 2006 – *Аксенов К.Э. Идеи Л.Н. Гумилева и современная российская геополитика // Этнографическое обозрение, 2006. № 3.*

Вахшитех, Лапенко, Мукашева 2022 – *Вахшитех А., Лапенко М.В., Мукашева А. Генезис евразийской идеи и евразийской практики в Республике Казахстан // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 60—76.*

Гумилев 2008 – *Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. – М., 2008. – 848 с.*

Гумилев 1992 – *Гумилев Л.Н. От Руси к России: очерки этнической истории. – М., 1992.*

Данилевский 2015 – *Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 2015. – 768 с.*

Дугин 2015 – *Дугин А.Г. Война континентов. Современный мир в геополитической системе координат. – М.: Академический проект, 2015. – 359 с.*

Дугин 2012 – *Дугин А.Г. Многополярный мир и российская внешняя политика // Международная жизнь, 2012. № 9.*

Дугин 2000 – *Дугин А.Г. Основы геополитики. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000.*

Евразийские инициативы Н.А. Назарбаева 2014 – *Евразийские инициативы Н.А. Назарбаева: история, состояние и перспективы: научно-фондовый сборник / Под науч. ред. С.Т. Нураханова. – Астана, 2014. – 204 с.*

Евразийский союз 1997 – *Евразийский союз. Идеи, практика, перспективы. 1994–1997. – М., 1997.*

Евразийство: от идеи к практике 2004 – *Евразийство: от идеи к практике. Международная научно-практическая конференция, посвященная 10-летию Евразийской инициативы Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева. – Астана, 2004.*

Ивашов 2015 – *Ивашов Л.Г. Геополитика Русской цивилизации. – М.: Институт русской цивилизации, 2015 г. – 800 с.*

Исход к Востоку 1921 – *Исход к Востоку. – София, 1921.*

Кизеветтер 1993 – *Кизеветтер А.А. Евразийство. // Россия между Европой и Азией, Евразийский Соблазн. – М.: Наука, 1993.*

Ларюэль 2015 – *Ларюэль М. Евразия, евразийство, Евразийский Союз: Терминологические пробелы и совпадения. ПОНАРС Евразия. Аналитическая записка № 366, июль 2015 г.*

Леонтьев 1996 – *Леонтьев К.Н. Византизм и славянство. – М., 1996.*

Медведев 2008 – *Медведев Р.А. Нурсултан Назарбаев. Казахстанский прорыв и евразийский проект. – М., 2008.*

Назарбаев 1997 – *Назарбаев Н.А. Евразийский союз: идеи, проблемы, перспективы. Вопросы и ответы // Евразийский союз: идеи, практика, перспективы. 1994–1997. – М., 1997.*

Назарбаев 2003 – *Назарбаев Н.А. Казахстан – 2030: Процветание, безопасность и улучшение благосостояния всех казахстанцев // Стратегия независимости. – Алматы, 2003.*

Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев 2000 – *Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев*. Стратегия вечной дружбы. Казахстана – Россия. – М, 2000.

Путин 2011 – *Путин В.В.* Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика, 2011, № 10. С. 10–14.

Савицкий 1921 – *Савицкий П.Н.* Европа и Евразия (По поводу брошюры кн. Н.С. Трубецкого «Европа и человечество») // Русская мысль. 1921. № 1—2.

Селиверстов 2009 – *Селиверстов С.В.* Н.С. Трубецкой в евразийском дискурсе: начало 1930-х гг. // Славяноведение. 2009. № 4. с. 40–54.

Трубецкой 2015 – *Трубецкой Н.С.* Европа и Евразия. – М.: Алгоритм, 2015.

Трубецкой 1925 – *Трубецкой Н.С.* Мы и другие. // Евразийский временник. Книга IV. – Берлин, 1925.

Трубецкой 1921 – *Трубецкой Н.С.* Об истинном и ложном национализме // Исход к Востоку. – София, 1921. – С. 71–85.

Философская энциклопедия 2010 – *Философская энциклопедия*. Под ред. В.С. Степина. – М.: Мысль, 2010.

Флоровский 1928 – *Флоровский Г.В.* Евразийский соблазн. // Современные записки. – Париж, 1928.

Цымбурский 2007 – *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы: 1993–2006. – М., 2007.

REFERENCES

Ivanov, V. (2008), *Avrasyacilik: Rusya'nin Kimlik Arayisi*. Kure Yayinlari, Istanbul. [Eurasianism: Russia in search of identity. Kura Publication, Istanbul, 2008].

Aksenov, K.E. (2006), “L.N. Gumilev’s ideas and modern Russian geopolitics”, *Ethnographic review*, no. 3.

Vakhshitekh, A., Lapenko, M.V. and Mukasheva, A. (2022), “Genesis of the Eurasian idea and Eurasian practice in the Republic of Kazakhstan”, *Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: International Relations*, vol. 22, no. 1, pp. 60–76.

Gumilev, L.N. (2008), *Ancient Russia and the Great Steppe*, Eksmo, Moscow, Russia.

Gumilev, L.N. (1992), *From Russia to Russia: Essays on Ethnic History*, Moscow, Russia.

Danilevsky, N.Ya. (2015), *Russia and Europe*, De’libri, Moscow, Russia.

Dugin, A.G. (2015), *The War of the Continents. The modern world in the geopolitical coordinate system*, Academic Project, Moscow.

Dugin, A.G. (2012), “The multipolar world and Russian foreign policy”, *International Life*, no. 9.

Dugin, A.G. (2000), *Fundamentals of Geopolitics*, ARKTOGEOA-center, Moscow, Russia.

N.A. Nazarbayev’s Eurasian Initiatives: history, state and prospects: scientific and stock collection (2014), Under the scientific editorship of S.T. Nurakhanov, Astana.

The Eurasian Union (1997), *Ideas, practice, prospects. 1994–1997*. Moscow.

Eurasianism: from idea to practice (2004). International scientific and practical conference dedicated to the 10th anniversary of the Eurasian Initiative of the President of the Republic of Kazakhstan N.A. Nazarbayev. Astana.

Ivashov, L.G. (2015), *Russian Civilization Geopolitics*, Institute of Russian Civilization, Moscow, Russia.

Exodus to the East (1921). Sofia.

Kizevetter, A.A. (1993), *Eurasianism // Russia between Europe and Asia, Eurasian Temptation*, Nauka, Moscow, Russia.

Laruel, M. (2015), "Eurasia, Eurasianism, Eurasian Union: Terminological Gaps and Coincidences", *PONARS Eurasia. Analytical Note*, no. 366, July.

Leontiev, K.N. (1996), *Byzantium and Slavism*. Moscow, Russia.

Medvedev, R.A. (2008), *Nursultan Nazarbayev. Kazakhstan's Breakthrough and the Eurasian Project*, Moscow.

Nazarbayev, N.A. (1997), *The Eurasian Union: ideas, problems, prospects. Questions and answers*, in *Eurasian Union: ideas, practice, prospects. 1994–1997*, Moscow.

Nazarbayev, N.A. (2003). *Kazakhstan – 2030: Prosperity, security and improvement of well-being of all Kazakhstanis // Strategy of Independence*. Almaty.

President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev (2000). *The strategy of eternal friendship. Kazakhstan – Russia*. Moscow.

Putin, V.V. (2011), "A new integration project for Eurasia – the future that is being born today", *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, no. 10, pp. 10–14.

Savitsky, P.N. (1921), "Europe and Eurasia (About the brochure of N.S. Trubetskoy's book "Europe and Humanity")", *Russian Thought*, no. 1–2.

Seliverstov, S.V. (2009), "N.S. Trubetskoy in the Eurasian discourse: the beginning of the 1930s.", *Slavonic Studies*, no. 4, pp. 40–54.

Trubetskoy, N.S. (2015), *Europe and Eurasia, Algorithm*, Moscow, Russia.

Trubetskoy, N.S. (1925). "We and others", *The Eurasian Time Book*, book IV, Berlin.

Trubetskoy, N.S. (1921), "About true and false nationalism", *Exodus to the East*, Sofia, pp. 71–85.

Philosophical Encyclopedia (2010), in Stepin, V.S.(ed.), Mysl, Moscow.

Florovsky, G.V. (1928), "The Eurasian temptation", *Modern Notes*, Paris.

Tsybursky, V.L. (2007), *Ostrov Russia. Geopolitical and chronopolitical works: 1993–2006*, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Константин Петрович Курьлев, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы. Москва, Россия, 117198, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, kurylev-kp@rudn.ru.

Надежда Григорьевна Смолик, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений РУДН им. П. Лумумбы. Москва, Россия, 117198, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, smolik-ng@rudn.ru.

Дарья Владимировна Станис, кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления РУДН им. П. Лумумбы. Москва, Россия, 117198, ул. Миклухо-Маклая, 10/2, stanis-dv@rudn.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin P. Kurylev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, P. Lumumba RUDN, Moscow, Russia, 117198, Miklukho-Maklaya str., 10/2, kurylev-kp@rudn.ru.

Nadezhda G. Smolik, Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, P. Lumumba RUDN, Moscow, Russia, 117198, Miklukho-Maklaya str., 10/2, *smolik-ng@rudn.ru*.

Daria V. Stanis, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of the P. Lumumba RUDN, Moscow, Russia, 117198, Miklukho-Maklaya str., 10/2, *stanis-dv@rudn.ru*.

Большая Евразия в фокусе интересов и политики Китая в «новую эпоху»

Виктор Л. Ларин

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока

Дальневосточного отделения РАН

Владивосток, Россия, larin.vic@gmail.com

ORCID ID 0000-0002-2825-8391

Аннотация. В статье рассматриваются общие подходы китайского руководства к Евразийскому континенту в целом, место и роль его суб-регионов и отдельных стран в реализации стратегии развития Китая в последнее десятилетие. Автор выделяет азиатский, европейский и российский векторы в политике Пекина на континенте, отдельно рассматривает и сопоставляет его политические и экономические взаимоотношения со странами Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной, Центральной Азии и Ближнего Востока, а также восприятие их через призму обеспечения региональной и национальной безопасности. На основе анализа динамики и результатов торгово-экономических, финансовых и политических связей КНР с этими странами и регионами автор констатирует, что ни в политической философии, ни в прагматической политике Пекина Евразийский континент не был представлен как единое целое. Его отношения со странами и регионами континента были диверсифицированы в зависимости от различных политических, экономических и историко-культурных условий и факторов, жестко вписаны в глобальную стратегическую повестку, соответствовали оглашенным принципам внешней политики и подчинены интересам внутреннего развития страны. Реализация инициативы «Пояса и пути» не повлекла за собой ни кардинального укрепления политического влияния Китая в Евразии, ни значения континента в структуре Китайской экономики.

Ключевые слова: Китай, Большая Евразия, внешняя политика, экономические связи, инвестиции, безопасность.

Для цитирования: Ларин В.Л. Большая Евразия в фокусе интересов и политики Китая в «новую эпоху» // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 64–92. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-62-90.

Greater Eurasia in the focus of China's interests and policy in the “new era”

Viktor L. Larin

Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far
Eastern Branch, Russian Academy of Sciences
Vladivostok, Russia, larin.vic@gmail.com,
ORCID ID 0000-0000-0000-0000

Abstract. *The article examines the general approaches of Chinese leadership to the Eurasian continent as a whole, the place and role of its sub-regions and countries in the implementation of China's development strategy in the last decade. The author identifies the Asian, European and Russian vectors in Beijing's policy on the continent, separately examines and compares PRC political and economic relations with the countries of North East, South East, South, and Central Asia, and the Middle East, as well as their perception in Beijing through the prism of ensuring regional and national security. Based on the analysis of the dynamics and results of trade, economic, financial and political relations of the PRC with these countries and regions, the author states that neither in the political philosophy nor in the pragmatic policy of Beijing, the Eurasian continent was not presented as a whole. PRC relations with the Eurasian countries and regions were diversified depending on various political, economic, historical and cultural factors and conditions, rigidly inscribed in the global strategic agenda, corresponded to announced principles of foreign policy and were subordinated to the interests of China internal development. The implementation of the Belt and Road Initiative did not entail either a radical strengthening of China's political influence in Eurasia, or the importance of the continent in the structure of the Chinese economy.*

Key words: *China, Greater Eurasia, foreign policy, economic relation, investments, security.*

For citation: *Larin, V.L. (2023), “Greater Eurasia in the focus of China's interests and policy in the “new era”, Eurasian Yearbook, no.1, pp. 64–92. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-62-90.*

Введение

Тема переформатирования политического и экономического пространства Большой Евразии – огромного по территории и очень многообразного в экономическом, политическом и социально-культурном отношениях евразийского континента, становится все более актуальной. Причиной тому не только быстрое увеличение веса, значения, политической и экономической мощи его восточной части, прежде всего Китая, а также стремительно развивающихся стран Юго-Восточной и Южной Азии. Существенную роль в этих процессах играют акцентирование российской политики на восточном и южном направлениях, переустройство отношений внутри Южной Азии и арабского мира, хаотичные трансформации Европейского Союза и судорожные попытки Восточной Европы остаться в мейнстриме евразийской политики.

Но под каким углом зрения ни подбирались бы к теме исследователи, любые попытки выявить и описать современные тренды трансформации

политического и экономического ландшафта Евразийского континента приводят экспертов к мысли о критической роли в них Китая. В большинстве своем они опираются на географические ориентиры «инициативы Пояса и пути» (ИПП), под знаменем которой Пекин реализует свои многочисленные проекты в интересах развития китайской экономики, и ограничивают ареал ИПП пределами евразийского континента. Между тем даже в базовой версии инициативы обозначена «потребность Китая в расширении открытости внешнему миру», в укреплении «взаимовыгодного сотрудничества» не только со странами Азии и Европы, но и Африки»³⁸, что уже выводит ее за пределы Евразии. Ну а процесс реализации ИПП породил еще больше противоречивых оценок как ее содержания [Garlick 2020, pp. 13–19], так и географических рамок. Одни эксперты утверждают, что задачей «Пояса и пути» является решение внутренних экономических проблем Китая и она «была призвана отсрочить решающий момент, когда китайское производство должно будет перейти от модели с низкими издержками («сделано в Китае») к модели производства с добавленной стоимостью («создано Китаем»)» [Laguette 2018, pp. X–XI]. С точки зрения других, это сугубо «евро-центричный проект... нацеленный на создание новой комплексной коммуникационной повестки на евразийском стратегическом ландшафте» [Serafettin, Liu 2018, p. 253]. Третьи считают, что главной его целью является формирование «взаимосвязанности (互联互通) Евразии, Африки и окружающих морей», формирование системы «политических, инфраструктурных, финансовых и торговых связей» и «отношений между народами»³⁹, «соединение Восточной Азии, Центральной, Юго-Восточной, Южной Азии, Ближнего Востока и Восточной Африки в более координируемое экономическое пространство» [Maeyer, Xin 2020]. Выводы зависят от того, какие направления и аспекты политики Китая изучают исследователи, на какие источники опираются и как вообще относятся к Китаю. Если же обратиться к официальным документам, то на сайте «Пояса и пути» указывается, что на июнь 2023 г. Китай подписал «документы о сотрудничестве для совместного строительства «Пояса и пути» с 32 международными организациями и 152 государствами, среди которых десятки стран Африки, Океании, Центральной и Южной Америки.⁴⁰ Так что глобальный характер инициативы Си Цзиньпина вполне очевиден.

³⁸ Full Text: Vision and Actions on Jointly Building Belt and Road [Электронный ресурс] URL: <http://en.people.cn/n/2015/0329/c90883-8870719.html> (дата обращения 20 мая 2023).

³⁹ Li Xin. Jianding zhong-e jingmao hezuo gao zhiliang fazhan gongjian yaou jingji huoban guanxi [Ли Синь. Укреплять качественное развитие китайско-российского торгово-экономического сотрудничества и совместно строить азиатско-европейское экономическое партнерство]. Diqijie zhong-e jingji hezuo gaoceng zhiku luntan wenji [Материалы 7-го Форума высокого уровня по китайско-российскому экономическому сотрудничеству]. Haerbin: Heilongjiang shehui kexue yuan, 2023, p. 160-161 (кит. яз.). Политическое общение (政策沟通), инфраструктурная связанность (设施联通), беспрепятственная торговля (贸易畅通), движение капиталов (资金融通) и отношения между народами (民心相通) официально обозначены как пять основных целей и пути для укрепления сотрудничества стратегии «Один пояс и один путь». См.: Biaoazhun lintong “Yidai yilu” xingdong (2015—2017) [План действий по обеспечению связанности «Пояса и пути» (2015–2017)]. [Электронный ресурс] URL: https://www.ndrc.gov.cn/fzggw/jgsj/kfs/sjdt/201510/t20151022_1085956.html (дата обращения 25 июня 2023) (кит. яз.).

⁴⁰ Yi tong zhongguo qianding gongjian “yi dai yi lu” hezuo wenjian de guojia yilan [Справочник по странам, подписавшим документы о сотрудничестве с Китаем для совместного строительства «Пояса и пути»]. [Электронный ресурс] URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/77298.html> (дата обращения 5 июля 2023) (кит. яз.).

Но при любой трактовке географических границ ИПП, именно страны и регионы Евразийского континента являются ее ключевым звеном, платформой для реализации и получателем дивидендов. В то же время планетарный по своему весу и влиянию политический, экономический, демографический и цивилизационный потенциал Евразии, с одной стороны, и нынешние глобальные амбиции Пекина придают любым его действиям, направленным на преобразование Евразии, глобальное звучание. И если надо для этого изменить мировую систему – Китай готов взяться за это многотрудное дело. Как заявил один из главных творцов современной внешней политики КНР Ван И, «перед лицом общих вызовов для всего человечества» Китай готов «предоставить китайские решения»⁴¹. Все последние инициативы Си Цзиньпина (глобального развития, глобальной безопасности, глобальной цивилизации, обеспечения продовольственной безопасности и др.) [См.: Ларин 2023], как уже видно из самого их названия, имеют всемирное измерение. Евразия в них фигурирует лишь как одна из площадок реализации этих инициатив.

При этом немаловажно понять, что стоит за лозунгами, программами и проектами Пекина, предназначенными для Евразии в целом? Есть ли у него цельная программа переустройства континентального рынка и континентальной экономики в целом? Готов ли китайский бизнес вкладываться в развитие континентальных экономик и европейских рынков? Насколько оправданы надежды российских политиков на вовлечение Китая в проект создания «Большого Евразийского партнерства»?

Предварительный анализ показывает, что ни китайские руководители, ни научно-экспертное сообщество страны не воспринимают Евразийский континент как единое целое, а рассматривают его, прежде всего, через призму глобальных устремлений Пекина, квинтэссенцией которых является создание максимально благоприятных условий для решения внутренних задач. Общая цель была четко сформулирована на последнем партийном форуме: «строительство модернизированного социалистического государства и всестороннее продвижение процесса великого возрождения китайской нации»⁴², и под ее достижение подстраиваются все планы и программы руководства страны. Объявленные в марте 2023 г. на сессии высшего органа государственной власти – ВСНП – приоритеты социально-экономического развития КНР хотя и декларируют «расширение открытости», «активное расширение глобального партнерства», стремление к построению открытой мировой экономики, но нацелены преимущественно на «повышение качества» собственной экономики, расширение внутреннего рынка, эконо-

⁴¹ Wang Yi. Xionghuai tianxia, youngyi qianxing puxie zhongguo tese daguo waijiao xin huazhang. Zai guoji xingshi he zhongguo waijiao yantaohui shangde yanjiang 2022 nian12 yue 25 ri [Ван И. Думая о мире, смело идти вперед. Писать новую главу о дипломатии крупной страны с китайской спецификой. Выступление на Симпозиуме по международному положению и дипломатии Китая. 25 декабря 2022 г.] [Электронный ресурс] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1753149565316043735&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 25 января 2023) (кит. яз.).

⁴² Xi Jinping: Gaoju zhongguo tese shehuizhuyi weida qizhi wei quanmian jianshe shehuizhuyi xiandaihua guojia er tuanjie fendou – zai zhongguo gongchangdang di ershi ci quanguo daibiao dahui shangde baogao [Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на 20-м съезде Коммунистической партии Китая. 16 ноября 2022 г.] [Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения 20 января 2023) (кит. яз.).

мической и социальной стабильности, тогда как импорт и экспорт призваны играть в этом «поддерживающую роль».⁴³ Именно в этой проекции следует рассматривать все действия Китая на Евразийском континенте.

При этом само евразийское пространство в глазах китайской дипломатии сегментировано в рамках его собственной классификации государств, а также принципов, на основе которых Пекин строит двусторонние отношения. Как определил один из творцов современной внешней политики Китая, бывший министр иностранных дел КНР Ян Цзечи, «Китай по-разному будет выстраивать свои отношения с великими державами, сопредельными государствами и развивающимися странами».⁴⁴ Для каждой из них определен свой тип отношений. С «ведущими державами» налаживают «сбалансированное взаимодействие», со странами-соседями – «добрососедские отношения», с развивающимися государствами ставка делается на «солидарность и сотрудничество».

В этой конструкции, если ее рассматривать применительно к Евразии, безусловны переплетения. Россия – и великая держава, и сопредельное государство. Целый ряд стран (в частности, Индия, Монголия, республики Центральной Азии) для Китая одновременно и «сопредельные», и «развивающиеся», причем первая характеристика, как правило, важнее второй. Китайская дипломатия подходит к развитию отношений творчески, ставя во главу угла стратегические интересы Китая.

С функциональной точки зрения Евразия рассматривается под несколькими углами: национальной безопасности, социальной стабильности, экономического сотрудничества, цивилизационной совместимости. Доминанты определяют прагматическими интересами.

В статье не подвергаются специальному анализу результаты политики Китая в отношении отдельных регионов Евразии, его восприятие в этих регионах, реакция на его политику, так же как двусторонние отношения КНР со странами континента. Также за ее рамками остаются вопросы гуманитарной политики Пекина на континенте, нацеленной на как распространение достижения китайской культуры, китайского языка, так и на формирование у жителей Евразии адекватных представлений о современном Китае, его достижениях, интересах и путях их реализации, поднятие престижа страны в мировом общественном мнении. Это все самостоятельные сюжеты, которым можно посвятить не одно исследование. В данной статье представлены общие подходы китайского руководства к Евразийскому континенту в целом, к его регионам, а также ключевым государствам в трех ключевых измерениях: экономическом, политическом и обеспечения безопасности.

Ну и, наконец, требует особого пояснения понятие «новой эпохи», внесенное в название. В Китае «новая эпоха» отождествляется со строительством «социализма с китайской спецификой», которое, как официально заявлено, вступило в эту стадию после решений и выводов XVIII съезда КПК

⁴³ Li Keqiang zongli zuo zhengfu gongzuo baogao (wenzi zhaiyao) [Отчет премьер-министра Ли Кэцяна о работе правительства (краткое содержание текста)] [Электронный ресурс] URL: <http://www.gov.cn/zhuanti/20231hzfgzbg/index.htm> (дата обращения 6 мая 2023) (кит. яз.).

⁴⁴ Yang Jiechi. Yi Xi Jinping waijiao sixiang wei zhidao shenru tuijin xin shidai duiwai gongzuo [Ян Цзечи. Руководствуясь идеями Си Цзиньпина о дипломатии, активно продвигать дипломатическую деятельность в новую эпоху] [Электронный ресурс] URL: www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-08/01/c_1123209510.htm (дата обращения 6 мая 2023) (кит. яз.).

в ноябре 2012 г.⁴⁵ Однако «новая эпоха» наступила для Китая и во внешней политике. Ее проявлениями стали формирование идеологии глобальной роли и лидерства Китая, формулирование собственной повестки и концепции глобального развития, определение и продвижение китайских интересов в разных точках планеты и создание механизмов для этого (инициатива «Пояса и пути»)⁴⁶ и, наконец, глобальные инициативы Си Цзиньпина начала 2020-х годов, о которых уже было сказано выше.

Что есть для Китая Евразия

Китай не подвержен влиянию новомодных теорий регионализма и воспринимает Евразийский континент в традиционных для него цивилизационных и геополитических проекциях, видя его разделенным на отличные по многим параметрам сегменты/регионы. Но при этом именно этот мега-регион играет ключевую роль во всех планах китайского руководства по строительству «модернизированного социалистического государства» и решению других социально-экономических проблем. Он служит источником многих сырьевых продуктов, прежде всего энергетических (Ближний Восток, Россия), технологий и высокотехнологичной продукции (Европейский союз, Япония, Южная Корея), рынком сбыта товаров (Европа, Россия) и рабочей силы (Ближний Восток). На долю Большой Евразии сегодня приходится 70% внешнеторгового оборота страны: 4,24 из 6,05 трлн долл. в 2021 г. (таб. 1). При этом доля макрорегиона во внешней торговле КНР за последние 10 лет практически не изменилась, хотя вес собственно Азии несколько сократился (с 52,9 до 50,6%), а Европы – увеличился (с 17,7 до 19,5%).

Таблица 1

Торговля КНР с макрорегионами мира (млрд долл.)

	2012	Доля от мира (%)	2021	Доля от мира (%)	Прирост	
					Объем	%
Мир	3 867,1	100	6 051,5	100	2 184,4	56,5
Азия	2 045,1	52,9	3 060,7	50,6	1 015,6	49,7
Европа	683,1	17,7	1 178	19,5	494,9	72,5
Евразия	2 728,2	70,8	4 239, 6	70,1	1 511,4	55,4
Африка	198,6	5,1	254,3	4,2	55,7	28,1
Латинская Америка	261,3	6,8	451,6	7,5	190,3	72,8
Северная Америка	536,3	13,9	837,9	13,8	301,6	56,2
Океания	136,5	3,5	266,0	4,4	129,5	94,9

Составлено по: Zhongguo tongji nianjian, 2014 [Статистический ежегодник Китая, 2014] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2014/indexch.htm> (дата обращения: 21 декабря 2022) (кит. яз.); 2021 nian 12 yue jinchukou shangpin guobie (diqu) zongzhibiao (meiyuan zhi) [Таблица общей стоимости импортных и экспортных товаров по странам (регионам) за декабрь 2021 года (в долларовом выражении)] [Электронный ресурс] URL: <http://www.cceccc.org/320188170.html> (дата обращения 21 декабря 2022) (кит. яз.).

⁴⁵ Xi Jinping. Juesheng quanmian jiancheng xiaokang shehui duoqu xin shidai zhongguo tese shehuizhuyi weida shengli. Zai zhongguo gongchandang di shijiu ci quanguo daibiao dahuishang de baogao (2017 nian 10 yue 18 ri) [Си Цзиньпин. Решительная победа во всестороннем построении среднезажиточного общества и социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Доклад на 19-м Всекитайском съезде Коммунистической партии Китая. 18 ноября 2017 г.] [Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения 15 мая 2023) (кит. яз.).

⁴⁶ Подробнее см.: [Ларин 2022].

По формальным показателям Евразия играет важную роль в плане внешнего финансирования китайской экономики. По официальной статистике из Азии поступает львиная доля иностранных инвестиций. В 2021 г. 84,9% освоенных в на территории материкового Китая ПИИ пришли из Азии, 3,9% – из Европы, а остальной мир дал 11,2%.⁴⁷ Однако надо учитывать, что в «азиатских инвестициях» почти три четверти поступает через Гонконг (72,8% от общего объема освоенных ПИИ в 2021 г.), так что подлинное происхождение этих денег проверить нелегко.⁴⁸

Значительная доля зарубежных капиталовложений КНР также концентрируется на Евразийском континенте. В 2021 г. 71,6% всех прямых инвестиций КНР ушли в Азию (в том числе 56,6% – в Гонконг)⁴⁹ и 6,1% – в Европу (таб. 2). Но даже без учета Гонконга на Евразийском континенте сегодня сосредоточено почти 30% инвестиций и 70% китайских предприятий, вынесенных за пределы материкового Китая.⁵⁰

Таблица 2

Накопленные прямые инвестиции КНР за рубежом (млн долл.)

	2012	Доля от мира (%)	2021	Доля от мира (%)	Прирост	
					Объем	раз
Мир	531 940,6		2 785 149,7		2 253 209,1	4,2
мир без Гонконга	225 568,1	100	1 235 492,1	100	1 009 924,0	5,5
Азия без Гонконга	58 034,6	25,7	222 357,6	18,0	164 323,0	3,8
Европа	32 086,6	14,2	121 150,3	9,8	89 063,7	3,8
Россия	4 888,5	2,2	10 644,1	0,9	5 756,6	2,2
Евразия	95 009,7	42,1	354 152,0	28,7	259 142,3	3,7
Африка	21 729,7	9,6	44 186,2	3,6	22 456,5	2,0
Латинская Америка	68 211,6	30,2	693 740,2	56,2	625 528,6	10,2
Северная Америка	25 503,0	11,3	100 225,8	8,1	74 722,8	3,9
Океания	15 114,1	6,7	40 188,0	3,3	25 073,9	2,7

Составлено по: 2012 nian zhongguo waizi tongji gongbao [Статистический отчет о китайских зарубежных прямых инвестициях в 2012 г.]. Beijing: Zhongguo tongji chubanshe, 2013, p. 117–121; 2021 nian zhongguo duiwai zhijie touzi tongji gongbao [Статистический отчет о прямых зарубежных инвестициях Китая в 2021 г.]. Beijing: Zhongguo shangwu chubanshe, 2022, p. 150–155 (кит. яз.).

⁴⁷ Zhongguo waizi tongji gongbao 2022 [Статистический отчет о зарубежных инвестициях в Китае за 2022 г.]. Beijing: Zhonghua renmin gongheguo shangwubu, 2023. 128 p. (кит. яз.).

⁴⁸ Среди зарубежных инвесторов в Гонконге преобладают офшоры (почти 43% объема в 2021 г.), материковый Китай (25,1%) и Великобритания (8,9%), так что реально собственно азиатских денег в них не так много [Xianggang jingmao gaikuang [Торгово-экономический обзор Гонконга] [Электронный ресурс] URL: <https://research.hktdc.com/sc/article/MzlwNjkzNTY5> (дата обращения 12 января 2023) (кит. яз.)].

⁴⁹ Дальнейшая судьба китайских денег в Гонконге требует специального исследования. Очевидно, что часть из них реинвестируется в материковый Китай, часть уходит в офшоры, меньшая часть вкладывается в главных партнеров гонконгского бизнеса – Сингапур, Великобританию, Австралию, США. На конец 2021 г. в общем объеме накопленных прямых гонконгских инвестиций за рубежом 57,4% приходилось на материковый Китай, 27% на офшоры, 2,6% на Сингапур и 13% - на остальной мир [См.: 2021 nian xianggang duiwai zhijie touzi tongji [Статистика внешних прямых инвестиций Гонконга за 2021 г.]. Xianggang: Zhengfu tongjichu, 2022, p. 42 (кит. яз.)]. При этом китайская и гонконгская статистика о накопленных прямых инвестициях из КНР в Гонконге отличается в 3 раза: гонконгская сообщает о 540 млрд долл. США [2021 nian xianggang... p. 42], тогда как Пекин дает цифру в 1,55 млрд долл. [2021 nian zhongguo duiwai zhijie touzi tongji gongbao [Статистический отчет о прямых зарубежных инвестициях Китая в 2021 г.]. Beijing: Zhongguo shangwu chubanshe, 2022, p. 151 (кит. яз.)].

⁵⁰ 2021 nian zhongguo duiwai zhijie touzi tongji gongbao [Статистический отчет о прямых зарубежных инвестициях Китая в 2021 г.]. Beijing: Zhongguo shangwu chubanshe, 2022, p. 017-018 (кит. яз.).

Именно на этом континенте Китай проявляет наибольшую экономическую, политическую, дипломатическую и гуманитарную активность, реализуя в том числе наиболее известную из философских по сути, но прагматичных по содержанию модернизационных начинаний Пекина – инициативу «Пояса и пути».

Однако ни в политической философии, ни в прагматической политике Пекина Евразийский континент не представлен как единое целое. Цивилизационный и геополитический критерии служат основой для сегментирования его, как минимум, на три макрорегиона:

- **Азию**, в которой (опять же по гео-цивилизационному принципу) вычленяются Северо-Восточная, Юго-Восточная, Южная и Центральная Азия, а также Ближний Восток. В рамках Азии как особое пространство рассматривается пограничная периферия («ближайшее окружение»), которая включает в себя большую группу государств Азии и азиатскую часть России;
- **Европу**, в рамках которой выделяются Европейский союз и страны Восточной Европы;
- **Россию**, отношения с которой выстраиваются преимущественно в формате двусторонних связей, взаимодействия в решении центрально-азиатских проблем и проекциях глобальной политики.

Азия как макро-регион исторически, культурно и экономически наиболее связана с Китаем. Учитывая очень разный уровень экономического развития и хозяйственной специализации стран и территорий Азии, Пекин не воспринимает ее как единое целое в контексте реализации своих экономических интересов. В то же время Азия как единое культурно-цивилизационное и геополитическое пространство (не-Запад) устойчиво присутствует в его теоретических построениях и международных инициативах, связанных с вопросами глобального мироустройства, политического, общественного и культурного развития.

Закономерно, что именно с Азии Пекин хотел бы начать строительство «сообщества единой судьбы человечества», основываясь на идее общности прошлого, настоящего и будущего народов Азии и предлагая этим народам «совместно строить стабильную и процветающую азиатскую родину» на основах открытого регионализма,⁵¹ самостоятельно, без сторонних сил и участников, решать все азиатские дела, в том числе в вопросах обеспечения азиатской безопасности,⁵² строить «азиатскую общность единой судьбы».⁵³

⁵¹ Wang Yi. Xionghuai tianxia, youngyi qianxing puxie zhongguo tese daguo waijiao xin huazhang. Zai guoji xingshi he zhongguo waijiao yantaohui shangde yanjiang. 2022 nian 12 yue 25 ri [Ван И. Думая о мире, смело идти вперед, писать новую главу о дипломатии крупной страны с китайской спецификой. Выступление на симпозиуме по международному положению и дипломатии Китая. 25 декабря 2022 г.] [Электронный ресурс] URL: <https://baijiaohao.baidu.com/s?id=1753149565316043735&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 25 января 2023) (кит. яз.).

⁵² Xi Jinping. Jiji shuli yazhou anquan guan gongchuan anquan hezuo xin jumian – zai yazhou xianghu xiezuo yu xinren cuoshi huiyi di sici fenghui shang de jianghua. 2014 nian 5 yue 21 ri [Си Цзиньпин: Активно внедрять азиатскую концепцию безопасности и создавать новую ситуацию для сотрудничества в области безопасности. Выступление на четвертом саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. 21 мая 2014 г.] [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zujh_674906/201405/t20140521_9869330.shtml (дата обращения 26 июня 2023) (кит. яз.).

⁵³ Xi Jinping. Wanxiang mingyun gongtongti kaichuan yazhou xin weilai [Си Цзиньпин: двигаться в направлении создания сообщества единой судьбы, создавать общее будущее Азии] [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-03/28/c_1114794507.htm (дата обращения 26 февраля 2021) (кит. яз.).

Именно Азию имеют в виду китайские политики, когда заявляют о «защите мира во всем мире и региональной стабильности»⁵⁴ и намерении Китая строить «региональную модель безопасности, которая учитывает чаяния и интересы всех сторон».⁵⁵

Тема обеспечения национальной безопасности КНР также имеет, прежде всего, азиатское наполнение. Объявленная Си Цзиньпином в сентябре 2021 г. «инициатива глобальной безопасности» [Ларин 2023, с. 20] декларирует принципы и условия ее обеспечения, сформулированные в контексте понимания прямых и косвенных угроз безопасности КНР. В середине прошлого десятилетия главными военными угрозами безопасности страны Пекин официально объявил «перебалансировку» США в Азию, попытки Японии пересмотреть послевоенные подходы к обеспечению военной безопасности, ситуацию на Корейском полуострове, территориальные претензии соседей и сепаратистские устремления на Тайване.⁵⁶ Сегодня эти угрозы ассоциируются, главным образом, с проблемой Тайваня, территориальными спорами в Восточно-китайском и Южно-китайском морях, ситуацией на Корейском полуострове, безопасностью границ, угрозами терроризма и сепаратизма, общими для Азии проблемами климата, экологии, природных катастроф, эпидемий.

Однако в Пекине прекрасно понимают, что единого азиатского мира не существует, что он – это лишь виртуальная антитеза Западу, и в практической политике не тратят заметных усилий, чтобы объединить и повести его за собой. Реальные усилия направлены на выстраивание «правильных» отношений с осязаемыми регионами и конкретными странами, причем предпочтение отдается двусторонним отношениям.

Прежде чем обратимся к этим регионам и странам, отметим еще одну конструкторку, важность которой постоянно подчеркивают в Пекине, выделяя отношения с ее представителями в особую статью – страны-соседи или «государства по периметру границ» (周边国家). С этими странами, как полагают идеологи внешней политики Китая, необходимо развивать «добрососедские отношения».⁵⁷

Эти страны играют немаловажную роль в экономике Китая не только по объему товарооборота (см. таб. 3), но и с точки зрения обеспечения связан-

⁵⁴ Li Keqiang zongli zuo zhengfu gongzuo baogao (wenzi zhaiyao) [Отчет премьер-министра Ли Кэцяна о работе правительства (краткое содержание текста)] [Электронный ресурс] URL: <http://www.gov.cn/zhuanti/20231hzhfgzbg/index.htm> (дата обращения 6 мая 2023) (кит. яз.).

⁵⁵ Zai goujian renlei mingyun gongtongti de xin zhengcheng shang kuobu qianxing. Qin Gang guowu weiyuan jian waizhang zai zhongguo fazhan gaoceng luntan. 2023-03-27 [Мы будем двигаться вперед по новому пути построения сообщества с единой судьбой для человечества. Выступление члена Госсовета, министра иностранных дел Цинь Гана на обеде Форума развития Китая 2023 года. 27 марта 2023 г.] [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202303/t20230327_11049887.shtml (дата обращения 25 апреля 2023) (кит. яз.).

⁵⁶ “Zhongguo de junshi zhanlue” baipishu [Белая книга о «Военной стратегии Китая»] [Электронный ресурс] URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm> (дата обращения 20 апреля 2023) (кит. яз.).

⁵⁷ Yang Jiechi. Yi Xi Jinping waijiao sixiang wei zhidao shenru tuijin xin shidai duiwai gongzuo [Ян Цзечи. Руководствуясь идеями Си Цзиньпина о дипломатии, активно продвигать дипломатическую деятельность в новую эпоху] [Электронный ресурс] URL: www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-08/01/c_1123209510.htm (дата обращения 6 мая 2023) (кит. яз.).

ности Китая с внешним миром по сухопутным (Центральная Азия, Россия, Лаос, Пакистан) и морским (Восточно-китайское и Южно-китайское моря, Северный морской путь) транспортным артериям.

Таблица 3

Торговля Китая с соседями в Евразии (млрд долл.)

	2012	Доля в ВТ КНР (%)	2021	Доля в ВТ КНР (%)	Прирост (%)
Мир	3 867,1	100	6 051,5	100	56,5
Северо-Восточная Азия					
КНДР	6,0		0,3		- 95,0
Монголия	6,6		9,1		37,9
Тайвань	168,98	4,4	328,3	5,4	94,3
Южная Корея	256,4	6,6	362,3	6,0	41,3
Япония	329,4	8,5	371,4	6,1	12,8
Всего:	767,38	19,8	1071,4	17,7	39,6
Юго-Восточная Азия					
Вьетнам	50,4	1,3	230,2	3,8	356,7
Лаос	1,7		4,3		152,9
Мьянма	7,0		18,6		166,9
Всего:	59,1	1,5	253,1	4,2	328,3
Южная Азия					
Афганистан	0,5		0,5		0
Бутан	0,01		0,1		
Индия	66,5		125,7	2,1	89,0
Непал	2,0		2,0		0
Пакистан	12,4		27,8	0,5	124,2
Всего:	81,41	2,1	156,1	2,6	91,8
Центральная Азия					
Казахстан	25,7	0,7	25,3	0,4	- 1,6
Киргизия	5,2		7,6		46,2
Таджикистан	1,9		1,7		- 10,5
Всего:	32,8	0,8	34,6	0,6	5,5
Россия	89,2	2,3	146,9	2,6	64,7
Все:	1 029,89	26,6	1 662,0	27,6	61,4

Составлено по: 2021 nian 12 yue jinchukou shangpin guobie (diqu) zongzhibiao (meiyuan zhi) [Таблица общей стоимости импортных и экспортных товаров по странам (регионам) за декабрь 2021 г. (в долларом выражении)] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cceeccic.org/320188170.html>; Zhongguo tongji nianjian, 2014 [Статистический ежегодник Китая, 2014] [Электронный ресурс] URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsjs/2014/indexch.htm> (дата обращения 21 мая 2023) (кит. яз.).

На соседей приходится более четверти внешнеторгового оборота КНР. Темпы роста этого товарооборота в последнее десятилетие были выше, чем

внешней торговли Китая в целом (61,4 и 56,5%), и произошло это преимущественно за счет расширения экономических связей с соседями в ЮВА и Пакистаном.

С экономической точки зрения развитие отношений со странами-соседями наиболее важно для пограничных регионов Китая. Северные территории страны ориентируются на развитие приграничных связей с Россией (Хэйлунцзян, Внутренняя Монголия) [Ларин 2021] и Монголией (Внутренняя Монголия), южные (Гуанси, Юньнань) – на Бирму, Вьетнам и Лаос,⁵⁸ Синьцзян-Уйгурский автономный район – на республики Центральной Азии.⁵⁹ Стимулирование этих отношений является частью стратегии Пекина по развитию окраинных регионов, но, политически поддерживая развитие трансграничных связей, руководство страны в значительной степени отдает инициативу в руки провинциальных властей.

И все же главное, на что надеется и чего добивается Пекин – это обеспечение политической и социальной стабильности на сопредельных с ним зарубежных территориях, предотвращение и купирование исходящих от них угроз интересам и безопасности страны. Мирная и безопасная периферия по периметру китайских границ, как минимум, не угрожающая, а лучше – способствующая решению задач внутреннего экономического и социального развития Китая – вот идеал, к которому стремятся в Пекине.

Северо-Восточная Азия

Ранее сделанный анализ политики Китая и его отношений со странами СВА [Ларин 2020] показывает, что этот регион особым образом не фигурирует ни в теоретических изысканиях китайских политологов по вопросам будущего мироустройства, ни конкретных планах и программах китайского руководства, а фокус китайской экономической политики вообще повернут в противоположную от него сторону. Товарооборот КНР с этой частью мира (за исключением Тайваня) рос более медленными темпами, чем с другими регионами. В результате доля Северо-Восточной Азии – самого экономически развитого региона-соседа – в общем объеме экономических связей КНР за последнее десятилетие сократилась на 2%, и это несмотря на заметный рост торговли с Тайванем (в 12 раз).

⁵⁸ В 2021 г. в общем объеме торговли провинции Юньнань на эти три страны пришлось 28% (2021nian 1-12yue Yunnan sheng jinchukou shangpin guobie (diqu) zongzhibiao [Общая стоимость импортных и экспортных товаров провинции Юньнань с января по декабрь 2021 года] [Электронный ресурс] URL: http://dalian.customs.gov.cn/kunming_customs/611308/fdzdgnr67/2879837/2879850/4127577/index.html), Гуанси – 34% (2021nian 1-12yue Guangxi sheng jinchukou shangpin guobie (diqu) zongzhibiao [Общая стоимость импортных и экспортных товаров провинции Гуанси с января по декабрь 2021 года] [Электронный ресурс] URL: http://lanzhou.customs.gov.cn/nanning_customs/600356/fdzdgnr6792/2966275/600340/4141853/index.html (дата обращения 12 апреля 2023) (кит. яз.).

⁵⁹ На долю центрально-азиатских республик в 2021 г. пришлось почти три четверти (73%) внешней торговли СУАР (2021 nian xinjiang waimao jinchukou tongji shuju [Статистика импорта и экспорта внешней торговли Синьцзяна в 2021 г. (долл.)] [Электронный ресурс] URL: http://nanjing.customs.gov.cn/urumqi_customs/556675/556651/556655/556656/4133154/index.html (дата обращения 12 апреля 2023) (кит. яз.).

Таблица 4

Экономические связи КНР в СВА (млрд долл.)⁶⁰

	Объем торговли (млрд долл.)			Накопленные прямые инвестиции из КНР (млн долл.)		
	2012	2021	Рост (%)	2012	2021	Рост (раз)
Мир	3 867,1	6 051,5	56,5	531 940,6	2 785 149,7	4,2
КНДР	6,0	0,3		422,4	452,1	1,1
Монголия	6,6	9,1	37,9	2954,0	1 569,5	- 1,9
Тайвань	168,98	328,3	94,3	135,3	1 644,3	12,2
Южная Корея	256,4	362,3	41,3	3081,9	6 601,5	2,1
Япония	329,4	371,4	12,8	1619,9	4 882,9	3,0
Всего:	767,38	1071,4	39,6	8 213,5	15 150,3	1,8
Доля от объема ВТ и ПИИ КНР в мире	19,8	17,7	- 2,2	1,6	0,5	- 1,1

Та же картина и с китайскими капиталовложениями. Если объем китайских прямых инвестиций за рубежом увеличился за десятилетие в четыре с лишним раза, то в СВА, несмотря опять же на двенадцатикратный их рост на Тайване, – только в 1,8 раза. Как следствие, доля региона в зарубежных капиталовложениях КНР снизилась с 1,6 до 0,5%. По сути, Тайвань является единственным фактором в СВА, как-то поддерживающим значение региона в структуре межрегиональных связей Китая.

При этом необходимо принимать во внимание, что Пекин считает Тайвань одной из своих провинций, что тайваньская проблема, и это принципиальная позиция Пекина, имеет сугубо внутрикитайское содержание. «Решение тайваньского вопроса и осуществление полного воссоединения Родины – это историческая задача... обязательное требование осуществления великого возрождения китайской нации», – подтвердил позицию Пекина по этому вопросу на XX съезде КПК Си Цзиньпин.⁶¹ Признание принципа «одного Китая», наличие или отсутствие политических отношений с островом – один из принципиальных маркеров для выстраивания отношений Пекина с тем или иным государством, при этом ни евразийская, ни восточноазиатская повестка никоим образом не проявляется. Глубокая вовлеченность США в региональные дела, их

⁶⁰ Эта и последующие таблицы по экономическим связям регионов Евразии составлены на основе: 2012 nian zhongguo waizi tongji gongbao [Статистический отчет о китайских зарубежных прямых инвестициях в 2012 г.]. Beijing: Zhongguo tongji chubanshe, 2013, p. 117-121; 2021 nian zhongguo duiwai zhiye touzi tongji gongbao [Статистический отчет о прямых зарубежных инвестициях Китая в 2021 г.]. Beijing: Zhongguo shangwu chubanshe, 2022, p. 150-155; Zhongguo tongji nianjian, 2014 [Статистический ежегодник Китая, 2014] [Электронный ресурс] URL: <http://www.stats.gov.cn/sj/ndsj/2014/indexch.htm>; 2021 nian 12 yue jinchukou shangpin guobie (diqu) zongzhibiao (meiyuan zhi) [Таблица общей стоимости импортных и экспортных товаров по странам (регионам) за декабрь 2021 года (в долларом выражении)] [Электронный ресурс] URL: <http://www.cceeccic.org/320188170.html> (дата обращения 25 мая 2023) (кит. яз.).

⁶¹ Gaoju zhongguo tese shehuizhuyi weida qizhi wei quanmian jianshe shehuizhuyi xiandaihua guojia er tuanjie fendou – zai zhongguo gongchangdang di ershi ci quanguo daibiao dahui shangde baogao [Си Цзиньпин. Высоко неся великое знамя социализма с китайской спецификой, сплоченно бороться за всестороннее строительство модернизированного социалистического государства. Доклад на 20-м съезде Коммунистической партии Китая. 16 ноября 2022 г.] [Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2022-10/25/content_5721685.htm (дата обращения 20 января 2023) (кит. яз.).

влияние на Японию и Южную Корею, перманентная поддержка тайваньского сепаратизма побуждает Пекин рассматривать ситуацию в СВА и отношения со странами региона скорее в глобальной, чем в евразийской или внутривосточной проекциях.

Без преувеличения особые отношения Китай исторически имеет и сегодня выстраивает их с каждым из государств СВА (Япония, Южная и Северная Корея, Монголия). В восприятии Японии и при формировании японской политики Пекина существенное значение имеют несколько факторов: негативный исторический контекст (геноцид в период японской агрессии 1931–1945 гг.), наличие территориального спора (принадлежность острова Дяоюй/Сэнкаку), имеющего под собой не только серьезную экономическую, но и культурно-цивилизационную подоплеку [Clash 2013, p. 11; Viskupic 2013], политико-идеологические (в частности, позиция Японии по тайваньской проблеме) противоречия, опасения ремилитаризации Японии,⁶² а также ее заметно выросшая при кабинете Ф. Кисиды готовность слепо следовать указаниям со стороны Вашингтона. По этим причинам формат отношений со своим восточным соседом Пекин обозначает очень нейтрально: как «стратегические и взаимовыгодные» (战略互惠关系). «Новый этап» отношений с Японией Китай видит, скорее, в глобальной, чем региональной проекции: «посредством глобального видения», совместного строительства «пояса и пути» и сотрудничества на рынках третьих стран.⁶³

Ко второму восточному соседу – Южной Корее – Пекин относится принципиально по-другому, пытаясь построить с ним более тесные и доверительные «партнерские отношения стратегического сотрудничества» (战略合作伙伴关系). Южная Корея была одним из первых государств, которое руководство Си Цзиньпина стало вовлекать в «круг друзей» – «многовекторной, многоуровневой, интеграционной сети партнерских отношений»,⁶⁴ которую оно стало создавать в середине второго десятилетия 21 в. В то же время Пекин демонстративно жестко реагирует на события, связанные с американским участием в обеспечении обороноспособности РК, как, например, с размещением на ее территории американского комплекса ПРО [Ларин 2020, с. 114–122].

Исходя из этих подходов Китай сегодня предлагает Японии и Южной Корее произвести своеобразную «перезагрузку отношений» в интересах достижения «мира, процветания и возрождения Азии», в основе которой

⁶² Стремление правительства Японии пересмотреть послевоенные подходы к обеспечению военной безопасности, увеличение японского военного бюджета в Китае рассматривают как одну из главных угроз международной безопасности в Восточной Азии и национальной безопасности Китая (См.: “Zhongguo de junshi zhanlue” baipishu (quanwen) [Белая книга о «Военной стратегии Китая»] [Электронный ресурс] URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/ndhf/2015/Document/1435161/1435161.htm> (дата обращения 20 апреля 2023) (кит. яз.).

⁶³ Xi Jinping huijian riben shouxiang anbei pusan [Встреча Си Цзиньпина с премьер-министром Японии Синдзо Абэ. 23 дек. 2019 г.] [Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-12/23/content_5463369.htm (дата обращения 11 марта 2022) (кит. яз.).

⁶⁴ Yi Xi Jinping waijiao sixiang wei zhidao shenru tuijin xin shidai duiwai gongzuo [Ян Цзечи. Руководствуясь идеями Си Цзиньпина о дипломатии, активно продвигать дипломатическую деятельность в новую эпоху] [Электронный ресурс] URL: www.qstheory.cn/dukan/qs/2018-08/01/c_1123209510.htm (дата обращения 06 мая 2023) (кит. яз.).

должны лежать «извлечение уроков из истории» и «устранение [внешнего] вмешательства».⁶⁵

С Северной Кореей, несмотря на немалые сложности, которые возникают у Пекина при взаимодействии с режимом Кимов, отношения именуются «дружественными», а их особенностями сегодня называют наличие «общих идеалов и целей борьбы».⁶⁶

С Монголией Пекин установил «стратегические партнерские отношения» в 2011 г.⁶⁷ и сегодня рассматривает её как объект «периферийной дипломатии», который в Пекине предполагают вовлекать не только в совместное строительство объектов «Пояса и пути», но и «сообщества единой судьбы».⁶⁸ Пока же строительство широко разрекламированного «экономического коридора Китай – Монголия – Россия» находится в стадии обсуждения, объем двусторонней торговли даже при увеличении за десятилетие на 38% остается весьма незначительным (чуть больше 9 млрд долл.), а сумма накопленных китайских ПИ сократилась за это время почти вдвое (на 47%).

Юго-Восточная Азия

С этой частью Евразии Китай взаимодействует в двух форматах: через систему межгосударственных отношений и по линии АСЕАН. Но во всех случаях основной его интерес – экономический: с 2019 г. этот регион является главным торговым партнером Китая. Товарооборот Китая со странами АСЕАН в последнее десятилетие стабильно рос и увеличился на 121%, а объем накопленных китайских ПИ в регионе – в 5 раз (см. таб. 5). В мировой двадцатке главных реципиентов китайских денег оказались 6 стран ЮВА (Сингапур, Индонезия, Вьетнам, Малайзия, Лаос и Таиланд), а по объему накопленных китайских ПИИ Юго-Восточная Азия уверенно лидирует (более 140 млрд долл.), обогнав ЕС и США.⁶⁹

⁶⁵ Wang Yi chuxi 2023 nian zhong-gi-han hezuo guoji longtan kaimu shi bing zhici [Ван И принял участие в открытии китае-японо-корейской конференции 2023 года и выступил с речью] [Электронный ресурс] URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2023/0704/c64094-40027102.html> (дата обращения 05 июля 2023) (кит. яз.).

⁶⁶ Xi Jinping fang chaoxian shi yici youhao zhi lui, heping zhi lui. 2019-06-24 [Визит Си Цзиньпина в КНДР – это поездка дружбы, поездка мира. 24 июня 2019 г.] [Электронный ресурс] URL: http://www.xinhuanet.com/world/2019-06/24/c_1210168040.htm (дата обращения 20 июня 2020) (кит. яз.).

⁶⁷ Zhonghua renmin gongheguo he mengguo guoqu jianli zhanlue huoban guanxi de lianhe shengming. 2011/06/17 [Совместное заявление КНР и Монголии об установлении отношений стратегического партнерства. 17 июня 2011 г.] [Электронный ресурс] URL: <http://www.fmprc.gov.cn/chn/gxh/tyb/zyxw/t831612.htm> (дата обращения 20 июня 2020) (кит. яз.). В октябре 2013 г. Пекин и Улан-Батор подписали средне-долгосрочную программу развития этих отношений (См.: Zhongguo he mengguo zhanlue huoban guanxi zhongchangqi fazhan gangyao (quanwen) [Программа средне-долгосрочного развития отношений стратегического партнерства между КНР и Монголией] [Электронный ресурс] URL: http://www.gov.cn/jrzq/2013-10/26/content_2515790.htm) (дата обращения 20 июня 2020) (кит. яз.), а в августе 2014 г. утвердили новый формат отношений: «всестороннее стратегическое партнерство». См.: Zhonghua renmin gongheguo he mengguo guoqu jianli he fazhan quanmian zhanlue huoban guanxi de lianhe shengming [Совместное заявление КНР и Монголии об установлении и развитии отношений всестороннего стратегического партнерства] [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/zilia0_674904/1179_674909/t1184719.shtml (дата обращения 20 июня 2020) (кит. яз.).

⁶⁸ Xi Jinping tong mengguo zongtong batetulege huitan. 2020-02-27 [Переговоры Си Цзиньпина с президентом Монголии Баттулгой. 27 февраля 2020 г.] [Электронный ресурс] URL: <https://www.fmprc.gov.cn/web/zyxw/t1750173.shtml> (дата обращения 20 июня 2020) (кит. яз.).

⁶⁹ 2021 nian zhongguo duiwai zhijie touzi tongji gongbao [Статистический отчет о прямых зарубежных инвестициях Китая в 2021 г.] . Beijing: Zhongguo shangwu chubanshe, 2022, p. 123 (кит. яз.).

Экономические связи КНР со странами ЮВА (млрд долл.)

	Объем торговли (млрд долл.)			Накопленные прямые инвестиции из КНР (млн долл.)		
	2012	2021	Рост (%)	2012	2021	Рост (раз)
Мир	3 867,1	6 309,6	63,2	531 940,6	2 785 149,7	4,2
Бруней	1,6	2,8	75,0	66,4	96,3	1,4
Восточный Тимор	0,06	0,4	566,7	7,5	101,4	13,5
Вьетнам	50,4	230,2	356,7	1 604,4	10 852,1	6,8
Индонезия	66,2	124,4	87,9	3 098,0	20 080,5	6,5
Камбоджа	2,9	13,7	372,4	2 317,7	6 965,6	3,0
Лаос	1,7	4,3	152,9	1 927,8	9 939,7	5,2
Малайзия	94,8	176,8	166,9	1 026,1	10 355,2	10,1
Мьянма	7,0	18,6	165,7	3 093,7	3 988,2	1,3
Сингапур	69,3	94,1	35,8	12 383,3	67 202,3	5,4
Таиланд	69,8	131,2	88,0	2 126,9	9 917,2	4,7
Филиппины	36,4	87,7	140,9	593,1	883,9	1,5
Всего:	400,16	884,2	121,0	28 244,9	140 382,4	5,0
Доля от мира (%)	10,3	14,0	+ 3,7	5,3	5,0	- 0,3

В ноябре 2021 г. на саммите, посвященном 30-летию установления диалоговых отношений между Китаем и АСЕАН, было объявлено о создании «Всеобъемлющего стратегического партнерства Китай-АСЕАН» (中国东盟全面战略伙伴关系), сутью которого, как сообщают китайские дипломаты, является совместное строительство «пяти больших семейных очагов» (五大家园): мира, спокойствия, процветания, красоты и дружбы.⁷⁰ Все более активно в отношении со странами ЮВА Пекин закладывает идею строительства «сообществ единой судьбы», и у него это, как минимум, формально, получается. В 2022 г. такие намерения зафиксированы в двусторонних документах, подписанных с Индонезией, Таиландом, Камбоджей, Лаосом и Филиппинами.

Это обстоятельство, однако, не мешает Пекину претендовать на всю акваторию Южно-китайского моря, включая острова Сиша (Парасельские), Наньша (Спратли) и «близлежащие морские районы», которые он считает жизненно важной для КНР,⁷¹ конфликтовать с Вьетнамом из-за определения границ исключительных экономических зон и континентального шельфа, заниматься поисками нефти и газа в спорных зонах, возводить искусственные острова на занятых им рифах и строить на них военную инфраструктуру (причалы, маяки, аэродромы) [Лукин, Дикарев, 2021, с. 6–7].

⁷⁰ Wang Yi. Xionghuai tianxia, youngyi qianxing puxie zhongguo tese daguo wajiao xin huazhang. Zai guoji xingshi he zhongguo wajiao yantaohui shangde yanjiang. 2022 nian 12 yue 25 ri [Ван И. Думая о мире, смело идти вперед, писать новую главу о дипломатии крупной страны с китайской спецификой. Выступление на Симпозиуме по международному положению и дипломатии Китая. 25 декабря 2022 г.] [Электронный ресурс] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1753149565316043735&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 25 января 2023) (кит. яз.).

⁷¹ См.: Zhonghua renmin gongheguo zhengfu guanyu zai nantai de lingtu zhuquan he haiyang quanyu de shengming. 12.07.2016 [Заявление правительства КНР о территориальном суверенитете и морских правах и интересах Китая в Южно-китайском море 12 июля 2016 г.] [Электронный ресурс] URL: <https://www.mfa.gov.cn/nanhai/chn/snhwtlcw/jt1380021.htm> (дата обращения 10 июля 2020) (кит. яз.).

Южная Азия

Этот регион не играет заметной роли во внешнеэкономических связях КНР: на него приходится только 3% товарооборота страны (таб. 6), хотя темпы роста торговли с Индией (89%) и особенно Пакистаном (124%) были в последнее десятилетие выше, чем с миром в целом. С особой охотой китайский бизнес вкладывался в Пакистан, где сегодня сконцентрирована половина всех китайских ПИ в Южной Азии.

Таблица 6

Экономические связи Китая со странами Южной Азии

	Объем торговли (млрд долл.)			Накопленные прямые инвестиции из КНР (млн долл.)			
	2012	2021	Рост (%)	2012	2021	Рост	Рост (раз)
Мир	3 867,1	6 309,6	63,2	531 940,6	2 785 149,7	2 253 209,1	4,2
Афганистан	0,5	0,5	0	482,7	435,0	- 47,7	- 1,1
Бангладеш	8,4	25,1	198,8	117,3	2 204,5	2 087,2	18,8
Бутан	0,01	0,1		-	-		-
Индия	66,5	125,7	89,0	1 169,1	3 518,9	2 349,8	3,0
Мальдивы	0,06	0,4			72,0	72,0	
Непал	2,0	2,0	0	33,6	463,4	429,8	13,8
Пакистан	12,4	27,8	124,2	2 233,6	7 485,4	5 251,8	3,4
Шри Ланка	3,1	5,9	90,3	178,6	639,8	461,2	3,6
Всего:	90,97	187,5	106,1	4 214,9	14 819,0	10 604,1	3,5
Доля от мира (%)	2,3	3,0		0,8	0,5		

В последние несколько лет стратегическое значение Южной Азии для Китая неизмеримо возросло, во-первых, в связи с обретением им выхода к Индийскому океану, во-вторых, на фоне усилий США по сколачиванию Индо-Тихоокеанской (антикитайской по сути) коалиции держав. Активное строительство Китаем в рамках инициативы «Пояса и пути» китайско-пакистанского экономического коридора с выходом на глубоководный порт Гвадар⁷² открывает Китаю прямую дорогу из Синьцзяна к Персидскому заливу и Африканскому Рогу, позволяет обезопасить свои морские энергетические маршруты, и тем самым создает совершенно новую геополитическую и экономическую ситуацию в Южной Азии. С экономической точки зрения этот «мега-региональный коммуникационный проект может принести выгоду каждому, кто к нему подключится» [Hussain, Jamali 2019, p. 316], но при этом «придает новое измерение стратегическому соперничеству между Индией и Пакистаном», ввергая последний в «новую холодную войну в союзе с Китаем против оси Индия – США, нацеленной на сдерживание гегемонии Китая в регионе» [Faууз 2019, p. 14].

Отношения со странами региона у Китая складываются противоречивые, от «всепогодной дружбы» [Rahul 2018, p. 174] с Пакистаном, расту-

⁷² Китайско-пакистанский экономический коридор включает в себя строительство порта Гвадар, разнообразных экономических зон, железных и автомобильных дорог, аэропортов, линий оптической связи, трубопроводов и других объектов. Проект стоимостью в 46 млрд долл. китайских инвестиций должен быть завершен к 2030 г. и стать альтернативой Малаккскому проливу для импорта энергоресурсов с Ближнего Востока.

щего присутствия и влияния в Непале и Шри Ланке до «стратегического противостояния» с Индией [Кауа, Kılıç, 2017] и полного отсутствия дипломатических отношений с Бутаном.

Ближний Восток

Ближний Восток для Китая, как и для многих других стран мира – это в первую очередь энергоресурсы. Особое внимание Пекина к этому региону мира сформировалось во втором десятилетии 21 в. Связано это, с одной стороны, с поисками новой модели экономического развития, в которой важнейшим его источником становится укреплением ресурсной базы национальной экономики, с другой, – принятием на себя статуса глобальной державы, которая не может не иметь и, соответственно, не отстаивать свои интересы в ключевых точках мира. Ближний Восток, будучи одним из главных обладателей энергоресурсов, таковой точкой, безусловно, является.

По мнению Сунь Дэгана, Китай начал рассматривать страны Ближнего Востока и Северной Африки как «важнейший актив для продвижения своего статуса мировой державы» с 2013 г., соответствующим образом обозначая и защищая свои интересы через развитие посреднической дипломатии, расширение политических партнерских отношений с ключевыми странами региона, миротворческие операции и углубление экономического сотрудничества [Sun 2019, p. 18–19]. Стабильность нефтяных поставок, две трети объема которых шли в КНР с Ближнего Востока и Северной Африки, невозможна без обеспечения безопасности навигации в многочисленных «геополитических узких местах», в том числе Персидском заливе, Суэцком канале и на других морских путях, так что Пекин волей-неволей был вынужден усиливать свое политическое и «мягкое военное присутствие» в регионе [Lons 2019, pp. 3–6; Shafqat 2017, p. 23], необходимое для защиты уже немалых экономических интересов и своих граждан. С 1979 г. китайские военные корабли начали заходить в порты Ирана и ОАЭ, их самолетам было разрешено дозаправляться в иранских портах. Китай создал военно-морскую базу в Джибути, а портовый комплекс Гвадар в Пакистане расширил китайское военно-морское присутствие и влияние в Персидском заливе, Аравийском море и Индийском океане [Shafqat 2017, p. 36]. Постоянная турбулентность Ближнего Востока, противостояние двух региональных лидеров – Ирана и Саудовской Аравии, интриги Вашингтона заставляли Пекин строить свою долговременную стратегию в этом регионе, формируя, наращивая политическое влияние в арабском мире, что априори «неуклонно подрывает региональную гегемонию США» [Garlick, Navlova 2020, p. 18].

Позиция Китая в отношении Ближнего Востока была обозначена в 2016 г. в «Арабском политическом документе Китая», первом официальном документе Пекина по этому региону мира.⁷³ В соответствии с этим документом, политика Китая в этом регионе мира включает в себя:

1. Создание механизмов коммуникации и диалога для обеспечения политического сотрудничества.

⁷³ China's Arab Policy Paper. January 2016. [Электронный ресурс] URL: http://english.www.gov.cn/archive/publications/2016/01/13/content_281475271412746.htm (дата обращения 27 апреля 2023).

2. Укрепление экономических связей через инвестиционное и торговое взаимодействие.
3. Приверженность принципам территориального суверенитета и невмешательства во внутренние дела.
4. Сотрудничество по вопросам социального развития, таким как здравоохранение, образование, наука и техника, сельское хозяйство.
5. Сотрудничество в области средств массовой информации и радиовещания, а также в области культуры, искусства и литературы.
6. Сотрудничество по традиционным вопросам безопасности, таким как терроризм и полицейская деятельность, и нетрадиционным вопросам, таким как кибербезопасность.

По всем этим направлениям сделано немало. За последнее десятилетие Китай значительно упрочил экономическое, политическое и гуманитарное присутствие на Ближнем Востоке. К началу третьего десятилетия КНР стала главным торговым партнером и внешним инвестором для многих государств региона. Ее товарооборот с арабским миром увеличился на 100 млрд долл. и превысил 350 млрд долл. Накопленные китайские инвестиции в странах этого мира превысили 27 млрд долл. (таб. 7). Наиболее активно Китай инвестирует деньги в ОАЭ, Саудовскую Аравию и Иран, при этом очень заметно увеличились прямые инвестиции в Израиль (89 раз) и Бахрейн (почти в 20 раз).

Развитию торговли и росту китайских инвестиций содействовало подписание соглашений о сотрудничестве в рамках «Пояса и пути» более чем с 20 арабскими странами и Лигой арабских государств,⁷⁴ выстроена определенная иерархия отношений, учитывающая важность той или иной страны для Китая, ее экономической и политической вес. В частности, отношения высшего порядка – «всеобъемлющего стратегического партнерства» (Comprehensive Strategic Partnership) установлены с Саудовской Аравией, Ираном и ОАЭ.

Таблица 7

Экономические связи Китая со странами Ближнего Востока

	Объем торговли (млрд долл.)			Накопленные прямые инвестиции из КНР (млн долл.)		
	2012	2021	Рост (%)	2012	2021	Рост (раз)
Мир	3 867,1	6 309,6	63,2	531 940,6	2 785 149,7	4,2
Бахрейн	1,6	1,8	12,5	6,8	134,7	19,8
Израиль	9,9	22,8	130,3	38,5	3 447,7	89,6
Иордания	3,0	4,4	46,7	22,5	183,6	8,2
Ирак	17,6	37,3	111,9	754,3	1 941,8	2,6
Иран	35,6	14,8	- 58,4	2 070,5	3 420,0	1,7
Йемен	2,0	3,0	50	221,3	529,7	2,4
Катар	1,2	17,2	1 333	220,7	789,5	3,6
Кипр	0,2	0,9	350	95,0	131,2	1,4
Кувейт	2,1	22,1	952,4	82,8	853,6	10,3

⁷⁴ Председатель КНР обсудил с руководством арабских стран новые принципы китайско-арабского сотрудничества. [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2022/12/15/predsedatel-knr-obsudil-s-rukovodstvom-arabskih-stran-novye-principy-kitajsko-arabskogo-sotrudnichestva.html> (дата обращения 27 апреля 2023).

	Объем торговли (млрд долл.)			Накопленные прямые инвестиции из КНР (млн долл.)		
	2012	2021	Рост (%)	2012	2021	Рост (раз)
Ливан	1,7	1,6	- 5,9	3,0	0,4	- 7,5
ОАЭ	29,6	72,4	145,6	1 336,8	9 844,9	7,4
Оман	1,8	32,1	1 683,3	33,4	285,3	8,5
Палестина	0,04	0,1	150	0,02	-	
Саудовская Аравия	18,5	87,3	371,9	1 205,9	3 524,2	2,9
Сирия	1,2	0,5	- 58,3	14,5	13,2	- 1,1
Турция	15,6	34,2	119,2	502,5	1 921,4	3,8
Всего:	141,64	352,5	148,9	6 608,52	27 021,2	4,1
Доля от мира (%)	3,7	5,6		1,2	1,0	

По мере замедления экономического роста и усиления конкуренции за рабочие места в Китае арабский мир становится для него рынком для экспорта избыточной рабочей силы [Shafqat 2017, p. 23]. В регионе сформировалась большая трудовая диаспора из китайцев. В Саудовской Аравии на 70 китайских предприятиях их работает 16 тыс. В Дубае насчитывается 3 тыс. предприятий, где проживает более 200 тыс. чел. Китайские компании активно лоббируют получение контрактов на восстановление разрушенных войнами Ирака, Ливии, Сирии, Йемена, потенциальная стоимость которых оценивается в сотни миллионов долларов [Al-Tamimi 2019, p. 28].

Начало третьего десятилетия Китай обозначил повышением активности на Ближнем Востоке, в немалой степени связанной с ослаблением там позиций США. В основном это делается в русле реализации глобальных инициатив Си Цзиньпина, в частности, строительства «сообщества единой судьбы» и развития «дипломатии партнерства», в рамках которой Пекин излагает строить какие-либо альянсы и союзы [Fulton 2019, pp. 3–4].

В марте 2021 г. МИД КНР и Секретариат Лиги арабских государств выступили с инициативой по сотрудничеству в области цифровой безопасности, призвав все страны «совместно строить сообщество единой судьбы в киберпространстве». ⁷⁵ 9 декабря 2022 в Эр-Рияде прошел первый саммит «Китай – Совет сотрудничества арабских государств Залива». ⁷⁶ Лейтмотивом выступления Си Цзиньпина на открытии Саммита стали призыв к укреплению дружбы между Китаем и арабским миром и построение «китайско-арабского сообщества с общим будущим в новую эпоху». ⁷⁷ По его

⁷⁵ Zhong-a shuju anquan hezuo changyi. 2021-03-29 [Китайско-арабская инициатива по сотрудничеству в области безопасности данных. 29 марта 2021 г.] [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202103/t20210329_9180823.shtml (дата обращения 27 января 2023) (кит. яз.).

⁷⁶ Совет сотрудничества арабских государств Залива (ССАГЗ) – региональная организация, включающая шесть арабских стран: Бахрейн, Катар, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Оман и Саудовскую Аравию, которые сегодня являются ведущими акторами арабского геополитического пространства (см.: Мелкумян 2019, с. 108-137).

⁷⁷ Hongyang zhong-a yuhao jingsheng xieshou goujian mianxiang xin shidai de zhong-a mingyun gongtongti . Xi Jinping zai shoujie zhongguo – alabo guojia fenghui kaimushishang de zhuzhi jianghua. 2022-12-10 [Продвигать дух китайско-арабской дружбы и объединить усилия, чтобы построить китайско-арабское сообщество с общим будущим в новую эпоху. Основное выступление Си Цзиньпина на церемонии открытия первого саммита Китай – арабские государства. 10 декабря 2022 г.] [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/zyjh_674906/202212/t20221210_10988443.shtml. (дата обращения 27 января 2023) (кит. яз.).

результатам были опубликованы Совместное заявление саммита «Китай – Совет сотрудничества арабских государств Залива», а также план действий по стратегическому диалогу между ними на 2023–2027 годы. В Совместном заявлении зафиксирована решимость всех участников Саммита «приложить все усилия для построения китайско-арабского сообщества с общим будущим, ориентированным на новую эру» и исполнения Плана китайско-арабского всеобъемлющего сотрудничества в целях совместной разработки плана будущего развития китайско-арабских отношений.⁷⁸ План предполагает в ближайшие три-пять лет продвижение «восьми совместных действий» в таких областях как поддержка развития, продовольственная безопасность, здравоохранение, зеленые инновации, энергетическая безопасность, диалог между цивилизациями, развитие молодежи, безопасность и стабильность.

В марте 2023 г. Пекин выступил в роли посредника в восстановлении дипотношений между Саудовской Аравией и Ираном, тем самым не только конвертировав свое экономическое влияние на Ближнем Востоке в политическое, но и переиграв на этой площадке Вашингтон. Это стало первой в новейшей истории успешной посреднической миссией руководства КНР.

Центральная Азия

Обычно важность Центральной Азии для Китая определяют по двум параметрам: экономическому и политическому. Экономический параметр рассматривает этот регион как рынок сбыта китайских товаров, источник энергоресурсов и транзитный коридор для поставок товаров в Европу. Политический рассматривается через обеспечение безопасности страны: для КНР мирное развитие пяти республик постсоветской ЦА напрямую связано с проблемой поддержания стабильности в беспокойном Синьцзяне [Малышева 2019, с. 103].

Оценивая перспективы реализации инициативы «Пояса и пути», многие эксперты уверенно предрекали существенное укрепление экономических позиций и, соответственно, влияния Китая во всех республиках ЦА. Этого, однако, не произошло. Торговый обмен Китая с этой частью Евразии рос даже более медленными темпами, чем с миром в целом: с 2012 по 2021 г. объем внешней торговли КНР вырос на 63,2%, тогда как со странами ЦА – на 37,1% (с 36,7 до 50,3 млрд долл.). Китайские ПИ увеличились в зоне ЦА всего в 1,8 раза, тогда как в среднем в мире – в 4,2 раза. Все это потому, что, как утверждают эксперты, китайские инвестиции в ЦА не были направлены на развитие экономики этого региона, а имели своей целью: 1) создание транзитных путей для экспорта китайской продукции в другие районы Евразии; 2) создание рынков для стимулирования экономики Синьцзяна; 3) формирование еще одного канала стабильного энергообеспечения Китая [Lain 2018, p. 2–3]. Пока все это получается не очень успешно.

⁷⁸ Zhonghua renmin gongheguo he haiwan alabo guojia hezuo weiyuanhui hezuo yu fazhan fenghui lianhe shengming. 2022-12-10 [Совместное заявление Саммита Китайской Народной Республики и Совета сотрудничества арабских государств Залива о сотрудничестве и развитии. 10 декабря 2022 г.]. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/ziliao_674904/1179_674909/202212/t20221210_10988401.shtml (дата обращения: 27 января 2023) (кит. яз.).

В результате экономическое значение этой части Евразии для экономики Китая не увеличилось, а сократилось: ее доля во внешнеторговом обороте страны снизилась с 0,9 до 0,8%, а в китайских инвестициях за рубежом – с 1,5 до 0,5% (таб. 8).

Таблица 8

Экономические связи Китая со странами Центральной Азии

	Объем торговли (млрд долл.)			Накопленные прямые инвестиции из КНР (млн долл.)		
	2012	2021	Рост (%)	2012	2021	Рост (раз)
Мир	3867,1	6309,6	63,2	531 940,6	2 785 149,7	4,2
Казахстан	25,7	25,3	- 1,6	6 251,4	7 487,4	1,1
Киргизия	5,2	7,6	46,2	662,2	1 531,4	2,3
Таджикистан	1,0	1,9	90	476,1	1 627,2	3,4
Туркмения	1,9	7,4	289,5	287,8	294,2	1,0
Узбекистан	2,9	8,1	179,3	146,2	2 807,7	19,2
Всего:	36,7	50,3	37,1	7 823,7	13 747,9	1,8
Доля от мира (%)	0,9	0,8	- 0,1	1,5	0,5	- 1,0

Экономическое значение стран ЦА для Китая неодинаково. В 2021 г. половина (25,3 млрд долл.) товарооборота и 55% накопленных китайских инвестиций приходилось на Казахстан, так что именно стагнация торговли между этой республикой и Китаем и стала главной причиной столь скромных результатов.

Но более фундаментальная причина – это специфическое восприятие самого региона в Китае, тема «весьма деликатная, с которой ни китайские, ни центральноазиатские власти не знают, как справиться», а поэтому соблюдают осмотрительность [Laguette 2018, p. XI].

Политическое значение ЦА для Китая сегодня много важнее, чем экономическое. Пекин заинтересован, чтобы граничащей с беспокойным Синьцзяном Центральной Азией управляли «дружественные режимы», которые не станут помогать сепаратистскому подполью; он хотел бы, чтобы регион продолжал играть роль буфера между китайским западом и еще более опасным Афганистаном. А для этого необходимо расширять сотрудничество со странами Центральной Азии в области безопасности, приграничных, межрегиональных и гуманитарных связей. В том числе и по этим причинам отношения с ЦА для Китая к концу десятилетия явно обрели сугубо региональный характер. Об этом свидетельствует хотя бы преобразование (в 2019 г.) Форума сотрудничества Китая и Центральной Азии в Форум регионального сотрудничества Китая и Центральной Азии. В резолюции 4-го Форума было также отмечено, что особое внимание Китай и страны ЦА должны уделять «развитию регионального сотрудничества и народных обменов».⁷⁹ А сотрудничество в области безопасности было поднято до сложных форм взаимодействия

⁷⁹ Цзинаньская декларация IV Форума сотрудничества Китая и стран Центральной Азии. 13 мая 2019 г. [Электронный ресурс] URL: http://russian.china.org.cn/china/txt/2019-05/14/content_74781842.htm (дата обращения 20 января 2023) (кит. яз.).

типа совместных учений, патрулирования границ и военно-технического сотрудничества.⁸⁰

Сегодня в отношениях со странами Центральной (как и Юго-Восточной) Азии в основу китайского подхода положено строительство «сообществ единой судьбы». Такие намерения были впервые зафиксированы в двусторонних соглашениях КНР 2022–2023 гг. с Казахстаном, Туркменией и Узбекистаном, а в мае 2023 г. закреплены в документах первого Саммита Китай – Центральная Азия.⁸¹ Вместе с тем, в итоговом документе этого Саммита и совместных заявлениях по итогам встреч Си Цзиньпина с лидерами центрально-азиатских государств регулярно подчеркивается приоритет «национальной независимости, суверенитета и территориальной целостности», «самостоятельного выбора пути развития и модели управления» стран Центральной Азии, проведения ими «независимой внутренней и внешней политики». Тем самым в Центральной Азии Китай всеми путями поддерживает свою репутацию «ответственного и миролюбивого государства», которое не вмешивается во внутренние дела других стран,⁸² но при этом делает неприкрытые намеки в адрес других мировых держав (прежде всего, США и Турции) о недопустимости вмешательства в центрально-азиатские дела.

Повестка для Европы

Европа для Китая – тема непростая. В ней перемешиваются исторические обиды («опиумные войны», колониальная политика Англии, Франции, Германии, Португалии), экономические интересы (пятая часть товарооборота КНР и десятая часть всех зарубежных инвестиций Китая приходятся на страны Европы) и геополитические расчеты (место в новой архитектуре мира). При этом вес и значение отдельных государств и частей Европы неравнозначны, что отражается и в характере взаимодействия с ними.

Таблица 9

Экономические связи Китая со странами Европы

	Объем торговли (млрд долл.)			Накопленные прямые инвестиции из КНР (млн долл.)		
	2012	2021	Рост (%)	2012	2021	Рост (раз)
Мир	3867,1	6309,6	63,2	531 940,6	2 785 149,7	4,2
Европа	683,1	1 178,9	72,6	36 975,1	131 794,6	3,6
Доля от мира (%)	17,7	19,5	+1,8	7,0	4,3	2,7%
Европейский союз	546,0	828,1	51,7	31 538,2	95 898,4	3,0
Доля от мира (%)	14,1	13,1	-1	5,9	3,4	-2,5%
Германия	161,1	235,1	45,9	3 104,4	16 697,5	5,4
Голландия	67,6	116,5	72,3	1 107,9	28 487,5	25,7
Великобритания	63,1	112,7	78,6	8 934,3	19 005,3	2,1
Люксембург	1,6	1,8	12,5	8 977,9	18 130,7	2,0

⁸⁰ Умаров Т. Расширение на запад. Почему Россия не возражает против китайских баз в Таджикистане. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/commentary/86095> (дата обращения 20 января 2023).

⁸¹ Zhongguo – zhongya fenghui xian xuanyan. 2023-05-19 [Сианьская декларация саммита Китай-Центральная Азия 19 мая 2023 г.] [Электронный ресурс] URL: https://www.fmprc.gov.cn/zyxw/202305/t20230519_11080194.shtml (дата обращения 20 июня 2023) (кит. яз.).

⁸² Умаров Т. Расширение на запад. Почему Россия не возражает против китайских баз в Таджикистане. [Электронный ресурс] URL: <https://carnegie.ru/commentary/86095> (дата обращения 20 января 2023).

	Объем торговли (млрд долл.)			Накопленные прямые инвестиции из КНР (млн долл.)		
	2012	2021	Рост (%)	2012	2021	Рост (раз)
Франция	51,0	85,1	66,9	3 950,8	4 863,9	1,2
Италия	41,7	74,0	77,5	573,9	3 413,2	5,9
Испания	25,6	48,4	89,1	437,3	1 136,2	2,6

Европейский союз является для КНР важнейшим торговым партнером, и его значение в последнее десятилетие возросло. На него в 2021 г. пришлось 13% внешнеторгового оборота страны, а вместе с вышедшей из союза Великобританией – 14,9%, что больше, чем в 2012 г. Главными партнерами КНР являются Германия, Голландия и Великобритания, на долю которых приходится почти 40% торговли Китая с Европой. Эти три страны вместе с Люксембургом аккумулируют 60% накопленных ПИ из КНР в Европе. При этом Китай имеет существенный профицит торгового баланса с Европой: экспорт (700,9 млрд долл. в 2021 г.) существенно превышает импорт из Европы (478,0 млрд долл.), так что поддержание стабильных экономических связей с этой частью континента является стратегически важным.

Юго-Восточная, Центральная и Восточная Европа интересна Китаю, прежде всего, как «точка входа» в Западную Европу через инициативу «Пояса и пути». Некоторые эксперты указывают на привлекательность Восточной Европы для китайских компаний по причине ее потребностей в иностранных инвестициях, большей лояльности к этим инвестициям со стороны местного законодательства, а также появляющейся в связи с этим у Пекина возможности использовать местные связи, чтобы влиять на принятие решений в ЕС по таким большим для него вопросам, как права человека, ситуация в Восточно-китайском море, Тибете или Синьцзяне [Brattberg... 2021, pp. 6, 9–10.]. Однако на сегодняшний день суммарный объем торговли КНР с этими странами не дотягивает до 150 млрд долл. (12,5% от торговли КНР с Европой), а накопленных китайских инвестиций – до 2,5 млрд долл. (менее 3% китайских ПИ в Европе), так что о каких-то «рычагах» говорить явно преждевременно.

К тому же предпринятые в последние годы со стороны Европы недружественные шаги в отношении КНР (отказ от подписания детально проработанного соглашения о взаимных инвестициях, политические выпады в адрес Пекина со стороны руководства некоторых политических деятелей ЕС и даже руководителей государств, попытки давления на китайское руководство и др.) вынуждают Пекин пересматривать свое отношение к Европе, выстраивая их, с одной стороны, по линии сохранения и развития экономических связей с главными и важными для него партнерами, с другой – ставя во главу угла свои стратегические интересы, один из которых – недопущение формирования антикитайской коалиции западных держав. Именно в этих целях была сформулирована и в последнее время активно продвигается идея «стратегической автономии». Китайские руководители постоянно подчеркивают, что «дружба является основным лейтмотивом, а сотрудничество – общей целью политики Китая в отношении

Европы»,⁸³ однако «ключом к ... раскрытию потенциала сотрудничества является способность Европы преодолеть политические препятствия и внешнее вмешательство.⁸⁴ О важности стратегической автономии Европы Си Цзиньпин регулярно напоминает тем европейским лидерам, кто, по его мнению, способен его услышать и предпринять какие-то реальные действия в этом направлении. «Китай всегда рассматривает Европу как независимый полюс в многополярном мире, поддерживает Европу в достижении стратегической автономии, настаивает на том, что отношения между Китаем и ЕС не являются направленными против кого-то, зависимыми или подчиненными третьим сторонам, и считает, что ЕС будет самостоятельно развивать отношения с Китаем», заявил Председатель КНР на совместной пресс-конференции с президентом Франции Э. Макроном.⁸⁵ А премьер-министру Испании А. Санчесу он прямо намекнул, что подлинное развитие китайско-европейских отношений возможно только при достижении Европейским Союзом стратегической автономии.⁸⁶

Отношения с Россией в контексте евразийской стратегии Пекина

Место России во внешнеполитической стратегии Китая достаточно лаконично, но емко обозначено в уже не раз процитированном выше докладе Ван И. Отношения с Россией он характеризовал как «добрососедские и дружественные», как отношения «стратегического взаимного доверия и взаимовыгодного сотрудничества», основанные на «неприсоединении, неконфронтации и ненацеленности против третьих сторон», и в их рамках «Китай и Россия вместе с другими странами неуклонно продвигают мировую многополярность и демократию в международных отношениях, неуклонно выступают против гегемонии и сопротивляются новой холодной войне».⁸⁷ Именно это устремление Москвы и Пекина «установить подлинную глобальную многополярность» дало повод экспертам констатировать глобальный характер российско-китайского партнерства [Korybko 2014].

⁸³ Wang Yi. Xionghuai tianxia, youngyi qianxing puxie zhongguo tese daguo wajiao xin huazhang. Zai guoji xingshi he zhongguo wajiao yantaohui shangde yanjiang. 2022 nian12 yue 25 ri [Ван И. Думая о мире, смело идти вперед, писать новую главу о дипломатии крупной страны с китайской спецификой. Выступление на симпозиуме по международному положению и дипломатии Китая. 25 декабря 2022 г.] [Электронный ресурс] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1753149565316043735&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 25 января 2023) (кит. яз.).

⁸⁴ China-EU relations: Global Times editorial. Global Times. Apr 08, 2023 [Электронный ресурс] URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202304/1288709.shtml> (дата обращения 20 июня 2023) (кит. яз.).

⁸⁵ Xi Jinping tong faguo zongtong makelun gongtong huijian jizhe. 2023-04-06 [Си Цзиньпин и президент Франции Эммануэль Макрон совместно встретились с журналистами. 6 апреля 2023 г.] [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/zyxw/202304/t20230406_11055454.shtml (дата обращения 26 апреля 2023) (кит. яз.).

⁸⁶ Xi Jinping huijian xibanya shouxiang senggqiesi. 2023-03-31 [Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Испании Алексисом Санчесом. 31 марта 2023 г.] [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679810/xgxw_679816/202303/t20230331_11052751.shtml (дата обращения 26.04.2023) (кит. яз.).

⁸⁷ Wang Yi. Xionghuai tianxia, youngyi qianxing puxie zhongguo tese daguo wajiao xin huazhang. Zai guoji xingshi he zhongguo wajiao yantaohui shangde yanjiang. 2022 nian12 yue 25 ri [Ван И. Думая о мире, смело идти вперед, писать новую главу о дипломатии крупной страны с китайской спецификой. Выступление на симпозиуме по международному положению и дипломатии Китая. 25 декабря 2022 г.] [Электронный ресурс] URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1753149565316043735&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 25 января 2023) (кит. яз.).

Сегодня отношения с Москвой Пекин строит, с одной стороны, в глобальных проекциях, где линия на глобальную многополярность выходит на формулу «сообщества единой судьбы человечества»,⁸⁸ с другой – в контексте обеспечения стабильности своих северных границ, энергетической безопасности страны и экономической модернизации приграничных с России территорий – провинций Хэйлунцзян, Цзилинь и АРВМ Внутренняя Монголия. Евразийский ракурс просматривается только через призму сотрудничества/соперничества в зонах общих интересов (Центральная, Северо-восточная и Юго-восточная Азия, Ближний Восток) и обеспечения безопасности континента силами Шанхайской организации сотрудничества, которая «обеспечивает более прочную гарантию мирного развития Евразийского континента».⁸⁹

Тема «сопряжения» инициативы «Пояса и пути» и Евразийского экономического союза постоянно звучит в российско-китайском диалоге, но не всегда выходит на конкретные проекты. В этой связи упоминаются «экономический коридор Китай – Монголия – Россия» и проект Ямал-СПГ. Однако, несмотря на подписанное соглашение о «сопряжении» интеграционных проектов Китая (Пояс и путь) и России (Большая Евразия), существенных подвижек на этом направлении пока еще не происходит.

Заключение

Тема Евразии как важнейшего экономического и политического пространства для взаимодействия и решения задач развития страны постепенно утверждается, как минимум, в академической среде Китая. Об этом свидетельствует хотя бы создание различных исследовательских институтов по изучению Евразии.⁹⁰ Однако, осознав себя как глобальную державу, рассматривая Евразию как важнейший, но не единственный элемент мировой архитектуры, и учитывая величайшую сложность межгосударственных, религиозных, межкультурных и межэтнических отношений на континенте, Пекин даже не пытается предлагать ему какую-то общую идею и повестку развития.

Сегодня и китайские эксперты трактуют ИПП больше через призму глобальных, чем евразийских интересов Пекина. Стратегической целью «Пояса и пути», разъясняют сотрудники консалтинговой компании Чжиянь, является «построение «сообщества взаимного политического доверия,

⁸⁸ В Совместном заявлении от 21 марта 2023 г. российская сторона отметила «положительное значение концепции Китайской Страны о построении «сообщества единой судьбы человечества» для укрепления солидарности мирового сообщества и объединения усилий в реагировании на общие вызовы» (Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 21 марта 2023 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5920> (дата обращения 25 января 2023)).

⁸⁹ Wang Yi. Xionghuai tianxia, youngyi qianxing puxie zhongguo tese daguo waijiao xin huazhang. Zai guoji xingshi he zhongguo waijiao yantaohui shangde yanjiang. 2022 nian 12 yue 25 ri [Ван И. Думая о мире, смело идти вперед, писать новую главу о дипломатии крупной страны с китайской спецификой. Выступление на симпозиуме по международному положению и дипломатии Китая. 25 декабря 2022 г.] [Электронный ресурс] URL: <https://baijiahaobaidu.com/s?id=1753149565316043735&wfr=spider&for=pc> (дата обращения 25 января 2023) (кит. яз.).

⁹⁰ Здесь можно упомянуть Евразийский научно-исследовательский институт Академии международной торговли и экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР, Евразийский институт общественного развития Исследовательского центра развития Госсовета КНР, Институт евразийского развития при Хэйлунцзянском университете, Институт российских и евразийских исследований Восточно-китайского педагогического университета и др.

экономической интеграции, культурной толерантности, сообщества единой судьбы и ответственности для всех стран мира, включая Евразию».⁹¹ Можно обратить внимание и на тот факт, что в докладе Ли Кэцзяна на сессии ВСНП в марте 2023 г. эта инициатива не получила какой-либо региональной привязки,⁹² так что неспециалист, который не знает ее внутреннего содержания, может легко воспринять ее как глобальный проект Пекина.

Несмотря на многочисленные прогнозы, предрекавшие кардинальное укрепление экономического и политического влияния Китая в Евразии в результате реализации инициативы «Пояса и пути», этого не произошло. За последнее десятилетие удельный вес стран континента во внешнеторговом обороте КНР немного, но сократился (с 70,8% в 2012 до 70,1% в 2021 г.); существенно снизилась доля Евразии в объеме китайских ПИ за рубежом (с 42 до 29% без учета Гонконга и с 75,5 до 68,5% с учетом Гонконга). На пять стран Центральной Азии, которые, вроде бы, находятся в центре проекта и по многим прогнозам должны были стать «проходным двором» для Китая, приходится только 0,8% объема внешней торговли КНР и 0,5% китайских ПИ за рубежом. Подходы и акценты Пекина к реализации инициативы «Пояса и пути» убеждают, что она является для него инструментом конструирования не нового регионального, а глобального порядка. В этом контексте симптоматичен выбор главной темы Боаоского форума 2021 г.: «Мир в процессе изменений: сплотимся, чтобы укрепить глобальное управление и продвигать сотрудничество «Один пояс, один путь».

Если углубляться в анализ статистики внешней торговли КНР, то в самой Евразии ее приблизительно одинаковыми по весу экономическими партнерами являются Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия и Европа (рис. 1). Но, как мы показали выше, и структура торговли, и тренды ее развития с различными странами сильно отличались.

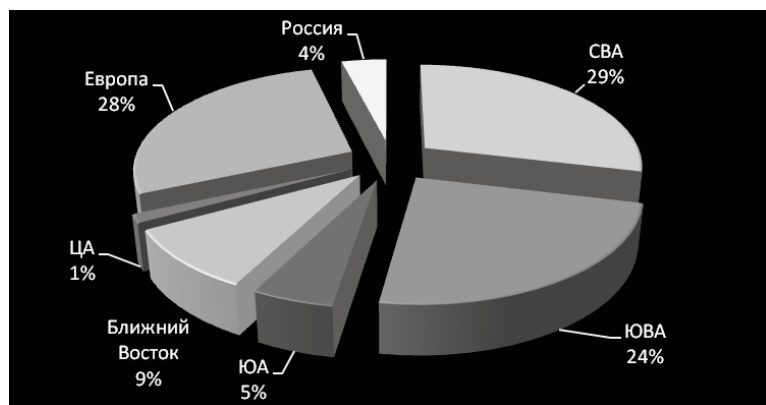

Рис. 1.
Вес регионов Евразии в структуре экономических связей КНР (2021 г., в %)

⁹¹ 2020 nian zhongguo “yidai yilu” yanxian guojia touzi hezuo xianzhuang fenxi [Анализ текущей ситуации инвестиционного сотрудничества между странами, расположенными вдоль китайского «Пояса и пути» в 2020 году]. Zhiyan zixun (Консалтинговая компания Чжиянь) [Электронный ресурс] URL: <https://www.chyxx.com/industry/202103/935252.html> (дата обращения 20 мая 2023) (кит. яз.).

⁹² Li Keqiang zongli zuo zhengfu gongzuo baogao (wenzi zhaiyao) [Отчет премьер-министра Ли Кэцзяна о работе правительства (краткое содержание текста)] [Электронный ресурс] URL: <http://www.gov.cn/zhuanti/20231hzhfgzb/index.htm> (дата обращения 06 мая 2023) (кит. яз.).

За десятилетие Китай нарастил объемы экономического взаимодействия со всеми регионами Евразии. Самый высокий прирост продемонстрировала торговля с Ближним Востоком (2,5 раза) и ЮВА (2,2 раза), наименьший – с Центральной Азией (37%) (таб. 10). За это время Евразийский континент уступил место главного реципиента китайских инвестиций Латинской Америке. Только в ЮВА темпы прироста ПИ из КНР были выше, чем общемировые.

Таблица 10

Темпы прироста объема экономических связей КНР с регионами и странами Евразии (2021 г. по сравнению с 2012 г.)

	Прирост объема торговли (%)	Прирост накопленных прямых инвестиций из КНР (раз)
Мир	63,2	4,2
Ближний Восток	148,9	4,1
Юго-Восточная Азия	121,0	5
Южная Азия	106,1	3,5
Европа	72,5	3,6
Россия	64,7	2,2
Северо-Восточная Азия	39,6	1,8
Центральная Азия	37,1	1,8

Политические отношения, которые Китай выстраивал со странами и регионами континента были столь же диверсифицированы, жестко вписаны в глобальную стратегическую повестку, внешнеполитические принципы и интересы внутреннего развития страны. Генеральной новацией этой стратегической повестки последнего десятилетия стал курс на строительство «сообщества единой судьбы» и реализацию глобальных инициатив Председателя КНР Си Цзиньпина.

ЛИТЕРАТУРА

Ларин 2020 – Ларин В.Л. Северо-восточная Азия в контексте глобальных интересов и политики Китая «в новую эпоху» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. № 6. С. 114–122.

Ларин 2021 – Ларин В.Л. Россия в планах и программах приграничных территорий Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 12. С. 5–14.

Ларин 2022 – Ларин В.Л. Китай как глобальный и региональный фактор // Десятилетие обманутых ожиданий: Тихоокеанская Азия и Тихоокеанская Россия между двумя глобальными кризисами. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2022. – С. 59–117.

Ларин 2023 – Ларин В.Л. Китайская повестка мировой политики XXI века // Российское китаеведение. 2023. № 1. С. 14–34.

Лукин, Дикарев 2021 – Лукин А., Дикарев А. Подход КНР к территориальным спорам в Южно-китайском море и внешняя политика России // Мировая экономика и международные отношения. 2021. № 1. С. 6–7 (с. 5–15).

Мальшева 2019 – *Мальшева Д.Б.* Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 5. С. 101–108.

Мелкумян 2019 – *Мелкумян Е.С.* Совет сотрудничества арабских государств Залива: история, ключевые достижения и перспективы развития // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика*. 2019. № 1. С. 108–137.

REFERENCES

Al-Tamimi, N. (2019), “The GCC’s China policy: Hedging against uncertainty”, *China’s Great Game in the Middle East*, European Council on Foreign Relations Policy Brief, October 2019.

Brattberg, E., Le Corre, Ph., Stronski, P. and de Waal, T. (2021), *China’s Influence in Southeastern, Central, and Eastern Europe. Vulnerabilities and Resilience in Four Countries*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.

Clash of National Identities: China, Japan, and the East China Sea Territorial Dispute (2013), Ed. by Tatsushi Arai, Shihoko Goto, and Zheng Wang. Washington, DC: Woodrow Wilson International Center for Scholars.

Fayyaz, M. (2019), “China-Pakistan Economic Corridor (CPEC): The Road to Indian Ocean and its Geopolitical implications for the India-Pakistan Strategic Relations” *International Journal of Educational Research and Studies*, vol. 1, no 1, pp. 14–22.

Fulton, J. (2019), “China’s Changing Role in the Middle East”, *Atlantic Council*, June.

Garlick, J. (2020), *The Impact of China’s Belt and Road Initiative. From Asia to Europe*. NY: Routledge, USA.

Garlick, Jeremy and Havlova, Radka (2020), “China’s “Belt and Road” Economic Diplomacy in the Persian Gulf: Strategic Hedging amidst Saudi– Iranian Regional Rivalry”, *Journal of Current Chinese Affairs*, pp. 1–23.

Hussain, M. and Jamali, A.B. (2019), “Geo-Political Dynamics of the China–Pakistan Economic Corridor: A New Great Game in South Asia”, *Chinese Political Science Review*, no. 4, pp. 303–326.

Kaya, T.Ö. and Kilic, F. (2017), “Sino-Indian Strategic Rivalry in the Indian Ocean Region”, *The Journal of Humanity and Society*, no 7(2), pp. 155–172.

Korybko, A. (2014), “Washington’s Nightmare Comes True: The Russian-Chinese Strategic Partnership Goes Global”, *Oriental Review*, Aug. 23.

Lain, S. (2018), “The Potential and Pitfalls of Connectivity along the Silk Road Economic Belt”, *China’s Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia*, Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, pp. 1–10.

Larin, V.L. (2020), “Northeast Asia in the context of China’s global interests and policy “in a new era”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 6, pp. 114–122.

Larin, V. L. (2021), “Russia in the Plans and Programs of PRC Border Regions”, *World Economy and International Relations*, vol. 65, no. 12, pp. 5–14.

Larin, V.L. (2022), *Kitai kak global’nyi i regional’nyi faktor [China as a Global and Regional Factor]*, *Desyatiletie obmanutykh ozhidanii: Tikhookeanskaya Aziya i Tikhookeanskaya Rossiya mezhdumy global’nymi krizisami [A Decade of Disappointed Expectations: Pacific Asia and Pacific Russia between Two Global Crises]*, IIAE DVO RAN, Vladivostok, pp. 59–117.

Larin, V.L. (2023), “Chinese agenda of world politics of the 21st century”, *Rossiyskoe kitaevedenie*, no 1, pp. 14–34.

Laruelle, M. (2018), “Introduction. China’s Belt and Road Initiative. Quo Vadis?”, *China’s Belt and Road Initiative and Its Impact in Central Asia*, Washington, D.C.: The George Washington University, Central Asia Program, pp. X–XII.

Lons, C. (2019), “China’s evolving role in the Middle East”, *China’s Great Game in the Middle East*, European Council on Foreign Relations Policy Brief, October 2019.

Lukin, A. and Dikarev, A. (2021), “China’s Approach to Territorial Disputes in the South China Sea and Russia’s Foreign Policy”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no 1, pp. 5–15.

Malysheva, D.B. (2019), “Post-Soviet states of Central Asia in Chinese politics”, *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 63, no. 5, pp. 101–108.

Mayer, M. and Xin Zhang (2020), “Theorizing China-world integration: sociospatial reconfigurations and the modern silk roads”, *Review of International Political Economy*. [Online], available at: <https://doi.org/10.1080/09692290.2020.1741424> (Assessed 20 June 2023).

Melkumyan, E.S. (2019), “Cooperation Council for the Arab States of the Gulf: history, key achievements and development prospects”, *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika*, no 1, pp. 108–137.

Rahul, A. (2018), “The Game for Regional Hegemony: China’s OBOR and India’s Strategic Response”, *Austral: Brazilian Journal of Strategy & International Relations*, vol. 7, no. 13, pp. 159–196.

Serafettin, Y. and Liu Changming (2018), “China’s ‘Belt and Road’ Strategy in Eurasia and Euro-Atlanticism”, *Europe-Asia Studies*, vol. 70, no. 2, pp. 252–276.

Shafqat, S. (2017), “China’s Rise: How Is It Impacting the Gulf, Iran, Pakistan and Beyond?”, *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 15–36.

Sun, Degang (2019), “China’s approach to the Middle East: Development before democracy”, *China’s Great Game in the Middle East*, European Council on Foreign Relations Policy Brief, October 2019.

Viskupic, F. (2013), Japan as China’s ‘other’: China’s identity and policy towards Diaoyu/Senkaku islands. Hong Kong: Lingnan University, 2013. Theses & Dissertations. Paper 11 [Online] available at: http://commons.ln.edu.hk/pol_etd (Assessed 20 May 2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виктор Лаврентьевич Ларин, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, Владивосток, Россия, 690950, ул. Пушкинская, 89; larin.vic@gmail.com.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Viktor L. Larin, Academician of RAS, Doctor of Sci. (History), professor, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch, Russian Academy of Sciences, 89, Pushkinskaya st., Vladivostok, Russia, 690950; larin.vic@gmail.com.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-91-117

Музы и науки «продвигаются к северу»: Петр I и северность России⁹³

Андрей В. Головнёв

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Россия, Andrei_golovnev@bk.ru
ORCID: 0000-0002-5716-655X

Аннотация. По сложившемуся мнению, Петр I в своих реформах отвернулся от старорусских традиций во имя европейских новшеств. На самом деле он вернулся к древнерусским корням, возродив путь от моря до моря (из варяг в греки и арабы) в обновленном имперском измерении. Петербург еще только строился, а влиятельный французский *Journal de Trevoux* в 1706 г. писал, что в России музы и науки «продвигаются к северу, где царь Петр Алексеевич, правящий ныне, утвердился в намерении просветить свое государство». Клише Петербурга как «окна в Европу» породил своим высказыванием итальянский просветитель Ф. Альгаротти, однако он говорил не об окне на запад, а о «новом окне на севере»; в поэтической пушкинской версии это высказывание сократилось до смысла «в Европу прорубить окно». Между тем Альгаротти, сообразно европейским представлениям XVIII века, имел в виду именно север и приводил аллегория России как белого медведя, опирающегося лапами на берег Ледовитого океана. Выбор Севера в качестве опоры империи, победа в Северной войне и движение «муз и наук» в Северную столицу стали основными ориентирами деятельности Петра Великого, образующими историософскую концепцию «северности России».

Ключевые слова: Северность России, Петр Великий, морские науки и искусства.

Для цитирования: Головнёв А.В. Музы и науки «продвигаются к северу»: Петр I и северность России // *Евразийский ежегодник*. 2023. № 1. С. 93–119. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-91-117.

Muses and sciences are “moving north”: Peter I and the northerness of Russia

Andrei V. Golovnev

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography
(Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation, Andrei_golovnev@bk.ru
ORCID: 0000-0002-5716-655X

Abstract. According to the prevailing opinion, Peter I in his reforms turned away from old Russian traditions for the sake of European innovations. In fact, he returned to

⁹³ Исследование выполнено за счет гранта РНФ № 22-18-00283 «Северность России и этнокультурный потенциал Арктики», <https://rscf.ru/project/22-18-00283/>.

ancient Russian roots, reviving the path from sea to sea (from the Varangians to the Greeks and Arabs) in a renewed imperial dimension. Petersburg was just under construction, when the influential French Journal de Trevoux wrote in 1706 that in Russia the muses and sciences “are moving northward, where Tsar Peter Alekseevich, who is now ruling, has made up his mind in intention to enlighten his state.” The cliché of St. Petersburg as a “window to Europe” was launched by the Italian educator Francesco Algarotti, though in fact he did not speak of a window to the west, but of a “new window on the north”; in Pushkin’s poetic version, this statement was reduced to the meaning of “to cut a window into Europe.” Meanwhile, Algarotti, in accordance with European ideas of the 18th century, had in mind precisely the north and cited an allegory of Russia as a polar bear resting its paws on the shore of the Arctic Ocean. The choice of the North as the backbone of the empire, the victory in the Northern War and the movement of “muses and sciences” to the Northern capital became the main guidelines for the activities of Peter the Great, forming the historiographical concept of the “Northernness of Russia”.

Keywords: Northernness of Russia, Peter the Great, marine science and art.

For citation: Golovnev, A.V. (2023), “Muses and sciences are “moving north””: Peter I and the northernness of Russia”, *Eurasian Yearbook*, no.1, pp. 93–119. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-91-117.

Пролог

В 1706 г. влиятельный французский *Journal de Trevoux* писал, что в России музы и науки «продвигаются к северу, где царь Петр Алексеевич, правящий ныне, утвердился в намерении просветить свое государство» [Копанев 1988, с. 13–14]. Речь шла о недавно (три года назад) основанном Санкт-Петербурге – городе, возникшем «среди болот и камышовых заводей», да еще и на бывшей территории враждебного государства – Шведского королевства: в том же году Петр еще планировал обменять у шведов этот клочок земли на Псков. Ко всему прочему, строился Петербург первоначально вовсе не для продвижения муз и наук, а для создания флота и завоевания моря.

Принято считать, что Петр I в своих реформах отвернулся от старорусских традиций во имя европейских новшеств. На самом деле он отвернулся от сухопутной ордынско-московской традиции и вернулся к древнерусским корням, возродив путь от моря до моря (из варяг в греки и арабы) в обновленном имперском измерении.

В ходе Северной войны Московское царство превратилось в Российскую империю с новой северной столицей Петербургом. Тем самым петровская Россия вернула себе изначальное свойство рюрикской Руси – междуморья, пути между морями Севера и Юга. Оставаясь пока без доступа к Черному морю, она соединила флотами Балтийское, Каспийское, Белое, а затем и другие северные и восточные моря. В новой конфигурации сеть путей с центром на Неве выглядела реваншем исходной для Руси точки отсчета «из варяг» – на этот раз «из Северной столицы России». Другими словами, и Русь, и Россия начинались с Севера, по одному и тому же руслу Невы. Как в VIII в. варяжская *русь* пришла на своих длинных кораблях на Ладогу, так, тысячелетие спустя, в XVIII в., у Ладоги, на Свири в Лодейном поле, летом 1703 г. в разгар войны со Швецией строился российский флот: фрегат «Штандарт», галиоты, буера и другие суда. И начал наступление на Неву Петр символично – из

Старой Ладogi – древней столицы варяжской Руси. Подобно своим далеким предшественникам, древнерусским князьям, он строил «империю флота» с ключевыми портами на севере и юге, только на этот раз место Ладogi занял Петербург, а Киева – Воронеж [Головнёв 2022а, Головнёв 2022б].

Д. М. Мережковский по этому поводу заметил: Петр «говорит, что начал впервые думать о море, когда прочел сказание летописца Нестора о морском походе киевского князя Олега на Царьград. Если так, то он воскрешает в новом древнее, в чужом родное. От моря через сушу к морю – таков путь России» [Мережковский 1990, с. 414]. Ту же связь уловил С. М. Соловьев при описании основания Петербурга:

В IX веке по Р. Х. устьем Невы начинался великий путь из варяг в греки; этим путем в половине века началась Россия. В продолжение осьми с половиной веков шла она все на восток; дошла вплоть до Восточного океана, но сильно наконец встосковалась по Западном море, у которого родилась, и снова пришла к нему за средствами к возрождению [Соловьев 1991, кн. 7, с. 620].

Историк видит возвращение России к истокам, но указывает при этом на «Запад» (Западное море), хотя для древней Руси и для Московского царства Балтийское море географически было северным. Следуя сложившемуся к его времени геополитическому клише, Соловьев располагает Россию непременно по оси «Запад–Восток», хотя царь Петр разворачивал свою геополитику по оси «Север–Юг», между Балтийским и Белым морями, с одной стороны, и Каспийским и Черным, с другой. Казус запада на севере или севера на западе относительно ориентации Петербурга и России возник без участия остроумного и элегантного литератора Франческо Альгаротти (Francesco Algarotti), побывавшего в 1739 г. в Петербурге и опубликовавшего переведенную на многие языки книгу *Viaggi di Russia* – «Путешествие в Россию» [Альгаротти 2014].

Окно Альгаротти

26-летний итальянец Альгаротти оказался в Петербурге по воле случая в составе направленной английским королем Георгом II на бракосочетание Анны Леопольдовны Мекленбургской и принца Антона Ульриха Брауншвейгского делегации во главе с лордом Балтимором, отправившейся на фрегате «Августа» 21 мая 1739 г. из Грейвзенда и через месяц плавания прибывшей 21 июня в Кронштадт (бракосочетание состоялось 3 июля). Первое впечатление Альгаротти о Петербурге в письме к лорду Харви звучит наполовину вопросительно:

... в каком порядке рассказать вам об этом городе, об этом, я бы сказал, огромном окне, недавно распахнувшемся на севере, – окне, через которое Россия смотрит на Европу? [Альгаротти 2014, с. 49].

Возможно, именно вопросительная тональность отозвалась век спустя в «Медном всаднике», где Пушкин ссылается на это высказывание, но в

сокращенном виде – «Альгаротти где-то сказал: “Petersbourg est la fenêtre par laquelle la Russe regarde en Europe”» (Петербург – окно, через которое Россия смотрит в Европу). В поэме это выражено еще лаконичнее:

Природой здесь нам суждено
В Европу прорубить окно...

На самом деле французский перевод буквально повторяет итальянский оригинал, сохраняя акцент на «большом окне», «недавно открывшемся на Севере» (см. ниже мой курсив):

Ma qual cosa le dirò prima, qual poi, di questa città, di questo *gran finestrone*, dirò così, *novellamente aperto nel norte*, per cui la Russia guarda in Europa? (Итал.)

Mais que vous dirai-je d’abord, et ensuite, de cette ville, de cette *grande fenêtre*, pour ainsi dire, *ouverte depuis peu au Nord* et par laquelle la Russie regarde en Europe? (Фр.)

Краткость порождает афористичность, и сокращенная поэтом фраза «окно в Европу» как метафора Петербурга стала крылатой; при этом у Альгаротти окно – «большое», т. е. допускающее существование некоего другого (малого), а у Пушкина оно – первое и единственное; у Альгаротти окно открывается (распахивается), а в «Медном всаднике» прорубается – вероятно, грозным царем, которого нередко изображают с топором в руках. Эта скользящая образность – в духе поэмы, где ревушая Нева крушит дома и судьбы, а за потерявшим рассудок Евгением «по потрясенной мостовой» несется «кумир на бронзовом коне». В основной части поэмы Петербург предельно мрачен – в наводнении как в наваждении, зато во вступлении – ясен, будто после бури (у Невы здесь не «пена разъяренных вод», а «державное течение»). В поэтической игре вспышками и затемнениями допустимы выхваченные ракурсы, в том числе окно с видом на Европу. Впрочем, Пушкина трудно заподозрить в неприятии Севера и его красот – «волшебницы (матушки) зимы», «северной Авроры», «полночных стран красы и дива» (Петербурга). И в «Медном всаднике» северные/зимние краски оттеняют образ Петербурга:

Люблю зимы твоей жестокой
Недвижный воздух и мороз,
Бег санок вдоль Невы широкой,
Девичьи лица ярче роз...

И все же Север в поэме не упоминается ни в цитате, ни в стихе. Если не считать это случайностью (поэтической небрежностью), то за столетие между «Путешествием в Россию» (1739) и «Медным всадником» (1833) можно заметить некоторое угасание «звезды Севера». России явно удалось движение на запад и восток – за счет европейских кампаний и освоения Русской Америки, тогда как северное измерение, после Великой северной

экспедиции, не расширилось; может быть, их затмили открытые Иваном Крузенштерном и его последователями южные кругосветные горизонты.

В эпоху Петра северность России и ее новой столицы выглядела впечатляюще. В контексте Северной войны 1700–1721 г. европейцы говорили о России не как о восточной, а как о северной стране [Нильсен 2017, с. 109]. У южанина Альгаротти северность России запечатлена в образе огромного медведя, причем не бурого, а белого – арктического, северного, морского.

Тут на днях я слышал, не помню от кого, что Россию можно представить в виде огромного белого медведя, задние лапы которого упираются в берег Северного Ледовитого океана, хвост погружен в воду, нос протянут к югу – к Турции и Персии, а передние лапы широко раскинуты и на восток, и на запад... Карл XII стал медведя дразнить, побил его неоднократно, но в конце концов выучил драться и скормил ему часть своих владений; медведь заявил о себе и стал внушать Европе страх [Альгаротти 2014, с. 80].

Кроме погруженного в воду хвоста, в этой картине все ясно: широко раскинутые на восток и запад передние лапы, упирающиеся в северный берег задние лапы, протянутый на юг нос (в то время завершалась очередная русско-турецкая война 1735–1739 гг.). Примечательна позиция медведя: он опирается на север, тянет лапы на запад и восток, а нос сует на юг. Картина сколько-то пародийная, но не лишенная точных ракурсов: Россия действительно живет на севере, который служит ей домом (берлогой); здесь она самодостаточна и самобытна, здесь ей не надо приспосабливаться и прихорашиваться. Север как тыл, как опора – естество геополитики России, однако в этом же состоит парадокс небрежения к Северу, поскольку он всегда под боком или даже под задом, и нет нужды о нем мечтать, к нему стремиться, видеть в нем судьбу и ключевую идею. Россия обращена к северу задом, и в том самом месте, где впору воздвигать столп величия, обнаруживается опущенный в воду хвост (может быть, в этом казусе и состоит «тайна хвоста», хотя у белого медведя он совсем маленький, и погрузить его в воду можно только вместе с телом, а если учесть, что медведь упирается задними лапами в берег, то это физически невозможно; впрочем, всего этого итальянцы XVIII века имели право не знать).

О северной стороне России Альгаротти рассуждает с неожиданной для южанина осведомленностью:

Сейчас дела обстоят так, что с северной стороны России некого бояться, поскольку там она сама и является концом света. Даже северные ветры, в других местах зловерные, несущие простуду и легочные болезни, России оказывают одно только благо – зимой благодаря им замерзают болота и реки, и дороги, сами по себе отвратительные, улучшаются, что позволяет оживить внутреннюю торговлю страны. В эту пору года русские усаживаются в сани, забирая с собою предназначенные на продажу товары и еду на несколько дней; они уверяют, что могут проехать до семи или восьми тысяч верст... и это для них то же самое, что для нас проехать из Рима в Неаполь или из Лондона в Йорк [Альгаротти 2014, с. 80–81].

Главная интрига метафоры Альгаротти – сам белый медведь. Россия давно свыклась со своей медвежьей ипостасью, но обычно она представляется бурым медведем. Между тем белый не только ярче олицетворяет северность, но и обладает качеством, идеально подходящим представлению Петра об империи – он не только огромный и могучий, но и морской. Чуткий к этому свойству итальянец не раз подмечает особое, почти маниакальное, увлечение русского царя морем и судовождением:

Семь месяцев Нева судоходна, а остальные пять по ней ездят на санях. У царя, среди прочих, были сани, сработанные наподобие шлюпки. На них, когда ветер дул вдоль по руслу реки, с востока или же с запада, он скользил под парусом туда и сюда, из Петербурга в Кронштадт и из Кронштадта в Петербург, по делам своего морского флота. Санями этими, или, если угодно, шлюпкою на полозьях, он управлял при помощи особого руля, похожего на окованную железом палку... Так Петр имел удовольствие ходить под парусом даже и на суше. Но самое великое удовольствие в своей жизни испытал он, когда торжественно поднялся вверх по Неве, после того как побил в 1714 году при Гангуте шведскую эскадру и привел оттуда изрядную ее часть вместе с пленным шведским адмиралом. Тут он увидел, что дело его жизни свершилось. Нация, несколькими годами раньше не имевшая на Балтике даже шлюпки, стала хозяйкою этого моря...

Царь Петр тоже в свое время говаривал, что лишней земли он уже не ищет, ее у него и так чересчур много, а ищет только воды [Альгаротти 2014, с. 50, 82].

Возвращаясь к «окну в Европу», можно отметить, что у юного итальянского литератора оно не только «распахнуто на севере», но и содержательно насыщено петербургской и российской северностью. Если бы Альгаротти хотя бы долю своего интереса к Черному морю перенес на Белое, он обнаружил бы, что еще севернее лет уж двести существует еще одно окно в Европу – Архангельск, где со времен Ричарда Ченслера обосновались англичане, а также голландцы, датчане и шведы, лишь по воле царя Петра сдвинувшие свои торговые маршруты с Беломорья на Балтику (Головнёв 2022а, с. 39–40). На самом деле Петербург не был первым «северным окном в Европу», а перехватил эту функцию у Архангельска, со времен Ивана Грозного регулярно принимавшего европейские корабли. Петербург «в практической жизни в качестве торговых ворот в Европу воспринимался как новый Архангельск» [Лотман, Успенский 1982, с. 241]. Впрочем, Альгаротти мог знать об Архангельске как уже существующем, пусть и малом, русском «окне в Европу», что и побудило его применить к Петербургу обозначение «большого окна».

Первое море

Детство Петра было вполне сухопутным, и ничто, казалось, не предвещало его увлечения морским делом. Напротив, он чурался всего, что напоминало водную стихию, и изменение его отношения к морю – от водобоязни до обожания – сродни чуду. Ю. Н. Беспятых ярче других описал это превращение:

Петр с пяти (иногда указывается: с трех) и до 14 лет смертельно боялся даже маленького ручейка, не смея перейти через него; боялся проезжать мимо водоемов, если дверцы кареты не были плотно закрыты; не мог ни видеть воды, ни слышать ее шума и уж подавно никогда не купался... Если Петр в детстве и отрочестве испытывал непреодолимый страх перед водой, то происшедшая психологическая метаморфоза поразительна. Ибо на протяжении всей последующей жизни мореплавание – самое любимое его занятие, а мужество и бесстрашие на воде поистине легендарны... Без памяти влюбленный в море, он жаждал иметь собственное. Вот главнейшая причина Азовских походов, Северной войны, возникновения Петербурга. Всепоглощающая страсть царя определила будущность России [Беспятых 1992, с. 13–14].

Откуда у московского царевича взялась тяга к морским просторам, причем такая же сильная, как неприязнь к кремлевским хоромам? Сам царь в написанном им (при помощи Феофана Прокоповича) предисловии к Морскому уставу назвал свое увлечение морским делом «странным и дивным» [Книга 1720, с. 6]. Петру было 16 лет (в 1688 г.), когда в амбаре села Измайлова он нашел старый английский бот:

В некоторое время случилось его величеству быть в Измайлове на льянном дворе и, гуляя по амбарам, где лежали остатки вещей дому деда его Никиты Ивановича Романова, увидеть между оными судно некое иностранное, и не стерпела любопытная природа миновать оное без испытанья, тотчас спросил Франца Тимермана [который тогда при его величестве для учения геометрии и фортификации жил], что то за судно? Он сказал, что то бот английский. Спросил паки государь: «Где его употребляют?» Сказал Франц, что употребляется при кораблях, для езды и возки. Еще спросил его величество, какое преимущество имеет пред нашими судами, понеже видел его образом и крепостью лучше наших. Франц ответствовал, что оное ходит на парусах, не только что по ветру, но и против ветру. Которое слово в великое его привело удивление и якобы неимоверно понудило возжелать экспериенции дела того [Книга 1720, с. 7].

Более всего Петра поразила способность бота идти под парусом против ветра. Преобразование хода под парусом в имперскую стратегию – нечто несоразмерное и странное, но в этом весь Петр с его тягой к «небываемому». Чудо в его репертуаре вполне рукотворно – в диапазоне от малого до великого, от починки бота до овладения морем. Отыскивая для отладки бота мастеров-корабелов, Петр проникся давней затеей своего отца, царя Алексея Михайловича, построить флот на Волге и Каспийском море для охраны торговых судов, для чего в 1667 г. «вывезен был из Голландии капитан Давыд Бутлер, с компанией мастеров и матросов». Построенный голландцами в Дединове корабль «Орел» в 1668 г. был спущен на воду и направлен в Астрахань, где попал в руки казаков Разина. Капитан был убит, матросы разбежались в Персию и Индию, а двое, лекарь Иван Термунт и плотник Карштен Брант, вернулись в Москву. Брант и стал тем мастером, который взялся отладить найденный Петром старый бот: «любохотно починил бот оный, сделал мачты и парусы, и на реке Яузе при его

величестве лавировал, что его величеству паче удивительно и зело любо стало» [Книга 1720, с. 7].

Страсть Петра к парусным маневрам толкала его к поиску простора, постепенно обретая «мотив моря». В своих воспоминаниях он отмечал каждый шаг на этом пути: сначала ему стала «узкая вода» Яузы, и он велел «перевести судно то на Просяной пруд»; затем пруд тоже оказался тесен, и царь отправился на Плещеево озеро, а также «изволил ездить» на Кубинское озеро. Наконец Петр осознал, что его стесняют берега, и он «положил свое намерение видеть воду охоте своей равную, то есть прямое море». Так он добрался «к городу Архангельскому и оттуда на яхте своей, именуемой Святого Петра, ходил до Поноя» в компании голландских и английских мореходов. Оставался лишь шаг от игры до стратегии, от бота до флота, и Петр сделал этот шаг – «всю мысль свою уклонил для строения флота». Так «ботик не к детскому только гулянью послужил ему, но подал вину к великому флота строению» [Книга 1720, с. 7–9].

Увлечение Петра судовождением преобразует обычную для московского царя череду церковных служб и ритуалов «дворцового обихода». Например, в апреле 1690 г. он выехал в Коломенское необычным путем – «Москвою рекою в судах... а к тому его государскому шествию изготовлено было плавное судно особым образом, на корабельное подобие, с парусы и с комнаты»; в марте 1691 г. на воду была спущена построенная самим Петром большая яхта, на которой в апреле он пару раз ходил в Коломенское, «несмотря на дурную погоду и сильный противный ветер»; в начале 1692 г. царь совершал частые поездки в Переславль-Залесский, где «с увлечением предавался кораблестроению и плаванию на озере», причем увлекся этой работой, что решительно забыл обо всем окружающем» [Богословский 1940, т. 1, с. 103, 120, 136, 139]. Руководил судовым делом на Плещеевом озере все тот же наставник царя Франц Тимерман. В рутине московской жизни Петра наметился новый ритм, включавший постройку к весне очередного судна (при непосредственном участии царя) и открытие навигации апрельским плаванием. Обозначился и порядок действий, повторившийся позднее в закладке Петербурга: за судостроением следовало градостроение – на южном берегу Плещеева озера царь возвел, помимо пристани и верфи, церковь, батарею и дворец.

Зимой и весной 1693 г. все шло своим чередом: Петр ездил в Переславль, где готовилась к навигации «потешная» флотилия. В мае он «недели три плавал по озеру Плещееву», однако «эта поездка была последнею: чрез два месяца он перенес свои потехи на волны океана и с тех пор посещал Переславль-Залесский только проездом из Москвы к Архангельску, да пред начало Азовских походов»; верфь и дворец на Плещеевом озере были заброшены, а построенные суда «гнили и разрушались» [Устрялов 1858, т. 2, с. 145].

Петр двинулся от озер к морям. В конце июля 1693 г. он (в звании сержанта Преображенского полка) прибыл на карбасах по Северной Двине к Белому морю со свитой в сто человек. В Архангельске его ждала двенадцатипушечная яхта «Св. Петр», приготовленная для морского путешествия на Соловки. Однако царь предпочел курс на Поной в компании голландского

капитана Йолсена, возглавлявшего направлявшуюся из Архангельска в Европу англо-голландскую флотилию.

С живейшим любопытством следя за всеми движениями английских и голландских судов, любясь их стройным ходом, красивою, доселе невиданною наружностью, ловкостью и искусством матросов, Петр почти не заметил, что он отдалился от Архангельска более чем за 300 верст и что уже недалеко был Северный океан [Устрялов 1858, т. 2, с. 151].

Складывается впечатление, что к тому времени Петр уже не просто грезил флотом, а боготворил его, и весь свой запас веры он перенес из церкви на верфь. Что бы царь ни строил, получался флот или порт. Иногда его изображают мастером на все руки – и правителем, и просветителем, и хирургом, и плотником. На самом деле он махал топором не где придется, а только на стапелях.

Петр бывал на Азовском и Каспийском морях, мечтал о Черном, покорял Балтийское, но первым его морем было Белое. В плавании по Белому морю к Поною летом 1693 г. Петр стал первым и единственным русским царем, пересекавшим полярный круг. По возвращении он задержался в Архангельске еще на полтора месяца в ожидании голландских и гамбургских кораблей (к Успенской ярмарке на Двине собиралось до сотни европейских торговых судов) и лишь в середине сентября, с наступлением холодов, отправился в Москву. Впрочем, не только ожидание задержало Петра: обнаружив, что среди торговых кораблей нет ни одного под русским флагом, он велел архангельскому воеводе снарядить два купеческих судна, одно из которых отправить в путь немедленно, а другое – будущим летом. Одновременно царь, не изменяя сложившейся привычке, собственными руками заложил в Соломбале новый корабль, а еще один попросил купить в Голландии. По прибытии в Москву он принял готовиться к следующей северной навигации, а себя возвел в звание шкипера. Тогдашние замыслы царя запечатлелись в документах Архангельской епархии:

[Петр] искал сначала моря на севере. Он задумал построить первоклассную крепость Северо-Двинскую, устроить военный порт на Новой Земле, открыть морской путь для соединения Европы с Карским морем, Сибирью и ее реками, устроить каботажный порт в Архангельске на берегах русского моря, построить много десятков кораблей русскими мастерами, из русских материалов, для торговли русскими произведениями и изделиями с англичанами, голландцами и немцами за границу в их странах [Львов-Кочетов 1895, с. 7].

Вторую навигацию в Архангельске Петр открыл плаванием к Соловкам в начале лета 1694 г. На этот раз он всерьез приобщился к мореходству, стоя на руле трещавшей от ураганного ветра яхты «Св. Петр». У Унских Рогов в Двинской губе он едва избежал гибели и в ознаменование спасения собственноручно срубил памятный крест с надписью по-голландски: *Dat kruys maken kaptein Piter van a. Cht. 1694* («Сей крест сделал капитан Петр в лето Христова 1694»). Остаток лета в Архангельске царь посвятил оснащению

корабля «Апостол Павел» и ожиданию фрегата «Св. Пророчество» (Santa Profeetie) из Голландии, а затем плаванию до кольского Св. Носа и назад [Устрялов 1858, т. 2, с. 168, 172; Максимов 1871: 351].

Морская наука

Какие науки могли «продвигаться к северу» в 1706 г., если Петербург только строился, а в остальной России их попросту не было (не считая богословия)? Разумеется, морские и военные, привезенные Петром из гран-тура (Великого посольства) по Европе 1697–1698 гг. Великое посольство было обставлено дипломатией, но в наказе, написанном собственноручно Петром, во всех 12 пунктах речь шла о морском деле: найме капитанов и наборе команд, постройке и оснастке кораблей, морской артиллерии и организации адмиралтейства. В составе посольства числились три десятка «волонтеров» для обучения «навигационному делу», в том числе сам царь (инкогнито). Эта экспедиция преследовала цель обретения корабельного мастерства и мастеров – при каждом удобном случае Петр вербовал и направлял в Россию моряков и корабелов. Все остальные интересы – артиллерия, фортеции, наука, художества – вращались вокруг морского дела. В категориях «наук и искусств» писал об увлечении Петра кораблестроением Н. Г. Устрялов:

Царь, всегда первый труженик для пользы народной, в нетерпеливом желании ввести в Россию морское искусство, задумал сам, с более надежными людьми, с преображенскими бомбардирами, отправиться в чужие земли, туда, где наиболее процветало мореходство... чтобы под руководством настоящих мастеров изучить кораблестроение во всех видах его... Мысль о науке так заняла его ум, что для большей свободы в действиях, для избежания тягостных церемоний, для устранения несносного любопытства толпы, он решился посетить Европу не в громком сане великого государя вся Руси, а в скромном виде русского дворянина, состоявшего волонтером при царском посольстве, под именем «Преображенского полка урядника Петра Михайлова» [Устрялов 1858, т. 2, с. 5–6].

Официальное посольство во главе с Францем Лефортом двигалось по суше, а Петр предпочитал воду (море, каналы, реки). По словам венецианского посла Рудзини, царь «так увлечен мореплаванием, что не желает путешествовать иначе, как водою». Молва доносила, что в Митаве, Либаве и Пиллау он называл себя «капитаном Петром», носил шкиперское платье, фамильярничал со шкиперами и щедро их поил в винных погребках. Даже на высокие рауты Петр являлся в костюме моряка: например, на приеме в замке герцога Цельского в Коппенбурге 11 августа 1697 г. он был «одет по-матросски в красное сукно с несколькими небольшими золотыми галунами, белые чулки и черные башмаки». На вопрос курфюрстины Ганноверской Софии, любит ли он охоту, царь ответил, что отец его любил, но «у него с юности настоящая страсть к мореплаванию и к фейерверкам», и он «сам работает над постройкой кораблей, показал свои руки и заставил потрогать мозоли, образовавшиеся на них от работы» [Богословский 1941, т. 2, с. 50–57, 115–117].

В те годы понятия «искусства и науки» применялись широко, в том числе к морскому и военному делу. В аттестате, полученном Петром (бомбардиром Михайловым) 2 сентября 1698 г. от главного инженера Прусских крепостей подполковника Штейнера-фон-Штернфельда, по поводу артиллерийской стрельбы звучали слова «искусство» и «наука» (ниже курсив мой – А. Г.):

...предъявитель сего, московский кавалер, именем господин Петр Михайлов, в минувшем году быв здесь, в Кёнигсберге, благоизволил дать мне знать, что желает он изучить огнестрельное *искусство*... и я тем ревностнее, без потери времени, как здесь в Кёнигсберге, так и в приморской крепости Пилау, ежедневно благопомянутого господина Петра Михайлова, не только в теории *науки*, но и в практике, частыми работами собственных рук его, обучал и упражнял... он такие оказал успехи и такие приобрел сведения, что везде за исправного, осторожного, *благоискусного*, мужественного и бесстрашного огнестрельного мастера и *художника* признаваем и почитаем быть может... [Устрялов 1858, т. 3, с. 32–33].

По прибытии в Голландию царь сразу проследовал в город корабелов Заандам (Саардам) и записался работником на верфь Рогге. Неделию спустя он переехал в Амстердам, где по рекомендации Витсена устроился на верфи Ост-Индской компании. Вряд ли у голландцев были другие столь же прилежные августейшие ученики по классу морского дела. Со своей стороны они делали все возможное, чтобы закрепить эту ученическую привязанность; в честь Петра на амстердамской верфи 9 сентября 1697 г. был заложен фрегат «Петр и Павел», который 16 ноября был спущен на воду. Именно на постройке этого корабля усердно плотничал урядник Петр Михайлов (здесь его звали «плотником заандамским»). При этом он продолжал носить платье моряка и ходить с матросами по кабакам.

Голландия в ту пору слыла мировой морской державой, и, увлекаясь морем, Петр не мог не заинтересоваться голландцами: первыми его наставниками в мореходстве были Ф. Тиммерман и К. Брант; на голландских судах он впервые вышел в море и свой памятный крест о спасении подписал по-голландски. В Голландии Петр прошел курсы навигации у ван Дама, корабельной архитектуры – у Адама Сило, кораблестроения – у Кардинаала ван Реена, Питера Пооля и Якобсона Вейзелера. Впрочем, голландская школа увлекала Петра постольку, поскольку превосходила другие, но стоило обнаружиться в ней изъянам, в частности, например, отсутствию чертежей «пропорций корабельных», как предпочтения царя вмиг изменились.

...зело ему стало противно, что такой дальний путь для сего восприял, а желаемого конца не достиг. И по нескольких днях прилучилось быть Его Величеству на загородном дворе купца Яна Тесинга в компании, где сидел гораздо невесел ради вышеописанной причины. Но когда между разговоров спрошен был, для чего так печален, тогда оную причину объявил. В той компании был один англичанин, который слыша сие сказал, что у них в Англии эта архитектура так в совершенстве, как и другое, и что кратким временем научиться можно. Сие слово Его Величество зело обрадовало, по которому немедленно в Англию поехал

и там чрез четыре месяца оную науку окончал и при возвращении своем вывез с собою двух корабельных мастеров, Яна Дена да Осипа Ная. И уже не суетная явилась надежда быть совершенному флоту морскому в России, когда сам Российский монарх стал корабельным архитектором, а то скоро и делом самым показалось [Книга 1720, с. 9–10].

К страсти по «архитектуре корабельной» добавилось еще одно искушение от «страны, окруженной морями»: в ноябре 1697 г. английский король Вильгельм III, познакомившись с русским царем в Утрехте, сделал ему истине королевский подарок – только что спущенную со стапелей изящную и быстроходную буер-яхту “The Transport Royal”. Оставив Великое посольство в Амстердаме, Петр двинулся в «землю, обстоящую Нептуновым полем».

В Англии царь увлекся морем уже по-английски. На подаренной королем яхте он бороздил Темзу, паля из пушек, бывал на верфях Дептфорда и Чатама. Одевался он по-прежнему по-матросски и, со слов очевидцев, ничего иного не желал, «как только быть на воде». Особенно впечатлило его показательное морское сражение в Портсмуте с участием трехпалубных гигантов, по поводу которого он обронил знаменитую фразу: «Если бы я не был царем, то желал бы быть адмиралом великобританским» [Майков 1891, с. 10].

Сложилось мнение, что основной дипломатической миссией Великого посольства было укрепление антитурецкой коалиции. На самом деле полторагодовалый вояж царя имел целью познание Европы, и прежде всего ее морского дела, а антитурецкая дипломатия напоминала досужие пересуды, завершившиеся не войной, а миром с турками. Сокрушительная победа принца Евгения Савойского над войсками султана Мустафы II при Зенте в сентябре 1697 г., принеся триумф Австрии и Карловицкий мир, не вызвала у Петра восторга и не вовлекла его в Священную лигу. Когда в декабре 1697 г. султан запросил мира и Леопольд II срочно созвал союзников в Вену, Петр поехал в противоположную сторону – в Лондон [Гузевич 2013, с. 5].

Гаснущий интерес царя к войне с Турцией выразился в колебаниях по поводу визита в Венецию, которая обладала мощным галерным флотом, идеально подходящим для азовской кампании, и выступала союзницей по антитурецкой коалиции. В середине лета 1698 г. в Вене был приготовлен дилижанс для царя, на границе Австрии и Венеции дежурили сменные лошади и коляски, в самой Венеции ожидали гондолы и угощения. Разнесся даже слух о прибытии московского экипажа в Пальму на границу с Венецией. Между тем Петр, торжественно попрощавшись с императором Леопольдом и римским королем Иосифом, двинулся из Вены в сторону Москвы, а в Венецию вместо себя отправил доктора Петра Посникова и повара Осипа Зюзина.

Петр отправился в европейский вояж с мыслями о Черном море, а вернулся с видами на Балтийское. До сих пор историки строят догадки о причинах неожиданного поворота царской геополитики с Юга на Север. Однако ничего шокирующего в нем нет: царь не отказался от Юга, но решил начать с Севера. Он и прежде чередовал Юг с Севером, азовские походы с

архангельскими плаваниями, и позднее продолжал курсировать между Азовом/Воронежем и Архангельском/Петербургом, зачастую минуя Москву. Отныне его опорой стал Север, где он чувствовал себя в силе начать войну за обладание морем.

Между тем по Балтике шли поставки пушек из Швеции в Московию. Карл XI был настолько уверен в лояльности москвитов, что незадолго до своей кончины подарил царю 300 пушек для войны с неверными. Исполнить его волю довелось сыну – Карлу XII. Вдобавок Петр закупил в Швеции еще 388 пушек, которые перевозились по реке Неве, и осенью 1698 г. партия пушек застряла в городке Канцы (Ниеншанц), буквально на месте будущего Петербурга. Поставки артиллерии направлялись на Дон, но шли по Неве, Ладоге и Волхову, обозначив северный «пушечный путь», который явно привлекал внимание царя.

В ноябре 1699 г. был заключен антишведский союз с Данией и Саксонией, но выступления союзных войск откладывались из-за того, что Петр ждал мира с Портой, а в войске Августа II любовные страсти преобладали над военными: саксонский генерал Флемминг предпочел жениться, а не штурмовать Ригу (насколько в окружении Петра первенствовало морское дело, настолько при дворе Августа – амурное) [Устрялов 1858, т. 3, с. 366]. Наконец, после томительного девятимесячного ожидания 3 июля 1700 г. был заключен мир царя с султаном на 30 лет, с уступкой днепровских городков, что показывает угасание южных амбиций Петра в пользу северных. 18 августа 1700 г. в Москву примчался курьер с известием о заключении мира, и на следующий день, 19 августа, Петр объявил войну Швеции.

Северная война означала выбор Севера в качестве театра геополитики. Последовавшие затем недоразумения и поражения, начиная с обескураживающего разгрома под Нарвой, стали неотъемлемым условием «осеверяния» Петра и его соратников. Одновременно московский царь постигал военно-морскую науку, выступая на первых порах в роли незадачливого ученика шведов. Эта наука начала «продвигаться на север» еще до закладки Петербурга и, по существу, стала мотивом основания новой столицы.

Северная виктория

Два северных для России моря – Белое и Балтийское – выглядели главной ареной морской стратегии, при этом Белое было в доступе, а Балтийское – в поле зрения. В начале войны Петр еще не знал, какой именно Север станет опорой новой морской политики России. Готовясь к схватке за Север, он делал ставку на Архангельск, сосредоточив в нем торговлю и морское дело (в 1700 г. на Соломбальской верфи были заложены шесть торговых кораблей), а на Балтике намереваясь запретить русским купцам торговать в Нарве, Ревеле и Риге. Первоначально и военные действия разворачивались в Белом море. Летом 1701 г. к Архангельску подошла шведская эскадра из четырех кораблей, два из которых, фрегат и яхта, сели на мель и были захвачены архангелогородцами. Петр по этому поводу не сдержал радости: «Зело чудесно!», хотя в эйфорию не впадал и осознавал (в чем доверительно

признавался Августу II), что «в России мореплавание еще в младенчестве» [Устрялов 1863, т. 4, с. 93, 104].

К лету 1702 г. Петр вновь прибыл на Белое море. Получив известие о планах шведов повторить северный рейд, он двинулся к Архангельску с четырехтысячным войском, включая пять батальонов гвардии. Примечательно, что, несмотря на тяготы похода, царь не доверил его генералам, а возглавил сам, да еще и прихватил с собой двенадцатилетнего сына Алексея. Переход из Москвы в Архангельск продолжался тридцать дней, и еще три месяца царь провел в устье Двины, поджидая шведов и занимаясь кораблестроением (в Троицын день были спущены на воду два буера: «Св. Дух» и «Курьер»).

С начала года Петр получал известия о победах на Балтике Бориса Шереметьева над шведскими войсками Шлиппенбаха: в конце декабря 1701 г. была одержана виктория при Эрестфере, по случаю которой царь воскликнул: «Слава богу, мы можем наконец бить шведов!», произвел Шереметьева в фельдмаршалы и наградил орденом Андрея Первозванного. Через полгода, 18 июля 1702 г., Шереметьев повторил успех, разбив 16 августа Шлиппенбаха при Гуммельсгофе.

Известие об этой победе застало Петра на берегу Белого моря в Нюхче (Нюхочкой пристани Соловецкого усолья), где он бросил якорь после посещения Соловецкого монастыря. Именно здесь Петр принял решение о броске на Балтику и выборе ее в качестве главной арены морской стратегии. Свою роль в этом решении сыграли виктории фельдмаршала Шереметьева, известия об успехах ладожского воеводы Петра Апраксина на Неве и Ижоре, уговоры короля Августа ударить по шведским крепостям в Лифляндии. Из Нюхчи Петр двинулся с войском и двумя недавно построенными буерами (малыми фрегатами) напрямую по лесам и болотам от Белого моря к Повенецкому погосту на Онежском озере. Этот путь длиной в 160 (вариант: 185) верст занял десять дней и стал известен как Осударева дорога. Предварительно ее обустройством занимался сержант Преображенского полка Михаил Щепотев, известный в поморских преданиях как «енерал Щепотев».

В 1702 году проходил Петр с сыном своим Алексием и синглитом в Нюхчу с моря. Свиты его, кроме начальников, ближайших бояр, духовных особ и чиновных людей, было 4000 человек. Царь пристал из Архангельска чрез пролив океана на 13 кораблях под горою Рислуды, а на малых судах пристал к Вардегоре; корабли изволил отпустить в Архангельск. От пристани царь шел в Нюхчу и изволил посетить село; отсюда пошел в Повенец мхами, лесами и болотами 160 верст, по которым были деланы мосты Соловецкаго монастыря крестьянами. По этой дороге людьми проташены две яхты до Повенца, от котораго его величество озером Онегою на судах поплыл в пределы Великаго Новгорода и пришел к городу Орешку, что ныне именуется Шлиссельбург [Церковный памятник села Нюхчи; цит. по: Максимов 1871, с. 345].

Его Величество с... пятью баталионами гвардии августа в 5 день от города Архангелского учинил морем транспорт... мимо Соловецкого монастыря к деревне

Нюхче, а отголь сухим путем до... Повенца чрез пустыя места и зело каменистые» [Гистория 2004, с. 222–223].

...фрегаты были поставлены на полозья и к каждому было определено по 100 лошадей и подвозчиков и по 100 человек пеших. Для удобства передвижения под фрегаты подкладывались катки. Государь, свита и духовенство, конечно, ехали, вероятно, частью в местных одноколках, а частью верхом. Места остановок назывались ямами и сохранили до сих пор это название... Для Государя и для свиты на местах ночлега ставились зимушки, а народ ночевал кто у костров, а кто взбирался на помосты на деревьях – ловасы. По преданию, Петр не любил ночевать в зимушках и больше все был на свежем воздухе [Пришвин 1907, с. 157].

К середине сентября царь прибыл в Старую Ладугу, вызвал Шереметьева с войском и собрал артиллерию – 41 пушку и 56 тысяч ядер. По расчетам Петра, подходящий момент для «невского сражения» настал. Символично, что битва за Неву начиналась из Старой Ладуги – древней столицы варяжской Руси. На штурм Нотебурга (Орешка) в истоках Невы двинулось войско из 14 полков с артиллерией под командованием Шереметьева и при участии царя. 25 сентября началась осада крепости, а 11 октября после 13-часового штурма шведский гарнизон прекратил сопротивление. Следующей весной русские войска прошли Неву от истока до устья, заняв 30 апреля 1703 г. Ниеншанц на Охте. По этому случаю советник царя и «надзиратель артиллерии» Андрей Виниус писал Петру: «отверзошася пространная порта бесчисленных нам прибытков». 16 мая 1703 г. у Невского устья уже стучали топоры, рубили деревянный городок – «этот городок был *Питербурх*, столица Российской империи» [Соловьев 1991, кн. 7, с. 620].

Незадолго, 7 мая 1703 г., в устье Невы случилось малозначительное, на первый взгляд, событие: бомбардир-капитан Петр Михайлов (царь Петр) и поручик Александр Меншиков на нескольких лодках взяли на abordаж два шведских судна – десятипушечный бот «Гедан» и восьмипушечную шняву «Астрильд». Короткая рукопашная схватка получила неожиданно высокую оценку как «небываемая виктория»; по этому поводу была отчеканена медаль с надписью «Небываемое бывает» и победители пожаловали себя орденами Андрея Первозванного. Эта «небываемая виктория» в устье Невы в мае 1703 г. стала первым морским сражением России с варяжских времен.

Антипод Петра I Карл XII всю свою бурную жизнь мечтал о славе «Северного Александра» и почти добился ее в походах по Польше и Саксонии, но не заметил, как в пылу сухопутных викторий утратил «скипетр Посейдона» – власть над морем. Когда он, подчинив Польшу и сменив ее короля (Августа на Станислава), решил добить последнего врага – русского царя, то сделал ставку не на флот, а на армию, все дальше отходя от родной стихии и погружаясь в «пучину суши».

На исходе 1707 г. Карл изготовился к решающему удару, но колебался в выборе направления – на Петербург, Москву или Малороссию. В этот критический момент Петр поручил Малороссию Меншикову, Москву – царевичу Алексею, а Петербург оставил за собой [Платонов 1997, с. 557]. Русский царь сделал нестандартный выбор в пользу моря и Севе-

ра, тогда как шведский король предпочел сушу и Юг. Прежде Карл легко побеждал на севере (Копенгаген 1700 г., Нарва 1700 г., Двина 1701 г.), а на юге его ждал шаткий Мазепа и крах под Полтавой (1709).

Биографы Карла, представляя его «последним королем-викингом» (Цветков 2005), упускают из виду, что он изменил викингской традиции, предпочтя сушу морю (недаром он страдал морской болезнью). Петр выбрал море, Карл – сушу, Петр – север, Карл – юг. Именно на юге шведский король проиграл решающую битву, а затем на пять долгих лет увяз в нелепом турецком плену в Бендерах, с каждым днем теряя инициативу и шанс на реванш. Он так и не вернулся в Стокгольм, где его напрасно ждал королевский флот. В Бендерах он был сам не свой: пять лет жил на подаяния султана, подталкивая его к войне с Москвой и время от времени устраивая скандалы, а 1 октября 1714 г. бежал (или был выдворен) из Турции и четыре года спустя, 1 декабря 1718 г., пал от шальной пули при осаде норвежского Фредриксхалля.

Между тем исход схватки за имперское могущество решался не в Малороссии и Турции, а на Неве и Балтике. Пока Карл покорял Европу, Петр промерял глубины и сооружал форты вдоль фарватера у Кронштадта.

Двадцать лет назад у Петра Алексеевича не было на Балтийском море ни единой лодки, а ныне он стал властителем сего моря и имел там тридцать больших линейных кораблей, один из коих царь построил собственными своими руками. Он был лучшим плотником, лучшим адмиралом и лучшим лоцманом на всем Севере. Не было ни одного опасного пролива, который он самолично не промерил бы, начиная с Ботнического залива и до самого океана. Познав труд простого матроса, Петр вместе с тем предавался опытам философическим, столь необходимым для замыслов императора [Вольтер 1999, с. 222].

Полтава не только стала новой реальностью как поле решающей виктории, но и послужила символом дальнейших побед, дав название флагману Балтийского флота – 54-пушечному парусному линейному кораблю, заложенному Петром по возвращении из южного похода 6 декабря 1709 г. Спуск «Полтавы» на воду два с половиной года спустя (15 июня 1712 г.) и ее торжественный проход на рейд у Кронштадта летом 1712 г. стали всеобщим торжеством и многозначительно совпали с провозглашением Петербурга столицей (других церемониалов по этому поводу как будто не проводилось). Судя по всему, флагман флота значил для становления Петербурга едва ли не больше, чем любой из дворцов, к которым, в отличие от кораблей, царь пристрастия не питал.

За время Северной войны Петр «осеверянился» и укрепился на Балтике настолько, что решился на открытый морской бой со шведами за пределами Невы и Кронштадта. В Гангутской баталии 27 июля (7 августа) 1714 г. русский гребной флот разбил шведскую эскадру, при этом шаутбенахт (контр-адмирал) Петр Михайлов за личное участие в абордажной атаке и общую

викторию был произведен в вице-адмиралы (царь скрупулезно соблюдал правила игры в чины и награды)⁹⁴.

Петр торжествовал: возникший из небытия русский флот стремительно набирал мощь. Это видно по тону царя в письме 1716 г. корабельному мастеру Ричарду Козенцу (построившему флагман «Ингерманланд»), где он описывал строй русских судов на рейде Ревеля: «Объявляю Вам, что корабль “Ингерманланд” на парусах зело изрядный, так что лучше его нет, и только отстают от него братья его, а приемыши все на зади» [Гребенщикова 2016, с. 69]. «Приемышами», что следуют «на зади» за петербургским линейным кораблем, были суда, купленные в Англии и Голландии, еще недавно казавшиеся непревзойденными шедеврами кораблестроения.

Северные успехи утверждали в царе победный дух, придавая размах его действиям во всех сферах внутренней и внешней политики. Из обаятельного ученика Петр превратился в опасного соперника Европы. В 1703 г., после взятия Ниеншанца, послы Голландии и Англии, еще недавно дружественных Петру, заявили, что «никто в Европе не потерпит появления царя в Балтийском море» [Устрялов 1863, т. 4, с. 390]. Когда в 1716 г. он заявил претензии на Висмар и Мекленбург, Европа в страхе и досаде оглянулась на свои двадцатилетней давности заигрывания с Великим посольством и пытливым великорослым урядником Петром Михайловым. Победы Петра произвели угнетающее впечатление даже на его старых голландских друзей, и новый визит русского царя в Европу в 1716–1717 г. вызвал больше опасений, чем умилений.

Имперские амбиции Петра I стремительно росли. 28 июня 1719 г. он подписал декларацию «О дозволении подданным Великобритании и Соединенных Нидерландских Штатов производить свободно торговлю со Швециею, кроме товаров, объявленных при сем контрабандными». Государь повелел «генералу-адмиралу и прочим адмиралам и морским офицерам, и кораблям военным, фрегатам и арматорам» производить досмотр купеческих судов в Балтийском море.

Ежели оные сыщутся безпорочны и по морским правам учреждены, безвозбранно пропускать, и отнюдь не брать и не задерживать. Оные же корабли, которые теми контрабандами нагружены, или неправы, и яко вымышленики... повелели брать и в наши пристани приводить, и по суду яко добрые призы декларировать... Роспись товарам и вещам, которые за контрабанд почтены быть имеют: порох, свинец, селитра, сера, пенька и все, что ко флоту надлежит, хлеб всякой соль.⁹⁵

⁹⁴ В первом походе на Белое море 1693 г. он – сержант Преображенского полка, в 1694 г. – скипер; в первом азовском походе 1695 г. – бомбардир, во втором 1696 г. – каптейн; во время путешествия по Европе 1697–1698 гг. – десятник; в Сардаме и на Остзейской верфи – тиммерман (плотник); по возвращении в Россию – Schiptimmerman (корабельный плотник); в начале Шведской войны – капитан и бас (корабельный мастер), через шесть лет, в 1706 г., – полковник Преображенского полка; после Полтавской виктории – генерал-лейтенант в армии и третий флагман во флоте; в 1713 г. – полный генерал; после победы у Гангута – вице-адмирал, а после Ништадтского мира – адмирал от красного флага [Устрялов 1863, т. 4, с. 482–484].

⁹⁵ ПСЗРИ 1830, т. V: 719–720; № 3398.

В 1719–1721 гг. Петр уже посылал русские корпуса в Швецию. По Ништадтскому миру 1721 г. Россия получила Ингрию, Лифляндию, Эстляндию и Карелию. Во время торжеств по этому поводу 22 октября 1721 г. Сенат поднес Петру титул императора, отца Отечества и Великого. Оглашая решение Сената, канцлер граф Г. И. Головкин сказал, что с гением Петра мы «из небытия в бытие произведены» [Платонов 1997, с. 494]. Царь перedelывал Россию на имперский лад, превращая ее в морскую державу. В контексте Северной войны 1700–1721 г. европейцы говорили о России не как о восточной, а как о северной стране [Нильсен 2017, с. 109].

Главным трофеем Северной войны стала имперская власть. Завершился полуторавековой период «балтийского господства» или «великодержавия» (*stormaktstiden*) Швеции, когда ей принадлежала Прибалтика, Восточная Финляндия, Бремен, Верден, Висмар, Рюген, Штеттин, Лифляндия, части Померании и Дании, когда она владела заморскими колониями – Новой Швецией в Северной Америке (ныне штат Делавэр) и Шведским Золотым Берегом в Африке. Проиграв войну, Швеция уступила России и статус великой державы. Северная имперскость переместилась из Стокгольма в Петербург, и вскоре Швеции пришлось ощутить неведомый ей прежде страх русской угрозы. Кстати, в «войнах памяти» дуэль между последним шведским и первым русским императорами продолжается и поныне: вражда национального героя Швеции Карла XII и национального героя России Петра I воспроизводится в устойчивом российско-шведском антагонизме [Roberts 1991, p. 164–165].

Переход великодержавия от Стокгольма к Петербургу вскоре стал фактом философии Просвещения:

Лейбниц: «Я убежден в том, что Россия будет на севере иметь то самое значение, которое до этого имела Швеция, и что даже она пойдет еще гораздо дальше. Так как этот государь весьма могуществен, то, по моему мнению, должно считать большою выгодною пользоваться его расположением и доверием» [Брикнер 2014, с. 327].

Вольтер: «Теперь московитский император заменил Карла в качестве арбитра Польши и севера Европы»; «блеск и удачи Карла перешли отныне к царю» [Вольтер 1999, с. 151, 224].

Петр не просто отнял у Карла статус империи. Он превзошел его в морском и военном деле, а также в размахе градостроительства и архитектуры, наук и художеств, сосредоточенных отныне в новой имперской столице. Собственно Петербург и воплотил в себе северную империю, называвшуюся уже не Московией (Московским царством), а Россией (Российской империей).

Псевдоморфоз Шпенглера

О. Шпенглер видел в Петербурге «псевдоморфоз, втиснувший примитивную русскую душу вначале в чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия. Петр Великий сделался злым роком

русскости... Прimitивный московский царизм – это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы» [Шпенглер 1998, с. 197].

Часто Санкт-Петербург представляется реализацией европейской идеи, поскольку он «был первым городом в Европе, который с самого фундамента закладывался как столица... огромные городские пространства, отводившиеся под будущие мануфактуры... широченные по тем временам улицы, набережные, проспекты поражали даже иностранцев своей шириной и протяженностью... Планировкой города занимались европейские архитекторы, в основном итальянцы, швейцарцы, французы, немцы» [Васильев, Полтораков 2018, с. 4].

По выражению Н. М. Карамзина, основание новой столицы в северном крае – «блестящая ошибка Петра Великого», и «Петербург основан на слезах и трупах» «среди зыбей болотных, в местах, осужденных природою на бесплодие и недостаток» [Карамзин 1914, с. 30, 31]. К этому можно добавить: «Петербург строился “на костях” северян... больше всего работников прибывало из городов и сел Русского Севера. По царскому велению Петербург отнял у Архангельска морское и торговое первенство. В 1710 г. Петр запретил вывозить хлеб через Архангельск; указ 1713 г. предписывал русским купцам доставлять пеньку и юфть не в Архангельск, а в Петербург; позднее то же правило распространилось на икру, клей, поташ, смолу, щетину, а в 1722 г. было вообще запрещено возить товары в Архангельск. По распоряжению Петра наиболее влиятельные купцы из Архангельска и других городов России были перевезены в Петербург. Если в 1720 г. в Архангельск ежегодно прибывало 140–150 торговых судов, то в 1725 г. – около 50; зато в Петербурге их число выросло с 114 в 1720 г. до 450 в 1725 г. [Булатов 1999, кн. 3, с. 235, 252–253].

Здравомыслящие современники не уставали удивляться причудам монарха; например, сестра царя, царевна Мария Алексеевна, говаривала: «Петербург не устоит за нами: быть-де ему пусту» [Устрялов 1863, т. 4, с. 274]. Словами Вольтера,

Царь упорствовал в своем стремлении поселить людей в такой местности, которая совершенно не годилась для жизни. Ничто не могло поколебать его решения – ни бесплодие земли, ни наводнения, смывавшие все уже построенное, ни невежество работников, ни даже смертность, унесшая только при самом начале двести тысяч душ. Уже в 1705 г. Петербург стал городом, а порт его наполнился кораблями [Вольтер 1999, с. 87].

Переезд Петра из Москвы в Петербург, как заметил В. О. Ключевский, имел мало общего с поиском уюта:

...вместо кремлевских палат, пышных придворных обрядов и нарядов – плохой домик в Преображенском и маленькие дворцы в новой столице; простенький экипаж, в котором, по замечанию очевидца, не всякий купец решился бы показаться на столичной улице; на самом – простой кафтан из

русского сукна, нередко стоптанные башмаки со штопаными чулками [Ключевский 1990, т. 8, с. 379].

Однако Петра влекло не удобное, а «небываемое». В Москве ему было тесно, и, как выразился Даниил Гранин, «из Кремлевского дворца он вырвался словно на волю». При этом «северный рай» состоял вовсе не в роскоши: «В Петербурге построил себе, в сущности, лачугу на берегу Невы, его Летний дворец на другом берегу тоже никакой не дворец» [Гранин 2001, с. 58]. Ключ к морю открыл Петру имперский простор, мир морей и кораблей, бывших для него идеей жизни. Если Москва ассоциировалась у царя с душным миром боярских и стрельецких заговоров, то Петербург стал грандиозной новостройкой «земного рая». И здесь в очередной раз, как в далекой юности, проявилось дарование царя – быть не только повелителем, но и строителем: способность «предаваться опытам философическим» с лотом или топором в руках выдает в нем мастера, который творит чуда собственными руками.

Вопреки здравому смыслу Петр строил на берегах Невы «земной рай», называя Петербург «мой рай». Несмотря на холода, болезни, наводнения, шведскую угрозу, царь повторял: «Истинно, что в раю здесь живем». Правда, он не успел в нем пожить по-райски. В его годы Петербург был скорее мастерской, чем раем. Город, именуемый «Петра твореньем», в момент рождения и дни взросления ничем не напоминал рай.

Кроме перечисленных трудностей и несуразностей, Петербургу довелось пережить и императорскую опалу: Петр II не унаследовал пристрастий деда к морю и Северу; он перенес столицу в Москву, а на предупреждение об опасности потери флота из-за удаления столицы от моря возражал: «Когда нужда потребует употребить корабли, то я пойду в море; но я не намерен гулять по нем, как дедушка» (Соловьев 1993, кн. 10, с. 145). Шведы искренне радовались отъезду двора в Москву и считали правление Петра II подходящим временем для отнятия у России завоеваний Петра Великого, в том числе ревизию Ништадтского договора в виде согласия признать Петра II императором в обмен на Выборг. Мало кому уже была интересна и Камчатская экспедиция Беринга, посланная Петром I для отыскания схождения или разделения Азии с Америкой. Но маятник неожиданно качнулся в обратную сторону: возвращение Беринга 1 марта 1730 г. совпало со скоростижной смертью Петра II, воцарением Анны Иоанновны и последовавшим вскоре (к концу 1731 г.) восстановлением столичного статуса Санкт-Петербурга. В дальнейшем императрица Анна, при содействии Адмиралтейства, Академии наук, Сената и кабинета министров, возобновила морские и имперские проекты Петра Великого, в том числе в опыте десятилетней Великой Северной экспедиции. При Анне Иоанновне начала сбываться мечта Петра о «Северном рае», до сих пор восхищающем своих обитателей и посетителей не только унаследованным от прошлого совершенством, но и способностью органично обновляться.

Если бы Шпенглеру довелось в свое время побывать в Петербурге (Петрограде), он нашел бы понятию «псевдоморфоз» более подходящее применение. Город не только не уступал европейским столицам в архитектурном изяществе, но и превосходил их пространственным размахом и гармонией многообразия. Если бы последователи Шпенглера проследили дальней-

шую судьбу города, то убедились бы, что, несмотря на войны, революции, блокаду, эвакуации и миграции, Петербург сохранил неподражаемую самобытность и самоорганизацию. В нем оригинально и органично сочетаются дворцы и люди, проспекты и каналы, Нева и небо, а многое из того, что в иных местах выглядело бы изъясном, например, частые дожди и зимний сумрак приобретает оттенки высокой эстетики и символики. Не обладай Петербург качествами укорененности, он не сохранял бы до сих пор своей органичной красоты и жизнеспособности.

Петербург – не окно, а очаг империи. Он собран из всей России, из всей ее истории и со всех ее концов: он – и Северная столица, и «окно в Европу», и очаг ориентализма, и «новый Рим». В разные времена он приобретал оттенки сообразно вкусам и предпочтениям его строителей, сохраняя при этом исходную самобытность. Часто говорят о космополитизме Петербурга, однако точнее вести речь о его имперской многонародности, естественной для России [Головнёв 2016; Головнёв 2022с]. По-своему прав В.Ф. Ходасевич, полагавший, что в «воображаемости» Петербурга есть действительность, «выражавшая нечто реально существующее, истинно и глубоко русское» [Ходасевич 1996, с. 225]. Понять Петербург как явление культуры «можно лишь исходя из внутренней логики собственного развития. Вобрал множество чуждых влияний, город неизменно видоизменял их, подчиняя собственному духу» [Спивак 1998, с. 6].

Феномен Петербурга – не в псевдоморфозе. Город вобрал в себя мощь и эстетику расцветающей империи. Он вырос не чьим-то двойником или антагонистом, а стержнем громадной страны, его породившей и им перерожденной. Почвенность Петербурга не в прибалтийских болотах, а в богатстве и многообразии огромной страны. По своим свойствам эта почвенность не локальная, а магистральная, охватывающая безграничные пространства путей, связей и заимствований. Петербург впитал в себя несколько «северностей»: финскую (от земли, о которой повествует «Калевала»), шведскую (от прежних крепостей, включая Ниеншанц), новгородскую (со времен Александра Невского). Наконец, город встал на месте, исходном для Руси, на перекрестке путей и отношений, которые естественны для Руси и России. Эти свойства и условия собираются в понятии «северность России», которая служит почвой естества и мощи Петербурга.

Великолепный Петербург – не невидаль на Севере. Самобытной красотой очаровывали в свое время Великий Новгород и Соловецкий монастырь. Северная эстетика получила настолько яркое воплощение в Петербурге, что его имперская архитектурная мощь превосходит европейские столицы. При этом как Север обусловил особый колорит Петербурга, так и Петербург обновил образ Севера. Он придал российской северности шлейф имперскости, величия, высокой эстетики. Благодаря Петербургу Север вошел в моду, стал аурой искусств и наук.

Эпилог

Помимо «Путешествия в Россию» Альгаротти написал оду императрице Анне Иоанновне, посвятив ее целиком музам и наукам, расцветшим «в Петербурге, в этой прежней топи, // Известной камышом да рыбалями, //

Где ныне обиталище героев» [Альгаротти 2014, с. 180]. В строках оды русская императрица зовет опальную прежде философию «к ступеням трона», и на ее зов летят «к Неве бескрайней»: муза лирической поэзии «Эвтерпа с италийских сводов», увитая розами богиня садов Флора и дух философии Декарта из Франции, «напиток знания» от физики Ньютона из Британии. Разумеется, итальянец не мог не отметить звучный голос своей родины в Северной столице России:

Как Истина, паря в просторах невыхских,
 Глаголет итальянскими устами
 Под шелест тюркских и татарских стягов,
 Что русский Марс в твоём развесил храме [Альгаротти 2014, с. 181].

Если музы в Петербурге действительно часто говорили по-итальянски, в том числе устами архитекторов Доменико Трезини, Джованни Фонтана, Гаэтано Киавери, Бартоломео и Франческо Растрелли, Антонио Ринальди и других, то науки предпочитали, помимо латыни, немецкий: первыми руководителями Кунсткамеры и Академии наук были немцы Лаврентий Блюментрост, Герман Карл фон Кейзерлинг, Иоганн Альбрехт фон Корф, Карл Герман фон Бреверн. Однако в 1706 г., когда французский журнал оповестил читателей о продвижении муз и наук к северу России, из вышеупомянутых в Петербурге находился только инженер-фортификатор Трезини, первый архитектор новой столицы. Зимой 1703–1704 гг. он был занят сооружением насыпного острова-форты Кроншлота (Кронштадта), а в 1706 г. начал строительство Кронверка и Петропавловской крепости в камне.

1706 год был полон тревог и колебаний настолько, что иным наукам и искусствам, помимо военных, в Петербурге как будто и места не было. Начался год с поражения русско-саксонской армии под командованием генерала М. И. Суленбурга от шведской армии фельдмаршала К. Г. Реншильда 2 февраля при Фрауштадте, а 13 сентября был заключен тайный Альтраншальдтский мир между Карлом XII и Августом II, по которому Польша и Саксония отказались от союза с Россией. Тем временем русские войска под началом фельдмаршала Г.В. Огильви отходили от Гродно в Малороссию, и лишь победа над польско-шведским корпусом генерала А. Мардефельта при Калише 18 октября, достигнутая благодаря усилиям генерала А. Д. Меншикова и отваге русских драгунских полков, скрасила настроение сомнений и поражений, но не настолько, чтобы послужить поводом к фейерверкам и мирным утехам.

До Полтавской виктории оставалось 3 года, до превращения Петербурга в столицу – 7 лет, до создания Кунсткамеры – 8, до организации Академии наук и художеств – 18 лет. Город на Неве ничем еще не напоминал «парадиз»; для него только собирали камни, которыми всяк входящий платил «каменный налог». И все же во Франции не ошиблись в предчувствии движения «муз и наук» на север.

Кроме Трезини, в 1706 г. в Петербурге пребывал еще один служитель «муз и наук» – царь Петр. Именно его персональная креативность

и монаршая воля сделали реальным трудновообразимое; жизненное кредо Петра точнее всего передается надписью на медали 1703 г.: «небываемое бывает». Он обладал свойством отбирать и выращивать разные науки и искусства, начиная с военно-морских и заканчивая изящными. Он увлекался и астрономией, и анатомией, и медициной, и механикой. В ходе Великого посольства 1697–1698 гг. он изучал кораблестроение и кораблевождение в Голландии, Англии, Дании, военное дело по всей Европе; посещал университеты и музеи, слушал лекции по астрономии и анатомии, обследовал голландские и дрезденскую кунсткамеры, анатомический музей профессора Г. Бургаве в Лейдене и кабинет натуралий анатома Ф. Рюйша, амстердамские собрания древностей, монет, медалей и гемм Я. де Вильде и С. Схейнфута; в Дельфте с А. Левенгуком рассматривал объекты под микроскопом, в Лондоне знакомился с приборной базой и музеем Королевского общества, в Гринвичской обсерватории наблюдал Венеру. «Закупки в Европе Петром и его спутниками большого количества книг, инструментов, глобусов, карт говорят о том, что уже в этом путешествии у Петра созрела программа внедрения науки в своей стране» [Летопись 2000, с. 17].

Дело не столько в количестве встреч и закупок, сколько в страсти, с которой Петр овладевал науками. К примеру, на обратном пути в Россию 1 июня 1698 г. он прибыл в Дрезден к полуночи (23 часа). Разместившись и поужинав в замке курфюрста, Петр соблаговолил встретиться с князем Фюрстенбергом и тут же изъявил желание посетить королевскую кунсткамеру. В сопровождении гофмаршала Эка и хранителя кунсткамеры царь до рассвета успел осмотреть только две залы кунсткамеры, особое внимание уделив математическим инструментам и ремесленным орудиям. На следующий день, после посещения Арсенала и бесед с курфюрстами, Петр продолжил осмотр кунсткамеры до ночи, после чего на ужине у князя Фюрстенберга был в прекрасном расположении духа, и, взяв у музыкантов барабан, «в присутствии дам стал бить с таким совершенством, что далеко превосшел барабанщиков». На третий день Петр снова ходил в «лабораториум»: «по-видимому, кунсткамера из всех достопримечательностей Дрездена привлекла наибольшее внимание царя и произвела на него наиболее сильное впечатление, судя по времени, посвященному ее осмотру и, вероятно, в этом впечатлении надо искать зародыш мысли о русской кунсткамере, впоследствии созданной Петром в России» [Богословский 1941, т. 2, с. 445–449].

Царь Петр многое делал не вовремя и некстати. Эта способность пренебрегать нормами и создавать свою реальность сделала Петра I Великим. Именно он персонально выполнил роль двигателя муз и наук, затеяв и их переезд на север, и строительство новой столицы, и превращение ее в «парадиз», и наполнение этого рая соответствующими эпохе науками и художествами.

ЛИТЕРАТУРА

Альгаротти 2014 – *Альгаротти Ф.* Путешествие в Россию. – СПб.: Наука. 2014. – 400 с.

Беспятых 1992 – *Беспятых Ю. Н.* Петр Великий и море // Труды Всероссийской научной конференции «Когда Россия молодая мужала с гением Петра», посвященной 300-летию юбилею Отечественного флота. Вып. 1. – Переяславль-Залесский. 1992. – С. 129–131.

Богословский 1940 – *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 1. – Л.: Госполитиздат, 1940. – 435 с.

Богословский 1941 – *Богословский М. М.* Петр I. Т. 2. Первое заграничное путешествие. – М.: Госполитиздат, 1941. – 624 с.

Брикнер 2014 – *Брикнер А. Г.* История Петра Великого. – М.: Директ-Медиа. 2014. – 463 с.

Булатов 1999 – *Булатов В.Н.* Русский Север. Кн. 3. Поморье (XVI – начало XVIII в.). – Архангельск: Изд-во Поморского ун-та. 1999. – 336 с.

Васильев, Полторац 2018 – *Васильев Ю.С., Полторац С.Н.* Создание Санкт-Петербурга – стратегический замысел Петра I // История Петербурга. № 73. 2018. С. 3–5.

Вольтер 1999 – *Вольтер.* История Карла XII, короля Швеции, и Петра Великого, императора России. – СПб.: Лимбус Пресс. 1999. – 304 с.

Гистория 2004 – *Гистория Свейской войны (поденная записка Петра Великого).* Вып. 1. Сост. Т. С. Майкова. – М.: Кругъ. 2004. – 631 с.

Головнёв 2016 – *Головнёв А.В.* Этнокультурный потенциал и полиэтничность (российский ракурс) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 4 (42). С. 61–67.

Головнёв 2022а – *Головнёв А.В.* Северность России. – СПб.: МАЭ РАН, 2022. – 450 с.

Головнёв 2022б – *Головнёв А.В.* Петровская Россия: северное измерение // Кунсткамера. № 1(15). 2022. С. 28–43.

Головнёв 2022с – *Головнёв А.В.* Многонародность: взгляд с Севера // Этнография. № 4(18). 2022. С. 6–32.

Гранин 2001 – *Гранин Д. А.* Заметки о Петре I // История Петербурга, № 2. 2001. С. 57–61.

Гребенщикова 2016 – *Гребенщикова Г. А.* Некоторые конструктивные особенности 66-пушечных кораблей Балтийского флота // Судостроение. № 4. 2016. С. 69–72.

Гузевич 2013 – *Гузевич Д. Ю.* Дипломатическая цель Великого посольства 1697–1698/99 // Известия Саратовского ун-та. Нов. Сер. Сер. История. Международные отношения. Т. 13. Вып. 2. 2013. С. 3–11.

Ключевский В. О. 1990. Курс русской истории. Т. 8. – М.: Мысль. – 445 с.

Книга 1720 – *Книга Устав морской.* О всем, что касается доброму управлению в бытность флота на море. – СПб.: Санкт-Петербургская типография. 1720. – 215 с.

Копанев 1988 – *Копанев Н. А.* Французская книга и русская культура в середине XVIII века. – Л.: Наука. 1988. – 160 с.

Летопись 2000 – *Летопись Российской Академии наук.* Т. 1. – СПб.: Наука, 2000. – 994 с.

Лотман, Успенский 1982 – *Лотман Ю. М., Успенский Б. А.* Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого // Художественный язык средневековья. – М.: Наука. 1982. – С. 236–249.

Львов-Кочетов 1895 – *Львов-Кочетов Е. Л.* По студеному морю. Поездка на Север. – М.: Тип. А. И. Мамонтова, 1895. – 252 с.

Майков 1891 – *Майков Л. Н.* Рассказы Нартова о Петре Великом. – СПб.: Императорская академия наук. 1891. – 138 с.

- Максимов 1871 – *Максимов С. В.* Год на Севере. 3-е изд. – СПб.: Типография А. Граншеля. 1871. – 690 с.
- Мережковский 1990 – *Мережковский Д. С.* Антихрист (Петр и Алексей) // Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. – М.: Правда. 1990. – С. 319–759.
- Нильсен 2017 – *Нильсен Й. П.* [ред. и основной автор]. Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. – М.: Весь мир. 2017. – 708 с.
- Платонов 1997 – *Платонов С. Ф.* Лекции по русской истории. – СПб.: Кристалл. 1997. – 838 с.
- Пришвин 1907 – *Пришвин М. М.* В краю непуганных птиц. Очерки Выговьского края. – СПб.: Изд. А. Ф. Девриена. 1907. – 195 с.
- Соловьев 1991; 1993 – *Соловьев С. М.* Сочинения. История России с древнейших времен. – М.: Мысль. Кн. 7, 1991. – 701 с.; Кн. 10, 1993. – 752 с.
- Спивак 1998 – *Спивак Д. Л.* Северная столица. Метафизика Петербурга. – М.: Эко-Вектор. 1998. – 670 с.
- Устрялов 1858 – *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 2; 3. – СПб.: Второе отд. собственной е. и. в. канцелярии. 1858. – 652 с.
- Устрялов 1863 – *Устрялов Н. Г.* История царствования Петра Великого. Т. 4. – СПб.: Второе отд. собственной е. и. в. канцелярии, 1863. – 611 с.
- Ходасевич 1996 – *Ходасевич В.* Собр. соч в 4 т. – М.: Согласие. 1996. Т. 2. – 576 с.
- Цветков 2005 – *Цветков С. Э.* Карл XII. Последний викинг. 1682–1718. – М.: Центрполиграф. 2005. – 480 с.
- Шпенглер 1998 – *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. – М.: Мысль. 1998. – 669 с.
- Roberts 1991 – *Roberts M.* From Oxenstierna to Charles XII. Four Studies. Cambridge University Press. 1991. 203 p.

REFERENCES

- Al'garotti, F. (2014), *Puteshestvie v Rossiyu* [Traveling to Russia], Nauka, St. Petersburg, Russia.
- Bespyatyh, YU.N. (1992), “Peter the Great and the Sea”: *Trudy Vserossijskoj nauchnoj konferencii «Kogda Rossiya molodaya muzhala s geniєм Petra», posvyashchennoj 300-letnemu yubileyu Otechestvennogo flota* [Proceedings of the All-Russian Scientific Conference “When Russia Young Manhood with the Genius of Peter”, dedicated to the 300th anniversary of the Fatherland Fleet], vol. 1, Pereyaslavl'-Zalesskij, Russia, pp. 129–131.
- Bogoslovskij, M.M. (1940), *Petr I. Materialy dlya biografii* [Peter the Great. Materials for biography], vol. 1. Gospolitizdat, Leningrad, USSR.
- Bogoslovskij, M.M. (1941), *Petr I. Pervoe zagranichnoe puteshestvie* [Peter I. First Foreign Journey], vol. 2, Gospolitizdat, Leningrad, USSR.
- Brikner, A.G. (2014), *Istoriya Petra Velikogo* [History of Peter the Great], Direct-Media, Moscow, Russia.
- Bulatov, V.N. (1999), *Russkij Sever. Pomor'e (XVI – nachalo XVIII v.)* [The Russian North. Pomorie (XVI – beginning of XVIII c.)], vol. 3, Izd-vo Pomorskogo un-ta, Arhangel'sk, Russia.
- Golovnev, A.V. (2016), “Ethnocultural potential and polyethnicity (Russian perspective)”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, no. 4 (42), pp. 61–67.
- Golovnev, A.V. (2022a), *Severnost' Rossii* [Northernness of Russia], MAE RAS, St. Petersburg, Russia.

Golovnev, A.V. (2022b), “The Petrine Russia: Northern Dimension”, *Kunstkamera*, no. 1 (15), pp. 28–43.

Golovnev, A.V. (2022c), “Multinationality of Russia: a view from the North”, *Etnografija*, no. 4 (18), pp. 6–32.

Granin, D.A. (2001), “Notes on Peter the Great”, *Istoriya Peterburga*, no. 2, pp. 57–61.

Grebenshchikova, G.A. (2016), “Some design features of the 66-gun ships of the Baltic Fleet”, *Sudostroenie*, no. 4, pp. 69–72.

Guzevich, D.YU. (2013), “The Diplomatic Purpose of the Great Embassy 1697–1698/99”, *Izvestiya Saratovskogo un-ta. Nov. Ser. Ser. Istoriya. Mezhduнародnye otnosheniya*, vol. 13, no. 2, pp. 3–11.

Hodasevich, V. (1996), *Sobranie sochinenij v chety rekhtomah* [A collection of works in four volumes], vol. 2, Soglasie, Moscow, Russia.

Klyuchevskij, V.O. (1990), *Kurs russkoj istorii* [A Course in Russian History], vol. 8, Mysl', Moscow, Russia.

Kopanev, N. A. (1988), *Francuzskaya kniga i russkaya kul'tura v seredine XVIII veka* [French books and Russian culture in the mid-18th century], Nauka, Leningrad, USSR.

Letopis' Rossijskoj Akademii nauk [Annals of the Russian Academy of Sciences] (2000), vol. 1, Nauka, St. Petersburg, Russia.

Lotman, YU.M., Uspenskij, B.A. (1982), “Echoes of the “Moscow is the Third Rome” concept in the ideology of Peter the Great”, Karpushin, V.A. (ed.), *Hudozhestvennyj yazyk srednevekov'ya* [The Artistic Language of the Middle Ages], Nauka, Moscow, Russia, pp. 236–249.

Majkova, T.S. (ed.) (2004), *Gistoriya Svejskoj vojny (podennaya zapiska Petra Velikogo)* [Histories of the Nordic War (Peter the Great's Day Note)], no. 1, Krug, Moscow, Russia.

Merezhkovskij, D.S. (1990), “The Antichrist (Peter and Alexei)”, Mihajlova, O.N. (ed.), *Sobranie sochinenij v chetyrekhtomah* [Collected Works in Four Volumes], vol. 2, Pravda, Moscow, Russia, pp. 319–759.

Nil'sen, J.P. (2017), *Sblizhenie: Rossiya i Norvegiya v 1814–1917 godah* [Convergence: Russia and Norway in 1814–1917], Ves' mir, Moscow, Russia.

Platonov, S.F. (1997), *Lekcii po russkoj istorii* [Lectures of Russian History], Kristall, St. Petersburg, Russia.

Roberts, M. (1991), *From Oxenstierna to Charles XII. Four Studies*. Cambridge University Press, Cambridge, England.

Shpengler, O. (1998), *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of Europe. Essays on the Morphology of World History. World-Historical Perspectives], vol. 2, Mysl', Moscow, Russia.

Solov'ev, S.M. (1991), *Sochineniya. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen* [Essays. History of Russia since the most ancient times], vol. 7, Mysl', Moscow, Russia.

Solov'ev, S.M. (1993), *Sochineniya. Istoriya Rossii s drevnejshih vremen* [Essays. History of Russia since the most ancient times], vol. 10, Mysl', Moscow, Russia.

Spivak, D.L. (1998), *Severnaya stolica. Metafizika Peterburga* [The Northern Capital. Metaphysics of Petersburg], Eko-Vektor, Moscow, Russia.

Tsvetkov, S.E. (2005), *Karl XII. Poslednij viking. 1682–1718* [Charles XII. The Last Viking. 1682–1718], Centrpoligraf, Moscow, Russia.

Vasil'ev, YU.S., Poltorak, S.N. (2018), “The creation of St. Petersburg – the strategic plan of Peter the Great”, *Istoriya Peterburga*, no. 73, pp. 3–5.

Voltaire (1999), *Istoriya Karla XII, korolya Shvecii, i Petra Velikogo, imperatora Rossii* [History of Charles XII, King of Sweden, and Peter the Great, Emperor of Russia], Limbus Press, St. Petersburg, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Владимирович Головнёв, член-корреспондент РАН, профессор, доктор исторических наук, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3; *Andrei_golovnev@bk.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrei V. Golovnev, Professor, Doctor of Sciences in history, Member of the Russian Academy of Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation; bld. 3, University Emb., Saint-Petersburg, Russia, 199034; *Andrei_golovnev@bk.ru*.

Взаимодействие бизнеса на постсоветском пространстве на современном этапе: достижения, проблемы и перспективы

Евгений Я. Виттенберг

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, intelban@mail.ru

Аннотация. *Статья посвящена анализу предпосылок, достижений и проблем во взаимоотношениях бизнеса на постсоветском пространстве, отмечается возрастание роли бизнеса во всех сферах общественной жизни и прежде всего в интеграционных процессах. Среди предпосылок сотрудничества отмечен исторический фактор, а именно, более или менее длительное развитие в рамках одного государства Российской Империи и СССР, раскрыто значение географического фактора. Далее перечислены благоприятные экономические условия: наличие у постсоветских стран практически всех полезных ископаемых, земельных, водных и лесных ресурсов. В статье уделено также внимание анализу ряда субъективных предпосылок, таких как культурная близость ряда стран, сходность менталитетов, владение многими предпринимателями постсоветских стран русским языком, как языком делового общения. Важное место в статье занимает анализ институтов, способствующих сотрудничеству бизнеса, созданных на уровне СНГ, ЕАЭС, Союзного государства России и Белоруссии, а также предпринимательских объединений. Среди достижений анализируются развитие торговли, осуществление взаимных инвестиций, создание совместных предприятий, работа в сфере высоких технологий, а также такие новые формы сотрудничества, как организация параллельного импорта и импортозамещение в условиях усиления санкционного давления на Россию и Белоруссию со стороны Запада, последовавшего после начала Россией специальной военной операции в Украине в феврале 2022 года. Среди проблем, затрудняющих сотрудничество, называются изменения геополитической обстановки, избыточное влияние на бизнес политики, несовершенства и различия в законодательствах, регулирующих взаимодействие предпринимательских структур, не полная гарантированность права частной собственности, невыполнение договорных обязательств, бюрократические препоны, не до конца изжитая коррупция и т. д.*

Ключевые слова: *предпосылки сотрудничества, достижения сотрудничества, межгосударственная торговля, взаимные инвестиции, параллельный импорт, совместные предприятия, проблемы сотрудничества, политическое давление, несовершенства законодательства.*

Для цитирования: *Виттенберг Е.Я. Взаимодействие бизнеса на постсоветском пространстве на современном этапе: достижения, проблемы и перспективы // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 120–142. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-118-140.*

Interaction of business in the post-soviet space at the present stage: achievements, issues and prospects

Evgeniy Ya. Vittenberg
Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, intelban@mail.ru

Abstract. *The article analyses the background, achievements and issues pertaining to business relations in the post-Soviet space, the growing role of business in all areas of public life and, above all, in integration processes. Among the pre-conditions for cooperation, a historical factor is noted, namely, a comparatively long-term development of the Russian Empire and the USSR. The importance of the geographical factor is revealed, as well. The article then lists favorable economic conditions: the presence of virtually all minerals, as well as land, water and forest resources in the post-Soviet countries. The article also considers a number of subjective pre-conditions, such as the cultural closeness of many countries, the similarity of mentalities, the ability of many entrepreneurs of the post-Soviet countries to speak Russian as the language of business communication. The article specifically analyses the institutions that promote business cooperation, created at the level of the CIS, the EAEU, Russia and Belarus, as well as business associations. The article also considers the achievements, development of trade, implementation of mutual investments, creation of joint ventures, work in the field of high technologies, and such new forms of cooperation as the organization of parallel imports and import in the context of the increased sanction-related pressure on Russia from the West, which followed after Russia had launched a special military operations in Ukraine in February 2022. Among the issues hindering cooperation the article names changes in the geopolitical situation, excessive influence on business by the state policy, imperfections and differences in the laws governing the interaction of business structures, unstable guarantees of private property rights, non-fulfillment of contractual obligations, bureaucratic hurdles, corruption that has not been completely eliminated, etc.*

Key words: *pre-conditions for cooperation, achievements of cooperation, interstate trade, mutual investments, parallel imports, joint ventures, issues of cooperation, political pressure, imperfections in legislation, business climate, corruption.*

For citation: Vittenberg, E.Ya. (2023), "Interaction of business in the post-soviet space at the present stage: achievements, issues and prospects", *Eurasian Yearbook*, no. 1, pp. 120–142. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-118-140.

Вопросы сотрудничества бизнеса на постсоветском пространстве в определенной мере исследовались в отечественной научной литературе, в том числе в работах автора [Виттенберг 2011; Виттенберг, Пивовар 2022]. Тем не менее, ряд аспектов этого сотрудничества в быстро меняющейся международной ситуации на постсоветском пространстве не нашли еще должного освещения. Восполнить в определенной мере этот пробел, призвана данная статья.

Трудно переоценить роль сотрудничества бизнеса различных стран в современном мире. На протяжении истории она возрастала и становилась более многоаспектной, затрагивая по сути дела все сферы социальной жизни почти любой страны и, разумеется, в том числе и постсоветских государств.

В условиях развивающихся процессов глобализации (хотя автор отдаст себе отчет в том, что они в определенной степени волатильны и могут сопровождаться отдельными противоположными трендами⁹⁶), международного разделения труда, наличия межстрановых технологических цепочек сотрудничество предпринимателей различных стран является объективной необходимостью.

Взаимодействие бизнеса на постсоветском пространстве в значительной мере детерминируется наличием для него предпосылок и реальных выгод.

Это, прежде всего, известные исторические предпосылки, заключающиеся в более или менее длительном проживании народов в границах одного государства, а именно Российской Империи и Советского Союза, функционирование экономики в условиях единого всесоюзного рынка, существовавшего межреспубликанского разделения труда, наличия множества взаимосвязанных технологических цепочек, по сей день функционирование предприятий, построенных еще в СССР, хотя роль этих факторов по истечению времени в ряде случаев ослабевает.

В этой ситуации бизнес всех народов, проживавших в стране, разделял по сути дела одну историческую судьбу, переживал одни исторические метаморфозы: бурно рос и развивался после отмены крепостного права, после Октябрьского переворота был разгромлен большевиками, на время несколько оживился в период НЭПа, ушел в подполье и в криминал в период социализма, начал возрождаться в годы перестройки и, наконец, с трудом, методами проб и ошибок, начал приобретать современные формы в молодых постсоветских странах после распада СССР.

Немаловажное значение в развитии сотрудничества бизнесменов постсоветских стран призван сыграть географический фактор, а именно территориальная близость вновь образовавшихся государств, что несет определенную выгоду, поскольку снижает различного рода транспортные издержки при перемещении товаров и рабочей силы из страны в страну, а также создает благоприятные условия для приграничного сотрудничества. Впрочем, и здесь все не так однозначно, ибо перемещение товаров, скажем, из стран Балтии в среднеазиатские государства через огромную Россию, окажется значительно дороже чем, например, из них в Польшу или Германию.

Важной предпосылкой для развития взаимовыгодного сотрудничества бизнеса постсоветских стран является наличие в них мощной ресурсной базы, взаимодополняющей друг друга. Так, у постсоветских стран есть практически все полезные ископаемые (вся таблица Менделеева), огромные энергетические, водные, земельные и лесные ресурсы, что делает работу бизнеса этих стран, при условии сотрудничества, самодостаточной и создающей условия для устойчивого экономического роста и экономической интеграции.

Серьезным стимулом для интеграции является также тот факт, что одни постсоветские страны более или менее всесторонне развиты и обладают со-

⁹⁶ В последние годы в современном мире, наряду с интеграционными трендами, наблюдаются и серьезные процессы политической и экономической фрагментации. Одним из показателей фрагментации является возникновение в последнее время таких организаций как ШОС, БРИКС, ЕАЭС, Вышеградская группа и др.

временными производствами в ряде отраслей экономики, другие – специализируются главным образом на производстве энергоносителей, третьи – поставляют на рынки сельскохозяйственную продукцию и т. д., что создает предпосылки для интенсивного товарооборота и экономической взаимодополняемости.

Еще одной важной предпосылкой для сотрудничества предпринимателей и интеграции экономик ряда постсоветских стран является наличие специализации в их промышленном производстве – две трети промышленных предприятий каждого из государств-участников экономического сотрудничества не имеет на своей территории законченного технологического цикла, что детерминирует необходимость сотрудничества, хотя товарный и технологический суверенитет в последние годы в ряде стран и прежде всего в России, благодаря развивающемуся импортозамещению, в определенной мере вырос.

В ряде случаев сохраняется также монопольное или почти монопольное положение практически каждой республики (например, Россия производит самолеты и военную технику, Узбекистан – хлопок, Армения – отделочные материалы из натурального камня и т. д.) в производстве отдельных видов продукции, ориентированных на сбыт в бывших республиках СССР. При этом можно наблюдать определенный тренд переориентации ряда экспортных потоков стран СНГ на страны, не входящие в Содружество, что диктуется как экономическими, так и нередко политическими причинами.

Сегодня также очевидно, что в каждой из стран в ее развитии есть общие проблемы, прежде всего связанные с преодолением отсталости в ряде технологических аспектов от передовых стран. Общность проблем догоняющего развития объективно должна порождать заинтересованность в сотрудничестве, ибо, как свидетельствует практика, многие назревшие проблемы рациональней решать совместно, что может дать синергетический эффект.

Владение многими предпринимателями постсоветских стран русским языком, как языком межнационального и делового общения, наличие представлений о менталитете бизнесменов разных национальностей, знание их достоинств и недостатков также способствует сотрудничеству предпринимателей, хотя опять-таки значение этого фактора (прежде всего с происходящей ныне сменой поколений предпринимателей) постепенно ослабевает и языками делового общения становятся европейские языки и прежде всего английский.

Наличие предпринимательских диаспор других национальностей в постсоветских странах облегчает процесс нахождения общего языка в деловых контактах бизнесменов. Так, например, среди граждан России есть бизнесмены-резиденты, по сути дела, всех национальностей бывших советских республик: Азербайджана, Армении, Белоруссии, Грузии, Латвии, Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, Украины и других стран. В странах Балтии работает немало по национальности русских и белорусских предпринимателей, в Армении – русских и грузинских, в Казахстане – русских и киргизских и т. д.

Кроме всего прочего, многие бизнесмены постсоветских стран связаны между собой родственными и различного рода неформальными связями. И

что особенно важно, эти связи и отношения нередко передаются вместе с бизнесом от одного поколения предпринимателей к другому.

В определенной мере способствует развитию взаимопонимания предпринимателей и процессы миграции предпринимателей в силу разных обстоятельств (семейных, выгоды локации, близости к потребителям продукции и услуг и т. д.) из одной постсоветской страны в другую. Такой обмен предпринимательским человеческим капиталом способствует взаимообогащению бизнеса знаниями и разнонаправленными компетенциями, управленческой и производственной культурой и т. д.

Наличие исторически сложившихся традиций благотворительности и принадлежность многих предпринимателей к различным конфессиям, мирно сосуществовавшим на территории Российской Империи и СССР, открывают широкие возможности для осуществления бизнесом различных социальных проектов в постсоветских странах.

Важно отметить, что за время постсоветского развития были созданы и возникли институты, призванные содействовать сотрудничеству предпринимателей бывших советских республик. Причём эти институты создавались как государствами, так и гражданским обществом в лице предпринимательских объединений.

Так, на уровне СНГ были созданы такие организации, как Экономический совет СНГ, Финансово-банковский совет СНГ, Межгосударственный экономический комитет СНГ, Экономический суд. Значительная часть деятельности этих организаций посвящена содействию сотрудничества бизнесов постсоветских стран.

На уровне ЕАЭС, демонстрирующим большой интеграционный потенциал, чем СНГ, сотрудничество бизнеса стимулируют такие межгосударственные организации как Комиссия по экономике, Комиссия по сырьевым ресурсам (устанавливает цены и квоты на сырьевые товары и энергоносители, координирует политику в области добычи, продажи золота и других драгоценных металлов, и др.), Фонд по делам экономического и научно-технического сотрудничества, формирующийся за счёт вкладов стран ЕАЭС (финансирует перспективные наукоёмкие экономические и научно-технические программы, оказывает помощь в решении круга задач, в том числе правовых, налоговых, финансовых, экологических и т. д.), Комиссия по межгосударственным финансово-промышленным группам и совместным предприятиям, Международный инвестиционный банк ЕАЭС; Международный арбитраж ЕАЭС.

И наконец, в рамках Союзного государства России и Белоруссии призваны оказывать содействие предпринимателям в их совместной деятельности такие организации как Высший Государственный Совет министров Союзного государства, Постоянный комитет Союзного государства, Счетная палата и др.

Одной из главных функций предпринимательских объединений, созданных по инициативе бизнесменов ряда постсоветских стран, является содействие развитию бизнес-контактов и налаживание сотрудничества между предпринимателями. Так, например, такие объединения предпринимателей России как ТПП, РСПП, «Деловая Россия», «Опора России» поддерживают

тесные партнерские отношения с СППА (Союз Промышленников и предпринимателей Армении), «КПП(Н)» (Конфедерация промышленников и предпринимателей, нанимателей) Республики Беларусь, НПП (Национальная палата предпринимателей) Казахстана «Атамекен», КСПП (Кыргызский союз промышленников и предпринимателей).

Все эти республиканские предпринимательские объединения создали в 2015 году свой наднациональный орган – «Деловой совет», в который вошли руководители предпринимательских объединений различных стран. Совет призван решать актуальные проблемы бизнеса, содействовать ему в поиске партнеров, рынков сбыта продукции, снятии возможных противоречий и недоразумений⁹⁷.

Известно, что сотрудничество бизнеса различных стран, в том числе и постсоветских, реализуется прежде всего в масштабной международной торговле, в осуществлении взаимных инвестиций, в создании совместных предприятий, в совместном решении назревших технологических проблем.

Сотрудничество бизнеса в международной торговле, основывающейся на многовековой традиции товарообмена между производителями разных стран, решает массу проблем современных обществ и прежде всего удовлетворения разнообразных потребностей граждан и бизнеса в товарах и услугах, не производимых или не производимых в достаточных количествах в той или иной стране.

Далее современная торговля позволяет даже самым большим странам, таким как Китай, США или Россия, не добиваться для себя полного товарного суверенитета, то есть не производить миллионы наименований продукции, необходимой для нормального функционирования их экономик и обществ, а сосредотачиваться на производстве тех товаров и услуг, которые у них получаются лучше и являются конкурентоспособными по качеству и цене на мировых рынках.

Сотрудничество предпринимателей в сфере торговли содействует повышению качества товаров и нахождению их оптимальной рыночной цены, чему способствует добросовестная конкуренция бизнеса разных стран. Торговля позволяет решать и многие технологические проблемы путем покупки новейших и наиболее эффективных технологических решений бизнесменами одной страны у бизнесменов другой, осуществивших те или иные актуальные разработки.

Торговля, ведущаяся предпринимателями, играет также важную роль в преодолении трудностей, возникающих у бизнеса и населения ряда стран в различных форс-мажорных обстоятельствах. Так, например, торговля медицинскими препаратами и прежде всего вакцинами в период пандемии коронавируса в значительной степени способствовала минимизации ее последствий для мирового сообщества.

Гуманитарные и товарные поставки из России в страны СНГ вакцин от коронавируса сыграли важную роль в смягчении эпидемиологической обстановки на постсоветском пространстве.

⁹⁷ См. об этом подробнее: Взаимодействие бизнеса и власти в современной России. Международное деловое сотрудничество и интеграция. Под ред. А.Н. Шохина. М., 2021 [Электронный ресурс] URL:<https://media.rsp.ru/document/1/8/a/8a3742eab16a44f00dec40e7ab703420.pdf> (дата обращения 09 февраля 2023).

Торговля играет важную роль и в микшировании последствий санкций, вводимых против ряда стран. Здесь речь идет о санкциях Запада против таких стран как Иран, Китай, Северная Корея.

В определенной степени способствует торговля в форме параллельного импорта и преодолению трудностей, порожденных санкциями против России и Белоруссии. Предприниматели стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и некоторых других государств бывшего СССР, не входящих в объединение, в 2022 году увеличили экспорт товаров в Россию не только по сравнению с весенними минимумами сразу после начала специальной военной операции (СВО) на Украине, но и относительно докризисных уровней 2021 года, о чем свидетельствуют данные торговой статистики этих стран.

Так, за 9 месяцев 2022 года экспорт из стран СНГ в Россию увеличился по сравнению с аналогичным периодом 2021 года на 18,1% и достиг 26,7 млрд долл.⁹⁸

Этот рост товарооборота стран СНГ сопровождался и общим ростом торговли между ними. И если в 2020 году взаимная торговля стран СНГ была 73,4 млрд долларов, то в 2022 году она составил 105,3 млрд долларов⁹⁹.

Велика роль сотрудничества предпринимателей различных стран в сфере взаимных инвестиций. Как следует из мониторинга взаимных инвестиций ЕАБР (учитываются данные по сделкам свыше 1 млн долл., всего в базе 570 проектов), накопленный объем взаимных прямых инвестиций стран СНГ на конец 2022 года в экономики друг друга составил 44,3 млрд долл.¹⁰⁰ При этом взаимные ПИИ стран ЕАЭС к середине года составили 24,5 млрд долл. (с 2016 года показатель увеличился на 19%), наиболее крупным инвестором на постсоветском пространстве является Россия с долей 79,2%, далее следуют Казахстан и Азербайджан – 9,5% и 8,4% соответственно, главным же импортером ПИИ остается Казахстан – 24,3%, за которым идут Узбекистан и Белоруссия – 20,1% и 12,6%¹⁰¹.

Прямые инвестиции бизнесменов одной страны в экономику другой открывают широкие возможности как для организации отсутствующих в инвестируемой стране производств, так и для модернизации существующих.

Инвестиционное сотрудничество предпринимателей в сфере прямых инвестиций создает условия для обмена опытом между ними в деле наиболее рационального использования финансовых и технических ресурсов при строительстве или модернизации предприятий, при создании необходимой инфраструктуры, при решении проблем охраны окружающей среды и т. д.

⁹⁸ Россия и страны СНГ нарастили товарооборот почти до 73 миллиардов долларов [Электронный ресурс] // Альта-софт, URL:https://www.alt.ru/external_news/95735/ (дата обращения 09 февраля 2023).

⁹⁹ Путин сообщил о достижениях странами СНГ товарооборота на уровне 105,3 млрд долл. [Электронный ресурс] // Известия, 26.12.2002. URL:<https://www.iz.ru/1446723/2022-12-26/putin-soobshchilo-dostizhenii-stranami-sng-tovarooborota-na-urovne-100-mlrd> (дата обращения 09 февраля 2023).

¹⁰⁰ Определенное снижение показателя объема инвестиций на постсоветском пространстве связано с резким сокращением объема инвестиций России в Украину и Украины в Россию, последовавшее после начала СВО.

¹⁰¹ Деньги замещаются другими деньгами. Прямые инвестиции пришли в движение [Электронный ресурс] // Коммерсант, 20.12.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5734128#:~:text=%Накопленный%20объем%20взаимных%20прямых%20инвестиций,показатель%20увеличился%20на%2019%25%> (дата обращения 09 февраля 2023).

В свою очередь, портфельные инвестиции дают возможности властям и бизнесу страны-получателя этого вида инвестиций решать по своему усмотрению наиболее острые социально-экономические вопросы.

В своей инновационной политике бизнесмены стран СНГ руководствуются Межгосударственной программой инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года¹⁰².

Высокой формой сотрудничества предпринимателей постсоветских стран является создание совместных предприятий (СП) для производства материальной и интеллектуальной продукции и для оказания наиболее качественных услуг. По нашим самым грубым и приблизительным подсчетам, только бизнесменами ЕАЭС создано в странах Союза около 20 тысяч совместных предприятий¹⁰³.

СП помогают решать многие экономические проблемы стран СНГ, в том числе способствуют более полному насыщению рынка страны-местонахождения товарами и услугами, привлечению в страну передовых технологий, а также дополнительных материальных, финансовых и организационных ресурсов, расширению экспортной базы и росту валютных поступлений, экономии средств за счет сокращения импорта (благодаря импортозамещению), способствуют расширению рынков сбыта и т. д.

СП также способствуют решению ряда других проблем. Они создают не только новые квалифицированные рабочие места, но и являются важной формой обмена информацией, знаниями и разнонаправленными компетенциями, лучшими образцами производственной и управленческой культуры. СП также являются полигоном для нахождения оптимальной модели оценки количества и качества труда с целью недопущения его недооценки или переоценки, а также необоснованных разрывов в оплате между менеджерами и рядовыми сотрудниками. И, наконец, СП представляют собой удобную площадку для понимания менталитета сотрудников и менеджеров различных стран и национальностей. Особенно важны во всех этих процессах совместные проекты по созданию стартапов в сфере высоких технологий.

Как показывает практика, могут быть и другие формы международного сотрудничества бизнеса. Это производственные, финансовые и торговые объединения типа холдинговых компаний, финансово-промышленные группы, консорциумы, которые включают в свой состав предприятия из разных стран.

Трудно переоценить роль сотрудничества бизнеса постсоветских стран в разработке опережающих технологий, в цифровизации экономики и других различных сфер общественной жизни, в роботизации производственных процессов, в использовании искусственного интеллекта, в создании институтов инфраструктуры опережающего развития для четвертичного сектора экономики или экономики знаний, таких как зоны свободной торговли, территории опережающего развития, технополисы,

¹⁰² Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года. [Электронный ресурс] // Интернет-портал СНГ, URL:<https://e-cis.info/cooperation/3827/> (дата обращения 10 февраля 2023).

¹⁰³ Так, например, численность совместных предприятий России и Белоруссии составила более 2300, России и Казахстана – 6500, России и Узбекистана около 3000, России и Армении около тысячи и т. д.

что в реализации больших планов этой программы важная роль отводится как национальному бизнесу, так и сотрудничеству бизнеса на постсоветском пространстве¹⁰⁷.

Трудно переоценить вклад во взаимодействие предпринимателей стран СНГ активно развивающегося регионального сотрудничества. Так, бизнесмены практически всех регионов России ведут активную торговлю, сотрудничают в сфере инвестиций, ищут необходимые технологические решения совместно с предпринимателями регионов Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и т. д.

Ряд постсоветских стран организуют межрегиональные форумы. Их роль признается столь значительной, что на них присутствуют и выступают президенты стран участников.

На уровне регионов торговые представительства и предпринимательские объединения организуют также различного рода мероприятия, призванные активизировать бизнес-контакты. Среди них важное место занимает обмен бизнес-миссиями. Так, например, даже в 2020 году, несмотря на ковидные ограничения, в Армении состоялось 23 бизнес-миссии российских предпринимателей, в том числе в формате видеоконференций, из различных регионов, включая Москву и Санкт-Петербург. Аналогичным образом около 20 бизнес-миссий осуществили армянские предприниматели в российские регионы¹⁰⁸.

Подобный обмен бизнес-миссиями имеет место между регионами различных стран СНГ и прежде всего входящих в ЕАЭС.

Такая форма сотрудничества дает возможность предпринимателям, что называется на месте, узнать от коллег-резидентов реальные условия ведения бизнеса в той или иной стране, выявить потребности в их продукции и услугах, наладить деловые и личные контакты и т. д.

Кроме того, предприниматели постсоветских стран проводят двухсторонние и многосторонние конференции, симпозиумы, круглые столы, выставки, на которых происходит обмен информацией и идеями по поводу развития сотрудничества, а также происходит перевод различного рода договоренностей в практическую плоскость.

Весомый вклад вносит международное сотрудничество бизнеса и в решение такой более или менее острой социальной проблемы для всех стран, включая развитые, как борьба с бедностью. В микшировании этой проблемы бизнес участвует двумя путями: во-первых, непосредственно, основывая компании, организовывая квалифицированные рабочие места, создавая высокотехнологичные стартапы, а во-вторых, осуществляя масштабную благотворительность как непосредственно, так и через существующие и нередко создаваемые самим бизнесом институты благотворительности.

¹⁰⁷ Межгосударственная программа инновационного сотрудничества государств – участников СНГ на период до 2030 года. [Электронный ресурс] // Инновационная деятельность государств–участников СНГ, URL:<https://cis-viniti.ru/innovative-interstate-program-2030> (дата обращения 10 февраля 2023).

¹⁰⁸ Армянская технология на «Эльбрусе». Старые и новые связи бизнеса Армении и России. [Электронный ресурс] // Спутник Армения, URL:<https://ru.armeniasputnik.am/economy/20201230/25954226/Armyanskaya-tehnologiya-na-Elbruse-starye-i-novye-svyazi-biznesa-Armenii--i-Rossii.html> (дата обращения 10 февраля 2023).

С помощью благотворительности бизнес способствует решению таких важных социальных проблем, как материальная поддержка нуждающихся семей, оказание дорогостоящей медицинской помощи тем, кто ее не может себе обеспечить самостоятельно, создания условий для получения способными выходцами из бедных слоев общества качественного образования, что особенно важно для развития экономики знаний, а также помогает властям той или иной страны в решении вопросов здравоохранения, путем строительства больниц, спортивных сооружений, центров досуга и пропаганды здорового образа жизни.

И при этом в благотворительности участвует не только бизнес-резидент, но и иностранный бизнес и нередко они осуществляют совместные благотворительные акции. Так что и здесь сотрудничество предпринимателей различных стран играет важную социально-экономическую роль и имеет перспективы.

Опосредованное участие бизнеса в борьбе с бедностью заключается также в своевременной уплате им налогов в полном установленном законодательством той или иной страны объеме и своевременно. Налоговые поступления от бизнеса потом перераспределяются государством, осуществляющим социальную политику, в том числе и для поддержки бедных слоев общества.

Важную роль бизнес выполняет и в решении такой социально значимой задачи как обеспечение численного роста и повышения качества среднего класса в той или иной стране своей локации, хотя этот процесс в последние годы в развитых государствах испытывает определенную степень волатильности.

При этом необходимо отметить, что сегодня бизнес – это мотор формирования, в условиях становящейся экономики знаний, не только и может быть не столько традиционного, но прежде всего постиндустриального среднего класса, являющегося основой и двигателем развития современных обществ.

Немалую роль бизнес-нерезидент играет и в создании условий для вверх направленной социальной мобильности и, организуя новые производства и высококвалифицированные рабочие места, открывает возможности для самореализации по-хорошему амбициозных граждан страны своего пребывания, что препятствует утечки мозгов из развивающихся стран в развитые, хотя этот процесс имеет и другие смыслы и последствия.

В развитых и в ряде развивающихся стран, включая постсоветские, можно также наблюдать феномен частичной передачи функций от государства к социально ответственному бизнесу и прежде всего к социально ответственным транснациональным корпорациям, что открывает возможности для обмена опытом и сотрудничества для предпринимателей и в этой важнейшей сфере. Это, например, вопросы определения драйверов экономического роста, перспектив развития четвертичной экономики, выстраивания технологических приоритетов, накапливания человеческого капитала в виде знаний и разнонаправленных компетенций у сотрудников компаний, поддержания социального мира в различных сферах экономики и в обществе в целом, охраны окружающей среды в районах локации бизнеса, а также ряда вопро-

сов образования (прежде всего в плане подготовки необходимых для бизнеса кадров) и здравоохранения, что было в последние годы продемонстрировано в борьбе с пандемией коронавируса.

В этой ситуации происходит обмен опытом взаимодействия бизнеса и государства, в котором эти субъекты социальной ответственности за судьбы и уровень развития той или иной страны выступают в роли равных партнеров, пытающихся найти баланс интересов между бизнесом, обществом и государством. Одновременно создаются предпосылки для формирования солидарной социальной ответственности всех ее субъектов: общества, власти и бизнеса за будущее той или иной страны.

Важным для бизнеса во взаимодействии с институтами власти является также опыт нахождения оптимальных моделей цивилизованного лоббирования интересов бизнеса в коридорах власти.

Социально ответственный бизнес ныне обладает и таким важным для улучшения моральной атмосферы в том или ином обществе опытом как демонстрация культуры богатства бизнесменами, достигшими больших результатов в своей деятельности. Для современного социально ответственного бизнеса не характерен гедонизм и стремление к элитному сверхпотреблению. И уже значительная часть социально ответственного бизнеса использует богатство, которым оно располагает, не только для личного потребления и потребления своего окружения, но и для решения назревших проблем общества с помощью механизмов участия в осуществлении тех или иных социальных проектов. К сожалению, многие предприниматели постсоветских стран еще далеки от исповедования на практике ценностей культуры богатства и им предстоит еще долгий путь к ее достижению.

Сотрудничество бизнесменов различных стран играет немаловажную роль и в решении такого вопроса как воспитание новых поколений предпринимателей, формирование предпринимательских династий, в передаче по наследству не только капиталов и собственности, но и навыков социально ответственного поведения. В настоящее время это особенно актуально для всех без исключения постсоветских стран, где ныне происходит передача бизнесов от первого поколения легальных предпринимателей ко второму.

Далее в процессах взаимодействия бизнесменов различных стран происходит обмен опытом бесконфликтного ведения бизнеса, умения договариваться с профсоюзами, готовности идти на разумные компромиссы, не доведения трудовых противоречий до крайних форм в виде мешающих производству забастовок и становлению процессов устойчивого социального партнерства. Это особенно актуально для многих стран, включая постсоветские, испытывающих в настоящее время социальную турбулентность.

Сотрудничество бизнеса различных стран содействует решению и такой важной задачи как рост рядов социально ответственного бизнеса. Обмен опытом «социальной ответственности бизнеса» (СОБ), «корпоративной социальной ответственности» (КСО), «корпоративного гражданства» (КГ) способствует развитию и обогащению новым содержанием этих понятий в условиях глобализации, а также выработке и соблюдению международных стандартов СОБ, КСО и КГ [Перегудов, Семененко 2008].

Для молодого постсоветского бизнеса это особенно важно, ибо в нем нередко можно наблюдать рецидивы социально безответственного поведения, проявляющиеся в нарушениях трудового законодательства, в преследовании профсоюзных активистов, предъявляющих законные требования владельцам и менеджерам фирм, в уходе и незаконной минимизации налогов, в выпуске некачественной продукции, в ценовых сговорах, в использовании инсайдерской информации в корыстных целях, в нарушениях экологических норм, в коррупционном взаимодействии с чиновниками, в несоблюдении договорных обязательств и т. д.

В последние годы появилась относительно новая в ряде стран роль бизнеса по преодолению санкционного давления и по обмену опытом в этом вопросе. Так, предприниматели Китая, Ирана, России, Белоруссии и ряда других стран в условиях многочисленных санкций США и их союзников стремятся решать вопросы импортозамещения, параллельного импорта и т. д.

Все это повышает роль бизнеса в становлении и развитии позитивных процессов обретения суверенитета в этих странах в ряде сфер экономики, в технологическом развитии, в процессах цифровизации экономики и социальной жизни. Разумеется, даже в таких крупных странах как Китай или Россия речь не идет о самоизоляции, а лишь о суверенитете в жизненно важных для них отраслях таких, например, как авиастроение, автомобилестроение, производство вооружений.

В качестве важнейшего фактора хотелось бы отметить миротворческую функцию, можно сказать сильнее – миротворческую миссию сотрудничества бизнеса различных стран. При этом весьма распространена точка зрения, имеющая, естественно, под собой основание, согласно которой международный мир обеспечивается прежде всего усилиями политиков, правительств, дипломатов и т. д. Тем не менее, с большой долей уверенности можно утверждать, что именно экономические интересы, интересы бизнеса, сотрудничество предпринимателей в значительной мере детерминируют усилия первых, вторых и третьих по поддержанию глобального международного и регионального мира.

Разумеется, это вовсе не означает, что наличие такой детерминанты, как интересы экономики и бизнеса, исключают возникновение тех или иных локальных военных конфликтов. И мы, к сожалению, являемся их свидетелями даже в нашем XXI веке и в том числе на постсоветском пространстве. Так, только в 2022 году мы наблюдали и наблюдаем конфликты, принимающие острые формы между Россией и Украиной в ходе СВО, между Арменией и Азербайджаном, между Киргизией и Таджикистаном.

Кроме того, как известно, развитый современный бизнес не однороден и, скажем, компании, производящие продукцию необходимую для военно-промышленного комплекса, могут быть в определенной степени в экономическом плане заинтересованы в активно стимулирующей их производство политике и соответственно доходы.

В условиях санкционного давления на ряд стран, в том числе на Россию и Белоруссию, определенные выгоды, например, из СВО, могут извлекать фирмы-посредники, организующие параллельный экспорт в страны, под-

вергшиеся санкциям. Такие выгоды из СВО извлекают в настоящее время фирмы Армении, Казахстана, Узбекистана, Киргизии, содействуя организации параллельного импорта в Россию и Белоруссию.

В то же время участие в параллельном импорте – это не только бизнес, но и проявление солидарности предпринимателей ряда постсоветских стран с российскими бизнесменами, попавшими в трудное положение. И особенно ценно, что это проявление солидарности связано с определенными рисками попадания фирм постсоветских стран, участвующих в организации параллельного импорта, под вторичные санкции коллективного Запада.

Из ситуации, связанной с прекращением своей деятельности многими западными фирмами, извлекают дивиденды и российские фирмы, занимающиеся импортозамещением и заполняющие освободившиеся ниши в условиях снижения конкуренции на внутреннем рынке из-за ухода из России западных компаний.

Однако очевидно, что подавляющая часть бизнеса объективно заинтересована в международном мире, создающим возможности для свободного перемещения товаров и услуг, рабочей силы и для безопасности условий ведения самого бизнеса.

Кроме того, любой военный конфликт создает для бизнеса дополнительные риски, связанные с потерей проверенных партнеров и клиентов, закрытием или существенным ограничением рынков сбыта своей продукции, с сокращением или прекращением получения необходимого импорта. При этом основной риск связан с реальной возможностью потери самого бизнеса из-за его физического разрушения или закрытия в связи с несоответствием условиям военного времени.

Так, трудно переоценить негативные последствия для взаимодействия предпринимателей России и Украины военного конфликта между этими странами. Его результатом стало сведение к возможному минимуму межгосударственной торговли, прекращение существовавшего сотрудничества государственного и частного бизнеса в таких важных областях как авиа и ракетостроение, металлургия, химическая промышленность, производство сельскохозяйственной техники и продукции и т. д. Разрушение прочных взаимовыгодных отношений произошло и в результате конфискации активов российских бизнесменов в Украине и соответственно – украинских в России.

Военный конфликт между Арменией и Азербайджаном, разразившийся в 2020 году, также создал непреодолимые преграды на пути сотрудничества предпринимателей двух соседних стран. Мешают политические разногласия и полноценному сотрудничеству предпринимателей России и Молдавии, России и Грузии, Киргизии и Таджикистана.

Далее, современный, подчеркнем высоко социально ответственный бизнес, с удовольствием бы отказался от производства вооружений, ставящих перед собой цель сократить и без того короткую жизнь человека, и перешел бы на выпуск продукции, способствующей сохранению и улучшению жизни граждан. И не случайно, действительно социально ответственный бизнес нередко отказывается от высокодоходных производств, дающих

большую прибыль (например, производства табачных изделий или выгодных проектов, но ухудшающих экологическую обстановку), и осуществляет инвестиции в менее доходные, но улучшающие здоровье и среду обитания человека проекты. В этих случаях бизнес проявляет высокую степень гражданственности и ставит общественные интересы выше интересов получения прибыли.

Трудно переоценить роль бизнеса в мировых интеграционных процессах. Именно интересы бизнеса часто детерминируют такие решения государств как создание общих рынков, снижение или отмена таможенных барьеров и создание таможенных союзов и, наконец, создание экономических объединений.

На постсоветском пространстве таким наиболее успешным интеграционным объединением является Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС), созданный в 2014 году, в который входят пять постсоветских стран (Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан и Россия). В соответствии со статьёй 4 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 года, в Союзе обеспечивается крайне необходимые для межстранового сотрудничества бизнеса свобода движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, или «четыре свободы» (аналогичные, существующим в ЕС), а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в основных отраслях экономики. ЕАЭС создан в целях всесторонней модернизации, кооперации и повышения конкурентоспособности национальных экономик и создания условий для стабильного развития в интересах повышения жизненного уровня населения государств-участников.

Уже первые годы функционирования ЕАЭС дали определенный макроэкономический эффект и очевидные выгоды от интеграции постсоветских стран, входящих в этот Союз. Среди них необходимо прежде всего назвать снижение цен на товары благодаря относительной дешевизны рабочей силы в ряде стран, а также уменьшение издержек транспортировки необходимого сырья/экспорта своей готовой продукции, активизацию здоровой конкуренции на общем рынке ЕАЭС, в том числе благодаря вхождению на рынок новых игроков из общего экономического пространства; увеличение оплаты работников из-за уменьшения издержек и повышения производительности труда, наращивание производства благодаря увеличению спроса на товары на рынке нескольких стран, детерминированного ростом благосостояния населения стран ЕАЭС, увеличение занятости в производствах импортоориентированных/экспорториентированных фирм, повышение окупаемости новых технологий и товаров благодаря увеличенному масштабу рынка и т. д.

Большую роль в интеграционных процессах в СНГ призваны сыграть *транснациональные корпорации*, т. е. гигантские компании, имеющие свои хозяйственные подразделения в двух и более странах и управляющие этими подразделениями из центра на основе проведения согласованной политики для достижения наивысшего результата.

Целью ТНК является развитие межгосударственной торговли, налаживание производства и расширение сбыта продукции на общей территории, предоставление услуг, распространение передовых технологий, создание

квалифицированных рабочих мест путем открытия в этих странах дочерних предприятий, а также производственных и торговых филиалов.

ТНК создают возможность объединить в единое весь бизнес-цикл, а именно, научные исследования и разработку той или иной актуальной проблемы, поиск технологических решений ее реализации на практике, производство продукции, в первую очередь инновационной, а также сбыт и последующее обслуживание поставляемого на рынок продукта. И особенно важно в реализации этого бизнес-цикла то, что он не ограничен государственными границами и осуществляется с широким использованием методов добросовестной конкуренции, что является драйвером развития и проявлением реальной интеграции.

Среди ТНК, способствующих интеграционным процессам в СНГ, необходимо назвать такие созданные в России компании как «Газпром», «Сбербанк», «Роснефть», «Лукойл», а также ТНК, созданные несколькими странами – «Интеррос» (Россия и Казахстан), «Международные авиадвигатели» (Россия, Белоруссия и др.).

И, как представляется, ТНК способны стать и становятся локомотивами интеграционных процессов в СНГ.

Значительный вклад в сотрудничество бизнеса постсоветских стран и в интеграционные процессы вносит приграничное сотрудничество. Оно особенно развито между Россией и Белоруссией, между Россией и Казахстаном, между Арменией и Грузией, между Казахстаном и Киргизией.

Отмечая позитивные тренды в налаживании сотрудничества предпринимателей на постсоветском пространстве и его роль в интеграционных процессах на территории СНГ, противоречило бы действительности заявление о том, что они проходили и проходят без серьезных трудностей.

Прежде всего необходимо признать наличие серьезных проблем в СНГ, отпраздновавшем в декабре 2021 года свое тридцатилетие. Историю функционирования этого интеграционного объединения на постсоветском пространстве условно можно разделить на два периода. В первое десятилетие, в 90-е годы процессы, происходившие в СНГ, показывают, что организация в значительной степени служила инструментом для решения насущных проблем переходного периода в экономике и прежде всего перехода от административно-командной системы к рыночным отношениям. Организация быстро развивалась, охватив 12 из 15 постсоветских государств, в основном благодаря низким издержкам взаимодействия и схожести социально-экономической ситуации, в которой эти страны оказались после распада СССР.

Во второй период, начавшийся в начале нулевых, роль и значение СНГ постепенно стала снижаться, поскольку большинство государств-членов твердо вступили на путь перехода к рынку и сформулировали свои международные приоритеты. Однако СНГ не следует рассматривать как единственный индикатор сотрудничества и интеграции постсоветских государств, которые все еще по историческим меркам достаточно молоды и находятся на ранних стадиях становления и национального строительства.

Как уже отмечалось, на постсоветском пространстве возникло еще несколько экономических объединений и прежде всего наиболее жизнеспособ-

собное из них уже упоминавшееся ЕАЭС. Но противоречило бы истине утверждение, согласно которому эта организация не испытывает трудностей своего становления и развития¹⁰⁹.

Так, например, подписанная версия договора о создании ЕАЭС носила компромиссный характер, и потому ряд задуманных мер не был осуществлён в полном объёме. Актуальные вопросы по созданию единого финансового регулятора, по политике в области торговли энергоносителями, а также по проблемам существования изъятий и ограничений в торговле между участниками Союза были не решены, а отложены до 2025 года, а то и на неопределённый срок.

Тем не менее, очевидно, что ЕАЭС имеет перспективу, во-первых, за счет принятия новых членов¹¹⁰, а во-вторых, постепенно может стать одним из важных экономических и политических центров становящегося многополярного мира, в котором бизнес будет играть роль экономической скрепы, а также локомотива развития и роста благосостояния граждан.

Помимо СНГ и других существующих региональных организаций на этой территории в будущем можно ожидать появления других региональных структур, продвигающих различные формы сотрудничества предпринимателей и интеграции между постсоветскими государствами.

Но для достижения цели устойчивого развития того или иного интеграционного объединения, роль катализатора в котором будет играть сотрудничество бизнеса, необходимо будет властям и бизнесу постсоветских стран решить немало сложных как внешних, так и внутренних проблем.

Прежде всего в негативном плане на сотрудничество бизнеса постсоветских стран повлияла общая геополитическая обстановка и прежде всего тот факт, что тенденции внутри СНГ постепенно начали меняться с начала 2000-х годов, и центробежные силы стали преобладать над центростремительными трендами. Инерция на экономическое сближение, а точнее на сохранение существовавших в СССР хозяйственных связей, существовавшая в начале становления СНГ, была практически утеряна к середине первого десятилетия XXI века.

Среди негативных факторов, сдерживавших развитие бизнес-контактов предпринимателей постсоветских стран, необходимо также назвать выход из СНГ де-юре и де-факто Грузии и де-факто Украины, постепенный дрейф Молдавии в сторону ЕС, а Азербайджана в сторону Турции и сближение с Китаем республик Средней Азии.

Кроме того, ряд стран СНГ вступило в другие международные организации, в такие как «Восточное партнерство», ГУАМ, ЕАЭС, ШОС и др.

Вместе с тем, как следует из рейтинга дружелюбности коммуникационных режимов соседних стран, подготовленного Национальным исследовательским институтом развития коммуникаций (НИИРК) Россия сохраня-

¹⁰⁹ При этом необходимо помнить, что трудности – это атрибут, имманентно присущий любому интеграционному образованию. Здесь достаточно упомянуть брегзит Великобритании, создавший серьезные проблемы ЕС. Более того, некоторые экономические объединения типа ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия), оказались по сути дела нежизнеспособными.

¹¹⁰ Так, все больший интерес к ЕАЭС проявляет Узбекистан.

ет хорошие отношения как минимум с восемью соседними странами из 14 бывших советских республик, что создает благоприятные условия для сотрудничества предпринимателей этих стран¹¹¹.

При этом очевидно, что геополитические тренды не ведут к полному прекращению сотрудничества бизнеса и с недружественными странами, но явно сдерживали темпы его развития. Так, например, взаимная торговля нынешних членов СНГ (105,1 млрд долл.) составляет лишь 11,9% от их общего товарооборота (883,5 млрд долл.) стран-участниц¹¹².

Из этих данных следует, что члены СНГ в значительной мере ориентированы на внешние рынки с точки зрения торговли, и разница между объемами взаимной торговли и торговлей с остальным миром со временем растет в пользу последней. С 2010 по 2019 (допандемийный год) сумма совокупной внешней торговли стран-участниц СНГ выросла на 23,8%, в то время как взаимная торговля между странами-участницами увеличилась только на 6,9%. Таким образом, страны СНГ открываются для других рынков больше, чем развивают взаимную торговлю¹¹³.

Причин подобной ситуации несколько: это и отсутствие на рынке СНГ многих высокотехнологичных товаров, и иногда большая выгодность торговли некоторыми товарами со странами, не входящими в СНГ, и более низкое качество товаров, производимых в СНГ, по сравнению с товарами, производимыми в ЕС, США или Японии, и меньшая забюрократизированность экономических институтов и, наконец, меньшая коррупция во взаимоотношениях бизнеса и госорганов в развитых странах.

Одной из главных проблем, сдерживающих сотрудничество предпринимателей, является феномен излишней политизации бизнеса. Эта политизация означает, что интересы развития бизнеса и получения прибыли нередко приносятся в жертву во имя удовлетворения амбиций правящих элит и даже отдельных политиков в той или иной стране. При чем политизация может происходить как добровольно, так и добровольно-принудительно, когда правящие элиты втягивают бизнес в опасные военно-политические игры.

Такую чрезмерную насильственную политизацию западного бизнеса можно было наблюдать после начала СВО России в Украине. Известно, что значительная часть многочисленных пакетов санкций была направлена как раз на за-

¹¹¹ Исследования проводились по 68 показателям среди 14 постсоветских стран. В ходе мониторинга анализировался комплекс коммуникаций: внешнеполитические, экономические, медиакоммуникации, коммуникации в образовании, науке, культуре, молодежные связи, религиозный диалог и другие. Максимальная оценка дружелюбности — 100 баллов, минимальная — минус 100 баллов.

По данным НИИРК, первое место среди самых дружественных к России стран традиционно занимает Белоруссия (88,4 балла). Следом идут Киргизия (60,6), Узбекистан (59,3), Казахстан (58,4), Армения (58,3), Таджикистан (57,9), Азербайджан (57) и Туркменистан (47,1). Все эти страны эксперты отнесли к «дружественным России коммуникационным режимам». Эксперты назвали число дружественных России постсоветских стран. [Электронный ресурс] // Новости. Mail.ru, URL:<https://news.mail.ru/politics/55019147/?frommail=1> (дата обращения 10 февраля 2023).

¹¹² The International Trade Statistics Yearbook 2021: Volume I [Электронный ресурс] // UN Comtrade Database, URL:<https://comtradeplus.un.org/Publication/ITSY> (дата обращения 11 февраля 2023).

¹¹³ Содружество независимых государств и три десятилетия регионального сотрудничества на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] // Eurasian research institute, URL:<https://www.eurasian-research.org/publication/the-commonwealth-of-independent-states-and-three-decades-of-regional-cooperation-in-the-post-soviet-space/?lang=ru> (дата обращения 11 февраля 2023).

прешение и ограничение работы западного бизнеса в России и российского – в странах Запада, то есть на разрыв сложившихся за три десятилетия отношений взаимовыгодного сотрудничества между бизнесом России и стран Запада.

Можно привести немало примеров на постсоветском пространстве того, как политика крайне негативно влияет на взаимодействие бизнесов. Так, например, включившись в санкционную войну против России, предприниматели стран Балтии были вынуждены порвать весьма выгодные для них деловые отношения с бизнесменами России и Белоруссии.

При этом умение приспосабливаться и способность бизнеса выживать в самых неблагоприятных условиях приводят к тому, что даже в форс-мажорных обстоятельствах (пандемии коронавируса, санкционного давления, мировых финансово-экономических кризисов) бизнес нередко находит возможности для продолжения международного сотрудничества и тем самым сохраняет шансы и мосты для относительно быстрого восстановления связей после того, как отношения между ранее противоборствующими странами улучшатся.

В качестве примеров прочности взаимодействия бизнесов даже в форс-мажорных обстоятельствах можно привести факты, согласно которым предприниматели Украины и России продолжают сотрудничество, несмотря на военный конфликт между странами.¹¹⁴

Не в полной мере в интеграционных процессах на постсоветском пространстве задействован и такой важный фактор как «сила примера»¹¹⁵. И если бы страны СНГ и прежде всего Россия, демонстрировали своим соседям образцы быстрого и устойчивого развития, решения острых социально-экономических проблем, то постсоветские страны тянулись бы за лидером и были бы заинтересованы в интеграции с ним.

Не способствует более активному взаимодействию бизнесменов бывших республик СССР и многовекторная экономическая политика, проводимая большинством постсоветских стран. Автор вовсе не выступает против этой политики и считает ее рациональной, но объективно получается, что предприниматели стран ЕАЭС сотрудничают главным образом с Россией и между собой, деловые люди Грузии и Молдавии ориентируются в своем бизнесе прежде всего на Западную Европу, а бизнесмены Туркменистана и Таджикистана все в большей степени предпочитают сотрудничать с предпринимателями Китая. При чем нередко возникает иррациональная ситуация, при которой предприниматели бывших советских республик покупают некоторые товары в странах ЕС или в Китае при том, что они производятся в России или в Белоруссии лучшего качества и по более низкой цене.

Отсутствие у бизнеса ряда постсоветских стран сбалансированной торговой и инвестиционной политики и перекосы в страновых приоритетах негативно влияют на масштабы сотрудничества между предпринимателями постсоветских стран и приводят к неполному использованию всех возможностей и всего потенциала для взаимовыгодного ведения бизнеса.

¹¹⁴ Так, продолжает работать и перекачивать через Украину нефть нефтепровод «Дружба». Автор также располагает информацией, согласно которой, несмотря на СВО, украинские предприниматели даже в условиях СВО покупают у российских коллег удобрения для сельского хозяйства.

¹¹⁵ Автор считает, что вместо или вместе с устоявшимся понятием «мягкая сила», в случае с интеграционными процессами на постсоветском пространстве, уместно было бы также употреблять понятие «сила примера».

Одним из важнейших препятствий на пути сотрудничества бизнеса постсоветских стран являются в них проблемы, связанные с гарантированием прав частной собственности. В конституциях всех без исключения постсоветских стран частная собственность гарантируется де-юре. Однако на практике в ряде стран предприниматели как резиденты, так и не резиденты сталкиваются с отсутствием гарантий частной собственности де-факто. Официальные источники и СМИ доносят до деловых кругов информацию о фактах, согласно которым высокодоходные бизнесы резидентов и нерезидентов подвергаются в ряде стран рейдерским захватам, попыткам их отнять с помощью коррумпированных судов, криминальных элементов и т. д.

Таким образом, предприниматели резиденты и нерезиденты сталкиваются с серьезными рисками потерять свой бизнес, что создает реальные препятствия на пути взаимной торговли, инвестиций, создания СП и других форм сотрудничества между бизнесменами постсоветских стран.

Мешают сотрудничеству предпринимателей и все еще сохраняющиеся различия в законодательной базе, регулирующей как деятельность бизнеса внутри той или иной страны, так и международную активность предпринимателей. При этом необходимо отметить в качестве позитивного фактора постепенное сближение законодательств, регулирующих работу бизнеса на постсоветском пространстве и прежде всего в рамках ЕАЭС.

Сегодня правительства и предприниматели ряда постсоветских стран пришли к осознанию того, что успешное экономическое сотрудничество предпринимателей невозможно и без унификации технических регламентов, решения правовых вопросов, приведения к единому знаменателю налогового, трудового и административного законодательства.

Очевидно также, что интеграционные процессы нуждаются в дальнейшей либерализации, что будет способствовать активизации взаимодействия средних и малых фирм.

Усложняет процессы взаимодействия бизнесменов ряда постсоветских стран и избыточная роль государственных институтов, регулирующих и контролирующих бизнес. При этом не стратегические, а оперативные задачи кооперационных связей между производителями, торговыми фирмами, предпринимательскими объединениями часто решаются не самими хозяйственными субъектами рынка, а различными министерствами и ведомствами.

Однако в этом вопросе в последнее время происходят позитивные подвижки. Так, например, Казахстан собирается закрыть свое торговое представительство в России, поскольку, согласно пресс-релизу Министерства торговли и интеграции республики, решение о закрытии торгпредства «связано с тем, что в настоящее время для казахстанского бизнеса созданы все институциональные условия для работы в российском направлении и решения всех операционных вопросов»¹¹⁶.

Далее, явно не способствует взаимодействию предпринимателей и молодость постсоветского бизнеса, которая детерминирует уже упоминавшуюся относительно низкую социальную ответственность значительной части предпринимателей, нередко проявляющуюся в несоблюдении заключенных дого-

¹¹⁶ Казахстан назвал причину закрытия торгпредства в России [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL:<https://ria.ru/20230201/kazakhstan-1849081605.html> (дата обращения 12 февраля 2023).

воров, в нарушении норм добросовестной конкуренции, в использовании для собственной выгоды, но во вред партнеру, инсайдерской информации и т. д.

Серьезные сложности для конструктивного и взаимовыгодного взаимодействия предпринимателей ряда постсоветских стран вытекают из неравноправного характера отношений в них власти и бизнеса. В суперпрезидентских республиках бизнес занимает подчиненное место и в этой ситуации вынужден иногда действовать не в собственных интересах, а в интересах правящих элит.

Мешает также сотрудничеству неравное положение государственного и частного бизнеса, поскольку у первого больше шансов получить госзаказ и финансовую поддержку от государства в каких-либо форс-мажорных ситуациях. И, наконец, в ряде стран отсутствуют равные условия функционирования для компаний частного бизнеса. Успешность их деятельности нередко зависит от должности и степени влиятельности государственных структур или даже отдельных высокопоставленных чиновников, покровительством которых они пользуются. Разумеется, подобное положение дел не способствует становлению добросовестной конкуренции не только между предпринимателями внутри этих стран, но и между бизнесменами различных стран. Ситуацию во взаимоотношениях бизнеса и власти усложняет и отсутствие прочных коммуникаций между ними.

Не способствует быстрому развитию сотрудничества между бизнесменами постсоветских стран и ограниченность ресурсов у предпринимателей в некоторых из них. Так, условно, у предпринимателей Таджикистана немного конкурентоспособных товаров, которые они могут поставлять на международный рынок, а у предпринимателей Киргизии нет значительных средств для инвестиций в экономики других постсоветских стран и т. д.

Острой проблемой для бизнеса практически всех постсоветских стран является недостаточное количество высокотехнологичных товаров с высокой добавленной стоимостью. Большую часть товаров, продаваемых и покупаемых на постсоветском пространстве, составляют сырье и сельскохозяйственная продукция. Об этом, в частности, свидетельствует Глобальный инновационный индекс – 2021¹¹⁷ Так, если Эстония в этом индексе занимает 21 место, Латвия – 38, Литва – 39, а Россия – 45, то Казахстан находится на 79 месте, Узбекистан – на 86, Кыргызстан – на 98, а Таджикистан на 103.¹¹⁸

Явно мешает сотрудничеству предпринимателей постсоветских стран и отсутствие во многих из них благоприятного предпринимательского климата. Так, в рейтинге легкости ведения бизнеса, подготовленном Всемирным банком¹¹⁹ в 2020 году, можно было наблюдать весьма существенные различия в положении в нем постсоветских стран. И если Россия находилась на 28 месте в этом рейтинге, то Киргизия – на 80, а Таджикистан – на 106¹²⁰. Очевидно, что такие различия в условиях ведения бизнеса не способствуют сотрудничеству предпринимателей с коллегами из стран, находящихся в

¹¹⁷ Глобальный инновационный индекс [Электронный ресурс], URL:https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/ru/wipo_pub_gii_2021_exec.pdf (дата обращения 13 февраля 2023).

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Ease of Doing Business Index 2020 Comparing Business Regulation in 190 Economies [Электронный ресурс], URL:<https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/32436/9781464814402.pdf> (дата обращения 13 февраля 2023).

¹²⁰ Там же.

рейтинге по условиям ведения бизнеса в самом низу таблицы. При этом необходимо с удовлетворением отметить, что в последние годы многие постсоветские страны существенно улучшили свои позиции в этом рейтинге.

Серьезной преградой для сотрудничества бизнеса на постсоветском пространстве является масштабная коррупция, все еще имеющая место в большинстве постсоветских стран. Индекс восприятия коррупции свидетельствует о том, что в большинстве постсоветских стран коррупция находится на высоком уровне и более того ситуация с положением дел в этой важнейшей сфере взаимодействия бизнеса и власти в некоторых странах, к сожалению, не улучшается.

В 2021 году в этом индексе лишь пять постсоветских стран занимали места в первой сотне (Эстония находилась на 13 месте, Литва – на 34, Латвия – на 36, Грузия – на 45 и Армения – на 58), а все остальные страны находились в низу рейтинга с высокими показателями коррупции (Казахстан находился на 102 месте, Молдавия – на 105, Азербайджан – на 128, Россия – на 136, Узбекистан – 140, Таджикистан – на 150 и Туркмения – на 169)¹²¹.

Коррупция серьезно деформирует нормальные отношения между предпринимателями, выводит взаимодействие бизнеса и власти из правового поля, создает атмосферу нездорового соперничества между предпринимателями в поиске обходных путей достижения своих целей, разрушает институты власти, развращает чиновничество, а на место здоровой конкуренции насаждает конкуренцию коррупционных связей и т. д.

После начала СВО серьезным препятствием на пути транспарентного сотрудничества постсоветских предпринимателей стали санкции против России и угроза вторичных санкций против компаний, в том числе постсоветских стран, пытающихся продолжить сотрудничество с российским бизнесом. Так, например, Грузия решила восстановить прямое воздушное сообщение с Россией, на что Спикер службы внешних связей Евросоюза Петер Стано призвал власти Грузии соблюдать авиационные санкции против России, которые ввели власти ЕС. Он отметил, что санкционный режим Евросоюза предусматривает вторичные санкции против тех, кто поддерживает обход ограничений, введенных в отношении России¹²².

Таким образом, на пути сотрудничества предпринимателей на постсоветском пространстве, являющегося одной из его важнейших экономических скреп бывших советских республик, существует немало серьезных препятствий, которые с большим или меньшим успехом преодолеваются.

После всего изложенного возникает законный вопрос: каковы перспективы сотрудничества предпринимателей на постсоветском пространстве? Автор смотрит на них с умеренным оптимизмом. Представляется, что экономические интересы в среднесрочной перспективе возобладают над политическими и внешнеполитическими и на смену центробежным трендам в

¹²¹ Индекс основывается на нескольких независимых опросах, в которых принимают участие международные финансовые и правозащитные эксперты, в том числе из Азиатского и Африканского банков развития, Всемирного банка и американской организации Freedom House. Индекс представляет собой оценку от 0 (максимальный уровень коррупции) до 100 (отсутствие коррупции). [Электронный ресурс] // Википедия. URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 13 февраля 2023).

¹²² ЕС пригрозил Грузии санкциями в случае возобновления авиасообщения с Россией [Электронный ресурс] // Новости. Mail.ru, URL:<https://news.mail.ru/politics/54935601/?frommail=1> (дата обращения 13 февраля 2023).

той или иной степени придут центростремительные. И если провести историческую аналогию, которая может показаться в данном случае не совсем уместной, то на смену «периоду феодальной раздробленности» придет стремление постсоветских стран к некоему экономическому единству.

Ну а в долгосрочной перспективе, сегодня эта гипотеза может показаться почти утопией, но автор уверен в том, что в объективно усиливающихся процессах глобализации произойдет экономическая интеграция постсоветских стран либо в рамках постсоветского пространства, а скорее в рамках какого-то будущего европейско-азиатского экономического образования от Лиссабона до Владивостока.

ЛИТЕРАТУРА

Виттенберг 2011 – *Виттенберг Е.Я.* Социальная ответственность бизнеса на постсоветском пространстве. – М., Из-во РГГУ, 2011. – 481 с.

Виттенберг, Пивовар 2022 – *Виттенберг Е.Я., Пивовар Е. И.* Сотрудничество бизнеса Содружества Независимых Государств: итоги и перспективы // «30 лет СНГ. Трансформационные процессы на постсоветском пространстве». – М., Из-во РГГУ, 2022. – С. 70–153.

Перегудов, Семененко 2008 – *Перегудов С.П., Семененко И.С.* Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии. – М., Прогресс-Традиция, 2008. – 448 с.

REFERENCES

Vittenberg, E. Y. (2011), *Sotsial'naya otvetstvennost' biznesa na postsovetskom prostranstve* [Social Responsibility of Business in the Post-Soviet Space], publ. RGGU, Moscow, Russia.

Vittenberg, E. Y. and Pivovarov, E. I. (2022), *Sotrudnichestvo biznesa Sodruzhestvanezavisimykh Gosudarstv: itogi i perspektivy* [Cooperation Business of CIS: results and perspectives], in *30 let SNG. Transformatsionnye protsessy na postsovetskom prostranstve* [30-univesary of CIS. Transformation Processes in the Post-Soviet Space], Moscow, pp. 70–153.

Peregudov, S. P. and Semenenko, I. S. (2008), *Korporativnoe grazhdanstvo: kontseptsii, mirovaya praktika i rossiiskie realii* [Corporate Citizenship: Concepts, World Practice, and Russian Realities], Progress-Tradition, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виттенберг Евгений Яковлевич, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125093, Россия, г. Москва, Миусская пл. д. 6; *intelban@mail.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vittenberg E. Ya., Doct. of Sci. (History), professor, Russian state university for the humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miussskaya sq., Moscow, Russia, 125093; *intelban@mail.ru*.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-141-152

Евразия в контексте глобальной цифровой цивилизации XXI века: новые приоритеты и потенциал интеграции

Ефим И. Пивовар

Российский государственный гуманитарный университет

Москва, Россия, rggu@rggu.ru

ORCID 0000-0002-4854-4264

Аннотация. *Статья посвящена воздействию феномена глобального информационного общества на процесс евразийской интеграции. Цифровой поворот как существенная часть научно-технологических преобразований современности предполагает появление новых приоритетов в процессах интеграции на евразийском пространстве, качественно расширяет сам потенциал этой интеграции. Автор анализирует факторы, определяющие роль и место цифровых технологий и формирования общего информационного пространства постсоветских стран в интеграционной политике Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Содружества Независимых Государств (СНГ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В работе отмечено важное значение таких основополагающих документов интеграционного сотрудничества в цифровой повестке XXI века, как «Стратегия сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества до 2025 года» (2016), «Концепция сотрудничества государств-участников Содружества Независимых Государств в области цифрового развития общества» (2019), «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» (2017). Автор характеризует роль Первого Евразийского конгресса Евразийского Банка Развития (ЕАБР) в углублении и расширении цифровой повестки евразийской интеграции. Особое внимание уделено потенциалу гуманитарной, образовательной и культурной интеграции Евразии в условиях информационного общества XXI века.*

Ключевые слова: *глобализация, информационное общество, цифровая экономика, ЕАЭС, СНГ, евразийская интеграция, межкультурные коммуникации.*

Для цитирования: *Пивовар Е.И. Евразия в контексте глобальной цифровой цивилизации XXI века: новые приоритеты и потенциал интеграции // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 143–154. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-141-152.*

Eurasia in the context of the global digital civilization of the XXI century: new priorities and potential for integration

Efim I. Pivovar

Russian State University for the Humanities

Moscow, Russia, rggu@rggu.ru

ORCID 0000-0002-4854-4264

Abstract. *The paper is devoted to the impact of the phenomenon of the global information society on the process of Eurasian integration. The digital turn, as an essential part of the scientific and technological transformations of our time, implies the emergence of new priorities in the integration processes in the Eurasian space, essentially developing the potential possibilities of the such integration. The author analyzes the factors that determine the role and the place of digital technologies and the formation of a common information space of post-Soviet countries in the integration policy of the Eurasian Economic Union (EAEU), the Commonwealth of Independent States (CIS) and the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The paper is mentioned the importance of a such key documents of integration cooperation in the digital agenda of the 21st century as «The Cooperation Strategy of the CIS member-states in the development of an information society until 2025» (2016), «The Concept of state cooperation – members of the Commonwealth of Independent States in the field of digital development of society» (2019), «The Main directions of implementation of the digital agenda of the Eurasian Economic Union till 2025» (2017). The author characterizes the role of the First Eurasian Congress of the Eurasian Development Bank (EDB) in deepening and expanding the digital agenda of Eurasian integration. Particular attention is paid to the potential of humanitarian, educational and cultural integration of Eurasia in the information society of the XXI century.*

Keywords: *globalization, information society, digital economy, EAEU, CIS, Eurasian integration, intercultural communication.*

For citation: *Pivovar, E.I. (2023), "Eurasia in the context of the global digital civilization of the XXI century: new priorities and potential for integration", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 143–154. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-141-152.*

Проект евразийской интеграции является ровесником XXI века: практическое воплощение в жизнь идеи Евразийского союза как международного объединения постсоветских государств – объединения, прежде всего, экономического, но имеющего также глубокие исторические социально-культурные корни, – началось с учреждения Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) 10 октября 2000 г.

Немного ранее, 21 июля 2000 г. на Окинаве состоялась встреча «большой восьмерки», участники которой в преддверии наступающего нового тысячелетия заявили о признании информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в качестве определяющего фактора развития человечества. Лидеры ведущих стран мира, включая Президента России В.В. Путина, выразили готовность поддерживать глобальную информатизацию и решать возникающие в связи с этим процессом проблемы безопас-

ности и диспропорций технологического развития. «Хартия глобального информационного общества», принятая 22 июля 2000 г. главами государств и правительств G8, и Резолюция № 55/28 Генеральной Ассамблеи ООН («Ассамблеи тысячелетия») от 20 ноября того же года придали характер международного общественного договора движению по пути к глобальной информационной цивилизации. Теории информационного общества и постиндустриального развития, осмысление которых во многом является стержнем современной мировой философской и социально-политической мысли [Белл 1999; Wilson 1998; Уэбстер 2004; Урсул 2020], стали признанным фактором реальной политики, в том числе на постсоветском пространстве.

Развернувшаяся в новом веке системная модернизация экономических систем, государственно-правовых и гражданских институтов России и других ведущих стран СНГ явилась стимулом как для развития сотрудничества в евразийском формате, так и для расширения связей постсоветских государств в глобальном пространстве [Пивовар 2019].

Эти процессы обусловили растущее влияние на евразийский регион ключевых тенденций глобального развития, включая стремительное нарастание роли информации и цифровых технологий в экономике, культуре, повседневной жизни людей. Россия и ряд других постсоветских стран в этот период проявляли свою заинтересованность в решении проблем глобального развития, связанных с информатизацией. Так, 15 июня 2006 г. было принято специальное заявление по международной информационной безопасности (МИБ) Советом ШОС, что непосредственно включало евразийский регион в орбиту глобальной информационной политики. Была образована экспертная группа стран ШОС по международной информационной безопасности, в которой работали представители России, Казахстана, Китая, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана.

Среди факторов, определяющих переход информатизации в число магистральных направлений интеграционного процесса на Евразийском пространстве, наиболее существенными являются:

- объективный характер феномена глобальной информатизации, полноценное активное участие в которой необходимо для обеспечения конкурентоспособности национальных экономик стран ЕАЭС и СНГ и позиций Евразии как самостоятельного центра цивилизации XXI века;
- наличие долговременных традиций, опыта и перспектив сотрудничества стран СНГ в информационной сфере, что находит отражение в документах, утвержденных Советом глав правительств СНГ: «Стратегии сотрудничества государств-участников СНГ в построении и развитии информационного общества до 2025 года» (2016), «Концепции сотрудничества государств – участников Содружества Независимых Государств в области цифрового развития общества» (2019) [Рашидов, Шермухаммедова 2021];
- активное внедрение цифровых технологий в экономике и обществе, развитие взаимодействия с глобальными информационными системами в государствах-лидерах евразийской интеграции – России, Белоруссии и Казахстане;

- позитивная динамика институционального и качественного развития ИКТ в Азербайджане, Узбекистане, и других постсоветских государствах – партнерах ЕАЭС, стремление евразийских стран к преодолению диспропорций в сфере цифровых технологий, существующих на экономической карте Евразии;
- включение с 2016 года вопросов формирования единого информационного пространства в число приоритетов интеграционной политики ЕАЭС;
- расширение сотрудничества стран Евразии в сфере высоких технологий, а также гуманитарных и социальных наук, образования и культуры, все более глубоко укореняющихся в цифровом пространстве [Pivovar 2021];
- широкий охват информационно-коммуникационными технологиями социального пространства Евразии – распространение Интернета и мобильных телекоммуникаций, развитие социальных сетей, информатизация торговли, услуг и других сфер частной и общественной жизни, культуры, что способствует диалогу гражданских обществ и бизнеса евразийских стран.

Процессу информационной интеграции на Евразийском пространстве как согласованной политике стран ЕАЭС был дан старт в 2016 году: на заседании Высшего Евразийского экономического совета в Астане 31 мая Президент России В.В. Путин предложил начать работу по созданию единого информационного пространства ЕАЭС.

11 октября 2017 г. были утверждены «Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». Концептуальная основа «Цифровой повестки» предполагает осуществление всеобъемлющей цифровой трансформации Евразийского пространства с учетом тенденций глобального развития и задач экономической интеграции ЕАЭС. Документ подчеркивает самостоятельность государств ЕАЭС в разработке и реализации собственных программ цифровизации и приоритетность интересов информационной безопасности каждой из стран Евразии [Якушенко 2019].

В 2016–2017 гг. правительствами государств ЕАЭС были приняты национальные программы цифровизации: «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы», Национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации» (2017–2024), Государственная программа «Цифровой Казахстан» на 2017–2022 гг., Программа цифровой трансформации Кыргызской Республики «Таза Коом» (2017–2040) и др. [Якушенко 2019]. Содержание этих документов свидетельствует о единстве стратегических подходов стран ЕАЭС к развитию информационно-коммуникационных систем и стремлению их руководства к преодолению существующих различий в уровне внедрения информационных технологий в экономику, управление и общественную жизнь своих народов.

Одновременно развивалось и законодательство стран ЕАЭС в области защиты информации и персональных данных, что обусловлено открытостью информационных систем Евразии другим участникам процесса глобальной и региональной информатизации. Так, мегапроектом близкого будущего, ставящим Евразию в центр трансконтинентальных цифровых

коммуникаций, является «Трансевразийская суперинформационная магистраль» (TASIM), которая создается в сотрудничестве ведущих компаний Азербайджана, России, Казахстана, Китая и других стран при поддержке ООН. Россия, Иран и Оман являются инициаторами проекта оптоволоконной связи «Европейско-ближневосточная информационная сеть» (Euro-Persia Express Gateway – EPEG).

В целом, современная политика ЕАЭС в сфере формирования единого информационного пространства Евразии направлена на обеспечение – на основе единых подходов и стандартов – системного развития цифровых технологий и создание механизмов снижения рисков, связанных с угрозами информационной безопасности и усилением геополитической конкуренции [Дятлов, Нуянзин 2019].

В этой связи хотелось бы обратить особое внимание на гуманитарную сферу: цифровые СМИ, электронные формы образовательной деятельности и различных услуг, электронные интеллектуальные ресурсы различного назначения – от правовых порталов до художественной литературы, виртуальные музеи и т. п.

Гуманитарное информационное пространство Евразии обладает огромным интеграционным потенциалом. Этот потенциал реализуется в процессе непосредственного продвижения идеи евразийской интеграции через сайты Евразийской экономической комиссии, Делового совета ЕАЭС, Ассамблеи народов Евразии и другие сетевые ресурсы, участвующие в информационной поддержке евразийского партнерства [Мансуров 2014].

Важнейшую роль в развитии общего информационного пространства Евразии играет молодежная аудитория, которая отличается особой восприимчивостью ко всему, что связано с цифровыми технологиями как таковыми и с новой глобальной цивилизацией, но также открыта и для традиционных ценностей и форм культуры – музыки, танца, поэзии, кино. Формирование позитивного восприятия молодыми поколениями граждан Евразии процессов евразийской интеграции, представлений об историческом и современном взаимодействии культур постсоветских государств, вовлечение студентов, молодых специалистов, творческой молодежи в интеграционные программы представляется одним из важнейших направлений интеграционного процесса, связанного как с информационной политикой, так и с развитием образовательного и культурного сотрудничества стран Евразии.

Тема углубления гуманитарных основ евразийской интеграции все чаще обсуждается на уровне руководителей министерств и ведомств, депутатов законодательных органов стран ЕАЭС. Так, Председатель Совета Федерации России В.И. Матвиенко на заседании Интеграционного клуба Государственной Думы РФ в апреле 2017 года предложила создать Совет по гуманитарному сотрудничеству и Евразийскую ассоциацию сотрудничества в сфере культуры¹²³ [11]. О значимости культурной составляющей интеграции пишет «Независимая газета» и другие ведущие

¹²³ Тенденции культурной интеграции в ЕАЭС [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 19 апреля 2017. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/17377> (дата обращения 10 июня 2021).

СМИ¹²⁴ [12], что позволяет говорить о задачах системного развития взаимодействия в сфере СМИ, формирования креативного медийного пространства Евразии, которое является мощнейшим ресурсом гуманитарной интеграции.

Таким образом, глобальная информатизация и в технологическом смысле и как политико-философская доктрина оказывает непосредственное воздействие на реализацию евразийского интеграционного проекта, что проявляется в той или иной степени по всем уже существующим направлениям интеграции, а также способствует становлению новых интеграционных форм и моделей сотрудничества. Очевидно, что эти тенденции объективно будут усиливаться по мере формирования на территории Евразии институтов постиндустриальной экономики и внедрения современных информационных систем в экономическое, логистическое и социальное пространство стран ЕАЭС.

Первый Евразийский Конгресс ЕАБР состоялся в Москве 4 декабря 2020 г. В его работе приняли участие представительные делегации всех стран-участниц Банка, а также других государств СНГ, интеграционных объединений, органов управления, деловых кругов, экспертного сообщества. Примечательно и то, что по времени проведения Конгресс совпал с очередным заседанием Межправительственного совета ЕАЭС, в котором приняли участие в онлайн-формате все главы правительств стран Союза.

К участникам Конгресса, проходившего в Центре международной торговли, обратился с приветствием премьер-министр Правительства Российской Федерации М.В. Мишустин: «Евразийскому экономическому союзу в 2020 г. исполняется пять лет. За этот период гармонизировано регулирование по ключевым направлениям сотрудничества, создан общий рынок с едиными правилами для бизнеса, растет кооперация в промышленной сфере, расширяются рынки сбыта, появляются условия для справедливой конкуренции, устраняются барьеры для четырех свобод – движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Активно работают институты развития – Евразийский фонд стабилизации и развития и Евразийский банк развития. В перспективе Банк должен стать региональным центром сопровождения интеграционных процессов, сфокусироваться на реализации крупных и системно важных межгосударственных проектов. Евразийский союз должен выйти на новый уровень своего развития. Очевидно, что нужно продолжить курс на укрепление единого рынка, где все более свободно перемещаются товары, услуги, капиталы, рабочая сила, и вместе с тем создать единое цифровое пространство стран “пятерки”. А значит, к четырем свободам должна добавиться и пятая свобода – движение информатизации»¹²⁵.

¹²⁴ Лихачева А. Евразийский экономический союз ищет гуманитарную составляющую [Электронный ресурс] // Независимая газета. 19.05.2019. URL: https://www.ng.ru/dipkurer/2019-05-19/11_7576_culture.html (дата обращения 10 июня 2021).

¹²⁵ Подведены итоги Первого Евразийского конгресса [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. URL: <https://eabr.org/press/news/podvedeny-itogi-pervogo-evraziyskogo-kongressa/> (дата обращения 28 декабря 2020); На сессии Первого Евразийского конгресса обсудили «сквозные» интеграционные проекты совместно с ВЭБ.РФ [Электронный ресурс] // Известия. 4 декабря 2020. URL: <https://iz.ru/1095985/2020-12-04/na-sessii-pervogo-evraziiskogo-kongressa-obsudili-skvoznye-integratsionnye-proekty-sovmestno-s-vebrf> (дата обращения 28 декабря 2020).

Центральным событием Первого Евразийского конгресса ЕАБР стало его пленарное заседание, которое проводилось совместно с ВЭБ.РФ¹²⁶ и модерировалось председателем этой организации И.И. Шуваловым.

Открывая дискуссию, И.И. Шувалов напомнил собравшимся, что евразийские интеграционные объединения имеют сравнительно недолгую, но славную историю: «Помимо пятилетия ЕАЭС, мы должны вспомнить и о десятилетии Таможенного союза стран СНГ, которое мы также отмечаем в этом году. К 2025 г. мы планируем снять все ограничения и изъятия в нашей интеграционной деятельности, поэтому нас интересуют сегодня “сквозные” проекты, которые несут новое качество жизни всем гражданам наших стран¹²⁷».

Выступивший на заседании председатель Правления ВТБ А.Л. Костин отметил, что Банк ВТБ уже взял курс на взаимодействие с партнерами в ЕАЭС и активно действует в Армении, Беларуси, Казахстане. «Вместе с тем, – продолжил докладчик, – сам Евразийский экономический союз еще молод, мы еще создаем его финансовую архитектуру, как мы все знаем, план выработан, и единое платежное пространство ЕАЭС постепенно формируется. Есть и хорошие позитивные примеры. Так, например, ВТБ финансирует горно-рудную корпорацию в Казахстане, в итоге мы получаем глинозем, который поставляем в Таджикистан и оттуда уже готовую алюминиевую продукцию поставляем на мировые рынки. Другой пример – компания «Русская платина» при участии ВТБ занимается добычей золота в Кыргызстане¹²⁸».

Отметим, что ВТБ имеет опыт работы с институтами развития, в том числе с ЕАБР в рамках проектов аэропорта «Пулково», Западного скоростного диаметра и др.¹²⁹ ЕАБР мог бы взять на себя роль координатора при реализации проектов, связанных с цифровизацией¹³⁰.

Руководитель Банка развития Республики Беларусь А.К. Жишкевич подчеркнул, что сама задача консолидации усилий национальных институтов развития не нова, однако, сегодня необходимо продумать систему согласованного взаимодействия по реализации, прежде всего, интеграционных проектов совместно и по-партнерски продвигать их на рынки третьих стран. Эту идею поддержал и председатель Правления Банка развития Казахстана А.С. Саркулов. Он привел примеры успешного взаимодействия с ЕАБР, среди которых – проект газификации столицы Казахстана, в рамках которого ЕАБР отвечал за производство и поставку газовых труб из Челябинска, а Банк развития Казахстана курировал само строительство газопровода. Проект уже реализован, трубопровод введен в эксплуатацию, и сейчас планируется его продолжение.

Банк взаимодействовал и со своими партнерами в Республике Беларусь, прежде всего – по поставкам сельхозтехники из Гомеля. В законодательную базу республики в ближайшее время будут внесены изменения, связанные

¹²⁶ ВЭБ.РФ – российская государственная корпорация развития, государственный инвестиционный банк, финансирующий проекты развития экономики.

¹²⁷ Первый Евразийский конгресс. «Сквозные» интеграционные проекты (полное видео). 4 декабря 2020 [Электронный ресурс] // «Россия 24»: Официальный YouTube канал ВГТРК. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3epOekJZ5NU> (дата обращения 29 декабря 2020).

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Там же.

с возможностями синдицирования банковской деятельности, что позволит интенсифицировать деятельность институтов развития в целом¹³¹.

Выступивший на Пленарном заседании конгресса председатель Правления ЕАБР Н.Р. Подгузов отметил, что в настоящее время крайне важно обеспечить мультипликативные эффекты от союза экономик наших стран. Для этого и необходимы масштабные проекты, в которых ЕАБР должен выполнять роль интегратора.

Идея о коалиции национальных институтов развития, которая уже выдвигается, предусматривает и привлечение внешних для ЕАЭС ресурсов. Это позволит реализовывать межгосударственные трансграничные и сверхкапиталоемкие проекты. Для успешной реализации таких задач нужна и глубокая научная экспертиза с позиций экономики знаний. Таким образом, роль экспертно-аналитической деятельности Банка также возрастает.

«Сквозные» интеграционные проекты в наши дни, – подчеркнул Н.Р. Подгузов, – призваны обеспечить каркас развития ЕАЭС. Среди них – проекты транзитных транспортных коридоров, проекты обеспечения продовольственной безопасности ЕАЭС, современных систем почтовой связи, и ускоренной пересылки товаров, энергетические инфраструктурные проекты в сфере водного баланса»¹³².

Н.Р. Подгузов сообщил также о создании Банком Фонда цифровых инициатив, который возглавил заместитель председателя Правления ЕАБР Т.С. Саркисян, в недавнем прошлом руководивший работой Евразийской экономической комиссии. Первым продуктом Фонда стало цифровое приложение «Путешествуем без ковида», которое обеспечило безопасную доставку на конгресс участников из всех стран ЕАЭС и стало наглядным примером того, как цифровые продукты обеспечивают евразийскую интеграцию. Кроме того, Н.Р. Подгузов отметил, что еще одной важной задачей должно стать выравнивание экономик и институтов стран-участников Банка. Этому будет служить и утверждение единых стандартов, которые сделают сильнее экономики наших стран, а значит, и улучшат жизнь людей¹³³.

Глава РЖД О.В. Белозеров, выступая на Пленарном заседании, указал, что российские железные дороги, в целом справляются с вызовами 2020 г. По итогам года, по магистралям, связывающим Китай и Западную Европу, было перевезено 500 тыс. контейнеров, причем в перевозках широко применялись цифровые технологии сопровождения грузов, таможенного оформления и др. Страны ЕАЭС имеют преимущества в осуществлении железнодорожных перевозок: сквозной железнодорожный тариф, единая система железных дорог, доставшаяся в наследство от прошлых эпох, общие технологии обработки грузов, растет и скорость их доставки¹³⁴.

Представивший на Пленарном заседании корпорацию «Россети» К.А. Михалик указал, что страны ЕАЭС уже реализуют концепцию единого

¹³¹ Там же.

¹³² Там же.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же.

рынка электроэнергии. Воплощение в жизнь данной концепции помогает обеспечить трансграничную передачу электроэнергии и синхронизацию ее потребления.

Много делается и в проектной сфере по возобновляемым источникам энергии. Армения и Казахстан планируют значительно нарастить долю этих источников в электробалансе национальной экономики. К 2025 г. Армения предполагает выйти на 26% возобновляемых источников энергии, а Казахстан – на 10% к 2030 г. В рамках конгресса было подписано Соглашение о сотрудничестве между корпорацией «Россети» и ЕАБР, которое предусматривает совместную деятельность в области возобновляемых источников энергии и цифровизации данной отрасли экономики в целом¹³⁵.

Пленарное заседание Первого Евразийского Конгресса завершил доклад генерального директора «Почты России» М.А. Акимова. Он сообщил собравшимся о заключении на площадке Конгресса соглашения с руководителями почтовых служб Республики Беларусь и Казахстана, а также о подписанном летом 2020 г. соглашении между «Почтой России» и «Почтой Армении». Таким образом, можно говорить о единой системе координации усилий на данных направлениях в масштабах всего ЕАЭС.

Итогом работы Пленарного заседания Первого Евразийского Конгресса стала церемония подписания Меморандума о создании коалиции Банков развития (БР) ЕАЭС. В ней приняли участие председатель государственной корпорации развития ВЭБ РФ И.И. Шувалов, председатель Правления БР Республики Беларусь А.К. Жишкевич, председатель Правления БР Республики Казахстан А.С. Саркулов и председатель Правления Евразийского БР Н.Р. Подгузов. Знаменательно, что сама процедура проходила в зале заседаний Конгресса в цифровом формате, и подписанные сторонами экземпляры Меморандума сразу демонстрировались на экране¹³⁶.

В настоящее время определены, согласованы и реализуются национальные стратегии и общий курс ЕАЭС в сфере развития цифровой экономики и систем электронных коммуникаций. Актуальной задачей третьего десятилетия XXI века является реализация потенциала интеграции, которым обладают гуманитарная наука и образование, культурный диалог народов Евразии. Ее решение предполагает на данном этапе глубокую экспертную проработку по различным направлениям – социологическому, политологическому, истории международных отношений и др.

В 2020 – начале 2022 г. в России и других странах Евразии был приобретен дополнительный, достаточно обширный опыт осуществления в цифровом формате различных программ и проектов в сфере гуманитарного образования и науки, межкультурных цифровых коммуникаций. Этот опыт показывает, что современное глобальное информационное пространство, сопрягающее воедино технологические, социальные, финансовые, общественно-политические и культурные процессы, созда-

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же.

ет новые возможности для созидания настоящего и будущего, включая евразийскую интеграцию.

Участники интеграционного форума РСПП «Раздвигая горизонт: стратегия евразийской экономической интеграции в новых условиях бизнеса», состоявшегося в Москве 6 марта 2023 года, констатировали рост роли ЕАЭС в 2022 году в условиях, когда внешняя торговля РФ резко ограничивается санкциями недружественных России стран. Так Армения, Белоруссия, Казахстан и Киргизия нарастили объемы экспорта в ЕАЭС на 9,8 млрд долларов, из них в России – на 9,5 млрд долларов¹³⁷.

В 2023 году Евразийская комиссия завершает переговоры о зонах свободной торговли с Египтом, Ираном, Индонезией, ОАЭ¹³⁸. Как отмечал на форуме министр по торговле ЕЭК Андрей Слепнев, доля торговли стран ЕАЭС с Китаем выросла в 2022 году на треть, в планах расширение взаимодействия ЕЭК с КНР, в «дорожной карте» с Китаем – дальнейшая цифровизация транспортных коридоров¹³⁹.

2–3 марта 2023 года в ходе визита правительственной делегации России во главе с премьер-министром М.В. Мишустинным в Таджикистан подчеркивалось, что «стратегическое партнерство двух стран значительно расширяется» и одним из ключевых его направлений является содействие в области цифровизации государственного управления в сферах налоговых и таможенных служб, а также в санитарно-эпидемиологической области. «Дочка Мегафона» принимает участие в создании «электронного правительства» Таджикистана¹⁴⁰.

Члены российской делегации рекомендовали Таджикистану также шире осваивать механизмы ЕАЭС по субсидированию межгосударственных кооперационных проектов¹⁴¹.

ЛИТЕРАТУРА

Белл 1999 – *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. – М. 1999. – 430 с.
Дятлов, Нуянзин 2019 – *Дятлов С.А., Нуянзин В.М.* Сотрудничество Евразийского экономического союза и Европейского союза в цифровой экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 6(120). С. 21–24.

Мансуров 2014 – *Мансуров Т.А.* Евразийский проект Нурсултана Назарбаева, воплощенный в жизнь. К 20-летию евразийского проекта 1994–2014. – М.: Реал-Пресс. 2014. – 372 с.

Пивовар 2019 – *Пивовар Е.И.* Евразийский интеграционный проект: предпосылки, становление, развитие: глобальные процессы на постсоветском пространстве. – СПб.: Алетейя, 2019. – 899 с.

¹³⁷ Едовина Т., Галиева Д. Посредник с человеческим лицом [Электронный ресурс] // Коммерсант. 06.03.2023 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5862886> (дата обращения 06 апреля 2023).

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Бутрин Д. Партнерство с Душанбе идет в гору [Электронный ресурс] // Коммерсант. 06.03.2023 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5862165> (дата обращения: 06 апреля 2023).

¹⁴¹ Там же.

Рашидов, Шермухаммедова 2021 – *Рашидов Р.Р., Шермухаммедова Д.М.* Формирование информационного пространства в рамках Содружества Независимых Государств как импульс развития интеграционных процессов // Восточно-европейский научный журнал [Wschodnioeuropejskie czasopismo naukowe]. 2021. № 3(67). С. 7–12.

Урсул 2020 – *Урсул А.Д., Урсул Т.А.* Новая глобальная революция в науке и образовании // Глобалистика-2020: Глобальные проблемы и будущее человечества. Сборник статей Международного научного конгресса. Москва, 18 мая-24 октября 2020 г. / Отв. ред. И.В. Ильин. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. – М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева, 2020. – С. 68–75.

Уэбстер 2004 – *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества. – М.: Аспект Пресс. 2004. – 400 с.

Якушенко 2019 – *Якушенко К.В.* Единое информационное пространство Евразийского экономического союза: предпосылки создания и измерение развития // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2019. № 4(24). С. 42–48.

Pivovar 2021 – *Pivovar E. I.* The World of Russian emigres in the late XX – early XXI centuries. St. Petersburg: Aleteya Publ., 2021. 388 pp.

Wilson 1998 – *Wilson E.J.* Inventing the global information future // Futures. Guildford. 1998. vol. 30, no 1. pp. 23–42.

REFERENCES

Bell, D. (1999), *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo* [The Coming Post-Industrial Society], Moscow, Russia.

Dyatlov, S.A. and Nuyanzin, V.M. (2019), “Cooperation between the Eurasian Economic Union and the European Union in the digital economy”, in *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ehkonomicheskogo universiteta*, no. 6(120), pp. 21–24.

Mansurov, T.A. (2014), *Evraziiskii projekt Nursultana Nazarbaeva, voploshchennyi v zhizn'. K 20-letiyu evraziiskogo projekta 1994–2014* [The Eurasian project of Nursultan Nazarbayev, brought to life. To the 20th anniversary of the Eurasian project 1994 – 2014], Real Press, Moscow, Russia.

Pivovar, E. I. (2021), *The World of Russian emigres in the late XX – early XXI centuries*, Aleteya Publ., St. Petersburg, Russia.

Pivovar, E.I. (2019), *Evraziiskii integratsionnyi projekt: predposylki, stanovlenie, razvitie: global'nye protsessy na postsovetskom prostranstve* [Eurasian integration project: background, formation, development: global processes in the post-soviet space], Aleteya Publ., St. Petersburg, Russia.

Rashidov, R.R. and Shermukhammedova, D.M. (2021), “Formation of the information space within the framework of the Commonwealth of Independent States as an impetus for the development of integration processes”, in *Vostochno-evropeiskii nauchnyi zhurnal* [Wschodnioeuropejskie czasopismo naukowe], no. 3(67), pp. 7–12.

Uehbster, F. (2004), *Teorii informatsionnogo obshchestva* [Information society theories], Aspekt Press, Moscow, Russia.

Ursul, A.D. and Ursul, T.A. (2020), “New global revolution in science and education”, *Proceedings of the International Scientific Congress “Globalistika-2020: Global'nye problemy i budushchee chelovechestva”* [Globalistics-2020: Global problems and the future of mankind], in Il'in, I.V. (ed.), Moscow state university, Moscow, Russia, 2020, pp. 68–75.

Wilson, E.J. (1998), “Inventing the global information future”, in *Futures*, Guildford, vol. 30, no 1. pp. 23–42.

Yakushenko, K.V. (2019), “Common information space of the Eurasian Economic Union: prerequisites for creation and measurement of development”, in *Ehkonomicheskie i sotsial’no-gumanitarnye issledovaniya*, no. 4(24), pp. 42–48.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ефим Иосифович Пивовар, академик РАН, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125093, Россия, г. Москва, Миусская пл. д. 6; *rggu@rggu.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Efim I. Pivovar, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doct. of Sci. (History), professor, Russian state university for the humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125093; *rggu@rggu.ru*.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-153-174

Технологии ненасильственной борьбы в «цветных революциях» на Евразийском пространстве

Александр О. Наумов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Москва, Россия, naumovao@my.msu.ru

ORCID 0000-0002-8366-5934

Аннотация. В работе анализируются технологии ненасильственной борьбы в «цветных революциях» в Сербии, Грузии, Украине и Киргизии. Идеи ненасильственного сопротивления получили развитие еще в XIX веке; большой вклад в их развитие внесли такие знаковые фигуры, как М. Ганди и М.Л. Кинг. Во второй половине XX века в США появились специалисты–политологи, профессионально занимавшиеся данной проблемой, самым известным из которых является Дж. Шарп. Главный идеолог ненасильственной борьбы с правящими режимами и его последователи пошли по пути универсализации и инструментализации учения о ненасильственной борьбе, доведя эту доктрину до уровня универсальной технологии, необремененной какой-либо морально-этической составляющей. В ходе «цветных революций» оппозиция почти буквально следовала изложенным в целом ряде методических работ инструкциям, сознательно и принципиально придерживаясь подобной стратегии захвата власти. Важнейшими составляющими «цветных революций» стали такие методы, как кампания неповиновения режиму, тактика парализации работы госорганов, провоцирование силовых структур на применение насилия в отношении «мирных» демонстрантов, использование технологии «политического спектакля», формирование символики протестного движения, закрепление в массовом сознании стереотипов поведения и целый ряд других. Следует отметить, что осуществленные с помощью импортированных из-за рубежа технологий и прямой организационной и финансовой поддержки со стороны коллективного Запада государственные перевороты на евразийском пространстве не только не принесли процветание народам этих стран, но и в ряде случаев привели к трагедии национального масштаба.

Ключевые слова: «цветные революции», «мягкая сила», ненасильственная борьба, «бульдозерная революция», «революция роз», «оранжевая революция», «тюльпановая революция», «Евромайдан».

Для цитирования: Наумов А.О. Технологии ненасильственной борьбы в «цветных революциях» на Евразийском пространстве // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 155–176. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-153-174.

Technologies of nonviolent struggle in the «color revolutions» in the Eurasian space

Aleksandr O. Naumov

Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia, naumovao@my.msu.ru
ORCID 0000-0002-8366-5934

Abstract. *The paper examines the technologies of nonviolent struggle in the Color revolutions in Serbia, Georgia, Ukraine and Kyrgyzstan. The ideas of nonviolent resistance were developed in the XIX century; such figures as M. Gandhi and M.L. King made a great contribution to their development. In the second half of the XX century in the USA there were specialists—political scientists professionally engaged in this problem, the most famous of which is G. Sharpe. The main ideologist of the nonviolent struggle against ruling regimes and his supporters followed the path of universalization and instrumentalization of the doctrine of nonviolent struggle, bringing this doctrine to the level of universal technology, unencumbered by any moral and ethical component. During the Color revolutions the opposition almost literally followed the instructions set out in a number of methodological works, consciously and fundamentally adhering to a such strategy of seizing power. The most important components of the Color revolutions were such methods as a campaign of disobedience to the regime, the tactics of paralyzing the work of state agencies, provoking law enforcement agencies to use violence against „peaceful“ demonstrators, the use of „political spectacle“ technology, the formation of symbols of the protest movement, the consolidation of stereotypes of mass consciousness and a number of others. It should be noted that the coups carried out with the help of imported technologies from abroad and direct organizational and financial support from the collective West in the Eurasian space not only did not bring prosperity to the peoples of these countries, but also in some cases led to a tragedy on a national scale.*

Keywords: *Color revolutions, soft power, nonviolent struggle, Bulldozer revolution, Rose revolution, Orange revolution, Tulip revolution, Euromaidan.*

For citation: *Naumov, A.O. (2023), “Technologies of nonviolent struggle in the «color revolutions» in the Eurasian space”, Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 155–176. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-153-174.*

На протяжении первых пятнадцати лет нового тысячелетия «цветные революции» победили сразу в четырех государствах, расположенных на Евразийском пространстве, – Сербии, Грузии, Украине, Киргизии и вновь на Украине. Отличительными чертами данных государственных переворотов был их в целом ненасильственный характер (лишь на заключительном этапе «Евромайдана» в начале 2014 года протестующие полностью отошли от этих методик, встав на путь прямого вооруженного захвата власти), а также использование импортированных с Запада технологий смены политических режимов, которые реализовывались определенными акторами (политические партии, НПО, молодежные движения, СМИ, социальные сети) посредством различных семиотических инструментов (символы, образы, идеи, мифы).

Во всех этих событиях был использован масштабный арсенал универсальных «революционных» методик, так или иначе связанных со стратеги-

ей «мягкой силы» (на более позднем этапе и «умной силы»). Стоит отметить, что «мягкосиловая» стратегия Запада, выраженная в форсированном наращивании культурно-политического и информационного присутствия в странах-мишенях «цветных революций», осуществлялась задолго до начала операций по смене режимов. Непосредственно же в ходе «цветных революций» были активно задействованы основные компоненты стратегии «мягкой силы» Дж. Ная, а именно: культура (достижения в области высокой и массовой культуры), политические ценности (набор значимых для общества ценностей, которых государство придерживается как внутри страны, так и за своими пределами, причем не только декларативно, действуя согласно им у себя дома и за рубежом) и внешняя политика (рассматриваемая остальными участниками международных отношений как легитимная и авторитетная с моральной точки зрения) [Nye 2004, p. 11]. Так, существенное внимание уделялось культурным факторам, особенно популяризации доступных для массового эмоционального восприятия произведений культуры, пропагандировавших идеи сопротивления и освобождения.

В первую очередь, речь идет о музыке, которая могла обеспечить мобилизацию, подарить людям ощущение единства и сплоченности без длинных объяснений, напрямую апеллируя к их чувствам. Политические акции оппозиции порой выглядели неким синтезом собственно митингов и музыкальных перформансов, особенно это касалось рок-фестивалей, ставшими очень популярными во время осуществления смены режимов в Сербии и на Украине. Эксплуатировали инженеры «цветных революций» и второй компонент в наевской триаде – политические ценности, которые содержали притягательную мощь справедливого общественного устройства и борьбы за практическое воплощение гражданских свобод. «Революционеры» предлагали обществу привлекательную политическую модель с прозрачностью власти, высокими социальными стандартами, честными выборами, бескомпромиссной борьбой с коррупцией, уважением прав и свобод человека, гендерным равенством и т. д.

Сами лидеры «цветных революций», соблюдая каноны «мягкой силы», действовали по правилам политического обольщения, с нарочитой персонализацией и гуманизацией своих образов [Русакова 2010; Бочаров 2017]. Третьим ключевым ресурсом «мягкой силы» – легитимной и имеющей моральный авторитет внешней политики – оппозиция по понятным причинам обладать до непосредственного захвата власти не могла, однако активно (и очень успешно) соблазняла население перспективой быстрого вхождения страны в ряды «цивилизованных» государств и обретения членства в соответствующих международных структурах. По сути, продвигаемые в ходе подготовки и осуществления «цветных революций» западные культурные идеалы и политические образцы стали идейной и инструментальной основой протестного движения. При этом, как справедливо пишет отечественный исследователь А.В. Костина, «опора на «мягкую силу» – это не проявление гуманизма, а выбор наиболее эффективного метода свержения режима» [Костина 2019, с. 174].

Особое значение в рамках данной стратегии приобрело использование антиправительственными силами методик ненасильственной борьбы для

смены режима. В релевантном для настоящего исследования понимании идеи ненасильственного сопротивления получили развитие в XIX веке в США. Основателем термина «гражданское неповиновение» является американский мыслитель и писатель Генри Дэвид Торо (1817–1862). Именно он теоретически обосновал, почему гражданам стоит в своих действиях в первую очередь руководствоваться справедливостью, а не легальностью.. При этом Торо не был абсолютным сторонником ненасилия, как, например, Ганди, видя в насилии лишь последнее средство, никогда не отвергая его в принципе. «Я не хочу убивать или быть убитым, – писал Торо, – но могу предвидеть обстоятельства, при которых и то и другое станут для меня неизбежными» [Thoreau 2000, p. 153]. Будучи аболиционистом, Торо отстаивал права афроамериканцев, предлагая в качестве средства борьбы индивидуальное ненасильственное сопротивление общественному злу, источником которого считал государство. Свой отказ от взаимодействия с государством Торо продемонстрировал на примере отказа от уплаты налогов в американскую казну.

Изобретенный Торо термин «гражданское неповиновение» спустя несколько десятилетий после его смерти был заимствован, пожалуй, самым известным протагонистом ненасильственной борьбы Махатмой Ганди (1869–1948). Вдохновитель национально-освободительной борьбы индийского народа против британских колонизаторов развил идеи ненасилия в концепции «сатьяграхи» (в переводе с санскрита – «упорство (твердость) в истине»), разработанной еще во время его работы в Южной Африке. Ганди считал ненасилие «единственной фундаментальной истиной», основанной на отказе от сотрудничества с властями и гражданском неповиновении [Gandhi 1996, p. 31]. Следует отметить, что в отличие от современных методик осуществления государственных переворотов, реализуемых с помощью информационных технологий в сжатые сроки, реализация стратегии Ганди занимала значительно более длительный период, требовавший к тому же внутреннего самосовершенствования участников этой борьбы, и в итоге предполагала мирную передачу власти. Такая его позиция, между прочим, привела к серьезным расхождениям с возглавившей борьбу за независимость от англичан партией Индийский национальный конгресс «Ненасилие – это мое кредо, – писал Ганди, – Оно никогда не было кредо Конгресса. Для Конгресса ненасилие всегда было политикой...» [Ганди 1969, с. 570].

Говоря о технологиях ненасильственного противостояния с правящими режимами, нельзя не отметить и знаменитого баптистского проповедника и борца за гражданские права чернокожего населения США Мартина Лютера Кинга (1929–1968). В книге 1958 года «Путь к свободе» Кинг сформулировал шесть принципов ненасилия: ненасилие – образ жизни мужественных людей; отсутствие унижения противоположающейся стороны; бороться со злом, а не с теми, кто стал его жертвами; готовность принять страдания, не думая о возмездии; исключать не только всякое внешнее физическое насилие, но и внутреннее насилие над духом человека; уверенность в том, что мировой порядок находится на стороне справедливости [King 1958, p. 52]. Он изложил и собственный план действий, необходимый для ненасильственных социальных изменений, который также включал шесть пунктов:

«сбор информации»; «образование» (широкая разъяснительная работа по всем каналам СМИ); «личный вклад» (внешнее и внутреннее участие протестующего в ненасильственной кампании в краткосрочной и долгосрочной перспективах); «переговоры» (искусство объединять мнения противоборствующих сторон для разрешения конфликта); «прямое действие»; наконец, «примирение» (как завершающий этап операции, когда обе стороны празднуют победу и обеспечивают совместное внедрение социальных изменений). Как Торо и Ганди, в основу своей техники Мартин Лютер Кинг ставил отказ от сотрудничества с правящими режимами, а лучшей мерой, способной воспрепятствовать «экономическим и политическим институтам государства, увековечивающим зло в обществе», считал социальный бойкот.

Философские воззрения и практические рекомендации указанных выше деятелей были основаны на этике ненасилия, без которой всякое политическое действие характеризовалось как аморальное и бессмысленное. Однако логика «холодной войны» внесла свои коррективы в теорию ненасилия. Стремясь подорвать советское влияние в странах Центральной и Восточной Европы, Вашингтон превратил ненасильственную методику в универсальную технологию, необремененную какой-либо морально-этической составляющей. В заключительный период биполярного противостояния, а затем и в эпоху униполярного доминирования США именно здесь появились на свет новые оригинальные концепции ненасильственной смены политических режимов.

Так, в вышедшей в 1991 году книге «Третья волна. Демократизация в конце XX в.» известный американский ученый С. Хантингтон предложил собственные «советы демократизаторам». Они включали в себя восемь пунктов, а именно: «обеспечьте себе политическую базу»; «сохраняйте легитимность прошлого, т. е. производите перемены с помощью признанных процедур, установленных недемократическим режимом, задабривая консервативные группировки символическими уступками»; «постепенно меняйте свою социальную базу»; «будьте готовы к тому, что консерваторы могут предпринять какие-либо крайние действия, чтобы остановить перемены»; «захватите и удерживайте инициативу в процессе демократизации»; «не пробуждайте слишком больших надежд относительно того, насколько далеко могут зайти перемены»; «способствуйте тому, чтобы сложилась ответственная, умеренная оппозиционная партия, которую ключевые группы в обществе (в том числе в армии) приняли бы в качестве реальной и не опасной альтернативы правительству»; «создавайте неизбежность процесса демократизации». Хантингтон добавлял: «Развивайте контакты с мировыми средствами массовой информации, зарубежными правозащитными организациями и транснациональными учреждениями. В особенности мобилизуйте сторонников в Соединенных Штатах» [Хантингтон 2003, с. 155–156, 165].

В 2003 году известный американский политолог и дипломат М. Палмер в монографии «Сломать Ось Зла: как к 2025 году устранить от власти последних диктаторов» прописал 28 условий, поэтапное выполнение которых должно было обеспечить ненасильственное свержение неудобных США политических режимов. В рамках данной стратегии вначале должны были быть

созданы группы гражданского общества в области защиты окружающей среды, здравоохранения, предпринимательства, прав женщин, независимые СМИ, занимающиеся этой же проблематикой, независимые профсоюзы в нестратегических отраслях промышленности. На этом же этапе предполагалось проведение выборов на местном уровне без участия политических партий, открытие возможностей для функционирования международных и неправительственных организаций в стране и обеспечение свободного доступа граждан в Интернет.

На втором – промежуточном этапе – Палмер рекомендовал образовывать группы гражданского общества уже в таких областях, как мониторинг выборов, права человека, политические партии и религиозные движения. Выборы в органы исполнительной и законодательной власти на местном и провинциальном уровнях должны были уже проводиться с участием политических партий. Власти должны были разрешить демонстрации и гражданские собрания по вопросам охраны окружающей среды и социальной политики, не препятствовать созданию независимых печатных и электронных СМИ.

Необходимо было добиться согласия правящего режима на реализацию программ продвижения демократии со стороны международных структур, зарубежных правительств и НПО, а также ликвидации любых помех и препятствий для свободного потока информации. Наконец, на третьем этапе, по мнению автора, должны были появиться «полноценные демократические институты и органы управления». Для этого было необходимо наличие подлинных организаций гражданского общества, имевших полный спектр возможностей для достижения своих целей, независимых профсоюзов во всех отраслях промышленности с правом проведения общенациональных забастовок, независимой судебной системы на национальном уровне и независимых национальных радио и телевидения с прекращением монополии правительства на электронные средства массовой информации.

Как представляется, ключевыми и завершающими шагами в этой стратегии по ненасильственной смене власти являлись «свобода демонстраций на любую тему и без каких-либо ограничений» и «проведения контролируемых международными и местными наблюдателями выборов главы государства на альтернативной основе» [Palmer 2003, pp. 184–185].

Но главным теоретиком, признанным «гуру» ненасильственной борьбы современности стал американский ученый Джин Шарп, основавший в 1983 году Институт Альберта Эйнштейна – международный центр исследований ненасильственного сопротивления. Дж. Шарп и его последователи (в первую очередь, отставной американский полковник Разведывательного управления министерства обороны США Роберт Хелви, а также его более юные «коллеги» из числа лидеров местных молодежных протестных движений) пошли по пути универсализации и инструментализации учения о ненасильственной борьбе, доведя эту доктрину до уровня технологии. В их работах детально изложена стратегия осуществления ненасильственной смены «авторитарных» и/или «диктаторских» (слово берется в кавычки, так как на Западе понятия «демократия» и «диктатура» противопоставляются друг другу по логике: все, что не является, по мнению западных политических и интеллектуальных элит, демократией, автоматически переходит в раз-

ряд диктатуры) политических режимов с использованием самых простых методов. Особый интерес представляет брошюра Шарпа «От диктатуры к демократии», которая позиционируется сегодня как практическое пособие по ненасильственному свержению политических режимов. Основные идеи этой книги, действительно давно ставшей практическим пособием по смене режимов, активно воплощались в жизнь оппозиционерами в ходе «цветных революций».

По утверждению Дж. Шарпа, термин «ненасильственная борьба» призван отграничить ненасильственную борьбу от пацифизма и морально-го или религиозного «непротивления» и обозначить действия, помогающие перехватить у режима контроль над государственными институтами. Другими словами, речь идет о намеренном вызове власти и гражданском неповиновении. При этом Шарп видел основной фактор успеха ненасильственной борьбы в строгом соблюдении принятой стратегии, тактики и дисциплине в рамках протестных акций, а также приверженности ненасилию даже перед угрозой репрессий. Ненасилие в этой парадигме является альтернативой как пассивному подчинению, так и применению насилия [Шарп 2002, с. 72]. Очень важно отметить, что данная технология применяется в политической сфере и ее целью является именно политическая власть.

Американский политолог подчеркивал необходимость инициативно-наступательных действий в ходе политического протеста, недопустимость политического диалога и уступок со стороны протестующих правящим режимам. Еще в 1973 году Шарпом были разработаны сто девяносто восемь методов разностороннего ненасильственного политического протеста, которые он делил на пять крупных блоков: «методы ненасильственного протеста и убеждения»; «методы отказа от социального сотрудничества; методы отказа от экономического сотрудничества» (блок был разделен на две части: «экономический бойкот» и «забастовки»); «методы отказа от политического сотрудничества»; «методы ненасильственного вмешательства». Эти блоки, в свою очередь, подразделялись на группы, в каждой из которых насчитывалось от одного до тринадцати пунктов [Шарп 2005, с. 101–110]. Политический успех при этом мог быть достигнут не выбором одного из множества методов борьбы, а комбинированным и гибким сочетанием разнообразных методов воздействия (здесь видна явная связь с концепцией «умной силы»).

Ключевым элементом стратегии ненасильственных действий выступает стремление лишить неугодную власть политической опоры в виде полиции, спецслужб, армии, аппарата управления. Сам Шарп называл свою стратегию «политическим джиу-джитсу», борьбой, использующей силу противника против него самого. Речь идет об особом процессе, который осуществляется в ходе ненасильственной борьбы, меняя баланс сил. «Негативные реакции на репрессии против ненасильственно сопротивляющихся граждан политически оборачиваются против оппонентов, ослабляя их властные позиции и усиливая ненасильственное сопротивление, – писал Дж. Шарп. – Это может сработать, только когда насилие встречает лишь ненасильственное неповиновение, а не насилие и не отказ от борьбы» [Sharp 2003, p. 36]. При этом, Шарп подчеркивает, что в некоторых случаях ограниченное насилие против «диктатуры» может оказаться неизбежным. Гнев и нена-

висть к режиму могут привести к взрыву насилия. Кроме того, некоторые группы могут не согласиться остановить насильственные действия, хотя и признают важную роль ненасильственной борьбы. В таких случаях нет необходимости отказываться от политического неповиновения. Однако, по его мнению, требуется как можно дальше развести насильственные действия и ненасильственные [Шарп 2005, с. 46].

Следует отметить, что ненасильственное сопротивление в трактовке Дж. Шарпа утратило все свое внутреннее этическое наполнение, характерное для идеологов ненасильственной борьбы в духе Ганди, сохранив лишь внешние атрибуты, суть которых заключалась в дисциплине насилия, абсолютном отказе от сотрудничества с «диктаторскими» политическими режимами. Из преимущественно оборонительной (по отношению к государству) философии, ненасилие превратилось в наступательную тактику, направленную на захват власти. Нельзя не отметить и тот факт, насколько грамотно Шарп и его последователи сумели включить в свои теоретические построения достижения научно-технического прогресса, в первую очередь, стремительное развитие информационных технологий. Другими словами, из философско-религиозного учения, нацеленного на познание истины и любви, ненасилие стало сугубо политической концепцией, технологией, на основе которой США осуществляли государственные перевороты в зарубежных странах. Если в трудах мыслителей XIX – первой половины XX века ненасилие носило антигосударственный характер, было инструментом поиска истины, то, как справедливо замечает отечественный исследователь С.А. Цатурян, в американской стратегии ненасильственного сопротивления превратилось в инструмент реализации внешнеполитических целей самого государства путем смены режима там, где эта держава (в целом случае США) имеет собственные национальные интересы [Цатурян 2015, с. 63].

Методология ненасильственного сопротивления Дж. Шарпа и его учеников оказалась крайне эффективной в ходе «цветных революций». Секрет успеха кроется, на наш взгляд, в том, что данная стратегия, с одной стороны, стала типичным воплощением на практике теории «мягкой силы», а с другой – при определенных условиях позволяла умело сочетать инструменты «мягкой силы» с механизмами традиционной, «жесткой силы», то есть, реализовывать технологии «умной силы». В ходе «цветных революций» данные технологии были доведены едва ли не до совершенства.

Дж. Шарп писал: «Ненасильственная борьба является сложным инструментом социальных действий, включающим множество методов, ряд механизмов изменений, а также имеющим конкретные требования к поведению. Для того, чтобы стать эффективным, в особенности против диктатуры, политическое неповиновение требует тщательного планирования и подготовки. Будущие участники должны понимать, что от них требуется. Необходимо найти нужные ресурсы. Стратегам необходимо заранее проанализировать, каким образом наиболее эффективно применить ненасильственную борьбу». По мнению американского политтехнолога, очень важно «определить наиболее эффективные способы свержения диктатуры, определить момент, когда политическая ситуация и настроение народа благоприятны, и выбрать метод начала кампании» [Шарп 2005, с. 53–55].

В этой связи совершенно не вызывает удивления, что во всех «цветных революциях» обнаруживается один и тот же принцип действий, последовательность технологий и механизм протестных выступлений. При этом все «революции» были осуществлены в сжатом, ускоренном режиме с использованием новых возможностей постиндустриального и информационного общества, включая преимущества сетевых структур, манипуляцию общественным сознанием посредством СМИ, Интернет-ресурсов и т. п. По сути, и в Сербии, и в Грузии, и на Украине, и в Киргизии «революция» состоялась в течение одного, максимум трех месяцев. Характерно, что все «цветные революции» первой волны произошли после выборов, триггером «революционного» процесса стало голосование в столицах этих государств, то есть голосование активной части населения Белграда, Тбилиси, Киева и Бишкека (необходимо уточнить, что речь идет не только о коренных столичных жителях, но и о намеренно завезенных активистов из регионов). Большую роль в этом сыграли как раз созданные незадолго до этого молодежные организации. Госпереворот на Украине, в итоге названный победителями «революцией достоинства», скорее всего, также изначально планировался на 2015 год (год президентских выборов), однако неожиданное решение В. Януковича отложить подписание Соглашения об ассоциации с Европейским союзом было признано организаторами очередной «цветной революции» более выгодным моментом для осуществления переворота, в связи с чем, собственно, он и получил название «Евромайдан».

Итак, экспрессивный и молниеносный характер – важная особенность «цветных революций», которая, однако, не отменяет наличие определенной системы их реализации. Исследователи справедливо выделяют сразу несколько этапов (фаз) этих «революций» [Гапич, Лушников 2014; Филимонов, Карпович, Манойло 2015; Наумов 2023].

В ходе первой, подготовительной, фазы организаторы планируемого государственного переворота определяли расстановку сил, классифицируя союзников и противников «цветной революции». Тщательно анализировалась социально-экономическая и политическая ситуация в стране, выявлялись слабые места правящего режима. Особое внимание в ходе этого мониторинга уделялось уровню доверия населения к общественно-политическим институтам действовавшей власти, включая избирательную систему и правительственные средства массовой информации, степени популярности первых лиц государства, показателям конфликтного потенциала общества, уровню социально-политической активности населения. Шел поиск потенциальных лидеров общественных движений и организаций, диаспор, этнических меньшинств, способных стать вожаками будущей «революции». Одновременно происходила апробация на фокус-группах протестных слоганов, макетов, плакатов, всевозможной атрибутики. Происходило формирование в стране организованного протестного движения, причем главным критерием при отборе целевой аудитории являлось отношение к целям, ценностям, эталонным понятиям и требованиям внешней управляющей силы. Рекрутирование активистов происходило по сетевому признаку в молодежной среде, чрезвычайно подвижной и легко увлекаемой различными яркими призывами и лозунгами. Одновременно созданная «под ключ» политиче-

ская оппозиция при поддержке западных и прозападных СМИ и НПО начинала постоянное информационное воздействие на население страны с целью дискредитации правящего режима.

Во время второго этапа происходило распределение ролей уже внутри движущих сил «цветной революции». Организаторам переворота было важно заранее выделить тех, кто в дальнейшем придет к власти, сформировав вокруг них лояльную команду. В это же время определялись и будущие аутсайдеры, которым было суждено в определенный момент сойти с политической арены. Большую значимость имела работа с персоналиями: именно на данном этапе на авансцене общественно-политической жизни появлялись новые политические движения и лидеры. Отечественный исследователь Р.Г. Шайхутдинов справедливо обратил особое внимание на черты, которые учитывались при отборе претендента в лидеры «цветной революции»: «Для начала выбирается оппозиционная фигура, так или иначе близкая по образу мыслей американцам и внутренне чуждая обыкновениям власти. Этот человек должен быть “привержен демократическим ценностям и идеалам свободы”». Но чтобы эта приверженность не оказалась просто предвыборным трюком, по мнению исследователя, важно, чтобы этот человек был материально «прикреплен» к западным ценностям, например, имел супругу–гражданку одной из западных стран, либо учился или долго жил в США или Европе. «Цивилизованность» должна быть на нем закреплена столь сильно, чтоб он не мог от нее отказаться [Шайхутдинов 2005, с. 95]. По мнению западных специалистов по смене режимов, в этом процессе внимание должно было уделяться таким качествам, как умение подавать пример, знание людей, их специфических проблем, а также противника, лояльность организации «сопротивления», способность нести ответственность, поддерживать успех других участников, учиться на ошибках, развивать полезные навыки подчиненных и т. д. [Helvey 2004, pp. 107–115].

Начало третьей фазы «цветной революции» было ознаменовано дестабилизацией внутриполитической обстановки в стране, причем это было связано с прошедшими или приближавшимися общенациональными выборами. Происходило резкое нагнетание противоречий в обществе, провоцирование противоборствующих сторон на применение ограниченного насилия, перевод ситуации к необратимому конфликту. Как правило, протестные выступления начинались с локального протестного акта с небольшим количеством участников, причем тема протеста и лозунги не имели особого значения. Далее на улицы крупных городов одновременно и по условному сигналу (обычно резонансному инциденту) выходила заранее созданная сеть активистов. Быстро набиравшая численность и силу толпа начинала бессрочный митинг, требуя отставки руководителей правящего режима, после чего в ход шли выбранные из широкого списка Дж. Шарпа методы ненасильственного сопротивления. Одновременно лояльные оппозиции СМИ создавали иллюзию массовости протеста и исключительной серьезности требований, а их зарубежные коллеги обеспечивали «правильную» телевизионную картинку и широкую информированность о протестах для международной общественности и самих жителей государства. После того, как накал оппозиционной борьбы достигал определенной критической точки, на авансцене

«цветной революции» появлялись специально подготовленные лидеры с политическими требованиями, целью которых являлся перевод ситуации на новый, политический, уровень, а также втягивание широких масс в противостояние с властями.

Четвертую фазу знаменовал апогей «революции»: массовые протестные выступления и акции гражданского неповиновения достигали максимального размаха, а ядро оппозиции активно готовилось к перехвату власти у правящего режима. Как правило, в этот момент появлялись сакральные жертвы, что способствовало увеличению массы протестующих и радикализации антиправительственных требований (речь не обязательно шла о физическом убийстве, можно вспомнить, например, как была обыграна ситуация с отравлением лидера «оранжевой революции» В. Ющенко в 2004 году). Начинались первые серьезные стычки с органами правопорядка; оппозиция по заранее подготовленному плану занимала одну из крупнейших площадей столицы страны и разбивала там палаточный лагерь. Характерной чертой и обязательным условием деятельности подобных городков (в точном соответствии с инструкциями Шарпа) выступала слаженность и четкая внутренняя организация, высокая дисциплина, а также определенная иерархия участников. Происходило полное эмоциональное слияние отдельных личностей с толпой, в которой для идентификации «свой – чужой» использовалась яркая «революционная» символика. Дж. Шарп не случайно подчеркивал, что когда массы действуют сообща во имя общей цели, их действия приобретают огромную силу [Шарп 2002, с. 51]. В этих условиях от имени толпы и при поддержке западных информационных и политических ресурсов к властям выдвигались ультимативные требования уйти в отставку.

На заключительном этапе «революционеры» брали власть в свои руки. Кульминацией «цветной революции» и символом ее победы обычно становился захват зданий, олицетворявших прежний режим, – президентской администрации, парламента, радио, телевидения и т. д. В этот момент происходило разложение и разрушение государственно-политической системы управления страной. Новая власть получала легитимность, одновременно легализуя своих внешних покровителей. Старый режим ликвидировался, и победившие «революционеры» приступали к построению собственной вертикали власти и системы государственного управления, начинали формировать новый внешнеполитический вектор. В свою очередь, Запад объявлял о «победе демократии» и обеспечивал информационную поддержку нового режима, превращая собственную «мягкую силу» в источник его легитимности. Интересно в этой связи заметить, что еще в 1991 году об этом же писал С. Хантингтон: «...необходимо создать новому правительству международную легитимность, заручившись поддержкой иностранных и транснациональных акторов (международных организаций, США, Европейского сообщества, католической церкви)» [Хантингтон 2003, с. 165]. В итоге противоправные действия, направленные на смену режима, объявлялись «народной революцией». Тем самым появлялось основание на легитимность режима в западном понимании, т. е. не с точки зрения законной природы власти, а якобы потому, что она поддерживается большинством населения.

Если остановиться более подробно на технологиях «цветных революций», то в первую очередь, следует сказать об их ненасильственном характере. Классическая модель «цветной революции» является именно ненасильственной. Шарп писал, что «ненасильственная борьба намного более сложное и разнообразное средство борьбы, чем насилие». Вместо насилия борьба, по его мнению, ведется психологическим, социальным, экономическим и политическим оружием, применяемым населением и общественными институтами. «Такое оружие хорошо известно, – писал политолог, – это протест, забастовка, отказ в сотрудничестве, бойкот, выражение недовольства и народное самоуправление» [Шарп 2005, с. 42–43].

Претендовавшая на власть оппозиция, почти буквально следуя инструкциям идеолога ненасильственной смены власти, сознательно и принципиально придерживалась мирной тактики. Шарп отмечал: «Каковы бы ни были достоинства насильственных методов, ясно одно: полагаясь на средства насилия, такие люди выбирают тип борьбы, при котором угнетатели почти всегда имеют преимущество... Вооруженное сопротивление диктатуре бьет не по самому слабому месту, а наоборот, по наиболее сильному. Избрав соперничество в области вооруженных сил, снабжения боеприпасами, технологии изготовления оружия и т. д., движение сопротивления ставит себя в весьма невыгодное положение» [Шарп 2005, с. 15, 41].

Важнейшим элементом в этой борьбе было привлечение на свою сторону сторонников правящего режима, игравших ключевую роль в государственном управлении и обеспечении безопасности страны. «В процессе планирования и реализации политического неповиновения и отказа от сотрудничества, – писал Шарп, – весьма важно обращать пристальное внимание на всех основных сторонников и советников диктатора, включая его внутреннюю клику, политическую партию, полицию и чинуш и в особенности его армию. Необходимо тщательно оценить степень лояльности вооруженных сил – как солдат, так и офицеров, – диктатору, сделав вывод о возможности влияния демократических сил на военщину... Демократические силы могут с помощью слов, символов и действий убедить войска в том, что освободительная борьба будет энергичной, решительной и упорной. Армия должна понять, что борьба будет носить особый характер, она направлена на подрыв диктатуры и не представляет угрозы для их жизни. Такого рода усилия будут направлены в конечном счете на моральное разложение армии диктатуры и на переподчинение ее демократическому движению. Аналогичные стратегии могут применяться в отношении полиции и государственных служащих... Руководители демократического движения обязаны считать стратегию подрыва лояльности силовых структур диктаторов исключительно приоритетной» [Шарп 2005, с. 82–84]. Более того, по мнению Р. Хелви, оппозиционеры должны прежде всего стремиться переманить на свою сторону силовиков и иных должностных лиц, причем воздействовать на них следует через друзей и родственников, доводя до последних мысль, что «революционеры» не рассматривают стражей порядка как врагов, если те готовы содействовать сопротивлению [Helvey 2004, pp. 10, 34].

Наиболее известным эпизодом почти всех «революций» (собственно, почему они и называются «цветными») стала демонстрация мирного ха-

рактера со стороны протестующих в виде дарения цветов силовикам, стоявших в оцеплении на митингах оппозиции. Благодаря ненасильственной тактике авторитарные лидеры опасались использовать армию или службы безопасности, чтобы подавить протест, лишая тем самым себя важнейшего (и, заметим, вполне легального) средства давления на антиправительственные силы. В это же время различные общественные организации и СМИ, финансируемые Западом, активно способствовали внедрению идеи «о недопустимости насилия» со стороны правоохранительных органов и силовых структур по отношению к безоружным демонстрантам или митингующим, чем фактически лишали действующую власть рычагов влияния на ситуацию. На этом же настаивало и «прогрессивное» мировое сообщество, представленное в основном политической элитой США и их союзников.

Немаловажной составляющей «цветных революций» стала кампания неповиновения режиму, которая заключалась в организации массированного давления на органы исполнительной власти на ее различных уровнях. Шарп указывал, что «студенты могут организовать забастовки по вопросам образования, религиозные лидеры и верующие могут сосредоточиться на проблеме свободы вероисповедания, работники железных дорог могут настолько методично соблюдать правила безопасности, что это замедлит работу железнодорожной системы, журналисты могут бросить вызов цензуре, публикуя газеты с пустыми полосами на месте запрещенных статей, полиция может постоянно терпеть неудачи в нахождении и аресте находящихся в розыске членов демократической оппозиции» [Шарп 2005, с. 80]. Формы такого давления действовали были очень разнообразны: митинги и забастовки всех видов, голодовки, представление поддельных документов, блокирование информационных линий и транспортных коммуникаций, снятие указателей с госучреждений, бойкот выборов, отказ от уплаты налогов, отказ от должности и работы с правительством и даже демонстративный отказ от выполнения супружеских обязанностей. Но и на более высоком, политическом уровне, также предпринимались весьма эффективные меры, когда различные местные органы власти, поддерживавшие оппозицию (или оппозицией захваченные), отказывались признавать легитимность правящего режима.

С кампанией неповиновения была тесно связана тактика парализации работы государственных органов, что вылилось в пикетирование и блокирование митингующими зданий исполнительной, законодательной и судебной власти. В итоге вопросы о форме общения с оппозицией для государственных служащих стали более важными, чем выполнение основных управленческих функций государства. Убеждение властей в «недемократичности» применения мер принуждения ради сохранения элементарного порядка и безопасности фактически привело к добровольному отказу государства от права и обязанности на легитимное насилие. Важным элементом стало использование фактора переговоров, целью которых стало, с одной стороны, создание видимости готовности лидеров демонстрантов пойти на компромисс и диалог с властью, а с другой – и это главное – выигрыш времени, необходимого для продолжения дестабилизирующих действий.

Практически беспроблемной тактикой оппозиционеров стало провоцирование силовых структур на применение насилия. Провозглашая мирный характер манифестаций и наращивая одновременно с этим «мягкое» давление на власть, «революционеры» провоцировали органы правопорядка на применение силы и пытались воспользоваться любым предлогом для выдвижения обвинений в непропорциональном насилии режима над собственным народом. По сути, речь шла о спланированных и хорошо организованных провокациях против правоохранительных органов с целью применения ими против активистов, в первую очередь из молодежных оппозиционных движений, силовых действий, которые средствами дружественной прессы моментально получали широкий резонанс как неопровержимое доказательство преступных действий властей. При этом, несмотря на настойчивое подчеркивание ненасильственного характера, в реальности все обстояло гораздо сложнее, потому что такие приемы, как «захват земель ненасильственными методами», «снятие одежды догола в знак протеста», «грубые жесты», «насмешки над должностными лицами», «демонстративные похороны», «политический траур», «насмешки над выборами», «ненасильственное преследование», не говоря уже о «возведении баррикад» и «уничтожении частной собственности», вряд ли можно считать инструментами ненасильственного и мирного протеста.

Еще один технологический прием «цветных революций» – создание территориального анклава и ненасильственная оккупация территории. Он подразумевал формирование области внутри страны, где местные власти и/или влиятельные слои населения обеспечивали оппозиционным лидерам безусловную поддержку. В дальнейшем она становилась плацдармом для объявления и расширения зоны исключительного влияния протестного движения. Это могла быть как центральная площадь в центре столицы, (например, Майдан Незалежности в Киеве), так и отдельные регионы страны (в ходе «оранжевой революции» на Украине это были западные области страны, а во время «тюльпановой революции» в Киргизии – южные города Узген, Талас, Ош), или и то, и другое. Это место становилось эпицентром «революции», куда стекались подстрекаемые оппозицией граждане, создавая массовую политическую толпу. Более того, если речь шла о провинциальных районах, то именно оттуда в столицу государств направлялись ударные силы «революции», причем они были не просто толпой, а организованной массой, которая подчинялась «полевому командирам», дававшим им конкретные задания. Как верно заметила А.В. Громова, «приезжие не могли просто разойтись по домам, поэтому принимали активное участие в митингах до тех пор, пока это требовалось оппозиции» [Громова 2009, с. 39].

Большое значение в ходе подготовки к госперевороту уделялось созданию благоприятного для «революционеров» информационного поля. Оппозиционные СМИ (чаще всего финансируемые из-за рубежа) старались предстать в образе независимых и беспристрастных участников событий, при этом методично критикуя изъяны правящего режима. С другой стороны, различные антиправительственные шествия, флэш-мобы, «кольца», разного рода акции, постоянно транслировались на оппозиционных кана-

лах телевидения и Интернет-ресурсах. Исключительно важной в этой связи стала работа с неправительственными аналитическими и социологическими центрами, способствовавшая достижению необходимого информационного эффекта. Стимулировался рост недоверия к государственной власти и выборной системе. Информация такого рода сопровождалась заявлениями заинтересованных лиц, либо неправительственных организаций, имевших определенный авторитет. Через средства массовой информации и Интернет население воспринимало продукты «мягкой силы» Запада, рекламировавшие преимущества образа жизни в процветающих развитых странах, которые противопоставлялись атмосфере отсталости, нищеты, коррупции, бесперспективности и диктатуры в их собственных государствах.

В событиях «Евромайдана» особую роль сыграли новые информационные технологии – социальная сеть «Фейсбук», микроблог «Твиттер» и другие. Именно они не только пропагандировали западные ценности, но и провоцировали и синхронизировали массовые антиправительственные выступления, играя роль своеобразного «спускового крючка» протестной активности, особенно после попыток блокирования связи или значительно-го ограничения Интернет-трафика со стороны властей. Вообще, новейшим информационным технологиям идеологи ненасильственной борьбы отводили особую роль. «Военная победа достигается разрушением потенциала оппонента и (или) его воли продолжать бой. В этом отношении ненасильственная стратегия отличается от вооруженного конфликта лишь тем, что применяются совсем другие системы вооружения... Так же, как артиллерия изменила природу войны во времена Макиавелли, технология дала нам возможность изменить способ ведения ненасильственных конфликтов, – писал Хелви. – Компьютеры, доступ в Интернет, мобильные и спутниковые телефоны, программы шифрования, телевидение и радио – главные орудия ненасильственной борьбы» [Helvey 2004, p. xi, 89].

Одним из самых эффективных приемов организаторов «цветных революций» стало создание обстановки максимально «грязных» выборов с целью формирования всеобщего ощущения их фальсификации или несправедливости, что вело к делигитимизации выборов. В более широком смысле речь шла о подрыве легитимности режима в целом. Здесь стоит подчеркнуть, что понятия «легитимность» и «легальность» не являются тождественными; для обеспечения собственной легитимизации правящий режим должен еще приобрести легитимность, превратить свою законную власть в авторитет, убедить большинство населения, что он действует во благо общества и обеспечивает безопасность и стабильное развитие государства. Понимая это, технологи ненасильственных переворотов умело манипулировали положениями Всеобщей декларации прав человека 1948 года, в которой отмечено, что «воля народа должна быть основой власти правительства и находить свое выражение в периодических и нефальсифицированных выборах при всеобщем и равном избирательном праве и свободном голосовании»¹⁴². Подготовка к такому «политическому спектаклю» начиналась задолго до

¹⁴² Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. Декларации. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения 10 января 2022).

самих выборов, а после достижения некоторой критической величины нарушений на самих выборах, которую могла спровоцировать любая из сторон, реальные результаты уже не интересовали «революционеров», и решение возникшего конфликта выносилось на улицу, что и являлось их изначальной целью. Оппозиция, как правило, апеллировала к данным экзит-поллов, проводившихся близкими к ней социологическими службами и НПО в день выборов. Разумеется, их результаты однозначно говорили о победе оппозиционного лидера, что совершенно не совпадало с данными официальных избирательных комиссий. В практическом плане это лишало любого из избранных кандидатов легитимности, а сама функция легитимизации возлагалась на какую-либо стороннюю инстанцию, иначе говоря, превращалась в вопрос внешнего признания. Непризнание же итогов голосования приводило к активизации выступлений оппозиции, увеличению числа митингующих и объявлению того, какой результат выборов будет признан законным.

В этой связи надо отметить и такой важный механизм «цветных революций», как воздействие на чувства и эмоции. Он основывался на известном в психологии принципе ценностно-символического противопоставления («мы и они») и заключался в переносе политического смысла на чисто моральные категории, близкие и понятные обычному человеку, – справедливость, свобода, верность, борьба добра со злом, вера в светлое будущее. Придание «революционной» патетике героико-романтического и патриотического ореола способствовало эффекту «эпидемии чувств», что приводило в итоге к многократному увеличению числа сторонников движения. Как это не кощунственно звучит, но порой сам факт пролития крови и гибели людей, особенно невинных, обладал исключительно сильным эффектом воздействия на сознание, воображение и чувства не только самих «революционеров», но и увеличивающегося числа им сочувствующих. Большую роль здесь играла технология формирования в массовом сознании уверенности в «неминуемой победе» и мысли о том, что «народ победить нельзя».

В ряде «цветных революций» особый акцент был сделан на разжигании этнической и/или религиозной нетерпимости с целью сплочения наиболее радикальных социальных групп на основе национальной или конфессиональной принадлежности. В Грузии и Украине отличительной особенностью подобных движений была их антироссийская и даже русофобская направленность. При этом ядром актива для уличных акций подчас становились именно националисты и экстремисты (в ходе «Евромайдана» это был «Правый сектор» и другие откровенно нацистские группировки), а в руководстве оппозиции тон, как правило, задавали либеральные политики, также не чуждавшиеся идеей национализма. Так, в разгар «революции роз» наиболее одиозный лидер оппозиции Саакашвили «советовал» России не вмешиваться во внутренние дела Грузии, указывая, что любая страна, которая поддержит Шеварднадзе, «будет рисковать своей репутацией и международным авторитетом»¹⁴³. А спустя год в ходе «оранжевой революции» на Украине буквально сразу после самопровозглашения Ющенко президентом

¹⁴³ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 209. Оп. 11. П. 36. Д. 3. Л. 212.

в ходе второго тура голосования у здания российского генконсульства во Львове на митинг протеста собрались сотни националистически настроенных молодежных активистов.¹⁴⁴

Формирование символа протестного движения также имело важное психологическое значение, одновременно выступая средством общения и идентификации единомышленников. Для быстрого и максимально широкого охвата населения в технологиях «цветных революций» активно использовались демонстрации элементарного цветового или графического знака. Так, сжатый белый кулак в круге на черном фоне был замечен в символике почти всех операций по смене режимов. Большое значение имел также выбор цвета «революции», который являлся принципиальным рычагом мобилизации протестного движения. Р. Хелви отмечал, что ношение похожей одежды и символов – психологические опоры, которые обеспечивают зрительную ассоциацию с теми, кто разделяет схожие ценности и убеждения [Helvey 2004, p. 104]. Ярким воплощением этой установки стал оранжевый цвет, сыгравший колоссальную роль в сплочении протестующих и конечной победе украинского «Майдана» в 2004 году. Вообще, проработка цветной и геральдической составляющей была выполнена на достаточно высоком уровне. В разрабатываемых логотипах большое внимание уделялось историческому и политическому контексту, подчеркивались национальные, либо наднациональные символы. Не вызывает сомнения, что над выбором цветов и символов оппозиции активно работали психологи и другие специалисты по нейропрограммированию.

Зачастую человек, возглавлявший «цветную революцию», сам становился ее символом. Причем отнюдь не случайно во главе всех государственных переворотов оказались некогда высокопоставленные чиновники, попавшие в опалу и/или перешедшие в оппозицию к правящему режиму. «У нас говорят, что это была революция, на которой миллионеры победили миллиардеров и сами захотели стать миллиардерами» [Механик 2006], – заявил спустя год после победы «оранжевой революции» на Украине один из ее «полевых командиров» В. Филенко. «Цветные революции» часто организовывались не контрэлитой, а частью старой элиты, которая в предыдущие периоды находилась у власти, потом была отправлена в отставку, затем перешла в оппозицию и подняла на щит уже антиправительственные лозунги. М. Саакашвили в Грузии, В. Ющенко в Украине, К. Бакиев в Киргизии и лидеры «Евромайдана» не являлись уличными политиками «из низов». Напротив, на момент «революций» они были узнаваемыми персонами, имели поддержку со стороны западного истеблишмента и общественного мнения, а также сохраняли прочные связи с политическим классом страны, что давало дополнительные возможности для раскола правящей элиты. Среди лидеров «революции» часто оказывалась харизматичная женщина – Н. Бурджанадзе в Грузии, Ю. Тимошенко на Украине, Р. Отунбаева в Киргизии. «Цветные революции» «относятся к своеобразным “верхушечным” государственным переворотам, прикрываемым ярлыками “революций”. Они являются борьбой за власть вну-

¹⁴⁴ Там же. Ф. 886. Оп. 12. П. 60. Д. 3. Л. 25.

три правящей группировки. Массы же привлекаются лишь для того, чтобы обеспечить переход власти из рук одних представителей действующего политического истеблишмента в руки других» [Курылев 2014, с. 28], – справедливо отмечает отечественный исследователь К.П. Курылев.

С развитием Интернет-технологий протестное движение было организовано через «Фейсбук», «Твиттер», «Ютуб» и другие сетевые платформы. В этих условиях «революционная» идея (например, преимущества членства в Европейском союзе для Украины) сама становилась своеобразным маяком для активистов, а лидеры, которых уже весьма сложно было назвать харизматичными, оказывались лишь проводниками заранее разработанных мифов для управления толпой. В этих условиях правящие круги оказывались не в состоянии целенаправленно и эффективно бороться с такой сетевой оппозицией, поскольку перед ними, по сути, не существовало конкретного противника. Правительство было вынуждено прибегать к «веерным» репрессиям, которые зарубежные и местные технологи «революций» тут же провозглашали войной режима против собственного народа, требовавшей жесткой ответной реакции и санкций мирового сообщества.

Важной технологией «цветных революций» являлось закрепление стереотипов – внедрение в массовое сознание простых образов. Вся информационная и пропагандистская деятельность лидеров оппозиции сводилась к обличению противника по принципу «враги против наших». Самый яркий пример – пресловутый перформанс «Кто не скачет, тот москаль!», практиковавшийся на Украине в ходе «Евромайдана». Но главной мишенью, конечно, становились «диктаторы» – лидеры государств, свержением которых занимались «революционеры». В данном случае большая роль отводилось разработке лозунгов, направленность которых была проста, лаконична и понятна, например: «Он готов!» (о президенте Югославии С. Милошевиче), «Грузия без Шеварднадзе!», «Украина без Кучмы!», «Киргизия без Акаева!», «Зека на нары» (о президенте Украины В. Януковиче). Вместе с тем, подробному и скрупулезному формулированию собственной программы социально-экономических и политических преобразований в случае прихода к власти уделялось значительно меньше внимания. Уклоняясь от изложения конкретной позиции, оппозиционные политики использовали туманные фразы и метафоры, сознательно или неосознанно подменяли цель планируемых «революционных» преобразований абстрактным политическим мифом. Для Грузии и Украины, например, одним из таких «основополагающих мифов» стало скорейшее вхождение стран в евроатлантические структуры – НАТО и Европейского союза. А в ходе второй волны «цветных революций», когда особенно активно были задействованы Интернет-технологии, в социальных сетях распространялась информация организационного порядка (подробные сведения о формах, способах и тактике противодействия силам правопорядка), но практически не обсуждалось содержание лозунгов, как и будущее новое политическое устройство государства.

В заключение стоит отметить, что реализация указанных выше технологий не могла быть успешной без всесторонней поддержки извне. Для осуществления государственных переворотов была задействована целая система действовавших в русле стратегии «мягкой силы» акторов, состо-

явшая из различного рода правительственных, полуправительственных и неправительственных организаций, чьи штаб-квартиры располагались в США и государствах ЕС. С помощью данных структур «на местах» были созданы и активно функционировали оппозиционные политические партии и искусственно слепленные из них коалиции; независимые от властей, но не от своих западных спонсоров, СМИ; такие же «независимые» неправительственные организации, целью которых было формирование прозападного общественного мнения и контроль за подсчетом голосов; молодежные структуры, заранее обучавшиеся приемам ненасильственной борьбы; аккаунты и странички в социальных сетях, в недрах которых зарождались, а затем и координировались протесты.

Запад оказывал многомерное воздействие на ход этих государственных переворотов. В первую очередь, это касалось мощной организационной и финансовой поддержки оппозиции. Именно Запад выделял финансирование, без которого проведение операций по смене режимов было бы просто невозможно. Внешние финансовые вливания шли по самым разным каналам, от вполне безобидных на первый взгляд грантов местным неправительственным организациям, культурно-просветительским, этническим и конфессиональным сообществам до передачи денег через дипломатическую почту, багаж иностранных дипломатов и по линии разведывательных служб. США и их союзниками был организован тотальный контроль за проведением предвыборной кампании, самими выборами и процедурой подсчета голосов. Заранее происходило навязывание собственных интерпретаций легальности и легитимности выборов. Наблюдатели, представители западных СМИ, организовывали «независимые» социологические опросы, экзит-полы и т. п. На политическую элиту стран, где разворачивались «цветные революции», оказывалось беспрецедентное давление со стороны лидеров западных государств и высокопоставленных чиновников из международных организаций, настаивавших на необходимости контроля над обеспечением «свободного и демократического» волеизъявления, соблюдением всех прав и свобод населения, недопустимости применения насилия против собственного народа и т. д. В сознание рядовых граждан настойчиво внедрялась мысль о необходимости сделать «правильный выбор», оказаться на «правильной стороне истории», после чего неизбежно должна была наступить эпоха тотального процветания.

Реальность, увы, оказалась совершенно иной. Никаких кардинальных изменений в сторону улучшения условий жизни населения в странах-жертвах государственных переворотов так и не произошло. На международной арене вокруг них воцарился настоящий внешнеполитический хаос – «управляемый» и «неуправляемый». Главными итогами для самих государств, в которых произошли «цветные революции», стали перманентная политическая турбулентность, социально-экономический коллапс, превращение из субъектов в объекты мировой политики. А в ряде случаев, как на Украине, где ненасильственные методы для смены режима были на заключительном этапе заменены на насильственные, и вовсе начался полномасштабный вооруженный конфликт, продолжающийся до сих пор.

ЛИТЕРАТУРА

Бочаров 2017 – *Бочаров А.В.* Роль Soft Power в формировании условий реализации «цветных революций» // Дискурс-Пи. 2017. № 3–4. С. 261–268.

Ганди 1969 – *Ганди М.* Моя жизнь. – Москва: Наука, 1969. – 612 с.

Гапич, Лушников 2014 – *Гапич А.Э., Лушников Д.А.* Технологии цветных революций. – Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2014. – 126 с.

Громова 2009 – *Громова А.В.* Роль и место масс-медиа в подготовке и проведении «цветных революций»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Российский университет дружбы народов. – Москва, 2009. – 209 с.

Костина 2019 – *Костина А.В.* «Мягкая сила» как «жесткая сила»: «цветные революции» // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 171–183.

Курылев 2014 – *Курылев К.П.* Украинский кризис 2013–2014 гг. и «арабская весна» 2011 г.: Сходство и различие // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 25–38.

Механик 2006 – *Механик А.* Революция: два года спустя [Электронный ресурс] // Эксперт. 2006. № 44 (538). URL: https://expert.ru/expert/2006/44/revolyuciya_2_goda_sprustu/ (дата обращения 07 июля 2023).

Наумов 2023 – *Наумов А.О.* «Цветные революции». – Москва: Издательство «Кучково поле», 2023. – 496 с.

Русакова 2010 – *Русакова О.Ф.* Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. С. 173–192.

Филимонов, Карпович, Манойло 2015 – *Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В.* Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. – Москва: РУДН, 2015. – 582 с.

Хантингтон 2003 – *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX в. – Москва: Российская политическая энциклопедия, 2003. – 368 с.

Цатурян 2015 – *Цатурян С.А.* Ненасильственное сопротивление как технология смены режимов во внешней политике США (2000 – 2014 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Российский университет дружбы народов. – Москва, 2015. – 178 с.

Шайхутдинов 2005 – *Шайхутдинов Р.Г.* Охота на власть. – Москва: Россельхозакадемия, 2005. – 484 с.

Шарп 2002 – *Шарп Дж.* Общественная оборона. Система вооружения в эпоху постмилитаризма. – Вильнюс: Институт Альберта Эйнштейна, 2002. URL: <https://www.aeinstein.org/wp-content/uploads/2013/10/Civilian-Based-Defense-Russian.pdf> (дата обращения 07 июля 2023).

Шарп 2005 – *Шарп Дж.* От диктатуры к демократии. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 224 с.

Gandhi 1996 – *Gandhi M.* Selected Political Writings. Indianapolis: Hackett Publishing Company, Inc., 1996. 172 p.

Helvey 2004 – *Helvey R.L.* On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the Fundamentals. Boston: The Albert Einstein Institution, 2004. 189 p.

King 1958 – *King M.L.* Stride Toward Freedom: The Montgomery Story. New York: Harper & Row, 1958. 230 p.

Nye 2004 – *Nye J.* Soft Power: the Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.

Palmer 2003 – *Palmer M.* Breaking the Real Axis of Evil: How to Oust the World's Last Dictators by 2025. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2003. 348 p.

Sharp 2003 – *Sharp G.* There Are Realistic Alternatives. Boston: The Albert Einstein Institution, 2003. 61 p.

Thoreau 2000 – *Thoreau H.D.* Political Writings. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. 218 p.

REFERENCES

Bocharov, A.V. (2017), Rol` Soft Power v formirovanii uslovij realizacii «czvetny`x revolyucij» [The role of soft power in shaping the conditions for the implementation of color revolutions], *Diskurs-Pi*, no. 3–4, pp. 261–268.

Gandi, M. (1969), *Moya zhizn`* [My life]. Moscow, Russia.

Gapich, A.E., Lushnikov, D.A. (2014), *Texnologii czvetny`x revolyucij* [Technologies of color revolutions]. Moscow, Russia.

Gromova, A.V. (2009), *Rol` i mesto mass-media v podgotovke i provedenii «czvetny`x revolyucij»*: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskix nauk [The role and place of mass media in the preparation and conduct of color revolutions: dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences], Moscow, Russia.

Kostina, A.V. (2009), «Myagkaya sila» kak «zhestkaya sila»: «czvetny`e revolyucii» [Soft power as hard power: color revolutions], *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 171–183.

Kurylev, K.P. (2014), Ukrainskij krizis 2013–2014 gg. i «arabskaya vesna» 2011 g.: Sxodstvo i razlichie [The Ukrainian crisis of 2013–2014 and the Arab Spring of 2011: Similarities and differences], *Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodny`e otnosheniya*, no. 4, pp. 25–38.

Mexanik, A. (2006), *Revoljuciya: dva goda spustya* [Revolution: Two years later], *Ekspert*, no. 44 (538). Available at: https://expert.ru/expert/2006/44/revolyuciya_2_goda_spustya (Accessed 7 July 2023).

Naumov, A.O. (2023), «Czvetny`e revolyucii» [Color revolutions], Moscow, Russia.

Rusakova, O.F. (2010), *Koncept «myagkoj sily`» (soft power) v sovremennoj politicheskoj filosofii* [The concept of soft power in modern political philosophy], *Nauchny`j ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural`skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, vol. 10, pp. 173–192.

Filimonov, G.Yu., Karpovich O.G., Manojlo A.V. (2015), *Texnologii «myagkoj» sily` na vooruzhenii SShA: otvet Rossii* [Soft power technologies in the US armament: Russia's Response], Moscow, Russia.

Xantington, S. (2004), *Tret`ya volna. Demokratizaciya v konce XX v.* [The third wave. Democratization at the end of the XX century], Moscow, Russia.

Czaturyan, S.A. (2015), *Nenasil`stvennoe soprotivlenie kak texnologiya smeny` rezhimov vo vneshnej politike SShA (2000 – 2014 gg.): dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskix nauk* [Nonviolent resistance as a technology of regime change in US foreign policy (2000 – 2014): dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Moscow, Russia.

Shajxutdinov, R.G. (2005). *Oxota na vlast`* [The hunt for power], Moscow, Russia.

Sharp, G. (2002), *Obshhestvennaya oborona. Sistema vooruzheniya v e`poxu postmilitarizma* [Public defense. The weapons system in the post-militarism era], Vilnius, Lithuania. Available at: <https://static1.squarespace.com/static/62b0eb7da51f3717911bb4e1/t/642f270de43a8e2195fbc9bc/1680811800431/Civilian-Based-Defense-Russian.pdf> (Accessed 7 July 2023).

Sharp, G. (2005), *Ot diktatury` k demokratii* [From dictatorship to democracy]. Ekaterinburg, Russia.

- Gandhi, M. (1996), *Selected Political Writings*. Indianapolis, USA.
Helvey, R.L. (2004), *On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the Fundamentals*, Boston, USA.
King, M.L. (1958), *Stride Toward Freedom: The Montgomery Story*, New York, USA.
Nye, J. (2004), *Soft Power: the Means to Success in World Politics*. New York, USA.
Palmer, M. (2003), *Breaking the Real Axis of Evil: How to Oust the World's Last Dictators by 2025*, Lanham, USA.
Sharp, G. (2003), *There Are Realistic Alternatives*. Boston, USA.
Thoreau, H.D. (2000), *Political Writings*. Cambridge, USA.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Александр Олегович Наумов, доктор исторических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27; naumovao@my.msu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Aleksandr O. Naumov, Doct. of. Sci. (History), Lomonosov Moscow State University, bld.27, Lomonosovskii prospect, Moscow, Russia, 119192; naumovao@my.msu.ru.

РАЗДЕЛ II

СУБРЕГИОНЫ ЕВРАЗИИ (ОТ ГЛУБОКОЙ ДРЕВНОСТИ ДО НАШИХ ДНЕЙ)

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-176-193

К выходу сборника «Об историческом единстве русских и украинцев. Документы»¹⁴⁵

Андрей Н. Артизов
Федеральное архивное агентство
Москва, Россия, Artizov_AN@gov.ru

Аннотация. *Статья посвящена выходу в свет сборника архивных документов «Об историческом единстве русских и украинцев. Документы», подготовленного Федеральным архивным агентством совместно с Российским государственным гуманитарным университетом и раскрывающего тезисы известной статьи В.В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев». Полный тираж издания вышел в апреле 2023 г. и направлен в федеральные органы государственной власти, главам субъектов Российской Федерации, в высшие учебные заведения, архивы и библиотеки; также сборник размещен и доступен широкой общественности в электронной библиотеке на официальном сайте Федерального архивного агентства. Автор статьи делится отдельными результатами совместной работы ученых и историков-архивистов, обосновывает выбор документальных источников для публикации, треть из которых опубликована впервые, как отражающих многовековые отношения восточных славян, единое историческое прошлое народов России и Украины, процессы возникновения глубинных политических, экономических и культурных связей, общие победы, преодоления трудностей и проблем, а также противоречия и разъединяющие моменты совместной истории, как объективные, так и субъективные. В статье особо выделены документы XX века, не утратившие актуальности и сегодня. Например, документы, показывающие историю заигрывания украинских националистов с западными странами в 1920-е годы, о возникновении Донецко-Криворожской республики во главе с Федором Сергеевым (партийный псевдоним Артем), о передаче Крыма Украине, впервые опубликованные источники о структурах, действовавших на территории УССР в целях дестабилизации обстановки и подъема шовинистических настроений среди населения в обществе в период перестройки.*

Ключевые слова: *история России, история Украины, национальная политика, историческое единство, Малороссия, Новороссия, Донбасс, Крым, хрестоматия, архивные документы.*

Для цитирования: *Артизов А.Н. К выходу сборника «Об историческом единстве русских и украинцев. Документы» // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 178–195. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-176-193.*

¹⁴⁵ В основе статьи – выступления автора на специальной сессии по истории украинского вопроса Международного дискуссионного клуба «Валдай» 24 октября 2022 г. и в РГГУ 31 марта 2023 г.

To the publication of the collection «About the historical unity of Russians and Ukrainians. Documentation»

Andrey N. Artizov
Federal Archival Agency
Moscow, Russia, Artizov_AN@gov.ru

Abstract. *The article is devoted to the publication of a collection of archival documents “On the historical unity of Russians and Ukrainians. Documents”, prepared by the Federal Archival Agency together with the Russian State University for the Humanities and revealing the abstracts of the well-known article by V.V. Putin “On the historical unity of Russians and Ukrainians”. The full edition of the publication was released in April 2023 and sent to federal government bodies, heads of constituent entities of the Russian Federation, higher educational institutions, archives and libraries; the collection is also posted and available to the general public in the electronic library on the official website of the Federal Archival Agency. The author of the article shares some results of the joint work of scientists and historians-archivists, justifies the choice of documentary sources for publication, a third of which was published for the first time, as reflecting the centuries-old relations of the Eastern Slavs, the common historical past of the peoples of Russia and Ukraine, the processes of the emergence of deep political, economic and cultural ties, common victories, overcoming difficulties and problems, as well as contradictions and divisive moments of common history, both objective and subjective. The article highlights the documents of the twentieth century, which have not lost their relevance today. For example, documents showing the history of Ukrainian nationalists flirting with Western countries in the 1920s, about the emergence of the Donetsk-Krivoy Rog Republic headed by Fyodor Sergeev (party pseudonym Artem), about the transfer of Crimea to Ukraine, for the first time published sources about structures operating on the territory of the Ukrainian SSR in order to destabilize the situation and raise chauvinistic sentiments among the population in society during the period of perestroika.*

Key words: *history of Russia, history of Ukraine, national policy, historical unity, Malorussia, Novorossiya, Donbass, Crimea, chrestomathy, archival documents.*

For citation: Artizov, A.N. (2023), “To the publication of the collection «About the historical unity of Russians and Ukrainians. Documentation»”, *Eurasian Yearbook*, no. 1, pp. 178–195. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-176-193.

Как известно, ложная история является наставницей ложной политики. Поэтому задача из огромного объема источников определить *наиболее репрезентативные*, объективно отражающие многовековые взаимоотношения восточных славян, была, пожалуй, одной из самых сложных. Эту задачу, при координирующей роли Росархива, взяла на себя группа специалистов РГАДА (В.А. Аракчеев, Д.А. Безьев, Ю.М. Эскин) и РГАСПИ (Е.М. Григорьев, Н.А. Кириллова, П.П. Скороспелов, А.К. Со рокин, Т.В. Царевская-Дякина). В выявлении документов участвовали также сотрудники ГАРФ, РГАЭ, РГИА, РГВИА, РГАНИ, РГАЛИ, Центрального архива Минобороны России, Историко-документального де-

партамента МИД России. Рецензирование выполнили академик РАН, президент РГГУ Е.И. Пивовар, заместитель директора Института российской истории РАН С.В. Журавлев, редактор журнала «Российская история» В.Н. Захаров, начальник отдела ГАРФ М.А. Колеров, научный руководитель этого архива С.В. Мироненко, директор Историко-документального департамента МИД России Н.М. Баринаова. Без преувеличения, хрестоматия – коллективный труд архивистов.

Хрестоматия построена по тематико-хронологическому принципу. Предваряет каждый раздел тезис статьи В.В. Путина «Об историческом единстве русских и украинцев», а затем размещены поясняющие документы.

В этом смысле книга – не только академическое, но и учебное издание. При этом соблюдены основные археографические требования публикации источников. Все документы имеют редакционные заголовки и даты. В легенде указываются место хранения документа, архивный шифр, сведения о подлинности или копийности, способ воспроизведения и опубликованность. Каждый документ (в некоторых случаях – группа документов) сопровождается научным комментарием. Их подготовка была второй трудоемкой и чрезвычайно сложной задачей.

Как известно, историческая схема, принятая современной российской и ранее распространенная в советской науке, выглядит следующим образом.

На территории Восточной Европы сложилось несколько славянских племенных союзов. Под властью сидевших в Киеве князей эти племенные союзы объединились в Древнерусское государство, где произошло слияние отдельных племен в древнерусскую народность.

В украинской историографии еще со времен М.С. Грушевского излагается иная схема. Ее суть – уже тогда существовали принципиальные различия между южной группой восточнославянских племен (предками современных украинцев) и северной группой племен (предками современных белорусов и великороссов).

Вся сумма известных источников говорит, однако, о том, что интеграционные процессы способствовали тому, что у людей, принадлежавших к различным племенам, постепенно формировалось сознание принадлежности к единой русской народности. На страницах «Повести временных лет», созданной в Киеве в начале XII в., появляется понятие о «языке русском», объединявшем восточнославянские племена.

Поэтому хрестоматию открывают берестяные грамоты из Великого Новгорода, Звенигорода Галицкого (древнерусский город в окрестностях современного Львова), Витебска, граффити в соборе Святой Софии в Киеве с записью о «Бояновой земле», которые датируются последней четвертью XI – началом XIII в.¹⁴⁶ Все они написаны *одним* языком. Выдающийся российский лингвист академик А.А. Зализняк утверждал, что примерно до конца XIII в. стандартный древнерусский язык в основном един для всей древней Руси, языковые различия между славянскими племенами не выходят «за рамки междиалектных различий, существующих внутри любого современного языка» [Зализняк 2004, с. 5–7].

¹⁴⁶ Об историческом единстве русских и украинцев. Документы. М. 2023, док. №№ 1-6.

После монгольского нашествия русские земли ослабели, усилилась обособленность княжеств, а южные и западные территории вошли в состав Великого княжества Литовского. Нахождение в этом Великом княжестве большого числа русских земель, казалось бы, создавало предпосылки для его трансформации в крупное православное русское государство. Влияние русского начала было столь велико, что древнерусский язык стал официальным языком делопроизводства княжества, т. е. фактически языком государственным. Однако после заключения в 1385 г. польско-литовского династического союза между литовским князем Ягайло и польской королевой Ядвигой языческая Литва крестилась по католическому обряду, и русско-литовское государство постепенно превратилось в польско-литовское. Русская государственность (сначала под сюзеренитетом Орды) сохранилась лишь в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, ставших со второй половины XIV в. местом формирования Русского централизованного государства.

Раздробленность земель Древней Руси не заслонила собой идею её единства, основанную на *одной* вере и *одном* языке. Представление о территориальной общности Руси было настолько прочным, что пережило её распад. Оно нашло свое отражение в «Списке русских городов дальних и ближних», датируемым концом XIV в.¹⁴⁷ Этот «Список» обязательно входил в состав средневековых летописей и сборников. Принципы его составления исследованы академиком М.Н. Тихомировым. С его точки зрения, в «Список» вошли города, населенные православными русскими, а в некоторых случаях – смешанным западнорусским и литовским населением. Безымянный автор «Списка» имел исчерпывающие сведения о населении литовских городов, поэтому не включил в него города с почти исключительно литовским по этнической принадлежности населением. Зато в «Список» вошли Вильна и Троки со смешанным западнорусским и литовским населением. Значительную часть «Списка» составляют города Среднего Поднепровья, Волыни и Прикарпатья, т. е. юго-западной Руси [Тихомиров 1979, с. 83–137].

Два центра интеграции – Московское и Литовское великие княжества постепенно подчинили себе все славянские земли Восточной Европы, разграничив их договором 1408 г. В 1447 г. великий князь Василий Темный изгнал претендента на московский престол Дмитрия Шемяку, а Казимир Ягайлович стал польским королём и великим князем Литовским. Оба монарха-родственников (Василий был внучатым племянником Казимира) искали поддержки друг друга и заключили договор от 31 августа 1449 г. (его основная часть размещена в хрестоматии).¹⁴⁸ По договору Великое княжество Литовское отказывалось от притязаний на Новгород и Псков, в случае войны этих городов-республик с Великим княжеством Московским не должно было вмешиваться в конфликт. Договор утвердил зоны господства и влияния двух крупнейших государств Восточной Европы, способствовал Москве в деле объединения северо-западных и северо-восточных земель.

Упомянутый договор сохранял мир почти на полстолетия. Затем последовала череда непрерывных войн за гегемонию в землях, населенных преимущественно православным русским населением.

¹⁴⁷ Об историческом единстве... док. № 7.

¹⁴⁸ Об историческом единстве... док. № 9.

В силу национального состава Великого княжества Литовского противостояние Вильно и Москвы носило характер братоубийственной войны, когда русские убивали русских. В «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина рассказывается, что на следующий день после страшного разгрома московского войска под Оршей 8 сентября 1514 г. главный литовский воевода – православный русский князь Константин Острожский (похоронен в Киево-Печерской лавре, почитается современной автокефальной православной церковью Украины как святой) «торжествовал победу над своими единокровными братьями, и русским языком славил Бога за истребление россиян» [Карамзин 1819, с.70]. Справедливости ради необходимо отметить, что в древние и средние века в Европе и Азии, пока там не сложились крепкие национальные государства, братоубийственные войны регулярно имели место.

После трех русско-литовских войн начала XVI в. между странами установилось равновесие, которое нарушила Ливонская война 1558–1583 гг. Литва сумела устоять лишь ценой своего слияния с Польшей в Речь Посполитую, в результате чего Великое княжество Литовское потеряло независимость.

В Речи Посполитой активизировался процесс смены этнической принадлежности социальной элиты бывших русских земель. Местные верхи дворянства стали все более ассимилироваться с главной силой государства – польским дворянством, принимая католическую веру, усваивая польские язык и культуру. Православная церковь оказалась в подчиненном положении, усиленно навязывалось униатство. После Люблинской унии 1569 г. даже делопроизводство в землях Великого княжества Литовского стало вестись со старорусского на польский язык. Эти процессы ярко характеризуют публикуемые в хрестоматии челобитная брацлавской шляхты Стефану Баторию от 7 июля 1576 г. с просьбой составлять королевские указы, обращенные к ней, на русском, а не польском языке¹⁴⁹, а также документы об остром противостоянии в 1596 г. в Бресте созванных практически одновременно униатского и православного соборов.¹⁵⁰

Как известно, в Русском государстве на дворянстве лежала обязанность нести военную службу, регулировался оборот земли с тем, чтобы помещики в целях выполнения военной службы были обеспечены землей. В Польско-Литовском государстве такой обязанности не было, оборот земли не регулировался и был отдан на откуп землевладельцам. Отсюда появление огромных магнатских латифундий и утрата земли мелкими шляхтичами.

При поддержке королевской власти богатые паны-магнаты захватили огромные земельные владения, особенно в восточных землях этого государства. По данным украинского историка академика И.П. Крипякевича в Киевском воеводстве 27 магнатов, составлявших 7% от всех землевладельцев, владели 68% дворов. На Брацлавщине 18 магнатам принадлежало 80% дворов [Крип`якевич 1990, с. 16–17].

Показательна судьба самого Богдана Хмельницкого. Его хутор в Субботове близ Чигирина (ныне Черкасская обл.) был выделен ему после смер-

¹⁴⁹ Об историческом единстве... док. № 12.

¹⁵⁰ Там же, док. № 13-14.

ти отца чигиринским старостой. Но по польским законам староста не имел права дарить землю, а мог только предоставить право на ее владение, так как сам был арендатором коронных земель. Сын следующего старосты польский магнат Александр Конецпольский отменил прежнее решение и отдал хутор подстаросте Чаплинскому. Все попытки Хмельницкого в судебном порядке защитить свои интересы не имели успеха, так как в «польском суде того времени трудно было казаку тягаться со шляхтичем, покровительствуемым важным паном» [Костомаров 1912, с. 200].

Конфликт между казачеством и польским дворянством принял форму народно-освободительного движения, направленного против коронной власти, в защиту своей веры и своего народа. Последовала целая серия казацко-крестьянских восстаний, завершившаяся движением под руководством гетмана Богдана Хмельницкого.

В Поднепровье, охваченном восстанием, фактически образовалось самостоятельное государство, носившее название «Запорожского Войска».

Предложения Войска Запорожского к новоизбранному королю Речи Посполитой Яну II Казимиру от 14 февраля 1649 г.¹⁵¹ во многом объясняют причины восстания запорожцев. К требованиям относятся: ликвидация униатской греко-католической церкви и возврат всего ранее перешедшего к ней имущества и владений православной церкви; узаконение существования в Речи Посполитой, в том числе на южнорусских землях, двух равноправных церквей – римско-католической и православной; запрет нахождение в Киеве членов Общества иезуитов и организованных ими учебных заведений; запрет на проживание князя Иеремии Вишневецкого (его воспринимали как предателя: родители были православными, мать – двоюродная сестра знаменитого киевского митрополита Петра Могилы, а он в 1631 г. перешел в католичество); назначение воеводой киевским только лица православного вероисповедания; введение в Сенат Речи Посполитой православного митрополита Киевского, воеводы Киевского и начальника киевского гарнизона – каштеляна Киевского. Власти Речи Посполитой эти предложения отвергли.

Одновременно запорожские казаки обратились за помощью к единоверной Москве. Еще в 2017 г. РГАДА издал том полной переписки гетманов Левобережной Украины с Москвой, посвященный гетманству Богдана Хмельницкого¹⁵² (подготовка тома по следующему периоду близка к завершению). Начиная с июня 1648 г. от запорожских казаков (характерно, во всех письмах они именуют себя «русские люди») неоднократно поступали просьбы принять Войско Запорожское в российское подданство. Царь и его советники 5 лет не шли навстречу просьбам. Лишь в октябре 1653 г. на Земском соборе было принято решение принять Войско Запорожское «под высокую государскую руку». Это решение означало необходимость вступить в войну с Речью Посполитой.

В январе 1654 г. в Переяславле состоялась рада, Хмельницкий и казачья старшина присягнули на верность царю Алексею Михайловичу. В письме

¹⁵¹ Об историческом единстве... док. № 22.

¹⁵² Переписка гетманов левобережной Украины с Москвой и Санкт-Петербургом. 1654-1764 гг. Т. 1. 1654-1657 гг. М. 2007.

на его имя Хмельницкий выражал благодарность и сообщал, что перед царскими послами им и старшиной принята присяга.¹⁵³

После принятия присяги Хмельницкий направил посольство в Москву для подписания договора с царским правительством об автономном статусе Войска Запорожского в Московском государстве. Документ, привезенный послами, оформлен в виде челобитной на имя государя.¹⁵⁴ В литературе этот акт именуется: «Переяславским договором», «Статьями Богдана Хмельницкого», «Переяславскими статьями». В самом документе 11 статей, на каждую из которых царь с Боярской думой дали ответ, придав документу силу закона. Договор, в частности, предусматривал избрание членов городской администрации, в том числе ведающих сбором налогов, из местных жителей; определял размер оплаты должностных лиц Войска Запорожского и их дополнительное имущественное обеспечение; налагал ограничения на дипломатическую деятельность гетмана, например, ему запрещалось, без письменного указания царя, иметь сношения с королями Речи Посполитой и турецкими султанами; подтверждал имущественные права митрополита Киевского.

В советской исторической науке со второй половины 1930-х гг. это событие традиционно характеризовалось как «*воссоединение* Украины с Россией». Для современных украинских ученых такая трактовка неприемлема, говорится о «*присоединении*» Войска Запорожского к Русскому государству на определенных условиях. Термин «воссоединение» отвергается, потому что по мнению М.С. Грушевского и его последователей, никакой единой древнерусской народности не было, в Древнерусском государстве формировались два разных народа – украинский и русский.

Кстати, под влиянием политической конъюнктуры нынешнее поколение украинцев не во всем соглашается с М.С. Грушевским. Для основоположника украинской историографии оба соседа Украины – Речь Посполитая и Московское царство – враги, стремившиеся подавить движение украинцев к независимости. Причем главный враг – Польша, исповедовавшая иную католическую веру. Сейчас же все наоборот – киевские авторы всячески подчеркивают духовное родство и близость казацкой верхушки миру польско-литовской шляхты. А главный враг – это русский «москаль» с его азиатскими порядками.

Но вернемся к формуле «воссоединения» Украины с Россией. Еще современники событий неоднократно говорили о «соединении» и даже «воссоединении», но не разных стран – Украины и России – и тем более разных народов, а о *соединении временно разделенного границами одного «русского народа»*.

В этом отношении показательна публикуемая в хрестоматии известная речь протопопа Нежинского Максима Филимоновича (будущего местоблюстителя западнорусской митрополии), произнесенная в сентябре 1654 г. в ставке царя Алексея Михайловича под Смоленском.¹⁵⁵ В речи он оценил присоединение гетманства как восстановление разрушенного исторического единства (цитирую): «расточенных сынов русских ... воедино собрал, разделенных ... во единое тело Великого Русского княжения совокупил».

¹⁵³ Об историческом единстве..., док. № 24.

¹⁵⁴ Там же, док. № 25.

¹⁵⁵ Там же, док. № 27.

После смерти Хмельницкого казачья верхушка, стремясь сохранить и расширить автономию гетманства, упрочить собственные привилегии, лавировала, искала поддержки то у одного, то у другого могущественного соседа. Преемники Хмельницкого, в том числе его сын Юрий, неоднократно предавали Москву, заключали соглашения с Речью Посполитой (в хрестоматии публикуется знаменитый Гадячский трактат 1658 г.,¹⁵⁶ упоминается Слободищенский договор 1660 г., после которого гетманат раскололся на правобережную и левобережную части). Гетман Петр Дорошенко (кстати, предок жены Пушкина Натальи Гончаровой по её материнской линии, похоронен в Яропольце под Москвой) додумался податься под покровительство Высокой Порты. В результате правобережье Днепра в 1670-х гг. пережило два страшных вторжения турецкой армии, сопровождавшиеся массовым угоном населения и продажей его в рабство.

В истории Украины этот трагический период носит название «Руина» (по-русски – развалина). К его итогам можно отнести то, что южнорусские земли распались на две части. На правобережной Украине, оставшейся в составе Речи Посполитой по условиям т. н. Вечного мира 1686 г. (извлечения из него даны в хрестоматии¹⁵⁷), гетманат был ликвидирован. А вот в составе Московского государства, к которому отошло левобережье Днепра вместе с Киевом, гетманат как автономное государственное образование сохранился длительное время.

Сопоставление исторических судеб Правобережья и Левобережья Украины показывает, что *прав* был М.С. Грушевский, называя главным врагом украинской государственности Польско-Литовское, а не Московское государство.

В хрестоматии размещены 18 первоклассных документов того времени. Два из них впервые опубликованы. Первый – о битве под Конотопом в августе 1659 г.¹⁵⁸ Изменившие царской присяге запорожские казаки во главе с гетманом Иваном Выговским (он сменил умершего Богдана Хмельницкого) вместе с ордой крымских татар разбили московское войско князя А. Трубецкого. Второй документ – об успешной обороне в январе 1664 г. города Глухова¹⁵⁹ (ныне Сумская обл.) от многочисленной польской армии с большим числом немецких наемников под командованием короля Яна Казимира. Символично: власти современной Украины еще со времен президентства Виктора Ющенко, издавшего специальный указ о праздновании Конотопской битвы, выдают её за ключевое событие украинской истории, о ней во всех школьных учебниках написано; эти же власти напрочь «забыли» героическую оборону Глухова, важную роль в которой, вопреки предательству большей части казачьей старшины, сыграли местные жители (видимо, сдали бы город, то и это событие превратилось бы в знаменательную страницу украинской истории).

Конечно, нет оснований идеализировать отношения Москвы и Войска Запорожского. Отрицать проведение русским правительством «имперской

¹⁵⁶ Там же, док. № 31.

¹⁵⁷ Там же, док. № 45.

¹⁵⁸ Там же, док. № 33.

¹⁵⁹ Там же, док. № 37.

политики», направленной на создание крепкого государства, неверно. Аналогичную политику осуществляли другие крупные европейские державы. Однако это не мешало Москве в течение длительного времени мириться с существованием на её территории автономных политических образований. Вспомним особые привилегии не только запорожского казачества, но и остзейского дворянства в Прибалтике, более позднюю автономию Великого княжества Финляндского, конституцию Царства Польского.

Перейдем к имперскому периоду. Сначала об измене гетмана Мазепы, который, как известно, был осыпан подарками и милостями Петра I. Мазепу превратили в национального героя современной Украины, назвав его именем одну из высших государственных наград, по сути – за предательство. Здесь уместно еще одно символическое сравнение. Этого Киев не сделал в отношении популярного вождя казацко-крестьянского движения правобережной Украины того же времени Семена Палия. В отличие от Мазепы, который ненавидел лидера «палиевщины» и приложил руку к его аресту и отправке в Сибирь, белоцерковский полковник не запятнал себя изменой, возвращенный из ссылки он сражался против шведов в рядах верных присяге малороссийских казаков.

Переход Мазепы на сторону Швеции в течение более чем двух столетий – тема исторических дискуссий. Большинство мнений сводится к тому, что гетман, потеряв уверенность в победе России, попытался создать автономное государство под своей властью, при формальном протекторате зависимой от Швеции Речи Посполитой. Однако Мазепе изменил дар политического предвидения – Карл XII потерпел поражение под Полтавой, надежды на широкую поддержку казачества и старшины не оправдались. И опять символическое уточнение: с Мазепой ушло лишь 5 тыс. чел. (примерно 1/6 часть от численности реестрового украинского казачества).

Уже упоминал о полонизации старорусского дворянства, произошедшей в Польско-Литовском государстве. В Российской империи включение казацкой старшины в состав правящего дворянского класса происходило много легче, поскольку малороссы и великороссы были одной веры, говорили почти на одном языке.

В хрестоматии впервые публикуются документы по истории рода Кочубеев, записки о награждении секретаря Екатерины II Д. Трошинского, об уравнении малороссийских и российских воинских чинов.¹⁶⁰ Полтавских и черниговских полковников устраивал процесс легализации их земельных владений и имущественных прав, сопровождавшийся закрепощением сельского населения. Екатерина II сознательно допустила подделку бумаг казачьей старшиной, чтобы более 20 тыс. её представителей смогли обрести статус потомственного дворянина. Как справедливо написано в современной статье о национальной идентичности украинцев: «А старшина, глядя, как Россия громит османскую империю и делит Речь Посполитую, какие права получило дворянство по «Жалованной грамоте», искренне анафемствовала Мазепу в церквях и уже не сомневалась, кому ... следует быть лояльным» [Миллер 2022, с. 46–65]. Элита малороссийского общества в рядах

¹⁶⁰ Там же, док. № 57-61.

имперской армии активно способствовала победам русского оружия в непрерывных русско-турецких войнах, радовалась присоединению огромных неосвоенных земель Новороссии, рассчитывала на аналогичные приобретения после разделов Речи Посполитой. Отнюдь не случайно начатое Петром I урезание автономных прав гетманства, завершившееся его упразднением в 1764 г., не встретило сопротивления.

После Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г. и фактического завоевания Россией Крыма Запорожская Сечь потеряла свое военно-служилое значение и была ликвидирована. Часть казаков ушла за Дунай и поступила на военную службу Османской Порты, где избегала военных действий против русской армии. Другая часть переселилась на Кубань, где получила большие земельные владения, называлась сначала Черноморским, а затем Кубанским казачьим войском. Документы об этих событиях также размещены в хрестоматии.¹⁶¹

Малоизвестный факт: во время нашествия Наполеона в 1812 г. в Малороссии в самый сжатый срок были сформированы вместо 8 по плану 15 казачьих полков ополчения (9 полтавских и 6 черниговских). За успешное формирование 5-го полтавского полка один из основоположников украинской литературы Иван Котляревский был награжден серебряной медалью.

За простотой тезиса В.В. Путина о том, что юго-западные земли Российской империи, Малороссия и Новороссия, Крым развивались как многообразные по своему этническому и религиозному составу, на самом деле прячется один из центральных вопросов современного украинского кризиса – *об украинской этнической территории*. В нынешних киевских учебниках утверждается: формирование этой территории в основном завершилось к концу XVIII в. Перечисляются новые города – Александровск (1770, ныне Запорожье), Херсон (1778), Мариуполь (1779), Севастополь (1783), Екатеринослав (1787, ныне Днепр), Николаев (1789), Одесса (1794). Все они для авторов учебников – разумеется, украинские. Надо бы добавить важные уточнения: плодородные малолюдные территории, на которых появились города, были присоединены к Российской империи в результате побед русского оружия, по составу населения эти города – многонациональные. Это же касается Киева и Харькова, полинациональный состав которых подтверждают результаты первой и единственной всеобщей переписи населения Российской империи в 1897 г. В Киеве русский язык назвали родным 134 тыс. горожан, малорусский – 54 тыс. В Харькове соответственно – 110 тыс. и 45 тыс.

В хрестоматии впервые размещен полный комплекс документов о Валуевском циркуляре 1863 г.¹⁶² и так называемом Эмском акте 1876 г.,¹⁶³ ограничивавших издание и ввоз в империю религиозной и общественно-политической литературы на украинском языке. Опубликован также доклад Комиссии Академии наук под председательством академика Ф.Е. Корша (члены комиссии сплошь знаменитости – академики А.С. Лаппо-Данилев-

¹⁶¹ Об историческом единстве..., док. №№ 63-68.

¹⁶² Там же, док. №№ 82-86.

¹⁶³ Там же, док. №№ 88-90.

ский, С.Ф. Ольденбург, Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов) с предложением отменить стеснения малорусского печатного слова.¹⁶⁴

Свержение самодержавия в феврале 1917 г. открыло немыслимые ранее возможности в национальном развитии. С падением крепкой центральной власти в стране параллельно с органами Временного правительства возникли Советы. На Украине роль высшего органа власти взяла на себя самопровозглашенная Украинская Центральная Рада. Ее первым председателем избрали основоположника украинской историографии М.С. Грушевского. Всеукраинский национальный конгресс (6–8 апреля 1917 г., г. Киев) одобрил политический курс, сутью которого была широкая национально-территориальная автономия Украины в составе России. Украинские депутаты готовы были передать Центру полномочия в вопросах войны и мира, обороны и вооруженных сил, транспортных связей, выпуска единой валюты.

Временное правительство неохотно шло на переговоры с новой киевской властью, с трудом согласилось с созданием в июне 1917 г. Генерального Секретариата – органа исполнительной власти на Украине. Его возглавил популярный украинский писатель и драматург В.К. Винниченко.

Едва ли не главным камнем преткновения между Петроградом и Киевом стал вопрос о границах автономии. Рада заявила претензии на 9 губерний: Киевскую, Черниговскую, Полтавскую, Харьковскую, Екатеринославскую, Таврическую (подчеркиваю – *без Крыма*), Херсонскую, Волынскую и Подольскую. Население всех губерний являлось преимущественно украинским. При этом губернии, составлявшие историческую область Новороссии (Екатеринославская, Таврическая и Херсонская), а также Харьковская, обладали важной спецификой. Национальный состав этих экономически высокоразвитых губерний был мультинациональным, причем в сельской местности преобладали украинцы, в городах – великороссы. Так, согласно упоминавшейся уже всеобщей переписи населения 1897 г., в новороссийских губерниях родным языком признавали малороссийский 56%, русский – более 21%, идиш – почти 8%. В городах же русский язык считали родным 45%, еврейский – 24%, украинский – 17%.

Эти обстоятельства, вкуче с пониманием общероссийского значения промышленности Донбасса, обусловили появление докладной записки Временному правительству от Н.Ф. Дитмара, бывшего члена Государственного совета Российской империи, председателя Совета Съездов горнопромышленников Юга России.¹⁶⁵

В докладной записке Дитмар подчеркивал: «весь Харьковский район в составе губерний Харьковской, Екатеринославской, Таврической и части Херсонской должен быть совсем исключен ввиду его государственного значения из района предполагаемой автономии украинской». Мнение авторитетного промышленника повлияло на позицию Временного правительства, которое 4 августа 1917 г. утвердило Временную инструкцию Генеральному секретариату Центральной Рады, где отказало украинцам в правах на новороссийские губернии.

¹⁶⁴ Там же, док. № 91.

¹⁶⁵ Там же, док. № 102.

Приход к власти большевиков изменил геополитические реалии. Провозглашенная в Декрете о мире новая международная политика открыто отвергала старую традицию межгосударственных отношений. Ленин и его соратники нацеливали трудящихся на свержение собственных буржуазных правительств, призывали народные массы осуществить мировую революцию, результатом которой должна была стать всемирная республика советов, в которой национальные и территориальные споры потеряют актуальность.

Составной частью международной политики большевиков явилась «Декларация прав народов России» (2 (15) ноября 1917 г.)¹⁶⁶, текст которой подготовил нарком по делам национальностей Сталин. После внесения правок Ленина и Бухарина, Сталин и Ленин подписали этот ключевой документ, провозгласивший принципы советской национальной политики: равенство народов, право на их свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств, свободное развитие национальных меньшинств, отмена национальных и национально-религиозных ограничений.

Насильственный слом старой государственности и национальная политика большевиков спровоцировали парад суверенитетов: на пространстве бывшей Российской империи, причем не только в национальных окраинах, появились самостоятельные государства, власть в них, вопреки ожиданиям большевиков, не везде принадлежала трудящимся.

Украинская Центральная Рада вскоре после Октябрьского переворота в отдельном решении от 31 октября (по новому стилю 13 ноября) в дополнение к Киевской, Черниговской, Полтавской, Волынской и Подольской объявила о распространении власти Генерального Секретариата на Херсонскую, Екатеринославскую, Харьковскую, Таврическую (без Крыма), а также Холмскую и частично Курскую и Воронежскую губернии. Затем своим III Универсалом (7 (20) ноября 1917 г.) в одностороннем порядке заявила о создании Украинской Народной Республики¹⁶⁷.

Все четыре универсала Рады помещены в хрестоматии.¹⁶⁸ Отдельно остановлюсь на впервые публикуемом малоизвестном комплексе документов о переговорах Советской России и Украины весной-осенью 1918 г. о границах двух государств, по сути – об этнических границах Украины.¹⁶⁹ Большевистским представителям Москвы в условиях развала страны и ослабления центральной власти украинские националы заявили теперь иные, более высокие требования. Они желали «Донскую область, Кубань, Северный Кавказ и Черноморье, а также Крым». Конечно, участники переговоров ни о чем не договорились. События более чем вековой давности повторяются в наше время, когда правительство современной Украины отказывается признать право на самоопределение жителей Крыма и Донбасса.

Особое место в книге занимает теперь уже широко известный комплекс документов о судьбе Донецко-Криворожской республики и её нежелании

¹⁶⁶ Там же, док. № 104.

¹⁶⁷ Там же, док. № 105.

¹⁶⁸ Там же, док. №№ 96, 99, 105, 111.

¹⁶⁹ Там же, док. №№ 113, 115-116.

входить в состав советской Украины, о роли Ленина, Свердлова и Сталина в её упразднении.¹⁷⁰

Поучительна история заигрывания украинских националистов с т. н. западными партнерами. Сначала были немцы, на штыки которых опирался гетман Украинской державы Павел Скоропадский. Проиграв Первую мировую войну, немцы капитулировали, и Скоропадский в конце 1918 г. последовал за ними в Берлин. Затем на авансцену вышел другой «герой» современной Украины Симон Петлюра. Весной 1920 г. в обмен на военный союз против Советской России он отдал Польше Западную Украину. В хрестоматии публикуется зафиксировавшая эту сделку политическая конвенция между Польшей и Украинской Народной Республикой о признании верховной власти на Украине за Директорией и пограничном размежевании от 21 апреля 1920 г.¹⁷¹ Здесь же впервые размещены источники о позиции Москвы в связи с намерением Польши окружить себя кольцом вассальных государств из Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии.¹⁷²

Не буду характеризовать события Гражданской войны на Украине, этой по сути *второй* «Руины». Только Киев за годы революции и войны 14 раз переходил из рук в руки, от националистов к красным, к белым и даже к полякам Пилсудского. В конечном итоге победили большевики.

Идея создания СССР как союза независимых республик появилась не в результате теоретических воззрений вождей большевиков, а под давлением сложившихся обстоятельств. Предложенный в сентябре 1922 г. комиссией во главе со Сталиным «план автономизации» (вхождение советских республик в состав Советской России на правах автономий) Ленин не поддержал. «Важно, – цитирую Ленина, – чтобы мы не давали пищи «независимцам», не уничтожали их независимость, а создавали еще новый этаж, федерацию равноправных республик».¹⁷³ Так впервые в мировой истории появилось своеобразное «государство наций», союз формально независимых республик. Этот союз можно считать незапланированным результатом Октябрьской революции, представлявшейся лидеру большевиков началом революции мировой, а не исходной точкой государственного строительства в отдельно взятой стране победившего социализма.

Главным специалистом по национальному вопросу считался Сталин. Не случайно на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г. именно он как нарком по делам национальностей и одновременно Генеральный секретарь ЦК (кстати, на съезде было оглашено знаменитое «Письмо к съезду» Ленина) выступил с докладом о национальной политике. В резолюции съезда подтверждались такие ее краеугольные положения, как ликвидация хозяйственного и культурного неравенства народов (цитирую: «преодолеть его можно лишь путем действительной и длительной помощи *русского* пролетариата остальным народам Союза»), изживание пережитков национализма среди угнетенных народов. Первоочередными задачами объявлялись борьба с «великодержавным шовинизмом» великороссов и политика коренизации, заключавшаяся

¹⁷⁰ Там же, док. №№ 118–124.

¹⁷¹ Там же, док. № 134.

¹⁷² Там же, док. №№ 136–137.

¹⁷³ ГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 24805. Л. 1 об. Опул.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 45, с. 212.

в подготовке национальных кадров и формировании органов власти из людей, знающих язык, быт и обычаи местных жителей, директивном обеспечении использования их родного языка в государственных учреждениях.¹⁷⁴

В беседе с украинскими литераторами 12 февраля 1929 г.¹⁷⁵ Сталин пошел дальше и объяснил связь национальной политики большевиков с задачами мировой революции следующим образом: «Национальный вопрос нельзя в одном государстве решить, национальный вопрос стал внегосударственным уже давно, если когда-либо общий язык создастся, [а] он создастся безусловно, то это после того, как мировая диктатура пролетариата будет завоевана, ... когда социализм будет утверждаться не в одной стране, а во всех странах. ... [Наша задача] – развитие национальных культур в эпоху диктатуры пролетариата, максимальное развитие, покровительство национальным культурам, ... мы этим культурам покровительствуем для того, чтобы они, исчерпав во всю себя, и создали почву для развития языка во всем мире, *не русского*, а международного языка. ... Мы хотим подготовить элементы международной социалистической культуры путем предельного развития национальной культуры».

Такая, с позволения сказать, диалектика мысли, «глобализация» по-большевистски, свидетельствующая, что в ту пору Сталин еще не избавился от идеи мировой революции.

Реальная же жизнь требовала сочетать трудновосместимое: с одной стороны, объективную необходимость унификации экономики и законодательства во имя укрепления Союза, а с другой – коренизацию кадров, изъятие ресурсов «русского пролетариата» для подъема экономики, науки и культуры союзных республик. Решать дилемму большевистским вождям всякий раз приходилось, исходя из складывавшейся ситуации. И решения эти зачастую были противоречивыми, компромиссными, ущемлявшими интересы великороссов. Напомню, что первую национальную операцию большевики осуществили по отношению к *русскому* казачеству, выселив в принудительном порядке в 1920–1921 г. население станиц Терского казачьего войска.

История советской Украины – яркий пример достижений и, как теперь ясно, неоправдавшихся надежд национальной политики большевиков.

Назначенный в апреле 1925 г. руководителем парторганизации Украины Лазарь Каганович во имя коренизации кадров резко взвинтил темпы украинизации: при Политбюро ЦК КП(б)У была создана специальная комиссия по украинизации, заметно выросло число украинцев в партийных и советских органах, то же касалось изданий на украинском языке и перевода на украинский преподавания и делопроизводства. Однако часть украинских национал-коммунистов усилия сталинского выдвигенца полагали недостаточными. Оппозицию возглавил нарком просвещения Украины Александр Шумский, считавший, что Каганович саботирует принудительную украинизацию пролетариата, в массе своей русскоязычного. 20 апреля 1926 г. Сталин принял делегацию западноукраинских коммунистов, в составе которой был Шумский. В ходе беседы последний предложил снять Кагановича с поста генсека ЦК КП(б)У и изложил свои претензии. Ответом на этот

¹⁷⁴ Об историческом единстве... док. № 144.

¹⁷⁵ Там же, док. № 157.

разговор явилось письмо Сталина, где вождь, признав правоту Шумского в необходимости украинизации руководства республики, раскритиковал его в главном: «нельзя украинизировать сверху пролетариат» и заставлять «русские рабочие массы отказаться от русского языка и русской культуры и признать своей культурой и своим языком украинский».¹⁷⁶

В 1927 г. позицию Шумского официально осудил ЦК КП(б)У,¹⁷⁷ он был снят с должности, позднее репрессирован.

В последующем курс на украинизацию подвергся корректировке, но отказа от нее не произошло. Новое партийное руководство Украины (Станислав Косиор, Павел Постышев) продолжало украинизацию школы и печати, выдвижение украинцев на командные посты. Проведенные в соответствии с постановлением Политбюро ЦК КП(б)У от 29 августа 1935 г.¹⁷⁸ обследования Днепропетровской, Донецкой и Одесской областей показали слабую работу по украинизации, преобладание русского языка в делопроизводстве в Донецкой области и «полное отсутствие украинского языка в деловом общении, работе и жизни» Одессы и Николаева.

Вообще *роль Сталина в создании и формировании Советской Украины* заслуживает отдельного разговора. Мало кто знает, что инициатива переноса столицы Украины в январе 1934 г. из Харькова в Киев принадлежала Сталину. Сталин настойчиво отстаивал западную границу СССР по т. н. линии Керзона сначала в переговорах с Рузвельтом и Черчиллем в Тегеране поздней осенью 1943 г., затем во время визита летом 1944 г. в Москву Станислава Миколайчика, премьера польского эмигрантского правительства в Лондоне. Полякам было отказано в их претензиях на Львов, даже в порядке исключения.

Прочитую в этой связи публикуемое в хрестоматии письмо предстоятеля Украинской грекокатолической (униатской) церкви, митрополита Галицкого и архиепископа Львовского, человека антикоммунистических убеждений Андрея Шептицкого¹⁷⁹, доложенное Сталину в октябре 1944 г.: «Вы снова присоединили западные украинские земли (далее в тексте с большой буквы) к Великой Украине. За осуществление заветных желаний и стремлений украинцев, которые веками считали себя одним народом и хотели быть соединенными в одном государстве, приносит Вам украинский народ искреннюю благодарность. /.../ За все это следует Вам, Верховный Вождь, глубокая благодарность от всех нас».

По настоянию Сталина среди существовавших тогда 16 союзных республик (в их число входила Карело-финская республика) именно Украина и Белоруссия оказались среди учредителей ООН.

Но Сталин, конечно, не принял бы идею Никиты Хрущева передать Крым Украине. Вернувшись из Киева в Москву после юбилейных торжеств по случаю 300-летия Переяславской Рады (8 января 1954 г.), Хрущев в узком кругу высшего руководства страны заявил, что передача Крыма способствовала бы упрочению дружбы русского и украинского народов. Президиум

¹⁷⁶ Там же, док. № 148.

¹⁷⁷ Там же, док. № 153.

¹⁷⁸ Там же, док. № 160.

¹⁷⁹ Там же, док. № 175.

ЦК 25 января 1954 г. утвердил проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР.¹⁸⁰

Вопрос о причинах, которыми руководствовался Хрущев, остается дискуссионным. Наиболее обоснованными представляются политические мотивы, связанные с тем, что в развернувшейся после смерти Сталина борьбе за власть Хрущев нуждался в поддержке секретарей ЦК и обкомов крупнейшей республиканской компартии.

Проблема юридической состоятельности акта передачи рассматривалась в 1992 г. Верховным Советом Российской Федерации, который указал на допущенные нарушения. Так, вопрос о передаче Крыма, согласно Конституции СССР 1936 г., должен был рассматривать непосредственно Верховный Совет СССР с участием двух его палат, а не подотчетный ему Президиум. На деле Верховный Совет СССР лишь утвердил ранее принятый партийными вождями акт.

Учитывая политический и экономический вес Украины, её руководители пользовались огромным влиянием в Москве. Два выходца из республики – Хрущев и Брежнев – возглавляли СССР без малого 30 лет. Молодой Брежнев графу «национальность» в анкетах *всегда* заполнял словом «украинец». Он перестал это делать после того, когда в качестве начальника политуправления Прикарпатского военного округа своими глазами увидел преступные действия бандеровцев из организации украинских националистов (ОУН).

Сменивший на посту первого лица Украины уехавшего в Москву Николая Подгорного Петр Шелест, видимо, осознавая свое значение руководителя крупнейшей республики и активного участника смещения Хрущева, в августе 1965 г. решился на беспрецедентный шаг – внес в ЦК КПСС нарушавшее ленинскую традицию монополии союзного центра официальное предложение предоставить республике право самостоятельно вести внешнюю торговлю.¹⁸¹ Предложение, конечно, не было поддержано. Но когда через 7 лет Шелеста снимали за потакание украинизации, излишний либерализм в работе с украинской творческой интеллигенцией, вспомнили об этом факте. Документы о рассмотрении предложения Шелеста в Москве впервые публикуются в хрестоматии.¹⁸²

Слово «впервые» можно применить также к недавно рассекреченным и размещенным в книге запискам в ЦК КПСС В.В. Щербицкого по острым вопросам национальной, религиозной и политической ситуации в республике, датированным 1987–1989 гг.¹⁸³ Они свидетельствуют, что далеко не все члены Политбюро безоговорочно соглашались со всеми подходами М.С.Горбачева к перестройке страны.

Основополагающий тезис В.В. Путина, что «современная Украина – целиком и полностью детище советской эпохи» архивные документы подтверждают. Этот тезис верен и с точки зрения географии (с учетом тех границ, которые Украина получила в составе СССР и с которыми его покинула), и с точки зрения политико-экономических, этнических и иных проблем, доставшихся Украине.

¹⁸⁰ Там же, док. № 178.

¹⁸¹ Там же, док. № 217.

¹⁸² Там же, док. № 218-220.

¹⁸³ Там же, док. № 225-227.

Современная власть в Киеве тотально отвергает и *имперское*, и *советское* прошлое. А ведь это более трех столетий! Власть эта, организуя массовый снос памятников прежних эпох, переименовывая мешающие ей названия городов, улиц и иных объектов, ведет себя словно захватчик, оказавшийся на чужой территории. Киевский режим категорически не устраивает объективное освещение исторических событий, не устраивает советская модель национальной политики с основополагающим принципом *братских* народов – русских, украинцев и белорусов.

Говоря о единстве русского народа, включающего в себя великороссов, малороссов и белорусов, В.В. Путин еще крепче объединяет восточных славян и возвращает нас в дореволюционный дискурс. В этой связи важно подчеркнуть, что и дореволюционная, и советская (если убрать утопическую идею мировой революции) модели национальной политики не так уж далеко ушли друг от друга. Обе они признают многонациональный характер государства Российского и его преемника – Советского Союза. Обе противостоят реализуемой нынешним киевским режимом социальной инженерии, политике «Украина – это антиРоссия», составной частью которой являются попытки, используя всю мощь государственного аппарата, переформатировать русскоязычных граждан Украины по лекалам этнонационального сознания.

Что из этого получается и получится ли в таком сложносочиненном государстве, каковым является Украина, – происходит на наших глазах. Это тема самостоятельного разговора.

Конечно, 242 документа хрестоматии не в состоянии дать ответы на все вопросы тысячелетней истории народов, проживавших и продолжающих жить на Восточноевропейской равнине. Но и ограниченное число документов заставляет размышлять о пробелах, о плохо или недостаточно изученных событиях прошлого, о необходимости пересмотра многих постулатов прежней историографии.

Познание истории, откликаясь на вызовы времени, продолжается. Его не остановить. Свое место в нем, не сомневаюсь, найдет коллективный труд историков-архивистов.

ЛИТЕРАТУРА:

Зализняк 2004 – *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 882 с.

Карамзин 1819 – *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. VII. – СПб, 1819. – 235, 109 с.

Костомаров 1912 – *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Кн. 2. – СПб, 1912. – 408 с.

Крип`якевич 1990 – *Крип`якевич І.П.* Богдан Хмельницький. 2-е изд. – Львів: Світ, 1990. – 405 с.

Миллер 2022 – *Миллер А.И.* Национальная идентичность на Украине: история и политика // Россия в глобальной политике. 2022. № 4. С. 46–65.

Тихомиров 1979 – *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. – М.: Издательство «Наука», 1979. – 387 с.

REFERENCES

Zaliznyak, A.A. (2004), *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect], 2nd edition, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia.

Karamzin, N.M. (1819), *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [History of Russian Government], vol. VII, Saint Petersburg, Russia.

Kostomarov, N.I. (1912), *Russkaya istoriya v zhizneopisaniyakh ee glavneishikh deyatelei* [Russian history in the biographies of its main figures], book 2, Saint Petersburg, Russia.

Krip'yakevich, I.P. (1990), *Bogdan Khmel'nitsky* [Bogdan Khmel'nitsky], 2nd edition, Svet, L'vov, Ukraine.

Miller, A.I. (2022), "National identity in Ukraine: history and politics", *Russia in Global Affairs*, no. 4, pp. 46–65.

Tikhomirov, M.N. (1979), *Russkoe letopisanie* [Russian chronicle], Nauka, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Андрей Николаевич Артизов, доктор исторических наук, Федеральное архивное агентство, Москва, Россия; 115035, Россия, г. Москва, Софийская наб., 34, стр. 1; Artizov_AN@gov.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey N. Artizov, Doct. of Sci. (History), Federal Archival Agency, Moscow, Russia; bl. 1, Sofiyskaya emb. 34, Moscow, Russia, 115035; Artizov_AN@gov.ru.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-194-210

Железные дороги Белоруссии в постсоветский период

Мухин М.Ю.

Институт Российской истории РАН, Москва, Россия

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

mukhin@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-6003-3769

Аннотация. В статье рассматриваются основные тенденции развития железных дорог Белоруссии в постсоветский период. Изучив важнейшие факторы и вехи истории Белорусской железной дороги в период распада Советского Союза, в 1991–2009 и 2010-х годах, удалось установить, что, начиная с 2010 г., важнейшим направлением развития железнодорожной отрасли в Белоруссии стало не увеличение железнодорожного полигона и не традиционные методы интенсификации перевозочной работы (электрификация, внедрение бесстыкового пути, переход на железобетонные шпалы, и т. п.), а новые методы повышения эффективности работы железной дороги. К их числу относятся, в первую очередь: развитие складского хозяйства, внедрение новых информационных технологий, ставка на включение в трансконтинентальные транзитные перевозки. Особенно важным в этом свете стало взаимодействие железнодорожных сетей России и Белоруссии, позволившее занять Белорусской железной дороге важную роль в международном транспортном коридоре «Китай – Западная Европа». Таким образом, используя базис, оставшийся в наследство от железнодорожной системы Советского Союза, белорусские железнодорожники сумели существенно увеличить перевозочную работу за счёт различных методов интенсификации, сочетая новые и традиционные технологии.

Ключевые слова. Постсоветское пространство, история железных дорог, история Белоруссии, международные транспортные коридоры, информационные технологии в железнодорожном деле, история постсоветских стран.

Для цитирования: Мухин М.Ю. Железные дороги Белоруссии в постсоветский период // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 196–212. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-194-210.

Railways of Belarus in the post-soviet period

Mukhin M. Yu.

Institute of Russian History RAS, Moscow, Russia

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

mukhin@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-6003-3769

Abstract. The article discusses the main trends in the development of railways in Belarus in the post-Soviet period. Having studied the most important factors and milestones in the history of the Belarusian railway during the collapse of the Soviet

Union, in 1991–2009 and 2010, it was possible to establish that, starting from 2010, the most important direction in the development of the railway industry in Belarus was not to increase the railway range and not traditional methods of intensifying transportation work (electrification, the introduction of a seamless track, the transition to reinforced concrete sleepers, etc.), and new methods to improve the efficiency of the railway. These include, first of all: the development of warehousing, the introduction of new information technologies, the emphasis on inclusion in transcontinental transit traffic. Particularly important in this light was the interaction of the railway networks of Russia and Belarus, which allowed the Belarusian Railways to take an important role in the international transport corridor “China – Western Europe”. Thus, using the basis inherited from the railway system of the Soviet Union, the Belarusian railway workers managed to significantly increase the transportation work through various intensification methods, combining new and traditional technologies.

Keywords: *Post-Soviet space, history of railways, history of Belarus, international transport corridors, information technologies in railway business, history of post-soviet countries.*

For citation: *Mukhin, M.Yu. (2023), “Railways of Belarus in the post-soviet period” // Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 196–212. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-194-210.*

Введение

Советский Союз располагал одной из крупнейших в мире железнодорожных сетей. После распада СССР отдельные части этого исполинского транспортного механизма, расположенные на территории тех или иных постсоветских государств, явочным порядком превратились в отдельные железнодорожные комплексы, призванные обеспечивать транспортную связь бывших союзных республик, в одночасье превратившихся в независимые государства. Как показывает практика, именно эти, оставшиеся в наследство от советских времён железнодорожные сети, и по сей день представляют собой базис транспортных сетей постсоветских государств, играющих ключевую роль как во внутригосударственных, так и в транзитных перевозках. Разумеется, в одной статье невозможно даже в самых общих чертах рассмотреть важнейшие тенденции развития железных дорог на всём постсоветском пространстве. Поэтому в данной работе мы сосредоточим своё внимание на железных дорогах постсоветской Белоруссии.

Железнодорожная сеть СССР после распада Советского Союза

Распад СССР был одной из крупнейших гуманитарных катастроф XX в. Этот кризис имел множество взаимовлияющих социальных, политических, экономических, этнических и даже конфессиональных аспектов¹⁸⁴. Одним из них, как мы уже говорили, стал раздел единой железнодорожной сети СССР на несколько самостоятельных железнодорожных систем, ограниченных рамками новых суверенных государств. Зачинателями этого процесса стали прибалтийские государства: уже в первых числах сентября 1991 г. из состава МПС явочным порядком вышли железные дороги Лит-

¹⁸⁴ Историография экономических последствий распада СССР огромна. Мы позволим себе порекомендовать лишь одну наиболее свежую и обобщающую работу на эту тему: [Пивовар и др. 2021, с. 274-321].

вы. Вскоре за литовскими железнодорожными подразделениями последовали и остальные предприятия Прибалтийской железной дороги. С января 1992 г. они были преобразованы: в Литве была создана государственная фирма Литовские железные дороги (Летувос Гележинкеляй), в Эстонии – Эстонские железные дороги (Ээсти Раудтее), а в Латвии – Латвийская железная дорога (Латвияс Дзелзцельш). Ввиду признания Государственным советом СССР независимости прибалтийских республик, Прибалтийская железная дорога с 1 января 1992 г. объявлялась ликвидированной [Железнодорожный транспорт 2003, с. 735]. Вскоре за прибалтийскими республиками устремились и другие. Так, на базе 6 дорог была создана государственная администрация железнодорожного транспорта Украинские железные дороги (Укрзалізниця); Молдавская железная дорога стала именоваться Каля фэратэ Молдовой; Белорусская железная дорога МПС СССР была преобразована в Белорусскую железную дорогу (Беларуская Чугунка) Республики Беларусь; Закавказскую железную дорогу разделили Грузия (компания Сакартвелос Ркингза), Армения (с двумя изолированными участками сети), Азербайджан (с изолированной сетью в Нахичеванской республике). На базе Ашхабадского и Чарджоуского отделений Среднеазиатской железной дороги в ноябре 1991 г. была образована Туркменская железная дорога (в июне 1993 г. она была преобразована в Государственные железные дороги Туркменистана). В октябре 1994 г. оставшаяся часть Среднеазиатской дороги была разделена по территориальному признаку между Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном. Были образованы администрации Киргизской железной дороги, Таджикская, а в ноябре 1994 г. – государственная акционерная железнодорожная компания Узбекские железные дороги (Узбекистон темир йуллари). Финал этого процесса наступил в январе 1997 г., когда Целинная, Алма-Атинская и Западно-Казахстанская железные дороги, расположенные на территории Казахстана, были разделены на 6 дорог (Акмолинская, Алматинская, Западная, Сары-Аркинская, Семейская и Туркестанская), объединенных в республиканское государственное предприятие Казахстанские железные дороги (Казахстан темир жолы). В конце 1997 г. Алматинская и Семейская дороги были объединены в одну – Алматинскую.

Надо отметить, что железнодорожники новых суверенных стран отлично понимали как экономические, так и технические последствия такого дробления. Специально, чтобы по мере возможности минимизировать негативные тенденции, в январе 1992 г., практически синхронно с оформлением организационных структур СНГ, был учрежден Совет по железнодорожному транспорту государств-участников Содружества [Железнодорожный транспорт 2003, с. 762]. Во главе дирекции Совета встал один из крупнейших специалистов по организации железнодорожных перевозок – В.Н. Бутко, возглавлявший в 1983–1992 годах в ранге заместителя министра Главное управление движения МПС СССР. Несмотря на все политические и экономические пертурбации, Совету удалось главное – сохранить технологическое единство железнодорожной сети, и организовать взаимосогласованное развитие инфраструктуры и тарифной политики железных дорог государств-участников СНГ.

Белорусская железная дорога на начало 1990-х годов

Железнодорожная сеть Белорусской ССР ещё в годы существования СССР была административно объединена в рамках единой Белорусской железной дороги, что существенно облегчило становление самостоятельной железнодорожной системы независимой Беларуси в постсоветский период. Сопоставление основных характеристик Белорусской железной дороги и всей железнодорожной сети СССР на 1990 г. наглядно демонстрирует достаточно высокий уровень технического развития Белорусской железной дороги на общесоюзном уровне (Таблица 1).

Таблица 1

Важнейшие параметры Белорусской железной дороги на 1990 г.
[Железнодорожный транспорт 2003, с. 677, 736]

Показатель	Белорусская ж/д	Железные дороги СССР в целом
Эксплуатационная длина (км)	5468,1	147522
Удельный вес участков в 2 и более путей (% от эксплуатационной длины)	30,3	36,7
Удельный вес электрифицированных на 1987 г. участков (% от эксплуатационной длины)	15,5	34,8
Удельный вес участков, оборудованных автоблокировкой (% от эксплуатационной длины)	67	68
Удельный вес участков, оборудованных диспетчерской централизацией (% от эксплуатационной длины)	41	27,5
Удельный вес участков с бесстыковым путём (% от развёрнутой длины главных путей)	43,4	30,3
Удельный вес участков на железобетонных шпалах (% от развёрнутой длины главных путей)	60	32,5
Удельный вес электровозной тяги (эксплуатационные тонно-километры нетто) (%)	16	63,6
Число подсобных хозяйств	89	1417

Как видим, доля двухпутных участков в Белоруссии была чуть ниже, чем в СССР в целом. Аналогичная картина наблюдалась и с внедрением автоблокировки. С другой стороны, в области применения диспетчерской централизации, бесстыкового пути и железобетонных шпал Белорусская железная дорога явно опережала среднесоюзный уровень. В целом, можно сказать, что железные дороги Беларуси получили от СССР достаточно хороший технологический задел. Специфика белорусских железных дорог состояла в том, что тут сравнительно низок был уровень электрификации, а значит – основная масса грузооборота осуществлялась тепловозами. Дело в том, что МПС СССР предпочитало внедрять перспективные виды тяги в первую очередь на наиболее напряжённых участках железнодорожного полигона, то есть – в восточных регионах Советского Союза [Железная дорога 2001, с. 312]. Хотя в рамках СССР (а значит – единого всесоюзного экономического механизма) это являлось скорее местной особенностью, чем недостатком, в условиях независимости это поставило белорусские железные дороги в жёсткую зависимость от поставок топлива из-за границы. Тем не менее, к 1984 г. была завершена электрификация главного хода Москва –

Брест, в результате чего совокупная длина электрифицированных участков составила 875 км, а развёрнутая длина контактной сети – 2557 километров [Железная дорога 2001, с. 329].

Хотя на долю Белорусской железной дороги приходилось лишь 3,7% совокупной эксплуатационной длины советской железнодорожной сети, в Белоруссии было сосредоточено свыше 6% всех подсобных хозяйств МПС СССР, что говорит о сравнительно мощной ведомственной социальной системе. Это также стало определённым подспорьем в становлении белорусских железных дорог.

Железные дороги постсоветской Белоруссии в 1991–2009 гг.

Различные политические, юридические и административные нюансы функционирования железных дорог Белоруссии в новых условиях были урегулированы далеко не сразу. По сути, окончательное решение подобных вопросов наступило лишь в 1999 г. В тот год Совет Министров Республики Беларусь утвердил Устав железнодорожного транспорта общего пользования Республики Беларусь, который регулирует отношения, возникающие между «Белорусской железной дорогой» (БЖД) и её предприятиями с одной стороны, и грузоотправителями, грузополучателями, пассажирами, а также иными юридическими и физическими лицами при пользовании услугами железнодорожного транспорта. Тогда же был принят закон Республики Беларусь «О железнодорожном транспорте», регламентирующий правовые, административные и экономические основы функционирования белорусских железных дорог, их взаимоотношения как с республиканскими, так и с местными органами управления, а также права, обязанности и ответственность потребителей работ и услуг железнодорожного транспорта [Рынок 2020, с. 40].

С юридической точки зрения, «Белорусская железная дорога»¹⁸⁵ на начало XXI в. являлась государственным объединением, подчиненным Министерству транспорта и коммуникаций Республики Беларусь. В состав этого объединения входило 85 организаций, имеющих статус юридического лица и 3 представительства – 47 республиканских унитарных предприятий (из которых 15 дочерних), 7 заводов (Минский и Гомельский вагоноремонтные, Гомельский электромеханический, Брестский электротехнический, Барановичский завод автоматических линий, Борисовский шпалопропиточный, Опытный завод путевых машин станции Пинск), а также 38 учреждений здравоохранения и образования. Сама железнодорожная сеть делилась на 6 отделений дороги – Минское, Барановичское, Брестское, Гомельское, Могилевское и Витебское. БЖД объединяла в своём составе 362 крупные и малые станции, из них: 3 – пассажирских, 9 – сортировочных, 26 – грузовых, 12 – участковых и 310 промежуточных, 17 локомотивных депо, 12 вагонных депо, 20 дистанций пути, 14 дистанций сигнализации и связи, 7 дистанций электроснабжения. После распада СССР было реорганизовано и вагонное хозяйство «Белорусской железной дороги». На новом этапе оно стало состо-

¹⁸⁵ Следует отличать «Белорусскую железную дорогу» как составную часть железнодорожного комплекса СССР от государственного объединения, существующего ныне. Поэтому в данной статье мы будем писать здесь и далее в кавычках название именно государственного объединения.

ять из 12 вагонных депо, при этом депо Осиповичи сосредоточило усилия на ремонте контейнеров, депо Молодичи стало головным в ремонте рефрижераторных секций, депо Волковыск стало эксплуатационным, а остальные 9 занимались ремонтом грузовых вагонов. Суммарные ремонтные мощности БЖД составляли 32350 вагонов в год [Железная дорога 2001, с. 334].

Надо отметить, что ещё в годы существования СССР для железнодорожной сети Белорусской ССР огромное значение имели перевозки из-за границы союзной республики. Автомобильная, машиностроительная и химическая промышленность Белорусского экономического района, лидером которого был Минский индустриальный узел, не могла существовать без поставок нефти из Западной Сибири и угля с Украины [История 2012, с. 446]. В постсоветский период значение трансграничных перевозок для экономики Белоруссии возросло ещё больше. Помимо этого, возросло значение и транзитных перевозок.

С точки зрения топологии, стержнем железнодорожной сети Белоруссии является магистраль Москва – Минск – Брест, по которой осуществляется транзит между центральной Россией и Западной Европой. Помимо этого, важную роль играют и другие транзитные направления:

- Бахмач – Гомель – Минск – Молодечно – Вильнюс, обеспечивающее связь восточной Украины и Прибалтики;
- Петербург – Витебск – Могилёв – Киев, связывающее северо-запад России с Днепро-черноморским регионом;
- Вильнюс – Барановичи – Ровно, осуществляющее связь с Прибалтикой Западной Украины;
- Гомель – Брест, по которому происходит грузообмен Западной Европы и российского Черноземья.

Эти транзитные направления в общих чертах сформировались ещё в годы существования СССР, однако в постсоветский период транзитное значение Белорусской железной дороги было дополнительно уточнено и детализировано. Ещё в середине 1980-х годов Комиссией по внутреннему транспорту Европейской экономической комиссии ООН были начаты исследования транспортных потоков в Европе для оптимального развития транзитных перевозок и разгрузки объектов транспортной структуры [Щербанин 2006, с. 7–9]. Логическим следствием этих исследований стало формирование концепции международных транспортных коридоров. Окончательно содержание этого термина было оформлено на общеевропейских конференциях по транспорту в 1993–1994 годах: «Совокупность магистральных транспортных коммуникаций (как имеющихся, так и вновь создаваемых) с соответствующим обустройством и инфраструктурой, связывающих крупные транспортные узлы, в рамках которого используются различные виды транспорта, обеспечивающие перевозки пассажиров и товаров в международном сообщении на направлении их наибольшей концентрации» [Винокуров и др., 2009, с. 20]. Впрочем, в русскоязычной литературе достаточно широко используется и более широкое определение: «Международные транспортные коридоры (МТК) – концентрация на генеральных направлениях транспорта общего пользования (железнодорожного, автомобильного, морского, трубопроводного) и телекоммуникаций. Концентрация материальных, фи-

нансовых и информационных потоков, высокое качество обслуживания и разнообразие оказываемых услуг обеспечивают ускорение оборачиваемости капитала и синхронизации прохождения товаров, документов и денег в условиях преференциального режима» [Дергачёв 2005, с. 167].

В настоящее время на территории Республики Беларусь перекрещиваются два панъевропейских транспортных коридора, по международной классификации проходящих под номерами 2 и 9 [Подробнее см. – Чижек 2015, с. 9–15].

Коридор № 2, соединяющий Германию, Польшу, Беларусь и Россию по маршруту Берлин – Варшава – Минск – Москва – Нижний Новгород, в связи с важным значением проходящих по нему торговых потоков в сообщении Запад – Восток, был определен Европейским Союзом как высший приоритет среди т. н. «Критских» коридоров¹⁸⁶. На территории Белоруссии этот коридор обеспечивается¹⁸⁷ железнодорожной линией Брест – Минск – Орша – Осиновка. Эта железная дорога является двухпутной, полностью электрифицированной и оснащенной устройствами автоматической блокировки, электрической и диспетчерской централизации, магистралью. Его эксплуатационная длина – 611 км.

Коридор № 9 пересекает территорию республики с севера на юг и проходит в обход крупных промышленных центров Беларуси – Витебска, Могилева, Гомеля. Он соединяет Финляндию, Литву, Россию, Беларусь, Украину, Молдову, Румынию, Болгарию и Грецию. Протяженность железнодорожных линий этого коридора составляет: восточный участок (направление Терюха – Гомель – Витебск – Езерище) – 489 км; западный участок (направление Гудогай – Молодечно – Минск – Жлобин) – 372 км, из которых 185 км было электрифицировано к 2009 году.

Таким образом, железнодорожная система Белоруссии не только обеспечивает нужды и потребности экономики Беларуси, но и выполняет целый комплекс транзитных задач. Это, в свою очередь, диктует руководству Белорусской железной дороги необходимость энергичных действий на внешнеэкономическом направлении и даже формирования своеобразной «железнодорожной дипломатии». В XXI веке правление «Белорусской железной дороги» открыло постоянные представительства в России, Казахстане и Польше, а также участвует в работе Координационного Совета по Транссибирским перевозкам (КСТП). Помимо КСТП, «Белорусская железная дорога» состоит членом Совета по железнодорожному транспорту государств-участников Содружества, Организации сотрудничества железных дорог (ОСЖД), Международного Союза железных дорог (МСЖД), и ряда других аналогичных организаций. Именно в Минске 20–22 мая 2009 г.

¹⁸⁶ Разумеется, следует учитывать, что на нынешнем этапе развития международных отношений, начавшемся после 2014 г., интенсивность транспортных связей между Россией и Западной Европой снижается. Однако, как будет показано далее, это не влияет (или, как минимум, не влияло на момент написания данной статьи) на масштабы транзита через территорию Белоруссии. Вообще говоря, нам хотелось бы подчеркнуть, что в данной статье мы говорим в первую очередь именно о развитии железнодорожной сети постсоветской Белоруссии, выводя многочисленные обстоятельства внешнеполитического характера за скобки.

¹⁸⁷ Хотя в данном разделе мы говорим о событиях 1991–2009 годов, надо отметить, что направление и важность упомянутых транспортных коридоров сохраняется и поныне, поэтому мы сочли оптимальным говорить об этом в настоящем, а не прошедшем времени.

прошло юбилейное пятидесятое заседание Совета по железнодорожному транспорту государств-участников Содружества. На нём была утверждена Программа реализации Приоритетных направлений сотрудничества государств-участников СНГ в сфере транспорта на период до 2020 года, направленная на обеспечение совершенствования эксплуатационной работы и транспортного обслуживания в международном сообщении на длительную перспективу.

Важнейшими железнодорожными узлами Белоруссии, в которых перекрещиваются от 4 до 6 направлений, являются: Минск, Молодечно, Орша, Барановичи, Гродно, Волковыск, Лида, Лунинец, Брест, Гомель, Жлобин, Калинковичи, Могилёв, Осиповичи, Кричев, Витебск, Полоцк. Именно эти станции, по сути, определяют пропускную способность белорусской железнодорожной сети.

Ввиду отсутствия у Белоруссии как выхода к морю, так и значительных внутренних водных путей, именно на железные дороги падает основная тяжесть грузооборота страны. К началу XXI века «Белорусская железная дорога» осуществляла около 75% всех выполняемых в республике грузовых и около 50% пассажирских перевозок, являясь, таким образом, одной из базовых отраслей экономики страны в целом.

В то же время следует отметить, что одной из ключевых проблем «Белорусской железной дороги» на тот момент являлась тяжелейшая изношенность основных средств, доходящая до 65%. Руководство железнодорожного ведомства Белоруссии пыталось найти выход из сложившегося положения на путях импортозамещения. Действительно, в результате усилий, предпринимаемых с 1991 г., удалось наладить на предприятиях республики выпуск железобетонных шпал, большинства элементов скреплений, некоторых запасных частей к путевым машинам. Однако кардинально это картину не изменило.

Общее представление об основных тенденциях развития путевого хозяйства Белорусской железной дороги в постсоветский период даёт Таблица 2.

Таблица 2

Основные показатели путевого хозяйства Белорусской железной дороги в 1990 и 2009 годах¹⁸⁸

Показатель	1990 г.	2009 г.
Эксплуатационная длина (км)	5468,1	5512,2
Удельный вес участков в 2 и более путей (%)	30,3	29,8
Удельный вес электрифицированных участков (%)	15,5	15,9
Удельный вес участков, оборудованных автоблокировкой (%)	67	67,1
Удельный вес участков, оборудованных диспетчерской централизацией (%)	41	58,6
Удельный вес участков с бесстыковым путём (% от развёрнутой длины главных путей)	43,4	53,0
Удельный вес участков на железобетонных шпалах (% от развёрнутой длины главных путей)	60	86,5

¹⁸⁸ Данные за 1990 г.: Железнодорожный транспорт СССР. 1971-1991. М., 2003. С. 736. Данные за 2009 г.: По материалам сайта «Белорусская железная дорога» [Электронный ресурс] URL: <https://www.gw.by/> (дата обращения 12 октября 2019).

Как видим, за прошедшие почти 20 лет эксплуатационная длина железнодорожной сети Белоруссии возросла лишь на 0,8%. Для сравнения – за 1969–1990 годы этот параметр возрос на 1,3%. Из этого можно сделать вывод, что плотность железнодорожных путей в регионе достаточно велика для удовлетворения как собственных, так и транзитных нужд, и в механическом наращивании не нуждается. Что касается качественного роста, то, очевидно, наиболее приоритетными для железных дорог Белоруссии в этот период стало внедрение железобетонных шпал, и обеспечение путевого хозяйства диспетчерской централизацией. Меньших успехов удалось добиться в деле перевода железнодорожных путей на бесстыковой (т. н. «бархатный») путь. Надо отметить, что по данным показателям Белорусская железная дорога являлась лидером ещё в годы существования СССР. И, наконец, практически не рос удельный вес участков с автоблокировкой. Обращает на себя внимание, что, хотя эксплуатационная длина росла, удельный вес многопутных участков падал – видимо, строились лишь однопутные ветки. Доля электрифицированных участков практически не увеличилась, и тепловозы по-прежнему составляли основу белорусского локомотивного парка. Ещё в 1987–1991 годах прошло крупномасштабное обновление тепловозного парка. Устаревшие и изношенные тепловозы типов ТЭЗ заменялись на машины типов 2ТЭ10М и 2ТЭ10У. В результате к началу 2000-х годов 95% грузового движения на тепловозной тяге осуществлялось тепловозами 2ТЭ10. Одновременно происходило вытеснение из пассажирского движения тепловозов ТЭП60 и 2ТЭ60 новой моделью – ТЭП70 [Железная дорога 2001, с. 333].

Дефицит инвестиций в железнодорожную сеть Белоруссии на начало 2009 г. составлял 461 млрд белорусских рублей (примерно 163,5 млн долл.). Если в прежние годы нехватка средств для инвестирования покрывалась за счёт банковских кредитов, то теперь, в связи с начавшимся экономическим кризисом, этот путь был закрыт. Только в 2009 г. Белорусская железная дорога должна была вернуть коммерческим банкам 233 млрд руб., поэтому дальнейшие заимствования могли привести попросту к банкротству железнодорожной сети страны. Следует отметить, что руководство Белоруссии адекватно оценило как значение железнодорожной сети для экономики страны, так и основные факторы, снижающие эффективность «Белорусской железной дороги». В результате государственной помощи проблеме инвестиций удалось решить если не окончательно, то хотя бы частично. Всего в 2009 г. было поставлено подвижного состава на сумму 144 млрд руб., в том числе: 300 полувагонов на сумму 45,2 млрд руб., 150 вагонов-цистерн на сумму 17,5 млрд руб., 53 пассажирских вагона на сумму 112,5 млрд руб., (в том числе 5 плацкартных и 48 купейных), 4 пассажирских тепловоза ТЭП70БС на сумму 32 млрд руб., 4 дизель-поездов 3-х вагонной составности на сумму 29,4 млрд руб., рельсошлифовальный поезд на сумму 19,9 млрд руб. Для увеличения межремонтного пробега грузовых вагонов до 160 тыс. км всеми ремонтными депо Белоруссии была освоена установка (в рамках ремонта и модернизации) износостойких элементов в узлы трения тележек модели 18–100. На 2010 г. планировалось приобрести 29 – пассажирских вагонов, 1000 – грузовых вагонов, 5 – пассажирских тепловозов. Тем не менее, на ян-

варь 2012 г. БЖД по прежнему была вынуждена использовать 42% вагонов с истекшим сроком эксплуатации [Исследование 2013, с. 41].

Железные дороги Белоруссии в 2010–2020 гг.

Для периода 1991–2000 гг. был характерен, в первую очередь, восстановительный рост, компенсирующий спад, обусловленный посткризисным шоком. Разумеется, разные постсоветские страны преодолели последствия этого шока не одновременно, однако, учитывая важную роль транзитных и экспортно-импортных перевозок, можно сказать, что весь этот период прошёл под знаком восстановительного роста. 2000-е годы можно, по справедливости, назвать временем достаточно стабильного экономического роста практически на всём постсоветском пространстве, прерванном экономическим кризисом 2008–2009 годов. Однако последующие годы уже существенно отличались от предыдущих десятилетий, в первую очередь – геополитическими условиями. Воссоединение Крыма с Россией в 2014 г. ознаменовало вступление мира в эпоху резкого обострения международной турбулентности. Разумеется, у этого процесса было множество аспектов, но нас, в первую очередь, интересует проекция этих событий на сферу железнодорожных сообщений. Украина начала транспортно обособливаться. Изменение валютных курсов привело к росту международных железнодорожных тарифов. Если прежде железнодорожные ведомства большинства постсоветских государств проводили, как правило, схожую, а нередко – и взаимосогласованную – политику, то на новом этапе «каждый пошёл своим путём».

В этой ситуации Белоруссия оказалась в числе скорее выигравших, а не проигравших. Характерно, что существенный прирост перевозочной работы в рассматриваемое десятилетие продемонстрировали, в первую очередь, страны, географически расположенные на транзитной оси евразийского континента Китай – Западная Европа. Таким образом, белорусским железнодорожникам выпал шанс, и они его не упустили. Хотя общая протяжённость железнодорожных путей в Белоруссии за 2009–2019 годы практически не выросла [Рынок 2020, с. 18], были проведены обширные работы по развитию путевого хозяйства. Протяжённость электрифицированных железнодорожных путей возросла за этот период с 898 до 1228 км, что в относительных значениях означало рост доли электрифицированных «стальных магистралей» с 16 до 22% [Рынок 2020, с. 19]. В частности, были электрифицированы участки Гомель – Жлобин – Осиповичи и Жлобин – Калинковичи. Однако, надо признать, на фоне России и стран Евросоюза уровень электрификации «Белорусской железной дороги» по-прежнему представляется сравнительно низким [Хорошкевич 2018, с. 32].

Синхронно развивалось и станционное хозяйство. Ещё от советских времён в Бресте сохранились мощные приграничные комплексы по обслуживанию вагонов. После 2010 г. эти комплексы были существенно расширены, и ещё один аналогичный комплекс – построен заново на станции Свислочь [Сигачёв 2021, с. 7]. В 2018 начался новый этап расширения инфраструктуры для обработки контейнеров на станции Брест. С учётом того, что в

эти годы международная транспортная система переживала своеобразную «контейнерную революцию» [Вардомский, Тураева, 2018, с. 9], такое внимание именно к проблеме ускоренного транспортно-логистического обслуживания контейнеров не вызывает удивления. В результате площади хранения контейнеров выросли вдвое, а скорость перегрузки контейнеров – в полтора раза¹⁸⁹. За счёт значительных капиталовложений в путевое хозяйство удалось существенно сократить сроки прохождения через территорию Белоруссии контейнерных поездов. В среднем маршрутная скорость контейнерных поездов по инфраструктуре «Белорусской железной дороги» от ст. Осиновка до ст. Брест составляет 1164 км/сутки, что позволяет обеспечить прохождение состава менее чем за 12 часов [Рынок 2020, с. 13]. Надо отметить, что итоги развития за десятилетие позволяют отнести БЖД к числу наиболее динамично развивающихся железнодорожных систем постсоветского пространства (Таблица 3).

Таблица 3

Работа важнейших железнодорожных систем постсоветского пространства в 2010-е годы [Сигачёв 2021, с. 7].

Страна	Показатель	2010	2015	2019	2019 к 2010, %
Россия	Объём перевозок (млн т)	1341	1327	1405	105%
	Грузооборот (млрд тонно-км)	2011	2305	2602	129%
Казахстан	Объём перевозок (млн т)	268	252	284	106%
	Грузооборот (млрд тонно-км)	213	190	224	105%
Украина	Объём перевозок (млн т)	433	350	313	72%
	Грузооборот (млрд тонно-км)	218	195	182	83%
Белоруссия	Объём перевозок (млн т)	140	131	146	104%
	Грузооборот (млрд тонно-км)	46	41	48	104%

Очевидно, что в 2010-е годы темпы роста перевозочной работы Белорусской железной дороги, в целом, соответствовали аналогичным показателям железнодорожной сети Казахстана, а по темпам прироста объёма перевозок – мало отличались и от российского уровня.

В значительной степени, как уже отмечалось выше, рост объяснялся именно вовлечённостью БЖД в процесс формирования евразийского транзитного коридора Китай – Европа «Ляньюнган – Роттердам» [Вардомский, Тураева 2018, с. 39], практически безальтернативно¹⁹⁰ проходивший через территорию Белоруссии. Первоначально рассматривались (хотя, надо отметить, преимущественно в отвлечённо-академическом стиле) варианты альтернативных маршрутов через Украину, но после 2014 г. такая возможность вообще не принимается во внимание.

¹⁸⁹ Белорусская железная дорога завершила модернизацию контейнерного терминала станции Брест-Северный // Сайт Белорусской железной дороги. 11 сентября 2019 г. [Электронный ресурс] URL: https://www.rw.by/corporate/press_center/news_of_cargo_carriers/2019/09/beloruskaya-zheleznaya-doroga-zavershila-modernizatsiyu-konteynernogo-terminala-stantsii-brest-seve/ (дата обращения 14 марта 2023).

¹⁹⁰ Собственно говоря, транзитный коридор, как таковой, представляет собой целый ряд альтернативных маршрутов, от Транссиба до Южного морского пути (через Суэцкий канал). Однако практически все наиболее приоритетные и уже активно эксплуатирующиеся маршруты: Транссиб, Северная Трансазиатская железнодорожная магистраль (ТАЖМ), Центральная ТАЖМ и Чунцин – Дуйсбург, – проходят именно через территорию Белоруссии.

Надо отметить, что в данном случае речь шла не столько о создании нового транспортного продукта, сколько о восстановлении заброшенного проекта на новом этапе и в новых условиях. Ещё на заключительном этапе существования СССР начались постоянные контейнерные перевозки по Транссибу между Азиатско-Тихоокеанскими регионом (на тот момент преваляровали грузы из Японии и Южной Кореи) и Европой. Пик таких перевозок (110 тыс. контейнеров в 20-футовом эквиваленте) был достигнут в 1983 году [Lilioroulou и др. 2005, pp. 45–56]. Однако внедрение в эксплуатацию более вместительных и более скоростных судов-контейнеровозов, распад СССР и обусловленная этим неразбериха на постсоветских железных дорогах привели к угасанию интереса японских контрагентов к этому маршруту, в результате чего к 2001 г. контейнерные транзитные перевозки по Транссибу сократились до 2% от уровня 1983 года [Tsuji 2014, p. 13]. Поэтому для возобновления масштабных трансконтинентальных транзитных контейнерных перевозок требовалось предпринять значительные организационные усилия.

Для обеспечения наиболее эффективной эксплуатации этого транзитного коридора три ведущих страны ЕАЭС – Россия, Казахстан и Белоруссия – создали «Объединённую транспортно-логистическую компанию» (ОТЛК), которая уже в 2014 г. приступила к формированию поездов, сопровождению и доставке грузов – то есть взяла на себя полный цикл работ оператора контейнерных поездов. Если в 2015 г. ОТЛК обеспечила доставку 47 тыс. FEU¹⁹¹, то в 2020 г. ОТЛК отчиталась уже о 547 тыс. FEU, доставленных заказчикам. Практически сразу железнодорожный транзит на данном маршруте вступил в конкуренцию с морскими перевозками. Хотя «стальные магистрали», безусловно, выигрывали в скорости доставки (10–15 суток против 50–60 суток морем), но морской фрахт был в 2–3 раза дешевле. В результате для перевозок ОТЛК были характерны более дорогостоящие грузы, для которых скорость доставки была более приоритетна: медицинские препараты и оборудование, электроника, бытовые приборы и изделия. Однако в период пандемии коронавируса цена морского фрахта резко выросла, в результате чего стоимость перевозки контейнера по морю и по железным дорогам начали стремительно сближаться¹⁹². Это привело к резкому росту контейнерооборота через пограничные станции Белоруссии. Если в 2015 г. через пограничные станции Белоруссии транзитом проследовало 47 тыс. FEU, то в 2016 – уже 101, в 2017–147, в 2018–280, в 2019 – уже 334, а в 2020–547 тыс. FEU [Сигачёв 2021, с.12]. Таким образом, с 2015 по 2020 г. транзитный контейнерооборот Белоруссии вырос почти в 5,5 раз. Примечательно, что в 2019 г. 67,1% от всего железнодорожного транзита «Белорусской железной дороги» пришлось на перевозки по маршруту Китай – ЕС – Китай, то есть главным мотором резкого роста транзита через территорию Белоруссии, очевидно, стала именно вовлечённость в евразийский транспортный коридор [Рынок 2020, с. 13].

¹⁹¹ Условная единица, равная объёму стандартного 40-футового контейнера.

¹⁹² Впервые в истории цена морского фрахта превысила стоимость перевозки по железной дороге [Электронный ресурс] // Российский таможенный портал. 29 апреля 2021 г. URL: <https://www.tks.ru/logistics/2021/04/29/0001/print> (дата обращения 14 марта 2023).

Следует также упомянуть, что с середины 2010-х годов дополнительным стимулом развития железнодорожных транзитных контейнерных перевозок стала электронная торговля и в первую очередь – коммерческая деятельность группы «Алибаба», направляющая товары китайских производителей потребителям в Европе и странах постсоветского пространства по почте. Хотя первоначально основная масса отправок «Алибабы» направлялась авиатранспортом, по мере роста скорости железнодорожных составов всё большая часть таких отправок приходится на контейнерные поезда [Вардомский, Тураева 2018, с. 41].

Несколько огрубляя, можно сказать, что к началу 2020-х годов железные дороги Белоруссии приняли преимущественно экспортно-импортный характер, то есть трансграничные перевозки явно преобладали над внутригосударственными. 79% грузов белорусских железных дорог относились к международным (с поставкой за пределы страны), из них 33% – транзитными [Транспорт 2018, с. 41–42]. Всего в грузообороте Белоруссии на железнодорожный транспорт приходилось 37%, а без учёта трубопроводного транспорта – целых 63% [Рынок 2020, с. 6].

В то же время, нельзя не учитывать, что поступательное развитие белорусских железных дорог, в определённой степени, было обусловлено очень тесным взаимодействием с транспортной системой РЖД. И Белоруссия, и Россия исторически относились к «пространству 1550», что избавляло от необходимости решения проблемы разной ширины колеи на трансграничных переходах. С 1999 г. РФ и Белоруссия создали Союзное государство, что позволило отказаться от внутренних таможенных и пограничных разделителей. В конце 2010-х годов руководством РЖД и «Белорусской железной дороги» был достигнут существенный прогресс в создании системы безбумажного документооборота, существенно упростившего и ускорившего оформление грузов при трансграничных перевозках¹⁹³. С начала 2020-х годов сотрудничество железнодорожных сетей России и Белоруссии вышло на новый, ещё более высокий этап. Массовые экспортные белорусские грузы (в первую очередь – нефтепродукты) вывозившиеся ранее через гавани прибалтийских стран (в основном – через литовскую Клайпеду), были переориентированы на российские порты на Балтике¹⁹⁴. Это имело очень большое значение для «Белорусской железной дороги», так как именно нефтепродукты составляют основной экспортный товар, перевозимый этой железнодорожной сетью [Межевич 2016, с. 29].

С 30 апреля 2021 г. между столицами России и Белоруссии началось курсирование экспресса «Ласточка», следующего с повышенной скоростью (160 км/ч по России и 140 км/ч по Белоруссии). Так как такой экспресс проходит расстояние между Москвой и Минском всего за 7 часов¹⁹⁵, такая услуга быстро стала очень востребованной и популярной среди пользовате-

¹⁹³ Взаимодействие ОАО «РЖД» с железнодорожными администрациями стран Содружества [Электронный ресурс] // Евразия вести. URL: <http://eav.ru/publ1.php?publid=2019-10a01> (дата обращения 15 марта 2023).

¹⁹⁴ Белоруссия переориентирует поставки топлива с балтийских портов на российские [Электронный ресурс] // Ведомости. 10.03.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2021/03/10/860808-belorussiya-pereorientiruet> (дата обращения 15 марта 2023).

¹⁹⁵ Обычный поезд преодолевает это расстояние за 9 часов.

лей¹⁹⁶. С учётом времени на дополнительные услуги (трансфер в аэропорт и обратно, регистрация, получение багажа и т. п.) – этот экспресс вполне может конкурировать с авиарейсом по тому же направлению. На железных дорогах началось осуществление и совместных социально-культурных проектов. Скажем, в рамках цикла мероприятий, посвящённых 80-летию начала Великой Отечественной войны по станциям «Белорусской железной дороги» курсировал созданный в России уникальный передвижной музей «Поезд Победы»¹⁹⁷.

С организационной точки зрения этот период характеризовался укрупнением структурных единиц. Так, в 2010 г. 12 республиканских унитарных предприятий, входивших в структуру «Белорусской железной дороги», были преобразованы в открытое акционерное общество. Одновременно железнодорожное ведомство избавлялось от предприятий социальной сферы: 6 учебно-воспитательных учреждений были переданы в коммунальную собственность, а медицинские организации – в сферу здравоохранения [Рынок 2020, с. 41]. Кроме того, следует отметить, что определённую роль в интенсификации перевозочной работы по Белорусской железной дороге сыграли и новации именно организационного плана. В частности, в последние годы в Белоруссии уделялось большое внимание мерам, направленным на внедрение новейших информационных технологий, в том числе – и в железнодорожной отрасли. Скажем, в деятельность БЖД внедрялись методики, основанные на применении юридически значимых электронных документов, средств электронной цифровой подписи, криптографической канальной защиты и тому подобных технологий. Одним из важнейших достижений БЖД на этом этапе стало создание специализированной автоматизированной системы «Электронная перевозка», в функции которой входят организация и сопровождение грузовых железнодорожных перевозок именно на основе юридически значимых электронных перевозочных, грузосопроводительных и иных технологических документов, подписанных электронной цифровой подписью [О выявлении 2019, с. 13].

В целом можно признать, что Белорусская железная дорога сумела эффективно использовать задел, доставшийся ей с советских времён, и в целом справилась с трудностями становления железнодорожной сети независимого государства. Хотя собственно железнодорожный полигон БЖД за постсоветский период существенно не расширился, следует отметить, что в плане качественного развития железнодорожной отрасли было сделано очень многое. Разумеется, электрификация отдельных участков, внедрение железобетонных шпал и «бархатного» пути сыграли свою положительную роль, однако, безусловно, ведущим мотором роста перевозочной работы стало развитие складского хозяйства, внедрение новых информационных технологий и активное встраивание в структуру трансконтинентального транспортного коридора Китай – Европа. Таким образом, используя базис,

¹⁹⁶ Между Москвой и Минском запущена "Ласточка" [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2021/05/03/mezhd-moskvoj-i-minskom-zapushchena-lastochka.html> (дата обращения 15 марта 2023).

¹⁹⁷ Передвижной музей "Поезд Победы" будет курсировать по Беларуси [Электронный ресурс] // Белрос. URL: <https://belros.tv/news/obschestvo/peredvizhnoy-muzey-poezd-pobedy-budet-kursirovat-po-belarusi/> (дата обращения 15 марта 2023).

оставшийся в наследство от СССР, белорусские железнодорожники сумели существенно увеличить перевозочную работу за счёт различных методов интенсификации. Важно отметить, что основные пути решения встающих перед ними проблем белорусские железнодорожники искали и находили на путях интеграции и сотрудничества с железнодорожными ведомствами стран-участников СНГ.

ЛИТЕРАТУРА

Вардомский, Тураева 2018 – *Вардомский Л.Б., Тураева М.О.* Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. – М.: Институт экономики РАН, 2018.

Винокуров и др., 2009 – *Винокуров Е.Ю., Джадралиев М.А., Щербанин Ю.А.* Международные транспортные коридоры ЕвразЭС: быстрее, дешевле, больше // ЕАБР. Отраслевой обзор. Март, 2009.

Дергачёв 2005 – *Дергачев В.А.* Международные экономические отношения: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

Железная дорога 2001 – Железная дорога Беларуси: история и современность. – Мн.: ОДО «Триолета», 2001.

Железнодорожный транспорт 2003 – Железнодорожный транспорт СССР. 1971–1991. – М.: Б.и., 2003.

Исследование 2013 – Исследование транспортной и логистической системы Республики Беларусь. New York and Geneva. Б.И. 2013.

История 2012 – История железнодорожного транспорта России XIX–XXI вв. – М.: Издательский дом Мещерякова, 2012.

Межевич 2016 – *Межевич Н.М.* Взаимодействие в транспортно-логистической сфере. // Российская Федерация и Республика Беларусь перед общими вызовами: российский взгляд. – М.: ГАУГН-ПРЕСС, 2016.

О выявлении 2019 – О выявлении недостатков, связанных с организацией движения поездов, в части согласования перевозок и оформления перевозок грузов, в том числе с применением безбумажных технологий. Аналитический доклад Евразийской экономической комиссии. – М.: Б.и., 2019.

Пивовар и др. 2021 – *Пивовар Е.И., Гуцин А.В., Левченко А.С., Ханова И.Е.* Содружество Независимых Государств. К тридцатилетию со дня образования. // Исторические записки. 2021. № 20 (138). С. 274–321.

Рынок 2020 – Рынок грузовых железнодорожных перевозок стран Пространства 1520. – М.: ИПЕМ, 2020.

Сигачёв 2021 – *Сигачёв С.Г.* Пространство 1520-мм. Модернизация РЖД и развитие взаимных связей с белорусской железной дорогой. Сонар-2050. 17 июня 2021 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/Доклады/Сигачев/1520.pdf> (дата обращения 13.03.2023).

Транспорт 2018 – Транспорт и связь в Республике Беларусь. – Минск: Белстат, 2018.

Хорошкевич 2018 – *Хорошкевич А.А.* Направления развития инфраструктуры железнодорожного транспорта на основе анализа мировых тенденций. // Новости науки и технологий. 2018. № 2(45).

Чижков 2015 – *Чижков Ю.В.* Международные транспортные коридоры – коммуникационный каркас экономики // Транспорт Российской Федерации. 2015. № 5 (60).

Щербанин 2006 – *Щербанин Ю.А.* Транспортные коридоры: еще модно? // Транспорт Российской Федерации. 2006. № 5.

Liliopoulou и др. 2005 – *Liliopoulou A., Roe M., Pasuktvičiute I.* TransSiberian Railway: from inception to transition// European Transport / Trasporti Europei. ISTIEE. Trieste. 2005. No. 9. [Электронный ресурс] URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.522.2406&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения 19.03.2023).

Tsuji 2014 – *Tsuji H.* Japan and the ROK's Involvement in international Container Transportation Using the Trans-Siberian Railway. The Economic Research Institute for Northeast Asia, 2014. [Электронный ресурс] URL: <https://www.erina.or.jp/en/wp-content/uploads/2014/11/02030e.pdf> (дата обращения 19.03.2023).

REFERENCES

Chizhkov, Yu.V. (2015), “International transport corridors – the communication framework of the economy”, *Transport of the Russian Federation*, No. 5 (60).

Dergachev, V.A. (2005), *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya: Uchebnik dlya vuzov* [International Economic Relations: A Textbook for High Schools], UNITI-DANA, Moscow, Russia.

Issledovanie transportnoj i logisticheskoy sistemy Respubliki Belarus' (2013), [Study of the transport and logistics system of the Republic of Belarus], New York and Geneva.

Istoriya zheleznodorozhnogo transporta Rossii XIX–XXI vv. (2012), [Study of the transport and logistics system of the Republic of Belarus], Meshcheryakov Publishing House, Moscow, Russia.

Khoroshkevich, A.A. (2018), “Directions for the development of the railway transport infrastructure based on the analysis of global trends”, *News of science and technology*, no. 2 (45).

Liliopoulou, A., Roe, M. and Pasuktvičiute, I. (2005), “TransSiberian Railway: from inception to transition// European Transport / Trasporti Europei”. ISTIEE. Trieste, no. 9. available at: URL: <https://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.522.2406&rep=rep1&type=pdf> (Accessed 19.03.2023).

Mezhevich, N.M. (2016), “Vzaimodejstvie v transportno-logisticheskoy sfere” [Interaction in the transport and logistics sector], *Rossijskaya federaciya i Respublika Belarus' pered obshchimi vyzovami: rossijskij vzglyad* [The Russian Federation and the Republic of Belarus Face Common Challenges: The Russian Perspective], GAUGN-PRESS, Moscow, Russia.

O vyvavlenii nedostatkov, svyazannyh s organizaciej dvizheniya poezdov, v chasti soglasovaniya perevozok i oformleniya perevozok gruzov, v tom chisle s primeneniem bezbumazhnyh tekhnologij. Analiticheskij doklad Evrazijskoj ekonomicheskoy komissii. (2019), [On the identification of shortcomings associated with the organization of train traffic, in terms of coordinating transportation and registration of cargo transportation, including the use of paperless technologies. Analytical report of the Eurasian Economic Commission], Moscow, Russia.

Pivovarov, E.I., Gushchin, A.V., Levchenkov, A.S. and Khanova, I.E. (2021), “Commonwealth of Independent States. To the thirtieth anniversary of its formation”, *Istoricheskie zapiski*, no. 20 (138), Moscow, Russia.

Rynek towarowy zlozonozdroznych towarow krajow Prostranstwa 1520 (2020), [Rail Freight Market of 1520 Space Countries], IPEM, Moscow, Russia.

Shcherbanin, Yu.A. (2006), “Transport corridors: still fashionable?”, *Transport of the Russian Federation*, no. 5.

Sigachev, S.G. (2021), Space 1520 mm. Modernization of Russian Railways and development of mutual relations with the Belarusian railway. Sonar-2050. June 17, 2021 available at URL: <https://www.sonar2050.org/storage/files/Доклады/Сигачев/1520.pdf> (Accessed 13.03.2023).

Transport i svyaz' v Respublike Belarus' (2018), [Transport and communications in the Republic of Belarus], Belstat, Minsk, Belarus.

Tsuji, H. (2014), Japan and the ROK's Involvement in international Container Transportation Using the Trans-Siberian Railway. The Economic Research Institute for Northeast Asia. Available at: URL: <https://www.erna.or.jp/en/wp-content/uploads/2014/11/02030e.pdf> (Accessed 19.03.2023).

Vardomsky, L.B. and Turaeva, M.O. (2018), *Razvitie transportnyh koridorov postsovetskogo prostranstva v usloviyah sovremennyh geopoliticheskikh i ekonomicheskikh vyzovov* [Development of transport corridors of the post-Soviet space in the context of modern geopolitical and economic challenges], Institute of Economics RAS, Moscow, Russia.

Vinokurov, E.Yu., Dzhadraliev, M.A. and Shcherbanin, Yu.A. (2009), "International transport corridors of the EurAsEC: faster, cheaper, more", *EDB. Industry overview*.

Zheleznaya doroga Belarusi: istoriya i sovremennost' (2001), [Railway of Belarus: history and modernity], ALC "Trioleta", Minsk, Belarus.

Zheleznodorozhnyj transport SSSR. 1971–1991 (2003) [Railway transport of the USSR. 1971–1991], Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Юрьевич Мухин, доктор исторических наук, Институт Российской истории, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; mukhin@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yu. Mukhin, Doctor of Historical Sciences, Institute of Russian History, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; GSP-3, 125993, Russia, Moscow, Miusskaya sq., 6; mukhin@mail.ru.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-211-232

«Слышен на Волге голос Янцзы»: прошлое, настоящее и будущее казанского Восточного разряда¹⁹⁸

Дмитрий Е. Мартынов
Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Россия, dmitrymartynov80@mail.ru
ORCID 0000-0001-5385-1915

Аннотация. В статье анализируется двухвековая история Восточного разряда Казанского университета. Казань неизменно рассматривалась властями Российской империи как северный форпост тюрко-мусульманского (и шире – восточного вообще) мира, который надлежало включить в единое культурно-образовательное пространство и подвергнуть научному изучению. Попытки осуществления ориентальных штудий предпринимались в Первой казанской гимназии с 1769 г. Университетский устав 1804 г. предусматривал наличие в структуре Казанского императорского университета кафедры восточной словесности. Создание специализированной структуры, предназначенной для развития востоковедения и подготовки специалистов со знанием восточных языков, а также восточной культуры, связано с деятельностью попечителя Казанского учебного округа М.Н. Мусина-Пушкина. Именно Казань в 1830–1840-е гг. сделалась центром уникальных исследований в области монголоведения и китаеведения, заложив ряд присущих российскому университетскому востоковедению базовых методологических принципов. После переноса Восточного разряда в Санкт-Петербургский университет (1855 г.) попытки восстановления преподавания тюркских и арабского языка предпринимались на всем временном протяжении XIX и XX вв. Лишь в 2000 г. в университетской структуре появился Институт востоковедения. В 2023 г. историческое название «Восточный разряд» было присвоено Высшей школе востоковедения, существующей в Институте международных отношений Казанского федерального университета.

Ключевые слова: Россия, востоковедение, Казанский университет, высшее образование, синология, монголоведение.

Для цитирования: Мартынов Д.Е. «Слышен на Волге голос Янцзы»: прошлое, настоящее и будущее казанского Восточного разряда // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 213–234. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-211-232.

¹⁹⁸ Материалы статьи выставлялись на сайте «Википедия, свободная энциклопедия» в рамках конкурса «Мир университетов» (2022 г.), проводимого некоммерческим партнёрством «Викимедиа РУ» и Институтом экономики и управления в промышленности (ИЭУП). Председатель оргкомитета А.В. Рябинин (омбудсмен по авторскому и патентному праву, интеллектуальной собственности при Уполномоченном по защите прав предпринимателей в России). Выводы проходили апробацию на международном круглом столе «Особенности подготовки востоковедов и регионоведов» (г. Москва, РУДН, 18–19 апреля 2023).

“The voice of the Yangtze is heard on the Volga”: the past, present and future of the Department of Oriental Studies in Kazan

Dmitry E. Martynov

Kazan (Volga Region) Federal University
Kazan, Russia, dmitrymartynov80@mail.ru

Abstract. *In this article analyzes the two-century history of the “Vostochnuiy Razryad” (Department of Oriental Studies) of Kazan University. Kazan was invariably considered by the authorities of the Russian Empire as the northern outpost of the Turkic-Muslim (and, more broadly, of the Oriental in general) world, which was to be included in a cultural and educational space and subjected to scientific study. Attempts to promote the Oriental studies were made at the First Kazan Gymnasium from 1769. The University Chart of 1804 provided for the presence the Department of Oriental Languages in the structure of the Kazan Emperor University. The creation of a specialized structure intended for the development of Oriental studies and the training of specialists with knowledge of oriental languages, as well as oriental culture, is associated with the activities of the trustee of the Kazan educational district M.N. Musin-Pushkin. Kazan in the 1830s–1840s became the center of unique research in the field of Mongolian and Chinese studies, laying down a number of basic methodological principles inherent in Russian university oriental studies. After the transfer of the “Vostochnuiy Razryad” to St. Petersburg University (1855), attempts to restore the teaching of the Turkic and Arabic languages in Kazan were made throughout the 19th and 20th centuries. Only in 2000, the Institute of Oriental Studies was created in the Kazan university structure. In 2023, the historical name “Vostochnuiy Razryad” was assigned to the Higher School of Oriental Studies, which exists at the Institute of International Relations of Kazan (Volga region) Federal University.*

Keywords: *Russia, Oriental studies, Kazan university, Higher education, Chinese studies, Mongolian studies.*

For citation: *Martynov, D.E. (2023), “The voice of the Yangtze is heard on the Volga”: the past, present and future of the Department of Oriental Studies in Kazan”, Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 213–234. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-211-232.*

Контекст: предыстория казанского востоковедения

История казанского востоковедения неотделима от истории развития науки и высшего образования в России. Первые известные указы Петра I, касающиеся организации переводческой службе для нужд ведомства иностранных дел, напрямую касаются Поволжского региона: между 1697–1700 гг. в связи с осмыслением результатов Азовских походов и «Великого посольства» в Европу, и укрепления южных рубежей державы, были выпущены несколько распоряжений относительно толмачей и «калмыцких писем переводчиков» приказной палаты в Астрахани, а также составления картографического и связанного с ним этнографического обозрения коренных народов Сибири¹⁹⁹. Имеющиеся данные позволяют судить, что в начале

¹⁹⁹ Всеохватная подборка материалов архивных фондов России приведена в монографии [Куликова 1994, с. 12–14].

XVIII в. царь предполагал сохранение сложившейся практики использования на государственной службе представителей коренных народов – носителей редких языков. В этом русле находилось «повеление» патриарху Московскому и всея Руси Адриану (данное не позднее 1700 г.) о направлении «татар, мордвы и черемисы» в школы Киева. По-видимому, опыт оказался настолько негативным, что пути развития востоковедческого образования в России пошли совершенно иным путем.

Подчеркнем, что петровский список языков и культур включал не только традиционные для богословской традиции того времени живые и мертвые семитские языки (включая древнееврейский и сирийский), но и китайский, монгольский и японский. С 1715 г. более или менее регулярной сделалась практика обучения языкам при действующих посольствах и консульствах в Османской империи, Иране и при Русской православной духовной миссии в Пекине. Советником по данным вопросам, несомненно, являлся Д.К. Кантемир, сам воспитанный при османском дворе, и являющийся знатоком арабского, персидского и турецкого языков.

В 1730-е гг. и позднее стало очевидно распространение образовательных инициатив, включающих восточный компонент, за пределы Москвы и Петербурга. Исходя из практических соображений, первостепенное внимание еще с петровских времен уделялось изучению калмыцкого языка, относящегося к западномонгольской группе. Это было связано со сложными политическими и этническими процессами в Центральной Азии, которые сопровождались великим исходом калмыков в Прикаспий и завершились разрушением Ойратского государства, включённого после 1755 г. в состав Цинской империи. Первая русско-калмыцкая школа открылась в Ставрополе в 1725 г.; татаро-калмыцкая школа существовала в Самаре приблизительно в краткий промежуток 1737–1741 гг. Эта школа была основана по инициативе оренбургского губернатора – выдающегося историка В.Н. Татищева, а преподавал там ученый ахун М. Абрахманов. Программа школы включала научную составляющую: наставник и ученики собирали лингвистический материал, составляли русско-татарско-калмыцкий словарь и переводили восточные сочинения. Говоря современным языком, господствовал проектный подход, в котором научная деятельность была неотделима от педагогической. Школа военных переводчиков существовала в Астрахани в 1764–1788 гг., в программу её входили четыре «азиатских» языка. Кроме того, с 1763 г. для нужд местных органов власти в Ставрополе, Оренбурге и Иркутске периодически начинали и возобновляли обучение татарскому, бурятскому, калмыцкому и даже китайскому, монгольскому и маньчжурскому языкам [Куликова 1994, с. 22]. Эта система дала русскому востоковедению как минимум одного выдающегося китаеведа – И.К. Россохина (1707?–1761).

Указом императрицы Елизаветы Петровны в 1758 г. была создана Казанская губернская гимназия²⁰⁰. Её директор М.И. Веревкин в следующем, 1759 г. представил проект открытия класса татарского языка, учитывая этнические и географические особенности региона и наличие в городе арабоязычных библиотек. Ровно через десять лет проекту был дан ход Екатериной

²⁰⁰ Собственно, в указе речь шла о двух гимназиях – для представителей дворянского сословия и разночинцев [Куликова 1994, с. 24].

II, издавшей указ о включении татарского языка в гимназическую программу. Учителем языка был назначен Сагит Хальфин (1732–1785), основатель династии, три поколения которой неустанно работали в средних и высших учебных заведениях Казани. Сагит Хальфин издал в 1778 г. первую «Азбуку татарского языка» и начал составление словаря татарского языка, продолженного его сыном Исхаком [Валеев 2003, с. 6–7]. В 1788 г. гимназия закрылась почти на десять лет (в 1790 г. её объединили с народным училищем), однако к тому времени татарский язык преподавался в Казанском уездном училище; приблизительно с середины 1780-х гг. существовала Свяжская новокрещенская школа, в которой, предположительно, начинал образование будущий выдающийся китаевед мирового уровня Никита Бичурин (в монашестве Иакинф; 1777–1853) [Денисов 2007, с. 17–18].

В 1797 г. указом императора Павла I Казанская гимназия преобразовывалась в первую ступень университета, а её открытие было приурочено к императорскому визиту в Казань в мае 1798 г. Одновременно в фонд гимназической библиотеки было передано оставшееся «без всякого употребления» книжное собрание Г.А. Потёмкина, специально собиравшееся для нужд крупного государственного и военного деятеля [Болотина 2014, с. 389–390]. Татарский язык в гимназии продолжил преподавать Исхак Хальфин, которого в 1800 г. сменил его сын Ибрагим, – представитель третьего поколения преподавателей родного языка в своей семье. В гимназии и университете он проработал до 1829 г., неизменно занимаясь научной работой, находившейся «на стыке» традиционной тюрко-арабской филологии и зарождавшегося на Западе университетского востоковедения [Валеев 2003, с. 8–9].

В дальнейшем в средних учебных заведениях Казанского учебного округа (включавшего, кроме территорий Поволжья, ещё Урал, Сибирь, Ставрополье) неизменно осуществлялось преподавание восточных языков. Класс персидского языка был открыт в 1811 г. в Астраханской губернской гимназии, а с 1835 г. осуществлялось преподавание татарского языка. Курс японского языка был введён в программу Иркутской гимназии с 1816 г. [Валеев 2003, с. 11]. В Кяхте на границе Цинской империи (ныне российский-монгольская граница) по инициативе крупного купечества и таможенного ведомства в 1834 г. было открыто коммерческое училище китайского языка, а с 1839 г. было введено преподавание монгольского языка в Нерчинском училище. Первые два года в Кяхтинском училище преподавал о. Иакинф (Бичурин), завершивший в Забайкалье двухтомную китайскую грамматику и заложивший методические основы преподавания китайского языка в России. Опубликованная им в 1832 г. грамматика китайского языка использовалась в течение шести или семи десятков лет. Программа Кяхтинской школы предусматривала подготовку предпринимателей и коммерческих переводчиков, способных объясняться и владеющих основами книжного языка [Денисов 2007, с. 177–181].

Ибрагим Хальфин в 1825 г. выступил с инициативой создания на базе татарского класса Казанской гимназии трёх «разрядов». Данный проект был реализован в 1836 г. в связи с реорганизацией университета (см. ниже). Были созданы арабо-персидский, монгольский и турецко-татарские разряды, причем в штат гимназии, кроме преподавателей, назначались носители

языка «из иноземцев», классные и комнатные надзиратели также подбирались из лиц, владеющими восточными наречиями [Валеев 2003, с. 15]. Эта система просуществовала около двадцати лет и продемонстрировала действенность связки «среднее – высшее образование», когда уже свободно владеющие языком гимназисты почти сразу могли приступать к научно-исследовательской работе в стенах университета.

Восточный разряд Казанского университета

Устав Императорского Казанского университета 1804 г. предусматривал в структуре словесного отделения должность профессора восточных языков и лектора татарского языка. Кандидатуры подходящих специалистов отбирал лично попечитель учебного округа академик С.Я. Румовский (1734–1812), который начал свою деятельность в драматических обстоятельствах. Ранее назначенный на должность попечителя Казанского учебного округа лифляндский граф А.А. фон Мантейфель (не утвержденный императором Александром I на должность президента Дерптского университета) был чужд интересам своего обширнейшего округа, а среда тогдашнего казанского дворянства не была способна поддержать создание университета. Впрочем, возраст не позволял Румовскому переселиться из Петербурга в Казань, и в своём округе он провел около двух недель в феврале 1805 г., проведя церемонию открытия высшего учебного заведения [Андреев 2009, с. 420–422]. Поскольку не удалось подобрать профессуры, до 1812 г. существовала парадоксальная ситуация: Казанский университет несколько лет существовал на базе гимназии [Корбут 1930, с. 13]. Первоначальный подбор специалистов осуществлялся попечителем в столице, так в Казань попал врач и натуралист К.Ф. Фукс (1776–1846)²⁰¹, очень много сделавший для развития университета [Андреев 2009, с. 423].

В 1806 г. попечитель С.Я. Румовский установил контакты с Ростокским и Гёттингенским университетами²⁰². Видный востоковед О. Тиксен порекомендовал для службы в Казани доктора философии и богословия Христиана Френа [Андреев 2009, с. 424]. Кандидатура Френа была утверждена императорским указом 10 июля 1807 г.: от этой даты ведется отсчет истории казанского востоковедения. С сентября 1807 г. Френ начал занятия по арабскому и персидскому языкам, читая также курсы палеографии и восточной нумизматики. Уже в 1813 г. состоялась защита диссертации на степень кандидата университета, написанная Я.О. Ярцовым. В мае 1816 г. прошла защита его магистерской диссертации – на латинском языке. Ранее, в августе 1805 г., попечителем было поручено приискать пятерых способных молодых людей для обучения татарскому языку. На должности лектора в 1811 г. был утвержден Ибрагим Хальфин, в 1823 г. утверждённым университетским Советом в звании адъюнкта восточной словесности [Валеев 2019, с. 122–125]. Френ подходил к преподаванию как ученый, ежегодно менял рассматриваемых

²⁰¹ В 1823–1827 гг. Карл Фукс занимал должность ректора университета. Явился также начинателем этнографического изучения тюркских и финно-угорских народов Поволжья.

²⁰² Всего попечителем Румовским были приглашены 19 немецких специалистов, 17 из которых сразу получили должность ординарного профессора. Молодых русских ученых назначали адъюнктами [Андреев 2009, с. 426].

его студентами авторов и пытался разнообразить преподавание, насколько это было возможно. Поскольку число учебных пособий было очень невелико, в 1814 году Френ стал издавать учебные тексты самостоятельно [Зяппаров, Валеев 2005, с. 117]. Френ сразу же проявил себя многосторонним специалистом, работы которого полностью соответствовали мировому уровню: именно он оказался у истоков научного изучения Волжской Булгарии и Золотой Орды. Более того, в 1810 и 1815 гг. Х.Д. Френ дважды отвергал предложения вернуться в Ростовский университет и проработал в России до конца жизни [Андреев 2009, с. 449]. Однако далее судьба казанского востоковедения оказалась под угрозой.

Одной из хронических «болезней» Казанского университета на раннем этапе развития был большой отток кадров. К 1813 г. из 19 приглашенных иностранных специалистов уволились шестеро, не считая русских преподавателей. Дважды пришлось искать специалистов для кафедры всеобщей истории [Андреев 2009, с. 426]. Не спасали даже условия трудоустройства, которые рекламировались на страницах «Гёттингенских ученых ведомостей» в 1803 г.: 2000 рублей годовичного жалованья, 4–6 лекционных занятия в неделю, чин коллежского асессора или надворного советника (равного армейскому штаб-офицеру), оплата проездных расходов, пенсия в размере от половины до полного жалованья, в зависимости от выслуги лет. К этому следовало добавить бесплатные дрова и квартиру в здании университета, или квартирные деньги, если профессор предпочитал снимать отдельную жилище [Андреев 2009, с. 435]²⁰³. Поскольку в 1818 г. Френ был переведен в Петербург, где он начал работу по основанию Азиатского музея (будущего Института восточных рукописей РАН), а его лучший ученик Я.О. Ярцов предпочел практическую работу по Азиатскому департаменту МИДа, профессором кафедры восточной словесности был утвержден Ф.И. Эрдман. На долгие годы это был последний иностранный специалист в гуманитарной сфере, работавший в Казани²⁰⁴.

Попечитель М.Л. Магницкий в 1819 г. нанес сильнейший удар по немецкой и русской либеральной профессуре в университете, одновременно уволив девятиерых преподавателей [Андреев 2009, с. 460]. Магницкий поставил вопрос о прекращении преподавания восточной словесности, так как не хватало преподавателей языков, и постоянно ощущался недостаток студентов по восточной кафедре. С другой стороны, именно Магницкий распорядился в декабре 1822 г. ввести преподавание арабского и персидского языков в гимназии. Эту работу безвозмездно осуществлял профессор Эрдман [Шофман, Шапов 1956, с. 421; Валеев 2019, с. 126–127].

Принципиальной особенностью преподавания и изучения восточных языков в Казанском университете в первые два десятилетия его существова-

²⁰³ В число прочих льгот, гарантированных Утвердительными грамотами российских университетов, был беспрошленный провоз имущества на сумму до 3000 руб. и право для иностранных ученых свободно пересекать границу в оба конца (освобождение от платы за паспорт) [Андреев 2009, с. 437].

²⁰⁴ Оценки деятельности Ф. Эрдмана разнятся в историографии. Если специалист по истории университетов А.Ю. Андреев считает ее вполне успешной (ссылаясь на казанскую исследовательницу Е.А. Вишленкову) [Андреев 2009, с. 460], то Т.И. Зяппаров и Р.М. Валеев напоминают, что за 28 лет своей работы в университете (до 1845 г.) Эрдман так и не начал читать лекции на русском языке [Зяппаров, Валеев 2015, с. 117].

ния являлось отсутствие узких специалистов в современном смысле: одни и те же преподаватели и специалисты осуществляли развитие не только арабского, но и персидского и турецкого направлений, равнозначных по объёму. Опасения Магницкого объяснялись и тем, что по образованию Френ и Эрдман являлись протестантскими экзегетами, то есть специалистами по толкованию сложных моментов Библии, для которых арабский язык и основы ислама были дополнением к богословию и гебраистике. Именно в Казани они отошли от богословия и занялись светским научным изучением Ближнего Востока [Зяппаров, Валеев 2015, с. 116].

В декабре 1827 г. попечителем казанского учебного округа был назначен М.Н. Мусин-Пушкин (1795–1862), который немедленно представил в Министерство народного просвещения проект «умножения» кафедр в университете с целью создания «при университете Восточного института, столь полезного для образования молодых людей, могущих быть употреблёнными в постоянных торговых и политических сношениях России с государствами восточными, отправленными путешествовать на Восток для узнания нравов, обычаев, законов и проч. народов, там обитающих и России столь мало известных» [Валеев 2019, с. 127]. Единая кафедра восточной словесности в 1828 г. была разделена на арабо-персидскую и турецко-татарскую [Куликова 1994, с. 42]. Планировалось сформировать два разряда кафедр: «языков славянских и прочих», и восточный (включая монгольский и армянский). Рассмотрение проекта Комитетом устройства учебных заведений длилось до ноября 1829 г. и завершилось официальным заключением, что лучше создать единое востоковедческое заведение в Петербурге, а во всех провинциальных учебных заведениях поддерживать единую, предусмотренную уставом, структуру [Валеев 2019, с. 127].

14 апреля 1833 г. попечитель Мусин-Пушкин направил в Министерство народного просвещения целевую программу развития Восточного разряда. В официальном письме говорилось, что студенты «многие изъявляют желание обучаться восточным языкам, и многие из них с значительным успехом занимаются оными. Но трёхлетнего академического курса при многообразности предметов, в оный входящих, недостаточно для усовершенствования в восточных языках» [Валеев 2019, с. 128].

В новом проекте Мусина-Пушкина студентов-востоковедов предлагалось освободить от изучения греческого языка, а учащихся монгольского отделения – от изучения арабо-персидской и турецко-татарской словесности, и «обучающихся сим последним от изучения монгольского». Также предлагалось обучение восточным языкам разделить на два цикла: трёхлетний вводный, по окончании которого студент сдавал экзамены, после успешного прохождения которых он ещё два года должен был заниматься «теоретическим и практическим изучением того языка, которому он себя посвящает». По истечении двухлетнего срока следовало подвергать обучающихся «новому испытанию, в том или в тех из восточных языков, которыми они особенно занимались». Казённокоштные студенты (современным языком выражаясь, бюджетники) должны были быть направлены после окончания восточного разряда «по распоряжению министерств иностранных или внутренних дел, в те места, где они познаниями своими в восточных языках

полезны быть могут, с обязанностью прослужить в сих местах известное число лет». 11 мая 1833 г. министр народного просвещения граф С.С. Уваров разрешил продлить курс обучения до пяти лет, но остальные пункты не были разрешены до принятия нового устава университета [Валеев 2019, с. 128].

Университетский устав 1835 г. утвердил в программе предметы «восточной словесности» – арабский, персидский, «турецко-татарский» и монгольский языки. По «классу восточной словесности» императорским указом от 19 января 1837 г. увеличивалось до 14 чел. число казённокоштных студентов (8 для изучения арабского, персидского и турецкого языков, и 6 монгольского и китайского), а постановлением Комитета министров от того же числа дозволялось принимать сверх казённых ещё 14 чел. в той же пропорции. На их содержание выделялось 7000 руб. ассигнациями в год, с условием, что они будут должны отслужить в учреждениях Министерства народного просвещения по назначению начальства шесть лет [Корбут 1930, с. 121]. Тем же указом создавался Разряд восточной словесности, который юридически считался первым отделением философского факультета. Для дальнейшего «усовершенствования» попечитель Казанского учебного округа 22 июня 1840 г. утвердил «Правила для выпускников Казанского университета, оставленных при университете для усовершенствования в восточных языках». Согласно данным «Правилам» выпускники университета могли преподавать азиатские языки в Первой Казанской гимназии. Дополнительно министр народного просвещения 26 марта 1843 г. утвердил «Распределение предметов по разряду восточной словесности в императорском Казанском университете» в шести разрядах – арабо-персидском, турецко-татарском, монгольском, китайском, санскритском, армянском. К 1837 г. существовали специализированные кафедры арабо-персидской и турецко-татарской словесности (обе основаны в 1828 году), монгольской (1833) и китайской (1837) словесности, к которым в 1842 г. добавились санскритская и армянская кафедры, а в 1846 г. отдельная кафедра калмыцкой словесности [Корбут 1930, с. 116–117; Валеев 2019, с. 129–131].

После создания первого отделения философского факультета деканом был избран монголовед О.М. Ковалевский (1800–1878), в 1841 г. его сменил Ф.И. Эрдман. После выхода Эрдмана в отставку в 1845 г. деканом был библиотекарь К.К. Фойгт, который в 1852 г. был утверждён ректором Харьковского императорского университета. С 3 декабря 1852 г. деканом вновь был избран О.М. Ковалевский, который с мая 1854 г. временно исполнял обязанности ректора университета [Валеев 2020, с. 19].

25 июня 1833 г. в университете открылась первая в России кафедра монгольского языка, во главе которой были вернувшиеся из длительной экспедиции в Забайкалье, Монголию и Китай О.М. Ковалевский и А.В. Попов [Куликова 1994, с. 42]. 11 мая 1837 г. была основана первая в России кафедра китайской словесности, во главе которой встал архимандрит Даниил (Сивиллов, 1798–1871), много лет проведший в Китае в составе X русской духовной миссии (1820–1830), после его отставки в 1844 г. кафедру возглавил врач той же миссии И.П. Войцеховский (1793–1850), в соответствии с интересами которого кафедра стала специализироваться на маньчжурской

словесности. После его смерти в 1850 г. кафедру возглавил вернувшийся из Пекина выпускник и магистр Казанского университета В.П. Васильев (1818–1900) – будущий академик и декан Факультета восточных языков в Петербурге [Куликова 1994, с. 43; Валеев 2019, с. 131–132]. Из состава монгольской кафедры в 1846 г. была выделена калмыцкая кафедра, замещаемая А.В. Поповым, но она так и не получила развития. Проектировалась кафедра тибетского языка (десятилетняя стажировка в Китае В.П. Васильева была устроена именно для её открытия), но в результате это начинание не удалось осуществить даже в Петербурге²⁰⁵.

Организация учебного процесса выглядела на Восточном разряде следующим образом: профессор, который был единственным специалистом высшей квалификации на каждой языковой кафедре, обычно был слишком занят научной и административной деятельностью, чтобы обеспечивать повседневный учебный процесс. Для этого были предусмотрены штатные единицы лекторов, адъюнктов и преподавателей. Так, в университете и в гимназии занятия языковой практикой по китайскому языку и литературе проводили А. И. Сосницкий (1792–1843) и С.И. Рушко. В.П. Васильев привез с собой из Китая дунганина И. Абдекаримова, который с 1853 г. официально числился надзирателем Первой Казанской гимназии. По поводу кандидатуры Абдекаримова профессор китайского языка В. Васильев писал: «вообще случай приобрести практические познания в китайском языке от природного китайца есть едва ли не единственный в Европе» [Валеев 2003, с. 41]. В дальнейшем он преподавал в Санкт-Петербурге до самой кончины в 1865 г. В гимназии работал и уроженец Пензы И.А. Ладухин (1823–1857). Удостоенный степени кандидата китайской словесности, он получил звание старшего учителя, далее был переведён в Санкт-Петербург помощником университетского библиотекаря, а в 1854 г. был отправлен в Пекинскую миссию, где и завершился его жизненный путь [Валеев 2003, с. 41–42; Сергеев 2020, с. 21–22].

По правилам, утверждённым в 1840 году попечителем М. Мусиным-Пушкиным, студенты-востоковеды, также выпускники со степенью кандидата, оставленные для усовершенствования своей квалификации при университете, обязывались посещать занятия профессоров и адъюнктов, упражняться в разговорной речи, ежемесячно представлять письменные работы, состоящие из извлечений «важнейших произведений восточной литературы», из «изъяснений труднейших писателей, рассматривая их в историческом, географическом, литературном и критико-филологическом отношении», переводов «лучших мест из восточных авторов» на русский язык. Нагрузка была велика: студенты арабо-персидского разряда могли по выбору изучать турецкий язык и один из трёх европейских (французский, немецкий, английский). Для студентов турецко-татарского разряда обязательным был арабский язык, и один из европейских; студенты-монголоведа могли выбирать санскрит или татарский и один из европейских языков. Китаисты в обязательном порядке изучали монгольский язык и один из европейских. Изучавшие армянский язык могли выбирать турецкий или татарский в ка-

²⁰⁵ Лишь в 1998 г. на Восточном ф-те Санкт-Петербургского гос. ун-та была создана кафедра монголоведения и тибетологии.

честве дополнительного и в обязательном порядке греческий, латинский и немецкий. Для студентов с первого по четвёртый курс читался большой круг предметов, связанных с историей и литературой Востока: «Политическая история персидского государства» (I курс), «История арабской словесности» (II курс), «История древних турецко-татарских народных племён» (II курс), «История монголов» (II курс), «Политическая история китайского государства» (II курс), «История персидской словесности» (III курс), «Политическая история Османского государства» (II курс), «История китайского государства» (III курс), «История индийских древностей» (III курс), «История армянского народа» (III курс), «Азиатская нумизматика» (IV курс разряда арабско-персидской словесности), «История османской словесности» (IV курс), «История монгольской словесности» (IV курс), «История китайской словесности» (IV курс), «История санскритской литературы» (IV курс) и «История армянской словесности» (IV курс). Для всех разрядов на первом курсе читались поточные лекции по древней истории, общий курс литературы (на все четыре года обучения), средневековой и новой истории (II курс), история России (III курс), «История философских систем» (IV курс) [Валеев 2003, с. 42–43].

Обучение велось по программам и учебным пособиям, составленным и изданным самими учёными Казанского университета. Профессор О.М. Ковалевский преподавал по собственной краткой монгольской грамматике и работам академика Я.И. Шмидта. Впоследствии он издал «Монгольскую хрестоматию» и читал историю Монголии по рукописи своего неопубликованного сводного труда, основанного на первоисточниках²⁰⁶. А.В. Попов преподавал сравнительную грамматику татарского и монгольского языков по собственной хрестоматии. Архимандрит Даниил излагал китайскую грамматику по собственным конспектам и переводам, тогда как практический курс китайского языка Александр Сосницкий вёл по специально составленному рукописному сборнику [Кобзев 2016]. Теорию китайской грамматики после 1844 г. читал профессор Войцеховский, который практиковал переводы с русского на китайский язык и обучал каллиграфии. Он же вёл курсы политической истории Китая и истории китайской литературы [Шофман, Шапов 1956, с. 443–446].

Система обучения предусматривала длительные научные командировки в страну изучаемого языка для будущих преподавателей университета. Так, перед открытием кафедры монгольской словесности в 1828–1833 гг. была совершена экспедиция О.М. Ковалевского и А.В. Попова в Восточную Сибирь, Забайкалье и Монголию, в ходе которой Ковалевскому удалось семь месяцев провести в Пекине. В.П. Васильев, уже защитив магистерскую диссертацию, на десять лет был командирован в Пекин в составе XII духовной миссии (1840–1850). Ещё во время своего научного путешествия О.М. Ковалевский способствовал открытию русско-монгольской войсковой школы; в 1835 г. четверо лучших её выпускников, включая Доржи Банзарова, были зачислены в Казанскую гимназию. В качестве надзирателя и носителя монгольского языка там же был оставлен и их наставник – лама Галсан Ники-

²⁰⁶ Подготовка его к печати ведется в настоящее время.

туев, который много занимался также с В.П. Васильевым и помогал ему в работе с буддийскими текстами. Однако обучение «инородцев» в русских учебных заведениях так и осталось единичными случаями для николаевской России. Двое бурятских мальчиков умерли, один был исключён из гимназии, и лишь Банзаров успешно окончил гимназический и университетский курс. В 1841 г. было одобрено награждение и увольнение Никитуева для возвращения в родные места, а на его место был взят лама Галсан Гомбоев. Также в университет поступил крещёный бурят А.А. Бобровников; именно в Казани началась дружба и сотрудничество трёх уроженцев Бурятии [Валеев 2020, с. 50–70].

Успешная учебно-научная работа была невозможна без соответствующего информационного фундамента. Библиотека Казанского университета в 1851 году насчитывала около 50 000 томов на 35 языках, в том числе на 18 азиатских языках. Восточный раздел пополняли сами преподаватели во время экспедиций, а также корреспонденты, проживающие в восточных странах. О.М. Ковалевский привёз из своей экспедиции 189 названий монгольских и тибетских трактатов в 2433 книгах, 48 из которых – рукописи. Дополнительным образовательным ресурсом были минц-кабинет и кабинет редкостей, коллекции которых вошли в фонды современного Этнографического музея Казанского университета. Благодаря собирательской деятельности ректора К. Фукса, профессоров Х. Френа, Ф. Эрдмана, А. Казем-Бека, О. Ковалевского и И. Березина, минц-кабинет располагал обширным собранием восточных монет. Кабинет редкостей курировал профессор О.М. Ковалевский, хотя основан он был ещё в 1820-е годы после возвращения профессора И.М. Симонова из экспедиции Беллинсгаузена в Антарктиду. Собрание Симонова включало небольшую коллекцию оружия народов Океании и некоторые другие предметы. Сам О.М. Ковалевский пожертвовал университету привезённую им тибетскую аптеку, собрание буддийских вотивных предметов, маньчжурских, монгольских и китайских костюмов, буддийских культовых облачений, монголо-бурятской религиозной живописи, и так далее. В.П. Васильев переслал в 1842 году из Китая образцы китайских лаковых изделий, семь сортов китайского шёлка, чай и семена различных растений. Х. Френ в том же году передал мумию младенца из Египта; предметы, извлечённые на египетских раскопках, поступали также в 1846 и 1848 гг. [Шофман, Шаповалов 1956, с. 440–442; Мазитова 1972, с. 55].

До создания Восточного разряда научная деятельность в области востоковедения велась в Казани более или менее бессистемно. Х. Френ и Ф. Эрдман были европейски образованными учёными, которые стремились продолжать привитые им в Германии направления, тесно связанные с традиционными антикварными²⁰⁷ практиками. Именно поэтому оба немецких ученых придавали огромное значение восточной нумизматике [Валеев 2003, с. 150–151]. Соответственно, монголо-китайские штудии, основанные на солидной письменной источниковедческой базе, сделались существенным фактором развития казанского востоковедения. О.М. Ковалевский до-

²⁰⁷ Правильнее, «антикварианскими», так как именно в первой половине XIX в. происходило активное выделение из дилетантских и полиматских практик изучения материальных и письменных памятников древности специальных исторических дисциплин, научной археологии и историографии.

бился закупки университетской типографией монгольских шрифтов. Архимандрит Даниил (Сивиллов) в 1837 г. пожертвовал университету свою китайскую библиотеку (156 наименований классических, учебных, философских, литературных, исторических, религиозных и других книг, словарей и «ландкарт»). В том же 1837 г. он начал печатать свои переводы с китайского языка в «Учёных записках Казанского университета». В 1839 г. профессор арх. Даниил представил «Китайскую хрестоматию» со словарём, рецензентом которой выступил переводчик Азиатского департамента монах Иакинф (Бичурин). Однако данный труд так никогда и не был напечатан. Сменивший Даниила в 1844 г. профессор И.П. Войцеховский ещё до переезда в Казань работал над составлением «Китайско-маньчжурско-русского словаря», который завершил, уже работая в университете. Из-за его скоропостижной кончины словарь остался в рукописи [Валеев 2019, с. 182–188]. Сменивший Войцеховского в 1850 г. В.П. Васильев доставил из Китая закупленное им собрание китайских и маньчжурских сочинений объёмом 2737 заглавий и 14 447 книг. Они были упакованы в 51 ящик, охватывая все отрасли традиционной китайской науки (энциклопедии, базовые исторические, философские и географические тексты). Огромное количество работ, подготовленных Васильевым в Пекине и Казани, были опубликованы уже после его переезда в Петербург [Валеев 2019, с. 193]. Исключительное положение занимал Н.И. Зоммер, умерший в 23-летнем возрасте во время холерной эпидемии 1847 г. По запросу Х. Френа его готовили к стажировке в Императорской Академии наук и в перспективе в Европе. Посмертно была опубликована его кандидатская работа «Об основаниях новой китайской философии» – первое в Европе исследование неоконфуцианской философии на основе первоисточников [Корбут 1930, с. 114–115]²⁰⁸.

О.М. Ковалевский опубликовал в Казани целый ряд работ, ставших этапами для развития научного монголоведения. В 1835–1836 гг. вышла его «Монгольская хрестоматия», и в следующем году – «Буддийская космология» [Валеев 2019, с. 203]. В 1844–1849 гг. вышел трёхтомный «Монгольско-русско-французский словарь» Ковалевского, суммарным объёмом более 40 000 лексических единиц, который собрал все лучшие достижения тогдашней восточной и западной лексикографии и неоднократно переиздавался в XX в. [Успенский 2018].

В «донесении» Министерству народного просвещения от 1841 г. попечитель М.Н. Мусин-Пушкин предлагал проект Восточного института, в первую очередь предназначенного для трудоустройства лучших выпускников Восточного разряда. Учёный совет Института сразу планировался как научное общество, которое будет поддерживать широкую корреспондентскую сеть с научными и учебными востоковедческими учреждениями Европы. Также попечитель предлагал издавать многоязычный журнал, в котором бы

²⁰⁸ Пример Н.И. Зоммера можно использовать для демонстрации, сколь фундаментальной была подготовка востоковедов в Казанском университете. Достаточно сослаться на до сих пор не опубликованную программу квалификационного экзамена для «ищущих степень магистра маньчжуро-китайской словесности» (ГА РТ, ф. 977, оп. Истфак, д. 501, л. 29–30). Не менее примечателен протокол магистерских экзаменов Н.И. Зоммера (ГА РТ, ф. 977, оп. Истфак, д. 501, л. 33–34) с визой декана А.К. Казем-Бека (о нем см. прим. 209). Экзаменационные задания в протоколе и резолюции приёмной комиссии вписаны рукой О.М. Ковалевского, который и возглавлял предметную комиссию университета.

публиковались как переводы, так и научно-аналитические статьи, которые должны были печататься на русском, латинском, немецком, английском и французском языках. Не существует никаких свидетельств, что министр народного просвещения хоть как-то отреагировал на это предложение [Корбут 1930, с. 118–119].

Огромная учебная нагрузка, высокий отсев и неопределённость карьерных перспектив вели к тому, что, как и во времена М.Л. Магницкого, на Восточном разряде было мало студентов. Библиотекарь К.К. Фойгт подсчитал, что за десятилетие 1842–1852 гг. на Восточном разряде на всех курсах было 348 человек, из которых до окончания дошло всего 75 [Фойгт 1852, с. 33]. Количество студентов-востоковедов было относительно невелико, хотя и возрастало: в 1852 г. – 14 слушателей, в 1853 г. – 22, в учебном 1854/1855 г. – 26 чел. Профессор А.В. Попов объяснял это тем, что окончившие восточный разряд не могли найти работы, поэтому «вынуждаемы были крайностью своего положения избирать для себя другой род службы» [Шофман, Шамов 1956, с. 447].

Это совпало с новой политикой сосредоточения востоковедческих образовательных и научных кадров в Санкт-Петербурге. Ещё в 1845 г. переведённый начальником столичного учебного округа М.Н. Мусин-Пушкин заявил, что преподавание восточных языков в Санкт-Петербургском университете не достигает цели, так как «оставив университет, молодые люди, поступившие туда без надлежащих в восточных языках сведений и без всякой любви к предмету, забывают в несколько недель всё, что выучили в четыре года, и определяются в департаменты или канцелярии, не имеющие ничего общего с предметом их университетского образования» [Кононов 1960, с. 9]. В 1848 г., представляя университетский отчёт министру народного просвещения, М.Н. Мусин-Пушкин со всей определённостью заявил, что восточное отделение должно быть «или развито, или упразднено и сосредоточено при Казанском университете». Попечитель определённо склонялся к сохранению и расширению востоковедения в Казани. Однако по личному распоряжению императора Николая I была создана межведомственная комиссия для объединения востоковедных кафедр Петербурга, Казани, Восточного института Ришельевского лицея в Одессе и Учебного отделения восточных языков при Азиатском департаменте МИДа. Планировалось на их основе создать Азиатский институт. Преимущественно из-за противодействия МИД проект Азиатского института не состоялся [Кононов 1960, с. 9–10].

В ноябре 1851 года последовал первый императорский указ «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете и о создании в Петербурге Азиатского института». Восточные кафедры были включены в состав историко-филологического факультета, который оказался самым малым в университете: в 1853 г. за ним числилось 39 студентов на всех разрядах, тогда как на медицинском факультете училось 180 чел. 22 октября 1854 года вышел указ императора, адресованный Правительствующему сенату, «О прекращении преподавания восточных языков в Казанском императорском университете», согласно которому преподавание всех восточных языков прекращалось как в университете, так и в гимназии. Однако, «по уважению местных обстоятельств края» пре-

подавание татарского языка в гимназии было оставлено [Шофман, Шамов 1956, с. 447–448]. Реализация указа состоялась во втором семестре учебного 1854/1855 г. Преподаватели и профессора В.П. Васильев, И.Н. Березин, Н. Сонин, М.Т. Навроцкий и казённокоштные студенты восточного отделения Казанского университета (12 человек из 14 «за неимением вакансий») были переведены на Факультет восточных языков Императорского Петербургского университета. Студенты, обучавшиеся за собственный счёт, также изъявили желание перевестись в Петербург. Фонды нумизматического кабинета и восточного отдела библиотеки были перевезены в столицу в том же году (по описи библиотекаря арабиста И.Ф. Готвальда (1813–1897) – 109 рукописей на китайском, монгольском, тибетском и санскрите, и 373 «мусульманские» рукописи) [Корбут 1930, с. 132, 150; Валеев 2019, с. 147–149].

Официальное открытие Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета состоялось 27 августа 1855 г., деканом был назначен А.К. Казем-Бек²⁰⁹, речь на торжественном акте читал А.В. Попов. Занятия начались 1 сентября того же года [Кононов 1960, с. 9–11].

Ректором Императорского Казанского университета 3 января 1855 г. был избран О.М. Ковалевский (утверждён императорским указом 3 мая), которому пришлось восстанавливать университет после потери большого числа преподавателей и кафедр [Валеев 2020, с. 19, 71, 72]. Летом 1860 г. инспекцию Казанского университета провёл министр народного просвещения Е.П. Ковалевский (1790–1867), который полагал, что упразднение восточного разряда негативно сказалось на подготовке государственных служащих. Он даже выразил сожаление о переводе востоковедных кадров в Петербург, поскольку оставалось сильным противодействие МИДа, а профессура восточного факультета раскололась из-за стратегических целей развития: А.К. Казем-Бек настаивал на практической ориентации при минимизации научно-исследовательской деятельности, однако победила партия И.Н. Березина, отстаивавшая классическую ориенталистику и первостепенную подготовку научных кадров [Кононов 1960, с. 13]. На верноподданном докладе Е.П. Ковалевского новый император Александр II наложил резолюцию: «Сообразить, нельзя ли вновь учредить там Восточный факультет, упразднив таковой здесь». Однако «откатить назад» перенос Восточного разряда было уже невозможно [Кононов 1960, с. 9–14].

С 1861/1862 учебного года императорским указом для «желающих» казанских студентов было введено преподавание арабского и турецкого языков. Эту работу осуществляли И.Н. Холмогоров (до отставки по возрасту в 1868 г.) и выдающийся православный просветитель Н.И. Ильминский (1822–1892), единогласно избранный Советом университета. Именно Иль-

²⁰⁹ Мирза Мухаммед Али Казембек (1802–1870) – выдающийся востоковед, один из основоположников и организаторов русской востоковедческой науки. По происхождению азербайджанец, сын шиитского духовного главы Дагестана. Получил традиционное мусульманское образование, свою первую грамматику арабского языка составил в 17-летнем возрасте. Приняв крещение в шотландской христианской миссии, получил основательное европейское образование, свободно владел английским языком. В Казань был приглашен К.Ф. Фуксом как лектор арабского и персидского языков, в 1828 г. возглавил кафедру турецко-татарской словесности. Член Королевского Азиатского общества с 1829 г., с 1835 г. – член-корреспондент Петербургской Академии наук. Лауреат Демидовской премии (1840 г.) за труд «Общая грамматика турецко-татарского языка».

минский обосновывал необходимость знания персидского языка «для всех изучающих турецко-татарские наречия» ввиду огромного пласта заимствованной лексики, а также призывал к учреждению стипендий для талантливых выходцев из коренных народов Поволжья. Однако уже в 1872 г. обучение восточным языкам в Казанском университете было окончательно прекращено [Корбут 1930, с. 133–134].

Проекты возрождения Восточного разряда в Казанском университете во второй половине XIX и XX вв.

Общий устав императорских российских университетов 1863 г. предусматривал для филологических специальностей кафедру сравнительного языкознания и санскрита, которая и сохранилась в структуре Казанского университета [Корбут 1930, с. 133]. Университетские уставы 1884 и 1916 гг. предусматривали только экстраординарную профессию для кафедры тюркских языков [Валеев 2019, с. 226, 229, 232]. Благодаря хлопотам И.А. Бодуэна де Куртенэ (1845–1929), 25 апреля 1884 г. была учреждена кафедра «финско-тюркских наречий», чтение курсов по которой было предложено известному тюркологу В.В. Радлову (1837–1918), экстраординарную профессию для которого предлагал ввести ещё Ильминский. Однако избрание Радлова Императорскую академию наук (и в этом случае от кресла в которой отказался Н.И. Ильминский) не позволило реализовать идею [Валеев 2019, с. 238].

В 1893 г. после длительного путешествия по Южной Сибири и Восточному Туркестану²¹⁰ в Казань на вакантную экстраординарную должность прибыл магистр-тюрколог Н.Ф. Катанов (1862–1922). Почти два десятка лет он вёл факультативные курсы по татарскому языку и ряду тюркологических дисциплин, осуществляя в каникулярное время полевые исследования языка и культуры тюркских народов Казанской, Уфимской и Енисейской губерний. В 1900 г. он был отправлен в европейскую командировку по крупнейшим тюркологическим центрам Австрии, Италии, Франции и Германии. Попытка получения должности ординарного профессора в 1913 г. была забаллотирована Советом университета [Корбут 1930, с. 137–138; Валеев 2019, с. 247]. В 1909 году Казанский университет окончил тюрколог С.Е. Малов (1880–1958), который был оставлен для подготовки к профессорскому званию, и прочитал пробную лекцию 10 марта 1917 г. С осени того же года он получил должность приват-доцента [Валеев 2019, с. 248–249].

30 ноября 1905 г. Н.Ф. Катанов представил в Совет историко-филологического факультета докладную записку об изменении университетского устава. Он предложил расширить преподавание общегуманитарных дисциплин, связанных с Востоком, с приоритетным вниманием к языкам и культурам мусульманских регионов. Кроме того, на заседании Комитета по делам печати 28 октября 1912 г. учёный предложил проект «Положения о курсах для практического изучения восточных языков», с приоритетом татарского, арабского и персидского языков. В период 1916–1919 гг. проект создания от-

²¹⁰ Мы посвятили ряд публикаций экспедиции Н.Ф. Катанова по территории Цинской империи. В числе последних см. [Мартынов, Мартынова 2022].

дельного восточного отделения неоднократно обсуждался на заседаниях совета Казанского университета, но безрезультатно [Валеев 2019, с. 217–219].

В итоговом постановлении «Съезда мелких народностей Поволжья», проведённого в мае 1917 г. в здании университета, была отмечена необходимость создания специального высшего учебного заведения для коренных народов с одновременным научным изучением этих народов. В октябре 1917 года была основана комиссия для проектирования восточного факультета, с участием Н.Ф. Катанова, С.Е. Малова, П.К. Жузе (1870–1942) и В.А. Богородицкого (1857–1941). Параллельно эти же специалисты участвовали в работе вечернего Северо-Восточного археологического и этнографического института²¹¹. 26 января 1918 г. было подано ходатайство об учреждении «Восточного Отделения с разрядами турецко-татарским и угро-финским», поддержанное бюро Туркестанского учительского союза. Последующие политические события сделали это невозможным. В 1922 г. все востоковедческие дисциплины были перенесены из университета во вновь открывшийся Восточный педагогический институт. В 1924 г. Совнарком ТАССР направил запрос в университетское правление относительно целесообразности и неотложности восстановления восточного факультета Казанского университета. В ответном письме от имени университетского Общества археологии, истории и этнографии (21 августа 1924 г.) сообщалось, что восстановление восточного факультета «желательно и необходимо» в рамках историко-филологического факультета. В практическом плане это было признано невозможным ввиду кончины или отъезда из Казани всех ведущих специалистов. В 1925 г. благодаря инициативе В.И. Анучина (1875–1941) правление Казанского университета обсуждало проект «О восстановлении в срочном порядке Восточного факультета при Казанском университете», но также безрезультатно. В русле политики коренизации и «востокизации» университета в 1929 г. (по другим данным, в 1930-м) была создана общеуниверситетская кафедра татарского языка и литературы, которую возглавил профессор М.Х. Курбангалиев (1873–1941) [Корбут 1930, с. 139–142; Валеев 2019, с. 220–223].

В 1944 г. в Казанском государственном университете было открыто отделение татарской филологии, которое возглавил Х.У. Усманов (1908–1992). В 1950-е гг. на этом отделении преподавал арабский язык известный татарский педагог и организатор науки М.И. Махмутов (1926–2008)²¹², который был инициатором создания словаря заимствованной арабо-персидской лексики в татарском языке [Зайнуллин 2016, с. 8–9; Ханипова 2021, с. 236]. В дальнейшем много сил для воссоздания кафедры восточных языков приложил ректор университета М.Т. Нужин (1914–1983). К 1975 г. была подготовлена договорённость с Ливанским университетом об обмене специалистами и возможности стажировки студентов, но она сорвалась из-за начала гражданской войны в стране [Зайнуллин 2016, с. 10–11]. В 1989 г. был создан специальный факультет татарской филологии, истории и восточных

²¹¹ Об этом учреждении см. [Мельникова 2018].

²¹² Музейная аудитория, полная реликвий, связанных с научной деятельностью и повседневной жизнью М.И. Махмутова, функционирует в здании Института международных отношений Казанского университета (ул. Пушкина, д. 1/55).

языков, кафедру восточной филологии которого возглавила Д.Г. Тумашева (1926–2006)²¹³; на кафедре велось преподавание арабского и китайского языков. Учебные планы тогда согласовывались с Москвой и разрабатывались совместно с Институтом стран Азии и Африки МГУ. Первый набор в арабскую группу составил 80 человек (окончили 10) и около 40 человек в китайскую группу (окончило 7 или 8). Практически всю нагрузку по преподаванию турецкого языка и сопутствующих дисциплин вела Д.Г. Тумашева; с 1994 г. на посту заведующего кафедрой её сменил арабист Г.Г. Зайнуллин (1944–2020) [Зайнуллин 2016, с. 12–16].

XXI век

В 1997 г. на факультете татарской филологии Казанского университета было создано восточное отделение, и в апреле 2000 г. была открыта самостоятельная структура – Институт востоковедения – во главе с Г.Г. Зайнуллиным. Название «институт» являлось компромиссным, поскольку по уставу Казанского государственного университета для открытия нового факультета требовалось не менее 200 студентов [Зайнуллин 2016, с. 17–20]. Первоначально существовала специализация по арабской, турецкой и китайской филологии, а в 2007 году был создан Корейский центр (заново переоткрытый в 2011 г.) [Зайнуллин 2016, с. 46] и открыт шестой по счёту на территории Российской Федерации Институт Конфуция. С 2008 года в состав института вошла межфакультетская кафедра международных отношений [Зайнуллин 2016, с. 48]. В 2009 г. в научной библиотеке имени Н.И. Лобачевского был воссоздан зал восточной литературы, просуществовавший около двух лет [Зайнуллин 2016, с. 69]. С 2013 г. после ряда преобразований существует Институт международных отношений КФУ²¹⁴, в структуре которого функционирует Высшая школа международных отношений и востоковедения. Руководство университета и института постоянно подчёркивает преемственность между Разрядом восточной словесности XIX в. и современными университетскими структурами, занимающимися подготовкой востоковедов и исследованиями стран Востока. В 2023 г. Высшая школа востоковедения ИМО КФУ получила название «Восточный разряд».

В актовой речи, произнесённой 1 декабря 2020 г. по случаю награждения медалью имени Х. Френа²¹⁵, директор Института восточных рукописей РАН (ИВР РАН) И.Ф. Попова подчеркнула, что многие казанские преподаватели, обосновавшиеся в Петербурге, встали у истоков классического востоковедного образования и создали единую российскую востоковедную школу, существующую по настоящее время [Кульганек 2021, с. 104]. Современный Восточный разряд отличается от стародавнего: в частности, в Казани до наступления XXI в. не существовало корейского направления, которое

²¹³ Языковед, доктор филологических наук (1969), академик Академии наук РТ (1992), заслуженный деятель науки ТАССР, РФ (1977, 1997). См.: [Закиев 2008].

²¹⁴ В 2013–2018 гг. именовался Институтом международных отношений, истории и востоковедения.

²¹⁵ Золотая медаль имени Христиана Даниловича Френа была учреждена в Казанском федеральном университете (КФУ) в 2019 г. при поддержке академика РАН, директора Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровского. Вручается она за выдающиеся работы в области ориенталистики. В числе награжденных ею – научный руководитель ИВ РАН, академик В.В. Наумкин; директор ИВР РАН, член-корр. РАН И.Ф. Попова; первый Президент Республики Татарстан М.Ш. Шаймиев.

приобрело чрезвычайно существенный импульс к развитию. Ежегодные научные форумы по исламоведению, международная конференция «Россия – Китай», давно приобрели собственное лицо и собирают неизменно широкий круг специалистов, подчас самых причудливых специальностей. Не случайно мы включили в заглавие данной статьи цитату из песни В. Мурадели и М. Вершинина: уже дважды проводился совместный конкурс студенческих и магистерских научных работ «Волга – Янцзы», подаваемых на русском и китайском языках, функционирующий в рамках более широких структур молодежного обмена, в том числе одноименного форума. Открытие VIII Российско-Китайского молодежного форума «Волга–Янцзы» прошло 21 февраля 2023 г. в Казанском федеральном университете в формате телемоста.

Заключение

Прошлое во всей его полноте и сложности находится в прямом диалоге с современностью. Фундаментальное высшее образование предполагает подготовку специалистов высшей категории. Говоря о современном развитии казанского Восточного разряда, лично мы неизменно отталкиваемся от мыслей и проектов основоположника классического направления в советской синологии В.М. Алексеева (1881–1951): «Наша наука есть познание человека человеком, идущее через препятствия, из которых главное – язык. <...> Надо на мир людей смотреть прямо, а не через очки и рассказы других людей» [Алексеев 1982, с. 305]. Эти истины понимали и его учителя (одним из которых был В.П. Васильев), формировавшиеся в Казани – на перекрестке культур и цивилизаций. Познание языка в наши дни облегчается великим множеством усилителей интеллекта, немислимых для нас ещё пару десятилетий назад. Это не отменяет необходимости классического образования и классического университета, ибо тот же Алексеев (находясь в совершенно непохожей на нашу социальной и экономической обстановке) отмечал, что, «факультет представлял науку достойно, но не всегда её студенту подавал» [Алексеев 1982, с. 283]. Для того, чтобы выбор специальности не превращался в игру в «орёл или решка», необходима связка «школа – вуз». Только действующий учёный (или, по крайней мере, фундаментально образованный практик) способен увлечь своим примером и показать, как надо, разумеется, в конкретной ситуации. Это важнейший урок, который могут преподать наши великие предшественники. Гуманитарное знание принадлежит своему времени и в этом отношении парадоксально не устаревает, представляя почти необозримое поле смыслов и идей, которые всегда могут послужить благодарным потомкам.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев 1982 – *Алексеев В.М.* Наука о Востоке: Ст. и док-ты / Послесл. Л.З. Эйдилина. – М.: Наука, 1982. – 535 с.

Андреев 2009 – *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. – М.: Знак, 2009. – 640 с.

Биография 2020 – Биография и научное наследие востоковеда О.М. Ковалевского: (по материалам архивов и рукописных фондов) / Р.М. Валеев, В.Ю. Жуков, И.В. Кульганек [и др.]; отв. и науч. ред. Р.М. Валеев, И.В. Кульганек. – СПб.-Казань: Петерб. вост., 2020. – 434 с.

Болотина 2014 – *Болотина Н.Ю.* Потёмкин. – М.: Вече, 2014. – 477 с.

Валеев 1998. – *Валеев Р.М.* Казанское востоковедение: истоки и развитие (XIX в. – 20-е гг. XX в.). – Казань: Изд. Казан. ун-та, 1998. – 377 с.

Валеев 2002 – *Валеев Р.М.* Восточный разряд // Татарская энциклопедия / Гл. ред. М.Х. Хасанов. – Казань: Ин-т Татар. энц. АН РТ, 2002. Т. 1. – С. 636–637.

Валеев 2003 – *Валеев Р.М.* Очерки истории казанского университетского востоковедения (1769–1920-е гг.). – Казань: Алма-Лит, 2003. – 142 с.

Валеев, Мартынов 2009 – *Валеев Р.М., Мартынов Д.Е.* Российское университетское востоковедение в архивных документах: центры, события и наследие (XIX – нач. XX вв.). – Казань: Изд. Казан. ун-та, 2009. – 115 с.

Валеев 2015 – *Валеев Р.М.* Отечественная историография истории казанского востоковедения: этапы и направления (XIX–XX вв.) // Востоковедение в России и странах СНГ на рубеже веков. – Казань: Фолиант, 2015. – С. 75–88.

Валеев 2019 – *Валеев Р.М.* Ориенталистика в Казанском университете (1807–20-е гг. XX в.). – Саарбрюкен: Lap Lambert Academic Publishing Ru., 2019. – 303 с.

Денисов 2007 – *Денисов П.В.* Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Изд. 2-е, доп. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд., 2007. – 335 с.

Зайнуллин 2016 – *Зайнуллин Г.Г.* Возрождение и дальнейшее развитие востоковедения в Казанском университете в XX – начале XXI вв. – Казань: Изд. АН РТ, 2016. – 84 с.

Закиев 2008 – Казанская лингвистическая школа. Кн. 1: Казанская тюркологическая лингвистическая школа / сост. М.З. Закиев. – Казань: Татар. кн. изд., 2008. – С. 279–281.

Зяппаров, Валеев 2015 – *Зяппаров Т.И., Валеев Р.М.* Преподавание арабского языка и литературы в Казанском университете в XIX в. // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств, 2015, № 3. С. 116–119.

Кобзев 2016 – *Кобзев А.И.* А.И. Сосницкий (1792–1843) – один из пионеров отечественной китаистики // Архив российской китаистики / Сост. А.И. Кобзев. – М., 2016. Т. 3. – С. 365–366.

Кононов 1960 – Востоковедение в Ленинградском университете: [Сб. ст.] / Отв. ред. А.Н. Кононов. – Л.: Изд. Лен. ун-та, 1960. – 208 с.

Корбут 1930 – *Корбут М.К.* Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина за 125 лет, 1804/05 – 1929/30 : [в 2 т.]. – Казань: Казан гос. ун-т, 1930. Т. 1. – 209 с.

Куликова 1994 – *Куликова А.М.* Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб.: Петерб. востоковедение, 1994. – 436 с.

Кульганек 2021 – *Кульганек И.В.* Награждение члена-корреспондента РАН И.Ф. Поповой Золотой медалью им. Х.Д. Френа (Казань, 1 декабря 2020 г.) // Письменные памятники Востока, 2021, т. 18, № 4. С. 102–107.

Мазитова 1972 – *Мазитова Н.А.* Изучение Ближнего и Среднего Востока в Казанском университете. (Первая половина XIX в.). – Казань: Изд. Казан. ун-та, 1972. – 225 с.

Мартынов, Мартынова 2020 – *Мартынов Д.Е., Мартынова Ю.А.* Два синьцзянских путешествия Н.Ф. Катанова // Народы Сибири и Дальнего Востока с древних времен до наших дней: мат.-лы IX Сибирского историч. форума / гл. ред. Н.И. Дроздов. – Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2022. – С. 467–470.

Мельникова 2018 – *Мельникова О.М.* Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)

// Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской): Сб. науч. ст. – СПб.: ИИМК РАН, 2018. – С. 294–299.

Сергеев 2020 – *Сергеев Т.С.* Казанские востоковеды XIX века – переводчики с китайского языка и составители словарей и учебных пособий // Педагогика, психология, общество: современные тренды: материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ИД Среда, 2020. – С. 18–23.

Успенский 2018 – *Успенский В.Л.* Источники «Монгольско-русско-французского словаря» О.М. Ковалевского // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки, 2018, т. 160, № 6. С. 1334–1340.

Фойгт 1852 – *Фойгт К.К.* Обзорение хода и успехов преподавания азиатских языков в Казанском университете за десятилетие с 1842 по 1852 г. – Казань: Типогр. Казан. имп. ун-та, 1852. – 73 с.

Ханипова 2021 – *Ханипова И.И.* Создание кафедры татарского языка и литературы в Казанском государственном университете и её деятельность с середины 1940-х – 1950-е гг. (по материалам Государственного архива Республики Татарстан) // Историческая этнология, 2021, т. 6, № 2. С. 231–242.

Шофман, Шамов 1956 – *Шофман А.С., Шамов Г.Ф.* Восточный разряд Казанского университета (краткий очерк) // Очерки по истории русского востоковедения. – М.: Изд. вост. лит., 1956. Кн. 2. – С. 418–448.

REFERENCES

Alekseev, V.M. (1982), *Nauka o Vostoke: stat'i i dokumenty* [Oriental studies: Articles and Documents], Nauka Publ., Moscow, USSR.

Andreev, A.Yu. (2009), *Rossijskie universitety XVIII – pervoj poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy* [Russian universities of 18 – first half 19th cent. In Context Europe universities history], Znak Publ., Moscow, Russia.

Bolotina, N.Yu. (2014), *Potyomkin*, Veche Publ., Moscow, Russia.

Denisov, P.V. (2007), *Slovo o monakhe Iakinfe Bichurine* [Speech about the monk Nyakynf Bichurin], Chuvash Book Publishing, Cheboksary, Russia.

Fojgt, K.K. (1852), *Obozrenie hoda i uspekhev prepodavaniya aziatskih yazykov v Kazanskom universitete za desyatiletie s 1842 po 1852 g.* [Review of the course and successes of teaching Asian languages at Kazan University for a decade from 1842 to 1852.], Kazan Emperor Univ. Press, Kazan, Russian Empire.

Hanipova, I.I. (2021), “Sozdanie kafedry tatarskogo yazyka i literatury v Kazanskom gosudarstvennom universitete i eyo deyatel'nost' s serediny 1940-kh – 1950-e gg. (po materialam Gosudarstvennogo arhiva Respubliki Tatarstan)” [Creation of the Department of the Tatar Language and Literature at Kazan State University and its activities from the mid-1940s to the 1950s. (Based on the materials of the State Archive of the Republic of Tatarstan)], *Istoricheskaya etnologiya*. Vol. 6, iss. 2, pp. 231–242.

Kobzev, A.I. (2016), “A.I. Sosnitskij (1792–1843) – odin iz pionerov otechestvennoj kitaistiki” [A. I. Sosnitsky (1792–1843) – one of the pioneers of Russian Sinology], *Arkhiv rossijskoj kitaistiki* [Archive of Chinese studies in Russia], Vol. 3, Vostochnaya literatura Publ., Moscow, Russia, pp. 365–366.

Kononov, A.N., ed. (1960), *Vostokovedenie v Leningradskom universitete: sbornik statej* [Oriental studies in Leningrad university], Leningrad university, Leningrad, USSR.

Korbut, M.K. (1930), *Kazanskij gosudarstvennyj universitet im. V.I. Ul'yanova-Lenina za 125 let, 1804/05 – 1929/30* [Kazan State University named after V.I. Ul'yanov-Lenin for 125 years, 1804/05–1929/30], Vol. 1, Kazan Univ. press, Kazan, USSR.

Kul'ganek, I.V. (2021), "Nagrazhdenie chlena-korrespondenta RAN I.F. Popovoj Zolotoj medal'yu im. H.D. Frena (Kazan, 1 dekabrya 2020 g.)" [Rewarding Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences I.F. Popova by Gold Medal named after H.D. Fren (Kazan, December 1, 2020)], *Pis'mennye pamyatniki Vostoka*, Saint-Petersburg, Russia, vol. 18, iss. 4, pp. 102–107.

Kulikova, A.M. (1994), *Vostokovedenie v rossijskikh zakonodatel'nyh aktah (konec XVII v. – 1917 g.)* [Oriental Studies in Russian Legislative Acts (end of the 18th century – 1917)], Peterbugskoye vostokovedeniye publ., Saint-Petersburg, Russia.

Martynov, D.E., Martynova, Yu.A. (2022), "Dva sin'tzianskikh puteshestviya N.F. Katanova" [Two travels on N. F. Katanov to Xinjiang], *Narody Sibiri i Dal'nego Vostoka s drevnikh vremen do nashih dnei*, Krasnoyarsk, Russia, pp. 467–470.

Mazitova, N.A. (1972), *Izuchenie Blizhnego i Srednego Vostoka v Kazanskom universitete. (Pervaya polovina XIX v.)* [Study of the Near and Middle East at Kazan University. (First half of the 19th century)], Kazan Univ. press, Kazan, USSR.

Mel'nikova, O.M. (2018), "Severo-Vostochnyj arheologicheskij i etnograficheskij institut v Kazani: na perelome istoricheskikh epokh (1917–1921 gg.)" [North-Eastern Archaeological and Ethnographic Institute in Kazan: at the turn of historical eras (1917–1921)], *Pamyatniki arkheologii v issledovaniyakh i fotografiyakh (pamyati Galiny Vaclavny Dlužnevskoj)* [Monuments of archeology in research and photographs (in memory of Galina Vaslavna Dlužnevskaya)], Saint-Petersburg, Russia, pp. 294–299.

Sergeev, T.S. (2020), "Kazanskije vostokovedy XIX veka – perevodchiki s kitajskogoazyka i sostaviteli slovaroj i uchebnykh posobij" [Kazan Orientalists of the 20th century – translators from Chinese and compilers of dictionaries and textbooks], *Pedagogika, psihologiya, obshchestvo: sovremennye trendy* [Pedagogy, psychology, society: modern trends], Cheboksary, Russia, pp. 18–23.

Shofman, A.S., Shamov, G.F. (1956), "Vostochnyj razryad Kazanskogo universiteta (kratkij ocherk)" [Vostochnyi razryad of Kazan University (brief essay)], *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya* [Essays on the history of Russian oriental studies], Izdatel'stvo vostochnoi literatury, Moscow, USSR, vol. 2, pp. 418–448.

Uspenskij, V.L. (2018), "Istochniki «Mongol'sko-russko-francuzskogo slovarya» O.M. Kovalevskogo" [The sources of O.M. Kovalevsky's Mongolian-Russian-French Dictionary], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*, Kazan, Russia, vol. 160, iss. 6, pp. 1334–1340.

Valeev, R.M. (1998), *Kazanskoe vostokovedenie: istoki i razvitie (XIX v. – 20-e gg. XX v.)* [Kazan Oriental Studies: Origins and Development (XX century – 20s of the XX century)], Kazan Univ. press, Kazan, Russia.

Valeev, R.M. (2002), "Vostochnyj razryad", *Tatarskaya entsiklopediya* [Tatar Encyclopedia], vol. 1. Institute of Tatar Encyclopedia Press, Kazan, Russia, pp. 636–637.

Valeev, R.M. (2003), *Ocherki istorii kazanskogo universitetskogo vostokovedeniya (1769–1920-e gg.)* [Essays on the history of Kazan university oriental studies (1769 – 1920s)], Alma-Lyt Publ., Kazan, Russia.

Valeev, R.M. (2015), "Otechestvennaya istoriografiya istorii kazanskogo vostokovedeniya: etapy i napravleniya (XIX–XX vv.)" [Russian historiography of the history of Kazan oriental studies: stages and directions (19th – 20th centuries)], *Vostokovedenie v Rossii i stranakh SNG na rubezhe vekov*, Foliant Press, Kazan, Russia, pp. 75–88.

Valeev, R.M. (2019), *Orientalistika v Kazanskom universitete (1807–20-ye gg. XX v.)* [Oriental studies at Kazan University (from 1807 to 1920s)], Lap Lambert Academic Publishing Ru, Saarbrücken, Germany (in Russian).

Valeev, R.M., ed. (2020), *Biografiya i nauchnoe nasledie vostokoveda O.M. Kovalevskogo: (po materialam arkhivov i rukopisnykh fondov)* [The biography and

scientific heritage of Oriental Studies Scholar J. Kowalewski; from manuscripts archiving funds], Peterburgskoye vostokovedeniye Publ., Saint-Petersburg and Kazan, Russia.

Valeev, R.M., Martynov, D.E. (2009), *Rossiyskoe universitetskoe vostokovedenie v arkhivnykh dokumentakh: tsentry, sobytiya i nasledie (XIX – nach. XX vv.)* [Russian University Oriental Studies in Archival Documents: Centers, Events and Legacy (19th – early 20th centuries)], Kazan Univ. Press, Kazan, Russia.

Zajnullin, G.G., (2016), *Vozrozhdenie i dal'neyshee razvitie vostokovedeniya v Kazanskom universitete v XX – nachale XXI vv.* [Revival and further development of oriental studies at Kazan University in 20th – early 21st cent.], Tatarstan Academy of Sciences Publ., Kazan, Russia.

Zakiev, M.Z. (2008), “Kazanskaya tyurkologicheskaya lingvisticheskaya shkola” [Kazan Turk Linguistic school], *Kazanskaya lingvisticheskaya shkola* [Kazan Linguistic School], Vol. 1, Tatar Book Publ., Kazan, Russia, pp. 279–281.

Zyapparov, T.I., Valeev, R.M. (2015), “Prepodavanie arabskogo yazyka i literatury v Kazanskom universitete v XIX v.” [Teaching Arabic language and literature at Kazan University in the 19th century], *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, Iss, 3, pp. 116–119.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дмитрий Евгеньевич Мартынов, доктор исторических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия; 420008, Россия, г. Казань, Ул. Пушкина, д. 1/55; dmitrymartynov80@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dmitry E. Martynov, Dr.Sci. (History), professor, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia; bld. 1/55, Pushkin str., Kazan, Russia, 420008; dmitrymartynov80@mail.ru.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-233-261

Восточный фронт русско́й колонизации в контексте модернизационной динамики

Константин И. Зубков

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
zubkov.konstantin@gmail.com
ORCID 0000-0001-5177-3183

Игорь В. Побережников

Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия
pober1871@mail.ru
ORCID 0000-0003-0280-5534

Аннотация. В статье на примере восточного фронта (восточных регионов от Урала до Дальнего Востока) рассматривается соотношение двух магистральных процессов российской истории – колонизации и модернизации, в главных чертах определявших динамику и своеобразие развития страны в имперский период. Авторы доказывают, что эти процессы были взаимосвязаны и оказывали в целом позитивное влияние друг на друга. Более того, отмечая вообще органичность для модернизации, особенно на ее ранних стадиях, экстенсивного расширения ресурсно-материальной базы, авторы подчеркивают ключевое значение для перспектив российской модернизации (протоиндустриализации) расширения базы производства черных и цветных металлов как следствия колонизации восточных территорий. Выявлены признаки российской модернизации, осуществлявшейся в условиях незавершенности процессов освоения территории, которые придают ей узнаваемый национально-страновой характер: наличие «освоенческого синдрома»; повышенная социально-сословная и культурная гетерогенность фронтальных сообществ; складывание относительно толерантного и конструктивного механизма межэтнических и межкультурных взаимодействий; опережающий «административный фронт», компенсирующий недостаток человеческих ресурсов, дальние расстояния и отсутствие удобных путей сообщения; влияние колонизации на структуры, пропорции, логику роста российской экономики, форм ее участия в международном разделении труда.

Ключевые слова: фронт, колонизация, геополитика, переселение, адаптация, модернизация, освоение, центр, периферия, Россия, восточные регионы, Урал, Сибирь, Дальний Восток, природно-географическая среда, ресурсы, территориальные базы.

Для цитирования: Зубков К.И., Побережников И.В. Восточный фронт русско́й колонизации в контексте модернизационной динамики // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 235–263. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-233-261.

Eastern Frontier of the Russian Colonization in the Context of Modernization Dynamics

Konstantin I. Zubkov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, zubkov.konstantin@gmail.com

ORCID 0000-0001-5177-3183

Igor V. Poberezhnikov

Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, pober1871@mail.ru

ORCID 0000-0003-0280-5534

Abstract. *Using the case of the eastern frontier (the eastern regions from the Urals to the Far East), the article examines the relationship between the two main processes of the Russian history – colonization and modernization, which dominantly determined the dynamics and peculiarities of the country’s development during the imperial period. The authors argue that these processes were interrelated and generally had a positive effect on each other. Moreover, considering the extensive broadening of the resource and material base as generally organic for the modernization, especially on its early stages, the authors emphasize the key significance for the prospects of the Russian modernization (proto-industrialization) of expanding the ferrous and non-ferrous metals production base being the direct result of the eastward colonization drive. Among the features of the Russian modernization implemented under the conditions of continuing and incomplete opening up of the national territory, there are those which gave the recognizable national character to the development strategy, such as: the evidences of the pushing “development syndrome”; the increased social class and cultural heterogeneity of the frontier communities; the formation of a relatively tolerant and constructive mechanisms for interethnic and intercultural relations; the so-called “administrative frontier” passing ahead the economy for maintaining the general order and compensating the long distances, vast empty spaces, and the lack of human resources and convenient means of transport; the contradictory influence of colonization on the structures, proportions, and the growth logic of the Russian economy, as well as the form of its participation in the international division of labor.*

Key words: *frontier, colonization, geopolitics, resettlement, adaptation, modernization, development, center, periphery, Russia, eastern regions, Urals, Siberia, Far East, natural geographical environment, resources, territorial bases.*

For citation: *Zubkov, K.I. and Poberezhnikov, I.V. (2023), “Eastern Frontier of the Russian Colonization in the Context of Modernization Dynamics”, Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 235–263. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-233-261.*

Исходя из историографических тенденций последнего времени, колонизацию и модернизацию можно рассматривать как два магистральных процесса, которые в главных чертах определяли динамику и специфику исторического развития России в глобальном измерении. Интерес историков к ним, безусловно, формировался в разных контекстах; периоды их актуализации разделяет временная дистанция едва ли не в столетие – но

не только это затрудняло возможность представить оба процесса в единой исторической оптике, попытаться понять, как они соотносились между собой в исторической реальности. Выработке интегрирующего взгляда во многом препятствовало то, что оба вышеуказанных исторических процесса осмысливались как бы в разных эпистемологических плоскостях. Если колонизация, в привычном понимании, рассматривалась как процесс преимущественно пространственный, *количественный*, связанный с расширением государственной территории страны и постепенной интеграцией вновь осваиваемых земель в ее цивилизационное пространство, то концепция модернизации, в первую очередь, разрабатывалась в аспекте изучения глубоких *качественных* преобразований, происходивших в разных сферах развития страны.

Тем не менее, уже в 1990-е гг., вместе с первыми попытками приложения общесоциологической схемы модернизации как универсального процесса к специфике развития России, наметился ряд принципиальных вопросов, в которых с неизбежностью должны были сопрягаться колонизационное и модернизационное измерения российской истории. Это касалось, прежде всего, оценки влияния беспрецедентного территориального (практически – трансконтинентального) размаха русской колонизации XVI–XIX вв. на динамику и результативность модернизационного процесса в истории России. Сама постановка этого вопроса тогда была отмечена печатью известной политической ангажированности и умозрительности в духе размышлений об «альтернативной истории». К тому же, лежавшая в ее основе презумпция как бы заранее предрешала ответ на поставленный вопрос, акцентируя несомнимость процессов колонизации и модернизации в своих результирующих исторических последствиях. Без достаточных оснований предполагалось, что ограниченные и исторически стабильные размеры государственной территории, стимулируя «плотность» хозяйственных и социальных связей, способствуют высокой и результирующей динамике модернизационного процесса, в то время как колонизация, снижая тонус социально-экономических противоречий и препятствуя осознанию правящей элитой необходимости назревших преобразований, как бы «размывает» эффект модернизационных усилий. Эта либеральная идея «сжатия» эффективно используемого пространства в 1990-е гг. вполне определенно влияла на историческую оценку русской колонизации, однозначно трактуя ее как исключительно экстенсивный процесс и как тормоз модернизации [см., напр.: Трейвиш, Шупер 1992; Пивоваров 1996]. В те же годы – и уже даже с выходом в XXI в. – эта оценка получила дальнейшее развитие в концепции так называемого «бремени» экстенсивности – своего рода квинтэссенции представлений о негативном влиянии «избыточных» пространств на социально-экономическое развитие России, как в целом и об исторической «ошибочности» курса на масштабное освоение их ресурсной базы [Хилл, Гэдди 2007].

Хотя полемика по поводу этих взглядов происходила в основном в кругах географов, социологов, экономистов, ее принципиальные моменты должны были найти отражение в подходе историков к ретроспективно осмысливаемым проблемам модернизации России. Уже с первых моментов обращения

к истории российских модернизаций XVIII–XX вв. обнаруживается, что их содержание не может адекватно рассматриваться в контексте современных и, по большей части, абстрактных теорий пространственной экономики. Поэтому оценка их эффективности с точки зрения воздействия на них пространственных факторов (прежде всего, процесса колонизации) должна анализироваться в конкретных исторических обстоятельствах своего времени, с учетом той группировки природно-географических, экономических и социально-институциональных факторов, которые характерны для каждой оригинальной эпохи.

Роль фактора колонизации в осуществлении российских модернизаций XVIII–XX вв. целесообразно рассмотреть на примере ее долгосрочного, формировавшегося в течение нескольких веков восточного вектора. Данное направление, во-первых, во многих отношениях представляет русский колонизационный процесс в наиболее «чистом», приближающемся к общеисторической модели виде (без привнесения возмущающих воздействий внешней политики и соперничающих культурных влияний). Это позволяет применить к его анализу классические характеристики переселенческой колонизации как глобального феномена (отчетливая дихотомия центра и периферии, фронтир как подвижная граница освоения и т. п.). Во-вторых, растянутое во времени движение колонизационных потоков на восток – из районов Поволжья и Русского Севера на Урал, затем на обширные просторы Сибири и, наконец, до Тихого океана – обнаруживало однозначный перевес факторов адаптации переселенцев к новым природно-географическим средам и ресурсным возможностям над таким сдерживающим фактором, как сопротивление коренного населения. Последнее было довольно редким для огромных территорий, находилось на более низкой ступени цивилизации и не имело устойчивой государственной организации. В связи с этим динамика колонизации восточных территорий России, происходившей крупными этапами, как бы волнами, может быть более точно соотнесена с эволюцией ресурсных потребностей государства и характерных для него социально-экономических форм. Это представляется принципиально важным для анализа российских модернизаций, по крайней мере, в двух отношениях – в ресурсном измерении и с точки зрения их социальных механизмов. Наконец, в-третьих, именно колонизация громадных просторов азиатского востока – от Урала до Тихого океана – обеспечила России новое геополитическое качество, трансформировав ее из государства европейской периферии в мощную и самодостаточную евразийскую империю, – со всеми сопутствующими этому процессу изменениями в сферах безопасности, межцивилизационных взаимодействий, институциональной организации, культуры и ментальности.

Исследование модернизационной динамики в общеисторическом плане показывает, что свободная предпринимательская активность и технико-технологический прогресс далеко не сразу превратились в главные движущие силы этого процесса; на ранних этапах модернизации, соотносимых с эпохой первоначального накопления капитала и protoиндустриализацией, критическое, а в ряде случаев и решающее, значение как раз приобретали факторы экстенсивного расширения ресурсно-материальной базы, необхо-

димой для перехода от аграрной экономики к индустриальной. Этой логике развития в целом соответствовали и экономическая политика меркантилизма с сопутствующим ей расцветом колониальной торговли, и «военные революции» XVII–XVIII вв., благодаря которым сильные абсолютистские монархии Европы и европейской «полупериферии» закладывали основы индустриальной экономики. Шведский историк Я. Глете, анализируя механизм «военных революций» в странах Европы в раннее Новое время, обоснованно делает вывод о том, что их успех, как правило, был обусловлен эффективным соединением двух определяющих факторов. Первым являлось наличие соответствующих ресурсов (рабочая сила, металлы, древесина, пенька, селитра, ткани и т. п.); вторым – техническая способность их мобилизации и компетентного использования при реализации масштабных экономических проектов по оснащению крупной армии или военно-морского флота [Glete 2010, p. 3–4]. В характерных для международной ситуации XVII–XVIII вв. условиях острой конкуренции и военного соперничества держав, источниками ресурсов становились не только усилившаяся фискальная эксплуатация собственного общества, но и прямые военные захваты, различные формы колониального грабежа, экстенсивный прирост ресурсной базы в результате расширения государственной территории. Мобилизация же всех видов ресурсов и эффективное управление ими обеспечивались становлением всеобъемлющей бюрократической организации государственного аппарата – централизованной административной «машины», которая на определенном этапе призвана была компенсировать собой недоразвитие структур экономической самоорганизации общества. Выводы Глете в целом подтверждают концепцию немецкого политического мыслителя и юриста К. Шмитта, который полагал, что возникновение рационалистической версии «абсолютного» государства, бюрократической системы, способной обеспечивать всеобъемлющий высокотехнический контроль над обществом, было второй – наряду с зарождением капитализма – важнейшей системной «революцией» в Европе XVI–XVIII вв. [Шмитт 2006, с. 172–173].

В России как стране «полупериферии», более отсталой технически и экономически, относительно изолированной от Европы, колонизация сыграла настолько значительную роль в ресурсном обеспечении страны, что вне ее влияния вообще невозможно представить начальную фазу модернизационного процесса. «Военная революция», положившая начало системным преобразованиям Петра I, в возрастающих объемах требовала притока стратегических ресурсов (прежде всего, металлов) и известной полноты хозяйственного цикла при производстве военной продукции, или автаркии. Часть этих предпосылок обеспечивалась самой военной активностью государства, часть – ускоренным освоением новых территориальных баз развития. О зависимости успехов в модернизации русской армии от расширения территориальных ресурсных баз красноречиво свидетельствует донесение резидента австрийского двора Оттона Антона Плейера в 1710 г.: «... Железо у царя теперь из Сибири, и такое хорошее и мягкое, что даже и шведского не отыщешь лучше; дубового и другого крепкого леса с излишком, потому что рубить его запрещено под строжайшим наказанием, кроме как для царского употребления; серы и селитры вдоволь у него с Украины; для бомб и гранат

ни в каком месте нечего и желать лучше железа тульского и из Олонца при Онежском озере по его твердости и хрупкости, потому что при разрыве оно рассыпается на множество кусков; металла для литья пушек и мортир навезено из Польши, Ливонии, Финляндии и Литвы...» [Лавры Полтавы 2001б, с. 399]. Модернизация России, прежде всего, в части совершенствования материального базиса военной (а затем и гражданской) экономики, таким образом, обнаруживает тесную связь с территориальной экспансией и усилением динамики освоения отдельных колонизируемых территорий.

Особенно отчетливо эта зависимость прослеживалась в процессе колонизации восточных, зауральских территорий России. Хотя при панорамном обозрении это направление колонизации раскрывается через его главную движущую силу и предстает как исторически длительный, непрерывный процесс крестьянских переселений (что, например, повлияло на обобщенную характеристику этого процесса В.О. Ключевским [Ключевский 1987, с. 49–53]), периоды ускорения колонизационной динамики и ее важнейшие результаты ясно указывают на то, что в своей глубинной основе этот процесс стимулировался, в первую очередь, ресурсными потребностями государства, диктуемыми логикой модернизации.

Феноменально быстрые темпы и масштабный размах землепроходческой активности в ходе освоения Сибири, в первую очередь, на ее северных окраинах, в XVI – начале XVIII вв. были связаны с так называемой «пушной лихорадкой» – стимулируемой интересами казны погоней за высокоценной сибирской пушшиной. Растущий спрос на сибирскую «мягкую рухлядь» на рынках Запада и Востока делал ее важнейшим коммерческим ресурсом государства, который не только обогащал казну, но и способствовал удержанию Россией своих международных позиций в европейской торговле. Постепенное вовлечение государства в эксплуатацию пушных богатств (прежде всего, в виде обложения инородческого населения ясачной податью и других фискальных инструментов) при ограничении частного оборота пушнины, по словам С.В. Бахрушина, придало «новый оборот» всей политике захвата зауральских земель [Бахрушин 1959, с. 9], впервые превращая удержание пустынных, малонаселенных пространств в прибыльное экономическое предприятие. Ясак, как традиционный институт, заимствованный местной русской администрацией из практики взаимоотношений сибирских племен, своей простотой напоминал извлечение «природной ренты» и отражал стремление осваивать зауральские земли малыми силами и минимальной ценой. Сложилась определенная система финансово-экономических взаимоотношений Русского государства с ее отдаленными восточными окраинами, которую замечательно описал бежавший в Швецию дьяк Г.К. Котошихин, большой знаток приказной практики управления. В своей записке он сообщал, что «денежных доходов с тамошних (сибирских – *Авт.*) городов не бывает никаких, исходят там на жалованье служилым людям...», в то время как «присылается из Сибири царская казна, ежегодно» [Московия 2000, с. 84]. Истолковать это сообщение можно лишь в том смысле, что ежегодно отсылая хлебное и денежное жалованье в Сибирь, управлявший ею Сибирский приказ в идеале стремился привести объем этих затрат к балансу со всей суммой неясачных налогов и сборов (как правило, довольно скуд-

ных), получаемых из Сибири, в то время как ясачная «царская казна», как правило, оставалась в неприкосновенности как источник чистого государственного дохода [Зубков 2019, с. 19]. Это служит лучшим доказательством того, что на ранних этапах колонизация зауральских территорий обретала свой главный экономический смысл именно в организации государством системы извлечения пушного дохода; все остальные виды экономической деятельности носили подчиненный характер, включая и развитие местного земледелия, которое должно было отчасти избавить Сибирь от дорогостоящего завоза хлеба извне.

Как высоколиквидный товарный ресурс, сибирская пушнина составляла в XVII и большей части XVIII в. важный «валютный резерв» государства, активно использовалась в торговле с Западом. По разным подсчетам, сибирская пушнина составляла от 1/10 до 1/3 всех доходов русской казны. По оценке С.В. Бахрушина, стоимость всей пушнины, ежегодно доставлявшейся из Сибири в столицу, в XVII в. составляла 100–150 тыс. руб. по тогдашним ценам [Бахрушин 1959, с. 53]. Даже с упадком пушного промысла в конце XVII в. русское правительство всеми средствами пыталось сохранить этот источник дохода, ограничивая частную торговлю пушниной, ее экспорт на второстепенные рынки (Китай) и беря под защиту инородцев в их правах на охотничьи угодья. В то же время из пушных доходов государства финансировался широкий круг его потребностей, включая кредитование русского купечества, военное строительство и реализацию целей внешней политики. Выход сибирской пушнины на рынки Западной Европы позволял в значительной части поддерживать импорт из этих стран стратегически важных товаров [Зубков 2013, с. 234–235]. В середине XVII в. через основное «окно» торговли с Западом – Архангельск – ежегодно из России вывозилось пушнины в среднем на 100 тыс. руб. [Кизеветтер 1919, с. 47].

С точки зрения ресурсных предпосылок модернизации России, еще более важным последствием колонизации восточных территорий стало расширение базы производства черных и цветных металлов. С начала XVIII в., когда развернулись масштабные реформы Петра I, резко возросшие потребности государства в металлах уже не могли покрываться только за счет интенсификации производства в старых металлургических районах (олонецкие, поволжские и подмосковные заводы) с их крайне ограниченной ресурсно-сырьевой базой. В течение нескольких первых десятилетий XVIII в. хозяйственный и социально-культурный потенциал колонизации, представленной в основном крестьянством, служилым и ссыльным элементом, позволил стремительными темпами создать на востоке страны сразу три крупных горно-металлургических центра – на Урале, Алтае и в Забайкалье. Именно эти регионы составили своеобразную стратегическую «ось» дальнейшего индустриального освоения восточных окраин России. В XVIII–XIX вв. возросшая роль восточных регионов в развитии горной промышленности была существенно усилена развертыванием добычи серебра и золота.

Исключительная роль колонизации восточных регионов в создании предпосылок для разворачивания модернизационного процесса определялась тем, что России, в силу ее социально-экономического и технико-технологического отставания от Европы, приходилось опираться в развитии

индустрии на преимущества, связанные, прежде всего, с естественно-природными факторами продуктивности. Последние, в свою очередь, обеспечивались тем разнообразием и богатством вновь открытых ресурсов, которые обеспечивал широкий территориальный размах колонизации. В создании, например, центра черной и цветной металлургии на Урале решающую роль сыграло чрезвычайно удачное сочетание в его горной области основных факторов металлургического производства: богатейших и доступных для разработки руд, больших запасов качественного леса, разветвленной речной сети, обладающей значительным потенциалом водной энергии и обеспечивающей удобную транспортировку готовой продукции. Как отмечалось историками, при примерно одинаковом уровне техники и социальной организации металлургического производства, на Урале себестоимость производства полосового железа в начале XVIII в. была более чем в 2–2,5 раза ниже, чем на олонечских и подмосковных заводах, – что всецело следует отнести на счет благоприятных природных факторов [Дулов 1983, с. 100]. Однако достигаемые преимущества заключались не только в высоком качестве уральских железных руд и доступности богатых лесных массивов, но и в том, что наличие крупных запасов топлива и сырья позволяло на новых площадках перейти к организации металлургического производства в принципиально ином, чем прежде, – крупнозаводском – масштабе, что в дальнейшем открывало путь для внедрения новой техники и использования более эффективных технологий. По-видимому, уже на стадии зарождения российской промышленности размеры производства, «экономия масштаба» становились существенными факторами снижения себестоимости продукции, а сами крупнопромышленные формы производства определяли принципиальную совместимость организационно-технической основы развития индустрии в России и на Западе [Опыт российских 2000, с. 105].

Не будет преувеличением сказать, что в тех конкретно-исторических условиях, в которых Россия находилась в начале XVIII в., именно экстенсивное расширение ресурсной базы в процессе продолжающейся колонизации восточных окраин сделало возможным переход к политике модернизации страны. О динамике модернизационного «скачка» ясно говорит, в частности, статистика производства черных металлов в России с 1700 по 1800 г. За 1700–1725 гг. выплавка чугуна в стране выросла со 150 тыс. до 800 тыс. пудов (рост в 5,3 раза за 25 лет), а к 1767 г. – до 4,5 млн пудов (рост в 5,6 раза за более чем 40 лет). К 1800 г. темпы роста производства чугуна заметно замедлились: оно достигло лишь 10 млн пудов (рост по сравнению с 1767 г. в 2,2 раза) [Дробижев, Ковальченко, Муравьев 1973, с. 233]. Хотя на протяжении всего XVIII столетия прирост производства металла в абсолютных цифрах имел нарастающую тенденцию (благодаря расширению исходной базы в каждом периоде), среднегодовые темпы его прироста имели тенденцию к снижению: свыше 17% в 1700–1725 гг., 11% в 1725–1767 гг. и только 4% – в 1767–1800 гг. Наивысшие показатели приходится на период 1700–1725 гг., когда форсированными темпами происходило экстенсивное расширение материально-производственной базы черной металлургии в районах, впервые вовлекаемых в промышленное развитие. Таким образом,

в данном случае модернизационный «скачок» имел в своей основе экстенсивную природу.

Отмеченные особенности российской модернизации – по крайней мере, ее ранних этапов – позволяют говорить о ее тесной сопряженности и даже взаимопроникновении с процессом колонизации. Это объясняется тем, что в России модернизационный процесс в существенной степени вынужден был опираться на компенсирующие ее исходную экономическую и техническую отсталость резервы экстенсивного развития. В какой степени ключевой для развертывания модернизации фактор наличия финансовых и материальных ресурсов мог обеспечиваться в России колонизацией новых территорий, дополняемой преимуществами прямой государственной монополии и присвоения «природной ренты», – в такой же степени сами стратегии модернизации, с характерной для них последовательностью реализации задач и удовлетворения ресурсных потребностей, должны были накладывать сильный отпечаток на динамику и характер колонизации.

Безусловно, растянувшаяся на четыре столетия (и отчасти продолжающаяся до сих пор) русская колонизация восточных территорий страны имела общую поступательную, непрерывно нарастающую динамику развития, подчиненную историческому процессу роста географических знаний, заселения и усложнения социальной жизни, преемственности хозяйственных, демографических и культурных накоплений. Социально-историческая ткань этой преемственности обеспечивалась периодическими всплесками крестьянских переселений, в которых В.О. Ключевским, однако, была уловлена совершенно оригинальная динамика. По его наблюдениям, в процессе колонизации население «распространялось по равнине не постепенно путем нарождения, *не расселяясь, а переселяясь*, переносилось птичьими перелетами из края в край, покидая насиженные места и сядя на новые» [Ключевский 1987, с. 50]. Уже в этих замечаниях великого историка содержится указание на то, что русская колонизация сурового по своим природным условиям и редконаселенного востока отнюдь не была воплощением вполне органичного территориального расширения как следствия перенаселенности старых мест обитания и нехватки земли. Скорее, непрерывность процесса обуславливали простая территориальная связность мест выхода и мест нового оседания, усиленная удобными путями сообщения, а также располагающее к накоплению опыта сходство базовых природных условий земледельческо-промысловой деятельности в протяженной полосе от Русского Севера через Урал до Западной и отчасти Восточной Сибири. При таких условиях сформировалась глубинная экономическая мотивация русского крестьянина, при которой «перелет» на новое место – при всех трудностях освоения – становился более выгодным, чем улучшение агротехники на истощившихся участках малопродуктивной земли. Как результат, в ходе колонизации выработался и особый социальный тип колониста – крестьянина-земледельца по основному своему занятию и одновременно чрезвычайно выносливого, неприхотливого работника, привыкшего к выполнению разного рода неземледельческих занятий и повинностей (заводские работы, прокладка путей сообщения, извоз, лесозаготовки и т. п.) [Зубков 2018б, с. 85, 89]. Таким образом, по историческому итогу, мы видим, с одной сто-

роны, постепенное превращение разрозненных групп служилых людей и крестьян в более или менее устойчивые колонизационные потоки, которые в цивилизационном отношении продолжают, по выражению Н.Я. Данилевского, русскую жизнь, «расширяют единый, нераздельный круг ее» [Данилевский 1995, с. 412]; с другой же – сохраняется крайне разреженный, «островной» характер колонизации, которая почти нигде не становится сплошным расширением заселенного и хозяйственно освоенного ареала, перемежается огромными пустыми пространствами. Усиливая фиксацию ограниченного и фрагментированного характера восточнославянской колонизации Евразии, В.П. Семенов-Тянь-Шанский уподобил ее *действительный* ареал фигуре «постепенно суживающегося, зазубренного меча, тончающего на своем восточном тихоокеанском конце, вклинившегося между суровыми в климатическом отношении территориями севера Азии и исконными землями самого обширного государства желтой расы – Китая» [Семенов-Тянь-Шанский 1929, с. 190–191].

Еще более неравномерной, фрагментированной, дискретной по своему характеру русская колонизация за Уралом предстает в динамическом аспекте, при попытке проследить ее общую траекторию. Ее динамика претерпевала как периоды впечатляющего усиления (как, например, стремительный «рывок» русских землепроходцев до Тихого океана всего за полвека), так и периоды спада и застоя, напоминая смену разделенных во времени волн активности. Каждая из таких волн, пробегая всё громадное колонизируемое пространство, включала в эксплуатацию лишь отдельные виды ресурсов и, соответственно этому, охватывала своим воздействием природные ареалы довольно избирательно, порождая и особые географические конфигурации распределения активного населения, и направленность главных векторов его перемещения, и особую организацию и «настройку» административной власти.

Смена ресурсных приоритетов могла вести к существенной трансформации всей территориально-экономической модели освоения и всякий раз как бы запускала процесс колонизации заново. Как результат, процесс освоения долгое время не получал необходимой последовательности и надежного фундамента в виде органично растущего и прогрессивно диверсифицирующегося хозяйства. На эту выразительную особенность русской колонизации востока в свое время обратил внимание в одной из своих работ С.В. Бахрушин [Бахрушин 1922], связав ее с сильнейшей зависимостью всего процесса освоения восточных окраин – прежде всего, в организационно-экономическом отношении – от потребностей государственной казны и соответствующих мер правительственной регламентации хозяйственной жизни.

Первые два крупных этапа колонизации Урала и Сибири (хронологически частично накладывающиеся друг на друга) – пушную «лихорадку» XVII – первой половины XVIII вв. и форсированное развитие центров горнозаводской промышленности с начала XVIII и примерно до середины XIX вв. – историк объяснял не столько последовательным саморазвитием местной экономики, сколько теми ресурсными доминантами, которые в тот или иной период выдвигал на первый план государственный интерес. На основе этих приоритетов – не столько даже собственно развития, сколько

эксплуатации окраин – строилась вся правительственная политика, которая разными мерами, в конечном итоге, подчиняла себе основные живые силы колонизационного процесса. Отсюда и методологически важный вывод С.В. Бахрушина о нарушении в ходе освоения восточных регионов общеизвестной в истории эволюционной последовательности смены хозяйственных укладов – от примитивной присваивающей (промысловой) экономики к аграрной, а от нее – к индустриальной. На Урале и в Сибири промысловый этап освоения стал сменяться этапом широких геологических разведок и устройства горнозаводских районов со сложным вспомогательным хозяйством, а широкое аграрное освоение встало в повестку гораздо позже. Лишь с конца XVIII в., а именно – с издания указа «О заселении Забайкалья» от 17 октября 1799 г.²¹⁶, можно говорить о зачатках формировании совершенно нового подхода к колонизации окраин. С этого времени стал осуществляться медленный переход к систематическому и широкому заселению востока земледельческим населением и созданию там прочных основ аграрной экономики и сопутствующих ей отраслей переработки. С полной силой эта тенденция развернулась, однако, только с последних десятилетий XIX в.

По понятным причинам, этот вывод историка не простирался так далеко, чтобы соотносить колонизацию восточных окраин России с процессом ее модернизации; скорее, речь шла о том, чтобы показать, как изменяющаяся конъюнктура государственных потребностей в ресурсах влияла на ход колонизации и очередность ее волн. Однако при более внимательном рассмотрении в самом порядке этих конъюнктурных запросов на ресурсы можно увидеть отчетливое проявление модернизационной тенденции. Бесперебойное поступление в казну сибирской пушнины, превращая восток страны в важный «валютный цех» государства, помогало поддержанию выгодного для России внешнеторгового баланса и созданию финансовых резервов для перехода к форсированной модернизации в начале XVIII в. Довольно резкий переход в колонизационной политике к освоению рудных богатств Урала и Сибири и созданию там крупных центров местной металлургии, в свою очередь, отражал назревшую необходимость в организации собственного производства черных и цветных металлов. Третья – аграрная – волна колонизации, постепенно набиравшая темпы в восточных регионах страны с середины XIX в., существенно отличалась от узкопрагматичных, принудительно регламентируемых и не всегда дальновидных подходов к делу колонизации в предшествующие эпохи. Она не сулила государству быстрой отдачи, но имела демографически более массовый, территориально – более широкий масштаб, а ее последствия для развития экономики и социальной жизни носили более глубокий, качественно преобразующий характер. Включая в процесс колонизации огромные массы людей на совершенно новой социально-институциональной основе – на базе раскрепощения хозяйственной инициативы, активной ориентации на рынок и внедрения технических новшеств, аграрное освоение восточных окраин на рубеже XIX–XX вв. подводило под процесс модернизации государства и общества более прочный фундамент. Создавались будущие основы для органичного эконо-

²¹⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собрание первое. Т. XXV. 1798–1799 гг. СПб., 1830. С. 813–815.

мического роста: росли сборы зерновых и аграрный экспорт; происходило расширение внутреннего рынка и рынка капиталов; города, ограниченное прежде ролью административных центров, становились узлами торгово-промышленной жизни; быстро развивались строительство, магистральный транспорт, лесное хозяйство, промышленные предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции. Прогресс крестьянской экономики формировал предпосылки для прохождения переселенческими регионами Сибири первых стадий индустриализации – на этот раз не форсированно насаждаемой правительством, но массовой, органично растущей «снизу», благодаря коммерциализации аграрного сектора экономики [Зубков, Побережников, Шумкин 2019, с. 163–164].

В такой же мере, в какой колонизация зауральских территорий воздействовала на темпы и характер российских модернизаций XVIII–XX вв., можно говорить и об обратном воздействии стратегий модернизации на динамику и качество колонизационного процесса. На протяжении всех трех вышеупомянутых крупных этапов колонизации восточных регионов мы наблюдаем тенденцию перехода от поверхностных, подчиненных временной конъюнктуре форм эксплуатации наиболее доступных и богатых ресурсных статей – своего рода политики «снятия сливок», или присвоения природной «ренды» – к постепенному совершенствованию и углублению производственно-экономической функции. Это выражалось, прежде всего, в углублении переработки природного сырья и переключения внимания с наиболее доходных и быстро истощаемых ресурсов на более долгосрочные и универсальные. Как ни парадоксально, колонизация Сибири, совершив за три столетия ряд циклов эксплуатации наиболее ценных ресурсов, доставляемых ее природой, по существу, вернулась к концу XIX столетия к более глубокому и разностороннему освоению самого избыточного и универсального экономического ресурса, который привлекал на восток русского крестьянина, – земли.

При более детальном исследовании вопроса о том, какое значение аграрное освоение имело на ранних этапах колонизации востока, обнаруживается, что представление о непрерывном движении масс крестьянства за Урал и успехах сибирского хлебопашества в этот период является явным преувеличением. Помимо того, что в XVII и отчасти в XVIII вв. аграрная колонизация Сибири серьезно сдерживалась демографическими (общий недостаток населения) и геополитическими (угрозы со стороны кочевников) факторами, устройство «сибирской пашни» в этот период не смогло перерасти в самостоятельную и массовую экономическую тенденцию и из-за непоследовательности и противоречивости правительственной политики. Рассматривая местное хлебопашество лишь как вспомогательное средство снабжения продовольствием служилого населения Сибири, правительство не только не поощряло приток населения на восток, но и старалось сдерживать его, поскольку не желало терять тяглого населения в центре страны и иметь лишние рты на востоке. В случае необходимости оно прибегало к дозированным посылкам в Сибирь небольших контингентов крестьян двумя известными способами – «по указу» и «по прибору», а также стремилось использовать труд ссыльных. Иногда переселения крестьян осуще-

ствлялись внутри Сибири, приводя к зарождению новых слобод в одних местах и упадку старых из-за убыли рабочих рук – в других. Потенциал вольно-народной колонизации Сибири в основном ограничивался небольшими группами «гулящего» и беглого элемента, который местные власти вынужденно принимали и сажали на землю, вопреки правительственным запретам. По мнению дореволюционного сибирского историка И.В. Щеглова, ресурсы «сибирской пашни», устройство и расширение которой только и могло претендовать на роль «настоящей колонизации» [Щеглов 1993, с. 46], в XVII в. были столь незначительны, что баланс между численностью населения и продовольственными припасами мог поддерживаться на новых территориях востока лишь с большим трудом [Зубков 2020, с. 136, 138]. В XVIII в., как отмечал в своем известном сочинении Ю.А. Гагемейстер, организованные присылки крестьян в Сибирь (в частности, на Алтай) уже были связаны не столько с пополнением земледельческого населения, сколько с необходимостью приписки к заводам новой рабочей силы. Это отвлечение и без того немногочисленного крестьянского населения на заводские работы приводило к формированию структуры расселения, которая в целом не благоприятствовала земледельческому освоению края, ограничивая тем самым возможность аграрной колонизации [Гагемейстер 1854, с. 60, 120].

Массовые крестьянские переселения в Сибирь конца XIX – начала XX вв., на этот раз поощряемые и организуемые правительством, осуществляемые с ясно определенной экономической целью – найти выгодное употребление громадным земельным ресурсам востока, – это уже совсем другая реальность по сравнению с тем, как осваивалась Сибирь в предшествующие эпохи. Колонизационный «рывок» рубежа XIX–XX вв., хотя и преемственно связанный многими чертами с длительной традицией крестьянских переселений на восток, обретает новое качество и смысл, приближаясь к классической модели переселенческой колонизации. Доминантой освоения зауральских территорий становится уже не конъюнктурная ориентация на извлечение наиболее ценного ресурса, но организация систематической и разнообразной экономической деятельности на основе прочного водворения на земле производительного населения. Снимая препоны на пути широкой аграрной колонизации Сибири, правительство, как и в прежние эпохи, прибегало в этом деле к наименее затратным средствам, предпочитая не столько вкладывать в этот край инвестиции, сколько уповать, прежде всего, на свободную хозяйственную инициативу русского крестьянина [Зубков 2019, с. 21].

Несмотря на то, что аграрная отрасль на эволюционной шкале производственных форм относилась, скорее, к традиционному хозяйству, резкий рост ее производительности и гигантская пространственная экспансия на рубеже XIX–XX вв. теснейшим образом были связаны с процессами модернизации, в частности, с развертыванием второй промышленной революции. Крестьянская колонизация Сибири и других восточных окраин России в этот период являлась частью глобального феномена «переселенческой революции», которая, помимо востока России, с конца XIX в. охватила западные районы США и Канады, Австралию, страны Латинской Америки (Аргентина). Американский историк Дж. Белич справедливо подчеркивает,

что впечатляющие результаты этой «революции» стали возможны благодаря совершенно новой комбинации факторов, которые были созданы модернизационными процессами. Это, прежде всего, улучшение агротехники и применение машин в сельском хозяйстве, динамичный прогресс магистрального транспорта (железнодорожного, речного и морского), расширение банковской сферы и системы сельскохозяйственного кредита, развитие средств связи (регулярная почтовая связь, телеграф) и распространения информации (реклама, пропаганда и т. п.). В свою очередь, и аграрное освоение новых территорий становилось важнейшим условием дальнейшей модернизации – прежде всего, в связи со стремительно растущим спросом на продовольствие со стороны расширяющихся ареалов индустриализации и урбанизации [Belich 2009, p. 106–124].

Сложная, неравномерная динамика колонизации, обусловленная, в том числе, ее противоречивым взаимодействием с модернизационными процессами, в существенной степени повлияла на сохраняющуюся длительное время неоднородность громадного пространства, которое уже к середине XVII в. было включено в политические пределы России. Эта неоднородность выражалась не только в самых глубоких контрастах между уровнем развития исторического центра страны и состоянием почти не затронутых освоением, редконаселенных окраин, где деятельность человека – чем дальше на восток, тем во всё большей степени – диктовалась соображениями примитивного выживания в непосредственной борьбе с природой. Хотя, в зависимости от давности заселения и благодаря хозяйственно-культурным накоплениям, по мере движения колонизации на восток, многие показатели развития (плотность населения, структура и размер землепользования и т. п.) в целом имели тенденцию снижаться от одного крупного региона к другому, чрезвычайная пестрота уровней и градаций развития, ближайшее соседство вполне устроенных центров цивилизации с совершенно дикими, неосвоенными местностями наблюдались и в пределах каждого из таких регионов. Помимо разности природно-географических условий, это объяснялось как раз вышеописанными особенностями русской колонизации, которая, проходя своими волнами все пространство от Урала до Тихого океана, на каждом этапе вовлекала в оборот различные виды ресурсов и никогда не представляла собой ни завершенного процесса, ни сплошного и последовательного расширения заселенной и освоенной территории.

Для исследования процесса колонизации во всем богатстве его форм и фиксируемых стадий прогресса важное эвристическое значение имеет понятие «фронтир», которое с 1990-х гг. стало активно (хотя и не всегда адекватно и критично) использоваться российскими историками, в том числе для анализа русской колонизации Урала и Сибири XVII – начала XX вв. Концепция фронта, выдвинутая американским историком Ф.Дж. Тёрнером в 1893 г. [Тёрнер 2009; Turner 1908] для объяснения стадияльно-процессуальной динамики колонизации американского Запада, обнаружила со временем черты универсальной объяснительной модели, способной не только адекватно осмыслить специфический опыт освоения Запада США (чем, собственно, ограничивал свою концепцию сам Тёрнер), но и быть удобным познавательным инструментом при изучении стран, в истории которых су-

щественную роль играли колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток».

Исходно понятие фронта характеризовало непрерывно воспроизводимую в ходе колонизации подвижную границу освоения, своего рода передний край «цивилизации», приходящей в столкновение с «дикостью» – обобщенным образом трудностей и препятствий, которые создавали для колониста суровая девственная природа и сопротивление туземного населения, находящегося, как правило, на более примитивной стадии развития. Тем самым свойство фронтности, по принципу контраста, призвано было фиксировать дистанцию различий, которые в хозяйственном, социально-политическом и культурном отношении разделяли давно освоенный, зрелый по многим параметрам развития исторический центр страны («ядро») и расширяющийся круг ее вновь колонизируемых земель («граница»). Хотя концепция Тёрнера фокусировалась, прежде всего, на специфике жизненного уклада и социальной психологии первопоселенцев, на наш взгляд, она вполне поддается более широкой трактовке и может быть распространена на все своеобразие хозяйственных форм, социальных и административно-политических институтов, культурных практик, которые вновь создавала и зачастую сплавления в единое целое обстановки первичного освоения. Кроме того, в исторических работах, обсуждавших концепцию Тёрнера, помимо содержательного расширения концепта «фронт», была выявлена и известная односторонность тёрнеровского представления об определяющем влиянии героического опыта и независимого духа «подвижной границы» на социальный и политический строй страны. Историки обратили внимание на несомненную значимость для жизни окраин традиций и практик, «вывезенных» из метрополии, на регулирующую роль государства, на постоянное и интенсивное взаимодействие «ядра» и «границы» [Кушнер 1993; Шейд 2004; Зубков 2018а; Агеев 2005; Резун, Ламин, Мамсик, Шиловский 2001; Резун, Шиловский 2005; Побережников 2013а].

Обобщение выводов зарубежной и российской историографии, посвященных проблемам колонизации в широком сравнительном аспекте, и проведенные нами исследования позволяют выделить и трактовать в качестве характерных черт фронта следующие особенности восточного направления русской колонизации XVII–XX вв.

Во-первых, следует указать на комплекс благоприятствовавших колонизации условий и предпосылок, который обобщенно можно характеризовать как «освоенческий синдром». Он был обусловлен, прежде всего, природно-географической предрасположенностью к развертыванию колонизационного процесса в восточном направлении. Это – выраженный геополитический градиент, заставлявший Сибирь, по выражению С.М. Соловьева, «смотреть исключительно на запад» [Соловьев 1988, с. 70], т. е. в сторону России; наличие там относительно доступных, «пустых» (по терминологии жалованных грамот конца XVI в.) [Алексеев, Алексеева, Зубков, Побережников 2004, с. 26] и не доставлявших больших военных осложнений пограничных земель; сходство ландшафтно-почвенных условий в протяженной полосе земель, протянувшихся от северо-востока коренной России через Урал в

глубь Сибири, что существенно облегчало адаптацию русского земледельца на новых местах [Зубков 2018б, с. 84–85].

В органичной связи с действием факторов природной среды формировалось общество с относительно высокой подвижностью населения, отличавшегося если не тягой, то готовностью к перемене мест при ухудшении условий хозяйствования. Эту мобильность усиливала необходимость комбинировать в условиях северной лесной зоны земледелие с разнообразными промыслами. Еще при освоении в XIII–XV вв. великорусского исторического центра с его непроходимыми лесами и болотами, трудными для обработки суглинистыми почвами, неустойчивыми погодными условиями, сформировалась устойчивая хозяйственная мотивация, делавшая для крестьянина менее затратным переселение на вновь осваиваемые земли, чем попытки интенсифицировать хозяйство на выработанных участках. Этот «код» жизнедеятельности русского крестьянина, исторически, подготовил его к участию в колонизации обширных восточных территорий. Вне зависимости от того, поощряло ли правительство переходы крестьян за Урал или, наоборот, ограничивало их, переток населения на восток в той или иной форме непрерывно поддерживался, отражая стремление русского земледельца к поискам лучших условий хозяйствования. Эта тенденция стихийно действовала во многом вопреки усиливавшемуся с конца XVI в. процессу закрепощения крестьянства.

Следует также учитывать, что повышенной мобильности населения в процессе колонизации восточных окраин России способствовало и то, что вновь открытые земли служили своего рода клапаном для разрядки социальных проблем и противоречий, имевших место на территории исторического центра страны. Не только процессы закрепощения и ужесточения сословной политики, но и другие трансформации сложившегося порядка жизни (например, церковная реформа) приводили к стихийному, а порой и принудительному вытеснению на вновь колонизируемые земли не только беглых, но и других «несистемных» или нонконформистских элементов общества (например, старообрядцев и других ветвей сектантства). Даже небольшие и разрозненные контингенты беглых, разного рода «гулящих» и «охочих» людей, в сумме, позволяли на протяжении XVII и большей части XVIII вв. закрывать необычайно острую потребность в рабочих руках, с которой сталкивались местные администрации при отправлении правительственных нужд и заданий на подведомственных территориях. Эта практика, помимо всего прочего, может служить косвенным свидетельством складывания на восточных окраинах, вдали от правительственного контроля, некоторого общественного консенсуса между населением и местными властями, зачаточной формы самостоятельных территориальных интересов, а, следовательно, некоего подобия общества фронта.

Во-вторых, восточный фронт русской колонизации, по целому ряду причин, отличала, по сравнению с центром страны, довольно сложная социальная композиция, – вполне, впрочем, сопоставимая с фронтальной спецификой других стран. Поскольку фронтальные сообщества формировались из разных переселенческих потоков и весьма пестрой палитры сословных элементов (иногда с очень неопределенным статусом), их, как правило, от-

личала повышенная социально-сословная и культурная мозаичность. Вся обстановка фронта, при его малолюдности и подверженности реальным военным угрозам, должна была укреплять внутреннюю сплоченность и солидарность всех групп колонистов, однако, в реальности, из-за своей исходной неоднородности, разности интересов и ожиданий составляющих элементов фронтные сообщества в такой же степени были подвержены социальной конфликтности. Это не только типичные формы социального протеста (например, вследствие тяжелых условий жизни и произвола администраций), но и межгрупповые конфликты разной природы – между администрациями, между сторонниками разных кандидатов на административные должности, между отрядами казаков, соперничающими за ясачные сборы, и т. п. [Андреевич 1889, с. 149–153].

На наш взгляд, это объясняется тем, что в условиях фронта выраженность и, как следствие, закреплённость социальных ролей и статусов были существенно ослаблены; на новых территориях процессы социальной идентификации и «кристаллизации» сословных статусов во многом как бы «запускались» заново, что провоцировало и определенное внутреннее соперничество. Перемены социальных статусов и ролей – например, переход из разряда свободных промышленников в служилые люди и наоборот, повышение сословного статуса через административную службу, рекрутирование крестьян и посадских людей в казаки и т. п. – были для колонизируемых окраин довольно типичным явлением. При этом неопределенность социальных ролей была, как правило, следствием малочисленности общей массы насельников и слабого развития разделения труда. Например, из-за хронических проблем со снабжением городов и острогов хлебом хлебопашеством вынужденно занимались не только государевы пашенные крестьяне, но и практически все категории населения (служилые и торговые люди, священники и др.). Крестьяне же, помимо выполнения разного рода натуральных повинностей, в случае военной опасности часто выступали навстречу врагу вместе со служилым войском [Зубков 2020, с. 135–136].

В-третьих, разнородность элементов, составлявших фронтные сообщества, усиливалась этноконфессиональным и этнокультурным разнообразием. Фронт, по определению, являлся не только передовой границей колонизации, но и зоной активного межэтнического взаимодействия, причем к России это относится в гораздо большей степени, чем, скажем, к американскому Западу [Побережников 2013б, с. 44–52]. Специфика русской колонизации, стартовавшей в XVII в. с организации системы извлечения в пользу казны (и лишь частично частных промышленников) ресурсов пушнины, предопределила относительно щадящие формы податной эксплуатации коренного населения, а в отдельные периоды – и некоторые формы правительственной опеки над ним.

Такая политика, несмотря на массу насилий и злоупотреблений со стороны сборщиков ясака, открывала поле для взаимной адаптации культурно-хозяйственных укладов аборигенного и пришлого населения, а, в силу недостатка на колонизируемых землях женского населения, и для частичной ассимиляции (метизации). Конструктивный контакт с аборигенным населением в существенной степени обогащал производственный и культурно-

бытовой опыт колонистов, повышал потенциал их адаптации к условиям конкретных природно-географических сред. В свою очередь, коренное население под влиянием пришлого русского населения переходило к известной модернизации и коммерциализации своих традиционных промыслов, восприняло целый ряд бытовых элементов и практик русского населения. Долговременное существование фронта в значительной мере сформировало новую, имперскую – относительно толерантную и конструктивную – модель межэтнических взаимодействий, ставшую одной из конститутивных черт российской цивилизации.

В-четвертых, отличительной чертой восточного фронта русской колонизации являлась заметная милитаризация всего жизненного уклада колонистов и формирующейся системы расселения. Эта особенность освоения не только отражала исторически выдающуюся роль военно-служилого сословия в покорении и политическом закреплении зауральских территорий за Россией. Она была обусловлена необходимостью осуществлять хозяйственную деятельность под перманентной угрозой возмущений ясачного населения и набегов степных кочевников, что часто заставляло первых русских насельников Сибири постоянно жить в условиях повышенной бдительности, совмещая функции труженика и воина.

Как ответ на это, потребовался переход к систематической политике военной безопасности и охраны границ, которая выражалась, в частности, в подчиненном определенному плану размещении фортификационных сооружений, образовывавших целостный оборонительный контур вдоль открытых южных границ Урала и Сибири [Огурцов 1990], дислокации воинских частей, создании на поселенной основе прикрытия границ в виде иррегулярных (казачьих) воинских формирований (Яицкое, позднее – Уральское, Оренбургское, Башкиро-мещеряжское – на Урале; Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское – в Сибири и на Дальнем Востоке) [История казачества 1995], установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник) [Зубков, Побережников 2003, с. 32–35, 41, 43–45; Побережников 2013а, с. 258–259]. На наш взгляд, значение военного фактора, во многом определявшего условия и порядок жизни на зауральском фронтире, простиралось гораздо дальше, чем поддержание колонизационной динамики. Реалии восточного фронта, как бы физически пролонгируя инерцию военно-мобилизационной сущности Московского государства и абсолютистской империи, закрепляли характерную для России систему приоритетов государственной политики, которая однозначно ставила задачи военной безопасности выше задач по поддержанию и стимулированию хозяйственного развития.

В-пятых, при всех импульсах самоорганизации, которые стихийно проявлялись на восточном фронтире, процесс освоения Урала и Сибири невозможно представить без сильной и всепроникающей роли государства. В данном случае речь идет о специфической черте русской колонизации, размах которой, как ни парадоксально, не ослаблял, но требовал усиления государственной регламентации. В этом исторический опыт России, в известном смысле, контрастирует с опытом других стран, переживавших процессы колонизации (в частности, США и Канады).

Возникший еще в эпоху Московского великого княжества мобилизационный тип государства, организованного как «военный лагерь», с жестким прикреплением всех сословий к несению разных повинностей и служб, по мере расширения границ государства, должен был лишь усиливать свою роль, поскольку государство превращалось в единственную институциональную «надстройку», вынужденную политическими средствами восстанавливать единство дисперсно заселяемого в ходе колонизации и исходно экономически очень разобщенного пространства страны. Этот эффект «разбегающейся» страны, наблюдаемый даже в пределах великорусского исторического центра, с выходом колонизации на обширные пространства за Уралом должен бы приобрести еще большую остроту. Не имея возможности опираться на силы экономического сцепления и быстрый рост народного благосостояния, государственное управление неизбежно приобретало черты навязываемой «сверху» системы бюрократической сверхэксплуатации и перераспределения скудного прибавочного продукта. (Генезис этой системы государственного управления, при которой политические цели государства постоянно опережают экономическое развитие, подробно рассмотрены в фундаментальной монографии Л.В. Милова [Миров 1998]).

Очевидно, что на необъятных просторах Сибири, при ничтожности людских ресурсов, редкой сети острогов и слобод, дальних расстояниях и отсутствии путей сообщения, лишь опережающее становление структур административного управления могло придать разрозненным и слабым усилиям по освоению территории характер целостной системы контроля и согласованной экономической деятельности.

Нередко во вновь присоединенных районах Сибири освоение начиналось с организации своеобразного «административного фронта» – создания сильной и в меру автономной военно-административной системы управления (генерал-губернаторства, наместничества), сосредоточенной, прежде всего, на исполнении полицейских и фискальных функций, но сохранявшей традиционные институты самоуправления коренного населения [Ремнев 1994, с. 63; Побережников 2011, с. 24–29; Побережников 2012, с. 17–20].

На новых территориях и экономическая роль государства являлась критически важной на всех этапах колонизации. При создании первых горнозаводских анклавов на Урале и в Сибири в первой половине XVIII в. государство обеспечивало частных владельцев всеми основными факторами производства (земельные латифундии для организации многопрофильного горно-металлургического производства, прикрепление к заводам рабочей силы, правительственные заказы и т. п.), сохраняя за собой не только рычаги регулирования деятельности заводов, но и право на административное вмешательство [Опыт российских 2000, с. 147–148]. Даже в период, когда правительство в конце 1880-х гг., стимулируя свободную хозяйственную инициативу, сняло все препоны для массовых крестьянских переселений в Сибирь, они – с учетом маломощности основной массы крестьянских хозяйств – вряд ли имели бы успех без внушительной государственной поддержки при создании базовой «инфраструктуры» этого процесса – выдачи переселенческих ссуд, организации транспорта, устройства пунктов пита-

ния и врачебной помощи, гидротехнического и дорожного строительства, землеустроительных и агрономических работ. На эти цели с 1893 по 1917 г. правительством было ассигновано около 250 млн руб. [Усов 1927, с. 296]. Таким образом, в силу недостаточности наличных сил для свободной массовой колонизации становление урало-сибирского фронта невозможно рассматривать без активного участия государства, его исключительной регулятивной роли.

В-шестых, в дополнение к рассмотренным выше аспектам взаимодействия колонизации и модернизации, необходимо подчеркнуть ту роль, которую играл восточный фронт колонизации в формировании российской экономики, определении ее структуры и пропорций, масштабов и форм участия в международном разделении труда. Несомненно, что расширение государственной территории увеличивало объем и номенклатуру разнообразных ресурсов, необходимых для запуска процессов модернизации (что произошло уже на стадии протоиндустриализации XVIII в.), способствовало формированию емкого внутреннего рынка, обеспечивая самодостаточность экономического развития страны и даже ее замыкание в рамки автаркии – со всеми позитивными и негативными последствиями этой тенденции. По существу, колонизация, в особенности ее восточное направление, связанное с освоением Сибири, представляла собой определяющий процесс, который, согласно Ф. Броделю, превращал Россию в самостоятельный «мир-экономике», т. е. самодовлеющую структуру, «экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство» [Бродель 1992, с. 14].

Помимо того, что Россия – как «мир-экономика» со своим собственным институциональным порядком – во взаимодействии с внешними рынками несла значительные транзакционные издержки, восточный вектор колонизации, смещая центр тяжести экономики и населения, постепенно увеличивал удаленность страны от приморских зон мировой торговли, затрудняя полноценную интеграцию страны в систему международного разделения труда. Учитывая, что динамика экономического развития фронтальных территорий – при узости воспроизводственной базы и ее слабой диверсификации – определялась, как правило, временными ресурсными «бумагами» и, как следствие, инерционными последствиями этой односторонней специализации (перенасыщенность местного рынка, кризис сбыта, медленное восстановление за счет решения проблемы экспорта в метрополию) [Белич 2018, с. 73–74], для их развития критическое значение приобретали проблема выхода их продукции на внутренний и внешний рынки, фактор доступности экономической транспортной связи.

Развитие транспортных коммуникаций оказывало двоякое влияние на стимулирование процесса колонизации: с одной стороны, оно способствовало массовому притоку переселенцев, с другой – обеспечением вывоза продукции интегрировало экономику фронта в национальное и мировое хозяйство, придавая тем самым и самой колонизации полноценный экономический смысл и ускоряя ее динамику. Отсюда вполне понятно, насколько революционное значение для стимулирования переселенческой колонизации

ции, интенсификации хозяйственного развития фронтальных территорий и их интеграции в структуру национального и мирового рынка имела прокладку Транссиба – единственной к рубежу XIX–XX вв. трансконтинентальной железнодорожной магистрали, соединившей Сибирь с Европейской Россией. С этой точки зрения, для фронтальных территорий и последовательность перехода к индустриализации выглядела несколько иначе, чем для коренной России: если в последней модернизация последовательно охватывала легкую, затем тяжелую промышленность, а затем транспортный сектор, то в Сибири, по мнению историков, промышленный переворот начинался именно с транспорта – сначала водного, а затем магистрального железнодорожного, что создавало условия для последующей индустриализации [Букин, Исаев, Тимошенко 2006].

С точки зрения влияния фактора долговременного существования восточного фронта в истории России на модернизационную динамику, отдельного обсуждения заслуживает вопрос о том, насколько инновационным в перспективе модернизации экономики страны было хозяйственное развитие фронта. Нами уже отмечалось, что в историографии, посвященной проблемам колонизации зауральских территорий, существовали и неявно полемизировали друг с другом две точки зрения на эту проблему. Одна из них исходила из того, что фронт лишь копировал в своем развитии те формы экономической жизни, которые сложились в Европейской России, а, если учесть неизбежное упрощение хозяйственно-бытового уклада первооселенцев, – копировал преимущественно уже отжившие ее формы.

Другая точка зрения обращала внимание на новаторский опыт, который приобретали колонисты в столкновении с новыми природно-географическими средами, на расширение спектра ресурсов и приемов трудовой деятельности, на значение свободной хозяйственной инициативы в развитии новых форм экономики [Алексеев, Алексеева, Зубков, Побережников 2004, с. 544–567]. Поскольку история освоения Урала и Сибири изобилует примерами, подтверждающими каждую из этих точек зрения, для формулирования определенных выводов этот вопрос нуждается в дальнейшем исследовании. Однако на одну важную тенденцию, подтверждающую связь колонизации с развитием новых форм экономической жизни, необходимо указать.

Одним из последствий того экономического подъема, который переживала Сибирь в связи с прокладкой Транссиба и ускорением аграрной колонизации на рубеже XIX–XX вв., стало возникновение целого ряда новых для фронтальных территорий экономических явлений, среди которых специалисты выделяли рост торговли и городов, усиление предпринимательской активности, возросшую мобильность капиталов, начало лесопромышленной колонизации, широкое использование машинной техники в сельском хозяйстве, усовершенствование агротехники и, что очень важно, переход крестьянского землепользования на основе оброчного держания к закреплению земли в частной собственности.

Хотя это развитие еще сдерживалось недостаточным уровнем капитализации крестьянских хозяйств, современники не только отмечали обнадеживающий характер этой тенденции, но и соотносили достигнутый эффект развития с теми преимуществами, которая на вновь осваиваемых террито-

риях обеспечивала свобода от давления старых институциональных форм, которые еще сохранялись в историческом центре страны.

Представление о том, что Сибирь – это широчайшее поле для социального эксперимента, где возможна «сборка» принципиально новых форм экономической жизни, проникало даже в среду государственной бюрократии (в частности, Главного Управления Землеустройства и Земледелия), где вынашивались планы реконструкции всего аграрного строя на новых началах, свободных как от давления старых институтов, так и от негативного влияния западноевропейского капитализма [Зубков 2019, с. 13–14]. На наш взгляд, данный смысловой поворот в оценке значения колонизации для модернизации страны выходит за рамки одного примера и должен быть проанализирован на более широком массиве данных.

Проведенный анализ показывает, что колонизация и модернизации в истории России могут рассматривать как два магистральных взаимопроникающих процесса, в связи с чем к обозначению национально-страновой, и даже шире – цивилизационной, специфики, российских модернизаций XVIII–XX вв., помимо прочих измерений и признаков, может прилагаться понятие «фронтирная модернизация». По существу, данное понятие должно означать модернизацию, осуществляемую в условиях продолжающегося и еще далеко не завершенного освоения территории страны. Его разработка открывает новую, более глубокую перспективу в понимании обоих рассматриваемых феноменов, так как позволяет увидеть в их взаимопроникновении сложную диалектику реальных эффектов, связанных с торможением и ускорением исторического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Агеев 2005 – *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. – М.: Аспект-Пресс, 2005. – 330 с.

Алексеев, Алексеева, Зубков, Побережников 2004 – *Алексеев В.В. Алексеева Е.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. – М.: Наука, 2004. – 600 с.

Андриевич 1889 – *Андриевич В.К.* История Сибири. Ч. I. Период от древнейших времен до установления главенства города Тобольска и основания Иркутского острога. – СПб.: Тип. В.В. Комарова, 1889. – 220 с.

Бахрушин 1922 – *Бахрушин С.В.* Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. второй / Комитет Севера при Русском географическом обществе и Северная колонизационная экспедиция. – Пг.: Ред.-изд. Комитет Народного Комиссариата Земледелия, 1922. – С. 18–79.

Бахрушин 1959 – *Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Бахрушин С.В. Научные труды. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 4. – С. 6–192.

Белич 2018 – *Белич Дж.* Расцветающий фронтир: бум и крах в истории поселенческих сообществ XIX века // Естественные эксперименты в истории / Под ред. Дж. Даймонда и Дж. Робинсона. – М.: Изд-во АСТ, 2018. – С. 71–117.

Бродель 1992 – *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – М.: Прогресс, 1992. Т. 3. Время мира. – 679 с.

Букин, Исаев, Тимошенко 2006 – Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И. Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2006. Ч. 1. – С. 66–73.

Гагемейстер 1854 – Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском Комитете. Ч. II. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Импер. Величества Канцелярии, 1854. – 697 с.

Данилевский 1995 – Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Изд. 6-е. – СПб.: Изд-во «Глаголь»; Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. – 513 с.

Дулов 1983 – Дулов А.В. Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX века). – М.: Наука, 1983. – 255 с.

Зубков 2013 – Зубков К.И. Геополитический базис петровской модернизации России (XVII – начало XVIII в.) // История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории / Отв. ред. А.С. Севянский; Росс. акад. наук; Ин-т рос. истории. – М., 2013. – С. 231–246.

Зубков 2020 – Зубков К.И. Ранняя колонизация восточных регионов России: политэкономический аспект // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 1 (66). – С. 130–139.

Зубков 2019 – Зубков К.И. Ранняя колонизация Сибири: смыслы и уроки истории // ЭКО: Всеросс. экон. журнал. 2019. № 1. С. 8–24.

Зубков 2012 – Зубков К.И. Региональная история: время переосмысления // Стратегия и практика исследовательского поиска в отечественной истории: региональный аспект. Материалы научной конференции (Екатеринбург, 22–23 ноября 2012 г.) / Отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012. – С. 36–54.

Зубков 2018а – Зубков К.И. Фронтир как исследовательская парадигма // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 63–71.

Зубков 2018б – Зубков К.И. Цивилизационные особенности колонизационных процессов в истории России // Мир историка и пространство истории: сборник статей к юбилею проф. Н.Н. Алеврас. – Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 74–91.

Зубков, Побережников 2003 – Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв.) / Отв. ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2003. – 93 с.

Зубков, Побережников, Шумкин 2019 – Зубков К.И., Побережников И.В., Шумкин Г.Н. «Волны» колонизационной активности в процессе освоения восточных регионов России (XVI – начало XX вв.) // Исторический курьер. 2019. № 6. С. 157–170. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-13.pdf>.

История казачества 1995 – История казачества Азиатской России. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века. 317 с. Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века. – 253 с.

Кизеветтер 1919 – Кизеветтер А.А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории Русского государства: Исторический очерк. – Вологда: Тип. Союза Север. Кооператив. Союзов, 1919. – 66 с.

Ключевский 1987 – Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. Т. I. Курс русской истории. Ч. I / Под ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. – 430 [1] с.

Кушнер 1993 – Кушнер Г. Постоянство «идей границы» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник. 1992. – М.: Наука, 1993. – С. 136–151.

Лавры Полтавы 2001 – Лавры Полтавы / Юст Юль. Оттон Плейер. – М.: «Фонд Сергея Дубова», 2001. – 464 с.

Милов 1998 – *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОСС-ПЭН), 1998. – 573 с.

Московия 2000 – *Московия и Европа / Г.К. Котошихин. П. Гордон. Я. Стрейс. Царь Алексей Михайлович.* – М.: «Фонд Сергея Дубова», 2000. – 624 с.

Огурцов 1990 – *Огурцов А.Ю.* Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. / Автореф. ... канд. ист. наук / Ин-т истории и археологии. – Свердловск, 1990. – 22 с.

Опыт российских 2000 – *Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Отв. ред. В.В. Алексеев.* – М.: Наука, 2000. – 246 с.

Пивоваров 1996 – *Пивоваров Ю.Л.* Альтернативная концепция макрорегионального развития России: сжатие интенсивно используемого пространства // *Мир России.* 1996. Т. 5, № 2. С. 63–74.

Побережников 2011 – *Побережников И.В.* Административный фактор в рамках фронтальной модернизации Сибири (XVIII – начало XX в.) // *Проблемы истории государственного управления и местного самоуправления Сибири в конце XVI – начале XXI в. Материалы VII Всероссийской научной конференции (Новосибирск, 6–8 июня 2011 г.).* – Новосибирск: Нонпарель, 2011. – С. 24–29.

Побережников 2012 – *Побережников И.В.* Административный фактор в контексте фронтальной модернизации Урала XVIII–XIX вв. // *Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII – начало XXI вв.): сб. ст. Всероссийской научной конференции (г. Оренбург, 30 октября – 2 ноября 2012 г.).* – Оренбург, 2012. – С. 17–20.

Побережников 2013а – *Побережников И.В.* Фронтальная модернизация как российский цивилизационный феномен // *Россия реформирующаяся.* Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. – Москва: Новый хронограф, 2013. – С. 246–274.

Побережников 2013б – *Побережников И.В.* Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // *Вестник Пермского университета. Серия: История.* 2013. № 3 (23). С. 44–52.

Резун, Ламин, Мамсик, Шиловский 2001 – *Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 1. – Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2001. – 113 с.

Резун, Шиловский 2005 – *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. – Новосибирск: Сова, 2005. – 193 с.

Ремнев 1994 – *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // *Отечественная история.* 1994. № 2. С. 60–73.

Семенов-Тянь-Шанский 1929 – *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Район и страна. – М.; Л.: Государственное издательство, 1929. – 311 с.

Соловьев 1988 – *Соловьев С.М.* Сочинения. В 18 кн. Кн. I. Т. 1–2 / Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С.С. Дмитриев. – М.: Мысль, 1988. – 797 [1] с.

Тёрнер 2009 – *Тёрнер, Фредерик Дж.* Фронтир в американской истории / Пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2009. – 304 с.

Трейвиш, Шупер 1992 – *Трейвиш А., Шупер В.* Теоретическая география, геополитика и будущее // *Свободная мысль.* 1992. № 12. С. 23–33.

Усов 1927 – *Усов В.С.* Колонизация и ее значение для развития производительных сил Сибири // *Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда / О-во изучения Сибири и ее производительных сил под общ. ред. А.А. Ансона [и др.]; отв. ред. Г.И. Черемных. Т. 3: Доклады секции «Поверхность».* – Новосибирск: Красное знамя, 1927. – С. 279–301.

Хилл, Гэдди 2007 – *Хилл Ф., Гэдди К.* Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России. – М.: Научно-образов. форум по междунар. отношениям, 2007. – 328 с.

Шейд 2004 – *Шейд У.Дж.* Не только граница: значение Фредерика Джексона Тёрнера для исследования ранней республики // Американский ежегодник. 2002. – М.: Наука, 2004. – С. 9–32.

Шмитт 2006 – *Шмитт, Карл.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. – СПб.: «Владимир Даль», 2006. – 300 с.

Щеглов 1993 – *Щеглов И.В.* Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032–1882 гг. – Сургут: «Северный дом», 1993. – 463 с.

Belich 2009 – *Belich, James.* Replenishing the Earth. The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783–1939. Oxford: Oxford University Press, 2009. xii, 573 pp.

Glete 2010 – *Glete, Jan.* Swedish Naval Administration, 1521–1721: Resource Flows and Organisational Capabilities. Leiden: Brill, 2010. xxiv, 816 p.

Turner 1908 – *Turner, Frederick J.* Is Sectionalism in America Dying Away? // American Journal of Sociologt. 1908. Vol. 13. No. 5. P. 661–675.

REFERENCES

Ageyev, A.D. (2005), *Sibir' i amerikanskiy Zapad: dvizheniye frontirov* [Siberia and American West: movement of the frontiers], Aspekt-Press, Moscow, Russia.

Alekseyev, V.V., Alekseyeva, Ye.V., Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2004), *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike. XVI–XX veka* [Asiatic Russia in geopolitical and civilization dynamics. The 16th – 20th centuries], Nauka, Moscow, Russia.

Andriyevich, V.K. (1889), *Istoriya Sibiri. Chast' I. Period ot drevneyshikh vremen do ustanovleniya glavenstva goroda Tobol'ska I osnovaniya Irkutskogo ostroga* [A History of Siberia. Part I. Period from the establishment of supremacy of the city of Tobol'sk until the foundation of the Irkutsk fortress], V.V. Komarov's printing-house, St. Petersburg, Russia.

Bakhrushin, S.V. (1922), “Istoricheskiy ocherk zaseleniya Sibiri do poloviny XIX veka” [Historical essay on the settlement of Siberia until the half of the 19th century], in *Ocherki po istorii kolonizatsii Severa i Sibiri*, Issue 2, Editing Committee of the People's Commissariat of Agriculture, Petrograd, Russia, pp. 19–79.

Bakhrushin, S.V. (1959), “Ocherki po istorii Krasnoyarskogo uyezda v XVII v.” [Essays on the history of the Krasnoyarsk district], in Bakhrushin S.V., *Nauchnyye trudy.* Publishing House of the USSR's Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 6–192.

Belich, J. (2018), “Rastsvetayushchiy frontier: bum i krakh v istorii poselencheskich soobshchestv XIX veka” [Flourishing frontier: the boom and crash in the history of settling communities of the 19th century], in J. Diamond and J. Robinson (eds), *Yestestvennyye eksperimenty v istorii*, AST Publishing House, Moscow, Russia, pp. 71–117.

Belich, James. Replenishing the Earth. The Settler Revolution and the Rise of the Anglo-World, 1783–1939. Oxford: Oxford University Press, 2009. xii, 573 pp.

Braudel, F. (1992), *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i capitalism, XV–XVIII vv. Tom 3. Vremya mira* [The Material Civilization, Economy, and Capitalism, the 15th – 18th centuries. Vol. 3. The Time of World], Progress, Moscow, Russia.

Bukin, S.S., Isayev, V.I., Timoshenko, A.I. (2006), “Sibir' v modernizatsionnoy strategii Rossii (konets XIX – nachalo XX v.)” [Siberia in Russia's modernization strategy (the late 19th – early 20th centuries)], in *Ekonomicheskaya istoriya Sibiri XX veka*, Part I, Altay State University Press, Barnaul, Russia, pp. 66–73.

Gagemeister, Yu.A. (1854), *Statisticheskoye obozreniye Sibiri, sostavlennoye po Vysochayshemu Yego Imperatorskogo Velichestva poveleniyu, pri Sibirskom Komitete* [Statistical Survey of Siberia, compiled according to His Highest Imperial Majesty's command, under the Siberian Committee], Part II, Printing-house of the Second Department of His Imperial Majesty's Office, St. Petersburg, Russia.

Glete, Jan. Swedish Naval Administration, 1521–1721: Resource Flows and Organisational Capabilities. Leiden: Brill, 2010. xxiv, 816 p.

Danilevskiy, N.Ya. (1995), *Rossiya i Yevropa. Vzglyad na kul'turnyye i politicheskiye otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu*. [Russia and Europe. A view onto the cultural and political relationships of the Slavic world to the German-Romanic one]. 6th edition, "Glagol" Publishing House; St. Petersburg State University Press, St. Petersburg, Russia.

Dulov, A.V. (1983), *Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii (konets XV – seredina XIX veka)* [Geographical environment and the history of Russia (the late XV – mid-XIX centuries)], Nauka, Moscow, Russia.

Hill, F., Gaddy, C. (2007), *Sibirskoye bremya. Proshchety sovetskogo planirovaniya i budushcheye Rossii* [The Siberian Curse. Miscalculation of the Soviet Planning and the Future of Russia], Scientific-Educational Forum for International Relations, Moscow, Russia.

Istoriya kazachestva Aziatskoy Rossii (1995) [A History of the Cossacks of Asiatic Russia], Vol. 1: The 16th – first half of the 19th century; Vol. 2: The second half of the 19th – the early 20th century. Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

Kizevetter, A.A. (1919), *Russkiy Sever. Rol' Severnogo kraya Yevropeyskoy Rossii v istorii Russkogo gosudarstva: Istoricheskiy ocherk* [Russian North. The role of the Northern parts of European Russia in history of the Russian state: A Historical Essay], Printing-house of the Union of the Northern Cooperatives, Vologda, Russia.

Klyuchevskiy, V.O. (1987) *Sochineniya: V devyati tomakh. Tom I. Kurs russkoy istorii. Chast' I* [Works: In 9 volumes. Vol. I. The course of the Russian history. Part I], Mysl' Publishers, Moscow, Russia.

Kushner, H. (1993), "Postoyanstvo 'idey granitsy' v amerikanskoy mysli" [The constancy of the 'frontier ideas' in the American thought], in *Novyy vzglyad na istoriyu SShA: Amerikanskiy ezhegodnik. 1992*, Nauka, Moscow, pp. 136–151.

Lavry Poltavy / Yust Yul', Otton Pleier (2001) [The Laurels of Poltava / Just Juel, Otton Pleyer], Sergey Dubov Foundation, Moscow, Russia.

Milov, L.V. (1998) *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [A Great-Russian ploughman and peculiarities of the Russian historical process], Rossiyskaya Politicheskaya Entsiklopediya (ROSSPEN), Moscow, Russia.

Moskoviya / G.K. Kotoshikhin. P. Gordon. Ya. Streys. Tsar' Aleksey Mikhailovich (2000) [Muscovy / G.K. Kotoshikhin. P. Gordon. J. Struys. Tsar Aleksey Mikhailovich], Sergey Dubov Foundation, Moscow, Russia.

Ogurtsov, A.Yu. (1990), *Voenno-inzhenernaya politika russkogo pravitel'stva v Zapadnoy Sibiri v XVIII v.* [The military engineering policies of the Russian government in Western Siberia during the 18th century], Ph.D. Thesis, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

Opyt rossiyskikh modernizatsiy XVIII–XX veka (2000) [The experiences of the Russian modernizations of the 18th – 20th centuries] / Ed. by V.V. Alekseyev, Nauka, Moscow, Russia.

Pivovarov, Yu.L. (1996), "Al'ternativnaya kontseptsiya makroregional'nogo razvitiya Rossii: szhatiye intensivno ispol'zuyemogo prostranstva" [The alternative conception of macro-regional development of Russia: pressing of the intensely used space], in *Mir Rossii*, Vol. 5, No. 2, pp. 63–74.

Poberezhnikov, I.V. (2012), “Administrativnyy faktor v kontekste frontirnoy modernizatsii Urala XVIII–XX vv.” [Administrative factor in the context of frontier modernization of the Urals in the 18th–19th centuries], in *Regional'noye upravleniye i problema effektivnosti vlasti v Rossii (XVIII – nachalo XXI vv.)*, *Sbornik statey*, Proceedings of the All-Russian scientific conference (Orenburg, October 30 – November 2, 2012), Orenburg, Russia, pp. 17–20.

Poberezhnikov, I.V. (2011), Administrativnyy faktor v ramkakh frontirnoy modernizatsii Sibiri (XVIII – nachalo XX v.) [The administrative factor within the bounds of the frontier modernization of Siberia (the 18th – early 20th centuries)], in *Problemy istorii gosudarstvennogo upravleniya i mestnogo samoupravleniya Sibiri v kontse XVI – nachale XXI v.* Proceedings of the 7th All-Russian scientific conference (Novosibirsk, June 6–8, 2011), ‘Nonpareil’ Publishers, Novosibirsk, Russia, pp. 24–29.

Poberezhnikov, I.V. (2013a), “Frontirnaya modernizatsiya kak rossiyskiy tsivilizatsionnyy fenomen” [Frontier modernization as a Phenomenon of the Russian Civilization], in M.K. Gorshkov (ed.), *Rossiya reformiruyushchayasya*. Issue 12: Yearbook, *Novyy Chronograf*, Moscow, Russia, pp. 246–274.

Poberezhnikov, I.V. (2013b), “Sever Zapadnoy Sibiri v kontekste rossiyskoy modernizatsii XIX – nachala XX veka” [The North of Western Siberia in the context of the Russian modernization of the 19th – early 20th centuries], in *Vestnik Permskogo universiteta*, Series: History, No. 3 (23), Perm’, pp. 44–52.

Remnev, A.V. (1994), “Samoderzhaviye i Sibir’ v kontse XIX – nachale XX veka: problemy regional’nogo upravleniya” [The Autocracy and Siberia in the late 19th – early 20th centuries: Problems of Regional Administration], in *Otechestvennaya istoriya*, No. 2, pp. 60–73.

Rezun, D.Ya., Lamin, V.A., Mamsik, T.S., Shilovskiy, M.V. (2001), *Frontir v istorii Sibiri i Severnoy Ameriki v XVII–XX vv.: obshcheye i osobennoye* [Frontier in the history of Siberia and North America during the 17th–20th centuries: general and peculiar features], Issue 1, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

Rezun, D.Ya., Shilovskiy, M.V. (2001), *Sibir’, konets XVI – nachalo XX veka: frontier v kontekste etnosotsial’nykh i etnokul’turnykh protsessov* [Siberia, the late 16th – early 20th centuries: ethnosocial and ethnocultural processes], Sova Publishers, Novosibirsk, Russia.

Schmitt, Carl. (2006), *Leviafan v uchenii o gosudarstve Tomasa Gobbasa* [Leviathan in Thomas Hobbes’ doctrine on the statehood], “Vladimir Dal” Publishers, St. Petersburg, Russia.

Semenov-Tyan-Shanskiy V.P. (1929), *Rayon i strana* [Region and the Country], State Publishing House, Moscow, Leningrad, Russia.

Shade, W.G. (2004), “Ne tol’ko granitsa: znachenkiye Frederika Dzheksona Turnera dlya issledovaniya ranney respubliki” [Not only frontier: the significance of Frederick Jackson Turner for the studying of early republic], in *Amerikanskiy ezhegodnik. 2002*. Nauka, Moscow, pp. 9–32.

Shcheglov, I.V. (1993), *Khronologicheskiy pererchen’ vazhneyshikh dat iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg.* [Chronological list of the most important dates from the history of Siberia], “Severnnyy Dom”, Surgut, Russia.

Solov’yov, S.M. (1988), *Sochineniya. V 18-ti knigakh* [Works. In 18 books], Book I, vols. 1–2 / Ed. by I.D. Kovalchenko, S.S. Dmitriyev, Mysl’ Publishers, Moscow, Russia.

Treyvish, A., Shuper V. (1992), “Teoreticheskaya geografiya, geopolitika i budushcheye” [Theoretical geography, geopolitics, and the future], in *Svobodnaya mysl’*, No. 12, pp. 23–33.

Turner, Frederick J. (2009), *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American History], “Ves’ Mir” Publishing House, Moscow, Russia.

Turner, Frederick J. Is Sectionalism in America Dying Away? // *American Journal of Sociologist*. 1908. Vol. 13. No. 5. P. 661–675.

Usov, V.S. (1927), “Kolonizatsiya i eyo znacheniyе dlya razvitiya proizvoditel’nykh sil Sibiri” [Colonization and its significance for the development of Siberia’s productive forces], in A.A. Anson (ed.), *Trudy Pervogo Sibirskogo krayevogo nauchno-issledovatel’skogo s’yezda*, Vol. 3, “Krasnoye Znamya” Publishers, Novosibirsk, Russia, pp. 279–301.

Zubkov, K.I. (2018a), “Frontir kak issledovatel’skaya paradigma” [Frontier as a Research Paradigm], in *Ural’skiy istoricheskiy vestnik*, No. 4 (61), Yekaterinburg, pp. 63–71.

Zubkov, K.I. (2013), “Geopoliticheskiy bazis petrovskoy modernizatsii Rossii (XVII – nachalo XVIII v.)” [Geopolitical basis for the Petrine modernization of Russia, the 17th – early 18th centuries], in Senyavskiy, A.S. (ed.), *Istoriya Rossii: teoreticheskiye problemy, Issue 2: Modernizatsionnyy podkhod v izuchenii istorii Rossii*, Institute of Russian History, Moscow, Russia, pp. 231–246.

Zubkov, K.I. (2019), “Rannyya kolonizatsiya Sibiri: smysly i uroki istorii” [The early colonization of Siberia: meanings and lessons of history], in *EKO: Vserossiyskiy ekonomicheskii zhurnal*, No. 1, Novosibirsk, pp. 8–24.

Zubkov, K.I. (2020), “Rannyya kolonizatsiya vostochnykh regionov Rossii: politekonomicheskiy aspekt” [The early colonization of Russia’s eastern regions: political-economic aspect], in *Ural’skiy istoricheskiy vestnik*, No. 1 (66), Yekaterinburg, pp. 130–139.

Zubkov, K.I. (2012), “Regional’naya istoriya: vremya pereosmysleniya” [Regional history: the time for re-examining], in Alekseyev V.V. (ed.), *Strategiya i praktika issledovatel’skogo poiska v otechestvennoy istorii: regional’nyy aspekt*. Proceedings of the scientific conference (Yekaterinburg, November 22–23, 2012), AMB Publishing House, Yekaterinburg, pp. C. 36–54.

Zubkov, K.I. (2018b), “Tsivilizatsionnyye osobennosti kolonizatsionnykh protsessov v istorii Rossii” [Civilization-related features of the processes of colonization in Russia’s history], in *Mir istorika i prostranstvo istorii: sbornik statey k yubileyu prof. N.N. Alebras*, Entsiklopediya Publishers, Chelyabinsk, Russia, pp. 74–91.

Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V. (2003), *Reformy administrativno-territorial’nogo ustroystva vostochnykh regionov Rossii (XVIII–XX vv.)* [The reforms of administrative-territorial structure of Russia’s eastern regions (the 18th – 20th centuries)], AMB Publishing House, Yekaterinburg, Russia.

Zubkov, K.I., Poberezhnikov, I.V., Shumkin, G.N. (2019), “‘Volny’ kolonizatsionnoy aktivnosti v protsesse osvoyaeniya vostochnykh regionov Rossii (XVI – nachalo XX vv.)” [Colonization “tides” in the process of developing the eastern regions of Russia (the 16th – early 20th centuries)], in *Istoricheskiy Kurier*, No. 6, pp. 157–170. [Online], available at: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-6-13.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Константин Иванович Зубков, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и археологии Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Россия; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; *zubkov.konstantin@gmail.com*.

Игорь Васильевич Побережников, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, директор, Институт истории и археологии Уральского

го отделения РАН, Екатеринбург, Россия; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; *pober1871@mail.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Konstantin I. Zubkov, Cand. of Sci. (History), Associate Professor, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; bld. 16, Sophia Kovalevskaya Street, Yekaterinburg, Russia, 620990; *zubkov.konstantin@gmail.com*.

Igor V. Poberezhnikov, RAS Corresponding Member, Dr. of Sci. (History), Director, Institute of History and Archaeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; bld. 16, Sophia Kovalevskaya Street, Yekaterinburg, Russia, 620990; *pober1871@mail.ru*.

DOI 10.22455/2949-5865-2023-1-262-279

Особенности освоения территории Среднего Урала в XV – XX вв.: расселенческий аспект

Людмила Н. Мазур

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия, ln.mazur@urfu.ru
ORCID ID 0000-0003-0407-3816

Аннотация. В статье рассматриваются этапы освоения территорий Среднего Урала (в границах Свердловской области), отражающие фронтальный тип первоначальной колонизации. «Острожная» модель градообразования дополнила стихийную крестьянскую колонизацию края и стала основой для следующего этапа промышленного освоения территории, связанного с формированием горно-заводской системы расселения. Вторая половина XIX–XX века стали временем коренной перестройки региональной системы расселения, важнейшим фактором которой стала урбанизация. Ее чертами стали неравномерность, прерывистость и ускоренный характер, детерминированность политическими решениями. В результате эволюция системы расселения на Среднем Урале сопровождалась быстрым ростом городов, ранним формированием агломераций, ускоренной перестройкой сельской местности в соответствии с требованиями постиндустриального общества. Источниковую базу исследования составили данные учета поселенческой сети, систематизированные в информационно-справочной системе «Города и села Среднего Урала в XX веке». Она позволила провести количественный структурный анализ сельских поселений, их динамики и тенденций развития. Изучение эволюции сельской поселенческой сети региона опирается на концепцию модернизации и рассматривается как неотъемлемая часть урбанизационного перехода, охватившего не только городские поселения, но и сельскую местность.

Ключевые слова: Средний Урал, расселение, колонизация, урбанизация, освоение территории.

Для цитирования: Мазур Л.Н. Особенности освоения территории Среднего Урала в XV–XX вв.: расселенческий аспект // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 264–281. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-262-279.

Features of the development of the territory of the Middle Urals in the XV – XX centuries: the settlement aspect

Ludmila N. Mazur

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia, ln.mazur@urfu.ru
ORCID ID 0000-0003-0407-3816

Abstract. The article discusses the stages of development of the territories of the Middle Urals (within the boundaries of the Sverdlovsk region), reflecting the frontier

type of initial colonization. The “prison” model of town formation supplemented the spontaneous peasant colonization of the region and became the basis for the next stage of industrial development of the territory, associated with the formation of a mining and factory system of settlement. The second half of the 19th-20th centuries became the time of a radical restructuring of the regional settlement system, the most important factor of which was urbanization. Its features were unevenness, discontinuity and accelerated nature, determined by political decisions. As a result, the evolution of the settlement system in the Middle Urals was accompanied by the rapid growth of cities, the early formation of agglomerations, and the accelerated restructuring of rural areas in accordance with the requirements of a post-industrial society. The source base of the study was the accounting data of the settlement network, systematized in the information and reference system “Cities and villages of the Middle Urals in the 20th century.” It made it possible to conduct a quantitative structural analysis of rural settlements, their dynamics and development trends. The study of the evolution of the rural settlement network of the region is based on the concept of modernization and is considered as an integral part of the urbanization transition, which covered not only urban settlements, but also the countryside.

Key words: Middle Urals, resettlement, colonization, urbanization, territory development.

For citation: Mazur, L.N. (2023), “Features of the development of the territory of the Middle Urals in the XV–XX centuries: the settlement aspect”, Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 264–281. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-262-279.

Одним из центральных вопросов освоения территории Урала и Сибири был и остается вопрос о факторах формирования и развития поселенческой сети. Причем речь здесь идет не столько о перечне факторов (он достаточно четко определен), сколько о выделении наиболее значимых из них, оказывающих наибольшее влияние на трансформацию поселенческой сети.

Будучи формой пространственной организации жизнедеятельности общества, система расселения испытывает на себе влияние комплекса факторов: внутренних и внешних. К внешним принято относить природно-географические и климатические условия; производство и транспорт, а также демографические ресурсы. Именно под влиянием внешних условий складываются тип и форма расселения, определяются его качественные характеристики, они же формируют общую тенденцию развития.

К внутренним факторам обычно относят влияния, связанные с реализацией социально-экономической политики государства, правовыми аспектами, деятельностью государственных органов по вопросам расселения, а также этнокультурные характеристики населения. Внешние факторы несут на себе базовую нагрузку, внутренние – в некотором смысле вторичны и чаще всего их влияние выражается в сдерживании или, напротив, ускорении расселенческих процессов. Ситуация, однако, принципиально меняется в XX веке в условиях модернизации, когда роль внутренних факторов резко возрастает, и в ряде случаев мы сталкиваемся с ситуацией, когда именно они становятся определяющими, кардинально меняя направленность социальных, политических процессов. Это непосредственно относится и к системе расселения, на которую все большее воздействие начинают оказывать

политические аспекты. Примером может служить политика ликвидации малых деревень, приведшая к ускоренному свертыванию поселенческой сети.

Если подходить историографически к этому вопросу, то складывается любопытная картина. Первоначально на раннем этапе формирования науки о расселении, который был связан с именами известных географов конца XIX–начала XX века – А.П. Шапова, В.П. Семенова-Тян-Шанского, А.И. Войекова и др., природно-географический фактор считался наиболее значимым. В.П. Семенов-Тян-Шанский подчеркивал, что в условиях наличия незанятых земель, природные условия определяли выбор места для селения. Первопоселенцы прежде всего обращали внимание на наличие достаточного для бытовых и хозяйственных нужд количества воды, удобных для сельскохозяйственной деятельности земель, сенокосов, пастбищ [Семенов-Тян-Шанский 1910, с. 9].

В результате, при заселении территории в первую очередь осваивались берега рек и озер, расселение приобретает ленточную форму, охватывая удобные земли. И только потом, когда речные долины были разработаны, наступает следующий этап – освоение водоразделов. В целом, значение природно-географического фактора очевидно, причем как для сельскохозяйственного, так и для промышленного расселения.

В 1920-е гг. изменилась научная парадигма и это непосредственно отразилось на переоценке факторов развития расселения. В рамках марксистско-ленинской методологии базисными понятиями стали «производительные силы» и «производительные отношения». Соответственно, в исследовательской практике утвердилась новая схема «производство – расселение», в контексте которой проводился анализ поселенческой сети. В 1980–1990-е гг. при изучении расселения акценты начинают смещаться в сторону еще одного немаловажного фактора – народонаселения. Этот подход нашел наиболее полное отражение в работах Ж. А. Зайончковской, где она отмечает, что «динамика численности населения – один из важнейших факторов, оказывающих влияние на основные параметры расселения» [Зайончковская 1991, с. 3].

Таким образом, на разных этапах развития науки о расселении представления о параметрах влияния менялись, и это закономерно. Каждый этап был связан с определенной стадией развития поселенческой сети. В начале века расселение еще в целом оставалось традиционным, урбанизация только начинала набирать обороты и приоритетность природно-географического фактора была очевидной. Середина и вторая половина XX века, напротив, отмечены форсированной перестройкой поселенческой сети и переходом ее в урбанизированную стадию, высвечивая влияние производственных процессов на концентрацию расселения. Конец XX века связан с формированием постиндустриального общества, когда возрастает роль внутренних факторов, в т. ч. политических, в развитии социальной, экономической сферы и, конечно, поселенческой сети.

* * *

В истории заселения русскими территории Среднего Урала можно выделить несколько этапов. Начальный период (XV–XVII вв.) был связан с

сельскохозяйственным освоением сначала Прикамья, а затем Зауралья. Основной формой заселения в этот период выступала стихийная колонизация отчасти беглых крестьян, охочих людей, но основную массу переселенцев составляли черносошные крестьяне. В это время сформировалось два основных потока переселения: 1 – выходцы из северных поморских районов страны осваивали в основном Средний Урал; 2 – из центральных и поволжских районов, начиная со второй половины XVI вв., шло переселение на вятские земли и в южные районы Урала [Оборин 1990, с. 96].

Формирование первых населенных пунктов – крестьянских поселений (сел и деревень), острогов и городов – происходило вдоль речных путей. В начале XV в. на Верхней Каме строится первый русский укрепленный городок Анфаловский, в 1430 г. возникает поселение, выросшее затем в город Усолье Камское. Разгром Сибирского ханства дружинами Ермака (1581–1584 гг.) дал толчок переселенческим процессам. Этому способствовала и политика государства, поощрявшая все формы переселения. Правительство было заинтересовано в укреплении восточных границ и создании здесь сети опорных центров. Всего в Перми Великой в конце XVI в. насчитывалось 223 сельских населенных пункта, из которых 34,5% составляли починки – небольшие сельскохозяйственные поселения, состоящие из 1–4 дворов [Оборин 1990, с. 119].

В XVI в. на территории Среднего Урала были образованы Чердынский и Соликамский уезды. К 1710 г. Соликамский уезд, по сведениям Г. Н. Чагина, включал 5 погостов, 7 слобод, 147 деревень, 80 починков с населением более 7 тыс. человек. В Чердынском уезде были отмечены 23 погоста, 6 сел, 181 деревня, 44 починка. Активно заселялась и росла вотчина Строгановых. Точных данных о ее поселенческой сети нет, однако только на территории двух присудов – Орловском и Чусовском – к 1711 г. насчитывалось 3 городка, 4 острожка, 16 погостов, 25 сел, 4 сельца, 267 деревень, 210 починков [Чагин 1995, с. 33,37, 39].

В основном селения располагались по берегам рек, однако в XVII веке приречный тип заселения дополнился водораздельным. Характерной чертой расселения на Урале стало распространение пригородного редко-очагового типа. Так, в Чердынском и Соликамском уездах все поселения располагались в среднем в 10–20 км от городов.

Особую роль в заселении территории Зауралья сыграл транзитный путь в Сибирь, который проходил через северные районы. Здесь возникли ямщицкие селения и опорные центры освоения края – Лозьва, Пелым, Верхотурье, Туринск. В Зауралье с конца XVI в. по р. Туре, а затем южнее – по р. Тагилу, Нейве, Нице – появились сначала небольшие крестьянские селения, а в первой четверти XVII в. возникли и более крупные поселения – слободы, вокруг которых группировались деревни и починки. С 40–50-х гг. XVII в. стали заселяться бассейны рек Пышмы, Исети, Миасса, а также верховья Чусовой. Сложившийся здесь земледельческий район стал важной частью житницы Сибири XVII в.

В середине XVII в. были образованы Верхотурский и Кунгурский уезды. Территория Кунгурского уезда охватывала среднее и верхнее течение реки Сылвы. В 1624 г. здесь насчитывалось 67 юрт татар и остяков, 4 юрты ма-

рийцев, 1 юрта мордвы. Освоение и заселение Кунгурского уезда русскими начиналось с создания очагов вотчинно-монастырского землевладения, а также крестьянских поселений. При этом существовала постоянная угроза нападения башкир, что вызвало необходимость возводить в первую очередь остроги. По данным 1719 г. численность русского населения Кунгурского уезда достигла более 20 тыс. человек, они проживали в 9 селах, 121 деревне, 5 острожках, 1 пустыни. В уезде сложился наиболее пестрый национальный состав населения – татары, марийцы, удмурты, чуваша. По переписи 1719 г. татары численностью 1470 человек мужского пола проживали в 52 деревнях и имели 455 юрт, марийцы – в 11 деревнях (208 юрт) [Чагин 1995, с. 45, 47].

В Верхотурском уезде до прихода русских проживали манси, татары. В 1624 г. русское население обосновалось в 3 волостях (Подгорной, Тагильской и Невьянской). Всего в 1624 г. в Верхотурском уезде были 2 слободы, 149 деревень, 3 заимки с 90 жителями мужского пола. В 1640-е гг. здесь насчитывалось уже 19 слобод (Рудная, Киргинская, Ницинская, Краснослободский острог, Краснопольская, Мурзинская слободы, Арамашевская, Тагильская, Ирбитская и др.). А к 1710 г. в Верхотурье и уезде проживали уже 33 тыс. человек. На его территории находились 2 завода (Алапаевский и Невьянский), 11 погостов, 14 слобод, 54 заимки, 1 село, 262 деревни [Чагин 1995, с. 65].

Таким образом, в XVI–XVII вв. сформировалась первичная поселенческая сеть, ориентированная на сельскохозяйственное освоение территорий Предуралья и Зауралья.

Следующий этап освоения территории Среднего Урала (XVIII в. – середина XIX в.) характеризуется тем, что аграрное расселение дополнилось промышленным и приобрело специфические черты, связанные с формированием горнозаводского окружного хозяйства. Первоначально здесь были построены Невьянский, Каменский (1701 г.) Уктусский (1702 г.), Алапаевский (1703 г.) заводы. А затем территория Среднего Урала буквально покрылась сетью горных заводов и приисков. Наибольшее число предприятий было построено в Верхотурском, Кунгурском, Пермском уездах. В результате появился новый тип несельскохозяйственных поселений – заводских, приисковых, придавших особый колорит горно-заводскому Уралу.

Одновременно с промышленным освоением продолжилось расширение сети сельскохозяйственных поселений. В XVIII в. на Среднем Урале появилось такое новое явление, как приписная деревня, жители которой были обязаны принимать участие в строительстве заводов и заводском производстве. Рост горнозаводской промышленности и населения в свою очередь стимулировали развитие земледелия, главным образом по рекам Исети, Пышме, Нице.

Во второй половине XVIII в. завершилось формирование основной сети сухопутных дорог. С ними было связано распространение притрактных поселений, которые в переписных материалах 1869 г. составили около 2%. Больше всего сел и деревень располагалось по Сибирскому тракту – 115 и Чердынскому – 45 и т. д. [Чагин 1995, с. 102].

В конце XVIII в. завершается административное устройство края. В 1797 г. на месте Пермского наместничества была образована Пермская

губерния с 12 уездами, которая включала помимо ранее созданных Чердынского, Соликамского, Кунгурского, Верхотурского, новые – Пермский, Оханский, Осинский, Красноуфимский, Камышловский, Екатеринбургский, Ирбитский, Шадринский уезды. Это административное деление сохранилось до 1918 г.

К концу XVIII в. оформилась также сеть городских поселений, сохранившаяся вплоть до начала XX века. В Пермской губернии насчитывалось 15 официально зарегистрированных городов, в т. ч. 1 губернский – Пермь (1781 г.); 11 уездных – Верхотурье, Камышлов, Красноуфимск, Ирбит, Екатеринбург, Кунгур, Оса, Оханск, Соликамск, Чердынь, Шадринск; и 3 заштатных – Алапаевск, Дедюхин, Далматов. В настоящее время на территории Свердловской области располагаются 6 из перечисленных выше городов. Они формировались в первую очередь как административные центры, выполнявшие функции управления прилегающей сельской территорией. Наряду с официальными городами на Среднем Урале сложилась сеть крупных заводских поселений – Нижнетагильский, Невьянский, Каменский, Михайловский, Ревдинский, Полевской, Верхне-Салдинский, Висимо-Уткинский и другие заводы, которые по своим параметрам не уступали полноценным городам.

Рост городских поселений и заводских поселков способствовал оформлению каркаса системы расселения, т. е. тех административных, торговых и промышленных центров, вокруг которых продолжалось освоение земель. Итоги заселения Среднего Урала к концу XVIII в. можно проследить по материалам V ревизии 1795 г. На территории Пермской губернии в этот период проживало 881 902 человека. Доля русских составила 87%. Общая численность сельских поселений достигла 6 153, в т. ч. нерусское население проживало в 301 населенном пункте [Чагин 2003, с. 26]. К середине XIX века общее количество сельских поселений Пермской губернии выросло по сравнению с 1795 г. в 1,3 раза и составило 8 260 в 1857 г.²¹⁷

С середины XIX в. начался новый этап развития системы расселения, который связан с ее перестройкой в соответствии с новыми условиями начавшейся индустриализации. Промышленное развитие территории в этот период было связано с освоением ресурсов Северного Урала и строительством железных дорог. Последнее обстоятельство повлияло на появление нового азонального варианта расселения – железнодорожного, представленного совокупностью транспортных поселений – станций, железнодорожных переездов, казарм, будок, ориентированных на обслуживание железной дороги. Кроме того, железнодорожная сеть стала своеобразной сферой притяжения. В зоне ее влияния активно росли уже существующие и возникали новые поселения.

В Пермской губернии железнодорожное строительство развернулось в 1870-е гг. Сначала была построена Уральская горнозаводская дорога Пермь–Екатеринбург (467 верст), затем линия от Чусовой до Березников. Дорога связала важнейшие горнозаводские центры Среднего Урала, соединила их с Кизеловским угольным бассейном и Камой. В 1883–1885 гг. была построе-

²¹⁷ Историко-статистические таблицы по Пермской губернии / П. А. Голубев. Пермь: Типография губернской земской управы, 1904. С. 73.

на новая линия Екатеринбург–Тюмень с веткой к Каменскому заводу. В начале XX века строятся дороги внутреннего значения: ветка Гороблагодатская–Надеждинский завод (1906 г.); Екатеринбург–Тавда (1916 г.); Нижний Тагил–Нижняя Салда–Алапаевск (1910–1912 гг.), Западноуральская дорога (1916 г.).

К началу XX века на Среднем Урале была создана развернутая сеть железных дорог. Промышленное и железнодорожное строительство придало ускорение процессам урбанизации: росло городское население, усилилась сельская миграция, появились новые и росли старые промышленные поселения. Во второй половине XIX в. все большую роль начинают играть заводские поселки, расположенные на периферии, в частности Надеждинский, Белорецкий, Миасский, Мотовилихинский заводы.

Новым явлением в расселении Среднего Урала стало появление населенных пунктов, связанных с выполнением рекреационных функций и созданием курортной сети. Конечно, Урал в этом отношении уступал таким регионам, как Кавказские Минеральные воды, Крым. Но и здесь благодаря изысканиям ученых были обнаружены минеральные источники, ставшие базой для формирования местного курортного комплекса. Многие источники были известны еще с XV в. – это Ключи, Нижние Серьги, Усть-Качка. В XIX в. самыми известными на Урале были Обуховские серно-соляные и железистые воды, Сергинские серно-соляные, Ключевские сернисто-щелочные, Курьинские щелочно-железистые минеральные воды, вокруг которых сложился курортный тип расселения.

Характерной особенностью этого периода стала возрастающая роль государства в развитии поселенческой сети. В частности, значительное влияние оказали реформы 1860–1870-х гг., особенно связанные с деятельностью земств. Земства проводили мероприятия по землеустройству, перепланировке поселений, организации водоснабжения, строительству в сельской местности школ, библиотек, лечебных учреждений. Все это в совокупности способствовало трансформации традиционной деревни в новое качество. Так, например, к 1910 г. было распланировано 6 470 (45,8%) сельских поселений²¹⁸. В них была упорядочена усадебная застройка, прошла перепланировка улиц, в селах начинают возводиться постройки из кирпича, т. е. в структуру сельских поселений начинают проникать элементы городской среды. Перемены затронули, прежде всего, крупные населенные пункты – волостные центры, где в первую очередь стали строить школы, библиотеки, медицинские учреждения. По данным учета населенных мест Пермской губернии на 1908 г. в уездах губернии насчитывалось 511 библиотек, 113 больниц, 227 фельдшерских пунктов, 80 ветеринарных пунктов, 1279 министерских, 366 церковно-приходских школ и 382 школы грамоты²¹⁹. Появление новых элементов инфраструктуры в сельской местности стало отражением начального этапа урбанизации.

²¹⁸ Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных в 1908–1909 гг. и другие краткие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь: Электротипография Пермского губернского земства, 1910. С. 62–63.

²¹⁹ Там же. С. 14.

Однако, несмотря на нововведения, расселение в этот период продолжает сохранять свой традиционный характер. Более того, происходит экстенсивное расширение сети сельскохозяйственных поселений, рост их численности, в результате чего заселение и освоение территории Пермской губернии, особенно ее центральных и южных уездов, приобретает равномерный характер. Этому способствует демографическая и экономическая ситуация, сложившаяся в регионе, и дополненная рядом политических решений. Всего в 1893 г. по данным земской статистики в Пермской губернии насчитывается 12 759 селений²²⁰. К 1909 г. их число возрастает до 14 137, а численность населения составила 3 109 178 человек²²¹.

История освоения территории Среднего Урала во многом предопределила современную картину размещения народов: чересполосность их расселения, смешанный этнический состав населения городов и значительной части сельских населенных пунктов. Русские составляли повсеместно самую многочисленную группу населения. Отдельные очаги башкирских селений располагались по правым притокам Исети – среднему течению Миасса, по рекам Тече и Синаре и в ряде других мест. Селения удмуртов встречаются в междуречье рек Буй – Быстрый Танып, по среднему течению р. Белой и по реке Бисерти. Манси в пределах Уральского района живут в основном по р. Пельми и верхнему течению р. Лозьвы. Татаро-башкирские поселения густо расположены к западу от реки Белой, по рекам Тулве, Сылве, (Пермская область), Уфе, Нице (Свердловская область). В районе р. Уфы, на юго-западе Свердловской области располагаются селения марийцев. В целом наиболее однородный состав населения имеют Зауралье и Горный Урал, Предуралье в этническом плане представляет собой наиболее пеструю картину [Мазур 2007].

Таким образом, характерной особенностью заселения и освоения Среднего Урала в XV – XIX вв. стало переплетение черт крестьянской и промышленной колонизации края. В результате к началу XX в. здесь сложилась поселенческая сеть, в которой исторически были реализованы две модели – сельскохозяйственная (в южных уездах Пермской губернии) и горно-заводская (северные и центральные уезды).

XX век с его многочисленными катаклизмами и грандиозными свершениями кардинально повлиял на перестройку поселенческой сети. Отличительными чертами этого этапа являются: рост численности городов, концентрация сельского населения в пригородных зонах, сокращение числа мелких и средних населенных пунктов. Однако перестройка поселенческой сети происходит не сразу, она занимает достаточно продолжительное время. Качественные сдвиги стали заметны в 1930–е гг., а в послевоенный период приобрели лавинообразный характер. Изменилась не только структура, но и рисунок расселения.

²²⁰ Историко-статистические таблицы по Пермской губернии / П. А. Голубев. Пермь: Типография губернской земской управы, 1904. С. 73.

²²¹ Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии»... С. 21.

В первую очередь перемены охватили городскую сеть. До 1917 г. на территории Пермской губернии только 15 поселений имели статус города. В Уральской области, образованной в 1923 г. и охватившей территории Северного, Среднего и частично Южного Урала, насчитывалось уже 37 городов [Кузьмин, Оруджиева, Корнилов 1996, с. 32]. По переписи 1926 г. число городских поселений в Уралобласти (городов и поселений городского типа) выросло до 160, а численность горожан составила 20,7% от всей численности населения²²². К 1939 г. на территории Свердловской области уже насчитывалось 77 поселений городского типа, в том числе 21 город и 56 рабочих поселков²²³. К 1 января 1989 г. в Уральском регионе было зарегистрировано в общей сложности 140 городов и 276 поселков городского типа, а в Свердловской области 44 города и 97 городских поселков – самый высокий показатель среди всех областей и республик региона²²⁴. По численности городских поселений в конце XX в. Свердловская область уступала только Московской.

Наряду с развитием городов, кардинально меняется сельская местность. Начальный этап модернизации сельской поселенческой сети характеризуется тенденцией ее расширения, которая прослеживается вплоть до конца 1930-х гг. Вслед за этапом расширения наступает стадия сжатия (1940–1980-е гг.), вновь сменяемая тенденцией децентрализации (1990-е гг.).

По сведениям Списков населенных мест Пермской губернии по состоянию на 1904 г. общая численность сельских поселений в Пермской губернии составила 14 113, из них 2 218 располагались на территории Верхотурского, Екатеринбургского, Ирбитского, Камышловского и Красноуфимского уездов, позднее вошедших в состав Свердловской области²²⁵. С 1893 г. их численность выросла на 10,6%. Столь значительный рост в определенной степени был связан с результатами переселенческой политики, ориентированной на заселение территорий Зауралья выходцами из Центральных и Северо-Западных районов страны. Однако в следующее пятилетие темпы роста замедлились. К 1908 г. численность сельских поселений увеличилась незначительно – с 14 113 до 14 137²²⁶.

Наиболее значимым показателем модернизации сельского расселения в начале XX века выступает рост численности несельскохозяйственных поселений. Всего в Пермской губернии в 1908 г. насчитывалось 185 приисковых поселков, в т. ч. в Верхотурском уезде – 137, в Екатеринбургском – 26. В основном это были мелкие населенные пункты, где в подавляющем большинстве насчитывалось 5–10 жилых домов. Наиболее крупными были Усть-Косьинский платиновый прииск (Пермский уезд), Косьяновский 1-й и Косьяновский 2-й золотые прииски (Екатеринбургский уезд) и ряд других.

²²² Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. М.: ЦСУ Союза ССР, 1928. С. 98.

²²³ Подсчитано: Административно-территориальное деление Свердловской области на 1 апреля 1939 г. Справочник. Свердловск: Уральский рабочий, 1939.

²²⁴ Уральский экономический район. Основные итоги переписи населения 1989 г. Стат. сб. Екатеринбург: Свердловское областное управление статистики, 1991 С. 2.

²²⁵ Список населенных мест Пермской губернии 1904 г. Пермь: Типография Губернской Земской Управы. 1905. С. 73, 400 – 423.

²²⁶ Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных в 1908–1909 гг. и другие статистические сведения о Пермской губернии. Пермь: Электротипография Пермского губернского земства, 1910. С. 14.

Более крупные поселения складывались при рудниках, здесь число домов, как правило, превышало 10, а в некоторых случаях достигало 70 и более. К числу таких рудничных поселков относились Благодатский, Пышминско-Ключевской, Конюховский и др. В них нередко возводились больницы, школы, аптеки. Всего рудничных поселков в Пермской губернии отмечено 112, в т. ч. в Верхотурском уезде – 21, в Екатеринбургском – 68. Кроме того, выделялось еще 26 населенных пунктов при копах, 13 – при каменоломнях, 6 поселений при торфяниках²²⁷. Любопытно, что эти поселения не фигурируют в основном списке, т. е. на этом этапе они не рассматривались как самостоятельные поселения.

Достаточно высокий удельный вес несельскохозяйственных поселений (3,25%) является, с одной стороны, отражением специфики расселения Среднего Урала, где горно-заводская промышленность всегда играла значительную роль, а с другой – он был непосредственно связан с индустриализацией, охватившей Россию в конце XIX – начале XX века.

Дальнейшие события – Первая мировая война, Октябрьский переворот, Гражданская война – затормозили процессы модернизации поселенческой сети и в определенной степени способствовали реанимации традиционных черт расселения. В целом, влияние этого сложного и насыщенного событиями периода на систему расселения пока мало исследовано, хотя на основе общих данных можно предположить незначительное сокращение сельских поселений. Вместе с тем имеются примеры формирования новых населенных пунктов. Так, например, пос. Калиново (Невьянский район) возник в 1914 г. в связи со строительством на берегу оз. Таватуй динамитного завода. Строительство поселка велось пленными австрийцами по специально разработанному плану. В местном музее сохранились чертежи жилых и служебных построек. Интересно, что Калиново застраивался домами барачного типа с элементами благоустройства (печное отопление, теплые туалеты).

В 1920-е гг. вновь проявляется тенденция к расширению поселенческой сети, связанная с восстановлением хозяйства и вторичным аграрным освоением территории. Об этом свидетельствуют «Списки населенных пунктов», подготовленные Статбюро Екатеринбургской губернии в 1923 г. Всего в справочнике учтено 3 875 населенных пунктов²²⁸. Помимо традиционных вариантов поселений – деревни, села, хутора, выселок – в справочнике представлены новые: коммуны и трудовые артели – 41; совхозы – 5; больницы – 3; ж. д. будки и казармы – 321; переселенческие участки – 180; номерные поселки – 21; детские колонии – 3; подсобное хозяйство – 1; дом социального обеспечения – 1 населенный пункт²²⁹. Наибольшее число переселенческих участков отмечено в Верхотурском уезде, причем в ряде волостей

²²⁷ Свод данных, помещенных в «Списках населенных мест Пермской губернии», изданных в 1908–1909 гг. и другие статистические сведения о Пермской губернии. С. 64–82.

²²⁸ Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Март 1923 г. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского статист. бюро, 1923. С. 6.

²²⁹ Выделение новых типов, указанных в приведенном перечне, опирается, главным образом, на названия населенных пунктов, в которых упоминается соответствующее слово или словосочетание: переселенческий участок, ж. д. будка, больница и др.

они составили около половины. В Дерябинской волости из отмеченных 38 населенных пунктов 10 – это переселенческие участки; в Караульской волости из 18–7; в Лобвинской волости из 18 поселений 15 переселенческих участков и т. д. Сельское расселение в Екатеринбургском уезде сохраняло в целом традиционный характер. В Ирбитском уезде встречаются населенные пункты, связанные с формированием колхозной и совхозной систем. В Боровской волости был зарегистрирован пос. Ницынский совхоз с численностью населения 81 чел., в Волковской волости – пос. Ирбитский совхоз, в Нязе-Петровской волости – «Чернореченская трудовая артель» (49 человек, 1 хозяйство). Эти «новые» поселения стали первыми ласточками грядущей перестройки расселения.

Итоги восстановления поселенческой сети нашли отражение в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. Общее число сельских поселений по 6 округам Уральской области, территории которых позднее вошли в Свердловскую область, хотя и не в полном составе, составило 9 512²³⁰. Однако уже во второй половине 1920–х гг. темпы роста упали и численность поселений начала сокращаться. К 1928 г. по 6 округам Уральской области насчитывалось в общей сложности 9 346 селений, а в границах территории Свердловской области – 5 179²³¹.

1920–1930-е гг. – достаточно сложный период с точки зрения оценки динамики поселенческой сети. Здесь столкнулись разнонаправленные тенденции и факторы, что привело к неоднозначным результатам. В целом, по РСФСР можно наблюдать рост сельской поселенческой сети. Если в 1926 г. в республике насчитывалось 404 808 населенных пунктов, то в 1939 г. – 406 958²³².

Расширение системы сельского расселения происходило под влиянием целого комплекса факторов как экономического, так и социального плана. В первую очередь, этому содействовало проведение широкомасштабных работ по межселенному землеустройству, которые развернулись в 1920-е гг. Так, например, в 3 округах Уральской области – Свердловском, Ирбитском и Тагильском – в 1928 г. хутора и выселки составили 15,9%²³³. По переписи 1939 г. хутора в целом по РСФСР сохранили достаточно высокий удельный вес – 15,7%, а на Урале их доля варьировалась от 11,8% (в Башкирии) до 20,7% (в Челябинской области). В Свердлов-

²³⁰ Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. М., 1928. С. 95 – 98, 308.

²³¹ Подсчитано по: Список населенных пунктов Уральской области. Т. III. Ирбитский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 72 с.; Список населенных пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 159 с.; Список населенных пунктов Уральской области. Т. X. Свердловский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 110 с.; Список населенных пунктов Уральской области. Т. XI. Тагильский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 120 с.; Список населенных мест Уральской области. Т. XIV. Тюменский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 114 с.; Список населенных пунктов Уральской области. Т. XVI. Шадринский округ. Свердловск: Издание орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов, 1928. 100 с.

²³² Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 2.

²³³ Подсчитано по: Список населенных пунктов Уральской области. Т. X. Свердловский округ; Список населенных пунктов Уральской области. Т. XI. Тагильский округ; Список населенных пунктов Уральской области. Т. III. Ирбитский округ.

ской области в 1939 г. хутора составили 14,1% от общей численности сельских населенных пунктов²³⁴.

Принципиально важным фактором, повлиявшим на расширение сельскохозяйственной поселенческой сети, стало формирование и развитие колхозной системы и МТС. Уже в 1920-е гг. начали появляться коммуны и артели, причем часть их располагалась на неосвоенных землях, выделенных из Госземфонда²³⁵.

В 1930-е гг., когда коллективизация стала важнейшим направлением реконструкции сельского хозяйства, в рамках колхозной системы появились новые типы временных поселений, таких как полевые станы, колхозные бригады, участки, фермы и проч. По переписи 1939 г. они были выделены в отдельную категорию и составили около 3% в структуре сельской поселенческой сети РСФСР, в Свердловской области – 1,7 %²³⁶.

Изменения в аграрной сфере этого периода были связаны не только с коллективизацией, но и созданием крупного совхозного производства, в результате чего в системе расселения появилась новая разновидность сельских населенных пунктов – совхозный поселок. В Уральской области в 1931 г. было заложено сразу несколько совхозов-гигантов. Один из них – Петропавловский совхоз, расположенный в Верхнеуральском районе, ныне Челябинская область – включал центральную усадьбу и 10 отделений. На центральной усадьбе за 1931 г. было построено 4 двухэтажных общежития, коровник, больница, детские ясли, клуб, зернохранилище, 2 барака; а в отделениях – барак, мастерская, баня, столовая²³⁷. Это типовой вариант обустройства территории, который реализовывался повсеместно. Так, в частности, возник пос. Студенческий (Свердловская область) – отделение Чернобровского совхоза.

К той же категории сельскохозяйственных поселений, что и совхозные поселки можно отнести усадьбы подсобных хозяйств промышленных предприятий, сотни которых появились на карте Урала в 1930-е гг. В структуре расселения в этот период нередко встречаются населенные пункты, обозначенные как МТС (машинно-тракторные станции). Удельный вес такого рода поселений в РСФСР по данным 1939 г. составил 2,2%²³⁸.

Промышленное освоение территорий Урала стало одним из наиболее значимых факторов расширения сельской поселенческой сети несельскохозяйственного профиля. С развитием в 1920–1930-е гг. лесной и лесоперерабатывающей промышленности сложилась своя система поселений, обслуживающих данную отрасль. Наиболее высокий удельный вес лесных поселков отмечен в 1939 г. в Свердловской (12,8%) и Челябинской (8,7%) областях, Удмуртской АССР (6,2%), по РСФСР доля таких поселений составила 4,3%²³⁹.

²³⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.

²³⁵ Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Март 1923 г. Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского статист. бюро, 1923. 123 с.

²³⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.

²³⁷ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 232. Оп. 1. Д. 227. Л. 34.

²³⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.

²³⁹ Там же.

Увеличению численности промышленных и транспортных поселений способствовали индустриализация и развитие транспортной сети. Помимо стремительного роста городов, на Урале появилось множество приисковых, рудничных, торфодобывающих поселений, населенных пунктов, обслуживающих железную дорогу, водный и воздушный транспорт, имевших нередко недолгий век. Примером может служить шахтерский поселок Никитинка (Сысертский район), строительство которого началось в 1933 г. Он получил свое название по имени одного из руководителей открытого здесь золотого прииска – геолога Никитина. Первыми постройками на месторождении были землянки и два барака, где поселились рабочие. В последствии здесь была построена обогатительная фабрика, химическая лаборатория, котлоустановка, несколько домов²⁴⁰. К 1939 г. удельный вес промышленных и транспортных поселков в структуре сельского расселения в РСФСР составил 6,7%. В Свердловской области их доля достигла 12,9%, а в Челябинской – 12,1%²⁴¹.

Для освоения районов Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока немаловажное значение имело появление здесь системы спецпоселков и лагерей. Сотни тысяч человек были высланы на Урал, в Сибирь, на Север. И как память об этой трагической странице истории остались на карте поселения, которые появились благодаря труду и усилиям спецпереселенцев [Мазур 2002]. Так возник пос. Октябрьский в Сысертском районе. В 1932 г. возле горы Шаманихи рядом с небольшим родничком ссыльные начали рыть себе землянки. Октябрьский был похож на другие поселки спецпереселенцев, где за колючей проволокой под охраной жили раскулаченные, состоял он из землянок и бараков. Потом поселок стал пополняться «свободными», которые были завербованы для работы в совхозе, организованном на этих землях. В войну еще добавилась зона для военнопленных немцев, трудившихся на полевых работах. Только в 1950-е гг. в поселке началось строительство индивидуальных домов²⁴². Сегодня это крупный населенный пункт, где проживает более 2 тыс. человек, здесь построены добротные здания, школа, больница, детский сад. Десятки таких поселений возникли на севере области в Гаринском, Серовском, Новолялинском, Верхне-Тавдинском районах, вокруг г. Нижнего Тагила. Всего на 1 июля 1938 г. на учете в отделе трудовых поселений ГУЛАГа НКВД СССР в Свердловской области были зарегистрированы 243 поселения (171 899 человек)²⁴³.

Во второй половине 1930-х–1940-е гг. наряду со спецпоселениями на Урале и в северных районах России сложилась система исправительно-трудовых лагерей. Всего на Урале в 1940-е гг. было образовано 39 ИТЛ²⁴⁴. Многие из созданных в 1930–1940-е гг. лагерных поселений существуют до сих пор. Так, например, пос. Северная Чернушка в Тавдинском районе возник как лагерный пункт Азанковского отделения Востокураллага в 1940-е гг., население его состояло из семей обслуживающего персонала, эта

²⁴⁰ Летопись уральских деревень. Вып. 2. Сысертский район / Отв. за выпуск В.В. Иванова. Свердловская область: ЧП «Ольга», 1995. С. 278.

²⁴¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.

²⁴² Летопись уральских деревень (Сысертский район). Вып. 2. С. 302–304.

²⁴³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.

²⁴⁴ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960: Справочник. / Сост. М.Б. Смирнов; О-во «Мемориал», ГАРФ; ред. Н.Г. Охотин, А.Б. Роминский. М.: Изд-во «Звенья», 1998. М., 1998.

специфика сохранилась по сей день. Такие поселки как Азанка, Карьер (или Песчаный), возникшие в начале века, с 1937 г. развивались как отделение Востокураллага²⁴⁵. В Верхотурском районе – поселки Вагран, Верхотурский были созданы в 1947 г. как лагерный пункт п/я № 239/2²⁴⁶.

Все приведенные выше факторы экономического и политического характера объективно содействовали расширению поселенческой сети, но одновременно с ними закладываются предпосылки, тормозящие эти процессы. Если до конца 1930-х гг. сохранялась положительная динамика развития системы расселения, то в Свердловской области уже в конце 1920-х темпы роста численности сельских поселений замедлились, и, несмотря на появление многочисленных новых населенных пунктов, общее их число выросло незначительно (с 5 179 в 1928 г. до 5 282 – в 1939 г.)²⁴⁷.

В годы Великой Отечественной войны в результате развития городов и роста числа рабочих поселков в области сельского расселения многие сельские поселения прекратили свое существование, будучи включенными в черту городских поселений. Так, например, в 1941 г. в городскую черту Тавды были включены три населенных пункта²⁴⁸. Аналогичные ходатайства о расширении своих территорий поступили от советов гг. Каменск-Уральский, Карпинск, Сухой Лог, Красноуфимск, Верхняя Тура, Бисерт, Верхняя Синячиха и др. В результате, часть пригородных деревень прекратили свое существование.

Другое направление трансформации сельской поселенческой сети было связано с развитием промышленности, транспорта региона в соответствии с оборонными нуждами и с формированием на этой основе новых поселений. Так, например, выросло число транспортных населенных пунктов, обслуживающих железнодорожные магистрали²⁴⁹. Итог противоборства разных тенденций отражен в динамике численности сельских поселений Свердловской области, где по данным административного учета в 1939 г. насчитывалось 6 625, на 13.01. 1943 г. – 6 792, а на 1.04. 1948 г. – 4 349 населенных пунктов²⁵⁰.

После войны – во второй половине 1940-х–начале 1950-х гг. – тенденция сжатия поселенческой сети, дополненная процессами концентрации и укрупнения сельскохозяйственного производства, стала ведущей. Одновременно в условиях модернизации существенно возросла роль субъективных факторов, в том числе политики государства. Одним из наиболее значимых мероприятий этого периода, непосредственно отразившихся на структуре расселения, стала кампания по укрупнению колхозов.

²⁴⁵ Ермолаев В. Тавдинское местописание. Екатеринбург: Изд-во «Старт», 1999. С. 133, 147.

²⁴⁶ ГАСО. Ф. 88. Оп. 2. Д. 1673.

²⁴⁷ По материалам административного учета, отраженном в БД «Города и села Среднего Урала в XX веке», численность сельских населенных пунктов в 1939 г. составила 6 625 [Мазур, Бродская 2006, с. 176].

²⁴⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 27. Д. 674.

²⁴⁹ Брылин А. И. Артемовский краеведческий словарь/ А. И. Брылин, П. Т. Коверда. Артемовский: Артемовский рабочий, 1998. С. 185.

²⁵⁰ Здесь приведены данные административного оперативного учета поселенческой сети. Списки населенных пунктов области создавались исполнительными органами по разным причинам. Например, в 1948 г. с целью составления плана работы Областного лекционного бюро. Сведения административного и статистического учета различаются достаточно существенно, это связано с особенностями регистрации поселений. Подсчитано по: ГАСО. Ф. 88. Оп. 1. Д. 4811, 5723, 6026.

В ходе укрупнения колхозов в 1930–1950-е гг. появились центральные и периферийные поселения. Центральные усадьбы, сохраняя функции производственного и административного управления, рассматривались как основа перспективной поселенческой сети. Именно в них поддерживалась социальная инфраструктура: строились клубы, торговые и бытовые учреждения, велось жилищное строительство. Численность таких поселений оставалась достаточно стабильной, свидетельствуя об уровне их жизнеспособности. Иная картина наблюдается среди периферийных поселений – это деревни, где располагалась либо бригада колхоза, либо ферма. Их будущее было весьма неопределенным. Долгое время они рассматривались как неперспективные и планировались к сселению. Здесь не велось капитальное строительство, закрывались школы, магазины. Периферийные поселения быстрее теряли население и прекращали существование. Их численность за 1956–1989 г. сократилась почти в 2 раза, часть из них в ходе перевода колхозов в совхозы в 1960-е гг. получила статус отделений совхоза, другая часть была сселена.

С 1939 по 1989 гг. сокращение сельской поселенческой сети по РСФСР составило 2,7 раза, по Уралу – 2,8 раза (См. табл.1). Причем наиболее активный этап преобразования расселения пришелся на период с 1959 по 1970 гг. и следующий за ним промежуток времени. В целом уменьшение учетных данных за 1959–1989 гг. произошло почти в 1,5 раза (по РСФСР – 52,0%, по Уралу – 45,9%). Одновременно происходил рост средней численности жителей сельских поселений по Уральскому региону с 208 чел. на 1 селение в 1939 г. до 307 в 1989 г. Снизилась численность мелких населенных пунктов и соответственно вырос удельный вес крупных²⁵¹.

Таблица 1

Численность сельских поселений РСФСР и Свердловской области в 1939 – 1989 гг.*

Регион	Численность сельских населенных пунктов				
	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
РСФСР	406958	294100**	216845	177047	152922
Уральский экономический район	46037	36424	24493	19675	16706
Свердловская	5282	3549	2928	2051	1782

*Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562, Оп. 336. Д. 133. Л. 2, 17; Д. 3996. Л. 50, 64–70; Д. 6121. Л. 68–114; Оп. 27. Д. 195. Л. 85–87; Сельские населенные пункты РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. С. 2, 76–78. (Данные приведены в границах территорий соответствующих лет)

** Данные округлены

Оценка данных, приведенных в табл. 1, должна быть подкорректирована с учетом изменения системы регистрации населенных мест в связи с подписанием 28 мая 1962 г. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР «Об упорядочении регистрации, наименования и учета населенных пунктов РСФСР». В результате из учетных данных «исчезли» приблизительно 25–

²⁵¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 3996. Л. 7, 50, 64–70; Д. 6121. Л. 2, 23, 68, 79, 82–83, 89, 98, 102, 114; Сельские населенные пункты РСФСР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.). Стат. сб./ Госкомстат РСФСР. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1991. С. 66, 76–78.

30% сельских поселений, прежде всего, ведомственных²⁵². Часть их была объединена в более крупные поселения, другие вошли в состав рабочих поселков или городов, или изменили свой статус. Но определенное количество действительно исчезли с карты – либо были заброшены жителями, либо сселены.

Политика сселения «малых деревень» берет свое начало в 1950-е гг. в связи с укрупнением колхозов и совхозизацией (преобразованием колхозов в совхозы), но наиболее активный процесс трансформации системы сельского расселения приходится на конец 1960-х–первую половину 1970-х гг. В эти годы сотни малых деревень прекратили свое существование. Многие из них умирали объективно, теряя население, но не все. Таким образом, процессы свертывания сельской поселенческой сети искусственно и необоснованно ускорялись, нанося удар по сельской местности и сельскохозяйственному производству. В 1980-е гг., с учетом предшествующего опыта, задачи в области переустройства села были подкорректированы. Больше внимания стали уделять сохранению и развитию существующих сельских населенных пунктов. Но было уже поздно, остановить процессы обезлюдения сельской местности было уже невозможно.

Если в 1939 г. поселения, не имевшие жителей, составили 0,3%, то в 1956 г. – 10,7%, а в 1970 г. – 16,0%. В последующие годы в Свердловской области в абсолютном выражении численность таких поселений сократилась, однако их удельный вес оставался по-прежнему высоким: в 1979 г. – 4,1%, а в 1989 г. – 7,9%. Опустевшие деревни являются наиболее ярким отражением процессов обезлюдения сельской местности. Это, как правило, небольшие поселения, расположенные в удалении от городских и административных центров, транспортных линий. Они первыми начинают терять население в условиях модернизации и быстро превращаются в пустоши.

Анализируя результаты развития сельской поселенческой сети в 1930–1980-е гг., приходится констатировать, что процессы модернизации захватили все уровни системы расселения, однако дать точную количественную оценку изменений затруднительно. Можно лишь предположить, что реальное сокращение сельской поселенческой сети по всем категориям поселений, а особенно мелким и несельскохозяйственным, было все же меньше, чем это отражено в учетных документах. А если принять во внимание новые обстоятельства, в частности развитие коллективного садоводства, коттеджного строительства в 1990-е гг., то можно говорить о формировании уже в 1970-е гг. тенденции развития сельского расселения, связанной с перераспределением функций между городской и сельской местностью. Последняя становится все более привлекательной для жителей крупных городов, которые стремятся иметь в деревне свой домик, садовый участок. И здесь реализуются не столько экономические потребности, сколько стремление к смене обстановки, отдыху от городской суеты и шума. Отток городских жителей в сельскую местность носит сезонный и временный характер, но вместе с тем закладывает основы дальнейшей трансформации сельской поселенческой сети в соответствии с требованиями постиндустриального общества.

²⁵² Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 133. Л. 21; Д. 132. Л. 2.

В 1980–1990-е гг. в системе расселения урбанизированных регионов России, к которым относится Средний Урал, все более явно проявляются черты, соответствующие новой стадии расселения – дезурбанизации: крупные поселения, расположенные в зоне влияния агломераций, все более плотно интегрируются в городскую среду. В пригородах крупных городов идет активный процесс формирования поселков-спален, в современных условиях он ускоряется в связи с коттеджным строительством. Небольшие поселения, расположенные в зоне 1–2-часовой доступности, становятся преимущественно местами отдыха горожан, что также меняет их функциональную направленность. Сельские территории, расположенные вдали от транспортных линий и городских центров, переживают не лучшие времена. Здесь продолжается депопуляция населения, деградация и сокращение поселенческой сети.

ЛИТЕРАТУРА

Зайончковская 1991 – *Зайончковская Ж.А.* Демографическая ситуация и расселение / Ж.А. Зайончковская; АН СССР, ин-т географии. – М.: Наука, 1991. – 130 с.

Кузьмин, Оруджиева, Корнилов 1996 – *Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г., Корнилов Г.Е. и др.* Население Урала. XX век. История демографического развития / ред. В.В. Алексеев. – Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. – 212 с.

Мазур 2002 – *Мазур Л.Н.* Край ссылки: Особенности формирования и развития системы расселения на Урале в 1930–1950-е гг. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 2 / ред. А.В. Черноухов. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. – С. 176–208.

Мазур, Бродская 2006 – *Мазур Л.Н., Бродская Л.И.* Эволюция сельских поселений Среднего Урала: опыт динамического анализа. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – 564 с.

Мазур 2007 – *Мазур Л.Н.* Народы Среднего Урала в структуре сельского расселения (XX век) // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарная серия. 2007. Вып. 13. № 49. С. 180–195.

Оборин 1990 – *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI–начале XVII века. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. – 166 с.

Семенов-Тянь-Шанский 1910 – *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии. Т. 10. Вып. 2. – СПб., 1910. – 212 с.

Чагин 1995 – *Чагин Г.Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVII–первой половине XVIII в. – Пермь: Изд-во Пермского госуд. ун-та, 1995. – 364 с.

Чагин 2003 – *Чагин Г.Н.* Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. Историко-этнографический атлас. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2003. – 128 с.

REFERENCES

CHagin, G. N. (1995), *Etnokul'turnaya istoriya Srednego Urala v konce XVII–pervoj polovine XVIII v.* [Ethnocultural history of the Middle Urals at the end of the 17th – first half of the 18th centuries], Izd-vo Permskogo gosud. un-ta, Perm', Russia.

СНagin, G. N. (2003), *Narody i kul'tury Urala v XIX–XX vv. Istoriko-etnograficheskiy atlas* [The peoples and cultures of the Urals in the 19th–20th centuries. Historical and ethnographic atlas], Izd-vo «Sokrat», Ekaterinburg, Russia.

Kuz'min, A. I., Orudzhieva, A. G., Kornilov, G. E. and oth. (1996), *Naselenie Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya* [Population of the Urals. XX century. History of demographic development], in Alekseev, V.V. (ed.), publ. «Ekaterinburg», Ekaterinburg, Russia.

Mazur, L. N. (2002), “Kraj ssylki: Osobennosti formirovaniya i razvitiya sistemy rasseleniya na Urale v 1930–1950-e gg.” [Land of reference: Features of the formation and development of the settlement system in the Urals in the 1930s–1950s], in СHernouhov A. V. (ed.), *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'*. Vyp. 2. [Document. Archive. Story. Modernity], Issue 2, publ. Ural. un-ta, Ekaterinburg, Russia, pp. 176–208.

Mazur, L.N. and Brodskaya, L. I. (2006), *Evoluciya sel'skih poselenij Srednego Urala: opyt dinamicheskogo analiza* [Evolution of rural settlements in the Middle Urals: experience of dynamic analysis], publ. Ural. un-ta, Ekaterinburg, Russia.

Mazur, L. N. (2007), “The peoples of the Middle Urals in the structure of rural settlement (XX century)”, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnaya seriya*, Issue 13, no. 49, pp. 180–195.

Oborin, V. A. (1990), *Zaselenie i osvoenie Urala v konce XI–nachale XVII veka* [Settlement and development of the Urals at the end of the XI-beginning of the XVII century], publ. Irkutskogo un-ta, Irkutsk, Russia.

Semenov-Tyan-SHanskij, V. P. (1910), *Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii. Ocherk po ekonomicheskoy geografii* [City and village in European Russia. Essay on economic geography], V. 10, Issue 2, St. Petersburg, Russia.

Zajonchkovskaya, ZH. A. (1991), *Demograficheskaya situaciya i rasselenie* [Demographic situation and resettlement], Nauka, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Людмила Николаевна Мазур, доктор исторических наук, доцент Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620000, Россия, г. Екатеринбург, пр. Ленина, 61; ln.mazur@urfu.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila N. Mazur, Doct. of Sci. (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia; 620000, Russia, Yekaterinburg, Lenin Ave., 61; ln.mazur@urfu.ru.

Кокандская автономия: пролог гражданской или национально-освободительной войны в Туркестане?

Татьяна В. Котюкова

Институт всеобщей истории РАН
Москва, Россия, kotyukovat@mail.ru

Институт научной информации по общественным наукам РАН

Москва, Россия, kotyukovat@mail.ru

ORCID 0000-0001-5741-7905

Аннотация. *Последние десятилетия подвели нас к пониманию, что историю Великой русской революции и Гражданской войны на так называемых национальных окраинах нужно изучать комплексно, серьезно анализируя все доводы и аргументы противоборствовавших сторон, учитывая специфику классовой борьбы, этноконфессиональные противоречия, интересы внешних сил и сложные межличностные отношения политических акторов. Устойчивым является представление, что автономия, провозглашенная в Коканде в ноябре 1917 г., была ответом левозеровско-большевистскому правительству в Ташкенте, в состав которого не вошли представители коренного мусульманского населения. Однако документы свидетельствуют о том, что сразу же после отречения от престола Николая II в среде местных мусульманских интеллектуалов начались дискуссии о будущем политическом устройстве региона. Политическая модернизация региона, начавшаяся в период первой русской революции 1905–1907 гг., развивалась очень динамично в период Первой мировой войны. Поэтому в эпоху Великой русской революции Туркестан вступил с определенным пониманием и восприятием себя в российский имперском пространстве. Говоря о Туркестане зачастую очень сложно провести границу, где классовая борьба перерастала в противостояние на этноконфессиональной почве, где интересы третьих стран подавались местной коллаборационистской элитой, как вековые чаяния угнетенного народов, а откровенная личная неприязнь и конкуренция между местными политическими деятелями прикрывалась лозунгами классовой и/или национальной борьбы и наоборот.*

Ключевые слова: Туркестан, Центральная Азия, Туркестанский комитет Временного правительства, Всероссийское учредительное собрание, Туркестанская (Кокандская) автономия, большевики, джадиды, кадимисты, мусульмане, Шуру-и-Исламия, Шуру-и-Улема, Мустафа Чокаев, Серали Лапин.

Для цитирования: Котюкова Т.В. Кокандская автономия: пролог гражданской или национально-освободительной войны в Туркестане? // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 282–302. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-280-300.

Kokand autonomy: a prologue to the civil or national liberation war in Turkestan?

Tatyana V. Kotyukova

Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia, kotyukovat@mail.ru

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences

Moscow, Russia, kotyukovat@mail.ru

Abstract. *Recent decades have led us to understand that the history of the Great Russian Revolution and the Civil War on the so-called national outskirts should be studied comprehensively, seriously analyzing all the arguments and arguments of the opposing parties, given the specifics of the class struggle, ethno-confessional contradictions, the interests of external forces and complex interpersonal relations of political actors. Stable is the notion that the autonomy proclaimed in Kokand in November 1917 was a response to the Left-Eser-Bolshevik government in Tashkent, which did not include representatives of the indigenous Muslim population. However, documents indicate that immediately after the abdication of Nicholas II, discussions began among local Muslim intellectuals about the future political structure of the region. The political modernization of the region, which began during the first Russian revolution of 1905–1907, developed very dynamically during the First World War. Therefore, in the era of the Great Russian Revolution, Turkestan entered with a certain understanding and perception of itself in the Russian imperial space. Speaking of Turkestan, it is often very difficult to draw a border where the class struggle developed into a confrontation on ethno-confessional grounds, where the interests of third countries were presented by the local collaborationist elite as the centuries-old aspirations of the oppressed peoples, and outright personal hostility and competition between local political figures was covered by slogans of class and/or national struggle and vice versa.*

Keywords: *Turkestan, Central Asia, Turkestan Committee of the Provisional Government, All-Russian Constituent Assembly, Turkestan (Kokand) autonomy, Bolsheviks, Jadids, Cadimists, Muslims, Shuro-i-Islamia, Shuro-i-Ulema, Mustafa Chokaev, Serali Lapin.*

For citation: *Kotyukova, T.V. (2023), "Kokand autonomy: a prologue to the civil or national liberation war in Turkestan? ", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 282–302. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-280-300.*

Практически аксиомой является представление о том, что автономия, провозглашенная в Коканде в ноябре 1917 г., была своеобразным ответом левоэсеровско-большевистскому правительству в Ташкенте, в состав которого не вошел ни один представитель коренного населения. Однако сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что политическая дискуссия о новом политическом устройстве Туркестана началась сразу же после отречения от престола императора Николая II. К созданию автономии в среде местных мусульманских интеллектуалов готовились на идейно-теоретическом уровне, и ее объявление в условиях революции было просто делом времени. Времени, в которое должны были совпасть политическая конъюнктура, в виде серьезного ослабления имперского центра, и реальные возмож-

ности местных элит, под которыми в первую очередь следует понимать их возможность к консолидации. Кроме того не стоит недооценить внешнеполитическую или геополитическую ситуацию, которая стала складываться вокруг среднеазиатских окраин Российской империи в годы Первой мировой войны.

В это время эмигранты из России тюркского происхождения основали в Стамбуле так называемый «Комитет защиты тюркских народов России», или «Комитет в защиту прав магометанских тюрко-татарских народов России», который сокращенно чаще именовался как «Русско-мусульманский комитет». Комитет пользовался поддержкой младотурок, надеявшихся, в результате поражения России в войне, аннексировать принадлежавшие последней территории с тюркско-мусульманским населением.

В 1915–1916 гг. члены Комитета посетили ряд европейских столиц. В средствах массовой информации был опубликован так называемый «Меморандум», содержащий, помимо прочего, требования освободить Бухару и Хиву от русского владычества и присоединить к ним Туркестан²⁵³.

27–29 июня 1916 г. в Лозанне была проведена Третья конференция «Союза народов», на которой группа представителей мусульманских народов России фактически получила со стороны ряда европейских государств признание права на самоопределение, административную и культурно-национальную автономию в рамках Российского государства вне зависимости от итогов мировой войны [Исхаков 2014, с. 389]. После падения самодержавия в 1917 г. эти декларации попытались перевести в практическую плоскость.

Мало кто в России мог предположить, что в Туркестане, не успевшем перейти на следующий уровень имперской интеграции (край так и остался в ведении Военного министерства, а не Министерства внутренних дел), будет сформировано первое правительство, объявившее об автономном статусе региона, в составе новой Демократической России.

В советской историографии феномен Туркестанской (Кокандской) автономия фактически не изучался как самостоятельная научная проблема. Причины скорее всего нужно искать в том, что за полгода до начала Великой русской революции в крае произошло масштабное восстание 1916 г., а вслед за разгромом автономии в начале 1918 г., наступили долгие годы борьбы с басмачеством. Восстание и басмаческое движение как бы переключили на себя все внимание советской исторической науки в центре, а главное в самих Среднеазиатских Республиках СССР. Поэтому о Туркестанской автономии на протяжении десятилетий говорили или в контексте революционных событий 1917–1918 гг., или последовавших борьбе с басмачеством и Гражданской войне.

Серьезные исследования начались на волне распада СССР и с получением бывших союзных республик Средней Азии и Казахстана статуса независимых государств.

Со сменой исторических эпох и началом активного строительства на постсоветском пространстве национальных государств, для полноценного

²⁵³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 4413. Л. 59.

обоснования их законности потребовались собственные национальные герои, пришедшие на смену пламенным революционерам, с яркими и трагическими биографиями. На фоне отказа от классового похода, подчеркнутое внимание стало уделяться этноконфессиональной принадлежности политических оппонентов. Начал складываться нарратив о не легитимности советской власти и всего советского периода истории, который в постсоветских государствах Центральной Азии стал определяться как колониальный, наравне с царским. О национально-буржуазных образованиях первых лет революции (Кокандская автономия, Алаш-Орда и др.) заговорили как о подлинно законных, поддержанных широкими народными массами. Сопротивление советской власти в форме басмаческого движения, из контрреволюционного было перекалфицировано в прогрессивное, став следующим этапом национально-освободительной борьбы, продолжавшим логику востаний 1898 г. и 1916 г.

Так обосновывалась преемственность между национально-буржуазными образованиями (автономиями) и политическими режимами, установившимися после 1991 г. [Джумаев 2017, с. 216–217].

За последние десятилетия на постсоветском пространстве относительно событий Великой русской революции 1917–1922 гг. сформирована новая историческая память. В Центральной Азии этому особенно способствовало то, что борьба с басмачеством продлилась в некоторых районах вплоть до конца 1930-х гг. В основе конструкции нового пантеона и национальной исторической мифологии, как и советской, лежит вера в абсолютную нравственную непогрешимость и безусловную политическую правоту новых национальных героев.

Несмотря на очевидное изменение оценок Великой русской революции и Гражданской войны историками бывших союзных республик, значительная часть отечественных исследователей, при очевидном изменении оценок внутреннего нарратива, сохранила верность трактовкам, устоявшимся в советской историографии, а тема Туркестанской автономии, продолжает подниматься лишь в рамках изучения других крупных научных вопросов.

За последние три десятилетия в российской историографии специально посвященными истории Туркестанской автономии можно считать всего несколько статей [Исхаков 2001, с. 204–223; Бочкарева 2017, с. 53–57]. Многочисленные пробелы значительно восполнил сборник документов «Великая российская революция 1917 года и мусульманское движение» [Великая российская революция 2019]. Для Узбекистана историческая память об автономии является одним из краеугольных камней в основании представления об истоках современной государственности. На узбекском языке издано значительное количество научной и научно-популярной литературы прямо или опосредованно посвященной истории создания и падения автономии. Но позволим себе упомянуть лишь самые важные работы, изданные на русском языке [Агзамходжаев 2006; Мадьярова 2010; История Туркестанской автономии 2022].

Казахстанская историография рассматривают Туркестанскую автономию, по сути, как еще один «казахский государственный проект», возник-

ший и развивавшийся параллельно с Алаш Ордой [Нуртазина 2008; Кумганбаев, Ташенев 2013, с. 49–55].

Ведущие американские и европейские специалисты, считают, что исследования по данной теме весьма тенденциозны: советская историография настаивала на том, что провозглашение автономии являлось заурядной авантюрой местной буржуазии, поддержанной иностранными интервентами, а западные ученые и современная узбекистанская историография видели и видят в этом попытку создания национальной государственности [Буттино 2007; Халид 2005, с. 189–226].

К моменту падения монархии в России в Туркестане сосуществовали два сообщества: пришлое и коренное мусульманское население. В их отношениях присутствовала напряженность, которая не была устранена и после февраля 1917 г. Именно этно-конфессиональный фактор придавал специфику революционному процессу и развернувшейся позже Гражданской войне в Туркестане, и в ситуации противостояния «красного» и «белого» лагерей создавал дополнительную линию раскола общества [Гражданская война 2018, с. 62].

Временное правительство придерживалось фундаментального принципа первичности индивидуальных прав по отношению к коллективным правам национальных сообществ. Основное внимание уделялось не национальному вопросу как таковому, а определению основ правового статуса личности как фундамента для разрешения всех остальных вопросов²⁵⁴. Весной 1917 г. в нормативные акты было введено понятие «российский гражданин» вместо понятия «русский подданный».

Неравенство индивидов было упразднено, но неравенство национальностей косвенно, а иногда и явно, сохранялось [Аллворт 2016, с. 181]. Например, Мустафа Чокаев, второй премьер министр автономии, вспоминая свой разговор с председателем Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе в начале апреля 1917 г., писал, что, когда разговор зашел о ситуации в Туркестане и Чокаев заявил, что местные политические силы будут добиваться автономии для края, реакция Чхеидзе была следующей: «Во-первых, сейчас еще рано говорить об этом, а, во-вторых, автономия в такой стране, как ваш Туркестан, это будет верным шагом к независимости, к сепаратизму» [Чокаев 2001, с. 11].

В апреле 1917 г. в Туркестанском комитете Временного правительства прошло совещание по вопросу о статусе края. Итоги совещания нашли свое отражение в статье «Автономия Туркестана» в газете «Туркестанский курьер», в которой автор отметил: «Вопрос об автономии Туркестана не так прост, чтобы его можно было выяснить в 2–3 часа... Он требует значительной затраты времени на предварительное обследование и изучение. Исключительное положение Туркестанского края делает невозможным введение в нем полной политической автономии» [Гражданская война 2018, с. 66–67].

²⁵⁴ Воронов С.Н. Национальный вопрос в правовой политике Временного правительства в 1917 г. [Электронный ресурс] // Правовая политика и правовая жизнь. 2003. № 2. URL: <https://etnoknf.astrobl.ru/document/1512> (последнее обращение 01 марта 2023).

В августе 1917 г. глава Временного правительства А.Ф. Керенский, детство и отрочество которого прошло в Ташкенте, на встрече с делегацией туркестанских мусульман подчеркнул, что, веря в преданность народов Туркестана, не потерпит никакого сепаратизма и примет против этого самые суровые меры [Абдуллаев, 1991. С. 89].

На схожих с Временным правительством позициях стояли и филиалы различных общероссийских политических партий, действовавших на тот момент в Туркестане. В период между февралем и октябрём все они отметились высказываниями о преждевременности предоставления автономии коренному населению края.

В марте 1917 г. Временное правительство столкнулось с нарастающим в стране стремлением к автономии или полной государственной самостоятельности со стороны представителей ряда национальностей и регионов. В сентябре на Всероссийском демократическом совещании уже звучали требования «признать неограниченное право наций на самоопределение»²⁵⁵.

Назначение Временным правительством генерального комиссара Туркестанского края и наделение его широкими полномочиями, на наш взгляд, отрицало саму возможность предоставления региону прав автономии. В конце апреля при Туркестанском комитете временного правительства (Турккомитете) прошло совещание по вопросу о предоставлении Туркестану полной политической автономии. Совещание признало введение ее невозможной [Хроника событий 1962, с. 52].

Эту позицию поддержал и А.Ф. Керенский.

Бывший Туркестанский генерал-губернатор А.Н. Куропаткин, также разделял эту точку зрения [Хроника событий 1962, с. 52].

Вопрос об автономии обсуждался и на Съезде исполнительных комитетов Туркестанского края. Большинство выступило против предоставления Туркестану прав автономии под предлогом неподготовленности для этого основной части населения [Абдуллаев 2014, с. 79]. Краевой съезд Советов в апреле 1917 г. также не поддержал введение автономии.

В мае на Краевом съезде эсеров была принята резолюция, в которой отмечалось, что мусульманское население пока не смогло воспринять европейских демократических ориентиров в общественно-политическом развитии и автономия может быть учреждена только Учредительным собранием²⁵⁶.

В июне 1917 г. на своем съезде возможность создания автономии Туркестана обсудили местные социал-демократы. Собравшиеся считали, что, предлагая национальную и культурную автономию, необходимо учитывать специфику образа жизни и хозяйственного уклада коренного населения и подумать о достаточных гарантиях прав национальных меньшинств²⁵⁷.

Первый председатель Турккомитета Н.Н. Щепкин, оценивая ситуацию в крае, 13 мая 1917 г. поделился с князем Г.Е. Львовым своими мыслями: «Теперь времена изменяются, и мусульмане начинают чувствовать свое чис-

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Наша газета. 11 мая 1917 г.

²⁵⁷ Коммунист. № 78, август–сентябрь 1922 г.

ленное превосходство, моральное превосходство русских слабовато, больше страх штыков действует»²⁵⁸.

С другой стороны, Временное правительство, пытаясь реализовать провозглашенные принципы «свобод» и отмены национальных ограничений, привлекло к управлению краем представителей мусульманского населения. Правда, только 2 из 5 были уроженцами Туркестана, что на наш взгляд одновременно может свидетельствовать как о недоверии к региональной мусульманской элите, так и о слабости местного кадрового потенциала.

В середине марта 1917 г. в Петрограде, на совещании Мусульманской фракции Государственной думы и ее бюро с представителями всех мусульманских регионов России, было образовано Временное центральное бюро российских мусульман (ВЦБРМ). На своем втором заседании, 18 марта 1917 г., ВЦБРМ обсудило вопрос об организации власти в Туркестане. 27 марта генерал С.-Г. Еникеев на очередном заседании Бюро сделал доклад о положении в Туркестане. По его мнению, «выяснилась беспомощность самих туземцев и невозможность для них без содействия со стороны мусульман внутренней России использовать создавшиеся благоприятные условия». Обратим внимание на саму терминологию, к которой прибегал генерал в своем докладе, называя коренное население Туркестана «туземцами», а не, например, «местными мусульманами».

1–11 мая 1917 г. в Москве проходил I Всероссийский мусульманский съезд. В принятой съездом резолюции был сделан акцент на специфических особенностях Туркестана и ряда др. регионов страны, в которых предполагалось создать областное самоуправление. Съезд предлагал назвать его автономным самоуправлением, сделав шаг навстречу местным элитам, со стороны которых раздавались обвинения в адрес ВЦБРМ в намерении лишить местные национальные организации возможности самостоятельно заниматься собственными делами.

В качестве одного из делегатов на съезде присутствовал Заки Валидов [Исхаков 1997, с. 55–75]. Впоследствии он писал в воспоминаниях, что на съезде в Москве якобы именно им была высказана мысль об автономии Туркестана [Тоган 1997, с. 122].

Главным вопросом русской революции 1917 г. был вопрос о власти. В Туркестане самой острой составляющей этого вопроса стало определение его статуса в составе России и степени участия мусульманского населения в организации региональных властных структур и принятии решений, поскольку на момент февраля 1917 г. своего готового национального проекта у местной мусульманской элиты не было [13. С. 64].

При этом, как и вся Россия, край переживал период мощнейшего общественно-политического подъема, иногда напоминавшего эйфорию.

Весной–летом 1917 г. в крае были организованы первые политические организации. Назовем лишь самые крупные [Абдуллаев 2014] Шуру-и-Исламия (организация т. н. младотуркестанцев, или младосартов²⁵⁹, предсе-

²⁵⁸ ГА РФ. Ф. 1800. Оп. 1. Д. 29. Л. 36.

²⁵⁹ Сартами до начала 1920-х гг. называли оседлое (в основном городское) население Туркестана. По аналогии с реформаторским джадидским движением в Османской империи, как младотурками, сторонников новых просвещенческих идей в Туркестане русское правительство называло младосартами.

датель Мунавара-кары Абдурашидханов), члены которой, разделяли идеи модернистского движения в исламе – джадидизма, и настаивали на реформации мусульманского общества; Улема Джамиати, больше известная под названием Шура-и-Улема (консервативная, как принято считать, партия, основу которой составляли кадимисты, оппоненты джадидов, вышедшая в июне 1917 г. из состава Шура-и-Исламия, председатель Серали Лапин).

Ряд исследователей полагает, что серьезной разницы в реформаторских идеях т. н. «джадидов» и «кадимистов» не было [Бабаджанов, Сартори 2018, с. 37].

Многие из представителей Шура-и-Исламия откровенно заявляли, что добиваться национально-территориальной автономии не только не нужно, но и вредно. Они считали, что «мусульмане не могут сами справиться с управлением земельно-водными делами», а поэтому надо добиваться автономии только в культурно-просветительных вопросах [Кастельская 1980, с. 106].

На наш взгляд, такие требования во многом схожи со статусом Бухарского эмирата и Хивинского ханства в составе Российской империи, во внутреннюю, прежде всего религиозную жизнь которых, империя не вмешивалась.

По планам улемистов, Туркестан должен был стать автономной республикой в составе России со своим законодательным собранием. Ими была подготовлена конституция «Туркестанского штата». Законодательная система будущего «штата» должна была согласовываться с основными законами Российской республики и с законами шариата [Исхаков 2001, с. 212].

Необходимо отметить, что образованные мусульмане были знакомы с социалистическими идеями. Однако они отпугивали мусульманскую интеллигенцию призывами к радикальному переустройству всех сторон жизни [Джумаев 2017, с. 219–220].

Политическая жизнь Туркестана весной-летом 1917 г. была достаточно насыщенной, однако, по мнению местных экспертов того времени, беспечность, невежество, слабость национального просвещения и культуры являлись серьезным тормозом для будущего развития. Главнейшей задачей на тот момент для них было суметь использовать неожиданно приобретенную свободу. Для этого в первую очередь необходимо было объединиться. И именно это получалось хуже всего [Бочкарева 2017, с. 64–102].

Вопрос о федерации или автономии стал объектом дискуссии на I Все-туркестанском мусульманском съезде, открывшемся 16 апреля 1917 г. в Ташкенте и созванном по инициативе Шура-и-Исламия.

На съезде было принято решение создать Туркестанский мусульманский Центральный совет (Туркистон миллий марказ шуриси)²⁶⁰, который начал работу в июне 1917 г. Это был орган реформаторов-младотуркестанцев, подвергшихся влиянию русской культуры и стремившихся к переустройству местной жизни на европейских началах [Исхаков 2004, с. 159–160].

По вопросу о национально-государственном устройстве, съезд принял решение, по которому Туркестан входил в состав Российской республики в

²⁶⁰ Другие названия этой организации: Туркестанский краевой мусульманский совет (Туркамус) или Национальный центр (Миллий марказ).

качестве отдельной территориальной автономии, организованной на началах национального самоопределения.

Однако местные реформаторы нуждались, и они признавали это сами, в помощи и поддержке политических деятелей из Поволжья. Например, краевой Центральный мусульманский совет был образован «благодаря помощи казанской делегации» [Бочкарева 2017, с. 339–340].

Но как показала жизнь, реформаторы недооценили силу влияния туркестанских улемов на умы и настроения масс или просто переоценили свою.

Тема автономии была центральной в общественной дискуссии развернувшейся весной-летом 1917 г. на страницах краевой периодической печати. Одни публицисты выступил против мнения о том, что край еще не готов к автономии и подчеркивали, что принимая решение о создании федерации, нужно думать не о настоящих, а о будущих поколениях, которым для развития необходима независимость [Абдуазизова 2018, с. 237].

Другие отмечали, что объединенная под лозунгом автономии сила не имеет социальной базы и всерьез опасались реставрации ханских времен. Более того, не мусульманское меньшинство, сохраняющее возможность участвовать и влиять на развитие политической жизни в Туркестане, было жизненно необходимо в понимании местных прогрессистов. Иначе прогрессистов могла снести волна «тирании» местных консерваторов [Абдуазизова 2018, с. 238–239]. Поэтому ведущие политические лидеры края, несмотря на имевшиеся между ними политические разногласия в понимании «текущего момента» и оценке будущих перспектив, на наш взгляд, были готовы искать и находить компромисс с русскими не большевистского толка политическими организациями Туркестана.

7 сентября 1917 г. в Ташкенте начал работу II Краевой мусульманский съезд, созданный по инициативе Шури-и-Исламия, а 17–20 сентября улемы провели свой съезд. Решения этих съездов показали, что национальное автономистское движение в Туркестане приобрело более зрелые формы и местная политическая элита не намерена более мириться с доминированием русского меньшинства в управлении регионом [Гражданская война 2018, с. 66].

При этом «косные» и «отсталые» улемы оказались активной и организованной «реформаторов». Это объяснимо. Им было что терять. По-своему они тоже хотели реформ. Но еще больше, на наш взгляд, они хотели договориться с новой властью и жить по-старому.

Съездами был принят ряд решений, о которых стоит сказать несколько слов. В совместной резолюции манифестировалось предложение создать Федеративную Республику Туркестан, которая пользовалась бы территориальной автономией на основе принципов национально-культурного самоопределения в рамках Российской Республики.

Республика Туркестан должна была включать Сырдарьинскую, Самаркандскую, Ферганскую, Закаспийскую области, а также Семиречье, которое не прислало на съезд своих представителей. Предполагалась перспектива расширения территории Республики за счет включения в нее Уральской и Тургайской областей, основным населением которых являлись казахи. Тем самым признавался принцип территориальной автономии, который ранее

был одобрен I Всероссийским мусульманским съездом в Москве, а теперь формулировался более конкретно и с одобрения делегатов различных частей Туркестана и Степных областей.

Исследователи отмечают два существенных отличия между позициями, выраженными Улема Джамиати (базовые принципы будущей Туркестанской автономии), и позицией партии Алаш. Первое отличие: объединенная резолюция туркестанских мусульман давала улемам возможность осуществлять контроль над государственными делами. Второе отличие: в Туркестане предложили объединить в одной республике все народности Центральной Азии, включая территории, населенные казахами. II Всекиргизский съезд в Оренбурге в декабре 1917 г., напротив, высказался за объединение только областей, населенных казахами [Абдыгалиулы 2017, с. 113–114].

Туркестан, как это ни удивительно, первым встал на путь практической реализации планов по созданию национально-территориальной автономии, а формирование советского правительства в Ташкенте просто ускорило процесс объявления автономии.

15–22 ноября 1917 г. в Ташкенте прошел III Краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. В сформированное левозсеровско-большевистское правительство не вошел ни один представитель коренного населения. Именно Ташкент стал местопребыванием первого советского правительства, созданного на окраинах бывшей империи. Съездом была предложена следующая резолюция: «Включение в настоящее время мусульман в органы высшей краевой революционной власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Совета солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органах высшей власти фракция приветствовала бы»²⁶¹.

На съезде прозвучали два диаметрально противоположных выступления представителей коренного населения: лидера организации Улема Джамиати Серали Лапина и делегата от Ходжентского совета мусульманских рабочих депутатов Абдуллы Рахимбаева. Лапин заявил, что мусульманам должно быть предоставлено в органах новой власти 3/4 мест. «Основываясь на принципе самоопределения... мусульманство могло бы потребовать себе и всей власти, – сказал Серали Лапин, – но оно делает уступку пришлым элементам, допуская их представителей к власти... Путь мусульман самостоятельный. Он указывается им Кораном и правилами шариата, поэтому они не могут примкнуть ни к одной из русских политических партий, но будут поддерживать ту власть, которая, опираясь на все народные организации, приведет к Учредительному собранию... Мусульмане верят в обещание русской революции о самоопределении» [История и историки 2014, с. 106]. Кроме того Лапин предложил учредить в Ташкенте Краевой совет и Правительственный комитет, в которых половина мест должна принадлежать национальной буржуазии,

²⁶¹ Наша газета. 23 ноября 1917 г.

а вторая половина должна быть поделена между русской буржуазией и Советами. На иных условиях мусульмане отказывались принять участие в организации власти в городе и крае²⁶².

Выступление Лапина было опротестовано Рахимбаевым. Он предложил съезду не считаться с мнением «Объединенного совещания различных мусульманских групп», не являвшегося, по его мнению, выразителем настроений всего мусульманского населения, каковым может быть только Краевой общемусульманский съезд, созыв которого был назначен на 25 ноября 1917 г. [История и историки 2014, с.106].

Как относиться к предложению Лапина: это было предложение компромисса или объявление ультиматума?

Что в предложениях Лапина нам кажется важным и на что необходимо посмотреть глазами рабочих и солдатских депутатов. Они не собирались делить никаких мест с русской буржуазией. Такая коалиция была невозможна, поскольку это были политические антагонисты. И именно национальная буржуазия, а не просто мусульмане, являлась для собравшихся на III Краевом съезде Советов классовым врагом. Но были и такие как Рахимбаев. Однако этот важный фактор руководством туркестанских большевиков был полностью проигнорирован, поскольку таких как Рахимбаев в правительстве сформированном на съезде не оказалось.

Царская власть и Временное правительство понимали необходимость или даже неизбежность, учитывать этноконфессиональную специфику края при формировании структуры власти. Они находили себе союзников среди «классово близких элементов», хотя в целом «инородцам» они не доверяли.

Возможно, туркестанские большевики не видели ни в одной крупной политической национальной организации края потенциального партнера для создания политической коалиции. И за это их не вполне уместно обвинять в национализме. Они действовали достаточно гибко, когда были уверены, что это принесет реальные политические дивиденды. Но это был не тот случай.

Еще в июле 1917 г. II Туркестанский съезд РСДРП постановил поддерживать всякое оппозиционное движение среди мусульман, вести соответствующую пропаганду на местных языках, способствовать созданию Советов трудящихся мусульман [Булдаков 2010, с. 329].

Правые (позволим себе такой термин) мусульманские политические силы Туркестана, ни чуть не в меньшей степени, если не в большей чем большевики, были не готовы к уступкам, а левые силы находились на стадии формирования. Поэтому предложения Лапина больше напоминало ультиматум, поскольку выбирать большевикам было не из кого.

Лапин считается автором очень интересного документа – т. н. «Письма русским социалистам», написанного от имени организации Улема в январе 1918 г. Отмежевываясь от джадидов-прогрессистов, отрицая и не принимая эволюцию туркестанского общества в направлении создания капиталистических структур, Лапин писал: «в главных своих основах социализм мало

²⁶² Знамя свободы. 28 ноября 1917 г.

чем отличается от учения Ислама и расходится с последним лишь в способах осуществления принципов и в некоторых подробностях. А это указывает на то, что европейский социализм имеет своим первоисточником тот же самый Ислам, каковое обстоятельство само по себе представляет факт величайшей исторической важности, как в жизни мусульман, так и в целях объединения всего человечества» [«Европейский социализм...» 2004, с. 172–182]. Такое, по-настоящему компромиссное смягчение позиции свидетельствует, что Лапин скорее был реалистом, чем консерватором. По сути, это запоздалый призыв к большевикам сесть за стол переговоров, когда печальная судьба автономии была уже всем очевидна.

Временное правительство было готово к компромиссам, включив в состав Туркестанского комитета Временного правительства мусульман, потому что в значительной степени унаследовало отношение к этноконфессиональному вопросу от царского правительства с обязательной представительской квотой, пусть и непропорциональной реальному количеству населения, для так называемых «туземцев». Лезовсеровско-большевистское правительство действовало в иной политической логике – классовой, и декларировало готовность эти квоты так же продолжать предоставлять, но не просто «национальным элементам», а «классово близким национальным элементам».

Первый историограф Туркестанской автономии П. Алексеев в 1931 г. признал допущенную ошибку: «Отказавшись привлечь к делу строительства советской власти пролетарские и полупролетарские слои коренного населения страны, наша туркестанская партийная организация не чувствовала под собой достаточно твердой почвы для того, чтобы вести решительное наступление на власть Временного правительства во всем Туркестане и долгое время продолжала барахтаться в самом Ташкенте» [Алексеев 1931, с. 52].

На рубеже 1917–1918 гг., считает М. Буттино, советская власть в Туркестане означала русскую власть. Сложившуюся ситуацию он назвал «революцией наоборот» [Буттино 2007]. Возросшие претензии мусульман на участие во власти, в сочетании с устойчивым восприятием их проектов как угрозы позиции русских в регионе определили выбор делегатов съезда по вопросу о власти в пользу большевиков.

По мнению И.Б. Бочкаревой и Ю.А. Лысенко, советская власть в Туркестане была провозглашена по классовому принципу, как диктатура трудящихся, а правительство было сформировано по национальному принципу при чрезвычайно узкой социальной базе. При этом вопрос об автономии края вообще не нашел отражения в решениях съезда [Бочкарева, Лысенко 2018, с. 101].

Однако в выше приведенной резолюции съезда вполне однозначно говорилось: включение в настоящее время мусульманского населения в органы высшей краевой революционной власти неприемлемо ввиду неопределенности его отношения к советской власти и отсутствия пролетарских организаций, представительство которых в органах высшей власти приветствовалось бы.

Это значит, что советская власть в Туркестане была не только провозглашена, но и сформирована на основании классового подхода.

22 ноября 1917 г. в Ташкенте открылся III Краевой съезд мусульман, на котором была сделана попытка формирования правительства автономии. Это решение вызвало протест со стороны представителей мусульманских организаций, выступавших за Советы как единственную легитимную власть. Сторонникам автономии стало понятно, что в Ташкенте реализовать автономный проект не удастся.

26 ноября 1917 г. теперь уже в Коканде экстренно собрался IV Чрезвычайный краевой съезд мусульман. В резолюции съезда подчеркивалось, что он отражает волю всех народов, населяющих Туркестан, к самоопределению в составе Федеративной Российской Республики.

28 ноября было провозглашено создание Туркестанской (Кокандской) автономии (Туркистон мухторияти), которая должна была стать демократическим государством, с гарантированными правами национальных меньшинств.

С формально-юридической точки зрения ничего противозаконного в появлении автономии не было. Ее возникновение соответствовало «Декларации прав народов России», провозгласившей «право на самоопределение, вплоть до отделения».

Автономистами были избраны Временный народный совет и Временное автономное правительство. Временный народный совет включал в себя 54 человека. Треть мест в Совете была за представителями некоренного населения [Абдуллаев 2014, с.163].

Состав правительства автономии был интернациональным и реформаторским. Однако не было ни одного авторитетного улема. На наш взгляд, это не добавляло новому правительству, в тех исторических обстоятельствах и с учетом особенностей менталитета населения, жизнеспособности. Нужен был некий переходный период, который бы позволил идее светского государства глубже и основательнее проникнуть в туркестанский социум.

Партия Улема Джамяти заявила о поддержке идеи автономии при условии выполнения трех требований: чтобы не было враждебных выступлений против большевиков (Лапин рассчитывал, вероятно, установить с последними некий политический диалог для нахождения компромисса); действия автономного правительства не должны противоречить шариату; недопущение любого кровопролития [Абдуллаев 2014, с.165].

Многие представители образованной части туркестанского общества вполне отдавали себе отчет, что Туркестан достиг свободы в форме автономии, благодаря революции, совершенной силами других, не переживая при этом «никаких обид и трудностей».

Итак, в Ташкенте действовал Туркестанский Совнарком, в Коканде – Туркестанское автономное правительство. При этом власть автономистов распространялась только на мусульманскую часть города (старый город). В русской части города власть была в руках Кокандского Совета рабочих и солдатских депутатов. С другой стороны, утверждение, что большевистское правительство в Ташкенте, как в прочем Совдепы других городов края кон-

тролировали так называемые старгородские или «туземные части» этих городов, прозвучит очень смело.

Провозглашение автономии и создание собственного правительства стали максимальной точкой развития автономистского движения коренного населения Туркестанского края. В условиях, когда большевики понимали власть как диктатуру пролетариата и опирались на армию, возможности для решения вопроса самоопределения путем мирных демократических процедур, на чем продолжали настаивать лидеры автономистского движения, были фактически исчерпаны [Бочкарева, Лысенко 2018, с. 102].

Лидеры Туркестанской автономии, так же впрочем, как большевики, стремились обеспечить себе поддержку широких слоев коренного населения. Такой мандат доверия можно было получить от I Чрезвычайного съезда рабочих, солдатских и дехканских депутатов-мусульман, который открылся в Коканде 25 декабря 1917 г. После нескольких дней заседаний съезд принял решение поддержать автономное правительство, введя в состав Народного совета 30 представителей от рабочих, солдат и дехкан, предоставив 10 мандатов русским рабочим.

К концу 1917 – началу 1918 г. вокруг автономии сконцентрировались все недовольные большевиками силы: и мусульмане и немусульмане.

В самом начале января 1918 г. ташкентская организация Улема Джамияти устроила митинг в мечети Джами, на котором было принято решение не признавать Временное автономное правительство в Коканде, «как не приносящее никакой пользы». Более того, было решено провозгласить в Ташкенте свою «автономию» и действовать от ее имени. И хотя улемисты куда далее отстояли от большевиков, нежели социалисты и джаиды, возглавлявшие Кокандскую автономию, именно они вольно или невольно помогли большевикам в борьбе против этого, как его называет В.П. Булдаков, «общедемократического центра» в Туркестане [Булдаков 2010, с. 594–595].

19–26 января 1918 г. в Ташкенте состоялся IV Краевой съезд Советов, объявивший правительство в Коканде вне закона. В это же время автономное правительство в Коканде поставило Краевой съезд в известность о намерении созвать 20 марта 1918 г. парламент автономии – Туркестанское учредительное собрание – на основе всеобщего, прямого, равного, тайного голосования, гарантируя соблюдение прав национальных меньшинств.

Угроза со стороны большевиков не привела к сплоченности в рядах туркестанских элит реформаторского толка и борцов за автономию. Ответ на вопрос «почему», возможно, стоит искать в особенностях местного политикума. Регион испытывал в 1917 г. влияние сразу двух мусульманских модернизационных проектов: «татарского» и «казахского». Каждый из них в сложившейся политической ситуации, – борьбы за автономию и власть, – был для местных мусульман и «своим» и «чужим» одновременно.

Автономия, как известно, просуществовала недолго – менее трех месяцев – и была ликвидирована войсками советского правительства из Ташкента в феврале 1918 г.

Немногим ранее было распущено Всероссийское учредительное собрание. В сентябре 1918 г. Комитет членов Всероссийского учредитель-

ного собрания (Комуч) опубликовал обращение «К тюрко-татарскому народу государства Российского», в котором признавал право на широкую культурно-национальную автономию за мусульманами вплоть до принятия соответствующих решений новой верховной властью в России. А пока временным органом самоуправления было объявлено Национальное управление мусульман тюрко-татар Внутренней России и Сибири. Признание прав на национально-культурную автономию не умаляло прав на территориально-политическое самоуправление регионов с преобладанием мусульманского населения: Туркестан, Алаш Орда и др. [Нам 1999, с. 180].

В сентябре 1918 г. в Уфе состоялось Государственное совещание Комуча и Временного Сибирского правительства, итогом которого стала организация Всероссийского Временного правительства (Директория). Однако, несмотря на все обещания, 4 ноября 1918 г. Директория издала указ об упразднении всех региональных правительств.

Как мы помним, Туркестанская автономия прекратила свое существование, а краевое Учредительное собрание так и не было созвано. Однако идея его созыва продолжала жить. Покинувшие Коканд члены автономного правительства, прежде всего его последний председатель Мустафа Чокаев, не спешили с ней расставаться. Объявив себя главой правительства Туркестана в изгнании, в эмиграции Чокаевым был создан Временный народный совет, не имевший фактической власти, и Комитет по созыву Туркестанского учредительного собрания, председателем которого он стал.

Чокаев утверждал, что Временный народный совет имеет влияние на мусульман Туркестана и ведет сильнейшую агитацию против большевиков, особенно среди сельского населения. Его политическая платформа такова: «Туркестан является одним из штатов Российской Федеративной Республики и ни за одним из существующих на территории России правительств не признает права представительства самобытных культурно-национальных, политических и экономических интересов Туркестана. Должно быть созвано Туркестанское учредительное собрание, работа которого будет протекать в рамках федеральной конституции»²⁶³.

Через Комитет по созыву Туркестанского учредительного собрания Временный народный совет, а вернее Чокаев, поддерживал дипломатические отношения с Парижем и Вашингтоном.

В 1919 г. Комитетом по созыву Туркестанского учредительного собрания была направлена радиограмма Парижской мирной конференции и представителям западной прессы, в которой, в частности, говорилось, что Комитет берет на себя обязанность, по воле народов Туркестана, заявить мировому сообществу, что Туркестану должна быть обеспечена возможность суверенного существования в пределах единой Российской Демократической Федеративной Республики. Комитет обращался с просьбой об обеспечении Парижской мирной конференцией территориального единства Туркестана и признания за краем права на свободное автономное существование «в братском содружестве с народами России»²⁶⁴.

²⁶³ Южный край. 27 сентября 1919 г.

²⁶⁴ Туркестанский коммунист. 25 марта 1919 г.

Находясь уже в Европе, Чокаев объяснил, что представляла собой предполагаемая помощь мирового сообщества: «на территорию Туркестана вводятся соединенные воинские силы государств Антанты под... командой... представителя нейтральной державы. Силы эти остаются в Туркестане до тех пор, пока там не создается прочное автономное правительство, опирающееся на Туркестанское учредительное собрание и способное само поддерживать должный правопорядок и охранять неприкосновенность своей территории» [Чокаев 2002, с. 678–679].

Чокаеву, как председателю Комитета по созыву Туркестанского учредительного собрания, предложили лично приехать в Европу для переговоров, но приехать не удалось, а суверенитет Туркестана мировым сообществом признан не был.

После бегства из Коканда второго главы правительства автономии Чокаева этот пост занял курбаши Иргаш, бывший ранее начальником милиции старой части города Коканда. Спустя несколько месяцев он станет одним из лидеров движения сопротивления советской власти в Туркестане, известного как басмаческое движение.

Вскоре в Ферганской долине появится много полевых командиров. Адиб Халид справедливо отмечает, что природа этого явления коренилась еще в дореволюционном явлении – бандитизме, – с которым не удалось справиться царскому правительству. В 1917 г. Временное правительство амнистировало многих осужденных и сосланных в Сибирь бандитов [Халид 2017, с. 177]. Одним из них и был знаменитый Иргаш. Г. Сафаров назвал басмачество «самобытной мусульманской махновщиной» [Сафаров 1923, с. 247].

На наш взгляд, басмаческое движение могло с таким же успехом бороться не только с большевиками, но и с Туркестанской автономией, удержись она у власти. Как явление, басмачество – это своеобразная сублимация консервативных политических сил Туркестана, имевшая целью борьбу с любыми реформами в общественно-политической жизни края.

Основная дилемма для мусульман Туркестана, да, пожалуй, и всей бывшей империи, к концу 1917 г. формулировалась следующим образом: «с Россией или без нее». После февраля 1917 г. некоторая часть мусульманских лидеров Туркестана видела возможность консолидации вне рамок Российского государства, другие продолжали оставаться на классической позиции для туркестанских джаидов, сформировавшейся до 1917 г. – отстаивание идеи национально-территориальной автономии в составе России.

Автономизм оказался наивысшим и самым радикальным пунктом в эволюции политических приоритетов среднеазиатских и казахских активистов революции. Но для среднеазиатских деятелей он не был связан с политизацией этничности, религиозная консолидация оставалась первичной [Аманжолова 2018, с. 45]. И если созыв Всероссийского учредительного собрания, относительно стремительных политических изменений, происходивших в стране, случился поздно, то провозглашение автономии в Туркестан, на наш взгляд, случилось рано.

Поэтому так сложно однозначно ответить на вопрос: провозглашенная в ноябре 1917 г. в Коканде автономия стала прологом Гражданской войны или

новым этапом национально-освободительной борьбы? Один вопрос порождает другой: ощущало ли себя коренное население единой нацией, способной проводить освободительную борьбу или мы имеем дело с советским идеологическим конструктом, прочно укоренившимся в академической и общественной среде, пережившим после 1991 г. своеобразный ренессанс, в особенности принимая во внимание тот факт, что во всех официальных документах руководство автономии декларировало Туркестан, как часть Российской Республики?

Противостояние развернувшееся в Туркестане после падения автономного правительства в Коканде было сложным многосоставным процессом, который одновременно происходил с разной степенью интенсивности и накала страстей, с одной стороны, внутри общин коренного и некоренного населения, и между самими этими общинами, с другой. Большевики, сторонники Временного правительства или немногочисленные монархисты находились друг с другом в состоянии Гражданской войны, при этом коренное население, вернее его элиты, воспринимались как возможные ситуативные союзники.

В таких обстоятельствах автономия стала политическим ультиматумом, а не компромиссом.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуазизова 2012 – *Абдуазизова Н.* История национальной журналистики (генезис и эволюция). Т. 1. – Ташкент: «SHARQ» НМАК, 2012. – 368 с.

Абдуллаев 1991 – *Абдуллаев Р.* Из истории национальных политических идей // Человек и политика. 1991. № 9. С. 88–92.

Абдуллаев 2014 – *Абдуллаев Р.* Национальные политические организации Туркестана в 1917–1918 годы. – Ташкент: Навруз, 2014. – 158 с.

Абдыгалиулы 2017 – *Абдыгалиулы Б.* Войско Алаш. Казахские части в составе белой армии (1918–1920 гг.): сборник документов. – Астана: Фолиант, 2017. – 415 с.

Агзамходжаев 2006 – *Агзамходжаев С.* История Туркестанской автономии (Туркистон мухторияти). – Ташкент: Тошкент ислом университети, 2006. – 263 с.

Алексеев 1931 – *Алексеев П.* Кокандская автономия. – Ташкент: Узгиз, 1931. – 72 с.

Аллворт 2016 – *Аллворт Э.* Россия: прорыв на Восток. Политические интересы в Средней Азии. – М.: Центрполиграф, 2016. – 381 с.

Аманжолова 2018 – *Аманжолова Д.А.* Революция 1917 года и проблемы этнополитического развития народов Центрально-Азиатского региона России // Вестник Карагандинского университета. Серия: «История. Философия». № 2(90). 2018. С. 41–49.

Бабаджанов, Сартори 2018 – *Бабаджанов Б.М., Сартори П.* У истоков советского дискурса о «Хорошем исламе» в советской Центральной Азии // *Ab impetio*. 2018. № 3. С. 219–255.

Бочкарева 2017 – *Бочкарева И.Б.* Автономистское движение в Туркестане в период революций 1917 г. // Известия АлтГУ. 2017. № 2(94). С. 53–57.

Бочкарева, Лысенко 2018 – *Бочкарева И.Б., Лысенко Ю.А.* «Национальный вопрос» и становление советской власти в Туркестане (1917–1921 гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 429. С. 100–109.

Булдаков 2010 – *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг.: условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. – М.: Новый хронограф, 2010. – 1090 с.

Буттино 2007 – *Буттино М.* Революция наоборот. Средняя Азия между падением царской империи и образованием СССР. – М.: Звенья, 2007. – 446 с.

Гражданская война 2018 – *Гражданская война в Степном крае и Туркестане (1918–1921 гг.) и отражение данных событий в исторической памяти населения постсоветской Центральной Азии: коллективная монография / под общ. ред. Ю.А. Лысенко.* – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2018. – 383 с.

Джумаев 2017 – *Джумаев А.Б.* «Скажите, а Ленин еще вернется?» К истории Октябрьской революции в Средней Азии: наброски и размышления с неизбежными экскурсами в современность / Дружба народов. 2017. № 10. С. 213–224.

«Европейский социализм ...» 2004 – «Европейский социализм имеет своим первоисточником тот же самый ислам...» Письмо русским социалистам от таджикской организации «Шуро-и-Улема». 1918 г. [публикация *М.М. Хайдарова*] // Исторический архив. 2004. № 2. С. 172–182.

История и историки Узбекистана 2014 – *История и историки Узбекистана в XX столетии.* – Ташкент: Издательство “NAVRO’Z”, 2014. – 428 с.

История Туркестанской автономии 2022 – *История Туркестанской автономии в архивных документах (по материалам Ферганского областного государственного архива).* – Фергана: Classic, 2022. – 234 с.

Исхаков 1997 – *Исхаков С.М.* А.-З. Валидов: пребывание у власти // Отечественная история. 1997. № 6. С. 55–75.

Исхаков 2001 – *Исхаков С.М.* Мустафа Чокаев о революции 1917 года в Центральной Азии // Acta Slavica Iaponica. Т. XVIII. 2001. С. 204–223.

Исхаков 2004 – *Исхаков С.М.* Российские мусульмане и революция (лето 1917 г. – весна 1918 г.). – М.: Социально-политическая мысль, 2004. – 598 с.

Исхаков 2014 – *Исхаков С.М.* Представители мусульманских народов Европейской России, Сибири, Кавказа, Крыма и Центральной Азии на Парижской мирной конференции // Россия и Первая мировая война: экономические проблемы, общественные настроения, международные отношения. – М.: ИРИ РАН, 2014. – С. 398–411.

Кастельская 1980 – *Кастельская З.Д.* Из истории Туркестанского края (1865–1917). – М.: Б. и., 1980. – 120 с.

Кумганбаев, Ташенев 2013 – *Кумганбаев Ж.Ж., Ташенев М.Ж.* Туркестанская (Кокандская) автономия и идея единого Туркестана // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия: «Историческая». 2013. № 3(70). С. 49–55.

Мадьярова 2010 – *Мадьярова С.Н.* Историография Туркестанской автономии (1917–2008 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ташкент, 2010. – 26 с.

Нам 1999 – *Нам И.В.* Уфимское совещание и национальные правительства // Историческая наука на рубеже веков: материалы Всероссийской конференции, посвященной 120-летию Томского государственного университета. – Томск: Издательство Томского университета, 1999. Т. II. – С. 179–182.

Нуртазина 2008 – *Нуртазина Н.Д.* Народы Туркестана: проблемы Ислама, интеграции, модернизации и деколонизации (на рубеже XIX–XX веков). – Алматы: Казак университети, 2008. – 163 с.

Сафаров 1923 – *Сафаров Г.* Национальный вопрос и пролетариат. – М.: Красная новь, 1923. – 296 с.

Тоган 1997 – *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру. – М.: Б. и., 1997. – 649 с.

Халид 2005 – *Халид А.* Туркестан в 1917–1922 годах: борьба за власть на окраине России // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М.: Социально-политическая мысль, 2005. – С. 189–226.

Халид 2017 – *Халид А.* Чем была революция в Туркестане? // Неприкосновенный запас. 2017. № 5. С. 165–177.

Хроника событий 1962 – Хроника событий Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане (февраль–ноябрь 1917 г.). – Ташкент: Изд-во Акад. наук УзССР, 1962. – 286 с.

Чокаев 2002 – *Чокаев М.* Национальное движение в Средней Азии // Гражданская война в России: события, мнения, оценки. – М.: Раритет, 2002. – С. 656–693.

Чокай 2001 – *Чокай М.* Орывки из воспоминаний о 1917 г. – Токио–М., 2001. – 53 с.

REFERENCES

Abduazizova, N. (2012), *Istoriya nacional'noj zhurnalistiki (genesis i evolyuciya)*. T. 1. «SHARQ» NMAK, Tashkent, Uzbekistan.

Abdullaev, R. (1991), “From the history of national political ideas”, *CHelovek i politika*, no. 9, pp. 88–92.

Abdullaev, R. (2014), *Nacional'nye politicheskie organizacii Turkestana v 1917–1918 gody* [National political organizations of Turkestan in 1917–1918], Navruz, Tashkent, Uzbekistan.

Abdygaliuly, B. (2017), *Vojsko Alash. Kazahskie chasti v sostave beloj armii (1918–1920 gg.): sbornik dokumentov* [Army Alash. Kazakh units in the White Army (1918–1920): a collection of documents], Foliant, Astana, Kazakhstan.

Agzamhodzhaev, S. (2006), *Istoriya Turkestanskoj avtonomii (Turkiston muhtoriyati)*. Toshkent islom universiteti, Tashkent, Uzbekistan.

Alekseenkov, P. (1931), *Kokandskaya avtonomiya* [Kokand autonomy], Uzgiz, Tashkent, Uzbekistan.

Allvort, E. (2016), *Rossiya: proryv na Vostok. Politicheskie interesy v Srednej Azii*. Centrpoligraf, Moscow, Russia.

Amanzholova, D.A. (2018), “The Revolution of 1917 and the Problems of the Ethnopolitical Development of the Peoples of the Central Asian Region of Russia”, *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya: «Istoriya. Filosofiya»*, no. 2(90), pp. 41–49.

Babadzhanov, B.M. and Sartori, P. (2018), “At the origins of the Soviet discourse on “Good Islam” in Soviet Central Asia”, *Ab imperio*, no. 3, pp. 219–255.

Bochkareva, I.B. (2017), “Autonomist movement in Turkestan during the revolutions of 1917”, *Izvestiya AltGU*, no. 2(94), pp. 53–57.

Bochkareva, I.B. and Lysenko, Yu.A. (2018), “«National question» and the formation of Soviet power in Turkestan (1917–1921)”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 429, pp. 100–109.

Buldakov, V.P. (2010), *Chaos and ethnicity. Ethnic conflicts in Russia, 1917–1918: conditions for occurrence, chronicle, commentary, analysis*, Novyj hronograf, Moscow, Russia.

Buttino, M. (2007), *Revoluciya naoborot. Srednyaya Aziya mezhdu padeniem carskoj imperii i obrazovaniem SSSR* [Revolution is the opposite. Central Asia between the fall of the tsarist empire and the formation of the USSR], Zven'ya, Moscow, Russia.

Grazhdanskaya vojna v Stepnom krae i Turkestane (1918–1921 gg.) i otrazhenie dannyh sobytij v istoricheskoj pamyati naseleniya postsovetskoj Central'noj Azii: kollektivnaya monografiya, in Lysenko, Yu.A. (ed.), Izd-vo Altajskogo gos. un-ta, Barnaul, Russia.

Dzhumayev, A.B. (2017), ““Tell me, will Lenin return yet?” On the history of the October Revolution in Central Asia: sketches and reflections with inevitable excursions into the present”, *Druzhba narodov*, no. 10, pp. 213–224.

Hajdarov, M.M. (2004), “European socialism has the same Islam as its primary source...” Letter to Russian socialists from the Tashkent organization “Shuro-i-Ulema”. 1918”, *Istoricheskij arhiv*, no. 2, pp. 172–182.

Istoriya i istoriki Uzbekistana v HKH stoletii. “NAVRO’Z”, Tashkent, Uzbekistan, 2014.

Istoriya Turkestanskoy avtonomii v arhivnyh dokumentah (po materialam Ferganskogo oblastnogo gosudarstvennogo arhiva). Classic, Fergana, Uzbekistan, 2022.

Iskhakov, S.M. (1997), “A.-Z. Validov: stay in power”, *Otechestvennaya istoriya*, no. 6, pp. 55–75.

Iskhakov, S.M. (2001), “Mustafa Chokaev on the 1917 revolution in Central Asia”, *Acta Slavica Iaponica*, vol. XVIII, pp. 204–223.

Iskhakov, S.M. (2004), *Rossijskie musul'mane i revolyuciya (leto 1917 g. – vesna 1918 g.)*. [Russian Muslims and the Revolution (Summer 1917 – Spring 1918)], *Social'no-politicheskaya mysl'*, Moscow, Russia.

Iskhakov, S.M. (2014), *Predstaviteli musul'manskih narodov Evropejskoj Rossii, Sibiri, Kavkaza, Kryma i Central'noj Azii na Parizhskoj mirnoj konferencii* [Representatives of the Muslim peoples of European Russia, Siberia, the Caucasus, Crimea and Central Asia at the Paris Peace Conference], *Rossiya i Pervaya mirovaya vojna: ekonomicheskie problemy, obshchestvennye nastroyeniya, mezhdunarodnye otnosheniya*, IRI RAN, Moscow, Russia, pp. 398–411.

Kastel'skaya, Z.D. (1980), *Iz istorii Turkestanskogo kraja (1865–1917)* [From the history of the Turkestan region (1865–1917)], Moscow, Russia.

Kumganbaev, Zh. and Tashenev, M.Zh. (2013), “Turkestan (Kokand) autonomy and the idea of a united Turkestan”, *Vestnik KazNU im, Al'-Farabi. Seriya: «Istoricheskaya»*, no. 3(70), pp. 49–55.

Mad'yarova, S.N. (2010), *Istoriografiya Turkestanskoy avtonomii (1917–2008 gg.)*. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tashkent, Uzbekistan.

Nam, I.V. (1999), *Ufinskoe soveshchanie i nacional'nye pravitel'stva* [Ufa meeting and national governments], *Istoricheskaya nauka na rubezhe vekov: materialy Vserossijskoj konferencii, posvyashchennoj 120-letiyu Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Historical science at the turn of the century: materials of the All-Russian conference dedicated to the 120th anniversary of Tomsk State University], Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, Tomsk, Russia, vol. II, pp. 179–182.

Nurtazina, N.D. (2008), *Narody Turkestana: problemy Iislama, integracii, modernizacii i dekolonizacii (na rubezhe XIX–XX vekov)* [The peoples of Turkestan: problems of Islam, integration, modernization and decolonization (at the turn of the XX–XX centuries)], Kazak universiteti, Almaty, Kazakhstan.

Safarov, G. (1923), *Nacional'nyj vopros i proletariat* [The national question and the proletariat], Krasnaya nov', Moscow, Russia.

Togan, Z.V. (1997), *Vospominaniya. Bor'ba musul'man Turkestana i drugih vostochnyh tyurok za nacional'noe sushchestvovanie i kul'turu* [Memories. The struggle of the Muslims of Turkestan and other Eastern Turks for national existence and culture], Moscow, Russia.

Halid, A. (2005), “Turkestan in 1917–1922: the struggle for power on the outskirts of Russia”, *Tragediya velikoj derzhavy: nacional'nyj vopros i raspad Sovetskogo Soyuz. Social'no-politicheskaya mysl'*, Moscow, Russia, pp. 189–226.

Halid, A. (2017), “What was the revolution in Turkestan?”, *Neprikosnovennyj zapas*, no. 5, pp. 165–177.

Chokaev, M. (2002), “National movement in Central Asia”, *Grazhdanskaya vojna v Rossii: sobytiya, mneniya, ocenki*, Raritet, Moscow, Russia, pp. 656–693.

Chokaj, M. (2001), *Otryvki iz vospominanij o 1917 g.* [Excerpts from memoirs of 1917], Tokio–Moscow.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Татьяна Викторовна Котюкова, кандидат исторических наук, доцент, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва, Россия; 119334, Россия, г. Москва, Ленинский пр-т., 32а; kotyukovat@mail.ru; Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21; kotyukovat@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana V. Kotyukova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; IGH RAS, 119334, Moscow, Leninsky Prospekt, 32a, kotyukovat@mail.ru; Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; ISSS RAS, 117218, Moscow, Nakhimovsky Prospekt, 51/21, kotyukovat@mail.ru.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-301-315

Политическое переустройство монгольского мира в период формирования империи Цин

Александр Д. Гомбожапов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

Улан-Удэ, Россия, agombozh@yandex.ru

ORCID ID 0000-0001-9793-2274

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы политического переустройства монгольского мира в период возвышения маньчжуров. Автор рассматривает этот процесс сквозь призму циклического развития кочевого общества. Характерным явлением для политического порядка средневекового монгольского общества была суверенизация наследственных уделов. Очередной этап централизации монгольского общества под предводительством Лигдан-хана проходил в острой конкурентной борьбе с маньчжурами за ресурсы земледельческого Китая. Соперничество открыло альтернативную возможность для племенной аристократии сохранить свои позиции, и маньчжуры на первом этапе действительно заключали равноправные союзы, укрепляемые произнесением клятв и брачными альянсами с правителями монгольских княжеств. По мере роста могущества маньчжурского государства, монгольские княжества заняли подчиненное положение, хотя оно и определялось особым статусом.

Ключевые слова: монгольский мир, монголы, маньчжуры, переустройство, кочевое общество, империя Цин, политическая система.

Для цитирования: Гомбожапов А.Д. Политическое переустройство монгольского мира в период формирования империи Цин // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 303–317. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-301-315.

Political Reconstruction of the Mongol World during the Formation of the Qing Empire

Alexandr D. Gombozhapov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences

Ulan-Ude, Russia, agombozh@yandex.ru

ORCID ID 0000-0001-9793-2274

Abstract. The article deals with the issues of the political reorganization of the Mongolian world during the rise of the Manchus. The author examines this process through the prism of the cyclical development of nomadic society. A characteristic phenomenon of the political order of medieval Mongolian society was the sovereignization of hereditary estates. The next stage of the centralization of Mongolian society under the leadership of Ligdan Khan took place in an acute competition with the Manchus for the resources of agricultural China. The rivalry

opened up an alternative opportunity for the tribal aristocracy to maintain their positions, and the Manchus at the first stage did conclude equal alliances, strengthened by the pronouncing of oaths and marriage alliances with the rulers of the Mongol principalities. As the power of the Manchu state grew, the Mongol principalities took a subordinate position, although it was determined by a special status.

Key words: *Mongol world, Mongols, Manchus, reconstruction, nomadic society, Qing Empire, political system.*

For citation: *Gombozhapov, A.D. (2023), "Political Reconstruction of the Mongol World during the Formation of the Qing Empire", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 303–317. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-301-315.*

Эпоха раннего модерна Внутренней Азии является поворотным пунктом в истории монгольских народов. В этот период развернулись крупные исторические процессы и явления, которые на долгое время определили геополитический, экономический, культурный ландшафт восточных степей евразийского пространства. Продвижение на восток российского государства, основание новой династии в Китае и ее территориальное расширение за счет регионов Внутренней Азии стали устойчивыми доминантами этого времени, с которыми пришлось столкнуться кочевому населению. Границы двух государств сомкнулись и мир номадов окончательно уступил в многовековой дихотомии между оседлой и кочевой цивилизациями.

Успех наступления и закрепления в безжизненных, с точки зрения оседло-земледельческого мира, степях был достигнут не столько военной силой, а во многом благодаря переосмыслению и отказу от универсализма в национальной политике, умелому и гибкому подходу в отношениях с кочевыми народами, адаптации управленческих механизмов в понятные и легитимные институты, подчинению и интеграции местного самоуправления собственным интересам и как следствие всего этого превращение метрополии в многонациональное государство-империю [Зуев и др. 2017; Khodarkovsky, 2004; Perdue 2006]. Нет необходимости обосновывать положение, что без дальнейшего продвижения наших знаний о сущности события и явлений во Внутренней Азии, в монгольском пространстве подобрать ключ к раскрытию феномена имперского продвижения в целом в Евразии эпохи раннего модерна не представляется возможным.

Маньчжурской династии удалось создать наднациональную структуру управления, империю в полном смысле этого слова, которая включала в себя разные этносы с разным политическим, хозяйственным, религиозным и культурным укладом. С самого начала своего становления в силу малочисленности маньчжуры постоянно возрастали в числе за счет перемещения захваченного населения на собственные территории, кооптации их в свою общественно-политическую систему на равной основе. Принцип снежного кома работал и дальше в отношении не только чжурчженей, но и монгольских племен. Именно этот ранний опыт определил гибкие возможности и широкий спектр инструментария интеграционных механизмов возникшего маньчжурского государства и многоаспектный и собирательный образ правителя, но в то же время «свой» для каждого народа [Farquhar 1978; Crossley 1999].

Монголо-маньчжурские взаимоотношения имеют долгую историю. Географическое соседство и культурная близость способствовали тесному взаимодействию. Об определенном монгольском влиянии на идеологическое обоснование политических взглядов маньчжуров пишет Д. Фаркуар. В частности, он отмечает, что идеи о мандате неба могли быть взяты из монгольской политической культуры [Farquhar 1968, p. 202]. Условием для этого стала близость монгольской и маньчжурской культур, обусловленная во многом сходным образом жизни. Среди них ученый перечисляет следующие: культ Неба, торжественные клятвы Небу и Земле как метод формирования политических альянсов, коллективная охота и военная служба как характерные занятия, в организации которых использовались одинаковые формы объединений, единство и неразделенность мужского населения в отношении гражданской и военной сферы, собрание знати, как важный институт управления и принятия решений [Farquhar 1968, p. 204].

Длительное время в период династии Мин они не являлись серьезными соперниками и не составляли друг другу острую конкуренцию. Она стала очевидной в первые десятилетия XVII в., когда «случайные» военные успехи как на внутренней, так и на внешней арене основателя маньчжурского государства Нурхаци стали выстраиваться в определенный «тренд», который позволил ему в конце концов предьявить тем самые известные «семь больших обид» минскому Китаю. Суть глубинных противоречий между монголами и маньчжурами отчетливо выражена в работе И.С. Ермаченко: «Вступление маньчжурского государства в военную борьбу против Минской империи означало для монгольских феодалов появление соперника в сфере отношений с Китаем, приносящих им немалые материальные выгоды от торговли и от подарков, которые вынуждены были делать воинственным монгольским феодалам китайские власти» [Ермаченко 1974, с. 26].

Что же определило успех маньчжуров и, наоборот, сделало монголов проигравшей стороной, если «стартовые» условия были равными?

Ослабленный внутренними восстаниями и на фоне явного отстранения от дел императора далеко зашедшим кризисом дворцовой бюрократии Китай стал уязвимым как для заявивших о себе как самостоятельной военно-политической силе маньчжуров, так и для монголов, с которыми у минской династии имелся длительный период сложных взаимоотношений. Обе силы рассматривали Китай как ресурс для поддержания собственной политической системы. Однако средства для поступления их были избраны разные. Если маньчжуры в ходе своих походов перешли к постепенному завоеванию и удержанию территории с организацией на ней непосредственного дуального управления [Барфилд 2009], то монголы придерживались традиционной стратегии «дистанционной эксплуатации» [Крадин 2002] ресурсов земледельческого Китая. Рассматривая их в сравнении невольно встает риторический вопрос о роли личности в истории. Думается, что она сыграла немаловажную роль в ситуациях острого противостояния, когда от выбора зависела эволюция складывающейся системы, и она успешно развивалась, когда шаг делался в сторону принятия новых нестандартных решений. Готовность к такого рода «инновациям» зависела от решающего перевеса над «племенной» знатью, которая поддерживала центральную власть до тех

пор, пока она оставляла за ними самостоятельность. Формирование неограниченной власти монарха зависела от возможности содержать собственные независимые от родовой и племенной знати военные силы, для которых нужен был стабильный источник поступления ресурсов. И основатель маньчжурского государства Нурхаци поступил именно так, решив перейти от стратегии простых набегов и принуждения для открытия рынков к планомерному закреплению территорий за своим государством.

Для ответа на вопрос, почему монголы остались в рамках прежней стратегии при той же возможности, что была предоставлена и маньчжурам, необходимо обратиться к политическому устройству и тем процессам, что происходили в монгольском мире XVI–XVII вв.

Монгольской мир в обозначенный период был в процессе крупных политических преобразований. Одним из них было углубляющееся дробление уделов в ходе их выделения и распределения в качестве владений среди наследников. Этот процесс может быть в грубом приближении охарактеризован как перепроизводство элиты, которое во многом определило протистояние удельных правителей с великим хаганом. Власть последнего становилась все более номинальной.

Наиболее острой фазы борьба центра с местной правящей элитой достигла в период противостояния между главой тумэтов Алтан-ханом и носителями титула всемонгольского правителя Тумэн-Дзаскту хаганом и его наследником Дайрасун-хаганом, в собственном управлении которых находился чахарский тумэн. Дарайсун Гудэн хаган под давлением Алтан-хана даже был вынужден оставить свою территорию и переселиться на восточную сторону Большого Хинганского хребта [Афонина 2003].

Алтан-хан (1507–1582) был крупным региональным лидером, но все же в соответствии с принципами престолонаследия он оставался лишь правителем одного из тумэнов правового крыла, поскольку по рождению был лишь вторым сыном Барс-Болда-джинонга. Титул, который он унаследовал, был тайджи. Более высокий статус джинонга – соправителя был передан старшему сыну Гун Билигу Мэргэну, который стал управлять тумэном Ордос. Лишь после кончины Гун билига негласным лидером правового крыла стал Алтан-хан. В 1551 году в обмен на подтверждение прав на великоханский престол Дайрасун хаган даровал Алтану титул шитну (*situ*) хана.

В связи с этим минское правительство долгое время отказывалось заключать с ним какой-либо договор, не видя в нем субъекта международного права [Почекаев 2011, с. 122]. Он долгое время добивался от Китая признания его в качестве лидера и предоставления ему соответствующего титула. В конце концов, минское правительство было вынуждено считаться с реальным положением и присвоило ему титул шуни вана [Покотилов 1893; Serryus 1960].

Второй важной тенденцией можно обозначить то, что В.М. Мясников в совместной статье с Н.В. Шепелевой обозначил как этап этнической дивергенции Монголии [Мясников, Шепелева 1982, с. 127]. Ко времени возвышения маньчжуров монгольское пространство довольно отчетливо делилось на западных (ойратов) и восточных монголов, в свою очередь подразделявшихся по географическому принципу на жителей Северной (Халха)

и Южной Монголии. Хотя И.Я. Златкин не склонен преувеличивать противостояние между ойратами и восточными монголами. Перечисленные в источниках конфликты, как считает ученый, имели локальный характер и шли между отдельными князьями и ноёнами, которые нельзя обобщать на все отношения между ойратами и восточными монголами [Златкин 1983]. Полагаем, что это мнение, должно быть поддержано.

Все политическое устройство кочевого общества, как известно, зиждится на принципах реально прослеживаемых на низших уровнях родственных и на более высоком уровне квазиродственных²⁶⁵ отношениях. Именно это обстоятельство обуславливает широкое применение такого понятия, как этнополитическое объединение, которое позволяет отразить неразделенный характер общественной организации. Во многом это справедливо и для монгольских номадов позднего средневековья. Однако здесь необходимо сделать оговорку. Способствовать формированию или складыванию отдельных общностей могло не только пронизывающее все уровни родство и межплеменные связи, но и территориальность, точнее совместность проживания на одной территории.

Выдающийся монголовед Б.Я. Владимирцов о территориальной основе организации общественной системы высказался в отношении такой распространенной социальной формы, как оток: «...самым важным для образования отока была территориальная зависимость. В некоторых местах, поэтому можно наблюдать дальнейшую эволюцию и заметить, как в отоках появляется территориальное родство, т. е. родство со всеми вытекающими последствиями, вплоть до экзогамии, основанное не на кровных узах, а на территориальной близости» [Владимирцов 1934, с. 134].

Это важно с точки зрения понимания трансформации политической системы монгольского социума, в котором на существующую систему родоплеменной организации в силу определенных причин и обстоятельств постоянно накладывались военно-административные «вертикали и горизонталы». Чем сложнее и напряженнее была обстановка в степи, тем чаще случались перемещения, смещения, разрывы, дробление этнических коллективов, утрачивались связующие звенья. В новых условиях объединяющим фактором, с выработкой новой идентичности, могла служить совместность проживания и, как в случае с этническими общностями чахар, хошуты, хорчины и др., составленными из представителей разных родов и племен, определенная специализация. Тем самым продуцировались на основе временных коллективов новые объединения, затем по истечении определенного периода вызревались новые уровни идентичности, часто этнического характера.

Б.Я. Владимирцов также отмечает, что термины таких форм социальных объединений, как отог «otog» и хошуун «xoshigun» часто употреблялись смешанно, один вместо другого [Владимирцов 1934, с. 133]. Взаимозаменяемость терминов вполне понятна. Она проистекает из самой природы общественного устройства кочевников, в котором нерасчлененность социальных, в самом широком смысле этого слова, функций обуславливает ситуа-

²⁶⁵ Согласно Г.Е. Маркову «формально-генеалогические общности» [Марков 1976].

тивность исполнения ролей. В зависимости от обстоятельств мирного или военного времени один и тот же человек, мужчина мог выступать как в роли кочевника-гражданина, так и быть воином. Именно выполнение последней функции лежало в основе формирования военно-административной системы. Тумэн наиболее крупное подразделение в ней. Владимирцов Б.Я. характеризует его как большую племенную группу, устойчивость которой не была постоянным признаком [Владимирцов 1934, с. 135].

Из средневековых монгольских источников известно, что восточные монголы в ходе преобразований Даян-хана (ок. 1460 – ок. 1543) были подразделены на шесть тумэнов [Горохова 1986]. При этом была воссоздано традиционное управление на основе деления на левое и правое крылья. Левое крыло состояло из следующих тумэнов: Чахар, Халха и Урианхай. Оно находилось под непосредственным управлением монгольского хагана. Правое крыло состояло из тумэнов Ордос, Тумэт и Юэншиебу. Оно подчинялось правителю в статусе джинонга. Стоит заметить, что созданная Даян-ханом система управления охватывала не всех восточных монголов. Несколько неопределенный статус был, к примеру, у народности хорчин [Владимирцов 1934, с. 135].

Военно-административное деление и основанное на ней политическое единство монгольских народностей было вызвано потребностью прежде всего в противоборстве с минским Китаем. Само же монгольское общество по-прежнему было организовано на принципах квазиродоплеменного деления и представляло общности этнополитического характера. Так, в тумэнах левого крыла, а именно в чахарском тумэне были субэтнические группы *Abaya*, *Abayanar*, *Aoqan*, *Dörben Keüked*, *Kesigten*, *Muumingyan*, *Naiman*, *Ongniyud*, *Qayuüid*, *Sünid*, *Üjumüčin*, and *Urad*. Халхасский тумэн состоял из *Bayarin*, *Jarud*, *Qonggirad*, *Bayayud*, and *Uçirad*. Урианхайский – из *Aru Qorçin*, *Dörbed*, *Gorlos*, *Jalayid*, and *Qorçin* [Veit 2009, p. 168].

В историографии сложилось мнение, что Даян-хан, хоть и объединил монгольские народности и возродил единое государство, но все же не смог придать ему устойчивый характер и более того своим решением выделить уделы своим сыновьям способствовал децентрализации. «Даян-хан, хотя и укрепил правление Чингизидов над Монголией, по сути, не только раздробил Монголию, но и институционализировал этот фрагментарный порядок, который повлек за собой ее дальнейшее углубление» [Munkh-Erdene 2010, p. 281]. Это мнение совершенно справедливо. Однако, нам видится, что такой шаг естественно вытекал из объективных обстоятельств. Сохранить централизованную власть, т. е. сосредоточить ее в одних руках можно было только при условии отделенного от общества, зависимого от хагана, войска. Однако, такое условие было недостижимо в кочевом обществе и обеспечить единство было возможно только с помощью удержания ее в рамках одного рода, в данном случае потомков Даян-хана, которые посредством династийных брачных союзов с дочерьми племенных лидеров достигали определенной легитимации своей власти. Повторимся, что такой шаг был вынужденной и, наверное, единственно возможной мерой. Он позволил охватить сетью родственных связей все тумэны, оставив управления в руках чингизидов [Munkh-Erdene 2010, p. 281].

Наследники Даян-хана, как поставленные или назначенные хаганом, в окружении порой враждебно настроенных племенных лидеров, должны были поддерживать друг друга. Незыблемость принципа назначения чингизидов говорит как об устойчивой традиции передачи власти, так и о том, что властвующая верхушка, какой бы не была напряженной атмосфера между ее представителями, выступала единым коллективом для поддержания и сохранения этой традиции.

Изменению подвергалось и само деление на тумэны. В ходе сложного противостояния между центральной властью и лидерами племенных объединений один из тумэнов левого крыла урианхай был ликвидирован, а его население было разделено между остальными тумэнами. Как считает японский ученый Х. Окада, это событие произошло в период правления Боди-Алага хагана, а не при Даян-хане, поскольку для восстания урианхайского тумэна при нем, мать которого происходила из уринхайского племени, причин не было [Okada 1972, p. 72]. Наибольший выигрыш от произошедших событий получили халхаские отоки, которые освоили территорию расселения урианхайского тумэна и тем самым резко расширили свой ареал [Miyawaki 1984].

Сам халхаский тумэн также подвергся реорганизации. Он был частью отдан Алчу Болоту (пять халхаских отоков), частью Гэрэсэндзэ (семь халхаских отоков), самому младшему сыну Даян-хана. Алчу Болоту наследовал его сын Хурхачи, который в свою очередь распределил унаследованные им пять халхаских отоков своим пятерым сыновьям. Точно таким же образом поступил и Гэрэсэндзэ, у которого было 13 детей от двух жен. Самому старшему сыну Ашихаю достались Unaged, Jalayir, Ноянтаю – Besud, Eljigen, Нунуху – Keregud и Gorlos, Амину – Qoroyo и Kuriu-e Soyohor, Дараю – Kokeyid и Qatagin, Делденгу – Tanguud Sarta-yul. Наиболее сильным в военном отношении было племя Джалаир. Именно поэтому в наименование официального титула Гэрэсэндзэ джалаир хунтайджи включает это племя [Okada 1972, p. 71]. Как одно из важных племен в уделе Гэсэрэндзэ, джалаиры были унаследованы самым старшим из сыновей Ашихаем. Система управления строилась по общепринятому принципу и повторяла деление на два крыла. Ашихай, Ноянтай, Дэлдэнг и Саму формировали правое крыло Халхаского тумэна. В то время как улусы Нунуху и Амина составляли левое крыло [Скрынникова 1988, 2014; Miyawaki 1984].

Поиск новых формул политического статус-кво и расстановки сил, в отсутствии таковых в рамках традиционной политической идеологии монгольского общества, привел к обращению за утверждением и легитимацией нового властного статуса к внешним значимым источникам власти, в том числе на международной арене [Скрынникова 1988]. Таковым стал буддизм и буддийская идеология властных отношений. И это можно обозначить как одну из ведущих тенденций политического переустройства монгольского мира.

Религия и политика, если точнее государственная политика, в средневековье понятия взаимосвязанные и взаимопереплетающиеся. Проникновение и успешное распространение буддизма в монгольском мире явление весьма сложное и, безусловно, было определено целым комплексом причин

и уникальным стечением обстоятельств. Одним из таковых, как уже сказано, стали политическое соперничество и борьба за лидерство в условиях углубившихся процессов децентрализации и девальвации традиционных титульных институтов. В условиях трайбалистской удельности монгольского мира претендовать на общую верховную власть, выйдя за ее рамки, можно было только с опорой на наиболее общие принципы объединения людей. Таковыми могли выступить только религиозные принципы. Не обусловленные с этнической, политической идентичностью они представлялись наиболее приемлемыми. Только за счет формирования реактуализированной политико-религиозной основы стало возможным легитимация нового политического статуса Алтан-хана тумэтского, с которым и связывают первые шаги в принятии и широком распространении буддизма. Однако первым, кто установил контакт с тибетскими духовными иерархами, был правитель Ордоса Хутухтай сэчэн хунтайджи (1540–1586), он и убедил Алтан-хана принять решение обратиться к буддизму.

Необходимо отметить, что феномен широкого распространения за короткий период и расцвет буддизма не может быть объяснен только за счет лишь «взрывных» усилий монгольской знати. Для этого была основа. Существуют сведения, что буддизм в Монголии после падения династии Юань и возвращения монгольского двора в степи, хотя и представляя незначительное и спорадическое явление, все же продолжал существовать и не исчез в полной мере [Jagchid 1988; Serruys 1963].

Примеру Алтан-хана последовали и в Северной Монголии, которая была связана с ним политическими связями²⁶⁶. Халхаские князья стали активно поддерживать буддизм в своих владениях. Наиболее ревностным проводником буддизма стал Абатай-хан, основавший крупнейший монастырский комплекс Эрдэни Дзу [Скрынникова 1988].

Распространение буддизма в Халхе изначально не было окрашено политически. Монгольская знать не делала различий между разными течениями тибетского буддизма. Одинаково поддерживалось строительство монастырей как направления Сакья, так и Гелугпа. Политический окрас буддизм получил позже. Наиболее явная поляризация политических сил в Халхе по религиозной принадлежности к той или другой секте буддизма произошла в 1630-е г., когда наиболее ярый сторонник красношапочников Цогт-хунтайджи оказался в политической изоляции и был вынужден переселиться из родных владений в район оз. Кукунор.

В 1603 году главой чахарского княжества, а значит всемонгольским хаганом, стал Лигдэн. Первый период его правления прошел относительно спокойно. Верховенство его власти, хоть и декларативно признавали как в левом, так и в правом крыле. Однако попытки Лигдэн-хана возродить былую власть хаганов и лишиться самостоятельности местных правителей натолкнулись на серьезное сопротивление. Этим и воспользовались маньчжуры.

²⁶⁶ Несмотря на то, что тумэн Халха входил в левое крыло, подчинявшееся великому хагану, владетельные князья предпочли сторону тумэтского Алтан-хана. Эти связи, по мнению Х. Окады, объясняются тем, что Алтан-хан в ходе своих походов на ойратов заставил их отступить со своих территорий на запад. Значительную часть этих земель заняли халхаские отоки [Okada 1972, p. 73].

Первые маньчжурские правители имели хорошее представление о монголах. Основатель маньчжурского государства Нурхацзи прекрасно осознал сегментарный принцип военной организации и нерегулярный характер ее устройства. Сравнивая монголов с облаками, несущими дождь, в расхожей цитате Нурхацзи подчеркивал возможность успеха военных походов именно в тот момент, когда различные племена были разобщены. Однако только фактором военной силы не исчерпываются все причины успехов маньчжуров. Довольно тонко разбираясь в устройстве монгольской политической системы, им удалось, применяя традиционные для кочевой дипломатии методы и средства, и в общем то единые и разделяемые ценности и религиозные представления, привлечь на свою сторону южно-монгольские народности и подвести их под свою высокую руку.

В отечественной науке вопросы взаимодействия раннеманьчжурского государства с соседними племенами и государствами получили должное освещение. Исследователи Г.В. Мелихов, И.С. Ермаченко, В.М. Мясников, Т.А. Пан и др. в своих работах представили детальный анализ инструментария политики раннеманьчжурского государства в отношении окружающих ее народов [Мелихов 1974; Ермаченко 1974; Мясников 1982; Пан 2006]. В частности, в работах И.С. Ермаченко дан комплексный анализ внешней политики маньчжуров в отношении монгольских ханств. На обширном материале исследователем показана постепенная эволюция от отношений на равноправной основе, подкрепляемых заключением брачных альянсов и клятвенных союзов, а также подкупом, средств характерных для племенной дипломатии, до становления сюзеренно-вассальных отношений по мере роста могущества маньчжуров, для которых был характерен «сплав форм собственно маньчжурской и традиционной китайской дипломатии» [Ермаченко 1974, с. 177].

В современной зарубежной историографии монголо-маньчжурские отношения затрагиваются в рамках более широкой проблемы оценки и значения исторического опыта правления собственно маньчжурской династии. Так называемая ревизионистская школа «Новой истории Цин» («New Qing History») подвергла пересмотру господствовавшее мнение, что успех маньчжуров заключался лишь в успешной адаптации и использовании ханьской системы управления.

Условно можно выделить несколько направлений исследований, которые разнятся акцентами на предметы исследований. В сущности, все они отвечают на вопрос о том, как маньчжурам удалось привлечь на свою сторону монгольские княжества. В поиске ответа на данный вопрос исследователи обратили внимание, во-первых, на политическую составляющую, анализирующую основные инструменты интеграции монгольских политий: брачные альянсы и клятвенные союзы, и во-вторых, на механизмы динамичного конституирования этнической идентичности, позволившие сформировать мультиэтничную и мультикультурную модель управления.

Пожалуй, к первому направлению относятся работы Н. Ди Космо, в которых, как и у И.С. Ермаченков, прослеживается динамика изменения политического статуса монгольской знати. Пусковым моментом к установлению тесных связей с маньчжурами стали внутривнутриполитические события. Усиление

ние власти чахарского лидера Лигдан-хана, сопровождавшееся жесткими силовыми методами подчинения, вынудили часть монгольских правителей (хорчинов, халха и др.) искать защиты у маньчжуров²⁶⁷. Однако довольно скоро их положение союзников стало меняться в сторону политического подчинения. Выстроенные отношения, по мнению Ди Космо, носят амбивалентный характер, нечто среднее между статусом полной зависимости и положением равноправного союзника. Для обозначения этих отношений ученый предлагает термин «*tutelage*» (опека, попечительство) [Di Cosmo 2012, p. 189]. Институализация и формализация этих отношений стало отличительной чертой системы управления Внутренней Монголией имперской администрацией. Одним из важнейших элементов этой системы стала, учрежденная с 1638 года, палата внешних сношений Лифаньюань.

С совершенно новой перспективы написана работа И. Эльверскога. Он описал меняющееся собственное восприятие монголов в имперском проекте династии Цин. «Монголы были не просто несчастными жертвами маньчжурского империализма, но, скорее, активными участниками динамичного процесса, которым была династия Цин» [Elverskog 2006, p. 169] Для этого он проанализировал природу политической модели *uls/törö*. Как пишет Й. Эльверског, «на самом деле монгольские князья присоединялись к маньчжурским правителям не потому, что они «надеялись, что маньчжурское государство сможет восстановить порядок среди раздробленных монгольских групп», а потому, что маньчжурский лидер предлагал военный союз в защиту их автономии от посягательств их суверена, монгольского Великого хана» [Elverskog 2006, p. 30]. С этой точки зрения монгольские племена сохраняли свою самостоятельность в виде автономной политики *uls*. Если вначале и маньчжуры, и монголы понимали свои отношения как союз из двух отдельных улусов, объединяющихся в новое государственное образование (*törö*), то в 1630-х годов цинский проект был полностью переосмыслен. Монголы стали восприниматься не как самостоятельный улус (*uls*) внутри *törö*, но как знамена внутри улуса Цин [Elverskog 2006, p. 30].

Известно, что цинский двор покровительствовал буддийскому духовенству. Буддизм играл весьма важную роль в управлении и контроле монголами. Но как показал Эльверског, он был также инструментом формирования общей монгольской идентичности и интеграции монголов в имперское пространство.

Весьма интересной является точка зрения Л. Мунх-Эрдэнэ, который считает возможным провести аналогии в политическом устройстве Монголии с политической организацией Священной Римской империи [Munkh-Erdene 2010]. Его построения дополняют взгляды Й. Эльверскога и Д. Снизы [Sneath 2007] на основные составляющие элементы политической системы монгольского средневекового общества. Однако он расходится с ними в понимании содержания термина *törö*. Его значение исследователь сводит к закону или правилу [Munkh-Erdene 2010, 284]. В организации *törö* активное участие принимали владетельные князья, желавшие сохранить свой суве-

²⁶⁷ Здесь можно предположить, что по той же ситуационной модели, халхасские князья в поисках протекции и защиты обратились к маньчжурам и тем самым вошли в подданство Цинской империи. Только роль Лигдан-хана была исполнена уже ойратским Галдан-ханом.

ринитет, свой *uls*. И в целом, в силу кризиса центральной власти, политический порядок напоминал суверенное равенство монгольских правителей.

Второе направление напрямую связано с развернувшейся дискуссией об идентичности маньчжуров и представлено работами Э. Равски, М. Эллиотта, П. К. Кроссли, и др. [Rawski 1996; Elliott 2001; Crossley 1999, 2002]. Отправным моментом для исследователей стал пересмотр в оценках значимости архивных материалов на маньчжурском языке. Изучение истории династии Цин в подавляющей части шло на основе китайских источников. Долгое время ученые не обращали внимание на маньчжурские документы. Несмотря на то, что маньчжурский был официальным государственным языком и дворцовая документация также полностью велась на маньчжурском языке среди ученых устоялось мнение, что они были лишь переводами, дублирующими китайские документы.

Обращение к маньчжурским оригинальным документам дало возможность «пробиться» собственно маньчжурского взгляду на историю, открыть маньчжурскую картину взаимоотношений с народами Цинской империи.

Здесь следует сказать, что отечественная историография имеет давнюю традицию изучения маньчжурского языка, памятников письменной культуры и истории народа. Сбору материалов на маньчжурском языке уделялось большое внимание еще в дореволюционный период. В советский период важность маньчжурских материалов подчеркивалась в работах А.В. Гребенщикова. Долгое время систематизацией и исследованием маньчжурского фонда занималась М.П. Волкова. Под ее авторством вышла книга, в которой было представлено описание маньчжурских рукописей из хранилищ Института народов Азии АН СССР [Волкова 1965]. Самостоятельную ценность и значимость маньчжурских документов была показана в работах Т.А. Пан, в которых на основе анализа и сличения с китайскими источниками выявлены существенные расхождения, позволяющие глубже понять собственно историю маньчжурской династии и в целом ее значение в мировой истории [Пан 2006].

В зарубежной же историографии, пожалуй, впервые подверг сомнению господствовавший взгляд о малой важности маньчжурских документов Д. Флетчер. Пересмотр значения маньчжурских документов был поддержан теоретическими работами, сделанными в социальной антропологии в ходе дискуссии об этнической идентичности в многонациональных обществах, что во многом стало базой для укрепления взгляда наднационального, мультиэтнического характера империи, альтернативной теории ассимиляции маньчжуров. И в этой парадигме монгольским народам отводилась особая роль.

Как видим, монгольский мир находился на этапе крупных политических сдвигов. Углубляющийся процесс децентрализации оформил самостоятельный политический статус правителей монгольских княжеств, признание которого выражалось в принятии титулов хана. Усиливающиеся в отдельный период правители могли диктовать свою волю всемонгольскому хану, однако выделение уделов своим наследникам ослабляло могущество того или иного княжества, тем самым резко меняло политическую обстановку. Вместе с тем, ослабление минского Китая и его обо-

ронительная стратегия позволили запустить очередной цикл возрождения централизованной политики монголов. Возможно в лице Лигдэн-хана, мы имеем неразвернувшийся до конца процесс, который в очередной раз мог бы привести к возникновению и формированию новой кочевой империи равной государству Даян-хана, с той лишь особенностью, что в попытке укрепить единоличную власть был использован религиозный ресурс. Здесь, очевидно, сработали те внешние факторы политогенеза в кочевом обществе, о которых говорили Т. Барфилд, Н.Н. Крадин и др. Однако эти факторы сыграли на пользу не только монгольским княжествам. Сложная внутривосточная ситуация в Китае была на руку как монголам, так и чжурчжэнским вождествам. Противостояние монголов и маньчжуров показало разницу в их стратегиях в отношении с Китаем. Если для Лигдэн-хана важным было стабильное поступление доходов из Китая в рамках заключения договоренностей о мире и торговле и тем самым возрождения системы редиистрибуции под своим началом, то Нурхаци пошел дальше, перейдя непосредственно к завоеванию и созданию новой независимой от племенной знати системы дуального управления.

ЛИТЕРАТУРА

Афони́на 2003 – *Афони́на Е.Н.* К оценке политики тумэтского Алтан-хана (1507–1581) // *Mongolica-VI*: Сб. ст. – СПб.: Петербургское Востоковедение. 2003. – С. 39–47.

Барфилд 2009 – *Барфилд Т. Дж.* Опасная граница. Кочевые империи и Китай (221 г. до н. э. – 1757 г. н. э.) / Пер. с англ. Д.В. Рухлядева, В.Б. Кузенцова. – СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; «Нестор-История». 2009. – 488 с.

Владимирцов 1934 – *Владимирцов Б.Я.* Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. – Л.: Изд-во АН СССР, 1934. – 224 с.

Волкова 1965 – *Волкова М.П.* Описание маньчжурских рукописей Института народов Азии АН СССР // Отв. ред. Б.И. Панкратов. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1965. – 140 с.

Горохова 1986 – *Горохова Г.С.* Монгольские источники о Даян-хане. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. – 133 с.

Ермаченко 1974 – *Ермаченко И.С.* Политика маньчжурской династии в Южной и Северной Монголии в XVII в. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы. 1974. – 196 с.

Златкин 1983 – *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства, 1635–1758. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. – 333 с.

Зуев 2017 – *Зуев А. С.* Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2017. – 444 с.

Крадин 2002 – *Крадин Н.Н.* Империя Хунну. – М.: «Логос». 2002. – 312 с.

Мелихов 1974 – *Мелихов Г. В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). – М.: Наука, 1974. – 246 с.

Мясников, Шепелева 1982 – *Мясников В.С., Шепелева Н.В.* Китай и Монголия // Китай и соседи в Новое и Новейшее время. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. – С. 126–152.

Пан 2006 – *Пан Т.А.* Маньчжурские письменные памятники по истории и культуре империи Цин XVII–XVIII вв. – СПб: «Петербургское востоковедение», 2006. – 228 с.

Покотилов 1893 – *Покотилов Д.Д.* История восточных монголов в период династии Мин. 1368–1634: (По китайским источникам). – СПб.: Типография Императорской академии наук, 1893. – 242 с.

Почекаев 2011 – *Почекаев Р.Ю.* Уложение Алтан-хана – Монгольский правовой памятник второй половины XVI в. // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 1. С. 119–139.

Скрынникова 1988 – *Скрынникова Т.Д.* Ламаистская церковь и государство: Внешняя Монголия, XVI – начало XX века. – Новосибирск, 1988. – 104 с.

Скрынникова 2014 – *Скрынникова Т.Д.* Социально-политические институты монголов 17 в. // Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014. Т. 1. С. 14–28.

Crossley 1999 – *Crossley P.K.* A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology. Berkeley: University of California Press, 1999. 417 p.

Crossley 2002 – *Crossley P. K.* The Manchus. Cambridge, MA, Blackwell. 2002. 239 p.

Di Cosmo 2012 – *Di Cosmo N.* From Alliance to Tutelage: A Historical Analysis of Manchu-Mongol Relations before the Qing Conquest // 2012, 7(2), pp.175–197.

Elliott 2001 – *Elliott M.C.* The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China. Stanford, CA, Stanford Uni. Press. 2001. 606 p.

Elverskog 2006 – *Elverskog Johan.* Our Great Qing: The Mongols, Buddhism, and the State in Late Imperial China. Honolulu: University of Hawaii Press, 2006. 264 p.

Farquhar 1968 – *Farquhar David M.* “The Origins of the Manchus’ Mongolian Policy,” / The Chinese World Order: Traditional China’s Foreign Relations Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, 1968. pp.198–205.

Farquhar 1978 – *Farquhar David M.* “Emperor as Bodhisattva in The Governance of The Ch’ing Empire.” // Harvard Journal of Asiatic Studies. 1978. Vol. 38, № 1. pp. 5–34.

Jagchid 1988 – *Jagchid S.* Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty / Essays in Mongolia studies. 1988. p. 121–130.

Khodarkovsky 2004 – *Khodarkovsky M.* Russia’s Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indiana University Press, 2004. 305 p.

Miyawaki 1984 – *Miyawaki J.* The Qalqa Mongols and the Oyrad in the Seventeenth Century // Journal of Asian History. № 18/2. pp. 136–173.

Munkh-Erdene 2010 – *Munkh-Erdene L.* The 1640 Great Code: an Inner Asian parallel to the Treaty of Westphalia. Central Asian Survey, 29(3). 2010. pp. 269–288.

Okada 1972 – *Okada H.* Outer Mongolia in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Journal of Asian and African Studies. Vol. 5. 1972. pp. 69–85.

Rawski 1996 – *Rawski Evelyn S.* Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History // The Journal of Asian Studies. Vol. 55, No. 4. pp. 829–850.

Serruys 1960 – *Serruys H.* Four documents relating to the Sino-Mongol Peace of 1570–1571 // Monumenta Serica. 1960. Vol. 19. pp. 1–66.

Serruys 1963 – *Serruys H.* Early Lamaism in Mongolia // Oriens Extremus Vol. 10, No. 2 (1963). pp. 181–216.

Sneath 2007 – *Sneath D.* The Headless State Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia. Columbia University Press. 2007. 274 p.

Veit 2009 – *Veit V.* “The Eastern Steppe: Mongol Regimes after the Yuan (1368–1636)” // in Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, Peter B. Golden, ed. The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age. Cambridge/New York: Cambridge University Press. 2009. pp. 157–181.

REFERENCES

Afonina, E.N. (2003), *K ocenke politiki tumjetskogo Altan-hana* [On the assessment of the policy of the Tumet Altan Khan (1507–1581)], *Mongolica-VI*: Sb. st., SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, pp. 39–47.

Barfield, T. Dzh. (2009), *Opasnaja granica. Kochevye imperii i Kitaj (221 g. do n.je. – 1757 g. n.je.)* [The Perilous Frontier Nomadic Empires and China. 221 BC to AD 1757], trans. by D.V. Ruhljadeva, V.B. Kuzencova, SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU, «Nestor-Istorija», Russia.

Vladimircov, B.Ja. (1934), *Obshhestvennyj stroj mongolov. Mongol'skij kochevoj feodalizm* [The social system of the Mongols. Mongolian nomadic feudalism], Leningrad: Izd-vo AN SSSR.

Volkova, M.P. (1965), *Opisanie man'chzhurskikh rukopisej Instituta narodov Azii AN SSSR* [Description of the Manchu Manuscripts of the Institute of the Peoples of Asia of the USSR], in Pankratov, B.I. (ed.), *Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury*, Moscow, Russia.

Gorohova, G.S. (1986), *Mongol'skie istochniki o Dajan-khane* [Mongolian Sources about Dayan Khan], *Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury*, Moscow, Russia.

Ermachenko, I.S. (1974), *Politika man'chzhurskoj dinastii v Juzhnoj i Severnoj Mongolii v XVII v.* [The Policy of the Manchu Dynasty in Southern and Northern Mongolia in the 17th Century], *Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury*, Moscow, Russia.

Zlatkin, I.Ja. (1983), *Istorija Dzhungarskogo hanstva, 1635–1758.* [History of the Dzungarian Khanate, 1635–1758], *Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury*, Moscow, Russia.

Zuev, A. S. (2017), *Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporacija narodov Sibiri v Rossijskoe gosudarstvo v konce XVI – nachale XVIII v.* [Under the Shadow of the Double-headed Eagle: Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State from the late 16th to early 18th century], in A. S. Zuev, P. S. Ignatkin, V. A. Slugina (ed.), *Novosib. gos. un-t. Novosibirsk: IPC NGU*, Russia.

Kradin, N.N. (2002), *Imperija Hunnu* [Xiongnu Empire], «Logos», Moscow, Russia.

Melihov, G. V. (1974), *Man'chzhury na Severo-Vostoke (XVII v)* [Manchus in the Northeast (17th century)], *Nauka, Moscow, Russia.*

Mjasnikov, V.S. and Shepeleva, N.V. (1982), *Kitaj i Mongolija* [China and Mongolia], *Kitaj i sosedi v Novoe i Novejshee vremja*, *Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury*, Moscow, pp. 126–152.

Pan, T.A. (2006), *Man'chzhurskie pis'mennye pamjatniki po istorii i kul'ture imperii Cin XVII–XVIII vv.* [Manchu written sources on the history and culture of the Qing empire in the 17–18th Centuries], «Peterburgskoe Vostokovedenie», Saint Petersburg, Russia.

Pokotilov, D.D. (1893), *Istorija vostochnyh mongolov v period dinastii Min. 1368–1634: (Po kitajskim istochnikam)* [History of the Eastern Mongols during the Ming Dynasty], *Tipografija Imperatorskoj akademii nauk*, Saint-Petersburg, Russia.

Pochekaev, R.Ju. (2011), “Code by Altan Khan – Mongol Legal Monument of the Second Half of the 16th Century”, *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*, no. 1, pp. 119–139.

Skrynnikova, T.D. (1988), *Lamaistskaja cerkov' n gosudarstvo: Vneshnjaja Mongolija, XVI – nachalo XX veka* [Lamaistkaya Church and State. External Mongolia XVI – early XX century], *Novosibirsk, Russia.*

Skrynnikova, T.D. (2014), “Socio-Political Institutions of the Mongols of the 17th Century”, *Gumanitarnye issledovanija Vnutrennej Azii. Burjatskij gosudarstvennyj universitet*, vol. 1, pp. 14–28.

Crossley, P.K. (1999), *A Translucent Mirror: History and Identity in Qing Imperial Ideology*, University of California Press, Berkeley, USA.

Crossley, P. K. (2002), *The Manchus*, Cambridge, MA, Blackwell, UK.

Di Cosmo, N. (2012), *From Alliance to Tutelage: A Historical Analysis of Manchu-Mongol Relations before the Qing Conquest*, pp.175–197.

Elliott, M.C. (2001), *The Manchu Way: The Eight Banners and Ethnic Identity in Late Imperial China*, Stanford Uni. Press, Stanford, USA.

Elverskog, Johan. (2006), *Our Great Qing: The Mongols, Buddhism, and the State in Late Imperial China*, Honolulu: University of Hawaii Press.

Farquhar, David M. (1968), “The Origins of the Manchus’ Mongolian Policy,” *The Chinese World Order: Traditional China’s Foreign Relations*, Cambridge, MA and London, England: Harvard University Press, pp.198–205.

Farquhar, David M. (1978), “Emperor as Bodhisattva in The Governance of The Ch’ing Empire”, *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 38, no. 1, pp. 5–34.

Jagchid, S. (1988), *Buddhism in Mongolia After the Collapse of the Yuan Dynasty, Essays in Mongolia studies*, pp. 121–130.

Khodarkovsky, M. (2004), *Russia’s Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800*, Indiana University Press.

Miyawaki, J. (1984), *The Qalqa Mongols and the Oyirad in the Seventeenth Century, Journal of Asian History*, no. 18/2, pp. 136–173.

Munkh-Erdene, L. (2010), *The 1640 Great Code: an Inner Asian parallel to the Treaty of Westphalia, Central Asian Survey*, no. 29(3), pp. 269–288.

Okada, H. (1972), *Outer Mongolia in the Sixteenth and Seventeenth Centuries, Journal of Asian and African Studies*, Vol. 5, pp. 69–85.

Rawski, Evelyn S. (1996), *Presidential Address: Reenvisioning the Qing: The Significance of the Qing Period in Chinese History, The Journal of Asian Studies*, Vol. 55, no. 4, pp. 829–850.

Serruys, H. (1960), *Four documents relating to the Sino-Mongol Peace of 1570–1571, Monumenta Serica*, Vol. 19, pp. 1–66.

Serruys, H. (1963), *Early Lamaism in Mongolia, Oriens Extremus*, vol. 10, no. 2, pp. 181–216.

Sneath, D. (2007), *The Headless State Aristocratic Orders, Kinship Society, and Misrepresentations of Nomadic Inner Asia*, Columbia University Press.

Veit, V. (2009), “The Eastern Steppe: Mongol Regimes after the Yuan (1368–1636)”, in Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, Peter B. Golden, ed. *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age* Cambridge/New York: Cambridge University Press.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Александр Дмитриевич Гомбожапов, кандидат исторических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия; 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; agombozh@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr D. Gombozhapov, Cand. of Sci. (History), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia; bld. 6, St. Sakh’yanovoi, Ulan-Ude, Russia, 670047; agombozh@yandex.ru.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-316-333

Трансформация социальной структуры на российско-монгольском трансграничье в исторической динамике²⁶⁸

Дамдин Д. Бадараев

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия, damdin80@mail.ru
ORCID ID 0000-0001-8173-7175

Аннотация. *Статья посвящена вопросам становления социальной структуры Бурятии – фронтирного региона на российско-монгольском трансграничье. Представлен исторический обзор трансформации общественного устройства населения Бурятии. За имперский, социалистический и постсоветский периоды в результате длительного процесса нациестроительства бурятское общество закономерно стало составной частью единого политико-административного и социокультурного пространства России. На современном этапе социальная структура Бурятии трансформировалась под воздействием политических и экономических преобразований в стране, наблюдается прекаризация регионального общества и распространение неформальных видов занятости. По результатам исследований, в условиях турбулентных вызовов в структуре социального статуса граждан остаются доминирующими материально-финансовые и властные критерии. Республика Бурятия характеризуется как дотационный регион, но обладающий значительным потенциалом для развития в качестве не только сырьевой базы, но и транзитной зоны на межцивилизационном перекрестке Запада и Востока.*

Ключевые слова: *фронтир, трансграничье, социальная структура, Бурятия, трансформация.*

Для цитирования: *Бадараев Д.Д. Трансформация социальной структуры на российско-монгольском трансграничье в исторической динамике // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 318–335. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-316-333.*

²⁶⁸ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)», № 121031000243-5).

Transformation of the Social Structure on the Russian-Mongolian Transborder in Historical Dynamics

Damdin D. Badaraev

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia, damdin80@mail.ru
ORCID ID 0000-0001-8173-7175

Abstract. *The article is devoted to the formation of the social structure of Buryatia as a frontier region on the Russian-Mongolian transboundary. A historical overview of the transformation of the social structure of the population of Buryatia is presented. During the imperial, socialist and post-Soviet periods, as a result of a long process of nation-building, the Buryat society naturally became an integral part of the unified political, administrative and socio-cultural space of the Russia. The social structure of Buryatia has been transformed under the influence of political and economic transformations in the country, there is a precarization of the regional society and the spread of informal types of employment. According to the results of research, in the conditions of turbulent challenges, material, financial and power criteria remain dominant in the structure of the social status of citizens. The Republic of Buryatia is characterized as a subsidized region but with significant potential for development as not only a resource base, but also a transit zone at the inter-civilizational crossroads of the West and the East.*

Key words: *frontier, cross-border, social structure, Buryatia, transformation.*

For citation: *Badaraev, D.D. (2023), "Transformation of the Social Structure on the Russian-Mongolian Transborder in Historical Dynamics", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 318–335. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-316-333.*

Динамика становления социальной структуры на российско-монгольском трансграничье демонстрируется специфическими особенностями формирования, производностью и взаимосвязью социальных отношений от доминирующего политического фактора и экономической основы функционирования регионального общества. На примере становления и формирования общественного строя бурят, а в дальнейшем и социальной структуры регионального общества в разные эпохи можно представить особенности общественного устройства российско-монгольского трансграничья. Собственно, на землях бурятских племен начался процесс создания трансграничья как зоны политической, экономической, социальной и культурной активности России на стыке русского и монгольского миров [Жалсанова 2021, с. 65].

Актуализация тематики трансграничья занимает в монголоведении особое место, обусловленное в определенной степени современным состоянием и историческим прошлым фронтальных обществ. Понятие «фронт» изначально введенное Ф. Тернером как пограничная зона между неосвоенной территорией и цивилизацией, развивалось в трудах его последователей А.Н. Баффингтона, Д. Тредгольда, Дж. Ланцева, Р. Пирса, Б. Самнера [Тернер 2009]. Проблема фронта рассматривается в трудах сибирских историков А.Д. Агеева, Н.Ю. Замятиной, Д.Я. Резуна, Е.А. Алексева, Н.Н. При-

ходько в отношении территорий Сибири и Дальнего Востока. В результате совершенствования концепции в общем виде «фронтир» определяется как диалоговая зона встреч различных культур. В то же время «фронтир – комплексный, многогранный феномен, включающий в себя не только экономико-географические, хозяйственно-исторические, но и философско-культурологические, духовно-ментальные аспекты. Фронтир – это контактная зона, это особая форма культурного диалога, это процесс и результат социального конструирования пространства» [Андреева 2016, с. 131]. Трансформация фронта под воздействием комплекса внешних и внутренних факторов приводит к изменению институциональных основ функционирования периферийных обществ.

В целом научные исследования трансграничья связаны с разработками совместных программ развития территорий, находящихся в непосредственной близости от границы. Рассматривая проблемы трансграничья и приграничья В.А. Колосов и Р.Ф. Туровский определяют трансграничную территорию как «охватывающую части территорий двух или нескольких соседних стран социально-экономическую систему, характеризующуюся определенным единством природной первоосновы и/или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций» [Колосов, Туровский 1997, с. 110].

Синонимичность понятий *фронтир* и *трансграничье* объясняется их интерпретацией в гуманитарных науках. С социологической точки зрения, трансграничье рассматривается как определенное географическое пространство, разделенное общей границей, в пределах которого происходит любая форма социокультурного взаимодействия обществ, начиная от дружественных, заканчивая конфликтными [Кучинская 2012]. На трансграничной зоне отражаются экономические, политические, культурные особенности соседствующих друг с другом государств.

Российско-монгольское трансграничье представлено российскими регионами, непосредственно граничащими с Монголией – Забайкальским краем и тремя национальными республиками – Бурятией, Тывой, Алтаем. Среди регионов российско-монгольского трансграничья приграничный статус Бурятии основан на особых исторических и этнокультурных связях с соседней Монголией. Демаркация границы в результате подписания в 1728 г. Кяхтинского договора между Российским государством и Цинской империей, куда входила Монголия, окончательно закрепила приграничный статус Бурятии. Территория Бурятии, находясь на границе с Монголией, не раз становилась местом важнейших исторических событий – расцвета и падения Великого чайного пути, подписания важнейших межгосударственных соглашений, начала Монгольской революции 1921 г. и др. В целом на протяжении XX столетия российско-монгольские отношения характеризуются дружественностью и взаимной поддержкой: при обретении Монголией государственного суверенитета в первой половине XX в., в битве на р. Халхин-Гол, в годы Второй мировой войны, при социалистической модернизации обществ и т. д. Бурятия как ворота России на Восток через Монголию выполняла важную функцию фронта и форпоста страны на протяжении нескольких

столетий. На границе с Бурятией начинается Центральный транспортный коридор Монголии, связующий ее северную – монголо-российскую и южную – монголо-китайскую границы железнодорожным и автомобильным путями. На современном этапе Бурятия остается одной из стратегических буферных трансграничных зон России с Монголией. В этой связи актуализируется роль российско-монгольского трансграничья как зоны обеспечения стратегических интересов России в условиях глобализации и нарастания государственных интересов мировых держав в центральноазиатском пространстве. В перспективе она представляется опорным регионом в развитии межрегиональных трансграничных связей, обладающим обширной сетью автомобильного и железнодорожного сообщения со своим внешним соседом. Социальные и этнокультурные процессы, протекающие в данном трансграничном регионе, обуславливают дальнейшую стратегическую значимость как для России, так и Монголии ввиду необходимости устойчивого развития региона и раскрытия его политического, экономического, социокультурного и духовного потенциала.

М.С. Михалев рассматривает регионы российского трансграничья в качестве особых буферных зон, обладающих огромным экономическим, политическим, духовным и культурным потенциалом для продвижения интересов страны в условиях разворота геополитики страны на Восток. Наличие «активного буфера» в лице коренных народов трансграничья, с одной стороны, служит спайкой, объединяющей две страны в единое социально-культурное пространство, с другой – не допускает на линии соприкосновения серьезных конфликтов. Ввиду удаленности от культурных и промышленных центров, суровых климатических условий, невозможностью полноценного сельскохозяйственного освоения приграничные регионы характеризуются низкой плотностью населения и слабым уровнем экономического развития. На примере российско-китайского трансграничья М.С. Михалев отмечает, что «... с политической точки зрения две его составляющие, безусловно, являются неотъемлемыми частями двух стран, с культурной, социальной, а иногда и с экономической точки зрения оно не принадлежит ни одному из них полностью. При этом трансграничье обладает своим собственным внутренним единством, позволяющим его идентифицировать, описать и классифицировать» [Михалев 2018, 2019].

Известно, что наиболее крупная консолидация этнических племен, населявших территории современной Бурятии, началась в XII в. Территория Монгольского государства разрасталась на Евразийском континенте на протяжении нескольких веков, пока не начались междоусобные войны чингизидов, впоследствии приведшие к ослаблению и закату самой империи. Регулярные конфликты хана с феодалами привели к окончательному раздроблению империи в середине XVI в. Оставшиеся территории малых ханств стали объектом притязаний усиливающих свое влияние соседних государств – Маньчжурской империи с юга и Российской – с севера. В 1636 г. маньчжурам покорилась Южная Монголия (Внутренняя Монголия), затем в 1691 г. на Долоннурском собрании и Внешняя Монголия (Халха-Монголия), а в 1755 г. Ойрат-Монголия (Джунгарское ханство). Присоединение территории этнической Бурятии к России произошло в середине XVII в. Офици-

альной датой вхождения бурят в состав Российской империи историками признан 1661 год. Геополитические вопросы, связанные с демаркацией границы между Россией и Китаем сначала были зафиксированы Нерчинским договором (1689). Затем Буринский трактат (1727) и Кяхтинский договор (1728) предопределили дальнейшую судьбу российско-монгольского трансграничья. Оформление государственной границы в пределах указанных земель в рамках данного соглашения, по сути, официально закрепило трансграничный статус приграничных территорий между Российской и Цинской империями. С заключением этих договоров были приостановлены крупные миграции бурят и других монгольских этнических групп, и с того времени началась стабилизация этнической картины в Забайкалье [Залкинд 1958].

Ретроспективный взгляд на место и роль Бурятии в большой политике России позволяет выделить наиболее значимые вехи в становлении социальной структуры на российско-монгольском трансграничье. Общественный строй бурят в XVII – начале XX в. в составе Российской империи эволюционировал под влиянием политических и социально-экономических процессов российской действительности. Принято выделять 4 этапа: I этап: со времени присоединения к Российскому государству и до начала XVIII в.; II этап: до административной реформы Сперанского 1822 г.; III этап: до конца XIX в.; IV этап: конец XIX – начало XX в.

На всем протяжении становления общественного строя пассионарное воздействие русского населения на местные этнические группы сопровождалось появлением новых этнообразующих процессов среди коренного населения этнической Бурятии. Буряты в составе России расширили способы экономического развития, приобщились к земледелию и промышленному труду, продолжали успешно развивать традиционное и модернизированное животноводство и промыслы. В связи с этим они постепенно трансформировали черты кочевой жизнедеятельности в полуоседлый и оседлый образ жизни, благодаря чему условия их быта и жизни постоянно совершенствовались и развивались. Буддийская религия и культура, с чем буряты вошли в состав Российского государства, лежали в основе освоения письменности, науки, образования, медицины, литературы и искусства. Синтез с русской культурой способствовал совместному системному развитию территории Бурятии и дальнейшему становлению на российско-монгольском трансграничье полиэтничного общества. Формирование этногенеза бурят происходило на стыке цивилизаций и диалога культур Востока и Запада при наложении традиционной кочевой и оседлой культур.

Известно, что Российское государство на начальном этапе включения бурятских земель в свой состав управляло местным населением по сохранившемуся среди бурят обычному праву. Традиционно управляющим органом повседневной жизни бурят был род, во главе которого стоял зайсан или родовой шуленга. Объединение нескольких родов называлось поколением, возглавляемое главным зайсаном, или тайшей. Совещательным органом поколений являлись родовые сугланы или степные конторы, на которых решались вопросы о землепользовании, подати и повинностях, обычном праве и управлении. Административно-территориальной единицей, объединяющей поколения, являлся улус, или хотон, во главе которого стоял засул. Улус объ-

единял жителей одного поколения, совместно совершавших перекочевки. Объединение нескольких улусов во главе с шуленгой назывался холбон, или табин. Звание тайши учреждалось царским указом с выдачей специального патента на должность и установлением соответствующего жалованья. Численность бурятских нойонов была значительной. Так, в 1807 г. во всех бурятских родах Предбайкалья и Забайкалья были 1–2 тайши, 4–5 шуленг, 10–20 зайсанов, заргучи (судопроизводители), засул и тугчи (знаменосец). Должности тайшей, зайсанов, шуленг имели наследственный характер и закреплялись за семьями «степной аристократии» (сайтов) [Буряты 2004, с. 74].

По работам Е. М. Залкинда, источники XVII–XVIII вв. различали среди бурятского населения «богатых», «достаточных» и «бедных». Первые представляли собой крупных скотовладельцев, вторые – средних и мелких скотоводов, третьи – малоимущих, или бедноту, не имеющих скота. В условиях скотоводческого хозяйства «достаточными» считались те, кто имел от 20 до 50 голов скота. Между «имущими» и «неимущими» проявлялась резкая разница в питании, одежде, жилище [Залкинд 1970, с. 342–344]. В результате административной реформы и с появлением Устава об управлении инородцами 1822 г. бурятское население делилось на кочевых и оседлых. По имущественному положению еще начиная с 1819 г. при раскладке податей и повинностей было установлено разделение сельских и улусных жителей на «классы по состоянию на 4 разряда», что было вызвано развитием товарно-денежных отношений и усилением процесса имущественной дифференциации в бурятском обществе. К первому «классу» были отнесены «самые богатые», которые имеют «превосходное изобилие в скотоводстве, хлебопашестве, сверх всего занимаются извозом тягостей и прочего, судя по промышленности» (промыслу). Ко второму относились «достаточные», которые имеют «умеренное скотоводство и не имеют ни в чем недостатка». К третьему причислялись те, которые «имеют только небольшое количество пашни, сенокосов, скота, необходимого для обрабатывания оных и для домашнего прихода, и которые непосредственно могут исправить государственные подати и общественные повинности». Наконец, к четвертому «классу» причисляли «совершенно неимущих», тех, «которые престарелых лет, неизлечимых в болезни, малолетних и вместе не имеющих ни родственников, ни состояния».

На территории Бурятии в общем виде была представлена сословная структура российского общества, которая состояла из дворянства, духовенства, городских и сельских обывателей (соответственно городское сословие и крестьяне), а также двух сословий, не относящихся ни к одному законодательно установленным сословиям, – военных и разночинцев [Влазнев 2007, с. 198]. Социальная структура на местах дополнялась особой сословной группой «инородцев», в которую входили коренные народы региона, а также категории лиц с особым статусом – ссыльные.

Устав 1822 г. фактически определил социально-правовое положение коренных народов вплоть до начала XX в. Ситуация начала меняться с выходом 8 июня 1898 г. Временного положения о крестьянских начальниках и 23 апреля 1901 г. Временного положения об устройстве общественного

управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области. Эти акты распространяли действие волостной реформы на коренное население региона, тем самым ликвидировав степные думы и самоуправление бурят и эвенков, основанное на Уставе 1822 г. По данным переписи 1897 г., в Забайкальской области на долю коренного населения приходился 31 %, в Иркутской области – 22 %. Самым многочисленным коренным народом региона и Сибири в целом были буряты, общая численность которых составляла 288,6 тыс. чел. [Дамешек 1992, с. 13–15]. Сословный строй просуществовал в Российской империи вплоть до февральской революции 1917 г.

Решающую роль в историческом развитии российско-монгольского трансграничья сыграл XX век, в котором поэтапно сменились 3 разные эпохи: дореволюционная, социалистическая и постсоциалистическая, каждая из которых внесла свои коррективы при трансформационных изменениях обществ. Кардинальные изменения в истории Бурятии связаны с установлением в стране советской власти в результате Октябрьской революции 1917 г. 30 мая 2023 г. была образована Бурят-Монгольская Автономная Советская Социалистическая Республика путем объединения автономных областей Сибири и Дальнего Востока, что было обусловлено нарастающим процессом внутреннего самоопределения окраин огромного государства, революционной тектоникой Восточной Азии и монгольской ойкумены в частности [Базаров 2023, с. 3]. Идеологическая конструкция по формированию классового рабоче-крестьянского общества была совмещена с введением основ новой экономической политики, раскулачиванием и коллективизацией, индустриализацией страны и развитием промышленности и сельского хозяйства. На фоне общего подъема в стране, особенно в послевоенные годы, республика превратилась в один из индустриальных центров Сибири.

За годы советской власти произошли существенные изменения в социальной структуре бурят. По результатам Всесоюзной переписи населения 1989 г., численность представителей рабочего класса, включая сельскохозяйственных рабочих, достигла половины бурятского населения – 49,4 %, колхозное крестьянство – 8,7, слой интеллигенции и служащих – 41,9 %. В результате индустриализации заметно усилились урбанизационные процессы среди бурят, городское население в 1989 г. составило 44,5 %, сельское – 55,5 %. Существенно вырос образовательный уровень бурятского населения: на каждые 1 тыс. чел. в возрасте 15 лет и старше 215 чел. имели высшее образование, 161 – среднее техническое и 304 чел. – общее среднее [Санжиев 2002, с. 143]. Традиционно стремление бурят к грамотности и получению профессионального образования сыграло позитивную роль при формировании обширного слоя бурятской интеллигенции в составе социальной структуры республики.

Социальные изменения в составе русского населения республики также характеризовались постоянным увеличением класса рабочих – с 5,7 % в 1926 г. до 67,4 % в 1979 г. К 1989 г. их доля незначительно уменьшилась, достигнув 64,8 %, что было обусловлено возрастанием доли служащих до 31,5 %. Крестьянство среди русского населения также постепенно сокращалось – с 82,1 % в 1929 г. до 3,6 % в 1989 г. [Русские в Бурятии 2002, с. 114].

По данным таблицы 1 динамика изменения социальной структуры республики за советский период повторяет общегосударственную тенденцию по формированию трехчленной структуры общества. Руководству республики за 70 лет удалось сформировать класс рабочих за счет значительного снижения традиционного крестьянства, вместе с тем в регионе существенно увеличилось число представителей региональной интеллигенции. Индустриализация экономики Бурятии, ускоренное развитие отраслей промышленности, строительства и транспорта и связанные с ними процессы миграции и урбанизации территорий сыграли решающую роль в столь массовой реструктуризации общественного уклада республики.

Таблица 1

Социально-классовая структура населения Бурятии по результатам Всероссийских переписей населения*

Переписи, по годам	Всего занято тыс. чел.	Рабочие		Служащие		Крестьяне	
		тыс. чел.	%	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
1926	298,7	10,9	3,7	8,8	3	260	87
1939	242,5	87,9	36,2	45,3	18,7	102,1	42,1
1959	289,7	145,1	50,1	62,4	21,7	78,6	27,1
1979	435,9	288,1	66,1	108,5	24,9	38,3	8,8
1989	518	317,2	61,2	176,5	34	23,9	4,6

* Сост. по: Русские в Бурятии: история и современность / отв. ред. В. И. Затеев. Улан-Удэ, 2002. С. 115.

Перестройка 1980-х гг., распад СССР в начале 1990-х гг., реформы в экономике, внедрение капиталистических отношений и изменения форм собственности повлекли за собой начало нового этапа трансформации социальной структуры республики. В результате применения «шоковой терапии», децентрализации власти, приватизации государственной собственности, появления различных форм собственности (частной, акционерной, смешанной и иностранной), либерализации цен и реструктуризации систем жизнеобеспечения населения, финансовой и налоговой политики в республике произошло переформатирование политической, экономической и социокультурной сфер. Усиливающаяся социальная дифференциация и поляризация в обществе привела к тому, что на одном полюсе оказались группы бизнес-элит, руководители предприятий различных форм собственности, представители политической элиты. На другом полюсе оказались массы населения, не имеющие доступа к перераспределению общественных благ и экономических ресурсов и не обладающие существенным капиталом и собственностью. В 1996 г. Бурятия вошла в число 15 регионов, в которых более 40 % численности населения имела среднедушевой доход ниже прожиточного минимума [Социальное положение... 1996, с. 11]. Оставшиеся без средств к существованию дезадаптированные категории пополнили ряды асоциальных элементов общества. Одной из причин демографического кризиса в республике стал отток населения в другие регионы страны и за рубеж. В результате снижения уровня жизни населения усилились центростремительные миграционные движения, в 1990–2000-е гг. переселе-

ние жителей из сельских районов в крупные населенные пункты и столицу республики обрело небывалые ранее масштабы. К одному из основных последствий такого перемещения можно отнести увеличение доли городского населения в Бурятии до 60 %. Вместе с этим столица Бурятии получила огромное количество нерешенных проблем, связанных с расширением городских пригородов, львиная доля которых оказалась массово застроенной самовольно возведенными домами мигрантов из сельской местности самой республики и бывших бурятских автономных округов соседних регионов. Закрытие многих предприятий привело к сворачиванию большинства отраслей промышленного производства региона. Если в 1993 г. в экономике республики было занято 464,5 тыс. чел. (94,5 % активного населения), то в 1998 г. – 333,6 тыс. чел. (77,9 % соответственно). Соотношение между спросом и предложением рабочей силы в Бурятии достигло 40-кратного размера [Бурятия в цифрах... 1999, с. 23]. Существенно снизился уровень жизни населения, значительно ухудшились демографические показатели рождаемости (снижение с 20,4 на 1000 чел. в 1989 г. до 11,3 в 1998 г.), смертности (увеличение с 8,4 до 11,6 на 1000 чел. в 1989–1997 гг.), миграционного оттока трудоспособного населения, получили распространение социальные болезни общества – алкоголизм, наркомания, были характерны взрывные периоды распространения туберкулеза и ВИЧ-инфекции в конце 1990-х гг. и роста уровня преступности. По многим параметрам в республике происходили аналогичные с большинством регионов страны негативные социальные процессы и явления. Низкий уровень социального развития, не подкрепленный развитой экономической базой, привел к тому, что республика за годы реформ еще в большей степени отстала от большинства регионов России [Митупов 2001, с. 22]. К факторам, обусловившим негативные процессы социальной дифференциации, можно отнести: низкий уровень жизни населения; неравномерность распределения национального богатства при распаде СССР; слабость реализации социальной политики; неординарный стартовый потенциал граждан; выраженное «иждивенческое сознание» у необеспеченного населения.

Марксистская концепция социально-классовой структуры была раскрыта многими исследователями за однобокость в интерпретации процессов социальной дифференциации российского общества. Методологический плюрализм в изучении социальной структуры, многочисленные западные концепции социальной стратификации существенно разнообразили теоретико-методологическую базу российской социологии. Вместе с тем, в условиях переходного общества в исследованиях социальной структуры доминирующим продолжал оставаться экономический критерий – «богатый – бедный», основанный на доходах, собственности, накоплениях граждан. Видный бурятский социолог Ю.Б. Рандалов, рассматривая методологические разработки отечественных ученых по стратификации российского общества, дифференцирует становление социальной структуры населения Бурятии начала 2000-х гг. по следующим направлениям и их соотношению: 1) национально-региональная элита, связанная с крупным капиталом в регионе и за ее пределами и обладающая значительными финансовыми ресурсами – 0,4 %; 2) владельцы различных форм собственности среднего и ниже

среднего уровня, к которым относятся предприниматели, коммерсанты, торговцы и др. – 1,2 %; 3) масса трудового населения – рабочие, сельскохозяйственные рабочие и животноводы, интеллигенция, представляющие основы предыдущего классового общества – 52,3 %; 4) бедствующий слой – это пожилые и одинокие пенсионеры, инвалиды, безработные, малообеспеченные и многодетные семьи, переселенцы, которые оказываются в перманентном состоянии балансирования при удовлетворении минимальных жизненных потребностей – 35 %; 5) асоциальные группы, состоящие из лиц, безнадежно утративших свой прежний социальный статус, а также неформальных и криминальных элементов – бомжей, тунеядцев, попрошаек, маргиналов, воров, бандитов – 11,1 % [Рандалов 2004].

В академической среде возникают дискуссии относительно проблем формирования среднего слоя в региональном обществе, поскольку он назван так с учетом его положения на социальной шкале и составляет основу «среднего класса» в западном понимании этого термина. Л.А. Беляева определяет средний класс как социальное образование, обладающее признаками, характеризующими его материальные ресурсы, культурный капитал и социальный статус. Отличают средний класс от элитных групп темпы формирования, которые могут привести в будущем к превращению его в наиболее многочисленный класс общества [Беляева 2007, с. 4]. Исходя из понятия среднего класса, представленный в социальной структуре переходного периода средний слой фактически не соответствовал критериям западной интерпретации среднего класса: по количеству – как гаранту социальной стабильности, капиталу – как обеспечивающим личную независимость, уровню профессионализма – как важным фактором постиндустриального общества. На рубеже веков к среднему классу условно можно отнести те группы населения, которые хорошо адаптировались к изменяющимся условиям российской действительности, достигли относительно благополучного материального положения и были заинтересованы в продолжении начатых кардинальных реформ [Митупов 2001, с. 55]. Трансформационные процессы в условиях российско-монгольского взаимодействия на рубеже веков привели к дальнейшим изменениям трансграничных обществ в XXI в.

На новом витке трансформационного развития Бурятия как часть Российского федеративного государства с международным трансграничным статусом находится на перекрестке культур Востока и Запада, где происходит взаимопереплетение цивилизационных основ культур, что отражается на развитии регионального полиэтничного общества в новых глобализационных условиях. Локализация социокультурных процессов, связанная с возрождением национальной культуры, религии и языка народов Бурятии, стала объектом междисциплинарных изысканий.

Республика Бурятия, имея общую границу с Монголией, характеризуется тесными контактами с ней. Будучи приграничной российской территорией с Монголией с общей границей протяженностью свыше 1 тыс. км, республика имеет все возможности для установления взаимовыгодных отношений и является связующим транспортно-коммуникационным мостом России с Монголией, Китаем и другими странами Азиатско-Тихоокеанского региона, что обеспечивает возможность вхождения Республики Бурятия в междуна-

родные транспортные коридоры – Великий чайный путь и Великий шелковый путь²⁶⁹. В результате согласования трех сторон появилась программа Экономический коридор Китай – Монголия – Россия (далее ЭККМР), которая была принята в июне 2016 г. на форуме ШОС в Ташкенте. Предполагалось, что она должна быть реализована в качестве северного ответвления программы «Новый шелковый путь» и транзитом пересекать территории трансграничных обществ трех стран – Автономного района Внутренняя Монголия Китая, ряд аймаков Монголии, а также приграничные с Монголией субъекты Российской Федерации. Экономический коридор подразумевает не только строительство и комплексное совершенствование транспортного коридора, но и реализацию 32 проектов по ряду направлений:

- взаимосвязанное развитие транспортной инфраструктуры;
- улучшение работы пунктов пропуска, совершенствование таможенного контроля;
- активизация промышленно-инвестиционного и торгово-экономического сотрудничества;
- расширение гуманитарных обменов;
- укрепление сотрудничества в сфере окружающей среды и экологии;
- продвижение регионального и приграничного сотрудничества.

В условиях экономических кризисов и нестабильных цен на сырьевые и энергетические ресурсы на мировом рынке, продолжающихся санкционных и торговых войн, стороны придерживаются курса на сближение и интеграцию в рамках сопряжения китайской инициативы «Пояса и пути», российской платформы Евразийского экономического союза и монгольского Степного пути (Пути развития). Скоординированная работа сторон может дать толчок продвижению программы ЭККМР и социально-экономическому развитию территорий, относящихся к монгольскому миру.

На протяжении последних десятилетий все активнее продвигаются проекты строительства газопроводов из России в Китай. Проект «Сила Сибири» запущен в декабре 2019 году, его экспортная пропускная способность составляет 38 млрд м³ в год. Потребности Китая в российском газе являются востребованными ввиду требуемых больших энергетических ресурсов, спрос меняется из-за общего роста китайской экономики в последние годы и решения властей перевести производство с угля на более экологичный газ (48 % спроса на газ приходится на импорт). После официального визита в Россию лидера КНР Си Цзиньпина в марте 2022 г. все более явные очертания обретает проект строительства газопровода «Союз Восток» через территории монгольского мира с мощностью до 50 млрд м³ в год, который является продолжением российского газопровода «Сила Сибири-2». Изначально планировалось строительство газопровода «Алтай» через территорию Алтайского края. Ввиду ограничительных экологических мер проект был отложен, а в дальнейшем был проработан вариант строительства газопровода через Иркутскую область и Республику Бурятию, далее, транзитом

²⁶⁹ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 г. № 2094-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» [Электронный ресурс] // Консультант Плюс. URL.: <http://www.consultant.ru/document> (дата обращения 12 декабря 2018).

через Монголию во Внутреннюю Монголию КНР, откуда по внутренним каналам будет распространяться в нуждающиеся в газе производственные и инфраструктурные объекты. В сентябре 2022 года вице-премьер РФ Александр Новак сообщил, что «Сила Сибири-2» для России фактически может заменить «Северный поток-2». Премьер-министр Монголии Лувсаннамсрайн Оюун-Эрдэнэ проинформировал, что работы по проекту планируется завершить до 2029 года. Ранее он заявлял, что старт работ запланирован на 2024 год²⁷⁰. Примерная протяженность трубы составит около 6,7 тыс. км, из них 2,7 тыс. должны пройти по территории России. Окончательный маршрут трубопровода через Монголию все ещё обсуждается, а контракт с Китаем ещё не заключён.

Внешнее воздействие подобного масштаба, несомненно, должно повлиять на внутреннее положение в трансграничных обществах, в том числе и на их уровень жизни, занятость населения, социальную структуру и стратификацию.

По данным Всероссийской переписи населения 2020 г. общая численность населения Республики Бурятия составила 978,6 тыс. чел.²⁷¹ Этническая структура населения Бурятии представлена 131 национальностью. Из них самыми многочисленными являются русские (581,76 тыс. чел.) и буряты (295,27 тыс. чел.). К коренным малочисленным народам Бурятии относятся сойоты (4316 чел.) и эвенки (2995 чел.). В этнической структуре республики по их количеству выделяются татары (4035 чел.), украинцы (2007 чел.), узбеки (1942 чел.), армяне (1639 чел.), азербайджанцы (1433 чел.), киргизы (1343 чел.) и т. д. Впервые в результатах ВПН-2020 г. высок показатель лиц, в переписных листах которых национальная принадлежность не указана (7 % – 68873 чел.). В целом, согласно данным переписи 2020 г., за последние 10 лет наметилась тенденция изменения этнической структуры населения Бурятии. Так, численность русского населения уменьшилась с 66,05 % в 2010 г. до 63,94 %, тогда как бурятское население республики увеличилось с 30,03 % до 32,46 %.

Особую субэтническую группу в республике составляют семейские – старообрядцы Забайкалья, обладающие своей уникальной культурой, верованием и хозяйственно-бытовыми практиками, сохранившимися с самого начала их появления в Сибири с 1760-х гг. с территорий Белоруссии, Украины и Польши.

Как известно, социальную дифференциацию населения, лежащую в основе социальной структуры общества, можно исследовать через объективные и субъективные оценки.

По данным официальной статистики, в 2021 г. в Республике Бурятия 192,3 тыс. чел. находились за чертой бедности, что составило 19,5 %. Среднедушевой денежный доход населения в Бурятии составил 27767 руб.²⁷²

²⁷⁰ Новак назвал «Силу Сибири-2» заменой «Северному потоку-2» [Электронный ресурс] // РБК. URL:<https://www.rbc.ru/economics/15/09/2022/632367759a794712fb482150> (дата обращения 22 сентября 2022).

²⁷¹ Всероссийская перепись населения 2020 г. [Электронный ресурс] // Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Бурятия. URL:<https://burstat.gks.ru/vprn2020> (дата обращения: 20.02.2023).

²⁷² Основные показатели дифференциации доходов населения [Электронный ресурс] URL:https://03.rorstat.gov.ru/storage/mediabank/poverty_level_20230113.pdf (дата обращения 15 мая 2023).

Таблица 2

Распределение общего объема денежных доходов населения в 2017–2021 гг., %

Показатель / Год	2017	2019	2021
Денежные доходы – всего	100	100	100
В том числе по 20 %-ным группам населения:			
первая (с наименьшими доходами)	5,8	6,3	6,6
вторая	10,6	11,2	11,5
третья	15,5	16,0	16,2
четвертая	22,8	22,9	23
пятая (с наибольшими доходами)	45,3	43,6	42,7
Коэффициент Джинни (индекс концентрации доходов)	0,391	0,370	0,356
Коэффициент фондов (коэффициент дифференциации доходов), раз	13,4	11,5	10,4

По данным таблицы 2, динамика денежных доходов населения за последние 5 лет демонстрирует поляризацию общества, с дальнейшей тенденцией прироста бедных слоев населения. Вероятно, это связано с пандемийными годами, негативно повлиявшими на уровень и качество жизни общей массы населения.

По результатам социологического исследования, проведенного в 2020 г. можно выстроить стратификацию населения Республики Бурятия на основе самоидентификации граждан²⁷³ (см. Табл. 3).

Таблица 3

Субъективная стратификация населения Бурятии в 2020 г., в том числе по национальности, %

Значение	%	Распределение по нац-ти, %		
		буряты	русские	др. нац-ти
Денег до зарплаты не хватает на самые необходимые продукты – <i>нищие</i>	6,52	4,8	7,66	6,12
Живу от зарплаты до зарплаты, покупая самое необходимое – <i>бедные</i>	20,64	20,46	21,27	12,24
На повседневные расходы денег достаточно, но покупка одежды вызывает затруднения – <i>средне нижние</i>	15,9	15,66	15,85	20,41
Денег в основном хватает, но для покупки дорогих товаров пользуюсь кредитом или беру в долг – <i>средне средние (обеспеченные)</i>	32,51	32,36	33,29	22,45
Покупка дорогих товаров не вызывает затруднений – <i>средне высшие (состоятельные)</i>	7,6	6,68	8,19	8,16
В настоящее время могу почти ни в чем себе не отказывать – <i>богатые</i>	4,27	4,18	3,96	10,2
Затрудняюсь ответить	12,57	15,87	9,78	20,41
Всего	100	100	100	100

²⁷³ Исследование проведено в 2020 г. в Улан-Удэ, а также в Закаменском, Иволгинском, Кабанском, Кижингинском и Тарбагатайском районах Республики Бурятия. Выборочная совокупность составила 1289 чел. и определена по взаимосвязанным параметрам с применением пяти квот – пол, возраст, место проживания, национальность, уровень образования.

Данные субъективной оценки граждан демонстрируют овалообразную форму социальной структуры, что показывает на выраженность срединных слоев населения. В связи с этим традиционно актуализируется вопрос о степени сформированности среднего класса в республике и о его потенциальной возможности выступить локомотивом социально-экономического благосостояния региона. На сегодня можно отметить лишь позитивную тенденцию формирования «среднего класса» в Бурятии, который, по некоторым усредненным российским и региональным оценкам, составляет лишь 15–16 % населения. По разным данным, при субъективной самоидентификации респондентов эти показатели доходят и до 50 %, хотя по объективным показателям (доход, собственность, профессионально-должностной статус) они явно не дотягивают до уровня срединных слоев. С другой стороны, в отличие от среднего класса, становится очевидным, что постепенно конституируются высший и низший слои общества, приобретая черты устоявшихся слоев. Для низших слоев возможности восходящей вертикальной мобильности существенно ограничены, по сравнению с переходными 90-ми. Очевидно, что социальная мобильность больше свойственна срединным слоям населения Бурятии.

По данным таблицы 3, распределение опрошенных по стратам продемонстрировало схожие показатели формирования доходной стратификации населения Бурятии по этническому признаку. В то же время высок показатель затруднившихся граждан с определением своей принадлежности к той или иной доходной страте – 12,57 %. Среди опрошенных бурят таковых оказалось 15,9 %, русских – 9,8 %, а представителей других национальностей – каждый пятый.

Исследование 2020 г. позволило получить расширенную группировку населения Бурятии по самоидентификации с предложенными в перечне социальными группами. Наиболее крупные социальные группы в Бурятии – служащие, рабочие, пенсионеры и студенты. Примечательно, что достаточно значимую в обществе долю занимают группы домохозяек, самозанятых, а также безработных. Треть населения относится к категории экономически неактивного населения (пенсионеры, домохозяйки, студенты). Намечается тенденция увеличения сельскохозяйственных работников (рабочих и фермеров) по сравнению с 2015 г., что показывает на некоторую активизацию производственного процесса в сельской местности региона в 2020 г. Введение налогового режима «Налог на профессиональный доход» позволил властям региона на начало 2023 г. зарегистрировать в качестве самозанятых более 10 тыс. чел. из числа индивидуальных предпринимателей и неформально занятых граждан республики. Численность занятых в неформальном секторе Республики Бурятия в 2021 году составила 14571 чел., из них работали по найму 63,5%, не по найму – 36,5%. Между тем известно, что реальные цифры намного выше официальных данных. Например, в 2018 г. по данным РБК доля неформально занятых в Бурятии составила треть от общего числа занятых²⁷⁴.

По результатам исследования подтверждается значимость критериев принадлежности граждан к социальным группам. В первую очередь к ним отно-

²⁷⁴ В России выросла неформальная занятость [Электронный ресурс] // РБК. 27.03.2019 URL: <https://www.rbc.ru/economics/27/03/2019/5c9a3ea19a7947d947c377c5> (дата обращения 15 октября 2022).

ются властные и материально-финансовые факторы, обладание которыми в совокупности способствует высокому социальному статусу граждан на иерархической лестнице стратификационной структуры регионального общества.

С учетом стратификации налицо углубление дифференциации населения по слоям в зависимости от возможностей доходов граждан обеспечивать питание, одежду и дорогие товары. Социологическое исследование показало, что большинство населения (77,3 %) считает, что в обществе люди неравны и существуют значительные различия между бедными и богатыми. Неравенство между людьми опрошенные испытывают на себе по-разному. Больше всего чувствуют на себе такую дискриминацию в оплате труда (более половины занятых) – 53,8 %, получении качественного образования – 27,7, осуществлении своих политических прав – 23,8, юридических прав – 29,8 %. Результаты исследования демонстрируют обеспокоенность занятого населения, в частности, при получении заработной платы, т. е. население считает, что начисление оплаты труда производится несправедливо. Данное явление подтверждается недовольством 28,3 % занятых о неправильной оплате труда со стороны работодателя. Половина опрошенных ответила, что трудовых конфликтов на работе у них не возникает. Остальные причины не столь выражены, но все же присутствуют в трудовой деятельности граждан: злоупотребление штрафными санкциями (8,2 %), сокращение гарантированной продолжительности отпуска (4,4 %), нарушение санитарно-гигиенических условий труда (4,3 %) и т. д.

Сложившиеся в результате перемен социально-экономические условия в республике характеризуются неоднозначным положением в связи с наличием рыночно-хозяйственных отношений при активном государственном регулировании. Можно предположить, что при рыночной системе хозяйствования важнейшими факторами социального статуса граждан являются конкурентоспособность, в частности, знания, умения, навыки и компетенции, а также наличие стартового потенциала и значимость таких неформальных факторов, как родственные связи, клановость. Усугубляется социально-экономическая ситуация с проявлениями экономического кризиса, который уже на протяжении десятилетия становится неразлучным спутником экономики региона, повторяющим динамику изменения российской экономики. Кризисные явления оказывают деструктивное воздействие на экономически активное население.

Проведенный обзор формирования и становления социальной структуры трансграничного общества на примере Республики Бурятия показал, что в рассматриваемом обществе реформы происходили под воздействием доминирующей политической системы и производной от нее экономических факторов. Если ранее социоструктурные процессы трансграничных обществ были связаны с военно-административной системой обществ, то в составе российской империи социально-экономическая жизнь полностью зависела от доминирующей системы и служила интересам властей. Крах империи во втором десятилетии XX в. привел к установлению новой политической системы, повлекшей за собой кардинальные изменения общественной жизни. XX век в истории характеризуется ускоренным вхождением кочевых народов в общемировую модернизацию. Социально-классовая структура со всеми прогрессивными и негативными прояв-

лениями оставалась господствующей системой дифференциации населения на протяжении 70 лет. В период постсоциалистической трансформации в региональном обществе Республики Бурятия на основе предыдущей социально-классовой структуры появились новые социальные группы и слои. Доминирующей системой в обществе стал капитализм со значимой долей государственного участия. Преобразования в трансграничном обществе привели к возникновению современных элементов социальной структуры, определяемых на основе степени владения финансовыми ресурсами, собственностью, обладания властью. Кризисные периоды в региональном обществе демонстрируют их производность от процессов общефедерального масштаба. Между тем, возрастает значимость региона, расположенного на межцивилизационном перекрестке, возможности использования его потенциала в интересах продвижения стратегических интересов страны в соответствии с политикой поворота России на Восток.

ЛИТЕРАТУРА

Андреева 2016 – *Андреева А.А.* «Калмыцкий фронтир»: к типологии фронтирной теории // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4(32). С. 130–135.

Базаров 2023 – *Базаров Б.В.* Республика Бурятия в ретроспективе 100-летия: предисловие к юбилею // Трансграничье Востока России в модернизационных процессах XX–XXI вв. (к 100-летию Республики Бурятия): сб. науч. ст. / науч. ред. Б. В. Базаров; ред. кол. М.Н. Балдано [и др.]. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2023. – С. 3–6.

Беляева 2007 – *Беляева Л.А.* И вновь о среднем классе России // Социс. 2007. № 5. С. 3–13.

Буряты 2004 – *Буряты / Д.Д. Нимаев и др.; отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская.* – М.: Наука, 2004. – 632 с.

Бурятия в цифрах 1999 – *Бурятия в цифрах: стат. сб. № 02–3. Ч. 2.* – Улан-Удэ: Госкомстат, 1999. – 52 с.

Влазнев 2007 – *Влазнев Р.В.* Особенности формирования военного сословия в Российской империи в XIX в. // Вестник ТГУ. 2007. Вып. 3. С. 197–200.

Дамешек 1992 – *Дамешек Л.М.* Народы Сибири под русской властью до 1917 г. // Актуальные проблемы межнациональных отношений в Российской Федерации. – Иркутск, 1992. – С. 13–15.

Жалсанова 2021 – *Жалсанова В.Г.* Трансграничье России и Монголии в условиях глобализации и регионализации // Теория и практика общественного развития. 2021. № 10. С. 63–69.

Залкинд 1970 – *Залкинд Е.М.* Общественный строй бурят в XVIII – первой половине XIX в.; отв. ред. Г.Н. Румянцев. – М.: Наука, 1970. – 400 с.

Залкинд 1958 – *Залкинд Е.М.* Присоединение Бурятии к России. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 320 с.

Колосов, Туровский 1997 – *Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Сер. Геогр. 1997. № 5. С. 106–113.

Кучинская 2012 – *Кучинская Т.Н.* Трансграничье как потенциальное пространство соразвития России и Китая // *Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра.* 2012. № 11. С. 51–59.

Митупов 2001 – *Митупов К.Б.-М.* Социальные процессы в Бурятии (90-е годы XX века). – Улан-Удэ: ВСГАКИ, 2001. – 91 с.

Михалев 2019 – *Михалев М.С.* Приграничье – территория скрытых возможностей: к вопросу о корректировке исследовательской парадигмы // *Центр и периферия.* 2019. № 1. С. 4–10.

Михалев 2018 – *Михалев М.С.* Российско-китайское трансграничье: этносоциальные аспекты // *Проблемы Дальнего Востока.* 2018. № 6. С. 123–134.

Русские в Бурятии 2002 – *Русские в Бурятии: история и современность* / отв. ред. В.И. Затеев. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2002. – 578 с.

Санжиев 2002 – *Санжиев Г.Л.* Переустройство социальной структуры кочевых народов в XX веке // *Мир Центральной Азии.* Т. II, ч. I. История. Социология: мат-лы Международ. науч. конф. – Улан-Удэ, 2002. – С. 138–143.

Рандалов 2004 – *Рандалов Ю.Б.* Социальная структура населения в Байкальском регионе: проблемы и противоречия // *Проблемы изменений социальных отношений среди народов Байкальского региона (теоретико-эмпирические аспекты): сб. ст.* – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – С. 12–24.

Тернер 2009 – *Тернер Ф.Дж.* Фронтир в американской истории / пер. с англ. – М., 2009. – 304 с.

REFERENCES

Andreeva, A. A. (2016), “Kalmyk frontier”: towards the typology of the frontier theory”, *Vestnik Kalmyckogo universiteta* [Bulletin of the Kalmyk University], no. 4(32), pp. 130–135.

Bazarov, B.V. (2023), *Respublika Buryatiya v retrospektive 100-letiya: predislovie k yubileyu* [The Republic of Buryatia in retrospect of the 100th anniversary: a preface to the anniversary], *Transgranich'e Vostoka Rossii v modernizacionnyh processah XX–XXI vv. (k 100-letiyu Respubliki Buryatiya)* [Cross-border East of Russia in the modernization processes of the XX–XXI centuries (to the 100th anniversary of the Republic of Buryatia)], in Bazarov, B.V. and Baldano, M.N. (ed.), *Izd-vo BNC SO RAN, Ulan-Ude*, pp. 3–6.

Belyaeva, L.A. (2007), “And again about the middle class in Russia”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 5, pp. 3–13.

Nimaev, D.D. (2004), *Buryaty* [Buryats], in Nimaev, D.D. (ed.), L.L. Abaeva, N.L. Zhukovskaya, *Nauka, Moscow, Russia.*

Buryatiya v cifrah: stat. sb. (1999) [Buryatia in Numbers: Statistical Collection], no. 02–3, ch. 2, Goskomstat, Ulan-Ude.

Vlaznev, R.V. (2007), “Features of the formation of the military class in the Russian Empire in the XIX century”, *Vestnik TGU*, issue 3, pp. 197–200.

Dameshek, L.M. (1992), “The peoples of Siberia under Russian rule until 1917”, *Aktual'nye problemy mezhnacional'nyh otnoshenij v Rossijskoj Federacii*, Irkutsk, Russia, pp. 13–15.

Zhalsanova, V.G. (2021), “Cross-border Russia and Mongolia in the context of globalization and regionalization”, *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, no. 10, pp. 63–69.

Zalkind, E.M. (1970), *Obshchestvennyj stroj buryat v XVIII – pervoj polovine XIX v.* [The social system of the Buryats in the 18th – the first half of the 19th centuries.], in Romyancev, G.N. (ed.), Nauka, Moscow, Russia.

Zalkind, E.M. (1958), *Prisoedinenie Buryatii k Rossii* [Accession of Buryatia to Russia], Buryat. kn. izd-vo, Ulan-Ude, Russia.

Kolosov, V.A. and Turovskij, R. F. (1997), “Modern state borders: new functions in the context of integration and cross-border cooperation”, *Izvestiya RAN, Ser. Geogr.*, no. 5, pp. 106–113.

Kuchinskaya, T.N. (2012), *Transgranich'e kak potencial'noe prostranstvo sorazvitiya Rossii i Kitaya* [Cross-border as a potential space for co-development of Russia and China], *Rossiya i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstviya: sbornik Vostochnogo centra* [Russia and China: problems of strategic interaction: collection of the Eastern Center], no. 11, pp. 51–59.

Mitupov, K.B.-M. (2001), *Social'nye processy v Buryatii (90-e gody XX veka)* [Social processes in Buryatia (90s of the XX century)], VSGAKI, Ulan-Ude.

Mihalev, M.S. (2019), *Prigranich'e – territoriya skrytyh vozmozhnostej: k voprosu o korrekcirovke issledovatel'skoj paradigmy* [Borderland – the Territory of Hidden Opportunities: On the Question of Adjusting the Research Paradigm], *Centr i periferiya* [Center and Periphery], no. 1, pp. 4–10.

Mihalev, M.S. (2018), “Russian-Chinese cross-border: ethno-social aspects”, *Problemy Dal'nego Vostoka*, no. 6, pp. 123–134.

Zateev, V.I. (2002), *Russkie v Buryatii: istoriya i sovremennost'* [Russians in Buryatia: history and modernity], in Zateev, V.I. (ed.), Izd-vo Buryat. Gosuniversiteta, Ulan-Ude, Russia.

Sanzhiev, G.L. (2002), “Reorganization of the social structure of nomadic peoples in the XX century”, *Mir Central'noj Azii*, vol. II, ch. I. *Istoriya. Sociologiya* [World of Central Asia. T. II, part I. History. Sociology]: mat-ly Mezhdunarod. nauch. Konf, Ulan-Ude, Russia, pp. 138–143.

Randalov, YU.B. (2004), “Social structure of the population in the Baikal region: problems and contradictions”, *Problemy izmenenij social'nyh otnoshenij sredi narodov Bajkal'skogo regiona (teoretiko-empiricheskie aspekty)*, Izd-vo BNC SO RAN, Ulan-Ude, pp. 12–24.

Turner, F.Dzh. (2009), *Frontir v amerikanskoj istorii* [Frontier in American history], Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дамдин Доржиевич Бадараев, доктор социологических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия; 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; damdin80@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Damdin D. Badaraev, Sc. D. (Sociology), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia; bld.6, St. Sakh'yanovoi, Ulan-Ude, Russia, 670047; damdin80@mail.ru.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-334-355

Монголия между революцией Синьхайской (1911) и революцией Монгольской (1921)²⁷⁵

Борис В. Базаров

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия, bazarov60@mail.ru
ORCID 0000-0001-5326-1317

Леонид В. Курас

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия, kuraslv@yandex.ru
ORCID 000-0003-4507-249X

Аннотация. В статье рассматриваются основные этапы становления монгольской государственности в первой четверти XX в. и роль Российской империи, а затем Советской России в этом процессе, который растянулся на долгие 10 лет – 1911–1921 гг. К череде этих этапов, которые оставили значимый след в истории Монголии XX в. и в истории русско-монгольских отношений, относятся создание монгольского государства в 1911 г., подписание русско-монгольского Соглашения 1912 г, русско-китайской Декларации 1913 г., Кяхтинского соглашения 1915 г. между Россией, Китаем и Монголией и, наконец, Монгольская революция 1921 г. При этом подчеркивается, что процесс, кажущийся локальным, втянул в свою орбиту, кроме Монголии, Россию, Китай, Японию и США. Поэтому кроме дипломатических и торгово-экономических шагов в деле становления монгольской государственности предпринимались и военные усилия, когда Монгольская революция 1921 г. стала фактическим продолжением Гражданской войны в России – «революции в Колчакии».

Ключевые слова: Монгольская государственность, Синьхайская революция 1911 г., русско-монгольское соглашение 1912 г., русско-китайская декларация 1913 г., тройственное кяхтинское соглашение 1915 г., Монгольская революция 1921 г.

Для цитирования: Базаров Б.В., Курас Л.В. Монголия между революцией Синьхайской (1911) и революцией Монгольской (1921) // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 336–357. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-334-355.

²⁷⁵ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054/>.

Mongolia between the Xinhai revolution (1911) and the Mongolian revolution (1921)

Boris V. Bazarov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia, bazarov60@mail.ru
ORCID 0000-0001-5326-1317

Leonid V. Kuras

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia, kuraslv@yandex.ru
ORCID 000-0003-4507-249X

Abstract. *The article examines the main stages of formation of the Mongolian's statehood in the 1st quarter of XX c. and the role of the Russian Empire, and then Soviet Russia in this process, which has been lasting for 10 years – 1911–1921s. To the series of the stages, which have left a significant mark in the history of Mongolia in XX c. and in Russian-Mongolian relationships, include the formation of the Mongolian state (1911), the signing of the Russian-Mongolian Agreement (1912), the Russian-Chinese Declaration (1913), the Treaty of Kyakhta (1915), and, eventually, the Mongolian revolution (1921). Along with that, the process, which had been thought of as local, involved not only Mongolia, Russia and China, but also Japan and the USA. So, not only diplomatic and trade-economic steps in the Mongolian statehood have been made, but so have military efforts, when the Mongolian revolution (1921) has become the factual sequel of the Civil war in Russia – «the Kolchakia revolution».*

Key words: *Mongolian's statehood, the Xinhai Revolution (1911), the Russian-Mongolian agreement (1912), the Russian-Chinese declaration (1913), the Treaty of Kyakhta (1915), the Mongolian revolution (1921).*

For citation: *Bazarov, B.V. and Kuras, L.V. (2023), "Mongolia between the Xinhai revolution (1911) and the Mongolian revolution (1921)", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 336–357. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-334-355.*

Политика Российской империи в отношении Монголии в начале XX в.

В историографии XX–XXI вв. значительное внимание уделяется вопросам внешнеполитических, межгосударственных и дипломатических отношений между Россией, Китаем и Монголией [Дацъшен 2000; Лузянин 2002; Курас 2016], связям Китая с США и позиции США в отношении происходящих в Китае изменений, японо-китайским контактам времен Синьхайской революции, отношению японских политических кругов к событиям в Китае и стремлению Японии оказывать влияние на Китай в своих интересах, а также позиции Японии по отношению к Монголии [Батбаяр 2002]. Но в рамках поставленной проблемы мы сосредоточим наше внимание на современной российско-монгольской историографии политики Российской империи в отношении Монголии в начале XX в., предшествовавшей Синьхайской революции. Так,

монгольские ученые в большей мере акцентируют внимание на внутренних противоречиях политической элиты России в начале XX в., хотя представители политических, военных и торгово-промышленных кругов Российской империи однозначно рассматривали Монголию, находившуюся под влиянием империи Цин, как существенную часть политики правительства северного соседа [Батсайхан 2014, с. 19]. Среди политических лидеров императорской России периода Русско-японской войны были сторонники отделения Монголии от Маньчжурии и приведения ее в русло японских интересов. Другая партия желала, чтобы Монголия сблизилась с Китаем и вела непримиримую борьбу с Японией, дабы осуществить свои дальневосточные задачи чужими руками. Что касается российского генералитета, жаждавшего реванша за поражение в Русско-японской войне 1904–1905 гг., то он рассматривал события 1911 г. как благоприятную ситуацию, чтобы присоединить Монголию к России, мотивируя это тем, что Халха не готова стать самостоятельным государством и «исторически не имеет предпосылок для автономного управления государством, поскольку кадров государственных деятелей военачальников и финансистов не имеется» [Батсайхан 2014, с. 19–20]. В современной российской историографии уделяется особое внимание роли российской внешней разведки по реализации планов российского генералитета. Так, в 1906 г. при штабе Приамурского военного округа был создан особый разведывательный отдел, осуществлявший внешнюю разведку в Северной Маньчжурии, Корее и Японии. Непосредственно «за ведение разведки в Восточной Монголии и в приграничных районах Северо-Восточного Китая близ ст. Маньчжурия отвечал разведотдел штаба Иркутского военного округа» [Падалко 2004, с. 80; Алепко, Жабицкий 2012, с. 220]. Кроме того, «ведением разведки на территории Китая продолжали заниматься российские консульства, разведотдел штаба Заамурского округа ОКПС, пограничные и военные комиссары, а также российские военные атташе. При добывании информации российские спецслужбы особое внимание уделяли... политической, экономической и военной обстановке в Маньчжурии, Монголии, Японии...» [Алепко, Жабицкий, 2012, с. 222]. В 1907 г. для ведения разведки в Северо-Восточном Китае были открыты семь дипломатических бюро под видом исполнения консульских функций, в том числе в Урге (Внешняя Монголия) [Там же]. Монгольский исследователь О. Батсайхан подчеркивает, что российские промышленники и предприниматели выступали с самостоятельной позицией, высказываясь за содействие стремлению монголов к государственной самостоятельности и установлению протектората над этой страной, но не для того, чтобы ввозить товары в Монголию, а для того, чтобы вывозить продукты животноводства из Монголии в Россию [Батсайхан 2014, с. 20]. Важно отметить, что в последующем именно эта позиция нашла свое отражение в монголо-российском Соглашении о дружбе, заключенном в октябре 1912 г. и в Кяхтинском соглашении 1915 г. Современная монгольская историография указывает и на наличие сторонников развития партнерских торговых отношений России с Монголией, которые высказывались за создание автономной Монголии под протекторатом Китая. И, наконец, О. Батсайхан выделяет еще одну точку зрения: «Монголия – монголам». Суть ее заключалась в том, что Монголия не в состоянии защитить свою независимость как от Китая, так и от России, и по-

тому необходимо создать автономное буферное государство под покровительством союза европейских государств [Там же, с. 22]. В плане поставленной проблемы, несомненно, интересна позиция российских монголоведов. Сразу же следует отметить, что пристальный интерес России к Монголии начинается с XVII в. При этом интерес этот устойчивый и постоянный [Белов 1999; Единархова 2003; Кузьмин 2002; Старцев 2003]. При этом научный интерес и публикаторская активность оказались столь значительными, что это позволило осуществить историографическое обобщение проблемы. По свидетельству Е.М. Даревской за 50 лет, начиная с 1870 г., в Монголии работало 150 экспедиций различного профиля [Даревская 1994] и к началу XX в. Монголия превратилась в конгломерат полуколоний мировых держав, которые уже завершили раздел мира на колонии и боролись за передел уже поделенного мира. Поэтому ситуация в полуколониях определялась их включением в важнейшие договорные документы ведущих мировых держав, в соответствии с которыми в некоторых полуколониях вызревали внутренние и внешние предпосылки возникновения новых суверенных государств. Это в полной мере относилось и к Монголии, которая искала точку опоры на стороне [История Монголии 2007, с. 18]. Положение Монголии накануне Синьхайской революции 1911 г. особо выделяется российской историографией и характеризуется, с одной стороны, нависшей угрозой превратиться из привилегированной части империи с самобытной культурой в заурядную китайскую провинцию с преобладающим ханьским населением. Так, по данным Уполномоченного императорского русского правительства в Монголии в августе 1912 – мае 1913 г. И.Я. Коростовца, в 1910-е годы «китайцев насчитывают в куренях и маймаченах до 25 000, тогда как русских не больше пятисот» [Коростовец 2004, с. 205]. Известный монголовед И.И. Ломакина подчеркивает, что почти все «скотоводы – жители Степи ... жили в долг китайским торговцам, расплачиваясь за набранные товары первой необходимости ожидаемым приплодом скота» [Ломакина 2006, 61]. С другой стороны, положение Монголии в рассматриваемый период не характеризуется столь трагично. Коллектив авторов «История Монголии. XX век» указывает на вовлечение Монголии в орбиту широких межгосударственных отношений. Исследователи подчеркивают, что светские и духовные феодалы Внешней и Внутренней Монголии отдавали себе отчет в том, что последствием такого положения «может быть не только разрыв с Пекином и успешное противостояние ему, но и чрезмерное усиление позиций России в Монголии в условиях острой конфронтации последней с южным соседом» [История Монголии 2007, с. 29]. Для понимания всей важности Монголии для России и, особенно, для Сибири, несомненно, большое значение имеет письмо знаменитого русского монголоведа Б.Я. Владимирцова ученому-монголоведу и общественному деятелю А.В. Бурдукову от 25 июня 1912 г., где среди прочего автор письма указывает: «Никто в России не понимает, насколько важна Монголия России, в особенности Сибири. Да и никто не знает и не понимает, что Монголия – это не Маньчжурия. Но в последнее время в обществе постепенно стали понимать это». Именно этот аспект нашел широкое отражение в публикациях представителя Иркутской школы монголоведения Е.И. Лиштованного, в которых особое внимание занимает сибирский компонент [Лиштованный 2002, 2013]. В данном контексте

хотелось бы дать общее представление о некоторых конкретных целях и направлениях исследований, связанных с проблематикой Синьхайской революции на примере современных публикаций российских и монгольских ученых.

Синьхайская революция и провозглашение независимости Монгольского государства

В духе научных исследований советского периода российские исследователи-китаисты до сих пор стремятся определить характер Синьхайской революции, оценить её результаты, место и значение для последующего развития Китая. Среди тем, связанных с Синьхайской революцией и вызывавших основную полемику и дискуссии, имеет место, прежде всего, определение характера Синьхайской революции (буржуазная или буржуазно-демократическая), а также вопрос о победе или поражении этой революции. Революция по своему типу определяется как буржуазная, однако реального перехода государственной власти к буржуазии не было. Кроме того, сохранилось влияние иностранных держав на Китай. В то же время отмечаются и положительные аспекты Синьхайской революции и прежде всего потому, что события 1911–1913 гг. привели к свержению монархии в Китае, открыв народу путь к борьбе за демократию. Однако в русле поставленной нами проблемы особый интерес представляют русско-китайские отношения через призму монгольского вопроса. В этом отношении особый интерес представляет монография Е.А. Белова, в которой подчеркивается, что к 1911 г. русско-китайские отношения приобрели напряженный характер, особенно после поражения России в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В этот период в Китае осуществлялась военная реформа, опережающими темпами осуществлялось железнодорожное строительство с привлечением иностранного капитала, намечалась прокладка железных дорог в Монголии и Маньчжурии до границы с Россией, строился военный флот, в широких масштабах проводилась колонизация Внутренней Монголии и Маньчжурии. Не случайно в правительственных и общественных кругах России видели в Китае реальную военную угрозу. Царское правительство намерено было принять превентивные меры для ликвидации этой угрозы. Поэтому, когда в декабре 1911 г., во время начавшейся в Китае Синьхайской революции, халхаские князья и высшие ламы провозгласили независимость Монголии и взяли курс на создание из Северной и Западной Монголии буферного государства [Белов 1999, с. 3], царскому правительству удалось в значительной мере решить эту задачу, когда в 1915 г. по русско-китайско-монгольскому соглашению, подписанному в Кяхте, Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) получила широкую автономию, официально оставаясь в составе Китая. В то же время монгольские ученые О. Батсайхан и Ж. Урангуа рассматривают события в Монголии не как следствие Синьхайской революции, а как самостоятельное явление. Это, во-первых, не соответствует реальному ходу исторических событий, а во-вторых, принижает заслуги российской дипломатии, которая фактически создала основу для возникновения монгольской государственности и выступала ее гарантом [Батсайхан 2014;

Урангуа, 2013]. Так, О. Батсайхан подчеркивает, что «в 1911 г. монголы освободились от маньчжурского государства Цин и провозгласили восстановление независимости...» [Батсайхан 2014, с. 51]. Именно поэтому необходима взвешенность позиций и оценок исторических событий столетней давности и коллектив авторов «Истории Монголии. XX век» в этой связи подчеркивает: «В июле 1911 г., когда происходил крах Маньчжурской империи и администрация режима династии Цин теряла контроль над событиями в политически раздробленном Китае и в Монголии, в Урге во главе с Джебцундамба-хутухтой состоялось тайное совещание 18 наиболее влиятельных князей, на котором... было принято решение воспользоваться благоприятной обстановкой начавшейся в Китае революции для провозглашения независимости страны» [История Монголии 2007, с. 28].

С этим утверждением созвучны и мнения молодых исследователей, чьи диссертации пополнили российскую историографию, и которые подчеркивают, что именно «Синьхайская революция 1911–1913 гг. в Китае стала поворотным моментом борьбы за независимость монголов» [Батунаев 2013; Мажинский 2014], «спровоцировала национально-освободительные движения на окраинах Цинской империи и привела к ее распаду. Первой территорией, которая выделилась из состава Цинской империи, была Халха (Внешняя Монголия), где возникло мощное народное движение». В сборнике документов, подготовленном Л. Дэндэвом, прямо указывается, что причина провозглашения независимости Внешней Монголии лежала в бедственном положении империи, о чем зимой 1911 г. сообщалось телеграммой маньчжурскому правительству: «В течение двухсот с лишним лет Монголия пользовалась особым расположением к себе богдыханов и не собирались никогда прекращать служить империи Цин верой и правдой, делить с ней радость и горе. Но в течение последних десятилетий стержень власти, к сожалению, покачнулся, пограничные наместники и чиновники центральных ведомств начали грубо попираять законы, занялись поборами и взятками. В результате, нет сейчас в мире более дикого и заброшенного угла» [Дэндэв 2003]. Более того, по оценке Е.А. Белова «вместе с загнивающей империей Цин Монголия катилась в пропасть» и «оказалась наиболее слабым звеном империи» [Белов 1992]. В чем же созвучна современная российская и монгольская историографии? Прежде всего, в оценке самой сути свержения цинской монархии, крах которой поставил перед Монголией непростую задачу формирования новых общественно-политических структур и построения качественно новых государственных отношений.

29 декабря 1911 г. прошла торжественная церемония возведения Богдогэгэна VIII Джебцундамба-хутухты на государственный престол. Монголы провозгласили его правителем-ханом Монгольского государства, что означало образование независимого государства. Таким образом, следует отметить несомненный интерес российских специалистов к изучению истории Синьхайской революции. Однако китайская революция через призму образования Монгольского государства представлена в российской историографии недостаточно полно. Что касается монгольской историографии, то эта проблема пока также не стала объектом пристального внимания.

Русско-монгольское Соглашение 1912 г. и русско-китайская Декларация 1913 г.

Монгольское государство, возникшее как результат победы Синьхайской революции, до 1915 г. не получило международного признания и оставалось непризнанным, хотя и независимым, суверенным государством. Оно осуществляло самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику и выступало субъектом международных отношений де-факто. При этом Монголия находилась в экономической и политической зависимости от Российской империи. Этим и объясняется тот факт, что в современной монгольской и российской историографии важные дипломатические шаги, предпринятые Россией после Синьхайской революции и вылившиеся в подписание русско-монгольского соглашения 1912 г. и русско-китайской декларации 1913 г., не имеют должного отражения [Батсайхан 2013]. Указанные дипломатические акты получили серьезную оценку в последние десятилетия в публикациях Е.А. Белова [1993, 1999], Н. Ариунгуа [2013], Ц. Батбаяра [2013] и О. Батсайхана [2014], Н. Хишигт [2013], хотя, конечно, так или иначе, упоминаются и в других публикациях [Белов 1999; Бекетова 2009; Дудин 2011]. Так, Е.А. Белов акцентирует внимание читателя на том, что Китай изначально был «против независимости Халхи, но не имел возможности прибегнуть к насильственным действиям», хотя и выступал против посредничества России в переговорах Пекина и Урги.

Одновременно с этим царское правительство решило «взять монгольский вопрос полностью в свои руки и самому вести переговоры по нему с Китаем непосредственно» [Белов 1991, 1993, 1999]. Тем самым Россия жестко проводила собственную политику с целью «утвердить там свое безраздельное влияние». Что касается «защиты интересов монгольских феодалов», то «они занимали второстепенное место в политике царизма». Хотя требования российской дипломатии по отношению к Пекину «не вводить в Халху китайские войска, не колонизировать ее земли и не устанавливать в ней китайскую администрацию, безусловно, были в интересах монголов» [Белов 1991, с. 57].

Хочется отметить, что позиция современной монгольской историографии в освещении этой проблемы созвучна с российской историографией. Так, О. Батсайхан подчеркивает, что «в условиях, когда... Китай, свергнув маньчжурское иго, претендовал на роль правопреемника маньчжурского государства, перед монголами стояла задача сохранения и защиты своей приобретенной в результате всеобщего подъема национально-освободительной борьбы независимости, прежде всего, через ее признание соседними государствами» [Батсайхан 2014, с. 34]. И хотя Россия предпринимала серьезные усилия, чтобы «не ухудшить взаимоотношения с Китаем» «избегая прямого признания независимости Монголии», тем не менее, российская дипломатия делала конкретные шаги и для подготовки договора между Россией и Монголией. При этом исследователь конкретизирует, что подписанный в 1912 г. договор о дружбе между Россией и Монголией не просто определял характер отношений между странами, но и стал первым международным правовым документом, определившим статус Монголии и имевшим определяющее значение для выхода страны на международную арену [Там же, с. 35].

В самом процессе подготовки и подписания 3 ноября 1912 г. Соглашения и протокола к нему авторы «Истории Монголии» обращают внимание на тот факт, что решение этого вопроса в определенной степени зависело не только от России и Китая, но и от «других держав – Японии, США, Англии, Франции, Германии, не желавших... нарушения баланса сил, сложившегося в регионе Центральной Азии и Дальнего Востока на пороге Первой мировой войны» [История Монголии 2007, с. 37]. Причем эти державы в большинстве своем «поддерживали Китай в его противоборстве с Россией и Монголией и игнорировали неоднократные предложения богдо-хана и его правительства установить дипломатические и торговые отношения» [Там же, с. 39]. Поэтому не случайно, подчеркивают авторы коллективного труда, что в этих условиях именно Россия стала гарантом монгольского правительства «в деле сохранения институтов монгольской государственности, формирования вооруженных сил, недопущения китайской колонизации и ввода китайских войск» [Там же]. Но при этом акцентируется внимание на том, что «Китай, ввиду его непримиримой позиции, остался за рамками переговоров» [Там же].

В своей монографии О. Батсайхан подчеркнул, что текст соглашения был сразу опубликован в США, Японии и других государствах. Следом за текстом документа были опубликованы аналитические статьи, в которых соглашению давалась высокая оценка, и утверждалось, что его подписание определило дальнейшие отношения между Монголией, Россией и Китаем [Батсайхан 2014, с. 139]. Следует подчеркнуть еще один созвучный аспект российской и монгольской историографии – высокую оценку профессионализма Уполномоченного императорского Российского правительства в Монголии Я.И. Коростовца в подготовке и подписании соглашения и виртуозность многоходовой комбинации, которая заложила будущие, более широкие международные связи.

Все это стало болезненным ударом для Китая, который по-прежнему имел намерения оставить Монголию под своей юрисдикцией. Это привело к подготовке и подписанию русско-китайской декларации от 5 ноября 1913 г., которая также нашла отражение в современной российской и монгольской историографии. Следует подчеркнуть, что современная российская историография справедливо рассматривает русско-китайскую декларацию как продолжение русско-монгольского соглашения 1912 г., создавшего правовое поле для повышения статуса Монголии в системе международных отношений.

Причем согласованность действий позволила России и Монголии «успешно противостоять потенциально возможным японскому и американскому вариантам развития событий». По первому варианту Япония оттеснила бы Россию и осуществила бы влияние на Внешнюю и Внутреннюю Монголию и на весь Северо-Восточный Китай. При таком развитии событий легитимность монархии богдо-хана была бы сведена на нет, и Монголия вернулась бы в «лоно» преемника Цинской империи – республиканского Китая «в статусе обычной китайской провинции» [История Монголии 2007, с. 41]. Второй вариант означал однозначную ориентацию США на режим Юань Шикая, на принципы «открытых дверей»

в отношении всего Китая [Там же]. К этому следует добавить, что стремление Урги отвоевать у Китая Внутреннюю Монголию и начавшиеся боевые действия не имели никаких перспектив и потому не увенчались успехом. Е.А. Белов подробно рассматривает весь ход боевых действий, против которых решительно возражало царское правительство, соблюдая условия секретного русско-японского договора 1907 г. о разделе сферы влияния в отношении Китая [Белов 1999, с. 91–92]. И дело даже не в том, что Россия ни материально, ни дипломатически не поддержала Ургу в этом предприятии, а в явном военной превосходстве китайцев и отсутствии поддержки со стороны местного монгольского населения. Поэтому естественным ходом развития событий стало подписание 5 ноября 1913 г. русско-китайской Декларации, в соответствии с которой Внешняя Монголия (Халха и Кобдоский округ) получила широкую автономию в составе Китая, который сохранял над ней сюзеренитет [Там же, с. 97]. Однако переговоры не были победным маршем. Из-за непримиримости позиций сторон по монгольскому вопросу, переговоры шли медленно и трудно. Но основная заслуга российской делегации, как подчеркивает Е.А. Белов, заключается в том, что в декларации, хотя и «не упоминалось русско-монгольское соглашение, но его содержание полностью вошло в текст этого документа» [Там же, с. 110].

Таким образом, современная российско-монгольская историография звучна в оценке дипломатических шагов Российской империи как важнейшего этапа будущего тройственного Кяхтинского соглашения 1915 г., способствовавшего формированию Кяхтинской тройственной системы.

Тройственное Кяхтинское соглашение 1915 г.

Тем не менее, некая двойственность, определенная незавершенность и недосказанность дипломатических актов 1912 и 1913 гг. поставила перед дипломатическими кругами России, Китая и Монголии задачу скорейшей подготовки тройственного акта, в котором можно было снять все имевшиеся политические противоречия. Подготовка и подписание такого соглашения нашло широкое отражение в современной российской и монгольской историографии, которые отмечают всю сложность и нестандартность ситуации, возникшей в ходе восьмимесячной работы конференции по подготовке подписания заключительного документа. Об этом красноречиво говорит уже и факт, на котором акцентирует наше внимание современная историография: на конференции было представлено три готовых проекта, принципиально отличающихся друг от друга в трактовке статуса Монголии. Первый – китайский проект предполагал превращение Монголии в обычную провинцию Китая; второй – российский проект исходил из идеи широкой автономии Монголии под сюзеренитетом Китая; третий – монгольский проект отстаивал государственную независимость Монголии [Дугаров 2004, с. 42]. Для объективной оценки важнейшего для Монголии и международного права дипломатического акта особую важность представляет монография монгольского ученого О. Батсайхана «Независимость Монголии и тройственное Кяхтинское соглашение Китая, России и Монголии 1915 г.», опубликовавшего про-

токолы всех заседаний тройственной конференции [Батсайхан 2002], которые позволяют непредвзято оценить всю сложность и все перипетии договорного процесса.

В современной российской и монгольской историографии подробно анализируется весь ход восьмимесячных переговоров, которые увенчались победой российского варианта [Батсайхан 2014; Белов 1991 1993; Даревская 1994; История Монголии 2007; Коростовец 2009; Кузьмин 1991, 1997; Батбаяр 2013]. Это стало «окончательным международно-правовым оформлением автономного статуса Монголии, тем самым позитивно решив «монгольский вопрос» [Батсайхан 2002]. Кяхтинское соглашение определило внутренний и международный статус Внешней Монголии, получившей широкую автономию с правом заключать экономические соглашения и договоры с иностранными государствами. Протокол 1912 г. и соглашение 1913 г. были признаны имеющими полную силу. Но будучи под контролем Российской империи, подчеркивает российская историография, Монголия, фактически, могла заключить такие договоры лишь собственно с Россией и Тибетом [История Монголии 2007, с. 42].

Современная российско-монгольская историография дает высокую оценку итогам переговоров, хотя они в полной мере не отвечали требованиям монгольской стороны объединения Внешней и Внутренней Монголии. Тем не менее, это было единственным оптимальным решением с точки зрения формирования благоприятной геополитической ситуации в регионе и для создания легитимной монгольской государственности. Но для современного читателя представляется наиболее важной оценка блестящего российского ученого и дипломата, занимавшего пост директора Второго департамента МИД Российской империи барона Б.Э. Нольде, сделанная уже в эмиграции, и приведенная в исследовании Я.И. Коростовца: «Создание Монголии – одно из крупных дипломатических достижений императорской России» [Белов 1999, с. 127; История Монголии 2007, с. 43]. Следует отметить еще один важнейший шаг российской дипломатии, который был сделан при подготовке Кяхтинского соглашения. Так, заботясь об укреплении своих дальневосточных границ, Россия осуществила практически безболезненное присоединение к империи тюркоязычного ламаистского Урянхая, что было связано с проблемой определения линии прохождения российско-китайской границы. И если в работе архитектора дальневосточной политики России начала XX в., блистательного российского дипломата Я.И. Коростовца этот факт вызывает законную гордость [Там же, с. 259], то в современном российском монголоведении эта несомненная дипломатическая победа осталась за бортом научных интересов и получила звучание совсем недавно, в работе международной конференции «Единая Тува в единой России: история, современность, перспективы», проходившей в связи с празднованием в 2014 г. столетия единения России и Тывы. Между тем, в первой четверти XX в. эта акция Российской империи стала причиной сближения Китая и Монголии и даже конфликта России и Монголии сразу же после победы Монгольской революции 1921 г.

Следует обратить внимание еще на один аспект современной российско-монгольской историографии по истории Кяхтинского соглашения, на который указывает известный российский монголовед В.В. Грайворонский: «В современной монгольской историографии и учебниках для вузов при освещении итогов Кяхтинской конференции, как правило, явно доминирует точка зрения, что в результате этих переговоров Монголия, несмотря на жесткое отстаивание своей позиции, под давлением двух великих держав – Китая и России была вынуждена согласиться на ограничение реально существовавшего статуса независимого государства, как от Китая, так и от России, на признание статуса широкой автономии под сюзеренитетом Китая. Это, действительно, неоспоримый исторический факт. При этом при оценке итогов конференции основной акцент обычно делается, прежде всего, на негативных результатах, на факте вынужденного отступления, «поражения» Монголии. Главными виновниками этого «поражения» в равной степени называются Китай и Россия, которые сговорились между собой и навязали свое решение Монголии» [Грайворонский 2015, с. 97]. В результате такой трактовки у молодых монгольских читателей, студентов и школьников складывается недостаточно объективный, односторонний и даже негативный образ России. Тем самым получается, что Россия на протяжении всего XX в. проводила в отношении Монголии только великодержавную политику, преследуя только свои национальные цели и интересы. Получается, что не было никакой разницы между политикой царской России и советской России в отношении Монголии, с чем нельзя согласиться. Именно поэтому В.В. Грайворонский стремится обратить внимание монгольских коллег-историков и преподавателей истории на то, что при оценке и освещении важнейших, сложных, неоднозначных и противоречивых событий в истории российской/советско-монгольских отношений в XX в. необходимо исходить не только из национальных интересов Монголии, занимаясь поисками и перечислением всех случаев того, кто, какая страна, когда и каким образом, ущемляли интересы монголов и Монголии в прошлом, но более полно, всесторонне, объективно, взвешенно и непредвзято излагать ход исторических событий, в том числе и роль России в истории Монголии XX в.

От революции 1917 г. в России к революции 1921 г. в Монголии

Важнейшим направлением раскрытия проблемы стала революция 1917 г. в России, в результате победы которой было создано первое в мире социалистическое государство. Именно революция 1917 г. дала новый толчок к развитию революционного, демократического и национально-освободительного движения во всем мире [Минц 1977–1979]. Именно российская революция 1917 г. стала базовым компонентом для революции в Монголии 1921 г., что находит подтверждение и воплощение в монгольской историографии [Ширендыб 1959, 1963, 1997, 1999].

В современной российской и монгольской историографии этот компонент не нуждается в доказательствах. Важное место в раскрытии проблемы занимает такой сегмент как участие бурятских национальных демократов в

революции 1921 г., что получило развитие на монографическом уровне [Жабаева 2001]. Об интересе к проблеме красноречиво говорит наличие историографической монографии А.В. Михалева [Михалев 2006]. При этом следует отметить, что в оценке деятельности бурятских демократов, особенно Э.-Д. Ринчино, у российских и монгольских ученых имеются расхождения [Жабаева 2001; Батсайхан 2014]. Тем не менее, хочется выделить еще один аспект, объединяющий взгляды монгольских и российских ученых: революционные события 1911 и 1921 гг. рассматриваются как звенья одной цепи единого революционного процесса [Пунсалдулам, Хишигт 2006].

Однако революционным событиям в Монголии предшествовали долгие годы складывания национального движения бурят на базе сначала «культурнического панмонголизма», а затем Бурнацкома – Бурнардумы, что и привело бурятских демократов в Монгольскую революцию, а затем способствовало созданию бурятской национальной автономии в составе РСФСР. Этот аспект изучен наиболее полно как на диссертационном, так и на монографическом уровнях [Бабаков 1997; Жабаева 2001]. Особое внимание в российской и монгольской историографии уделено проблеме российско-монгольского военного сотрудничества, что удалось воплотить в двухтомном издании документов и материалов, большинство из которых впервые введено в научный оборот [Российско-монгольское... 2008, 2019]. Однако в российско-монгольской историографии никогда не поднималась проблема революционного процесса всего монгольского мира в целом, хотя в этом процессе не просто много общего. Самое важное то, что отличает этот процесс – это общая идея – панмонголизм [Жабаева 2000; Кузьмин 2015; Курас 2004, 2011]. И если в начале XX в. – это было два ручья: а) бурятские национальные демократы; б) правительство автономной Монголии во главе VIII Богдо Джебцзундамба-хутухты, то после подписания в 1915 г. Кяхтинского тройственного соглашения, идея начала перерастать в идеологию, а позднее – в государственную политику. И хотя проблема панмонголизма уже может стать темой для самостоятельного историографического анализа, в российской и монгольской историографии рассматриваются лишь отдельные аспекты темы, касающиеся революции 1921 г., хотя здесь и присутствует оценочное суждение места и роли революции 1921 г. в истории Монголии XX в. [Хишигт 2007, 2011], роли и места атамана Г.М. Семенова и барона Ф.Р. Унгерна в революционных событиях [Курас 1997, 1999; 2000, 2001, 2007, 2008, 2011]; степени участия бурятских демократов в революции и национально-государственном строительстве [Базаров 2012; Жабаева 2012]. Но при этом единство революционного процесса монгольского мира на базе панмонголизма в историографии не прослеживается.

При рассмотрении проблемы мы обращаем особое внимание не только на этно-конфессиональный, но и на историко-географический фактор проблемы. То есть, единство революционного процесса монгольского мира мы рассмотрим лишь относительно бурят и монголов в силу этнической, конфессиональной, исторической и географической близости народов. Таким образом, проблема революционного процесса монгольского мира в первой четверти XX в., несомненно, выходит за рамки локаль-

ного процесса. И дело даже не только в том, что эти события способствовали революционизации всей Азии. В этом процессе просматривается влияние российской революции 1905–1907 гг. на характер и движущие силы Синьхайской революции в Китае 1911 г., а также Февральской и Октябрьской революций в России 1917 г. на характер и движущие силы Монгольской революции 1921 г.

ЛИТЕРАТУРА

Алепко, Жабицкий 2012 – *Алепко А.В., Жабицкий А.К.* Российская разведка в Северо-Восточном Китае (1896–1914 гг.). – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2012. – 309 с.

Ариунгуа 2013 – *Ариунгуа Н.* Русско-Монгольский договор 1912 года как подспудное начало независимости Внешней Монголии. В кн.: Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 120–130.

Бабаков 1997 – *Бабаков В.В.* Бурнацком – Бурнардума: первый опыт национально-государственного строительства в Бурятии. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 1997. – 21 с.

Базаров 2012 – *Базаров Б.В.* Бурятские национальные демократы в монгольских революциях первой четверти XX века. В кн.: Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин Үеийн туухийн судалгаа (Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэд). 2011 оны 7 дцгаар сарын 6–7. – Улаанбаатар: «Соембо принтинг» ХХК-й хэвлэв 2012. – С. 178–181.

Бакетова 2009 – *Бакетова О.Н.* Монголия в международных отношениях первой половины XX в.: борьба за независимость. Автореф. дис. канд. ист. наук. – Иркутск, 2009.

Батбаяр 2013а – *Батбаяр Ц.* 1912 оны Монгол-Оросын хэлэлцээр ба Юань Шикайн байр суурьтай холбоотой зарим. В кн.: Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 105–119.

Батбаяр 2002 – *Батбаяр Ц.* Монголия и Япония в первой половине XX века. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 2002. – 229 с.

Батбаяр 2013б – *Батбаяр Ц.* Монгольско-российское соглашение 1912 года и некоторые вопросы о позиции Юань Шикая (1912 Оны монгол-оросын хэлэлцээр ба Юань Шикайн. В кн.: Россия и Монголия на рубеже XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура. Сборник научных трудов. – Улан-Батор-Иркутск: БГУЭП, 2013. – С. 128–133.

Батсайхан 2013 – *Батсайхан О.* VIII Богдо Жавзандамба-хутухта – руководитель и отец Монгольской национальной революции 1911 года // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 3 (11). С. 121–137.

Батсайхан 2014а – *Батсайхан О.* Монголия на пути к государству-нации (1911–1946) / отв. ред. В.Б. Базаров. – Иркутск-Улан-Удэ: Оттиск, 2014. – 384 с.

Батсайхан 2002 – *Батсайхан О.* Монголын тусчаар тогтнол ба хятад, орос, монгол гурван улсын 1915 оны хиагтын гэрээ (1911–1916). – Улан-Батор: 2002.

Батсайхан 2014б – *Батсайхан О.* Национальная революция Монголии 1911 года: мечта графа Н.Н. Муравьева-Амурского и независимость Монголии. В кн.: Приграничное сотрудничество: исторические события и современные реалии. Материалы Международной науч. конференции, посвящ. 75-летию Победы советских и

монгольских войск на реке Халхин-Гол. 17–18 сентября 2014 года. – СПб.: Синэл, 2014. – С. 50–59.

Батунаев 2013 – *Батунаев Э.В.* Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2013. – 23 с.

Белов 1991а – *Белов Е.А.* Баргинский вопрос в русско-китайских отношениях (1912–1915 гг.). В кн.: 23-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. – М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1991. – С. 72–76.

Белов 1992 – *Белов Е.А.* К истории русско-китайских отношений в период революции 1911–1913 гг. в Китае. В кн.: 24-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1992.

Белов 1991б – *Белов Е.А.* Позиции России и Китая в отношении Монголии после провозглашения ее независимости (1911–1912 гг.). В кн.: 22-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. – М., 1991.

Белов 1999 – *Белов Е.А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.) / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М.: ИВ РАН, 1999. 239 с.

Белов 1993 – *Белов Е.А.* Русско-китайские отношения 1911–1915 гг. Автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 1993. 36 с.

Грайворонский 2015 – *Грайворонский В.В.* Кяхтинское соглашение 1915 года и современные отношения между Россией, Монголией и Китаем. В кн.: Россия и Монголия в первой половине XX века: концептуальные вопросы российско-монгольских отношений (дипломатия, экономика, наука): сб. науч. тр. – Улан-Батор; Иркутск: Изд-во БГУ, 2015. – С. 94–99.

Даревская 1994 – *Даревская Е.М.* Сибирь и Монголия. Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX веков. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. – 396 с.

Дацышен 2000 – *Дацышен В.Г.* История российско-китайских отношений в конце XIX – начале XX вв. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т, 2000. – 472 с.

Дугаров 2004 – *Дугаров В.Д.* Взаимоотношения России и Монголии в XVIII–XIX: вопросы историографии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2004. – 258 с.

Дудин 2011 – *Дудин П.Н.* История международных договоров, закрепляющих статус Монголии в начале XX в. (1921–1924 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 162–165.

Дэндэв 2003 – *Дэндэв Л.* XX зууны Монголын туухийн эх сурвалж (Автономит Монгол улсын уеийн онцлог баримт бичгууд). В кн.: Источники по истории Монголии XX в. Особые документы по периоду автономии Монголии / под ред. О. Батсайхана. – Улан-Батор, 2003. – С. 27–35.

Единархова 2003 – *Единархова Н.Е.* Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921). – Иркутск: Оттиск, 2003. – 250 с.

Жабаева 2012 – *Жабаева Л.Б.* Об участии бурятских демократов в событиях монгольской революции 1921 года // В кн.: Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин Үеийн туухийн судалгаа (Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэд). 2011 оны 7 дугаар сарын 6–7. – Улаанбаатар: «Соембо принтинг» ХХК-ий хэвлэв 2012. – С. 56–63.

Жабаева 2000 – *Жабаева Л.Б.* Об участии Э.-Д. Ринчино в панмонгольском движении // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Т. 4. – С. 127–138.

Жабаева 2001а – *Жабаева Л.Б.* Э.-Д. Ринчино и формирование государства монгольских народов в первой четверти XX в. Автореф. дис. д-ра ист. наук. – Улан-Удэ, 2001. – 39 с.

Жабаева 2001б – *Жабаева Л.Б.* Элбэк-Доржи Ринчино и национально-демократическое движение монгольских народов. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2001. – 335 с.

История Монголии 2007 – История Монголии. XX век / отв. ред. Г.С. Яскина. – М.: ИВ РАН, 2007. – 448 с.

Коростовец 2009 – *Коростовец И.Я.* Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. / сост. О. Батсайхан / отв. ред. Н. Тацуо, О. Бакич. – Улан-Батор, 2009. – 440 с.

Коростовец 2004 – *Коростовец И.Я.* От Чингисхана до Советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). – Улан-Батор: Изд-во «Эмгэнт», 2004. С. XVIII. – 560 с.

Кузьмин 2015 – *Кузьмин С.Л.* Панмонгольское движение 1919–1920 гг. и монгольская государственность // EURASIA. STATUM ET LEGEN. 2015. № I (IV). С. 97–107.

Кузьмин 1997 – *Кузьмин Ю.В.* Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). – Иркутск: Изд-во ИГУ, 1997. – С. 35–36.

Кузьмин 1991 – *Кузьмин Ю.В.* Позиция демократической интеллигенции России в «монгольском вопросе» после Синьхайской революции. В кн.: 23-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1991. С. 68–72.

Кузьмин 2002 – *Кузьмин Ю.В.* Россия и Монголия на рубеже веков: русско-монгольские отношения конца XIX – начала XX вв. в российских исследованиях. – Иркутск, 2002. – 100 с.

Курас 2015 – *Курас Л.В.* «Великое Монгольское государство» атамана Семенова: государство, которого не было // EURASIA. STATUM ET LEGEN. 2015. № I (IV). С. 84–96.

Курас 2008 – *Курас Л.В.* «Велико-монгольское государство» в геополитических амбициях атамана Семенова. В кн.: Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, 4–5 марта 2008 г. – Екатеринбург: Уральское отделение РАН, 2008. – С. 426–532.

Курас 2011 – *Курас Л.В.* Атаман Г.М. Семенов и барон Р.Ф. Унгерн в монгольской революции 1921 г. // Вестник Бурятского государственного университета – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. № 8. Востоковедение. – С. 167–172.

Курас 2004 – *Курас Л.В.* Атаман Г.М. Семенов и панмонголизм. В кн.: Международный конгресс востоковедов. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2004. – Т. 2.

Курас 1999 – *Курас Л.В.* Атаман Семенов и национальные военные формирования. В кн.: История «белой» Сибири. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 1999. – С. 43–46.

Курас 2001 – *Курас Л.В.* Атаман Семенов и панмонгольское движение. В кн.: Сибирь: век XX. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. Вып. 3. – С. 52–56.

Курас 2007 – *Курас Л.В.* Барон Р.Ф. Унгерн в монгольской революции 1921 г.: российская историография проблемы. В кн.: Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин Үеийн туухийн судалгаа (Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэд). 2011 оны 7 дугаар сарын 6–7. – Улаанбаатар: «Соембо принтинг» ХХК-й хэвлэ, 2007. – С. 188–192.

Курас 2011 – *Курас Л.В.* Геополитические амбиции атамана Семенова: политика создания федеративного «Велико-монгольского государства» // Гуманитарный вектор. – Чита: 2011. № 4. – С. 255–266.

Курас 2010 – *Курас Л.В.* Панмонголизм в воззрениях атамана Семенова // Власть: 2010. № 8. С. 31–34.

Курас 2000 – *Курас Л.В.* Панмонголизм и атаман Семенов. В кн.: Владимирцовские чтения IV. – М.: Ин-т востоковедения РАН, 2000. – С. 68–74.

Курас 1997 – *Курас Л.В.* Панмонголизм как социокультурный фактор (первая четверть XX века) / Л.В. Курас, В.В. Бабаков // Вестник Бурятского университета. Серия 4. История. – Улан-Удэ: изд-во БГУ, 1997. Вып. 1. – С. 32–42.

Курас 2016 – *Курас Л.В.* Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. [монография] / Л.В. Курас / рук. проекта; отв. ред. Б.В. Базаров / науч. ред. М.Н. Балдано. – Иркутск: Изд-во «Отгиск», 2016. – 252 с.

Курас 2006 – *Курас Л.В.* Атаман Семенов и «монгольский вопрос». В кн.: Монголчуудын аж ахуй, эдийн засгийн тууж. – Улаанбаатар: «Соембо принтинг» ХХК-д хэвлэв, 2006. – С. 340–354.

Лиштованный 2012 – *Лиштованный Е.И.* Монголия между 1911 г. и 1921 г.: взгляд из Сибири. В кн.: Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин уеийн туухийн судалгаа [Монгольская революция 1921 года и исследование современной истории] (Сборник докладов международной научной конференции). 6–7 июля 2011 г. – Улаанбаатар, 2012.

Лиштованный 2013 – *Лиштованный Е.И.* Сибирь и Монголия в период деятельности И.Я. Коростовца. В кн.: Монголоросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 74–82.

Лиштованный 2002 – *Лиштованный Е.И.* Монголия в истории Восточной Сибири. – Иркутск, 2002.

Кузьмин 1997 – *Кузьмин Ю.В.* Монголия и «монгольский вопрос» в общественно-политической жизни России (конец XIX – 30-е гг. XX в.). Изд-во ИГУ, 1997. – С. 35–36.

Ломакина 2006 – *Ломакина И.И.* Монгольская столица, старая и новая (и участие России в ее судьбе). – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. – 203 с.

Лузянин 2002 – *Лузянин С.Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX в. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. – М.: Изд-во «Огни», 2002. – 320 с.

Мажинский 2014 – *Мажинский С.В.* Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.). Автореф. дис. канд. ист. наук. – Томск, 2014. – 23 с.

Миц 1977–1979 – *Миц И.И.* История Великого Октября. В 3-х томах. – М.: Наука, 1977–1979.

Михалева 2006 – *Михалева А.В.* Монгольская революция 1921 г. в советской и российской историографии. – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2006. – 130 с.

Наками 2000 – *Наками Т.* Семенов и монгольские войска // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. Т. 4. – С. 123–127.

Падалко 2004 – *Падалко П.Э.* Япония в судьба россиян: Очерки истории царской дипломатии и российской диаспоры в Японии в конце XIX – начале XX века. – М.: Изд-во Крафт+, 2004. – 352 с.

Пунсалдулам, Хишигт 2007 – *Пунсалдулам Б., Хишигт Н.* 1911, 1921 оны Монголын хувьсгал (Гадаадын туух бичлэгтйн тойм). – Улаанбаатар, 2007. – 208 с.

Роцин 1999 – *Роцин С.К.* Политическая история Монголии (1921–1940). – М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. – 325 с.

Старцев 2003 – *Старцев А.В.* Русская торговля в Монголии. Вторая половина XIX – начало XX в. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – С. 32–33.

Урангуа 2013 – *Урангуа Ж.* Провозглашение независимости Монголии. Победа национально-освободительной революции 1911. В кн.: Россия и Монголия на рубе-

же XIX–XX веков: экономика, дипломатия, культура. Сборник научных трудов. – Улан-Батор-Иркутск: БГУЭП, 2013. – С.143–151.

Хишигт 2012 – *Хишигт Н.* Место и значение революции 1921 г. в истории Монголии XX века. В кн.: Монголын 1921 оны хувьсгал ба орчин Үеийн туухийн судалгаа (Олон улсын эрдэм шинжилгээний хурлын илтгэлийн эмхтгэд). 2011 оны 7 дугаар сарын 6–7. – Улаанбаатар: «Соёмбо принтинг» ХХК-й хэвлэв 2012. – С. 18–23.

Хишигт 2013 – *Хишигт Н.* Монголо-Российские соглашения по вопросу об обучении монгольских войск (1911–1919). В кн.: Монгол-оросын 1912 оны гэрээ ба И.Я. Коростовец. Олон улсын эрдэм шинжилгээний бага хурлын материал. – Улаанбаатар хот, 2013. – С. 83–93.

Хишигт 2011 – *Хишигт Н.* Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын ундэсний ардчилсан хувьсгалын туухийг нэхэн судлахай). – Улаанбаатар, 2011. – 299 с.

Ширендыб 1997 – *Ширендыб Б.* История Монгольской народной революции 1921 г. – Улан-Батор, 1969; рус. пер. с монг., М., 1997. – 493 тал.

Ширендыб 1963 – *Ширендыб Б.* Монголия на рубеже XIX–XX вв. (История социально-экономического развития). – Улан-Батор, 1963. – 518 с.

Ширендыб 1956 – *Ширендыб Б.* Народная революция в Монголии и образование МНР. 1921–1924. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 158 с.

Ширендыб 1967 – *Ширендыб Б.* Минуя капитализм. – Улан-Батор: Гос. Изд-во МНР, 1967. – 176 с.

REFERENCES

Alepko, A.V. and Zhabitskij, A.K. (2012), *Rossijskaya razvedka v Severo-Vostochnom Kitae (1896–1914 gg.)* [Russian intelligence in Northeast China (1896–1914)], Izd-vo TOGU, Habarovsk, Russia.

Ariungua, N. (2013), *Russko-Mongol'skij dogovor 1912 goda kak podspudnoe nachalo nezavisimosti Vneshnej Mongolii. V kn.: Mongol-orosyn 1912 ony geree ba I.Ya. Korostovets. Olon ulsyn erdem shinzhilgeenij бага hurlyn material* [The Russian-Mongolian Treaty of 1912 as an implicit beginning of the independence of Outer Mongolia. In the book: Mongol-Orosyn 1912 ony geree ba I.Ya. Korostovets. Olon ulsyn erdem shinzhilgeeny бага khurlyn material, Ulaanbaatar hot, pp. 120–130.

Babakov, V.V. (1997), *Burnatskom – Burnarduma: pervyj opyt natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v Buryatii. Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Ulan-Ude, 1997. 21 s.*

Bazarov, B.V. (2012), *Buryatskie natsional'nye demokraty v mongol'skih revolyutsiyah pervoj chetverti XX veka. V kn.: Mongolyn 1921 ony huv'sgal ba orchin Yeijn tyyhijn sudalgaa (Olon ulsyn erdem shinzhilgeenij hurlyn iltgelijn emhtged). 2011 ony 7 dtsgaar saryn 6–7, Ulaanbaatar: «Soembo printing» ХХК-й hevlev 2012, pp. 178–181.*

Baketova, O.N. (2009), *Mongoliya v mezhdunarodnyh otnosheniyah pervoj poloviny XX v.: bor'ba za nezavisimost'* [Mongolia in International Relations of the First Half of the 20th Century: Struggle for Independence], Avtoref. dis. kand. ist. nauk, Irkutsk.

Batbayar, TS. (2013a), *1912 ony Mongol-Orosyn heheltseer ba Yuan' Shikajn bajr suur'taj holbootoj zarim. V kn.: Mongol-orosyn 1912 ony geree ba I.Ya. Korostovets. Olon ulsyn erdem shinzhilgeenij бага hurlyn material, Ulaanbaatar hot, pp. 105–119.*

Batbayar, TS. (2002), *Mongoliya i Yaponiya v pervoj polovine XX veka* [Mongolia and Japan in the first half of the 20th century], Izd-vo VSGAKI, Ulan-Ude.

Batbayar, TS. (2013b), *Mongol'sko-rossijskoe soglashenie 1912 goda i nekotorye voprosy o pozitsii Yuan' Shikaya (1912 Ony mongol-orosyn heheltseer ba Yuan' Shikajn.*

V kn.: Rossiya i Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov: ekonomika, diplomatiya, kul'tura. Sbornik nauchnyh trudov, Ulan-Bator-Irkutsk: BGUEP, pp. 128–133.

Batsajhan, O. (2013), “VIII Bogdo Zhavzandamba-hutuhta – rukovoditel' i otets Mongol'skoj natsional'noj revolyutsii 1911 goda”, *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk*, no. 3 (11), pp. 121–137.

Batsajhan, O. (2014), *Mongoliya na puti k gosudarstvu-natsii (1911–1946)* [Mongolia on the road to a nation-state (1911–1946)], in Bazarov, V.B. (ed.), Ottisk, Irkutsk-Ulan-Ude.

Batsajhan, O. (2002), Mongolyn tuschaar togtol ba hyatad, oros, mongol gurban ulsyn 1915 ony hiagtyn geree (1911–1916), Ulan-Bator.

Batsajhan, O. (2014), *Natsional'naya revolyutsiya Mongolii 1911 goda: mechta grafa N.N. Murav'eva-Amurskogo i nezavisimost' Mongolii* [Mongolian National Revolution of 1911: Count N.N. Muravyov-Amursky and the independence of Mongolia], in *Prigranichnoe sotrudnichestvo: istoricheskie sobytiya i sovremennye realii*, Materialy Mezhdunarodnoj nauch. konferentsii, posvyashch. 75-letiyu Pobedy sovetskikh i mongol'skikh vojsk na reke Halhin-Gol. 17–18 sentyabrya 2014 goda, Sinel, Saint Petersburg, pp. 50–59.

Batunaev, E.V. (2013), Bor'ba za nezavisimost' Mongol'skogo gosudarstva (1911–1921 gg.), Avtoref. dis. kand. ist. nauk, Ulan-Ude.

Belov, E.A. (1991a), “The Barzhin issue in Russian-Chinese relations (1912–1915)”, in *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], ch. 2, In-t vostokovedeniya AN SSSR, Moscow, pp. 72–76.

Belov, E.A. (1992), “On the history of Russian-Chinese relations during the revolution of 1911–1913. in China”, in *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], ch. 2, In-t vostokovedeniya AN SSSR, Moscow.

Belov, E.A. (1991b), “Positions of Russia and China towards Mongolia after the declaration of its independence (1911–1912)”, in *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae* [Society and State in China], ch. 2, In-t vostokovedeniya AN SSSR, Moscow.

Belov, E.A. (1999), Rossiya i Mongoliya (1911–1919 gg.) [Russia and Mongolia (1911–1919)], in Tihvinskij, S.L. (ed.), IV RAN, Moscow, Russia.

Belov, E.A. (1993), *Russko-kitajskie otnosheniya 1911–1915 gg.* [Russian-Chinese relations 1911–1915], Avtoref. dis. d-ra ist. nauk, Moscow.

Grajvoronskij, V.V. (2015), *Kyahtinskoe soglasenie 1915 goda i sovremennye otnosheniya mezhdou Rossiej, Mongoliej i Kitaem* [Kyakhta agreement of 1915 and modern relations between Russia, Mongolia and China], in *Rossiya i Mongoliya v pervoj polovine HKH veka: kontseptual'nye voprosy rossijsko-mongol'skikh otnoshenij (diplomatiya, ekonomika, nauka): sb. nauch. tr.*, Izd-vo BGU, Ulan-Bator; Irkutsk.

Darevskaya, E.M. (1994), *Sibir' i Mongoliya. Ocherki russko-mongol'skikh svyazej v kontse XIX–XX vekov* [Siberia and Mongolia. Essays on Russian-Mongolian Relations at the End of the 19th–20th Centuries], Izd-vo IGU, Irkutsk.

Datsyshen, V.G. (2000), *Istoriya rossijsko-kitajskih otnoshenij v kontse XIX – nachale XX vv.* [The history of Russian-Chinese relations in the late 19th – early 20th centuries], Krasnoyarskij gosped in-t, Krasnoyarsk.

Dugarov, V.D. (2004), *Vzaimootnosheniya Rossii i Mongolii v XVII–XIX: voprosy istoriografii* [Relations between Russia and Mongolia in the 17th–19th: issues of historiography], Izd-vo BGU, Ulan-Ude.

Dudin, P.N. (2011), “The history of international treaties securing the status of Mongolia at the beginning of the 20th century. (1921–1924)”, *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 7, pp. 162–165.

Dendev, L. (2003), XX zuuny Mongolyn tuuhijn ekh survalzh (Avtonomit Mongol ulsyn ueijn ontslog barimt bichguud, in *Istochniki po istorii Mongolii XX v. Osobyje*

dokumenty po periodu avtonomii Mongolii, in Batsajhana, O. (ed.), Ulan-Bator, pp. 27–35.

Edinarhova, N.E. (2003), *Russkie v Mongolii: osnovnye etapy i formy ekonomicheskoy deyatel'nosti (1861–1921)* [Russians in Mongolia: main stages and forms of economic activity (1861–1921)], Ottisk, Irkutsk, Russia.

Zhabaeva, L.B. (2012), *Ob uchastii buryatskih demokratov v sobytiyah mongol'skoj revolyutsii 1921 goda*, in Mongolyn 1921 ony huv'sgal ba orchin Yeijin tyyhijn sudalгаа (Olon ulsyn erdem shinzhilgeenij hurlyn iltgelijn emhtged). 2011 ony 7 dtsgaar saryn 6–7, «Soembo printing», Ulaanbaatar, XXK-j hevlev 2012, pp. 56–63.

Zhabaeva, L.B. (2000), “About the participation of E.-D. Rinchino in the pan-Mongolian movement”, *Problemy istorii i kul'tury kochevyh tsivilizatsij Tsentral'noj Azii*, Izd-vo BNTS SO RAN, Ulan-Ude, vol. 4, pp. 127–138.

Zhabaeva, L.B. (2001), *E.-D. Rinchino i formirovanie gosudarstva mongol'skih narodov v pervoj chetverti XX v.* [Rinchino and the Formation of the State of the Mongolian Peoples in the First Quarter of the 20th Century], Avtoref. dis. d-ra ist. nauk. Ulan-Ude.

Zhabaeva, L.B. (2001), *Elbek-Dorzhi Rinchino i natsional'no-demokraticeskoe dvizhenie mongol'skih narodov* [Elbek-Dorzhi Rinchino and the national democratic movement of the Mongolian peoples], Izd-vo VSGTU, Ulan-Ude.

Yaskina, G.S (2007), *Istoriya Mongolii. XX vek* [History of Mongolia. 20th century], in Yaskina, G.S (ed.), IV RAN, Moscow.

Korostovets, I.Ya. (2009), *Nine months in Mongolia. Diary of the Russian Plenipotentiary in Mongolia. August 1912 – May 1913*, Ulan-Bator.

Korostovets, I.Ya. (2004), *Ot Chingiskhana do Sovetskoj respubliki (Kratkaya istoriya Mongolii s osobym uchedom novejshego vremeni)* [From Genghis Khan to the Soviet Republic (A Brief History of Mongolia with Special Consideration of Modern Times)], Izd-vo «Emgent», Ulan-Bator.

Kuz'min, S.L. (2015), “Pan-Mongolian Movement 1919–1920 and Mongolian statehood”, *EURASIA. STATUM ET LEGEN*, no. I (IV), pp. 97–107.

Kuz'min, Yu.V. (1997), *Mongoliya i «mongol'skij vopros» v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii (konets XIX – 30-e gg. XX v.)* [Mongolia and the “Mongolian question” in the social and political life of Russia (late 20th – 30s of the 20th century)], Izd-vo IGU, Irkutsk, pp. 35–36.

Kuz'min, Yu.V. (1991), *Pozitsiya demokraticeskoy intelligentsii Rossii v «mongol'skom voprose» posle Sin'hajskoj revolyutsii*, in 23-ya nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae», CH. 2, In-t vostokovedeniya AN SSSR, pp. 68–72.

Kuz'min, Yu.V. 92002), *Rossiya i Mongoliya na rubezhe vekov: rusko-mongol'skie otnosheniya kontsa XIX – nachala XX vv. v rossijskikh issledovaniyah* [Russia and Mongolia at the turn of the century: Russian-Mongolian relations in the late 20th – early 20th centuries. in Russian studies], Irkutsk, Russia.

Kuras, L.V. (2015), ““Great Mongolian State” Ataman Semenov: the state that was not”, *EURASIA. STATUM ET LEGEN*, no. I (IV), pp. 84–96.

Kuras, L.V. (2008), «*Veliko-mongol'skoe gosudarstvo» v geopoliticheskikh ambitsiyah atamana Semenova*, in *Rossiya mezhdru proshlym i budushchim: istoricheskij opyt natsional'nogo razvitiya* [Russia between the past and the future: the historical experience of national development], materials of All-Russian scientific conference dedicated to the 20th anniversary of the Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, 4–5 March, 2008, Ekaterinburg, pp. 426–532.

Kuras, L.V. (2011), “Ataman G.M. Semenov and Baron R.F. Ungern in the Mongolian Revolution of 1921”, *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, Izd-vo BGU, Ulan-Ude, no. 8, Vostokovedenie, pp. 167–172.

Kuras, L.V. (2004), "Ataman G.M. Semenov and panmongolizm", in *Mezhdunarodnyj kongress vostokovedov*, In-t vostokovedeniya RAN, Moscow, vol. 2.

Kuras, L.V. (1999), "Ataman Semenov and national military formations", in *Istoriya «beloj» Sibiri*, Kuzbassvuzizdat, Kemerovo, pp. 43–46.

Kuras, L.V. (2001), "Ataman G.M. Semenov and panmongolizm", in *Sibir': vek XX*, Kuzbassvuzizdat, Kemerovo, issue 3, pp. 52–56.

Kuras, L.V. (2007), "Baron R.F. Ungern in the Mongolian revolution of 1921: Russian historiography of the problem", in *Mongolyn 1921 ony huv'sgal ba orchin Yeijn tyyhijn sudalгаа (Olon ulsyn erdem шиншилгеенй hurlyn илгелйн емһтгед). 2011 ony 7 дтsgaar сaryн 6–7, «Soembo printing» XXXK-j hevle*, Ulaanbaatar, pp. 188–192.

Kuras, L.V. (2011), "Geopolitical ambitions of ataman Semenov: the policy of creating a federal "Great Mongolian state"", *Gumanitarnyj vektor*, Chita, no. 4, pp. 255–266.

Kuras, L.V. (2010), "Pan-Mongolism in the Views of Ataman Semenov", *Vlast'*, no. 8, pp. 31–34.

Kuras, L.V. (2000), "Pan-Mongolism and ataman Semenov", in *Vladimirtsovskie chteniya IV*, In-t vostokovedeniya RAN, Moscow, pp. 68–74.

Kuras, L.V. and Babakov, V.V. (1997), "Pan-Mongolism as a socio-cultural factor (the first quarter of the 20th century)", *Vestnik Buryatskogo universiteta. Seriya 4. Istoriya*, izd-vo BGU, Ulan-Ude, vol. 1, pp. 32–42.

Kuras, L.V. (2016), *Transnatsional'naya istoriya mongol'skogo mira v usloviyah revolyutsionnogo pod"ema: pervaya chetvert' XX v.* [Transnational history of the Mongolian world in the context of a revolutionary upsurge: the first quarter of the 20th century], Izd-vo «Ottisk», Irkutsk, Russia.

Kuras, L.V. (2006), "Ataman Semenov and the «Mongolian question»", in *Mongolchuudyn azh ahuj, edijn zasgijn tuuzh*, «Soembo printing» XXXK-d hevlev Ulaanbaatar, pp. 340–354.

Lishtovannyj, E.I. (2012), *Mongoliya mezhdu 1911 g. i 1921 g.: vzglyad iz Sibiri*. V kn.: *Mongolyn 1921 ony huv'sgal ba orchin yeijn tyyhijn sudalгаа [Mongol'skaya revolyutsiya 1921 goda i issledovanie sovremennoj istorii] (Sbornik dokladov mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii)*, 6–7 July 2011, Ulaanbaatar.

Lishtovannyj, E.I. (2013), *Sibir' i Mongoliya v period deyatel'nosti I.Ya. Korostovetsa* [Siberia and Mongolia during the period of I.Ya. Korostovets], in *Mongol-orosyn 1912 ony geree ba I.YA. Korostovets. Olon ulsyn erdem шиншилгеенй бага hurlyn material*, Ulaanbaatar hot, pp. 74–82.

Lishtovannyj, E.N. (2002), *Mongoliya v istorii Vostochnoj Sibiri* [Mongolia in the history of Eastern Siberia], Irkutsk, Russia.

Kuz'min, Yu.V. (1997), *Mongoliya i «mongol'skij vopros» v obshchestvenno-politicheskoy zhizni Rossii (konets XIX – 30-e gg. XX v.)*, [Mongolia and the "Mongolian question" in the social and political life of Russia (late 20th – 30s of the 20th century)], Izd-vo IGU, pp. 35–36.

Lomakina, I.I. (2006), *Mongol'skaya stolitsa, staraya i novaya (i uchastie Rossii v ee sud'be)*, [The Mongolian capital, old and new (and Russia's participation in its fate)], Tovarishestvo nauchnyh izdanij KMK, Moscow, Russia.

Luzyanin, S.G. (2002), *Rossiya – Mongoliya – Kitaj v pervoj polovine XX v. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg.* [Russia – Mongolia – China in the first half of the 20th century. Political relations in 1911–1946], Izd-vo «Ogni», Moscow, Russia.

Mazhinskij, S.V. (2014), *Sotsial'no-ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Vnutrennej Mongolii v kontekste modernizatsii Kitaya (1911–1976 gg.)*. [Socio-economic and political development of Inner Mongolia in the context of China's modernization (1911–1976)], Avtoref. dis. kand. ist. Nauk, Tomsk, Russia.

Mints, I.I. (1977–1979), *Istoriya Velikogo Oktyabrya* [History of the Great October], Nauka, Moscow, Russia.

Mihaleva, A.V. (2006), *Mongol'skaya revolyutsiya 1921 g. v sovetskoj i rossijskoj istoriografii* [The Mongolian Revolution of 1921 in Soviet and Russian historiography], Izd-vo BGU, Ulan-Ude.

Nakami, T. (2000), “Semenov and Mongolian troops”, *Problemy istorii i kul'tury kochevyh tsivilizatsij TSentral'noj Azii*, Izd-vo BNTS SO RAN, Ulan-Ude, vol. 4, pp. 123–127.

Padalko, P.E. (2004), *Yaponiya v sud'ba rossiyan: Ocherki istorii tsarskoj diplomatii i rossijskoj diaspory v Yaponii v kontse XIX – nachale XX veka* [Japan in the fate of Russians: Essays on the history of tsarist diplomacy and the Russian diaspora in Japan in the late 20th – early 20th centuries], Izd-vo Kraft+, Moscow, Russia.

Punsaldulam, B. and Hishigt, N. (2007), 1911, 1921 ony Mongolyn huv'sgal (Gadaadyn tyx bichlegijn tojm), Ulaanbaatar.

Rossijsko-mongol'skoe voennoe sotrudnichestvo (1911–1946) [Russian-Mongolian military cooperation (1911–1946)], in 2ch. 2nd ed., IPK VSGAKI, Ulan-Ude.

Roshchin, S.K. (1999), *Politicheskaya istoriya Mongolii (1921–1940)* [Political history of Mongolia (1921–1940)], In-t vostokovedeniya RAN, Russia.

Startsev, A.V. (2003), *Russkaya trgovlya v Mongolii. Vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.* [Russian trade in Mongolia. The second half of the XX – the beginning of the XX century], Izd-vo Alt. un-ta, Barnaul, pp. 32–33.

Urangua, Zh. *Provozglashenie nezavisimosti Mongolii. Pobeda natsional'no-osvoboditel'noj revolyutsii 1911.* [Declaration of Independence of Mongolia. The victory of the national liberation revolution of 1911], in *Rossiya i Mongoliya na rubezhe XIX–XX vekov: ekonomika, diplomatiya, kul'tura. Sbornik nauchnyh trudov* [Russia and Mongolia at the turn of the XX-XX centuries: economy, diplomacy, culture. Collection of scientific papers], BGUEP, Ulan-Bator-Irkutsk, pp.143–151.

Hishigt, N. (2012), *Mesto i znachenie revolyutsii 1921 g. v istorii Mongolii XX veka* [The Place and Significance of the 1921 Revolution in the History of Mongolia in the 20th Century], in *Mongolyn 1921 ony huv'sgal ba orchin Yeijn tyhijn sudalgaa (Olon ulsyn erdem shinzhilgeenij hurlyn iltgelijn emhtged)*, 2011 ony 7 dtsgaar saryn 6–7, «Soembo printing» XXX-j hevlev, Ulaanbaatar, pp. 18–23.

Hishigt, N. (2013), *Mongolo-Rossijskie soglasheniya po voprosu ob obuchenii mongol'skih vojsk (1911–1919)* [Mongolian-Russian agreements on the issue of training Mongolian troops (1911–1919)], in *Mongol-orosyn 1912 ony geree ba I.Ya. Korostovets. Olon ulsyn erdem shinzhilgeenij бага hurлын материал*, Ulaanbaatar hot, pp. 83–93.

Hishigt, N. (2011), Mongolyn huv'sgal: 1921 (Mongolyn undesiiij ardhilsan huv'sgalyn tuuhijg nekhen sudlahaj), Ulaanbaatar.

Shirendyb, B. (1997), *Istoriya Mongol'skoj narodnoj revolyutsii 1921 g.* [History of the Mongolian People's Revolution of 1921], Ulan-Bator.

Shirendyb, B. (1963), *Mongoliya na rubezhe XIX–XX vv. (Istoriya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya)* [Mongolia at the turn of the XX-XX centuries. (History of socio-economic development)], Ulan-Bator.

Shirendyb, B. (1956), *Narodnaya revolyutsiya v Mongolii i obrazovanie MNR. 1921–1924* [People's revolution in Mongolia and the formation of the Mongolian People's Republic. 1921–1924], Izd-vo AN SSSR, Moscow, Russia.

Shirendyb, B. (1967), *Minuya kapitalizm* [Bypassing capitalism], Gos. Izd-vo MNR, Ulan-Bator.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Борис Ванданович Базаров, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия; 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; *bazarov60@mail.ru*;

Леонид Владимирович Курас, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ, Россия; 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; *kuraslv@yandex.ru*.

Information about the authors

Boris V. Bazarov, Doctor of Sciences (History), Professor, Academician, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia; bld.6, St. Sakh'yanovoi, Ulan-Ude, Russia, 670047; *bazarov60@mail.ru*;

Leonid V. Kuras, Doctor of Sciences (History), Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russia; bld.6, St. Sakh'yanovoi, Ulan-Ude, Russia, 670047; *kuraslv@yandex.ru*.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-356-366

Система образования Автономного района Внутренняя Монголия КНР на начальном этапе государственного строительства²⁷⁶

Иннокентий Г. Актамов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения
Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия, aktamov13@gmail.com
ORCID ID 0000-0002-8646-1048

Аннотация. *Статья посвящена вопросам становления и развития системы образования Автономного района Внутренняя Монголия с момента образования первой национальной автономии в истории КНР. Внутренняя Монголия имела принципиально важное значение с точки зрения реализации национальной политики, реформы социальной сферы и развития промышленности на севере КНР. Система образования являлась основой и условием достижения поставленных руководством страны целей в период становления новой государственности. КНР остро нуждалась в квалифицированной рабочей силе, кадрах, способных проводить в жизнь новую идеологию в социально-экономической сфере. Главным барьером на пути к реализации поставленных задач была низкая грамотность населения – порядка 80% были либо малограмотными, либо неграмотными. В результате проведенного исследования выявлено, что государственная образовательная политика КНР в отношении национальных меньшинств получила свое теоретическое обоснование и практическую реализацию в условиях Внутренней Монголии. Данный пример был признан успешным и внедрялся уже в других регионах Китая.*

Ключевые слова: *КНР, Автономный район Внутренняя Монголия, система образования, национальная политика.*

Для цитирования: *Актамов И.Г. Система образования Автономного района Внутренняя Монголия КНР на начальном этапе государственного строительства // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 358–368. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-356-366.*

²⁷⁶ 内蒙古师范大学 科学技术史研究院
内蒙古师范大学 李迪书院

The education system of the Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China at the initial stage of state formation²⁷⁷

Innokentii G. Aktamov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia, aktamov13@gmail.com
ORCID ID 0000-0002-8646-1048

Abstract. *The article is devoted to the formation and development of the education system of the Inner Mongolia Autonomous Region since the formation of the first national autonomy in the history of the People's Republic of China. Inner Mongolia has a fundamental importance from the point of view of the implementation of national policy, social reform and industrial development in the north of the PRC. The education system was the basis and condition for achieving the goals set by the country's leadership during the formation of the new statehood. China was in dire need of skilled labor, personnel capable of implementing a new ideology in the socio-economic sphere. The main barrier to the implementation of the tasks was the low literacy of the population – about 80% were either illiterate or illiterate. As a result, it was revealed that the state educational policy of the People's Republic of China in relation to national minorities has received its theoretical justification and practical implementation in the conditions of Inner Mongolia. This example was recognized as successful and has already been implemented in other regions of China.*

Key words: *PR of China, Inner Mongolia Autonomous Region, system of education, national politics.*

For citation: *Aktamov, I.G. (2023), "The education system of the Inner Mongolia Autonomous Region of the People's Republic of China at the initial stage of state formation", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 358–368. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-356-366.*

Введение

Автономный район Внутренняя Монголия КНР является одной из пяти административно-территориальных единиц, получивших особый статус исходя из этнокультурных и исторических особенностей. Наряду с Внутренней Монголией такой статус имеют Синьцзян-Уйгурский, Нинся-Хуэйский, Гуанси-Чжуанский и Тибетский автономный районы. С точки зрения политических полномочий указанные территориальные единицы практически не отличаются от остальных провинций КНР. Разница заключается в том, что в автономных районах функционирует два государственных языка, которые имеют равный юридический статус в делопроизводстве, СМИ, культуре. Особое значение имеет использование языка этнических меньшинств в сфере образования. Следует отметить, что автономные районы, провинции, города центрального подчинения, а также Сянган и Аомынь представляют собой высшие административно-территориальные единицы. В свою

²⁷⁷ 内蒙古师范大学 科学技术史研究院 (Inner Mongolia Normal University, Institute for the History of Science and Technology).

内蒙古师范大学 李迪书院 (Inner Mongolia Normal University, Lidi Institute).

очередь, в составе автономных районов и провинций могут быть выделены национальные автономные территориальные образования второго уровня – автономные округа, автономные уезды, хошуны. Уровень ниже представлен национальными районами городского подчинения, волостями, поселками.

Автономный район Внутренняя Монголия (АРВМ) расположен в северной части Китая, территория региона простирается с северо-востока на юго-запад, протяженность с востока на запад составляет порядка 2400 километров, а с севера на юг максимальная протяженность более 1700 километров.

Общая площадь автономного района составляет 1,183 миллиона квадратных километров, что составляет примерно 12% от общей площади страны. На севере Внутренняя Монголия граничит с Россией и Монголией, протяженность границы составляет 4200 км, на востоке, юге и западе граничит с 8 провинциями [Шахаева 2016, с. 91]. Административный центр – город Хух-Хото.

Численность постоянного населения региона на конец 2022 года составляла немногим более 24 миллионов человек, что на 11 700 человек больше, чем на конец предыдущего года. Среди них городское население составляло 16,472 миллиона человек, а сельское – 7,538 миллиона; уровень урбанизации постоянного населения достиг 68,6%, увеличившись на 0,4% по сравнению с концом предыдущего года²⁷⁸. Этнический состав населения достаточно разнообразен, тут проживают монголы, ханьцы, дауры, эвенки, ороченя, хуэй, маньчжуры, корейцы, русские и другие национальности.

Предпосылки создания автономии

Первая национальная автономия в Китае была образована в довольно сложный период в истории государства. Историческим событиям 1946–1949 гг. посвящены отдельные исследования, в которых раскрываются причины конфликта между Гоминьданом и Компартией Китая. В годы войны с Японией и Второй мировой войны Китай был разделен на три части. Северо-восток был оккупирован Японией, центральный и западный Китай контролировались правительством Гоминьдана со столицей в г. Чунцине, на северо-западе у границ с Монголией находился Особый пограничный район (провинция Ганьсу – Шэньси – Нинся), в котором власть принадлежала Компартии Китая [Королёва 2015, с. 111]. Именно на данной территории был образован первый автономный район, который в определенной степени заложил основы дальнейшей государственной национальной политики КПК. Ведущую роль в создании автономного района Внутренняя Монголия сыграл политический и государственный деятель Уланьфу (乌兰夫). Политическая карьера Уланьфу началась в 1923 г., когда он был принят в Бэйпинскую монгольско-тибетскую высшую школу²⁷⁹. Под влиянием Ли Дачжао (1889–1927), Дэн Чжунся (1894–1933), Чжао Шияня (1901–1927) и других партийных деятелей Уланьфу начал интересоваться идеологией марксизма-ленинизма, был включен в группу партийной организации КПК в Пекине, в 1923 г. вступил в китайский Коммунистический союз

²⁷⁸ 内蒙古自治区人民政府. 区域概况. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nmg.gov.cn/asnmg/yxnmg/qqgk/202003/t20200304_235646.html. (дата обращения 25 мая 2023).

²⁷⁹ 钩沉. 蒙藏学校, 蒙古族第一个党支部诞生的地方. (Гоу Чэнь. Монголо-тибетская школа – место, где зародилось первое партийное отделение монголов) [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1762537727436600275&wfr=spider&for=pc>. (дата обращения 26 мая 2023).

молодежи. В сентябре 1925 г. Уланьфу вступил в ряды КПК, а в октябре того же года отправился в Чжанцзякоу для участия в первом съезде Народно-революционной партии Внутренней Монголии (НРПВМ) в качестве делегата от монгольских студентов Пекина. В том же месяце он был рекомендован комитетом КПК для прохождения обучения в университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена в Москве. В это время в столице СССР учились выдающиеся политические и государственные деятели Китая – Дэн Сяопин (1904–1997), Чжоу Эньлай (1898–1976), Ян Шанкунь (1907–1998), Чжан Вэньтянь (1900–1976), Е Цзяньин (1897–1986). В 1929 г. началось вооруженное восстание коммунистов в южно-китайском уезде Байсэ (百色县, совр. Гуанси-Чжуанский автономный район) против Гоминьдана, и Уланьфу решает вернуться в Китай для революционной борьбы.

Уланьфу активно участвовал в организации, укреплении и развитии опорной базы в Северо-Восточном Китае и освобождении этой территории от японских оккупантов. О ситуации после победы в антияпонской войне Уланьфу писал: «В данное время перед народами Внутренней Монголии и Китая стоял трудный и ответственный выбор путей дальнейшего развития»²⁸⁰. В этот период некоторые представители высшей монгольской аристократии решили пойти на сотрудничество с Чан Кайши, чтобы сохранить свою власть во Внутренней Монголии. Значительная часть монгольского общества оказывала поддержку КПК, защищавшей интересы беднейших классов. В результате развернулась ожесточенная борьба на территории всей Внутренней Монголии. В эти годы Уланьфу совместно с КПК и Мао Цзэдуном начал реализацию политики Единого фронта. Было образовано «Временное правительство Народной Республики Внутренняя Монголия» и «Народное правительство Автономного района Восточная Монголия». Впоследствии это имело решающее значение в создании автономии Внутренней Монголии.

23 апреля 1947 г. в Ванье (современный Улан-Хото) состоялся Народный конгресс Внутренней Монголии. Участие в заседании приняло 392 представителя со всей Внутренней Монголии. На данном высоком собрании Уланьфу произнес вступительную речь и выступил с докладом. По итогам заседания были избраны члены правительства Автономного района Внутренняя Монголия и Временного сената. Уланьфу был избран председателем Правительства Автономного района. Новому правительству следовало решить ряд сложных социально-экономических и политических задач. Как отмечает М.Н. Балдано, «политика автономного правительства в период с 1947 по 1952 гг. была сконцентрирована на решении проблем монгольского общества, связанных с развитием начального и среднего образования, здравоохранения и увеличения рождаемости [Балдано 2018, с. 41].

Следует отметить, что Уланьфу, благодаря личным высоким морально-волевым качествам и полученным в Москве специальным знаниям, внес значительный вклад в победу войск КПК над Квантунской армией и режимом Чан Кайши, что, в свою очередь, стало важной предпосылкой создания Автономного района Внутренняя Монголия в рамках КНР.

²⁸⁰ 乌兰夫. 乌兰夫回忆录 // 革命史料编研室编 (Уланьфу. «Мемуары Уланьфу» (Собрание исторических источников по истории революции). Пекин: Архивные материалы истории КПК, 1989. С. 212.

Характеристика образовательной ситуации

На момент образования автономии в 1947 г. почти 80% населения региона было либо полностью неграмотным, либо владело лишь азами письменности и арифметики. По официальным данным, к моменту создания АРВМ на территории района насчитывалось 3769 начальных школ, в которых обучалось 214 300 учащихся; в 21 общеобразовательной средней школе обучалось всего 4300 учащихся; в 3 средних профессионально-технических училищах обучалось 455 человек; в 5 педагогических училищах 1223 обучающихся соответственно. Педагогический состав также был весьма немногочисленным – всего насчитывалось 7319 учителей и сотрудников во всех образовательных учреждениях. Следует отметить, что в указанный момент в АРВМ не было ни одного высшего учебного заведения. Насчитывалось всего 377 национальных начальных школ, в которых обучалось 22 600 человек и 4 средние школы, в которых обучалось всего 524 человека²⁸¹. Население автономии на тот момент составляло 5617 тыс. человек.²⁸²

В целях совершенствования социально-политической системы была создана нормативная основа функционирования автономии. В политической программе Правительства АРВМ 1947 г. были отражены основные положения о практической реализации региональной национальной автономии под руководством Коммунистической партии Китая. В сентябре 1949 г. по результатам заседания Народного политического консультативного совета Китая была принята «Общая программа КНР», которая представляла собой первый конституционный акт²⁸³. В августе 1952 года Народное правительство обнародовало «План реализации региональной национальной автономии». Данный документ определял основные направления реализации внутренней политики в национальных регионах страны.

Для решения вопросов социальной сферы, развития экономики необходимы были подготовленные кадры, способные внедрить новые подходы и методы, которые создадут условия для развития государства. Эти вопросы отчетливо понимали и в руководстве АРВМ. По мнению Сюэ Хань (薛寒) и Судэ (苏德) эволюцию системы образования АРВМ можно разделить на четыре основных этапа: начальный этап (1947–1956), этап трудностей и разочарований (1957–1966), этап восстановления и развития (1977–2000), этап инновационного развития и процветания (2001- по настоящее время)²⁸⁴.

²⁸¹ 新中国成立特别是改革开放以来内蒙古自治区教育事业取得巨大成就。(Создание Нового Китая после реформ и открытия. Большие достижения в области образования в Автономном районе Внутренняя Монголия) [Электронный ресурс]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s6192/s222/moe_1736/201004/t20100420_85663.html. (дата обращения 27 мая 2023).

²⁸² 内蒙古蒙古族人口60年来数量和素质获得全面发展 (www.gov.cn) (Монгольское население Внутренней Монголии за последние 60 лет добилось всестороннего развития в количественном и качественном отношении. Электронный ресурс. Режим доступа: https://www.gov.cn/jrzg/2007-05/28/content_628205.htm).

²⁸³ 民族区域自治制度在内蒙古。(Система национальной региональной автономии Внутренней Монголии) [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnr.cn/2007zt/nmg60/mzqyzz/200707/t20070729_504526728.html. (дата обращения 28 мая 2023).

²⁸⁴ 薛寒、苏德。1947年以来内蒙古民族教育政策的演进——基于Nvivo软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报。2020. 地第1目录. 总第六期。(Сюэ Хань, Судэ. Эволюция политики национального образования во Внутренней Монголии с 1947 года - Анализ политических текстов на основе программного обеспечения Nvivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. 2020. № 1.) [Электронный ресурс]. URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm>. (дата обращения 28 мая 2023).

Следует отметить, что авторы не выделяют период «культурной революции» с 1966 по 1976 гг. как исторический период в развитии образования. Объясняют это тем, что политика и меры по развитию образования во Внутренней Монголии, сформулированные и принятые после 1947 года, были признаны «буржуазным путем», а национальные школы всех уровней и типов рассматривались как источник национального разделения и были закрыты или приостановлены [Там же].

Схожую периодизацию предлагают другие авторы Ли Сяохун (李小红), Ву Маньли (吴曼丽) и Го Цици (郭琪琪). Они также выделяют четыре этапа развития национального (этнического) образования в КНР, которые условно разделены на период первоначального становления и развития (1949–1965), период вмешательства и деструкции (1966–1976), период восстановления и реконструкции (1977–1999), период совершенствования и повышения качества (2000 – по настоящее время)²⁸⁵. Следует отметить, что другие китайские исследователи в целом придерживаются идентичных взглядов на вопрос периодизации и выделения этапов эволюции образования в национальных районах, в том числе и в АРВМ.

В марте 1949 г. была проведена конференция по вопросам образования, которая определила в качестве первоочередной задачи развития автономии реализацию масштабной просветительской работы. В 1947–1956 г. система образования Внутренней Монголии находилась на стадии своего становления. В этот период особое внимание уделялось процессу подготовки политически грамотных управленческих кадров, поэтому ускоренную подготовку на различных специальных курсах при университетах и школах прошло большое количество представителей этнических меньшинств. Именно эти люди заложили основы новой государственности в Автономном районе Внутренняя Монголия в середине 1950-х гг.

В ноябре 1950 года была обнародована Экспериментальная программа подготовки кадров из числа национальных меньшинств, в которой подчеркивалось, что представители этнических групп КНР должны быть активно включены в этот процесс в соответствии с новой демократической политикой государства в области образования. В качестве одной из главных целей провозглашалось развитие региональной национальной автономии, реализация этнокультурного образования на территориях компактного проживания этнических меньшинств.

В 1952 году были обнародованы «Основные положения пятилетнего плана развития образования в Автономном районе Внутренняя Монголия (1953–1957 гг.)». В этом пятилетнем плане подчеркивалась необходимость развития образования для этнических меньшинств, были обозначены меры финансовой поддержки и развития инфраструктуры образовательных учреждений. Отдельное внимание было уделено необходимости изучения и использования монгольского языка и письменности

²⁸⁵ 李小红、吴曼丽、郭琪琪. 新中国民族教育的历史变迁、当前问题及未来展望. // 内蒙古师范大学学报. 2023. 第1期目录 (总第二十三期). (Ли Сяохун, У Манли, Го Цици. Исторические изменения, проблемы и перспективы национального образования в Новом Китае) // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. 2023. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1172/4251.htm> (дата обращения 28 мая 2023).

сти в системе образования²⁸⁶. В соответствии с принятыми документами было создано специальное бюро по составлению учебников для начальной школы на монгольском языке.

К 1956 году Автономный район Внутренняя Монголия подготовил в общей сложности более 30 000 специалистов, представителей разных этнических групп, в том числе более 20 000 монголов и более 4800 человек из числа других этнических меньшинств [Там же].

Особое значение для развития АРВМ имело открытие первого учреждения высшего образования. 20 ноября 1951 года Народное правительство Автономного района приняло решение о строительстве педагогического института в г. Улан-Хото (乌兰浩特市). Первый набор был осуществлен в 1952 году. В августе 1954 года институт был перевезен на запад, в город Хух-Хото, где он был объединен с педагогическим колледжем Внутренней Монголии, который в свою очередь был образован в результате слияния педагогического колледжа Чжанцзякоу и педагогического колледжа Суйюань в августе 1953 года²⁸⁷. Таким образом был образован единый Педагогический институт Внутренней Монголии. Данный институт являлся первым учреждением высшего образования, созданным в приграничном национальном районе после основания КНР.

После 1957 года система образования Внутренней Монголии столкнулась с проблемами, вызванными изменением государственной политики. Как отмечают Сюэ Хань и Судэ: «требования были слишком высокими и безотлагательными, качество образования снизилось, а проблемы образования в пастбищных районах не решались должным образом»²⁸⁸.

Политика «большого скачка», объявленная Мао Цзэдуном в 1958 г., представляла собой ряд политических и социально-экономических мер, главной целью которых было увеличение объемов производства промышленной продукции методом «народной стройки» с использованием большого количества трудового населения. Образованные таким образом трудовые «армии» были задействованы в различных отраслях промышленности и сельского хозяйства.

«Народные коммуны» охватывали практически всю сельскую местность посредством объединения имеющихся кооперативов и некооперированного крестьянства в гигантские хозяйственные единицы, представляя собой огромные территориально-производственные образования [Авдокушин 2019, с. 118]. В таких условиях вопросы образования, повышения его качества были отодвинуты на второй план.

²⁸⁶ 薛寒、苏德. 1947年以来内蒙古民族教育政策的演进——基于Nvivo软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020. 地第1目录. 总第六期. (Сюэ Хань, Судэ. Эволюция политики национального образования во Внутренней Монголии с 1947 года - Анализ политических текстов на основе программного обеспечения Nvivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. 2020. № 1.) [Электронный ресурс]. URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm>. (дата обращения 28 мая 2023).

²⁸⁷ Официальный сайт Педагогического университета Внутренней Монголии КНР. [Электронный ресурс]. URL: www.imnu.edu.cn/xxgk/sdjj1.htm (дата обращения 25 мая 2023).

²⁸⁸ 薛寒、苏德. 1947年以来内蒙古民族教育政策的演进——基于Nvivo软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020. 地第1目录. 总第六期. (Сюэ Хань, Судэ. Эволюция политики национального образования во Внутренней Монголии с 1947 года - Анализ политических текстов на основе программного обеспечения Nvivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. 2020. №1.) [Электронный ресурс]. URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm>. (дата обращения 28 мая.2023).

В начале 1960-х гг. государство несколько меняет свой курс, ускоренные темпы развития промышленности и сельского хозяйства уже не являются неременным условием развития китайского общества. В системе образования Внутренней Монголии происходят важные изменения, которые касаются использования монгольского языка. Во-первых, была создана система оценки уровня знания монгольского и китайского языков. Были разработаны и внедрены в практику важные документы, например, «О мерах по совершенствованию изучения монгольского и китайского языков в монгольских начальных и средних школах (проект 1963)» и «О включении экзамена по монгольскому языку в программу вступительных испытаний в монгольские средние школы и высшие учебные заведения с 1964 года» (1963)²⁸⁹.

Во-вторых, начали реализовываться меры по поддержке детей из пастбищных районов. Последовательно были изданы «Временные меры по оказанию финансовой помощи начальным и средним школам в пастбищных районах» (1962), «О внедрении экспериментального плана управления школами в пастбищных районах» (1963) и «О мерах по предоставлению финансовой поддержки для учащихся начальных и средних школ из числа национальных меньшинств в Автономном районе Внутренняя Монголия» (1963). Финансовая помощь предоставлялась адресно для поддержки детей-сирот, многодетных семей, детей скотоводов, испытывающих трудности. Кроме того, субсидии на обучение выделялись детям, показавшим высокие показатели в учебе и общественной жизни.

В-третьих, государство начало усиленно развивать педагогическое образование. По результатам анализа состояния педагогического образования был составлен «Отчет о некоторых проблемах современного национального педагогического образования» (1963). В тексте документа были определены масштабы и структура педагогического образования, а также стандартизирована академическая система, учебные материалы и условия преподавания в национальных школах²⁹⁰.

В начальный период развития государства руководству страны необходимо было консолидировать общество, развивать и трансформировать систему образования в целях национальной экономики. Поэтому образование для национальных меньшинств было сосредоточено на подготовке политических кадров из их числа, которые могли бы адаптироваться к социальным вызовам и помогать строить новое общество. В этом плане принципиально важную роль имела грамотная языковая политика, которая позволяла, с одной стороны, развивать языки национальных меньшинств, с другой стороны, билингвальное обучение позволяло интегрировать в китайское общество представителей других культур, преимущественно проживающих на севере и северо-западе КНР.

²⁸⁹ 薛寒、苏德. 1947年以来内蒙古民族教育政策的演进——基于Nvivo软件对政策文本的分析 // 内蒙古师范大学学报. 2020. 地第1目录. 总第六期. (Сюэ Хань, Судэ. Эволюция политики национального образования во Внутренней Монголии с 1947 года - Анализ политических текстов на основе программного обеспечения Nvivo // Журнал Педагогического университета Внутренней Монголии. 2020. № 1.) [Электронный ресурс]. URL: <http://epc.swu.edu.cn/info/1061/1579.htm>. (дата обращения 28 мая 2023).

²⁹⁰ 钩沉. 蒙藏学校, 蒙古族第一个党支部诞生的地方. (Гоу Чэнь. Монголо-тибетская школа – место, где зародилось первое партийное отделение монголов) [Электронный ресурс]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1762537727436600275&wfr=spider&for=pc>. (дата обращения 26 мая 2023).

Выводы

Становление и развитие системы образования в Автономном районе Внутренняя Монголия имеет свою специфику в общей эволюции государственной системы образования КНР. Можно выделить наиболее важные, на наш взгляд, исторические аспекты развития образования на начальном этапе государственного строительства. Во-первых, Автономный район Внутренняя Монголия отличает от остальных национальных образований дата создания – 1 мая 1947 г. Это первая национальная автономия, которая была создана в довольно сложный для страны исторический период, еще до официального образования Китайской Народной Республики. Данный факт позволил объективно обусловить необходимость реализации национальной политики КНР на примере Внутренней Монголии. В середине 1950-х гг. регион был достаточно отсталым в социально-экономическом плане, более 80% населения автономии были либо неграмотными, либо малограмотными. Руководству АРВМ во главе с Уланьфу пришлось не только решать неотложные вопросы социально-политического и военного характера, но и развивать систему образования и воспитания. В указанный период Внутренняя Монголия стала примером реализации национальной политики, которая впоследствии была внедрена и в других регионах.

Во-вторых, именно в АРВМ начали создавать уникальную региональную систему образования, направленную не только на повышение уровня грамотности, но и на развитие монгольского языка, письменности, культуры в целом. Кроме того, началась реализация билингвального обучения, которая позволила широкому кругу молодежи овладеть китайским языком. Это создало условия для межэтнического взаимодействия, а также политико-идеологической консолидации представителей разных культур и социальных групп.

В-третьих, в начале 1960-х гг. был принят ряд стратегически важных документов, которые позволили не только расширить охват обучающихся, но и сохранить самобытную монгольскую культуру и письменность.

В-четвертых, именно в АРВМ было создано первое в национальных районах учреждение высшего образования – Педагогический институт Автономного района Внутренняя Монголия, который был образован согласно Постановлению Правительства АРВМ от 20 ноября 1951 г. С 1982 г. данный институт был преобразован в Педагогический университет Автономного района Внутренняя Монголия.

Что же касается организации образовательного процесса в АРВМ, то на начальном этапе (1947–1956) значительное внимание было уделено увеличению количества начальных школ с монгольским языком обучения. Наряду с этим реализовывалась работа по идейно-политическому воспитанию. На втором этапе (1957–1966) образовательная политика в соответствии с нуждами государства была направлена на трудовое воспитание. На «этапе деструкции» многие образовательные учреждения во Внутренней Монголии были закрыты, а те, что еще продолжали функционировать, главным образом были направлены на идеологическое воспитание и “борьбу с проявлением ревизионизма” (1966–1976). Следующий этап характеризуется смещением акцента на формирование технологических умений и навыков,

а также на развитие этнокультурного воспитания (1977–2000). На современном этапе (2001 – по настоящее время) уже можно говорить о сложившейся системе непрерывного образования, которая направлена на повышение качества образования, разработку и внедрение инновационных продуктов уже на старшей ступени полной средней школы и в университетах.

Данное исследование представляет собой первую попытку анализа особенностей развития образования в Автономном районе Внутренняя Монголия с точки зрения государственной образовательной политики КНР на начальном этапе государственного строительства. Полученные результаты не претендуют на исключительный и всеобъемлющий характер.

ЛИТЕРАТУРА

Авдокушин 2019 – *Авдокушин Е.Ф.* 70 лет КНР: от «большого скачка» к технологическому «прорыву» // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право», 2019. № 4. С. 118.

Балдано 2015 – *Балдано М.Н.* Трансформация политико-административного устройства территории Внутренней Монголии после Синьхайской революции // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История», 2015. Т. 13. 92–100.

Балдано 2018 – *Балдано М.Н.* Национальная политика Китая в отношении монгольских народов // Наука и образование сегодня, 2018. № 12 (35). С. 40–44.

Королёва 2015 – *Королёва Н.А.* Гражданская война 1946–1949 гг. в Китае в воспоминаниях участников и современников событий // Псковский военно-исторический вестник, 2015. № 1. С. 111.

Мажинский 2013 – *Мажинский С.В.* Особенности проведения аграрных преобразований Коммунистической партией Китая во Внутренней Монголии в период с 1947 по 1949 г. // Вестник Томского государственного университета. История, 2013. № 6 (26). С. 100–102.

Мажинский 2014 – *Мажинский С.В.* Индустриальное развитие и миграционные процессы в Автономном районе Внутренняя Монголия в годы первой пятилетки (1952–1957 гг.) // Вестник Томского государственного университета. История, 2014. № 1 (27). С. 67–70.

Савкович 2013 – *Савкович Е.В.* Программа адресной помощи СУАР КНР и ее влияние на отношения КНР с государствами Центральной Азии // Вестник ЗабГУ, 2013. № 06 (97). С. 15–22.

Цыбенков 2018 – *Цыбенков Б.Д.* Культура и образование дауров в первой половине XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия «История», 2018. Т. 25. С. 115–122.

Шахаева 2016 – *Шахаева А.А.* Автономный район Внутренняя Монголия КНР: административно-территориальное деление и экономическая характеристика // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии, 2016. Вып. 4. С. 91.

Эпштейн, Бочков 2018 – *Эпштейн В.А., Бочков Д.А.* Политика КНР по интеграции Синьцзян-Уйгурского автономного района: 1949–2018 годы // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки, 2018. Т. 160, кн. 6. С. 1442–1454.

REFERENCES

- Avdokushin, Ye.F. (2019), “70 years of the People’s Republic of China: from a “big leap” to a technological “breakthrough”, *Vestnik RGGU. Seria “Ekonomika. Upravlenie. Pravo”*, no. 4, p. 118.
- Baldano, M.N. (2015) “Transformation of the political and administrative structure of the Territory of Inner Mongolia after the Xinhai Revolution”, *The Bulletin of Irkutsk State University, Series “History”*, vol. 13, pp. 92–100.
- Baldano, M.N. (2018), “China’s national policy towards the Mongolian peoples”, *Science and education today*, no. 12 (35), pp. 40–44.
- Koroleva, N.A. (2015), “The Civil War of 1946–1949 in China in the memoirs of participants and contemporaries of the events”, *Pskovskii voyenno-istoricheskii vestnik*, no. 1, p. 111.
- Mazhinskii, S.V. (2013), “Features of the agrarian transformations carried out by the Communist Party of China in Inner Mongolia in the period from 1947 to 1949”, *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*, no. 6 (26), pp. 100–102.
- Mazhinskii, S.V. (2014), “Industrial development and migration processes in the Inner Mongolia Autonomous Region during the First Five-year Plan (1952–1957)”, *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*, no. 1 (27), pp. 67–70.
- Savkovich, Ye. V. (2013), “The targeted assistance Program of the People’s Autonomous Republic of China and its impact on China’s relations with Central Asian States”, *Zabaikalsk State University Journal*, no. 06 (97), pp. 15–22.
- Tsybenov, B.D. (2018), “Culture and education of the Daurians in the first half of the XX century”, *The Bulletin of Irkutsk State University, Series “History”*, vol. 25, pp. 115–122.
- Shakhaeva, A.A. (2016), “Inner Mongolia Autonomous Region of the People’s Republic of China: administrative-territorial division and economic characteristics”, *Vestnik BGU. Gumanitarnie issledovania Vnutrennei Azii*, Issue 4. p. 91.
- Epshtein, V.A. and Bochkov, D.A. (2018), “China’s Policy on the Integration of the Xinjiang Uygur Autonomous Region: 1949–2018”, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seria gumanitarnye nauki*, vol. 160, book 6, pp. 1442–1454.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Актамов Иннокентий Галималаевич, кандидат педагогических наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия; 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; *aktamov13@gmail.com*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Innokentii G. Aktamov, Cand. of Sci. (Pedagogy), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia; bld.6, St. Sakh’yanovoi, Ulan-Ude, Russia, 670047; *aktamov13@gmail.com*.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-367-379

Основные этапы истории тибетской медицины в Забайкалье²⁹¹

Цымжит П. Ванчикова

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия, vanchikova2@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-1381-6186

Олег С. Ринчинов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук
Улан-Удэ, Россия, orinch2@mail.ru
ORCID ID 0000-0003-1379-771X

Аннотация. *Статья посвящена истории тибетской медицины в Забайкалье. Рассматриваются основные этапы ее развития, начиная с XVIII в. по настоящее время. Эти процессы находили отражение в исторических источниках – записках российских исследователей, юридических документах, отчетах православных миссионеров, которые показывают, что традиционная медицина была одной из важнейших сторон общественной жизни. В Забайкалье система медицинского образования была построена в монастырских манба-дацанах, где в больших объемах тиражировалась и распространялась медицинская литература. Бурятские эмчи-ламы активно адаптировали медицинское знание к местным условиям. Таким образом, к началу XX в. был достигнут высочайший уровень развития тибетской медицинской традиции в Забайкалье во всех ее теоретических, практических, социальных аспектах. Вызовы нового времени были связаны с необходимостью взаимодействовать с растущей системой общественного здравоохранения, строившейся на принципах европейской медицины. В этот период бурятские эмчи-ламы и общественные деятели пытались реализовать несколько проектов адаптации тибетской медицины к новым условиям, которые не получили развития в условиях репрессивной антирелигиозной политики советских властей. В статье освещается также современное состояние тибетской медицины в Забайкалье, обсуждаются проблемы ее статуса в российской системе здравоохранения.*

Ключевые слова: *тибетская медицина, Забайкалье, манба-дацаны, эмчи-ламы, медицинская литература, Буручком.*

Для цитирования: *Ванчикова Ц.П., Ринчинов О.С. Основные этапы истории тибетской медицины в Забайкалье // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 369–381. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-367-379.*

²⁹¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии», № 121031000263-3).

The main periods of the history of Tibetan medicine in Transbaikalia

Tsymzhit P. Vanchikova

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia, vanchikova2@yandex.ru
ORCID ID 0000-0002-1381-6186

Oleg S. Rinchinov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Ulan-Ude, Russia, orinch2@mail.ru
ORCID ID 0000-0003-1379-771X

Abstract. *The article is devoted to the history of Tibetan medicine in Transbaikalia. The main stages of its development from the 18th century up to the present are considered. These processes were reflected in various historical sources, including notes of early Russian scholars, legal documents, reports of Orthodox missionaries, which show that traditional medicine was very important aspect of public life. In Transbaikalia a system of medical education was built at the monastic manba-datsans, medical literature was published and distributed in large volumes. Buryat emchi-lamas actively adapted medical knowledge to local conditions. Thus, by the beginning of the 20th century, the highest level of development of traditional medicine in Transbaikalia was achieved. The challenges of the new time were associated with the need to interact with the growing public health system, based on the principles of European medicine. During this period, the Buryat emchi-lamas and public figures tried to implement several projects for adapting Tibetan medicine to new conditions, which were suppressed by the repressive anti-religious policy of the Soviet authorities. The article also highlights the current state of Tibetan medicine in Transbaikalia, discusses the problems of its status in the Russian healthcare system.*

Key words: *Tibetan medicine, Transbaikalia, manba datsans, emchi lamas, medical literature, Buruchkom.*

For citation: *Vanchikova, T.P. and Rinchinov, O.S. (2023), "The main periods of the history of Tibetan medicine in Transbaikalia", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 369–381. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-367-379.*

Введение

Тибетская медицина является ярким явлением в многонациональной культуре России. Неразрывно связанная с тибето-монгольским буддизмом, она развивалась на российской почве на протяжении нескольких столетий, пройдя в своей истории несколько важных этапов, каждый из которых был обусловлен как внутренними факторами становления традиционной медицинской системы, так и внешними условиями, которые диктовались изменениями политики российского государства в отношении административного устройства и религиозной жизни бурятского общества. В данной статье осуществлена попытка определить этапы исто-

рии тибетской медицины в Забайкалье и проанализировать их основную проблематику.

Распространение тибетской медицины в Забайкалье

Буддизм пришел на территорию Забайкалья вместе с исповедовавшими его выходцами из разных частей монгольского мира в XVII – начале XVIII вв. Это происходило в условиях величайших потрясений, в эпицентре которых оказался монгольский мир. Экспансионистская политика Русского государства, Цинской империи, кровавые конфликты с Джунгарией вызывали активные трансграничные перемещения населения. К этому периоду относится формирование так называемых «восьми западных» селенгинских бурятских родов в Западном Забайкалье, большая часть которых на момент принятия русского подданства уже были приверженцами буддизма. Вместе с новыми подданными на российскую территорию выходили и оседали здесь представители буддийского духовенства. Так, в бурятских исторических нарративах популярен сюжет о прибытии в Забайкалье 150 высокообразованных монгольских и тибетских лам, один из которых, выходец из Амдо Агван-Пунцок, стал первым признанным российскими властями иерархом буддийской сангхи. Сохранились сведения, что среди этих священнослужителей были и образованные эмчи-ламы [Земля Ваджрапани 2008, с. 29–30].

Более достоверные сведения о врачах, проживающих в бурятских селениях, используемых ими целительских приемах и лекарствах отложились в записках европейских путешественников, проезжавших по бурятским землям в составе дипломатических и торговых караванов, первых научных экспедиций. Уже в 1725 г. руководитель первой научной экспедиции в Сибирь Даниил Готтлиб Мессершмидт составил описи лекарственных компонентов, информацию о которых ему предоставили «тангутские ламы», с которыми он занимался изучением тибетского языка [Тибетская медицина 2008, с. 28–29]. Во время путешествия по Забайкалью в рамках Второй Камчатской экспедиции в 1735 г. немецкий исследователь-натуралист на русской службе Йоганн-Георг Гмелин заинтересовался деятельностью эмчи-лам [Буряты 2004, с. 454]. Ему удалось ознакомиться с книгами, из которых лекари черпали знания, изучить применяемые ими медикаменты и инструменты, воочию увидеть способы приготовления лекарств и методы лечения. Согласно сведениям Гмелина из книги «Путешествие через Сибирь», вышедшей в 1751–1752 гг. на немецком языке, забайкальскими медиками практиковались кровопускание, прижигание, постановка банок, они располагали значительным арсеналом хирургических инструментов. В своей книге Гмелин подробно описал применение медикаментозного и хирургического методов удаления бельма, свидетелем которого он стал. В первом случае лекарь применял специальные зольные составы собственного приготовления из минералов и металлов, которые вводились в глаз больного в виде капель или порошка. Для хирургического вмешательства он использовал целый набор специальных инструментов, с помощью которых аккуратно срезались замутненные участки роговицы – крючки, иглы, ланцеты. Записки Гмелина отражают высокий для того времени, даже по европейским меркам, уровень подготовки и мастерства забайкальских эмчи-лам.

Свидетельства о деятельности бурятских лекарей этнографического характера оставил Михаил Татаринов в своем труде «Описание о братских та-

тарах, сочиненное морского корабельного флота штурманом ранга капитана Михаилом Татариновым», который был составлен в 1765 г. Более систематизированное изучение тибетской медицины предпринял лейб-медик Осип (Иосиф) Осипович Реман, служивший врачом при посольстве Ю.А. Головкина в Китай в 1805–1807 гг. По возвращении ему удалось идентифицировать некоторые компоненты из большой коллекции лекарственного сырья, приобретенной во время путешествия, что можно считать первым опытом естественно-научного изучения тибетской медицины в России [Аюшеева 2007, с. 53].

Помимо указанных выше свидетельств российских путешественников и естествоиспытателей, достоверными источниками сведений о существовании системы медицинского обслуживания среди бурят являются юридические документы той поры. Например, в состав ранних бурятских правовых уложений включены особые статьи, призванные регулировать отношения между лекарем и пациентом. Так, в «Книге записей судебных законов, выработанных 8 числа последнего осеннего месяца 1775 г. на сборе сайтов двадцати двух отоков всего Селенгинского ведомства» указано: «При получении лекарства от лекаря подносить цену лекарства за один «тун», (измеряемого) лекарственной ложкой, пять копеек. Однако ламы и миряне пусть поступают по совести. За излечение паралича, внутренней опухоли, сужения пищевода, сифилиса, глазных болезней, язвенных поражений носа, туберкулеза лимфатического желез, оспы и подобных заболеваний отдавать по два рубля. Покупать лекарства по установленному выше правилу». Подобные установления встречаются и в более поздних сводах обычного права бурят, например, в «Положении 1808 г.», «Селенгинском сборнике 1823 г.», «Новом постановлении о жизни и обычаях. Правила, установленные селенгинскими и хоринскими главными и почетными духовными и светскими сайтами в 1841 г.» и др. [Тибетская медицина 2008, с. 30] Это свидетельствует о том, что врачебная практика была весьма значительной и осуществлялась на профессиональной основе, что подразумевает существование определённой системы передачи опыта и знаний опытными эмчи-ламами своим ученикам.

Более поздними, но не менее ценными источниками служат труды православных миссионеров, которые изучали состояние буддизма среди бурят, чтобы вырабатывать способы борьбы за умы и сердца иноверцев и склонить их к принятию христианства. В этой связи необходимо отметить материалы архиепископа Нила (Н.Ф. Исаковича), протоиерея К.К. Стукова и др., в которых указывается важность тибетской медицины для укрепления позиций буддизма в бурятском обществе, показывается разнообразие методов лечения и богатство арсенала лекарственных средств, к которым в значительной степени прибегало и русское население края [Аюшеева 2007, с. 54; Буддизм 2014, с. 255–256].

Становление институтов традиционной медицинской системы

По мере распространения буддизма среди разных территориальных групп бурят в Забайкалье расширялась сеть монастырских учреждений. Уже к середине XIX в. их общее число достигало несколько десятков на

пространстве от Ангары до Онона. Существенно выросла их общественная роль и значимость. Буддийские монастыри были не просто местами отправления культа, они являлись также центрами культуры и образования. Учебные программы бурятских дацанов составлялись по образцу знаменитых тибетских монастырей. Значительная часть придерживалась системы подготовки монастыря Лавран, расположенного в северо-восточной тибетской провинции Амдо (ныне провинция Ганьсу в КНР), где обучались многие монгольские и бурятские монахи. Программа обучения включала посвящение в «пять больших наук» (философия, логика, медицина, языкознание, технология) и «пять малых наук» (поэтика, стилистика, синонимика, музыка с танцами, астрология). После прохождения полного курса *цаннида* (буддийской философии), желающие могли продолжить обучение на других факультетах, например, тантрическом, или приступить к изучению астрологии, медицины и т. д. [Ванчикова, Гомбоева 2010, с. 45, 47].

Поскольку оказание медицинской помощи способствовало расширению и укреплению позиций буддизма в жизни общества, бурятское духовенство создавало условия для подготовки эмчи-лам и их практической деятельности. Для этого при монастырях открывались школы тибетской медицины, так называемые манба-дацаны. Со временем была создана целая сеть таких образовательных учреждений, позволивших вывести на новый уровень профессиональную подготовку врачей тибетской медицины.

Первый медицинский факультет был открыт в 1869 г. в Цугольском дацане. В 1880-е гг. были основаны медицинские школы при Агинском и Анинском дацанах. Обучение будущих эмчи-лам на вновь открываемых медицинских факультетах велось согласно учебной программе монастыря Лавран, что видно из «Внутреннего устава Цугольского манба-дацана», составленного в 1862 г. на основе соответствующего устава тибетского монастыря и сохранившегося в фондах Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова [Аюшеева 2007, с. 59].

Этот документ устанавливает распорядок дня и дисциплинарные требования для обучающихся, указывает сопровождающие процесс обучения религиозные ритуалы, определяет учебную литературу и объем обучающего материала, устанавливает способы проверки качества знаний и регламент проведения экзаменационных испытаний.

В качестве коренного текста и теоретической основы курса в Уставе определен канонический для тибетской медицины трактат «Чжуд-ши». Обучающимся надлежало выучить наизусть шесть глав первой «Тантры основ», описывающей структуру тибетской медицины, тридцать одну главу второй «Тантры объяснений», раскрывающей методологические аспекты, и двадцать семь глав четвертой «Дополнительной Тантры», которая дает описания лекарственных форм, излагает методы лечения и диагностики. Информацию, содержащуюся в 92 главах третьей части трактата, «Тантре наставлений», надлежало тщательно изучить и освоить. После заучивания коренного текста по каждой его главе наставники давали развернутый комментарий с разъяснением медицинских понятий и терминов и подробным рассмотрением вопросов теории и практики. После этого учащиеся приступали к изучению фармакологических и фармацевтических руководств,

фармакогностических трактатов и рецептурных справочников [Жабон 2012, с. 6–7].

После того, как ученики получали полное теоретическое представление о строении тела, расположении органов и сосудов, причин болезней, методов диагностики и лечения болезней, способов изготовления и применения лекарственных средств, они приступали к приобретению практических навыков под руководством опытных наставников. Общепринятой практикой был коллективный сбор лекарственных растений, в ходе которого учащиеся учились искать и определять нужные виды сырья. Ученики должны были участвовать в изготовлении лекарственных препаратов. В ходе этого процесса они усваивали составы рецептурных прописей, учились приготовлению разнообразных лекарственных форм, таких как отвары, порошки, масляные и зольные лекарства и т. д. [Аюшеева 2007, с. 62] Усилиями выпускников медицинского факультета Цугольского дацана изучение тибетской медицины по указанной схеме было организовано в хоринских, селенгинских и других монастырях Бурятии.

В манба-дацанах занимались исследовательской работой. Выполнялись переводы тибетских медицинских сочинений на монгольский язык, составлялись тибетско-монгольские терминологические словари, рецептурные справочники и иллюстрированные определители лекарственного сырья, в которых бурятские эмчи-ламы отражали свой опыт адаптации медицинских знаний и местных забайкальские источники лекарственного сырья животного, растительного, минерального происхождения. Например, вторым настоятелем Цугольского дацана Галсан-Жимба Дылгыровым (1816–1872?) были выполнены переводы «Чжуд-ши» и «Лхантаба» на монгольский язык. На протяжении XIX в. в монастырских печатнях было налажено тиражирование медицинской литературы ксилографическим способом. Известны бурятские издания таких тибетских медицинских сочинений, как «Чжуд-ши», «Вайдурья-онбо», «Лхантаб», «Кунсал-нанзод», «Шэлгон», «Шэлпрэн». Особенно активен в этой области был Агинский дацан. Медицинские сочинения массово издавались также в Цугольском, Эгитуйском и Кижингинском дацанах.

Развитие тибетской медицины в Забайкалье нашло свое отражение в популярности жанра «чжоров» – рецептурных справочников. Большое число сочинений этого типа свидетельствует об интенсивном процессе адаптации тибетской медицины к местным условиям, в основном за счет использования местных видов лекарственного сырья. Многие бурятские лекари вели записи, в которых тщательно фиксировали составы и дозировки составляемых ими прописей, вносили сведения о показаниях к применению, технологии изготовления и т. д. Такие комментарии часто делались на листах рукописных и печатных изданий «чжоров» в виде подстрочных пометок, примечаний, записей на полях. Появление таких рецептурников было вызвано тем, что местное лекарственное сырье замещало компоненты тибетских лекарств, недоступные из-за отдаленности от традиционных источников лекарственного сырья. Почти в каждом бурятском манба-дацане составлялись свои «чжоры», которые могли быть авторскими или анонимными, выполнялись рукописным или ксилографическим способом. Они являлись наиболее

часто используемыми практическими пособиями среди медиков Забайкалья [Буряты 2004, с. 457–458].

Ярким примером этого жанра медицинской литературы служит так называемый «Большой Агинской жжор», составленный в начале XX в. Сумати Праджней. Этот крупный по объему рецептурный справочник, который содержит описание около 1200 лекарственных составов, представляет результат многолетней адаптации тибетской медицины к образу жизни населения и лекарственным ресурсам Забайкалья. В нем приведены названия, составы сборов и дозировки компонентов, указаны способы изготовления лекарственных форм и показания к применению каждой прописи. Рецептурник был напечатан ксилографическим способом в Агинском дацане [Тибетская медицина 2008, с. 49].

Сочинения бурятских авторов предоставляют богатый материал для изучения наследия тибетской медицины в контексте появления и развития ее региональных школ. Их изучение позволяет оценить самобытность бурятской школы тибетской медицины, определить вклад бурятских эмчи-лам в ее развитие.

Масштаб и глубину проникновения тибетской медицины в Забайкалье раскрывает содержание уникального собрания тибетской медицинской литературы, хранящегося в Центре восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН. Эта коллекция сложилась на основе монастырских и частных библиотек, она насчитывает более 500 рукописных и ксилографических изданий, относящихся к разным жанрам. Значительное число представленных в собрании ксилографов было выпущено печатнями бурятских дацанов, из них большинство были напечатаны в Агинском дацане. Содержание коллекции раскрывает интересы бурятских эмчи-лам, дает количественные оценки распространённости сочинений тех или иных жанров, показывает развитие традиционной медицины в контексте принадлежности Забайкалья тибето-монгольскому культурному континууму. Всего в результате исследования коллекции ЦВРК определено 11 жанрово-тематических категорий [Жабон 2012, с. 13–25]:

- 1) сочинения по истории медицины, освещающие процессы формирования и развития медицинских традиций и содержащие богатые биографические и историко-библиографические сведения;
- 2) первоисточники, лежащие в основе теории и практики традиционной медицинской системы, которые отличаются концептуальной целостностью и органичностью;
- 3) комментарии к коренным текстам, дающие разъяснения трудных, неясных мест основных источников в традициях соответствующих тибетских медицинских школ;
- 4) рецептурные справочники «менджоры», имеющие ярко выраженную практическую направленность, в которых приводятся прописи рецептов, компоненты лекарственных препаратов и оздоровительных средств;
- 5) руководства по лечебным процедурам содержат описания и указания по технике проведения традиционных «пяти лечебных процедур», таких как кровопускание, прижигание, компрессы, ванны и массаж;

- б) сочинения по фармакогнозии посвящены описанию лекарственного сырья, применяемого в тибетской медицине, часто снабжаются иллюстрациями;
- 7) медицинские словари;
- 8) карчаки – библиографические указатели;
- 9) тобйики – перечни полученных учений, содержат систематизированные списки дисциплин, наставлений, руководств и посвящений, полученных автором;
- 10) медицинские тексты из буддийских канонических собраний Кангьюр и Тенгьюр;
- 11) обрядовые медицинские тексты описывают практики реализации Будды медицины, ритуалы благословения лекарств, подношений и умиловления хранителей медицинского учения и т. д.

Таким образом, коллекция тибетских медицинских сочинений ЦВРК является ярким свидетельством высокого уровня развития тибетской медицинской традиции в Забайкалье во всех ее теоретических, практических, социальных аспектах, пик которого был достигнут к началу XX в.

Проекты модернизации тибетской медицины в социальных условиях начала XX в.

В первые десятилетия XX в. происходили радикальные изменения социально-политической жизни в России и Восточной Азии, что привело к новым вызовам, вставшими перед бурятскими врачами. Необходимо было адаптировать тибетскую медицину к новым социальным условиям, найти способы взаимодействия и интеграции с развивающейся европейской медициной.

Для решения этих задач по инициативе Агвана Доржиева (1853–1938) – выдающегося буддийского ученого, политического деятеля, учителя Далай-ламы XIII Тубтен Гьятцо и Хамбо-ламы Ч.-Д. Иролтуева (1843–1918) была создана медицинская школа при Ацагатском (Шолотском) дацане [Тибетская медицина 2008, с. 38]. Она была призвана воплотить лучшие традиционные подходы к организации медицинского образования, сконцентрировать наиболее эффективные целительские практики, но при этом обеспечить плодотворное взаимодействие с российскими административными органами и системой общественного здравоохранения. Руководитель школы Дондуб Ендонов имел опыт работы с русскими врачами и профессорами того периода. По его инициативе в Ацагатской медицинской школе, наряду с традиционными предметами изучения тибетской медицины, стали преподавать основы европейской анатомии и физиологии. Обучение в значительной части велось на монгольском языке. Развивая учебно-методическую базу, Д. Ендонов составил наглядные пособия в виде анатомических таблиц по образцу свода иллюстраций к трактату «Вайдурья-онбо», известного под названием «Атлас тибетской медицины». Такие иллюстрированные пособия помогали лучше воспринимать теоретические и практические аспекты классических медицинских текстов. С их помощью студенты учились максимально точно определять расположение внутренних органов, уязвимых

мест, сосудов и точек, необходимых для проведения лечебных процедур. Эта работа выдающегося бурятского эмчи-ламы носит условное название «Малый атлас тибетской медицины» и хранится в фондах Музея истории Бурятии им. М.Н. Хангалова.

В качестве учебного пособия для Ацагатской школы Д. Ендонов сделал список монгольского перевода иллюстрированного сочинения на маньчжурском языке «Высочайше утверждённый трактат о строении тела», которое было написано в начале XVIII в. иезуитскими миссионерами по указанию императора Канси на основе европейских анатомических учебников того времени [Дашиева и др. 2022, с. 233]. Важность этого сочинения была в том, что на тот момент это был один из первых доступных источников на монгольском языке по вопросам теории и практики европейской медицинской науки. В своей работе Д. Ендонов скрупулезно воспроизвёл 126 рисунков из оригинального сочинения, выполненных в европейской стилистике XVII-XVIII вв. В фондах Музея истории Бурятии находится еще один список этого трактата на монгольском языке, выполненный в формате потхи с иным, более современным, стилем иллюстраций. Сочинение в целом представляет яркий образец начального этапа взаимодействия генетически разных медицинских традиций, адаптации и инкорпорирования достижений западной науки в систему подготовки врачей традиционной медицины в Китае, Монголии и Бурятии в начале XX вв. Его использование в учебной программе Ацагатской медицинской школы показывает, как бурятские деятели традиционной медицины напряженно искали ответы на вызовы времени.

С утверждением советской власти был провозглашён курс на модернизацию всех сфер общественной жизни. Одной из задач было построение новой системы здравоохранения с масштабным охватом всего населения. Интеграция тибето-монгольской медицины в советское здравоохранение представлялась невозможной из-за её неразрывной связи с буддийской церковью, поскольку новое государство строилось на принципах воинствующего атеизма. Его установки влияли на формирование господствующего дискурса в отношении медицинских систем, сформировавшихся вне европейской научной парадигмы, который был направлен на дискредитацию тибетской медицины и её удаление из жизни бурятского общества. Но были встречные попытки сохранить тибетскую медицину, переосмыслив ее в рамках научных подходов и секуляризации, которые предпринимались в академической среде [Ванчикова, Ринчинова 2016, с. 158].

В 1922 г. был создан Бурят-монгольский учёный комитет, интересы которого были направлены на изучение вопросов истории, этнографии, языкознания и религиоведения монгольских народов. Буручком активно участвовал в формировании и становлении новых институтов бурятского общества в науке, образовании, культуре.

Проблема сохранения тибетской медицины в современных условиях попала в сферу внимания Буручкама с самого начала его деятельности. Ученые видели выход из сложившейся ситуации в систематизации тибетской медицины на научных началах, в определении её сильных и слабых сторон, и, главное, выведении тибетской медицины за рамки религиозных институ-

тов. Уже в 1923 г. вышли «Тезисы по вопросу о тибетской медицине в Бур-республике» под редакцией Б. Барадина. В результате исследования были сделаны выводы о том, что тибетская медицина представляет собой теоретически стройную науку, которая по своему построению, терминологии и методологии связана с великой индийской культурой; она охватывает все отделы современной научной медицины, такие как патология, эмбриология, бактериология, фармакология, диагностика, терапия и хирургия; она представляет большой научный и практический интерес, особенно в аспектах патологии, фармакологии и терапии; условия для ее изучения в Бурятии являются чрезвычайно благоприятными, что связано с наличием исчерпывающей литературы на тибетском и монгольском языках и живой традиции.

В феврале 1924 г. Буручкомом был предложен проект «Положения о тибетской медицине в Бурят-Монгольской АССР», нацеленный на модернизацию тибетской медицины и её внедрение в формирующуюся советскую систему здравоохранения. В пояснительной записке основным принципом было определено «отделение <тибетской> медицины от ламайской церкви и установление строгой регламентации врачебной практики лам». В случае принятия Положения всем учреждениям, где практиковалась тибетская медицина, предписывалось перейти под управление Бурнаркомздравицы, тем самым они выводились из ведения Центрального Совета по духовным делам буддистов СССР. Предлагалось создать контролирующий орган Тибмедцентросовет, куда все практикующие медики были обязаны представлять отчёты о своей деятельности [Ванчикова, Ринчинова 2016, с. 160].

Эти попытки не смогли переломить настрой властей на удаление тибетской медицины из жизни советского общества. На протяжении 1920–1930-х гг. репрессивная политика в ее отношении лишь усиливалась, что привело к полному уничтожению медицинской системы, которая функционировала на территории этнической Бурятии на протяжении трёх веков.

Попытка Буручкама сохранить тибетскую медицину как интегральную часть системы общественного здравоохранения, в первую очередь на основе секуляризации и её научного изучения, заслуживает внимания как учёных, так и организаторов медицинской отрасли. Бурятские ученые пытались решить проблему признания тибетской медицины, не имея ни поддержки со стороны властей и буддийской сангхи, ни серьёзной научно-исследовательской базы. Тем не менее, Буручком смог определить перспективы научного переосмысления наследия тибетской медицины, остающиеся актуальными и сегодня.

Трагические события 1930-х гг. сказались на судьбе тибетской медицины. Антирелигиозные кампании советской власти завершились полным разгромом буддизма в СССР. Были закрыты и разрушены монастыри, репрессированы ламы, многие из которых были расстреляны, а другие отправлены в лагеря и ссылки. Практика тибетской медицины оказалась под запретом на долгие годы.

Состояние и проблемы тибетской медицины на современном этапе

Лишь спустя более 30 лет, в 1968 г. по инициативе и под руководством известного востоковеда П. Б. Балданжапова в Институте общественных наук

Бурятского филиала СО АН СССР было восстановлено целенаправленное академическое изучение наследия тибетской медицины. Был создан отдел источниковедения индо-тибетской медицины, в котором началось комплексное изучение основных письменных источников тибетской медицины. С первых дней становления этого научного подразделения в него были приглашены ламы-медики, знатоки традиционной медицины Д.Д. Бадмаев, Д.М. Дашиев, Ч.-Д.Я. Ямпиров, Ж.Ж. Цыбенков и др. [Аюшеева 2007, с. 118]. За прошедший период тематика исследований тибетской медицины существенно расширилась, созданы новые направления фундаментальных исследований разных аспектов тибетской медицины: источниковедческих, естественнонаучных, фармакологических, медицинских, социокультурных, которые проводятся в стенах академических институтов Бурятии.

Благодаря огромной научной базе, которая была накоплена в течение 50 лет активного научного поиска, изменению государственной политики по отношению к религии, тибетская медицина возвращает свои позиции в обществе. Ныне эмчи-ламы, получающие образование по традиционной программе в буддийских образовательных учреждениях России, Монголии, Индии свободно осуществляют приём пациентов в дацанах и частных практики. Функционируют частные медицинские учреждения, активно применяющие методы тибетской медицины в своей деятельности. С 1992 в г. Улан-Удэ работает ГАУЗ РКЛРЦ «Центр восточной медицины», в настоящее время единственное государственное учреждение, в лечебный процесс которого внедрены методы диагностики и лечения, основанные на тибетских медицинских знаниях. Сегодня традиционная медицина рассматривается как перспективное направление комплексного социально-экономического развития Республики Бурятия в таких сферах, как наука, образование, фарминдустрия, медицинское обслуживание, туризм, сельское хозяйство, медицинское приборостроение [Наследие 2016].

Сдерживающим фактором развития тибетской медицины на современном этапе является отсутствие правового признания традиционных медицинских систем в российском законодательстве, регулирующем сферу общественного здравоохранения. Решение этой проблемы требует слаженной совместной деятельности ученых, религиозных и общественных деятелей, законодательных и исполнительных органов власти [Ринчинов и др. 2020].

Заключение

Таким образом в истории бытования тибетской медицины в Забайкалье можно выделить несколько важных этапов, для каждого из которых характерна определённая проблематика, связанная как с внутренней логикой развития традиционной медицинской системы, так и меняющейся на протяжении почти трех веков политикой российского государства. Изучение каждого из этих этапов опирается на определённый источниковый корпус данных. В этой связи представленная нами периодизация и приведенные в статье материалы могут быть полезны для дальнейших исторических, культурологических и медико-антропологических исследований тибетской медицины в России.

ЛИТЕРАТУРА

Аюшеева 2007 – *Аюшеева Л.В.* Тибетская медицина в России. – Улан-Удэ: Изд-во БЦ «Ринпоче-багша», 2007. – 164 с.

Буряты 2004 – Буряты / Отв. ред. Л.Л. Абаева, Н.Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 2004. – 633 с.

Ванчикова, Гомбоева 2010 – *Ванчикова Ц.П., Гомбоева М.И.* Философские школы буддийских монастырей Восточного Забайкалья как историко-культурная предпосылка эпохи бурятского Просвещения // Гуманитарный вектор. 2010. № 4 (24). С. 44–49.

Ванчикова, Ринчинова 2016 – *Ванчикова Ц. П., Ринчинова О. С.* Проект Буручкама по реформированию тибетской медицины в БМАССР в 1920-е годы // Гуманитарный вектор. Сер. История. Политология. 2016. Том 11, № 4. С. 155–162.

Дашиева и др. 2022 – *Дашиева С.Б., Ванчикова Ц.П., Ринчинова О.С., Жабон Ю.Ж., Цыренова Н.Д.* Монгольский перевод «Анатомии маньчжуров» в коллекции Д. Ендонова // Власть. 2022. Т. 30. № 2. С. 232–236.

Жабон 2012 – *Жабон Ю.Ж.* Аннотированный каталог медицинской коллекции тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012. – 242 с.

Земля Ваджрапани – Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье: науч. изд. / сост. и науч. ред. Ц. П. Ванчикова; рук. проекта Б. Б. Жамсуев; под общ. ред. П.С. Вайшрамана; Адм. Агин. Бурят. авт. окр. – М.: Изд-во Феория, 2008. М359 с.

Наследие – Наследие тибетской медицины в инновационных проектах Бурятии / отв. ред. Б.В. Базаров. – Улан-Удэ: Изд-во ФГБОУ ВПО «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В.Р. Филиппова», 2016. – 317 с.

Ринчинов и др. 2020 – *Ринчинов О.С., Ванчикова Ц.П., Ринчинова О.С.* Роль академического фактора в правовом признании тибетской медицины в Индии // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 132–137.

Тибетская медицина 2008 – Тибетская медицина у бурят / [Т.А. Асеева и др.]; отв. ред. О.Д. Цыренжапова; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т общей и экспериментальной биологии. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008. – 324 с.

REFERENCES

Ayusheeva, L.V. (2007), *Tibetskaya medicina v Rossii* [Tibetan Medicine in Russia], Izd-vo BC «Rinpoche-bagsha», Ulan-Ude.

Abaeva, L.L. and Zhukovskaya, N.L. (2004), Buryaty [Buryats], in Abaeva, L.L. and Zhukovskaya, N.L. (eds.), In-t etnologii i antropologii im N.N. Mikluho-Maklaya, Nauka, Moscow, Russia.

Dashieva, S.B., Vanchikova, C.P., Rinchinova O.S., Zhabon, Yu.Zh., and Cyrenova, N.D. (2022), “Mongolian translation of “Anatomy of the Manchus” in the collection of D. Endonov”, *Vlast'*, vol. 30, no. 2, pp. 232–236.

Bazarov, B.V. (2016), *Nasledie tibetskoj mediciny v innovacionnyh proektah Buryatii* [The heritage of Tibetan medicine in innovative projects of Buryatia], in Bazarov, B.V. (ed.), Izd-vo FGBOU VPO «Buryatskaya gosudarstvennaya sel'skhozaystvennaya akademiya im. V.R. Filippova», Ulan-Ude.

Rinchinov, O.S., Vanchikova, C.P. and Rinchinova, O.S. (2020), “The role of the academic factor in the legal recognition of Tibetan medicine in India”, *Vlast'*, vol. 28, no. 2, pp.132–137.

Aseeva, T.A. (2008), *Tibetskaya medicina u buryat* [Tibetan medicine among the Buryats], in Cyrenzhapova, O.D. (ed.), Ros. akad. nauk, Sib. otd-nie, In-t obshchej i eksperimental'noj biologii, Izd-vo SO RAN, Novosibirsk, Russia.

Vanchikova, C.P. and Gomboeva, M.I. (2010), "Philosophical schools of Buddhist monasteries in Eastern Transbaikalia as a historical and cultural prerequisite for the era of the Buryat Enlightenment", *Gumanitarnyj vektor*, no. 4 (24), pp. 44–49.

Vanchikova, C. P. and Rinchinova, O. S. (2016), "Buruchkom's project for reforming Tibetan medicine in the BMASSR in the 1920s", *Gumanitarnyj vektor. Ser. Istoriya. Politologiya*, vol. 11, no. 4, pp. 155.

Zhamsuev, B. B. (2008), *Zemlya Vadzhrapani. Buddizm v Zabajkal'e* [The land of Vajrapani. Buddhism in Transbaikalia], Vanchikova, C. P. and Vajshraman, P.S. (eds.), Izd-vo Feoriya, Moscow, Russia.

Zhabon, Yu.Zh. (2012), *Annotirovannyj katalog medicinskoj kollekcii tibetskogo fonda Centra vostochnyh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN* [Annotated catalogue of the medical collection of the Tibetan fund of the Center of Oriental Manuscripts and Woodcuts of the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], Izd-vo BNC SO RAN, Ulan-Ude.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цымжит Пурбуевна Ванчикова, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия; 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; vanchikova2@yandex.ru;

Олег Сергеевич Ринчинов, кандидат физико-математических наук, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия; 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; orinch2@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsymzhit P. Vanchikova, Doct. of Sci. (History), professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia; bld.6, St. Sakh'yanovoi, Ulan-Ude, Russia, 670047; vanchikova2@yandex.ru;

Oleg S. Rinchinov, Cand. of Sci. (Physics and Mathematics), Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia; bld.6, St. Sakh'yanovoi, Ulan-Ude, Russia, 670047; orinch2@mail.ru.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-380-386

**К проблеме социокультурного взаимодействия
СССР и Кореи в 1945 – 1948 гг.:
выборы в Народные Комитеты Северной Кореи
осенью 1946 г. и их роль в формировании
северокорейской государственности**

Алексей А. Вовин

Санкт-Петербургский Институт Истории РАН

Санкт-Петербург, Россия, avovin@gmail.com

ORCID 0000-0001-5089-9999

Аннотация. *В статье рассматривается проблема влияния советской военной администрации на формирование политической культуры Северной Кореи через призму создающегося избирательного законодательства. Внесение изменений (частичное копирование избирательного закона Югославии) всего за несколько месяцев до планируемых выборов – первых в истории Кореи – было вызвано исключительно заботой о получении нужных результатов, которые можно было бы предъявить Москве. При этом, в отличие от предыдущей историографии в статье делается вывод о том, что монополизация власти Трудовой партией СК, произошедшая в результате этих выборов, была следствием не изначальных планов И. В. Сталина и советского правительства, а результатом инициативы местной советской администрации, для которой, с одной стороны, задача построения «буржуазной демократии» оказалась непосильной, а с другой, над советскими генералами в Корее довлел страх получения «неприемливых», с точки зрения Москвы, результатов выборов.*

Ключевые слова: *Окончание Второй мировой войны, образование Северной Кореи, выборы в странах соцлагеря, избирательное право.*

Для цитирования: *Вовин А.А. К проблеме социокультурного взаимодействия СССР и Кореи в 1945–1948 гг.: выборы в Народные Комитеты Северной Кореи осенью 1946 г. и их роль в формировании северокорейской государственности // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 382–388. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-380-386.*

To problem of socio-cultural interaction between USSR and Korea in 1945–1948: elections to People’s Committees of North Korea in autumn of 1946 and their role in formation of North Korean State

Alexei A. Vovin

Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences

Saint-Petersburg, Russia, avovin@gmail.com

ORCID 0000–0001–5089–9999

Abstract. *The article focuses on the problem of the influence of the Soviet military administration on the formation of the political culture of North Korea through the prism of the emerging electoral legislation. The changes (partial copying of Yugoslavia’s electoral law) which were made just a few months before the planned elections – the first in the history of Korea – were caused only by concern for obtaining the desired results that could be presented to Moscow. At the same time, unlike the previous historiography, the article concludes that the monopolization of power by the Labor Party of the SK, which occurred as a result of these elections, was not the result of the initial plans of Stalin and the Soviet government, but of the initiative of the local Soviet administration, for which, on the one hand, the task of building a “bourgeois democracy” turned out to be unbearable, and on the other hand, the fear of receiving “unacceptable” election results from Moscow’s point of view dominated the Soviet generals in Korea.*

Key words: *end of World War II, formation of North Korea, elections in the countries of the socialist camp, suffrage.*

For citation: Vovin A.A. (2023). “To problem of socio-cultural interaction between USSR and Korea in 1945–1948: elections to People’s Committees of North Korea in autumn of 1946 and their role in formation of North Korean State”, *Eurasian Yearbook*, no. 1, pp. 382–388. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-380-386.

Введение

Советская зона Кореи, приблизительно совпадающая по своим очертаниям с границами современной Северной Кореи, как, впрочем, и южная часть полуострова, где стояли войска США, на протяжении нескольких десятилетий, прошедших с русско-японской войны, не имели своей государственности, а сами корейцы даже на символическом уровне были отрезаны от принятия политических решений. Впрочем, нужно признать, что отсутствие механизмов влияния на власть было характерно для корейской политической культуры и до японской оккупации. Реформы Пак Кю Су второй половины XIX века по эффективности в политической плоскости не сравнить с эпохой Мейдзи в Японии, а до этого власть ванов была не ограничена в Корее вовсе. Таким образом, традиции политической жизни были во многом корейцам чужды.

Впрочем, в Северной и Южной Кореях, возникших из советской и американских зон, соответственно, демократические традиции в дальнейшем развивались по-разному. Причем, если в современном мире Северная Корея воспринимается многими как некий идеальный тип тоталитарного государ-

ства, а Южная, наоборот, как страна демократическая, то в межвоенный для Кореи период, то есть, в 1945–1950 гг., ситуация была скорее противоположной. На юге полуострова был установлен крайне недемократический во всех возможных смыслах этого слова режим Ли Сын Мана, который к тому же, что может показаться сейчас удивительным, был гораздо более кровавым по сравнению с Северной Кореей того времени. Именно Юг в межвоенные, да и в военные годы «прославился» массовыми репрессиями против несогласных, приобретавшими порой характер настоящего геноцида. Да и впоследствии, вплоть до 80-х годов XX века, в Южной Корее сменяли друг друга военные режимы.

Иной поначалу была ситуация на Севере. Диктатура Ким Ир Сена сложилась в узнаваемом виде уже после завершения Корейской войны, а в собственно межвоенный период была согласно директиве Сталина и Антонова от 20 сентября 1945 г. предпринята попытка построения «буржуазно-демократической власти», что подразумевало в частности: «1) на территории Северной Кореи советов и других органов советской власти не создавать и советских порядков не вводить; 2) содействовать установлению в Северной Корее буржуазно-демократической власти на базе широкого блока всех антияпонских демократических партий и организаций»²⁹². Отметим, что цитируемый документ предназначался для внутреннего пользования, поэтому вряд ли можно считать, что перед нами лишь декларация благих намерений, представленная для внешнего читателя, а действительные намерения руководителей СССР были противоположными. Скорее, наоборот, изначальные намерения были именно такими, как указывалось в директиве. Такое прямое понимание приведенного выше отрывка подтверждается целым рядом фактических действий, осуществленных советской военной администрацией в Северной Корее в 1946 г. Так была создана многопартийная система, которая в сильно редуцированном виде существует и по сей день – все три современные политические партии страны были созданы в 1946 г. Помимо этого был принят ряд законов: о труде, о равноправии женщин, земельная реформа. Причем последняя была не подразумевала полное отчуждение земель помещиков, а лишь тех из них, которые превышали определенный лимит. Согласимся, что такая половинчатость в проведении земельной реформы для советской власти в целом была не очень характерна.

Выборы 03.11.1946 и избирательный закон Северной Кореи

В воскресенье 3 ноября 1946 г. в советской зоне в Корее прошли первые в истории страны выборы, ставшие важным инструментом легитимации новой власти. Согласно официальным отчетам в них приняло участие 99% населения страны, практически единодушно (98%) отдавшие свои голоса за кандидатов, выставленных Единым Национальным фронтом Северной Кореи. Такой результат вряд ли вызовет удивление у того, кто знаком с советской электоральной системой, – схожие цифры регулярно достигались на выборах, как в самом СССР, так и на территории подконтрольных ему государств советского блока. Видимо, именно этим обстоятельством вызван

²⁹² ЦАМО РФ, Ф. 148, Опись 3763, Д. 111, Л. 92.

тот факт, что в существующей историографии первым выборам в Северной Кореи не уделено практически никакого внимания. Большинство исследователей посвящало этим выборам лишь несколько строк, ограничившись констатацией результата, неприлично близкого к стопроцентному. Несколько особняком стоит работа А. Н. Ланькова “From Satlin to Kim Il Sung. Formation of North Korea 1945–1960”, в которой дается пусть сжатое, но в целом довольно точное описание внешней стороны выборов: безальтернативность, две урны разных цветов (белого и черного) для голосования за и против кандидата от Народного фронта соответственно [Lankov 2002, p. 34]. Можно возразить лишь, что формально выборы назвать совсем безальтернативными нельзя – в 60 округах был выставлен второй кандидат, что, впрочем, никак не помешало практически стопроцентной победе первого, так что это возражение можно считать несущественным. Процедура исключала возможность прямого контроля над волеизъявлением голосующих, чей страх обнаружить «протестность» своего голосования был немаловажным сдерживающим фактором на выборах в самом СССР [Гаврилов 2001, с. 70–73; Кузьменко 2010, с. 38–39]. Более того, нужно принять во внимание то, что в случае с 3 ноября 1946 г. в истории страны выборы проводились вообще в первый раз, следовательно, вряд ли можно было ожидать, что они будут восприниматься населением как некая рутина, никак не влияющая на дальнейшую политическую жизнь, как это зачастую происходило в СССР. И организаторы выборов, соответственно, не могли рассчитывать на пассивность и страх населения. Трудно себе представить, что все северные корейцы еще до выборов вдруг неожиданно осознали опасность голосования «против». А протестные настроения у населения в самом деле имелись, что подтверждается многочисленными отчетами советских военных комендантов, ответственных за выборы «на местах».

Отрицательные настроения отразились в отчетах военных комендантов городов провинции Пхеньян-Пукто²⁹³. Так, например: «Служащий Тан Ик Хо заявил, что кандидатов выдвинули только 28 человек, так где же тут демократия, ее нет. Надо было выдвинуть человек 200 и более, тогда можно было бы сказать, что это демократия». ... «Женщина И-кон-до, член трудовой партии говорит «зачем выдвигать неграмотную женщину? Ведь у нас есть много женщин грамотных. Я против этого». Но когда ей рассказали, в чем дело, она отказалась от своих слов и попросила извинения. Вот эти высказывания получаются от того, что многие корейцы и корейки еще не понимают Закона и существа выборов, ибо после разъяснения им Закона и существа выборов все они взяли свои слова обратно»²⁹⁴.

Анализу процедуры выборов 03.11.1946 посвящена моя специальная статья [Вовин 2020, с. 294–305], чьи основные положения, важные для настоящей публикации, будут приведены ниже. Итак, «Положение о выборах в Народные Комитеты», регламентировавшее процедуру проведения выборов в 1946 г. и в мало измененном виде превратившееся в действующий и поныне северокорейский избирательный закон, было изначально написано на русском языке сотрудниками советской военной администрации. При-

²⁹³ ЦАМО РФ Ф. 58838 ОП 536317, 536318.

²⁹⁴ ЦАМО РФ Ф. 58838 ОП. 536318 Д. 1. Л. 92.

чем его первая редакция, уже опубликованная на корейском языке летом 1946 г., повторяет почти слово в слово советский закон о выборах от 1938 г. Однако затем в новый избирательный закон были внесены изменения, что не осталось без внимания корейцев, вообще живо следивших за подготовкой к первым в их жизни выборам. В частности, мы обнаружили документ, свидетельствующий о том, что некоторые жители Северной Кореи не только придавали выборам большое значение, но и рефлексировали по поводу процедуры их проведения.

Документ отражает наиболее частые критические вопросы, задаваемые гражданами организаторам в период подготовки к выборам:

«1. Почему изменили несколько пунктов Положения о выборах Народных комитетов?

2. Через сколько лет будет изменяться Положение о выборах?

3. Почему не избирается Народный комитет Северной Кореи?

4. Почему выдвигает кандидатов только Демократический фронт, а не весь народ?

5. Кто и как будет избирать Народный Комитет Северной Кореи?

6. Не могут ли быть избранными беспартийные и несостоящие ни в какой общественной организации?

7. Можно ли считать действительно подлинной демократией, когда в каждом округе баллотируется только один кандидат?

8. Можно ли считать действительно подлинной демократией, когда кандидатов выдвигает только Демократический фронт, а остальные не имеют возможности выдвигать кандидатов?»²⁹⁵

Как мы видим, все вопросы очень острые и вскрывают самые существенные изъяны новой избирательной системы, что свидетельствует о том, что определенный потенциал у протестного голосования несомненно был.

Весенние изменения, как текстологически показано в публикации 2020 г., были напрямую заимствованы из югославского избирательного закона 1945 г., чей текст обнаруживается среди материалов, присланных Т.В. Штыкову, руководившему советской военной администрацией в Северной Кореи. Изменения эти касались прежде всего процедуры голосования, введя в нее вместо бюллетеня с именами (из которых предполагалось вычеркивать все имена кроме одного) билет, который нужно было опускать (тайно, сжав в кулаке) в открытую урну того кандидата, за которого предполагалось голосовать. Правка в первую редакцию была внесена крайне небрежно, создав противоречивый по своей сути документ, в котором хорошо видны несостыковки и следы использования метода «ножниц и клея». Целью внесения такой правки было изменение процедуры выборов таким образом, чтобы сотрудникам советской военной администрации, а именно представителям военных комендатур, непосредственно организовавшим выборы, было проще корректировать в нужную сторону их результаты, просто перекладывая билеты из одной урны в другую. Таким образом, коррекция результатов выборов была осуществлена на самом низовом уровне, а «наверх» были отправлены уже нужные цифры.

²⁹⁵ ЦАМО РФ Ф. 58838 Опись 536318 Д. 1. Л. 92.

Заключение

Стоит ли считать, что в данном случае инициатива по фактически фальсификации первых в истории Кореи выборов исходила от высшего советского руководства, противоречат таким образом директиве от 20.09.1945? Думается, на этот вопрос можно дать отрицательный ответ. Буквально все показывает, что в проведении местной политики (за исключением сношений с американцами из Южной Кореи) советская военная администрация была совершенно свободна в принятии решений и осуществляла их без оглядки на Москву. Была поставлена только общая задача – создать институты «буржуазной демократии», и Т. В. Штыков и его подчиненные выполнили ее, как умели. Вряд ли хорошо разбираясь в тонкостях электоральных процедур, они использовали тот единственный образец, который был у них буквально перед глазами, т. е. советский. В процессе подготовки, вероятно, пришло осознание, что его процедура слишком опасна, поскольку не позволяет корректировать результаты возможного протестного голосования, результат которого в таком случае оставался бы неопределенным. Видимо, опасаясь предьявлять в Москву неубедительную победу, а то и поражение Народного Фронта, возглавляемого Ким Ир Сенем, они внесли в первоначальную редакцию Положения определенные изменения, заимствованные из единственного доступного источника – югославского закона о выборах. Эти изменения были по своей природе скорее архаичны, однако упрощали организаторам корректировку результатов. Таким образом, фактически пойдя против директивы из Москвы, советская военная администрация прямо способствовала оглушительной победе на выборах Народного Фронта и Ким Ир Сена, что впоследствии привело к установлению его единоличной власти и к фактическому разрушению электоральной демократии, которую от них требовалось создать. Показательно в этом смысле, что вторая редакция Положения (с заимствованиями из югославского закона) применяется в Северной Корее и поныне, ведь оно стало первым шагом к безоговорочной власти Трудовой Партии Кореи и ее руководителей, а затем и к оформлению идей чучхе.

ЛИТЕРАТУРА

Вовин 2020 – *Вовин А. А.* Две редакции «Положения о выборах в национальные комитеты Северной Кореи 3 ноября 1946 г.»: источники и возможные причины возникновения // Петербургский исторический журнал. 2020. № 2 (26), С. 294–305.

Гаврилов 2001 – *Гаврилов С. О.* Нарушения демократических принципов избирательной системы в ходе выборов в местные советы 1939 г. // Материалы Всерос. конф. Российского историко-правового общества. – Самара, 2001. – С. 70–73.

Кузьменко 2010 – *Кузьменко С. Г.* Избирательная система РСФСР периода развитого социализма (1937–1988 гг.) // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 3. С. 38–39.

Lankov 2002 – *Lankov A.* From Stalin to Kim Il Sung. The formation of North Korea. New Brunswick, 2002.

REFERENCES

Gavrilov, S. O. (2001), “Violations of the democratic principles of the electoral system during the elections to local councils in 1939”, in *Materials Vseros. conf. Russian Historical and Legal Society*, Samara, Russia, pp. 70–73.

Kuz'menko, S. G. (2010), “The electoral system of the RSFSR in the period of developed socialism (1937–1988)”, *State power and local self-government*, no. 3, pp. 38–39.

Lankov, A. (2002), *From Stalin to Kim Il Sung. The formation of North Korea*, New Brunswick.

Vovin, A. A. (2020), “Two Editions of “Regulations on the Elections to the National Committees of North Korea on November 3, 1946”: Sources and Possible Roots”, *Peterburgskij istoricheskij zhurnal*, no. 2 (26), С. 294–305.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексей Александрович Вовин, кандидат исторических наук, Санкт-Петербургский Институт Истории РАН, Санкт-Петербург, Россия; 197110, Россия, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7; *avovin@gmail.com*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexei A. Vovin, Cand. of Sci. (History), Saint-Petersburg Institute of History of Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia; bld. 7, Petrozavodskaya st., Saint-Petersburg, Russia, 197110; *avovin@gmail.com*.

РАЗДЕЛ III

ДИАСПОРЫ НАРОДОВ РЕГИОНА В РОССИИ И В МИРЕ

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-388-401

Русская диаспора Узбекистана в контексте межкультурного диалога двух стран

Марина Н. Мосейкина

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Москва, Россия, moseykina-mn@rudn.ru

Уральский федеральный университет

Екатеринбург, Россия, moseykina-mn@rudn.ru

ORCID 0000-0001-9279-4079

Аннотация. Основное внимание автор уделяет изменению динамики русского присутствия на территории Республики Узбекистан в 1990–2000-е гг., определяет причины оттока русских в Россию. Выявлена институциональная структура Русского мира в Узбекистане, включая диаспоральные структуры, приходы Русской православной церкви Московского патриархата, показаны стратегии сохранения исторической памяти на территории республики и роль в этом руководства республики, узбекских ученых, представительства Россотрудничества, активистов из числа местного русскоязычного населения. Показаны участие диаспоры в международном диалоге культур и место в нем приходов Русской православной церкви, которые демонстрируют успешные практики взаимодействия с верующими иной конфессии и передачи ценностей Русского мира. Раскрывается роль русского языка и участие России в его продвижении на территории Республики Узбекистан в контексте провозглашения 2023 года Годом русского языка как языка межнационального общения в странах СНГ. В работе отмечено широкое использование русской диаспорой и представителями Россотрудничества в Узбекистане глобальной сети для продвижения общих историко-культурных и цивилизационных ценностей. Автор приходит к выводу о ключевой роли русского языка в процессе сохранения идентичности диаспоры, а также средства международных коммуникаций на Евразийском пространстве в целом.

Ключевые слова: Россия, СНГ, миграции, Русская православная церковь, Русский мир, историко-культурные ценности, архитектурный стиль города, русский язык, идентичность, историческая память, евразийская интеграция.

Для цитирования: Мосейкина М.Н. Русская диаспора Узбекистана в контексте межкультурного диалога двух стран // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 390–403. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-388-401.

The Russian diaspora of Uzbekistan in the context of intercultural dialogue between the two countries

Marina N. Moseykina

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

Moscow, Russia, moseykina-mn@rudn.ru

Ural Federal University;

Ekaterinburg, Russia, moseykina-mn@rudn.ru

ORCID

0000-0001-9279-4079

Abstract. *The author focuses on the change in the dynamics of the Russian presence on the territory of the Republic of Uzbekistan in the 1990s-2000s and determines the reasons for the outflow of Russians back to Russia. The institutional structure of the Russian world in Uzbekistan, including diaspora structures and parishes of the Russian Orthodox Church of the Moscow Patriarchate are getting revealed, furthermore strategies for preserving historical memory on the territory of the republic and the role of the leadership of the republic are shown supported by Uzbek scientists, representative offices of Rossotrudnichestvo and activists from the local Russian-speaking population. The participation of the diaspora in the international dialogue of cultures and the role of parishes of the Russian Orthodox Church is shown, demonstrating successful practices of interaction with believers of a different confession and the transfer of values of the Russian world. The role of the Russian language and Russia's participation in its promotion on the territory of the Republic of Uzbekistan in the context of declaring 2023 the Year of the Russian language as the language of interethnic communication in the CIS countries is revealed. The material notes the widespread use by the Russian diaspora and representatives of Rossotrudnichestvo in Uzbekistan of the global network to promote common historical, cultural and civilizational values. The author comes to the conclusion that in modern conditions the Russian language plays an important role in the process of preserving identity in the diaspora and as a means of international communications in the Eurasian space.*

Key words: *Russia, CIS, migrations, Russian Orthodox Church, Russian world, historical and cultural values, architectural style of the city, Russian language, identity, historical memory, Eurasian integration.*

For citation: *Moseykina, M. N. (2023), "The Russian diaspora of Uzbekistan in the context of intercultural dialogue between the two countries", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 390–403. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-388-401.*

Введение

После распада СССР на территориях постсоветского пространства начался процесс формирования т. н. «новых диаспор» (или «нового русского зарубежья») из числа русскоязычных граждан, которые в одночасье превратились в этническое меньшинство на своей родине. Всего за пределами России проживало более 25 миллионов русских и русскоязычных граждан (17,4 процента их общей численности – в бывшем СССР) [Вишневский, Зайончковская 1992].

Ситуация социально-политической нестабильности и ущемление прав, в т. ч. в отношении статуса русского языка, в регионе Центральной Азии заставляли наших соотечественников делать свой выбор в пользу отъезда (реэмиграции) в Россию либо принятия новых условий жизни и адаптации к ним. Во втором случае человек словно попадал в новую реальность; оказываясь между двумя культурами – домашней (родной) и принимающей (чужой) [Мосейкина, Антошин, Голоусова 2022, с. 203].

В 2000-е гг. ситуация начала меняться, в результате, как пишет Е.И. Пивовар, «сообщество российских соотечественников в ближнем зарубежье в настоящее время проходит через очередной этап социально-культурных и организационных трансформаций, связанных с динамикой глобальных и региональных процессов в экономике, политике и в системе международных отношений начала XXI в. При этом современный Русский мир в государствах СНГ, реализующих политику евразийской интеграции, становится заинтересованным участником диалога России со странами Содружества» [Пивовар 2019, с. 16]. Все это вызывает заметный научный интерес в академическом сообществе России и стран ближнего и дальнего зарубежья [Pivovarov, Ershov, Katagoshchina 2021, pp. 437–447; Анн де Танги 2012; Дадабаева 2016, с. 40–52; Должикова, Мосейкина 2020, с. 387–400; Ионцев 1999; Курылёв, Шпаковская, Станис, Петрович-Белкин 2021, с. 120–126; Ионцев 1999; Полоскова 1999]. В этой связи «осмысление роли диаспор как акторов социально-экономических и культурных процессов на постсоветском пространстве приобретает дополнительную актуальность в контексте процессов евразийской интеграции XXI века» [Pivovarov, Ershov, Katagoshchina 2021, p. 430].

История формирования русской диаспоры

История расселения и колонизации русскими территории, входившей в состав Туркестанского края относится к 60–90-м гг. XIX в. Переселенцы появились в том числе в результате крестьянской колонизации края, хотя большинство преимущественно проживало в городах. С русскими в крае было связано развитие земледелия и товарного производства в сельском хозяйстве, обводнение, развитие промышленности, в том числе горнодобывающей, строительство городов и железных дорог. В ходе освоения русскими Туркестанского края шел процесс развития образования среди местного населения, в том числе благодаря открытию администрации в 1860-х гг. «русско-туземных школ»; в 1870-е гг. – мужских прогимназий для подготовки учителей. По инициативе Кауфмана в Ташкенте был открыт Национальный театр и публичная библиотека. Несмотря на противоречивый характер переселенческой политики царских властей, как справедливо отмечает И.В. Волков, она стала «важным фактором не только цивилизующего влияния на коренное население региона [в результате распространения в крае не только русской, но и светской национальной культуры – *Авт.*], но и стержнем межцивилизационного взаимодействия народов» [Волков 2018, с. 474].

К 1917 г. русских в этом регионе насчитывалось уже 1, 5 млн человек (или 10% населения). В годы Великой Отечественной войны только в Узбе-

кистан было эвакуировано около 1 млн человек разных национальностей, в том числе около 200 тыс. детей из различных областей Советского Союза. Одним из символом общего вклада наших народов в Победу стала семья Шомахмудовых, приютившая в годы Великой Отечественной войны 15 детей-сирот разных национальностей.

В Узбекистан в годы войны было переведено 90 заводов, благодаря чему в республике создавался промышленный и энергетический комплексы. Кроме того, в Ташкент, Самарканд, Ферганскую область был эвакуирован целый ряд академических институтов и более 50 вузов Советского Союза, здесь плодотворно работали многие выдающиеся ученые (только в Ташкенте находились 375 работников АН СССР), деятели искусства и культуры, для которых столица Узбекистана в военные годы стала вторым домом²⁹⁶. Общими усилиями советских ученых в узбекской столице была создана уникальная интеллектуальная база для развития исторической науки, включая археологию и историю Узбекистана²⁹⁷.

В послевоенный период поток переселенцев в Узбекистан обеспечивал ежегодно 8–9% прироста городского населения и как следствие – активное жилищное строительство в республике. В советский период русские были заняты главным образом в промышленности, на транспорте, городском строительстве, в сфере связи. Среди интеллигенции это были специалисты преимущественно в области технических и точных наук. При этом доля русских, занятых в сельском хозяйстве, постоянно уменьшалась и составила в Узбекистане – 0, 6%. При этом исследователи отмечали недостаток представительства русских в таких обслуживающих сферах, как юристы, врачи, учителя, сфера управления, а в последующие годы – в коммерческой сфере, городском сервисе [Тишков 1993, с. 4, 6].

С 1970-х гг. происходят изменения в составе граждан региона в связи с высокой рождаемостью среди «титульного» населения, особенно в Узбекистане и Таджикистане. По итогам переписи населения СССР 1989 г., в Средней Азии проживало 9,5 млн русских (19,3% состава населения), в т. ч. в Узбекистане – 8,4%. При этом доля горожан среди русских в республике составляла до 94–97%, среди «титульного» населения – 28% [Тишков 1993, с. 6, 5].

После распада СССР, а именно с 1990 по 2003 гг., большая часть въехавших в Россию со всего постсоветского пространства была выходцами из стран Средней Азии и Казахстана (66% в миграционном балансе). При этом из Узбекистана за этот период выехало 900 тыс. человек. Впереди был только Казахстан – 2 млн 300 тыс. [Анн де Танги 2012, с. 387]. За 1989–1999 гг. число русских в Узбекистане уменьшилось с 1,6 до 1, 2 млн чел. (на 27%); их удельный вес в составе населения республики соответственно снизился за этот период с 8,3 до 5% [Шустов 2011, с. 297].

²⁹⁶ Ханова И. Роль Узбекистана и Ташкента в сохранении и приумножении научного потенциала и культурного наследия СССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). [Электронный ресурс] URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/i-khanova-rol-uzbekistana-i-tashkenta-v-sokhraneni-i-priumnozhenii-nauchnogo-potentsiala-i-kulturno/> (дата обращения 10 января 2023).

²⁹⁷ Рязанцев И. П., Подлесная М. А., Писаревский В. Г., Каргин Е. А. Русский мир в Узбекистане сегодня [Электронный ресурс] URL: <https://ruskiymir.ru/publications/236393> (дата обращения 15 апреля 2023).

В зарубежной историографии часть исследователей возвращение русских в Россию рассматривает как «явление деколонизации», не учитывая всей глубины отношений между народами, которые складывались на протяжении почти полутора веков. В частности, французский историк Анн де Танги пишет, что данный процесс «принял широкий размах к моменту падения Советской империи», хотя, как известно, это не было единственной причиной отъезда в Россию.

Как отмечает В.А. Тишков, для местного русского населения в республиках Средней Азии и Казахстане «помимо благоприятной ... социально-политической и языковой ситуации ... существовали достаточно хорошие возможности и для удовлетворения более широких культурных потребностей», в том числе получения образования всех уровней. На русском языке были средства массовой информации, театры, кино; велось делопроизводство. Все это позволяло русским сохранять «в высокой степени собственный культурный облик» [Тишков 1993, с. 9].

Процессы институционализации русской диаспоры на современном этапе

После распада СССР и создания независимых государств на территории постсоветского пространства произошло изменение социально-культурного и политического статуса русского населения в республиках Центральной Азии, переход его в статус этнического меньшинства со всеми вытекающими отсюда последствиями. И как следствие – начался массовый отток русских из региона. Основной причиной, по которой люди в начале 1990-х гг. покидали основное место жительства, являлись прежде всего межэтнические конфликты, обострившиеся в годы перестройки. Один из них вспыхнул и в Узбекистане. Там произошли столкновения в Ферганской долине, следствием чего стал исход турок-месхитинцев из республики. По опросу, с сентября – октября 1991 г. межэтническую напряженность в качестве главной причины отъезда назвали 50% граждан, покинувших Узбекистан.

В 2000-е гг. отток русского населения из стран Центральной Азии уменьшился, чему способствовала стабилизация ситуации в регионе в целом. Однако численность русских продолжала сокращаться. По Узбекистану к 2009 г. она составляла около 1 млн человек. По последним данным на 2021 г., в Узбекистане 84,5 % жителей являются представителями титульной нации. «Наиболее крупные этнические группы постоянного населения здесь представлены таджиками (4,9% населения), казахами (2,4%), каракалпаками (2,2%)» и другими народами. Русские при этом составляют (это от 650 тыс. до 1 млн человек) [Пивовар, Ершов, Катагощина 2022, с. 371], значительная часть из которых – коренные жители. В целом, в регионе осталось немногим более половины русских, проживавших здесь к моменту распада СССР.

Как отмечают авторы коллективной монографии «Узбекистан в системе евразийской интеграции: политика, экономика, культура», сегодня «концепция модернизационного развития Республики Узбекистан с опорой на ценности исторической и современной культуры, гуманитарное знание и

в то же время – на новейшие информационные технологии, оказывает значительное влияние на внешнюю культурную политику страны, в том числе находит свое выражение в поддержке Узбекистаном международного диалога культур и цивилизаций на Евразийском пространстве. Этот диалог развивается в различных форматах, во многом взаимосвязанных между собой» [Пивовар, Ершов, Катагощина 2022, с. 344]. Один из них включает в себя политику по сохранению этнического многообразия и обеспечению стабильности межэтнических отношений внутри самой страны. Это касается и взаимодействия с русскоязычной диаспорой Узбекистана, которая в условиях активного развития информационного пространства российского зарубежья все чаще рассматривается как сетевая трансграничная структура, представляющая собой сложный многоуровневый комплекс разнообразных контактов и связей.

Базовыми институтами самоорганизации диаспор в Узбекистане являются культурные общества, клубы и другие структуры, деятельность которых направлена на сохранение идентичности и представление социальных интересов диаспоры. Русское население Узбекистана изначально не имело собственной организации. Лишь в 1989 г. как реакция на рост движения «Берлик» стало создание Интерсоюза, который к 1992 г. фактически прекратил существование. Постепенно в столице стали появляться различные культурные организации – Клуб любителей российского кино, Клуб любителей российской книги, Молодежный клуб «Движение» и ряд других организаций, объединяющих российских соотечественников. Имеется целый ряд русскоязычных печатных и электронных СМИ – «Новости Узбекистана», «Вечерний Ташкент», «Знамя дружбы», «Экономика и статистика» и др.

В современных условиях в Узбекистане активно осваивается цифровое информационное пространство различными институтами диаспоры, а также представительством Россотрудничества, РПЦ. Созданы сайты этих организаций, в социальных сетях размещается важная информация о политической и культурной жизни в наших странах, жизни диаспоры, активно освещаются страницы сохранения русского присутствия и православной веры в этой стране. В этой связи диаспора все чаще рассматривается в научной литературе как сетевая трансграничная структура, представляющая собой сложный многоуровневый комплекс разнообразных контактов и связей.

Следует заметить также, что этнографические процессы, происходящие в странах Центральной Азии, оказывают заметное влияние на изменение конфессионального облика региона. Последние десятилетия здесь стремительно сокращался удельный вес христианского населения и, напротив, возрастала численность мусульман. В Узбекистане к 1999 г. численность последних возросла на 29%, а христианского населения сократилась соответственно на 28%. В целом, в республике «удельный вес мусульман вырос с 86 до 92%, а христиан сократился с 9,6 до 5,8%, что являлось одним из наиболее низких показателей среди стран региона» [Шустов 2011, с. 299].

Тем не менее по-прежнему важную роль в вопросах сохранения культурных и духовных ценностей Русского мира на всем постсоветском пространстве играет Русская православная церковь Московского патриархата.

Особое значение имеют практики ее взаимодействия с представителями иной культуры в исламских странах, к которым относится и Узбекистан. В Центральной Азии действует Ташкентская и Узбекистанская Епархия Русской православной церкви Среднеазиатского митрополичьего округа РПЦ Московского патриархата, которая объединила православных верующих Узбекистана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана.

Главный храм епархии в Ташкенте – это Свято-Успенский кафедральный собор, который был возведен на месте постройки дореволюционного периода – церкви Св. Пантелеймона. Глава Среднеазиатского митрополичьего округа – митрополит Ташкентский и Узбекистанский Викентий окормляет многочисленные приходы РПЦ в республике²⁹⁸. В их числе:

- приходы *Бухарского благочиния* (храм святителя Николая Чудотворца г. Зарафшана; храм Всех святых, в земле русской просиявших г. Учкудука; храм святого Архистратига Божия Михаил г. Бухары; храм святителя Николая, архиепископа Мирликийского, чудотворца, г. Кагана; храм преподобного Сергия Радонежского г. Навои; храм святителя Николая, Мирликийского, чудотворца, г. Джизака);
- приходы *Ферганского благочиния* (храм преподобного Сергия, игумена Радонежского, г. Ферганы; храм всех святых г. Андижана; храм святого Архистратига Божия Михаила г. Намангана);
- приходы *Самаркандского благочиния* (храм святителя Алексия, митрополита Московского и всея России, чудотворца; храм Покрова Пресвятой Богородицы и святого великомученика Георгия Победоносца в г. Самарканде). Приходы Русской православной церкви пользуются определённым доверием среди мусульман-узбеков и имеют влияние на современное общество Узбекистана.

Весьма ценно, что на территории Узбекистана действуют Ташкентская православная духовная семинария во главе с ректором – главой Среднеазиатского митрополичьего округа митрополитом Ташкентским и Узбекистанским Викентием, Свято-Троице Георгиевский мужской монастырь в г. Чирчик, Свято-Троице Никольский женский монастырь в г. Ташкенте (обитель зародилась еще в 1894 г., но активно строилась уже в 1990-е гг.).

В 2017 г. в рамках реализации проекта Православного Свято-Тихоновского университета при поддержке фонда «Русский мир» на тему «Приход Русской православной церкви в исламском контексте: практики взаимодействия и передачи ценностей Русского мира (на примере изучения русскоязычных общин в странах Средней Азии)» было собрано 348 анкет массового опроса православных верующих в храмах Ташкента, Бухары, Самарканда и более 20 глубинных интервью с митрополитом, настоятелями, священниками храмов.

При этом 57 % опрошенных отметили, «что Русский мир, то есть та особая общность, которая разделяет ценности и культуру Русского мира вне зависимости от места жительства и гражданства, до сих существует в Узбекистане. Но есть и те, для кого это не столь очевидно и может со временем вызывать всё большее сомнение. В пользу последнего свидетельству-

²⁹⁸ Сайт Православной Церкви в Узбекистане (pravoslavie.uz) URL: <http://www.pravoslavie.uz/?ysclid=liobv1ecli371777296> (дата обращения 12 мая 2023).

ет то, что 67,5 % респондентов согласились с тем, что в последнее время отток русскоязычного населения из Узбекистана усиливается. В условиях стабильной ситуации в республике основными причинами, по которым русские продолжали покидать Узбекистан, назывались низкие заработки (51,4 %), отсутствие работы (42,2 %), невозможность дать хорошее образование детям (27,6%), слабая социальная сфера в целом (17,8 %), чужая культура и ностальгия по исторической Родине (17,2%)»²⁹⁹.

Как показал опрос, большая часть причин, по которым русские продолжают покидать республику, связана с экономическими и материальными трудностями и в меньшей степени затрагивает область душевных и психологических переживаний респондентов. О последнем свидетельствует и тот факт, что 67 % прихожан отметили, что, живя в Узбекистане, чувствуют себя комфортно и в безопасности, ещё 73 % уверены, что даже сегодня (когда нет СССР), можно говорить о дружбе узбекского и русского народа в Узбекистане» и о том, русские и их традиции пользуются большим уважением среди местного населения (так считают 51,4 % опрошенных)³⁰⁰.

Реализация государственной политики международного гуманитарного сотрудничества РФ с Узбекистаном и проблема сохранения исторической памяти

Известно, что память о русских присутствует и в архитектуре узбекских городов, которые создавались еще в дореволюционную эпоху на этой территории. В начальный период ее освоения во главе всей строительной и архитектурно-планировочной деятельности в основном стояли военные инженеры. Единственным дипломированным художником-архитектором, оказавшимся в те годы в Ташкенте, был А.Л. Бенуа – представитель известной в России фамилии архитекторов и художников. В его послужном списке были самые разнообразные объекты, которым он придавал разнообразный стилистический облик: резиденция туркестанских генерал-губернаторов (Белый дом), знаменитые корпуса мужской и женской гимназий и пристроенная к ним церковь во имя святого Александра Невского (в псевдорусском стиле), учительская семинария и церковь при ней.

Церковному зодчеству в крае уделялось особое внимание. Среди тех, кто проектировал храмы был гражданский инженер В.С. Гейнцельман, тесно связанный судьбой с А.Л. Бенуа. Первым и самым примечательным строением города стал военный Спасо-Преображенский собор, который был и наиболее крупным сооружением подобного рода в Туркестанском крае. Вторым значимым сооружением в городе стал дворец опального Великого князя Николая Константиновича Романова также работы инженера В.С. Гейнцельмана (проект башен при доме Великого князя выполнил А.Л. Бенуа). По его же проекту в Ташкенте было построено здание Городской думы [Жданов 2008 с.17–41].

²⁹⁹ Рязанцев И.П., Подлесная М.А., Писаревский В.Г., Каргин Е. А. Русский мир в Узбекистане сегодня [Электронный ресурс] URL: <https://russkiymir.ru/publications/236393/?ysclid=lr3yfext201551307> (дата обращения 15 апреля 2023).

³⁰⁰ Там же.

Сегодня в городах Узбекистана сохраняются некоторые исторические постройки, напоминающие о вкладе русских инженеров и архитекторов в формирование облика среднеазиатских городов. Так, на территории Узбекистана действует Ташкентская обсерватория имени Улугбека, основанная еще в 1873 г. для военного ведомства, а в 1890-е гг. ставшая общенаучной. В советское время на ее базе образовались Китабская широтная станция и высокогорная обсерватория Майданак в Кашкадарьинской области. Ныне здесь располагается гидрометеоцентр и сейсмостанция, на обеих площадках сохранились старые башни для телескопов, выстроенные еще в 1893 г. русскими инженерами³⁰¹.

В раннее советское время на базе профессиональной труппы представителей узбекского фольклорного ансамбля в Ташкенте появился свой Большой театр, здание которого строилось уже в 1939–1948 гг. с перерывом на войну по проекту Алексея Щусева. Это сооружение оценивается современниками как «веха «советской среднеазиатской» архитектуры»³⁰². Там же, в 1934 г., был основан Русский драмтеатр. В 1935 г. из медицинского факультета Среднеазиатского университета (созданного в 1920 г.) выделился Ташкентский мединститут, который расположился в красивом здании старого Кадетского корпуса, выстроенного русскими инженерами в 1901–1903 гг. Таким образом, историческая память, «запечатленная в камне», также служит укреплению межкультурного диалога народов России и Узбекистана, вызывая уважение к известным и мало известным русским, которые внесли свой личный вклад в сохранение и приумножение культуры узбекского народа.

Расширение культурных связей Республики Узбекистан на современном этапе осуществляется в непосредственной связи с государственной национальной политикой Узбекистана второй половины 2010-х гг., которая характеризуется «поддержкой институционализации культурно-гуманитарного движения этнических меньшинств и языкового разнообразия страны, что создает дополнительные точки соприкосновения с государствами, имеющими диаспоры своих народов в Узбекистане» [Пивовар, Ершов, Катагощина 2022, с. 381].

Важную роль в деле реализации государственной политики международного гуманитарного сотрудничества РФ с Узбекистаном и в поддержке проживающих здесь соотечественников играет созданное 1 февраля 2001 г. в г. Ташкенте (первое на постсоветском пространстве в странах Центральной Азии) Представительство Росзарубежцентра (с 2008 г. – Россотрудничества). Открытие состоялось в рамках Межправительственного соглашения о деятельности информационно-культурных центров между Российской Федерацией и Республикой Узбекистан (от 6 мая 1998 г.). Спустя четыре года в Ташкенте был открыт Российский центр науки и культуры (РЦНК) и 23 его филиала в различных областях.

³⁰¹ К истории ташкентского военного госпиталя и церкви при нем [Электронный ресурс] URL: <https://mytashkent.uz/2013/01/04/k-istorii-tashkentskogo-voennogo-gospitalya-i-cerkvi-pri-nem/> (дата обращения 15 апреля 2023).

³⁰² Там же.

Одним из направлений деятельности Россотрудничества является поддержание и распространение русского языка как средства международных коммуникаций на Евразийском пространстве и формирования идентичностей в диаспорах. В этих целях в Ташкенте при РЦНК функционируют методический семинар по русскому языку для учителей-словесников, курсы русского языка, подготовительные курсы для поступления в российские вузы, а также Школа молодого журналиста, Общественное объединение ученых-историков России и Узбекистана. Книжный фонд библиотеки РЦНК насчитывает более 12 тыс. единиц томов учебной, учебно-методической, справочной и художественной литературы. В 2013 г. при РЦНК открылся клуб «Мангалочий дворик Анны Ахматовой», целью которого также является продвижение российской культуры и укрепление российско-узбекских гуманитарных связей на принципах народной дипломатии. В рамках двустороннего сотрудничества в области образования в Ташкенте открылись филиалы российских вузов – МГУ имени М.В. Ломоносова, Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, Российского государственного университета нефти и газа имени Губкина, МГИМО и других.

«Сегодня русский язык остаётся инструментом взаимодействия в самом широком спектре человеческой деятельности. Помимо уже названных областей (науки, культуры, образования), русский язык – это язык цифрового общения». Многими экспертами признается тот факт, что «фактически в интернете и социальных сетях не только в формате ЕАЭС, но и в целом на всём постсоветском пространстве уже самостоятельно сложилось общее русскоязычное информационное пространство. При этом вторым языком интернета остается русский язык. С одной стороны, это деятельность таких компаний, как ВК, «Яндекс», «Касперский» и других, что формирует устойчивый имидж российской школы информатики и бренда «русский программист». С другой – высокая активность новых медиа, которые чаще всего распространяют информацию на национальном и русском языках³⁰³.

В связи с наметившимся интеграционным процессом звучат предложения создать «единый аналог «Евроньюс» (СМИ – иноагент) для информационного пространства ЕАЭС (хотя есть уже МирТВ), который будет создавать, транслировать и поддерживать образ успешного совместного будущего на основе современного разнообразного контента в области науки, образования, культуры, деловой и социальной практики». Также предлагается создать в научном поле ЕАЭС свои рейтинговые наукометрические системы, которые бы признавались значимыми для карьеры научных сотрудников из стран евразийского пространства³⁰⁴.

Следует заметить, что, несмотря на важные шаги, которые предпринимаются сторонами, задача сохранения русского языка в Узбекистане остается по-прежнему актуальной. Уже на протяжении 30 лет в республике продолжается реформа языка, а 1 января 2023 г. страна окончательно перешла на латинский алфавит, на котором начали печататься газеты, книги,

³⁰³ Борисов: русский язык в ЦА становится инструментом цифрового будущего. [Электронный ресурс] А-CENTR <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/borisov-russkiy-yazyk-v-tsa-stanovitsya-instrumentom-tsifrovogo-budushchego/> (дата обращения 4 мая 2023).

³⁰⁴ Там же.

выходить новостные сайты, вестись делопроизводство. Очевидно, что если кириллица исчезнет совсем, будет нанесен урон национальной культуре и образованию, поскольку в Узбекистане русский язык являлся всегда языком межнационального общения, вторым языком страны. 90% книг до последнего времени издавалось на русском языке.

О понимании руководством данной проблемы свидетельствует тот факт, что в стране оказывается поддержка учителям русского языка. В соответствии с Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан № 34 от 19 января 2022 г. «О дополнительных мерах по совершенствованию изучения иностранных языков», учителям, у которых имеется сертификат ТРКИ уровня владения русским языком не ниже показателя С1, устанавливается надбавка к зарплате в размере 50 % [Хусанов 2023, с. 306–308].

Опять же Россия и Узбекистан в последние годы реализуют ряд совместных образовательных проектов, направленных на укрепление знания русского языка в стране. Русский язык по распространённости и социальной значимости в республике уступает только государственному языку, и его изучение является обязательным в средних школах Узбекистана. Так, Российский государственный педагогический университет (РГПУ) имени А.И. Герцена подготовил учебники русского языка для 2–11 национальных классов школ Узбекистана. В октябре 2020 г. Минпросвещения РФ, Министерство народного образования Узбекистана и благотворительный фонд российского бизнесмена Алишера Усманова «Искусство, наука, спорт» подписали соглашение о реализации проекта «Класс!» по повышению уровня владения русским языком в школах республики. Исполнителями программы выступают РГПУ и Узбекстанский Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы народного образования имени А. Авлони. Проект рассчитан на десять лет. В 2020–2030 гг. в республику планируется направить до тысячи российских специалистов, создать 14 региональных центров повышения квалификации и переподготовки педагогических кадров в системе народного образования Узбекистана, а также поэтапно охватить до 10 тыс. школ страны [Хусанов 2023, с. 306–308].

Важно и то, что 2023 год в странах СНГ объявлен Годом русского языка как языка межнационального общения. В рамках цикла мероприятий Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, посвященных Году русского языка, в июне 2023 г. в Узбекистане прошли Летние школы русского языка. Семинары, мастер-классы и педагогические мастерские по развитию системной грамотности и лингвокультурологии, теоретическим и методическим особенностям преподавания русского языка в школе и системе высшего образования Узбекистана провели специалисты из Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы³⁰⁵.

Помимо русского языка, носителем которого была и остается прежде всего русская диаспора в Узбекистане, важное значение в современных условиях приобретает и общая историческая память наших народов о героическом прошлом страны и прежде всего о Великой Отечественной

³⁰⁵ Эксперты РУДН проводят школы русского языка в Узбекистане [Электронный ресурс] URL:<https://uz.sputniknews.ru/20230606/eksperty-rudn-provodit-shkoly-russkogo-yazyka-v-uzbekistane-35767186.html?ysclid=lisxcksh6i703777157> (дата обращения 7 июня 2023).

войне, что проявилось в создании в Ташкенте в мае 2020 г. Музея Славы и Парка Победы, посвященных подвигу участников Великой Отечественной войны. Стало традицией возложение цветов к Вечному огню и могиле Неизвестного Солдата в мемориальном комплексе «Братские могилы», к Аллее героев и стелам городов-героев в Ташкенте. Здесь также проводятся акции «Бессмертный полк».

Таким образом, следует согласиться с мнением ведущих российских ученых – академиков В.А. Тишкова, Е.И. Пивовара о том, что соединение фактора исторической памяти и (как правило) русского языка становится основой для формирования новой идентичности – «транснациональной общности», которую можно условно назвать «евразийской» [Pivovarov, Ershov, Katagoshchina, 2021, p. 440]. Эта идентичность на современном этапе на разных уровнях демонстрируется российской, белорусской, казахстанской и иными национальными диаспорами за пределами постсоветской Евразии и имеет хорошую перспективу стать одной из основ формирующегося евразийского интеграционного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

Анн де Танги 2012 – *Анн де Танги*. Великая миграция: Россия и россияне после падения железного занавеса / Пер. с фр. М. Майзульса, И. Мироненко-Маренковой. – М.: РОСПЭН, 2012. – 479 с.

Вишневецкий, Зайончковская 1992 – *Вишневецкий А., Зайончковская Ж.* Волны миграции. Новая ситуация // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 4–16. [Электронный ресурс] <https://www.km.ru/referats/E4E68E8E2DAC47EB83123A64728BC0C3> (дата обращения 7 мая 2023).

Волков 2018 – *Волков И.В.* Роль России в исторических судьбах народов Средней Азии: дореволюционный период (по архивным, правовым и иным материалам). – М.: Авторская Академия, 2018. – 584 с.

Дадабаева 2016 – *Дадабаева З.А.* Интеграционные возможности миграционно-сотрудничества в Евразии // Теоретическая и прикладная экономика. 2016. № 4. С. 40–52.

Должикова, Мосейкина 2020 – *Должикова А.В., Мосейкина М.Н.* Институты и образовательно-культурные механизмы миграционной политики современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. №3. С. 387–400.

Жданов 2008 – *Жданов Эдуард*. Туркестанский Бонуа. – Ташкент. 2008. Самиздат (дар автора). – 81 с.

Ионцев 1999 – *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история из учения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.

Курьлёв, Шпаковская, Станис, Петрович-Белкин 2021 – *Курьлёв К.П., Шпаковская М.А., Станис Д.В., Петрович-Белкин О.К.* Культурно-гуманитарное сотрудничество государств ЕАЭС как инструмент евразийской интеграции в 2015–2021 гг. // Вопросы истории. 2021. № 11–1. С. 120–126.

Мосейкина, Антошин, Голоусова 2023 – *Мосейкина М.Н., Антошин А.В., Голоусова Е.С.* Русская диаспора в Аргентине: история и современность. – М.: РУДН, 2023. – 290 с.

Пивовар 2019 – *Пивовар Е.И.* Мир российского зарубежья в конце XX – начале XXI века. – М.: РГГУ, 2019. – 439 с.

Pivovar, Ershov and Katagoshchina 2021 – *Pivovar, Efim I., Ershov, Vitaly F., and Katagoshchina, Maria V.* “Post-Soviet diasporas in the age of the internet.” *RUDN Journal of Russian History* 20, no. 3 (August 2021): 437–447.

Пивовар, Ершов, Катагощина 2022 – *Пивовар Е.И., Ершов В.Ф., Катагощина М.В.* Узбекистан в системе евразийской интеграции: политика, экономика, культура: монография. – М.: РННУ, 2022. – 458 с.

Полоскова 1999 – *Полоскова Т.В.* Современные диаспоры в системе международных связей. – М.: Научная книга, 1999. – 252 с.

Рыбаковский 2003 – *Рыбаковский Л. Л.* Миграция населения (вопросы теории). – М.: ИСПИ РАН, 2003. – 238 с.

Рязанцев, Касымов 2021 – *Рязанцев С.В., Касымов О.К.* Трансформация миграционной политики России: тренды, приоритеты, место стран Центральной Азии // *Миграционное право*. 2021. № 2. С. 16–20.

Тишков 1993 – *Тишков В.А.* Русские в Средней Азии и Казахстане. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Документ № 51. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. – 24 с.

Хусанов 2023 – *Хусанов М. Т.* Роль русского языка в Узбекистане // *Молодой ученый*. 2023. № 15 (462). С. 306–308. [Электронный ресурс] // URL: <https://moluch.ru/archive/462/100388/> (дата обращения 9 июня 2023).

Шустов 2011 – *Шустов А.* Постсоветские миграции в государствах Центральной Азии (1990-е – первое десятилетие 2000-х гг.) // *Иммиграционный вызов в начале XXI века: миграции в глобализирующемся мире*. – М.: ИВИ РАН, 2011. – С. 279–302.

REFERENCES

Dadabaeva, Z.A (2016), “Integration opportunities of migration cooperation in Eurasia,” *Theoretical and applied economics*, no. 4, pp. 40–52.

Dolzhikova, A.V. and Moseykina, M.N. (2020), “Institutions and educational and cultural mechanisms of the migration policy of modern Russia,” *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*, vol. 22, no. 3, pp. 387–400.

Iontsev, V.A. (1999) *Mezhdunarodnaya migratsiya naseleniya: teoriya i istoriya iz ucheniya* [International population migration: theory and history from teaching], Dialogue-MGU, Moscow, Russia.

Khusanov, M.T. (2023), “The role of the Russian language in Uzbekistan,” [Online] *Young Scientist*, available at: <https://moluch.ru/archive/462/100388/> (Accessed 9 June 2023).

Kurylev, K.P., Shpakovskaya, M.A., Stanis, D.V. and Petrovich-Belkin, O.K. (2021), “Cultural and humanitarian cooperation of the EAEU states as a tool for Eurasian integration in 2015–2021,” *Questions of History*, no. 11–1, pp. 120–126.

Moseykina, M.N., Antoshin, A.V. and Golousova, E.S. (2023), *Russkaya diaspora v Argentine: istoriya i sovremennost'* [Russian diaspora in Argentina: history and modernity], RUDN, Moscow, Russia.

Pivovar, E.I. (2019), *Mir rossiyskogo zarubezh'ya v kontse XX -nachale XXI veka* [The world of Russian abroad in the late XX – early XXI century], RGGU, Moscow, Russia.

Pivovar, E.I., Ershov, V.F., and Katagoshchina, M.V. (2021), “Post-Soviet diasporas in the age of the internet,” *RUDN Journal of Russian History*, vol. 20, no. 3, pp. 437–447.

Pivovar, E.I., Ershov, V.F., and Katagoshchina, M.V. (2022), *Uzbekistan v sisteme yevraziyskoy integratsii: politika, ekonomika, kul'tura: monografiya* [Uzbekistan in

the system of Eurasian integration: politics, economics, culture: monograph], RNNU, Moscow, Russia.

Poloskova, T.V. (1999), *Diaspory v sisteme mezhdunarodnykh svyazey* [Diasporas in the system of international relations], Scientific Book, Moscow, Russia.

Rybakovsky, L.L. (2003), *Migratsiya naseleniya (voprosy teorii)* [Population migration (questions of theory)], ISPI RAN, Moscow, Russia.

Ryazantsev, S.V., and Kasymov, O.K. (2021), “Transformation of Russia’s Migration Policy: Trends, Priorities, Place of Central Asian Countries,” *Migration Law*, no. 2, pp. 16–20.

Shustov, A. (2011), “Post-Soviet migrations in the states of Central Asia (1990s-first decade of the 2000s),” in *Immigration Challenge at the Beginning of the 21st Century: Migrations in a Globalizing World*, IVI RAN, Moscow, Russia, pp. 279–302.

Tangi, A. de (2012), *Velikaya migratsiya: Rossiya i rossiyane posle padeniya zheleznogo zanavesa* [The Great Migration: Russia and Russians after the Fall of the Iron Curtain], ROSPEN, Moscow, Russia.

Tishkov, V.A. (1993), *Russkiye v Sredney Azii i Kazakhstane. Issledovaniya po prikladnoy i neotlozhnoy etnologii. Dokument № 51* [Russians in Central Asia and Kazakhstan. Research in applied and urgent ethnology. Document No. 51], Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Vishnevskiy, A. and Zayonchkovskaya, Z.H. (1992), “Waves of migration. New situation”, [Online], *Svobodnaya mysl'*, no. 12, pp. 4–16, available at: <https://www.km.ru/referats/E4E68E8E2DAC47EB83123A64728BC0C3> (Accessed 7 May 2023).

Volkov, I.V. (2018), *Rol' Rossii v istoricheskikh sud'bakh narodov Sredney Azii: dorevolutsionnyy period (po arkhivnym, pravovym i inym materialam)* [The role of Russia in the historical fate of the peoples of Central Asia: the pre-revolutionary period (based on archival, legal and other materials)], Avtorskaya Akademiya, Moscow, Russia.

Zhdanov, E. (2008), *Turkestanskiy Benua* [Turkestan Benois], Samizdat, Tashkent, Uzbekistan.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Марина Н. Мосейкина, доктор исторических наук, профессор, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2; moseykina-mn@rudn.ru; профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; 620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19; moseykina-mn@rudn.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina N. Moseykina, Doct. of Sci. (History), professor, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University); 10/2, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russia, 117198; moseykina-mn@rudn.ru; professor, Ural Federal University; 19, Mira str., Ekaterinburg, Russia, 620002; moseykina-mn@rudn.ru.

РАЗДЕЛ IV

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-403-412

Зимний дворец 25 октября 1917 г. в исторической памяти и музейном пространстве: конструирование мифа и фактологические парадигмы рубежа тысячелетия

Юлия З. Кантор

Санкт-Петербургский институт истории РАН
Санкт-Петербург, Россия, juliakantor@yandex.ru

Аннотация. *События в Зимнем дворце в судьбоносную ночь, когда в России взяли власть большевики, являются одним из наиболее острых «сложных вопросов» современной истории, и столетие с лишним спустя волнующим как профессиональных историков, так и простых граждан разных поколений. Факты и идеологемы, причудливо сплетенные воедино, стали основой восприятия «штурма Зимнего» в массовом сознании советского времени, они же являются основой эмоциональной рефлексии и постсоветского поколения. В статье предпринята попытка реконструировать происходившее в Зимнем дворце в ночь с 25 на 26 октября 1917 г., основываясь на новейших источниках в сопоставлении их с советскими документальными и историографическими традициями. Цель такой «реконструкции» – проанализировать и дезавуировать идеологические и художественные мифы, касающиеся революционных событий в Петрограде и конкретно в Зимнем дворце, раскрыв ранее неизвестные сюжеты реальной фатальной истории, в буквальном смысле творившейся на Дворцовой площади Петрограда в те дни.*

Ключевые слова: *Зимний дворец, фильм «Октябрь», лазарет, Временное правительство, женское платье, выстрелы, арест, крейсер «Аврора», миф.*

Для цитирования: *Кантор Ю.З. Зимний дворец 25 октября 1917 г. в исторической памяти и музейном пространстве: конструирование мифа и фактологические парадигмы рубежа тысячелетия // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 405–414. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-403-412.*

The Winter Palace on October 25, 1917. in historical memory and museum space: the construction of the myth and factual paradigms at the turn of the millennium

Julia Z. Kantor

St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia, juliakantor@yandex.ru

Abstract. *The events that took place in the Winter Palace on the fateful night when the Bolsheviks took power in Russia are one of the most acute and “complex issues” of modern history. More than a century later, he worries both professional historians and ordinary citizens of different generations. Facts and ideologemes, intricately woven together, became the basis for the perception of the “storming of the Winter Palace” in the mass consciousness of the Soviet era. They are also the basis for emotional reflection*

and the post-Soviet generation. The article attempts to reconstruct what happened in the Winter Palace on the night of October 25–26, 1917, based on the latest sources in comparison with Soviet ones and historiographical traditions previous epoch. The purpose of such a “reconstruction” is to analyze and disavow the ideological and artistic myths relating to the revolutionary events in Petrograd and specifically in the Winter Palace, revealing previously unknown plots of the real and fatal story that literally took place on Palace Square in Petrograd.

Keywords: *Winter Palace, film “October”, infirmary, Provisional Government, women’s dress, shots fired, arrest, cruiser “Aurora”, myth.*

For citation: *Kantor, J.Z. (2023), “The Winter Palace on October 25, 1917. in historical memory and museum space: Myth construction and Factual paradigms of the turn of the millennium”, Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 405–414. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-403-412.*

О драматических событиях ночи с 25 на 26 октября 1917 г. в Петрограде в нашей стране и за рубежом написаны научные и публицистические книги и статьи, о них сняты художественные и документальные фильмы; музеи России и других стран постсоветского пространства хранят картины, посвященные им. Но и столетие с лишним спустя происходившее в ту судьбоносную ночь и в первое утро новой эпохи в Зимнем дворце, овеяно огромным количеством стойких и противоречивых мифов.

Наиболее визуализированный и широко известный из них – штурм Зимнего дворца. Фильм С.М. Эйзенштейна «Октябрь», созданный в 1927 г., к десятилетию взятия власти в России большевиками, стал основой для мифа, закреплённого в коллективной памяти нескольких поколений как документальное событие, тем более, что официальный исторический курс, несколько позже закреплённый в «Кратком курсе истории ВКП(б)», мало чем отличался от показанного на экране. Толпа, бегущая на штурм Зимнего дворца, матрос, перелезающий через Главные ворота, перестрелка на Парадной, Иорданской лестнице, солдаты, взламывающие дверь зала, где заседает Временное правительство, эти – придуманные и талантливо срежессированные – эпизоды киноленты впоследствии нередко использовались как кинохроника, и фильм сыграл важную роль в процессе мифологизации Октябрьской революции. Неслучайно, после выхода «Октября» в прокат, иностранная пресса писала об Эйзенштейне как о «государственном чиновнике по фальсификации истории» [Малич 2017, с. 7]. И именно благодаря «Октябрю», Дворцовая площадь и Зимний дворец стали сакральными топосами ранней советской истории.

В постсоветское время появилась возможность на документальной основе реконструировать происходившее в судьбоносные сутки в Зимнем и вокруг него, в прямом и переносном смысле пошагово рассмотрев развитие ситуации 25–26 октября 1917 г. в центре российской столицы. Хмурое утро 25 октября 1917 года. Зимний дворец, фактически отрезанный от города, лишен связи с внешним миром, его обороняли триста казаков Пятигорского полка, полурота женского батальона и юнкера [Конивец 2014, с. 154]. Вокруг – хмельно веселящаяся петроградская толпа. Стрельбы почти не было, ультиматум Военно-революционного комитета

Временное правительство проигнорировало. Вооруженные красногвардейцы фланировали рядом с дворцом вполне безобидно. Из воспоминаний А.Д. Зиновьева – Главного управляющего северо-западного Отделения Красного Креста:

«Восстание разразилось 7-го Ноября нового стиля. Я, как всегда, утром отправился в свое Управление Красного Креста. Там, где мне приходилось проходить, все еще было спокойно и ничего особенного не было заметно. Но около 11 часов утра, на Литейной против окон нашего Управления, вдруг, как-то неожиданно появились вооруженные ружьями рабочие вперемешку с матросами. Началась перестрелка, – они стреляли по направлению к Невскому проспекту, но противника их не было видно ... В амбулаторию, находившуюся тут же в здании нашего Управления, стали приносить раненых и убитых... Стрельба эта продолжалась часа два, и потом все затихло, стрелявшие рабочие и матросы куда-то исчезли... Но скоро стали получаться сведения, что восстание всюду было успешно, телефонная станция, водопровод, станции железных дорог и другие важные пункты города были уже в руках большевиков и весь Петербургский гарнизон к ним присоединился <...>. Совет рабочих и солдатских депутатов сидел тише воды и ниже травы, Министры Временного правительства заперлись в Зимнем дворце, где большинство их и жило. Дворец защищался только юнкерами, то есть учениками военных училищ, подготовлявших офицеров, и женским батальоном, недавно сформированным Керенским. Дворец со всех сторон был окружен большевиками, солдатами и матросами <...>.

Когда вечером, часов около 6-ти, я шел домой, в той части города, через которую мне надо было проходить, все было тихо и спокойно, улицы были пустые, движения никакого не было, даже пешеходов я не встретил <...>. Дом, в котором мы жили, был совсем близко от Зимнего дворца, – минут пять ходьбы, не больше. Вечером, после обеда около Зимнего дворца началась оживленная стрельба, сначала только ружейная, потом к ней присоединился треск пулеметов...»³⁰⁶.

В полутемном и беззащитном Зимнем царила нервная растерянность. Полковник С.А. Коренев, член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, находившийся в тот момент в дворце, вспоминал: «Бессилие и малочисленность наших защитников – юнкеров, которым начальство не может даже удосужиться выдать необходимые боевые припасы, это очевидное отсутствие во всем деле обороны направляющей воли, эти сонные генералы и их надежды, что если не кривая, то Керенский выручит. А тут еще все та же проклятая «Аврора», хитро подмигивающая нам жерлами своих пушек, которые, хотя и не будут стрелять, – как уверяют нас в этом наши полководцы, но все же очень подозрительно смотрят прямо нам в окна»³⁰⁷.

³⁰⁶ Из «Воспоминаний» А.Д. Зиновьева // Лазарет имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевич. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2012. С. 91.

³⁰⁷ Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Берлин: Слово, 1922. Репринт: М.: Терра, 1991. Т. 4. С. 152.

Это было около 3 часов дня 25 октября. Примерно тогда же во дворец вошли американский журналист Джон Рид с женой и другом. Охрана их не пустила по «удостоверениям из Смольного» в ворота Собственного сада со стороны площади, но они беспрепятственно прошли через ворота с набережной, предъявив американские паспорта. Они поднялись по лестнице к кабинету министра-председателя, которого, естественно, не застали, и пошли бродить по дворцу, разглядывая картины в залах, превращенных в казарму, глядя на немногочисленных юнкеров и таких же, как они сами, любопытствующих³⁰⁸. А упомянутые Кореневым «полководцы» ошиблись. В 21.40. по световому сигналу с Петропавловской крепости «Аврора» выстрелила из орудия № 1 холостым залпом, дав сигнал к началу захвата власти [Кантор 2017, с. 159].

Вслед за этим стали палить пушки Петропавловской крепости (где по решению ВРК с 25 октября находился Полевой штаб по взятию Зимнего) [Демиденко 2017, с. 108], – и отнюдь не холостыми. Большинство снарядов, летевших с Петропавловской крепости, разорвалось на Дворцовой набережной, шрапнелью было выбито несколько стекол в Зимнем. Два снаряда, выпущенных с Петропавловской крепости, попали в бывшую приемную Александра III.

В Смольном же бурлил II Всероссийский Съезд Советов. Ленин, находившийся на конспиративной квартире у М.В. Фофановой, «бомбардировал» товарищей по партии записками о необходимости радикальных действий. «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение донельзя критическое. Промедление в восстании смерти подобно... Нельзя ждать!! Можно потерять все!!... Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!» [Ненароков 1977, с. 202]. Наконец, не вытерпев, он направился в Смольный. Ленин поднялся на трибуну, переняв эстафету на трибуне у Троцкого, уже успешно «разогревшего» делегатов и подготовившего их к радикальному решению. Меньшевики, эсеры, представители иных партий и даже умеренного крыла РСДРП(б) пытались настоять на мирном и, что не менее важно, – законном – разрешении кризиса. Увы...

В Зимнем, судя по воспоминаниям очевидцев, царила полная неразбериха: даже тогда, когда к вечеру большевики захватили мосты, вокзалы, телеграф и телефон, четких приказаний юнкера и офицеры на получили и бесцельно слонялись по помещениям. Большевистские же агитаторы сообщали защитникам дворца о победах восставших, скором захвате правительства и призывали юнкеров бросать оружие: в пользу их слов говорила и стрельба близ стен дворца, становившаяся все настойчивей. Поздним вечером, когда стало очевидно, что в руках Временного правительства остался только Зимний, рота женского батальона и юнкера получили приказ коменданта обороны выйти на деревянные баррикады, выстроенные перед дворцом на площади [Конивец 2014, с. 162].

Революционные войска в этот момент уже окружили Зимний дворец, ультиматум о сдаче, предъявленный Временному правительству, был им отвергнут. И комиссар ВРГ В.А. Антонов-Овсеенко решил войти в Зимний и

³⁰⁸ Рид Д. 10 дней, которые потрясли мир. СПб.: Лениздат, Время, 2014. С. 251.

арестовать Временное правительство. Несколько десятков человек во главе с ним вошли в дворец через подъезд Ея Величества (расположен слева по отношению к Главному, если стоять лицом к дворцу), причем сделали это совершенно свободно – их пропустили как парламентариев. Лестница эта, впоследствии переименованная в Октябрьскую (носящая это название до сих пор), и помнящая шаги истории, героиней фильма Эйзенштейна не стала – слишком уж скромной и маленькой показалась она режиссеру, творившему миф и выбравшему для съемок роскошную Иорданскую.

Логистики дворца толком не знала и охрана: как выяснилось, никто из его защитников не мог, войдя во дворец с набережной Невы, найти дорогу ни к кабинетам Временного правительства, ни к выходам со стороны Дворцовой площади. Маршрут по коридорам и переходам дворца знали только дворцовые служители, пребывавшие при Временном правительстве «на птичьих правах», а потому на глаза «новой власти» показываться не спешившие. В этом смысле и защитники дворца, и штурмующие были примерно в одинаковом положении. Бесчисленные коридоры дворца и переходы из него в Эрмитаж практически не охранялись по той же причине – никто из военных просто не знал их расположения и не имел под рукой плана здания. Воспользовавшиеся этим большевизированные отряды беспрепятственно проникали во дворец со стороны Зимней канавки. Их становилось больше и больше, а защитники дворца все не могли найти дорогу к тому месту, откуда те появлялись.

Поднявшись по узкой маленькой лестнице, ведущей в личные покои Ее Величества, поплутав по коридорам дворца, отряд Владимира Антонова-Овсенко, в третьем часу утра 26 октября попал в полутемный Малахитовый зал. Услышав голоса в соседнем помещении, Антонов-Овсенко распахнул дверь в Малую столовую. Вслед за ним вошли остальные «эmissары» ВРК [Конивец 2017, с. 21].

За небольшим столом сидели министры Временного правительства, перебравшиеся сюда из Малахитового зала, окна которого выходят на Неву: находится там было опасно – риск продолжения обстрела с Петропавловской крепости сохранялся. После секундной паузы – обе стороны были шокированы столь простой и быстрой развязкой – Антонов-Овсенко в присутствии делегата II Съезда Советов Г.И. Чудновского объявил Временное правительство низложенным, о чем сам вспоминал непафосно: «В следующей комнате мы находим целую группу людей, изображавших Временное правительство. Они сидят за столом и сливаются в одно серо-бледное трепетное пятно. «Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными! – заявляю я им. Бывшие министры сдают имевшиеся при них бумаги и оружие. С трудом устанавливаю около них стражу. Мне помогают матросы. Они вышвыривают из комнаты некоторых подозрительных субъектов. Чудновский составляет список арестованных, который подписываем мы с ним. Всего министров— 16 человек. Все налицо, кроме Керенского»³⁰⁹.

³⁰⁹ Антонов-Овсенко В. Октябрьская буря // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л.: Лениздат, 1956. С. 105.

Это произошло в десять минут третьего утра 26 октября. Стрелки часов на камине в Малой столовой до 2017 г. стояли, показывая именно эти цифры; к 100-летию Октябрьских событий в Зимнем часы были вновь заведены в рамках юбилейной интерактивной программы Государственного Эрмитажа [Кантор 2018, с. 244]. Министры были арестованы и доставлены в Петропавловскую крепость, офицеры и юнкера отпущены «под честное слово». А Антонов-Овсеенко вернулся в Смольный, где известие о «низложении и аресте Временного правительства» было встречено овациями и пением «Интернационала».

Двадцать лет спустя, в 1937-м, Антонова-Овсеенко арестуют как «врага народа» и расстреляют за «контрреволюционную деятельность». Его имя будет вымарываться из советской истории, включая вышедший в 1938 г. «Краткий курс...» и эйзенштейновский «Октябрь», где Антонов-Овсеенко сыграл самого себя, вплоть до реабилитации после XX Съезда партии. Именно потому на хрестоматийно известной картине А.М. Лопухова «Арест Временного правительства», написанной к 40-летию Октябрьских событий, но до реабилитации Антонова-Овсеенко, его изображения нет. А вот на одноименном полотне С.А. Зверева «Арест Временного правительства», написанном по заказу ленинградского Музея революции (ныне Государственный музей политической истории России) в 1936 г. к 20-летию Октября, Антонов-Овсеенко находится в центре: как и было в действительности. И именно по этой причине картина была без показа в 1937 г. спрятана в запасники и впервые экспонировалась лишь в 2017 г. в рамках проекта ГМПИР «Картина как документ эпохи»³¹⁰.

Пока в Смольном пели «Интернационал», в залы Зимнего, заполненные тяжелоранеными, ворвались революционные отряды красноармейцев и вооруженных рабочих – попали ... в госпитальные палаты. Зимний дворец с 1915 г. престал быть цитаделью российской монархии – здесь открылся госпиталь. «Правительственный вестник» сообщил: «В императорском Зимнем дворце высочайше разрешено отвести под раненых парадные залы, выходящие на Неву, а именно: Николаевский зал с Военно галерею, Аван-Зал, Фельдмаршальский и Гербовый – всего на тысячу раненых»³¹¹. В госпитальные палаты превращались самые большие и самые же великолепные залы дворца. Торжественное открытие состоялось 5 октября, в день тезоименитства престолонаследника – цесаревича Алексея Николаевича. Госпиталь, по решению царской семьи, назвали именем наследника – цесаревича Алексея Николаевича, согласно семейному обету во избавление его от неизлечимой болезни – гемофилии.

Восемь парадных залов второго этажа были превращены в палаты. На первом этаже были оборудованы подсобные помещения: приемный покой, аптека, кухня, ванны, различные кабинеты. Стены залов затянули холстом, наборные полы покрыли линолеумом. Госпиталь оборудовали по последнему слову науки и техники того времени – в нем имелась самая совершенная аппаратура, применялись новейшие методы лечения [Маришкина 2012, с. 10]. К 100-летию

³¹⁰ Арест Временного правительства [Электронный ресурс] // Музей политической истории России. URL: https://polithistory.ru/visit_us/event-arest-vremennogo-pravitelstva (дата обращения 07 июня 2023).

³¹¹ Освящение лазарета в присутствии Августейших Особ // Правительственный вестник. 11.10.1915.

открытия госпиталя в Эрмитаже состоялась масштабная выставка, впервые рассказавшая о его работе. «Больные были размещены соответственно ранениям. В Николаевском зале, вмещавшем 200 коек... лежали раненные в голову, в горло и грудную клетку. А также очень тяжелые больные – «позвоночники»... В Гербовом зале находились больные с ранами в брюшной полости, бедре и тазобедренном суставе... В Александровском зале лежали больные, раненные в плечо и спину»³¹². Знание этой «лазаретно-дворцовой» топонимики принципиально важно для понимания происходившего в Зимнем в судьбоносную ночь – именно этим помещениям предстояло в буквальном смысле принять на себя первые залпы новой эпохи.

Вот как вспоминала об этом медсестра Нина Галанина: «Как только наступило утро 26/Х, я... поспешила в город. Прежде всего мне хотелось попасть в госпиталь Зимнего дворца... Пробраться туда оказалось не так легко: от Дворцового моста до Иорданского подъезда стояла тройная цепь красногвардейцев и матросов с винтовками наперевес. Они охраняли дворец и никого к нему не пропускали. Через 1-ю цепь, объяснив, куда я иду, прошла сравнительно легко. Когда прошла вторую, меня задержали. Какой-то матрос зло крикнул товарищам: «Чего смотрите, не знаете, что Керенский переодет сестрой?» (Курсив мой. – Ю.К.) Потребовали документы. Я показывала удостоверение... с печатью госпиталя Зимнего дворца. Это помогло – меня пропустили... Я вошла, как бывало сотни раз раньше, в Иорданский подъезд. Там не было на месте привычного швейцара. У входа стоял матрос с надписью “Заря свободы” на бескозырке. Он разрешил мне войти. Первое, что бросилось в глаза и поразило, – это огромное количество оружия. Вся галерея от вестибюля до Главной лестницы была завалена им и походила на арсенал. По всем помещениям ходили вооруженные матросы и красногвардейцы. В госпитале, где был всегда такой образцовый порядок и тишина; где было известно, на каком месте какой стул должен стоять, – все перевернуто, все вверх дном. И всюду – вооруженные люди. Старшая сестра сидела под арестом: ее караулили два матроса<...>. Лежачие раненные были сильно напуганы штурмом дворца: много раз спрашивали, будут ли стрелять еще»³¹³.

Как свидетельствуют документы, ворвавшиеся в Зимний дворец в ту судьбоносную ночь «принялись срывать бинты с раненых, имевших лицевые ранения: эти палаты находились в зале, ближайшем к апартаментам правительства»³¹⁴, – искали Керенского. Так и родилась уничижительная легенда о переодевании именно в платье сестры милосердия (растиражированная в советской живописи – например, в картинах Кукрыниксов «Последний выход Керенского» и В.М. Шегала «Бегство Керенского из Гатчины»).

Премьер-министр Временного правительства А.Ф. Керенский покинул Зимний дворец накануне, отсюда и возникшая уже в первые послереволюционные дни легенда о побеге в платье медсестры. Вопреки послереволюционной легенде, закрепившейся потом в школьных учебниках как подлин-

³¹² Галанина Н.В. Воспоминания бывшей медсестры госпиталя // Лазарет имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа., 2012. С. 74.

³¹³ Там же. С. 84.

³¹⁴ Там же.

ная история, Керенский отнюдь не бежал из Зимнего – он срочно выехал в Гатчину, надеясь привести в столицу верные Временному правительству войска. Надо сказать, что А.Ф. Керенский знал об этом советском мифе и весьма переживал: «Передайте там у себя в Москве – у вас же есть серьезные люди: скажите им, пусть перестанут писать эту глупость обо мне, что я из Зимнего Дворца убежал в женском платье!... Я уехал на своей машине, ни от кого не скрываясь. Солдаты честь отдавали, в том числе и те, которые с красными бантами. Я вообще никогда не надевал женских туалетов – даже в детстве, в шутку...»³¹⁵, – сетовал экс-премьер в беседе со знаменитым журналистом-международником Генрихом Боровиком, в Париже в 1966 г. (Опубликовать интервью в советское время, конечно, не удалось, и рассказал этот сюжет Боровик «Российской газете» в 2009 г.). Парадоксально, но миф этот оказался сверхстойким, не растворившемся даже от большого количества доступной в постсоветское время документальной литературы, по-прежнему «украшает» новейшие научно-популярные издания [См., напр.: Фицпатрик 2023, с. 44].

В ночь с 25 на 26 октября из Петропавловской крепости стреляли по госпиталю, палили из пушек не просто по безоружным, не просто по беззащитным: по лежачим, находившихся в палатах – залах Невской анфилады. Тень подозрений в позорной стрельбе по лежачим пала на крейсер «Аврора», что побудило его команду отправить 27 октября во все газеты Петрограда весьма эмоциональное письмо:

«Ко всем честным гражданам города Петрограда от команды крейсера “Аврора”, которая выражает свой резкий протест по поводу брошенных обвинений, тем более обвинений не проверенных, но бросающих пятно позора на команду крейсера. Мы заявляем, что пришли не громить Зимний дворец, не убивать мирных жителей, а защитить и, если нужно умереть за свободу и Революцию от контрреволюционеров.

Печать пишет, что “Аврора” открыла огонь по Зимнему дворцу, но знают ли г-да репортеры, что открытый бы нами огонь из пушек не оставил бы камня на камне не только Зимнего дворца, но и прилегающих к нему улиц? А разве это есть. Разве это не ложь, обычный прием буржуазной прессы забросать грязью и не основательностью фактов происшествий строить козни рабочему пролетариату. К вам обращаемся мы, рабочие и солдаты города Петрограда. Не верьте провокационным слухам. Не верьте им, что мы изменники и погромщики, а проверяйте сами слухи. Что же касается выстрелов с крейсера, то был произведен только один холостой выстрел из 6-двоймового орудия, обозначающий сигнал для всех судов, стоящих на Неве, и призывающих их к бдительности и готовности.

Просим все редакции перепечатать.

Председатель судебного комитета

А. БЕЛЫШЕВ.

Товарищ председателя П. АНДРЕЕВ»³¹⁶.

³¹⁵ Боровик Г. Ложь о переодевании Керенского в женский наряд придумали монархисты [Электронный ресурс] // Российская газета. 04.12.2009. URL: <https://rg.ru/2009/12/04/borovik-poln.html> (дата обращения 07 июня 2023).

³¹⁶ Ко всем честным гражданам города Петрограда // Правда. 27.10.1917.

Характерно, что отснятые для фильма «Октябрь» сцены, действие которых происходит в лазарете Зимнего, в фильм не вошли [Малич 2017, с. 32]: показывать далекое от гуманистичности начало советской власти было идеологически недопустимо.

События русской революции 1917 г., по-прежнему до конца не осмысленные и не отрефлектированные, являются источниками стойких мифов, переживших эпоху, этими событиями рожденную. Исследование этих мифов и их происхождения, основанного на «коктейле» парадоксальной реальности и политически заряженного вымысла, – ключ к пониманию «сложных вопросов» истории, свершившейся столетие с лишним назад, и ностальгии по ней в коллективной памяти поколений.

ЛИТЕРАТУРА

Демиденко 2017 – Демиденко Ю.Б. Революционный год в «Русской Бастилии» // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 98–117.

Кантор 2017 – Кантор Ю.З. «Команда станет самой ненадежной» // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 148–163.

Кантор 2018 – Кантор Ю.З. Россия между Смольным и Зимним // Петроград. 1917. Исторический календарь. Лекции. – СПб.: Звезда, 2018. – С. 228–247.

Конивец 2014 – Конивец А.В. Зимний дворец. От императорской резиденции до Кавшкеры Осавиахима. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2014. – 416 с.

Конивец 2017 – Конивец А.В. «Кругом измена и трусость и обман» // 1917. Вокруг Зимнего. – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 4–39.

Малич 2017 – Малич К.М. Сергей Эйзенштейн. «Октябрь» в Зимнем. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. – 75 с.

Маришкина 2012 – Маришкина В.Ф. Лазарет имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 2012. – 104 с.

Ненароков 1977 – Ненароков А.П. 1917. Великий Октябрь: краткая история, документы, фотографии. – М.: Политиздат, 1977. – 239 с.

Фицпатрик 2023 – Фицпатрик Ш. Крачайшая история Советского Союза. – М., Альпина Нон-фикшн, 2023. – 334 с.

REFERENCES

Demidenko, Yu.B. (2017), “Revolucionnyj god v “Russkoj Bastilii”” [Revolutionary year in the “Russian Bastille”] in *1917, Vokrug Zimnego*, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 98–117.

Ficzpatrik, Sh. (2023), *Kratchajshaya istoriya Sovetskogo Soyuza* [A brief history of the Soviet Union], Al'pina Non-fikshn, Moscow, Russia.

Kantor, Yu.Z. (2017), “Komanda stanet samoj nenadezhnoj” in *1917, Vokrug Zimnego*, ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 148–163.

Kantor, Yu.Z. (2018), *Rossiya mezhd� Smol'ny`m i Zimnim* [Russia between Smolny and Winter Palace] in *Petrograd, 1917, Istoricheskij kalendar`. Lekcii*. Zvezda, St. Petersburg, Russia, Pp. 228–247.

Konivecz, A.V. (2014), *Zimnij dvorecz. Ot imperatorskoj rezidenczii do Kavshkoly` Osoaviakhima* [Winter Palace. From the imperial residence to the Osoaviakhim's Kavshkola], State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia.

Konivecz, A.V. (2017), ““Krugom izmena i trusost` i obman”” in *1917, Vokrug Zimnego*, ROSSPEN, Moscow, Russia. pp. 4–39.

Malich, K.M. (2017), *Sergej E`jzenshtejn. “Oktyabr`” v Zimnem* [Sergei Eisenstein. “October” in the Winter Palace], State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia.

Marishkina, V.F. (2012), *Lazaret imeni Ego Imperatorskogo Vy`sochestva Naslednika Czesarevicha i Velikogo Knyazya Alekseya Nikolaevicha* [Infirmary named after His Imperial Highness the Heir Tsesarevich and Grand Duke Alexei Nikolaevich], State Hermitage Museum, St. Petersburg, Russia.

Nenarokov, A.P. (1977), *1917. Velikij Oktyabr`: kratkaya istoriya, dokumenty`, fotografii* [Great October: a brief history, documents, photographs], Politizdat, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Юлия Зораховна Кантор, доктор исторических наук, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия; 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., д. 7; juliakantor@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Julia Z. Kantor, Doctor of Historical Sciences, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia; bld. 7, Petrozavodskaya str., St. Petersburg, Russia, 197110; juliakantor@yandex.ru.

РАЗДЕЛ V

ЯЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРА СТРАН ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-414-437

Национальные литературы в полиэтническом евразийском пространстве: российский опыт «единства-в-различии»

Казбек К. Султанов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
Москва, Россия, sulkaz@inbox.ru
ORCID ID 0000-0003-4173-2075

Аннотация. В статье рассматривается подвижная соотношенность национальных литератур в едином российском цивилизационном пространстве, предполагающая проблематику разнообразия и единства многообразия. Их современное изучение требует методологического и дискурсивного обновления, ориентированного на концептуально значимый принцип комплементарности «неслиянности» (самобытность, специфика) и не менее важной «нераздельности» (евразийско-коммуникативный подход). Конкретный анализ метатекста Ч. Айтматова позволил реконструировать взаимодополняемость этнокультурной аксиоматики и претензии на всеобщность как имманентного качества национально-литературного самоопределения – от ранней повести «Джамиля» до романа «И дольше века длится день». Художественный опыт позитивной идентичности обнаружил имплицитную связь с предрасположенностью к холистическому восприятию мира. С позиции каждой национальной литературы, озабоченной самосохранением в усложняющемся мире, резонно отстаивать свою индивидуальность, не забывая о том, что именно она и является органической предпосылкой многонационального устойчивого евразийского диалогизма.

Ключевые слова: взаимопостижение, национальная картина мира, сопрягающая мысль, евразийская идея, единство-в-различии, культурное пограничье, всеобщность особенного, этноспецифика, типологический подход.

Для цитирования: Султанов К.К. Национальные литературы в полиэтническом евразийском пространстве: российский опыт «единства-в-различии» // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 416–439. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-414-437.

National literatures in the multiethnic Eurasian space: the Russian experience of «unity-in-difference»

Kazbek K. Sultanov

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, sulkaz@inbox.ru
ORCID ID 0000-0003-4173-2075

Abstract. The article deals with the mobile correlation of national literatures in a single Russian civilizational space, suggesting the problems of diversity and unity of diversity. Their modern study requires methodological and discursive updating, focused

on the conceptually significant principle of complementarity of “non-diversity” (identity, specificity) and no less important “indivisibility” (Eurasian-communicative approach). Concrete analysis of the metatext Ch . Aitmatov made it possible to reconstruct the complementarity of ethno-cultural axiomatics and claims to universality as an immanent quality of national–literary self-determination – from the early novella “Jamil” to the novel “And a day lasts longer than a century”. The artistic experience of positive identity has revealed an implicit connection with a predisposition to a holistic perception of the world. From the position of each national literature concerned with self-preservation in an increasingly complex world, it is reasonable to defend its individuality, not forgetting that it is precisely this that is the organic prerequisite for multinational sustainable Eurasian dialogism.

Keywords: *mutual understanding, national picture of the world, conjugating thought, Eurasian idea, unity-in-difference, cultural borderland, universality of the special, ethnospecific, typological approach.*

For citation: *Sultanov, K.K. (2023), “National literatures in the multiethnic Eurasian space: the Russian experience of “unity-in-difference”, Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 416–439. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-414-437.*

Существование различных культур и литератур в современном мире приобрело остроту, обусловленную интенсивностью транскультурных и миграционных процессов. Все чаще в ситуациях несостоявшегося взаимопонимания носителей разных этнокультурных традиций заявляет о себе негативный эффект отталкивания от классического идеала терпимости. Даже благополучные страны, сохранявшие традиционную верность принципу толерантности, не скрывают растерянности при столкновении с вызовами культурного разнообразия.

Евразийская идея, органически сопрягающая «этническое» и «цивилизационное», не оспаривала, не ставила под радикальное сомнение опыт переживания, отстаивания каждым народом своей культурной субъектности, с наибольшей выразительностью представленной в национальных литературах. Каждая из национальных литератур в широком смысле выступает не только как совокупность ценностей, идей, норм, особенностей менталитета, моделей поведения, обычаев, ритуалов, но и в роли генератора евразийской макроидентичности как социально важного оппонента политизированного этноцентризма.

Имея в виду «братство народов, купленное ценой духовного обезличения всех народов», Н.С. Трубецкой, один из отцов-основателей евразийской идеологии, в статье «Вавилонская башня и смешение языков» квалифицировал обезличенность как обязательное условие «гносного подлога». Суть, разумеется, не в «братстве» как извечном идеале человечества, а в утрате самобытного лица и, следовательно, в профанации великой идеи взаимопонимания и братства. Трубецкой не оперировал понятиями «идентичность» и «самоидентификация», предпочитая говорить о «культурной самобытности» как «корреляте национального самопознания», но последовательно выступал против «отрицания равноценности народов и культур» и претензий «нивелирующего культуртрегерства» [Трубецкой 2007, с. 456, 168].

Словарь «Литературы народов России XX век», изданный под грифом ИМЛИ РАН, вообрал в себя 45 литератур, представляющих зональные группы: Поволжье и литература Карелии, Северный Кавказ и калмыцкая литература, Сибирь, Север и Дальний Восток. Казалось бы, реалии литературного процесса требуют настаивать на множественности как предельном уровне. Иначе говоря, остановиться на рубеже дифференциации: есть 45 литератур и нет ничего, что их связывает. Дискретность вне синтезирующего начала, самодовлеющая совокупность непроницаемых друг для друга литератур? Но если вдуматься... Отдавая должное фактору различия, мы не можем его принимать как последнюю смысловую инстанцию. Позиции авторов словаря, представившего живое многообразие национальных литератур, внутренне сопрягаются как разные ипостаси одного процесса, суть которого выражена классической формулой «единство несходного».

Если же говорить о художественно-коммуникативной макростратегии, сопряженной евразийской цивилизационной доминанте, то надо признать, что у литератур народов России здесь особая, ни с чем не сравнимая роль и функция. Каждая из них, сохраняя самобытность, живет укорененностью в родной почве, но держится и силой взаимного притяжения и только ей, этой силе, дано сокращать культурную дистанцию между народами, укрепляя чувство «общей судьбы», упомянутой в конституционной преамбуле.

Единство многообразия, о котором так много говорили в советскую эпоху, оказалось нежизнестойким по причине идеологической передозировки. Многообразие «работало» на укрепление единства и не важно было, что за лесом не разглядеть деревья. Сегодня все чаще слышишь о «единстве-в-различии», но явный перевес в сторону программной непохожести обозначил другой полюс: за деревьями не видно леса. Эта дрейфующая диалектика «леса» и «деревьев» или «локального – регионального – общероссийского» колебалась в согласии с «генеральной линией», прогибаясь под давлением очередной мировоззренческой ломки, но ее фундаментальное ядро все-таки сохранялось: бережение этнокультурной множественности субстанциально соотносилось с надэтнической интеграцией различий в контексте российской цивилизационной идентичности.

Явление культурного многообразия, столь важное для судеб многонационального государства, неоднократно остро дискутировалось еще в дореволюционный период (назовем работу Н.Д. Красильникова «Роковая ошибка в политике русского правительства и русского общества») и в XX веке. Сторонники ускоренной унификации фактически предлагали катком нивелировки пройти по культурам малочисленных народов, но, если брать по большому счету, историческая Россия избрала иной и куда более перспективный путь сохранения национально-культурных миров.

Сегодня судьбы этнических сообществ и национальных культур напрямую зависят от решения основополагающей задачи – повышения уровня духовной сплоченности сограждан независимо от их этнокультурной прописки и религиозной принадлежности. Речь идет о стратегической задаче, формирующей евразийский контекст: удержать на любом историческом перевале идеологию межнационального согласия и единую цивилизационную перспективу.

Государствосберегающую идею взаимного притяжения разнорациональных культур сформулировал в 1933 г. русский мыслитель Г.П. Федотов в парижском докладе, посвященном проблеме национализма: «Если Россия будет подлинно “своим домом” для всех народов, входящих в состав ее, она снова может быть великой и цельной, – в противном случае ей грозит окончательное распадение» [Федотов 2011, с. 125].

За четыре года до доклада он опубликовал статью под более чем ответственным названием «Будет ли существовать Россия?» (1929). Поначалу Федотов, раздраженный культурной политикой большевиков, дал волю сарказму: «Каждый маленький народец, вчера полудикий, выделяет кадры полуинтеллигенции». Но тональность основополагающей мысли совершенно иная, куда более значительная: «Многоплеменность, многозвучность России не умаляла, но повышала ее славу» [Федотов 1929, с. 13, 20].

Если думать и говорить предельно серьезно о будущем России, то не стоит упускать из виду этот прагматически значимый для исторического выживания потенциал российской «многоплеменности, многозвучности», отсылающий к той идее целого, которую Н.С.Трубецкой в работе «Общевразийский национализм» (1927) аттестовал как «единство многонародной евразийской нации» [Трубецкой 1993а, с. 98].

За два года до этой концептуально важной формулировки он в статье «Мы и другие» (1925) озвучил метафорически усиленную идею созвучия-сцепления разнорациональных культур и литератур: «Судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать...» [Трубецкой 1993b, с. 97]. Грандиозность символического клубка ничего общего не имеет с нивелировкой, навязывающей безликое единообразие: Трубецкой последовательно отстаивал суверенитет своеобразия как опорную точку взаимопонимания: «...мы должны всемерно работать на создании самобытной национальной культуры...» [Трубецкой 1993с, с. 57].

В ряду определяющих признаков многонародной нации выделяются воля и решимость людей жить вместе при всем понимании и признании религиозных, культурных, политических различий, выстраивая шаг за шагом культуру межнациональных отношений. В своей лекции «Что такое нация», прочитанной в Сорбонне 11 марта 1882 г. Э. Ренан подчеркивал содержательную двуплановость понятия «нация», выступающей в общественной практике и как «духовный принцип», и как «великая солидарность», суть которой «в ясно выраженном желании продолжать общую жизнь». Экзистенция нации есть «повседневный плебисцит, как существование индивидуума – вечное утверждение жизни» [Ренан 1902, т. 6, с. 101]. Обращение к нации после поражения Франции в войне с Германией было правомерным и воодушевляющим, акцентируя упадок национального духа, но и неизбежность его возрождения.

Кавказские советские поэты любили прибегать к метафоре двух крыльев птицы или двух струн одного пандура, имея в виду родные пенаты и большую Россию. Они писали об этом как о навсегда данном «союзе нерушимом». Жизнь распорядилась иначе: оказалось, что и крыло может ослабеть, и струна порваться. Без обновляющихся усилий, без ежедневно подтвер-

ждаемой готовности отстаивать упомянутый «духовный принцип» птица не взлетит и пандур останется безмолвным...

Презумпция взаимообусловленности связывает «диалог» и «идентичность» – ключевые категории современного гуманитарного знания. Обращение к идентичности, предполагая тот или иной ответ на вопросы «кто я?», «кто мы?», требует внимания к сфере ценностных ориентаций, семантических и символических форм, к системе этических норм, поведенческих и психологических кодов, предопределяющих самоощущение, самоопознание человека или этнического сообщества. Искомую формулу дал толстовский Хаджи-Мурат, который на вопрос о бале у кавказского наместника ответил: «у каждого народа свои обычаи. У нас женщины так не одеваются». И по обыкновению сослался на пословицу как безошибочный индикатор предполагаемой специфики («угостила собака ишака мясом, а ишак собаку сеном»), после которой вновь повторил: «всякому народу свой обычай хорош».

В словаре В. Даля слово «чужой» получило двойное толкование: «не свой, сторонний» и «незнаемый, незнакомый». Если «сторонний» всего лишь констатация непреодолимости разделяющей дистанции, то «незнаемый, незнакомый» предполагает перспективу открытия и приобщения. Вы встречаетесь с явлением «чужим» в смысле «незнаемым» и понимаете, что оно только сейчас «незнакомое» – неизвестную ментальность можно отвергнуть как заведомо враждебную, а можно, не жалея духовного усилия, продвинуться в ее познании, себя же обогащая³¹⁷.

Постсоветская методологическая ситуация, ориентированная на изучение и становление национальных литератур в евразийском пространстве, отличалась двойственностью: это был, с одной стороны, период плодотворной филологической, культурологической самоактуализации и, если брать шире, национально-культурного оппонирования любым формам унификации. Но, с другой, семантический разрыв между этнокультурным и коммуникативным подходами оставлял неотрефлексированным тот факт, что национальная культура в своем эволюционном развитии идентифицирует себя и как взаимоузнавание литератур и культур.

Проблематика ментальной и культурной самоидентификации существенно изменила тональность описания и изучения национальных литератур. Артикуляция воспроизводимого «местного колорита» привлекала адептов «этнолитературоведения» как самоцель, абстрагированная от восприятия текста в его целостности и художественной результативности. Дихотомия «свой-чужой» не декларировалась, но непременно присутствовала как фоновое знание в размышлениях об этнической идентичности, воспринимаемой как «бытие-в-себе и для себя». Экспансия этнокультурного подхода в сферу гуманитарного знания привела к тому, что в роли чуть ли не единственного идентификатора культурных процессов или художественных текстов стала выступать актуализированная этноспецифика. За скобками оставался вопрос о литературоведческом модусе описания воплощенных в произведении этнокультурных реалий, превалирующего над осмыслением их

³¹⁷ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955, с. 613.

функциональной роли и места в многомерной художественной структуре. Эти реалии, как правило, опознавались, но не осмыслились в их жанрово-стилевой функциональности, в системе внутритекстовых связей и сцеплений, в которой ни один компонент внутренней организации текста не может быть понят иначе, чем в соотношении с другими компонентами.

Национально-литературная диахрония заметно потеснила синхронию типологических, не сводимых только к фактору генетического родства, сопоставлений, о важности которых в свое время говорил В.М. Жирмунский: «... те, кто думает возвысить свою родную литературу, утверждая, будто она выросла исключительно на местной национальной почве, тем самым обрекают ее даже не на «блестящую изоляцию», а на провинциальную узость и «самообслуживание». Характерна ссылка на «блестящую изоляцию», которая гипотетически представлялась возможной, но в реальной культурной практике неизбежно оборачивалась «провинциальной узостью» и «самообслуживанием». Другая работа ученого – «Литературные отношения Востока и Запада как проблема сравнительного литературоведения» – содержит поучительный пример историко-типологического сближения литератур, несопоставимых по генетической родословной и национально-культурным основаниям. Сопоставляя поэмы Низами, созданные на фарси в XII веке, с произведениями его французского современника Кретьена де Труа, исследователь поставил вопрос о типологии «стихотворных романов куртуазного типа как произведений одного жанра и одной исторической эпохи» при отсутствии «прямых заимствований с той или с другой стороны». Независимо друг от друга на Востоке и на Западе произошло «поэтическое оформление новой идеологии рыцарского общества» [Жирмунский 1979, с. 71, 40].

Показательно совпадение методологических установок российского ученого и его современника, немецкого филолога Э. Ауэрбаха, который в работе «Филология мировой литературы» отмечал: «... в высшей степени ценным и необходимым достоянием филолога еще являются язык и культура его народа; однако они становятся действительными только тогда, когда удается изъять их из обособленности и преодолеть их самодовление». Доминирующей становится мысль о «взаимном обогащении за счет разнообразия», о насущной необходимости «... удержать и укрепить сознание судьбоносной взаимосвязи между отдельными народами» [Ауэрбах 2004, с. 128]. Иначе говоря, коммуникативная функция выступает как имманентное свойство литературной динамики.

В этом контексте современная трактовка идентичности не может ограничиваться представлением об автаркической самобытности, устойчиво и преимущественно соотношенной с культурными архетипами, оставляя за скобками ее динамичность, процессуальность, культурную взаимопроницаемость, когда самоутверждение в «своем» входит в слав с признанием «чужого». Динамическая модель самоидентификации концептуально связана и с тем, что называют культурным пограничьем, формируясь не только в координатах ментальной и этнической детерминированности, но и в точках пересечений глубинных национальных кодов в неизолированном культурном пространстве. Сопряжение национальной характерности и восприимчивости к «иному» предполагает диалог идентичностей, хотя сейчас

нередко дает знать о себе конфронтационная модель «войны идентичностей» (словосочетание вошло в оборот после нашумевших иммигрантских погромов во Франции).

Если литературное сознание, подчеркивал Г.Г. Шпет, «определяется как сознание национальное, т. е. не неопределенно-этническое сознание, а именно национально-историческое...» [Шпет 2002, с. 1136], то логичным представляется отказ от статично понятой идентичности, детерминированной исключительно этнической спецификой, исходя из того, что самобытность национальной культуры, чтобы остаться таковой, требует коммуникативного пространства – нет идентичности вне контекста коммуникативности, нет диалога вне контекста самоидентификации.

Диалог традиционно являлся неизменным атрибутом культурной рефлексии, но в эпоху современности он нередко предстает в аксиоматической роли трюизма, риторической фигуры, выступая то как «свадебный генерал», то как символ политкорректности, то как дымовая завеса или эвфемизм, прикрывающий преобладание того или иного экономического или политического интереса. Артикулируются и такие версии «диалога», когда он настороженно воспринимается как завуалированное посягательство на институт национально-культурной самобытности, как агент глобализации в ее унификаторских претензиях, будучи «замаскированной и мягкой формой духовной агрессии Запада, чем внутренним убеждением...» или убежищем слабых («за диалог часто выступают те, у кого нет сил доминировать» [Диалог культур... 2005, с. 183–184]).

В литературоведческой практике, ориентированной на обнаружение преимущественно этнокультурных детерминаций, диалог нередко превращался в «спящую» категорию, воспринятую как псевдоним «дружбы народов» или остаточная идеология, восходящая к былому интернационализму. Избыточная этнокультурных коннотаций, определяя направленность и характер реконструкции текста, фактически дезавуировала собственно эстетические критерии и восприятие его потенциальных смысловых интенций. Тем самым происходила нивелировка эпистемологической ценности дискурса, освобожденного от соотнесенности этнокультурного проекта в его литературоведческой версии с тем, что В.Н.Топоров называл резонантным полем культуры, с проблематикой аккультурации, межкультурной коммуникации.

Развенчание «дружбы народов», однозначно воспринятой как идеологический конструкт, обернулось выпадением из дискурсивной практики самого концепта «единство многообразия», издавна присутствовавшего в мировом гуманитарном знании от Платона («единое множественно» и «многое едино»³¹⁸ – из диалога «Парменид») до Вильгельма фон Гумбольдта с его «многообразием и единством» [Гумбольдт 1985, с. 373] и Иммануила Канта, размышлявшего «о том способе, каким разум должен сочетать величайшее многообразие в порождениях с величайшим единством происхождения»³¹⁹.

Не стоит забывать, что классические определения «concordia discors» (единство несходного), «e pluribus unum» (единое из многого) не столько сводились к недооценке или отказу от фактора самобытности и различия,

³¹⁸ Платон. Сочинения в трех томах. Т. 2. М.: Мысль, 1970, с. 407.

³¹⁹ Кант И. Сочинения в шести томах. Т. 5. М.: Мысль, 1966, с. 73.

сколько отсылали к тому, что несходное, оставаясь таковым, тяготеет в силу внутренне мотивированного развития к единству – назовите его надэтническим уровнем, сферой культурных универсалий или пространством «мировой литературы».

Эйфория этнокультурного самоутверждения в постсоветский период, утрачивая избыточность, входит в берега более соразмерного взгляда на вещи, предполагающего не только историко-культурную реконструкцию, но и понимание того, что для достижения искомой полноты недостаточно смотреть только в зеркало своей культуры: самобытная национальная культура есть одновременно и место встречи культур.

При этом важно конкретизировать содержательный момент: популярный постулат М.М. Бахтина – «каждый культурный акт существенно живет на границах... отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [Бахтин 2003, т. 1, с. 282] – в контексте современных культурных реалий может быть откорректирован в том смысле, что чувство «внутренней территории» и пафос разделяющей культурной дистанции интенсифицировались, испытывая нивелирующее давление глобализации, но сохраняя значение дифференцирующего фактора. Феномен «новой локальности» отсылает к очевидному парадоксу глобализации: опрокидывая пограничные столбы и нивелируя различия, она стимулирует обратную и нередко избыточную компенсаторную реакцию. Угроза унификации активизирует чувство культурной дистанции, что не отменяет тезис о культурном акте «на границах». Эта напряженная амбивалентность во многом определяет природу и сложность происходящих процессов.

Квинтэссенция евразийского взаимодействующего диалога нашла свое емкое выражение в феноменальном по культурной щедрости примечании А.С. Пушкина к рассказу черкеса Султана Казы-Гирея «Долина Ажитугай», опубликованном в первом номере журнала «Современник» (1836) в одном ряду с пушкинским «Путешествием в Арзрум» и повестью Гоголя «Коляска».

Вглядимся в логику провидческой, угадывающей мысли А. Пушкина которого Достоевский так и назвал – «угадчиком»³²⁰. Угадчик чего? Пушкин начинает броско: «Вот явление, неожиданное...». Не потому ли что текст воспринят как всего-навсего этнографически маркированный? Нет, ход пушкинской мысли другой: «...неожиданное в нашей литературе». И дальше педалируется притяжательное местоимение «наше»: «становится в ряды наших писателей». Первое произведение и сразу – «в ряды наших писателей»? И кто становится – «сын полудикого Кавказа»? Но именно он «изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно». Более того, Пушкин не скрывает своего серьезного отношения: «Мы ни одного слова не хотели переменить...»³²¹.

Поэт поднимает планку, исключая покровительственное похлопывание по плечу: надо же, черкес, а так владеет русским языком. Представление этнически нерусского автора Пушкин перевел в регистр уважительного, муд-

³²⁰ Достоевский Ф.М. Об искусстве. М.: Искусство, 1973, с. 361.

³²¹ Современник. Литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. СПб., Т. 1, 1836, с. 169.

рого в своем поэтическом преувеличении отношения, снимая возникающее при встрече с неожиданной для русского читателя фамилией ощущение периферийности, хотя не упускает из виду тот факт, что Казы-Гирей «остался верен привычкам и преданиям наследственным».

Вовлечением нерусского автора в состав «нашей литературы», Пушкин угадывал грядущую культурную нераздельность, задавал камертон союза народов и культур. Смело и непредвзято продемонстрирована та широта взгляда, которая открывала иную перспективу вопреки складывающейся в пушкинскую эпоху общественно-политической ситуации на Кавказе: имам Шамиль уже два года верховный глава теократического государства, огонь войны разгорался, несовместимость двух миров нарастала и казалась непреодолимой. Но Пушкин провидчески обозначил или, как сейчас сказали бы, запрограммировал важнейший вектор движения навстречу друг другу, выбирая позицию неотстраненности и открытости. Состоящее из нескольких фраз примечание феноменально по необычайной культурной щедрости, которая и есть квинтэссенция взаимообогащающего диалога.

Опыт русской литературы подсказывает особого рода чувствительность к каждому проблеску сближающей диалогичности, к каждому сдвигу от отчуждения к доверию – будь это ссыльный кавказский мальчик Алей, осваивавший русский язык по Нагорной проповеди («Записки из Мертвого дома» Ф. Достоевского, где повествователь вспоминал «о встрече с ним как об одной из лучших встреч в моей жизни») или отношение толстовского Хаджи-Мурата к Марье Дмитриевне: «Ему нравилась и ее простота, и особенная красота чуждой ему народности». Не чужой, которая может перестать быть таковой, а чуждой, то есть изначально иной, чуждой навсегда. Именно эту непреодолимость «чуждого» Л. Толстой тонко дезавуирует, акцентируя его «особенную красоту», которая даже сурового горца не оставила равнодушным.

Лермонтовский Измаил-Бей в одноименной поэме в разгар той же кавказской войны встречает в горах «русского воина». Тот вдруг, как бы разоружая противника, переходит на язык горского закона гостеприимства, который надлежит соблюдать при любых обстоятельствах. Вот эти сакральные слова: «Твоей я чести предаюсь!». Последовал незамедлительный ответ Измаил-Бея: «Ты прав; на честь мою надейся!.. / Вот мой огонь: садись и грейся». Момент истины, мгновенно превративший противников в собеседников – метаморфоза, несовместимая с неумолимой логикой военного противостояния, но возвращающая в жизнь на войне здравый смысл человеческого общения... Безотказно действующая формула межкультурного диалога.

Почти через сто лет после выхода пушкинского «Современника» на трибуну Первого съезда советских писателей (1934) вышел один из его участников в явно неевропейской одежде, чтобы поразить всех певучей речью в стихах и постукиванием по папахе как по бубну. «На меня, и – я знаю – не только на меня, – признался А.М. Горький в заключительном слове, – произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая

свои стихи, затем он, Гомер XX века, изумительно прочел их (аплодисменты)» [Первый Всесоюзный...1934, с. 676].

В предсъездовский период Н. Тихонов, В. Луговской, П. Павленко объехали Дагестан в поисках неизвестных талантов и этот метод погружения в инонациональную среду без каких-либо гарантий на положительный результат оказался эффективным: однажды Тихонов, взыскательный создатель поэтических сборников «Орда» и «Брага», назвал, не скрывая своего восхищения, аварского лирика Махмуда «кавказским Блоком».

Завышенность горьковской и тихоновской оценок легко объяснима поэтическим преувеличением от увлеченности и заинтересованности, но она, безусловно, генеалогически связана с первоисточком – пушкинским камертоном, а изнутри воспринималась как воодушевляющая и стимулирующая: подобного рода великодушие несло в себе уважительность и участливость.

«Муса был татарин – писал В. Шаламов в рассказе «Студент Муса Залилов», – и как всякий «нацмен» принимался в Москве более чем приветливо». Он, будучи поэтом, «бормотал свои вирши на родном языке, и это еще больше подкупало московские студенческие сердца». Кроме того, «Муса читал каждый вечер перед сном. Вместо молитвы Муса учил русские стихи...». Заданная интонация безусловной доброжелательности к иноязычному товарищу по общежитию подтверждена выразительной подробностью: студенты «восхищенно следили за упражнениями Мусы при восхождении на Олимп чужого (русского – К.С.) языка» [Шаламов]. Позднее он станет Мусой Джалилем, напишет «Моабитскую тетрадь» и будет казнен фашистами в августе 1944-го...

Когда Р. Гамзатов назвал Пушкина аварским поэтом, то никому, даже бдительному идеологическому отделу Обкома КПСС, не пришло в голову указать и поправить, напоминая об истинной этнической и культурной принадлежности Александра Сергеевича. Когда А. Авторханов назвал поэзию Лермонтова Кораном интеллигентного горца, то он прекрасно понимал, что Кораном может быть только Коран – единственный, Богом ниспосланный. Но он осознанно взял предельную или даже запредельную высоту, чтобы с наибольшей адекватностью обозначить совершенно особое место Лермонтова в сознании горца и кавказской интеллигенции. Мартынова, добавляет А. Авторханов, ненавидели как личного врага, потушившего «кавказское солнце».

Пушкин как аварский поэт, Лермонтов как кавказское солнце... Подобные неюбилейные, предельно искренние в своей исповедальности признания выдают важный для наших национальных культур вектор: духовное притяжение – единственный род притяжения в ряду иных способов его обеспечения (военных, административных и т. п.), подразумевающий добровольность и непринудительность ответного культурного и душевного движения.

В этом контексте вспоминаются фигуры, олицетворявшие идею конструктивного развития евразийских контактов: Шора Ногмов, прикомандированный к императорскому Кавказско-горскому полуэскадрону для доработки сочинений и умерший в Петербурге в 1844 г., Леонтий Люлье, составивший «Словарь русско-черкесский или адигский с краткою грамма-

тикою». В годы Кавказской войны, сопряженной с опасностями, экспедиция академика Андрея Михайлович Шёгрена длилась с сентября 1835 г. по январь 1838 г. Модель взаимного и бескорыстного познания работала более, чем эффективно: А. Шёгрэн стал родоначальником научно и государственно значимой традиции – многообещающего, как подтвердила история, союза академической российской науки и местных просвещенцев-подвижников.

Вот один из многочисленных примеров доверительного сотрудничества: он трижды отзывался на перевод «Псалтыря» на осетино-тагаурское наречие, осуществленный Г. Мжедловым. Последний в письме к А. Шёгрэну заверял российского академика в своей готовности «непрерывно заниматься переводами и держаться тех правил, которые передали мне Ваши священные уста в бытности во Владикавказе» [Основоположник 2010, т. 1, с. 361].

Люди, подобные Ногмову, Люлье, Шёгрэну, не могли напрямую влиять или изменять ход войны, но их бесспорной заслугой была плодотворная и многообещающая попытка выработать язык взаимопостижения вопреки разобщающим обстоятельствам.

В художественном универсуме Л.Н. Толстого фактор отчуждения от межкультурной границы не стал той последней инстанцией, которая традиционно доминировала в профанной модели кавказского мира, основанной на недооценке или стремлении изжить культурную инаковость как досадную помеху. Логике перманентного воспроизводства конфликта и доктринальной дихотомии «цивилизация–варварство» автор «Хаджи-Мурата» противопоставил идею трудного, но неотвратимого сближения людей и национально-культурных миров поверх конфессиональных и этнокультурных барьеров. Л.Н. Толстой любил и часто вспоминал слова Зосимы из «Братьев Карамазовых». При всей их вневременной философской насыщенности они могут быть восприняты сегодня как вполне злободневные: «всё как океан, всё течет и соприкасается, в одном месте тронешь – в другом конце мира отдается».

Мы унаследовали богатейший цивилизационный опыт сосуществования наших народов и культур. Настоятельной становится потребность в обновленном подходе к понятию «национальная литература», суть которого не только в естественном отказе от ограничительных идеологических коннотаций, но и в выработке инновационного представления о новом диалогизме.

Переоткрытие принципа диалогического взаимодействия, изъятого из идеологической предзаданности, предполагает симбиоз приоритетности национально-литературной конкретики и востребованности широко понятой контекстуальности. Гуманитарное мышление, акцентируя отличимость как предпосылку коммуникативности, исходит из того, что приверженность иной системе ценностей, иной культурной традиции не должна становиться поводом для посягательства на культурную инаковость. Как тут не вспомнить чеховского героя, который редко видел немцев, не читал немецкие книги, но твердо знал, что всё зло от немцев...

Призыв В.С. Библера понять диалог «как определение гуманитарного мышления, взятого в его всеобщности» означает, что это мышление по определению насквозь диалогично, формируясь на пересечении смыслов, на чуткости к встречным движениям, на преодолении чуждости. Подлин-

ный диалог «может осуществляться как бесконечное развертывание и формирование все новых смыслов каждого – вступающего в диалог – феномена культуры, образа культуры, произведений культуры...» [Библер 1991, с. 299, 300].

Кроме того, диалог как генератор творческих смыслов стимулирует другой уровень понимания самобытности, которая перестает быть только объектом «застывшего» мемориального созерцания. Именно в межкультурном собеседовании историко-культурная уникальность отвоевываються у забвения, сохраняя открытость будущему. Этот процесс можно охарактеризовать как самоактуализацию через диалог, как открытие качества неотделимой локальности в приобщении к духу целого: «...форма речи, разговор, в котором *дух целого* (курсив наш – К.С.) возникает и прокладывает себе дорогу сквозь различия реплик» [Культурология 1998, т. 1]. Субстанциональный аспект этой темы предельно лаконично обозначен в известном письме Л.Н. Толстого Н.Н. Страхову от 3 сентября 1892 г.: «Чем глубже зачерпнуть, тем общее всем, знакомее и роднее»³²².

По частоте употребления слово «диалог» побило все рекорды, иногда выступая в современных дискурсивных практиках в аксиоматической роли культурного триюэма, обязательного признака хорошего тона или, как выразился философ А. Пятигорский, коммуникационной затычки. Привлекает предложенная «Новой философской энциклопедией» трактовка диалога: «не спор сомнений, ...а беседа разных культур в сомнении относительно собственных возможностей мыслить и быть». Через продуктивное сомнение, возникающее в межкультурном собеседовании, «развертывается и преобразуется неисчерпаемый смысл каждой культуры»³²³.

Формулировка хороша тем, что диалог воспринят как генератор творческих смыслов, как ресурс идентичности и самоопределения национальной культуры. Он перестает быть «декларацией о намерениях», всего лишь демонстрацией толерантности, благим пожеланием. Реализация идеи диалога предполагает признание ценности разнообразия и в то же время снятие в собеседовании абсолютизации различия как такового. Кого может не устроить такой подход, основанный на признании равноправия культур и не посягающий на самостоятельность каждой из них?

С позиции каждой национальной литературы, озабоченной самосохранением в усложняющемся мире, резонно отстаивать свои специфику и индивидуальность, не забывая о том, что именно они и являются подлинной предпосылкой межкультурного собеседования, взаимосближающего диалога.

В статье «Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями)» С. Франк, директор отдела Восточнославянских литератур и культур Института славистики Берлинского университета им. Гумбольдта, обозначила свое представление о российской многонациональной литературе: «литературное развитие в России не очень отличается от развития в бывших

³²² Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 т. Т. 66. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953, с. 254.

³²³ Новая философская энциклопедия: В 4 томах. Т. 1. М.: Мысль, 2000, с. 660.

республиках Советского Союза... можно говорить о “ренационализации” литературы». Иначе говоря – денационализация как культурная пандемия охватила весь без исключения корпус национальных литератур, которые озабочены одним – «интенцией скорее к закрытию культурного горизонта, нежели к открытию их диалога» [Франк 2019, с. 243].

Подобные формулировки обнаруживают некоторую маргинальность, напоминающую аналогичный подход профессора компаративистики Лондонского университета королевы Марии Г. Тиханова, который не устает говорить об истощенном национальном нарративе, о неминуемом переходе в «тональность мультикультурного глобализма», которая как бы обязывает к «прыжку через национальное» [Тиханов 2014, с. 267].

Уместно напомнить, что национальная литературная классика, выдержавшая суд времени, была органично связана с национально-возрожденческим процессом, символизируя воплощенность и явленность того, что в эпоху Просвещения называли «Духом народа». Творческие открытия родоначальников национальных литератур (татарин Г. Тукай, осетин К. Хетагуров, якут А. Кулаковский, чуваш М. Сеспель, балкарец К. Мечиев, алтаец М. Чевалков, кабардинец А. Шогенцуков, удмурт Г. Верещагин, лакец Э. Капиев) воспринимаются, помимо собственно литературного значения, как сохраняющий свою актуальность опыт переживания и отстаивания исторической и культурной субъектности своего народа, как духовные лидеры и создатели национального литературного канона, удостоверяющего историко-культурную самоценность народа. Не случайно они становились собирателями и толкователями фольклора как первоисточка народной мудрости и литературного сознания – достаточно напомнить об интенсивной работе А.Е. Кулаковского над сводом якутских пословиц. По жизни ничто их не связывало и вряд ли А. Кулаковский в 1913 году знал о ранней смерти Г. Тукая, который незадолго до смерти написал прямо-таки в унисон с якутским современником о взаимопонимании людей и народов: «Когда появляется какое-либо общее дело, когда начинают веять ветры прогресса, – нации, как бы преодолев сковывавшее их уединение, собираются вместе...» [История... 2003, с. 256].

Каждый из них объективно оппонировал возможному культурному изоляционизму, отсылая к общим основаниям человеческой культуры, к универсальному механизму смыслополагания, обнаруживая смысловую незамкнутость от любого вновь возникающего контекста.

В интервью, опубликованном под заголовком «Диалог всегда находится в опасности», С. Аверинцев подчеркивал, что диалог – «это то, что... всегда под угрозой, но без чего на самом деле обойтись невозможно». Характеризуя отсутствие диалога как «катастрофичное», он напомнил, что это слово «само по себе выражает золотую середину между изоляционизмом и всеобщей унификацией. Диалог предполагает, что собеседники различны, но, уважая свою личность, они одновременно уважают собеседника, выслушивают его и искренне пытаются понять» [Аверинцев 2001].

Именно это философски значимое отношение к диалогу, акцентирующее спасительную «золотую середину» и поиск взаимоуважительного компромисса, сегодня находятся «в опасности». Задача преодоления репродуктив-

ной и инерционной эксплуатации «угаснувшего» диалогизма возникала на разных историко-культурных этапах – достаточно сослаться на размышления Г.-Г. Гадамера: «Платон видел в диалоге принцип истины... разговор с другим, согласие другого с нами, его возражения, его понимание и непонимание знаменуют расширение нашей индивидуальности – это всякий раз испытание возможной общности, на которое подвигает нас разум» [Гадамер 1991, с. 85–86].

Есть очень важное для точного диагноза состояния общества понятие «системные риски». Их появление в сфере межнациональных и межкультурных отношений более чем нежелательно, но возникающие признаки истощения взаимного сцепления или собирательной, консолидирующей мысли в полиэтнической стране иначе, чем тревожными, не назовешь. Презумпцию уважения к культурным различиям вряд ли можно считать добродетелью в неудержимо глобализирующемся мире, но для нашей полиэтнической страны она остается нравственной и стратегически важной нормой.

Один из видных представителей евразийского движения, уроженец северокавказского города Моздок и послереволюционный эмигрант К.А. Чхеидзе в 1932 г. издал в Шанхае (переиздание в Нальчике в 2004 г.) книгу с выразительным названием «Страна Прометея». Сопоставление европейского и кавказского способов мировосприятия, обусловленных различными ментальными установками, выглядело так: «Если бы меня спросили, в чем состоит главная разница между психологией кавказца и психологией европейца, я бы сказал, что разница состоит в том, что у горца есть нечто, что он признает абсолютным и неизблемым. А у европейца все подвержено сомнению и относительности. Но это отличие слишком глубокое и, так сказать, философическое. Есть еще много других отличий, из которых одно особенно бросается в глаза».

Перед нами развернутое и по-своему утрированное описание специфических типов рецепции, восходящих к определенным культурными традициями, к устоявшимся комплексам эмоциональных и ценностных предпочтений. Но эффектно продемонстрированная несовместимость поведенческих матриц, этнокультурных трафаретов не приобретает статус окончательного «приговора». Образ мира базируется на преодоленной маргинализации, опознавательным признаком которой могла бы стать самодостаточная констатация различий как таковых.

Мирочувствование автора «Страны Прометея» явно взыскует более объемного взгляда на вещи и иного мысленного горизонта. Книгу открывает череда вопросов: «Что такое культура? Что такое поле? Что такое «культурное поле»? Чем отличается культурное поле от дикого?». Отсутствие сдерживающих начал в борьбе за выживание, когда каждому кустарнику или дереву «кажется, что мир существует лишь для него...» – таковы дикое поле и девственный лес. Культурным или возделанным лес становится «после того, как между деревьями были установлены отношения взаимного признания права на жизнь...» и «счастье одного из них не строилось непременно на несчастье другого». Разница между дубом и березкой огромна, но «перед Небом они равнодостоинны в своем стремлении шириться, расти и цвести» [Чхеидзе 2004, с. 96, 97, 35, 36].

Проявленность неравноценных, но равнодостоинных различий – питательная почва диалога как взаимопреобразующей встречи особенного с особенным. Не стоит при этом недооценивать другую сторону медали: дуальная природа «различия» как конституирующего принципа национально-культурного самоопределения и гипотетического катализатора отчуждения досконально рассмотрена в книге С. Бенхабиб «Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру». Исходя из того, что «пределы всеобщего уважения всегда испытываются различиями между нами...», автор в то же время отдает должное значению «прагматического императива, побуждающего нас понять один другого и вступить в межкультурный диалог».

Развернутый тезис о современном «сообществе взаимозависимости» диалогически связан со сквозной мыслью о том, что «мы становимся сами собой только потому, что отличаем себя от реального, а чаще – воображаемого «другого». Если формирование культур происходит «через противопоставления», то вопреки декларациям о взаимном уважении «нам не дано знать, чего потребует или что повлечет за собой такое уважение при столкновении с глубокими культурными противоречиями» [Бенхабиб 2003, с. 44, 43, 8, 14].

Речь может идти о неизбежности конфликта ценностей, предопределенного реальной глубиной культурных различий. Автор все-таки недооценивает возможную переводимость различия на язык взаимопреобразующей общительности, отдавая излишне щедрую дань претензиям охранительного культурного традиционализма. Из спектра смысловых интенций выпадает процессуальность культурного различия, предрасположенного к трансформации, упускается базовая, онтологически значимая соотнесенность культурной множественности, основанной на приоритете различий, с общими основаниями человеческой культуры.

Искусство художественного перевода ориентировано именно на эту сверхзадачу – не давать погаснуть взаимопониманию, избегая фетишизации различия, возобновляя с каждым новым переводом встречное движение, исходя из основополагающей посылки: нет культуры, от имени которой кто-то скажет мне, «что здесь я на чужбине». Цитата из цикла «Луна в зените» А. Ахматовой, проживавшей во время войны в Ташкенте и вспоминавшей свою родословную от последнего золотоордынского хана Ахмата: «Я не была здесь лет семьсот, / Но ничего не изменилось... / Всё так же льется Божья милость / С непререкаемых высот». Откровение при встрече с другим миром: «Так вот ты какой, Восток!» и в то же время – негостевое восприятие своего мира: «Он прочен, мой азийский дом...». Но вот те самые ключевые строки: «Кто мне посмеет сказать, что здесь / Я на чужбине». Возникший генеалогический мотив, сохраняя тональность возвращения, в то же время обретает смысл культурной универсалии. Вступая в диалог с другими литературами от имени своей литературы, В. Брюсов переводил армянских поэтов, Б. Пастернак – грузинских, Я. Козловский – дагестанских, но кто посмеет сказать, что в других литературах они оказались на чужбине?

Изучение «объективных закономерностей мирового литературного процесса», отмечал Ю.Б. Виппер во вступительных замечаниях к первому тому

«Истории всемирной литературы», невозможно вне опыта «так называемых “малых” литератур», которые «могут иногда выдвигать художественные ценности мирового значения и служить почвой для таких обобщений, без которых в наших представлениях об этом процессе существовали бы серьезные изъяны». И далее: «...такой подход помогает преодолеть одинаково односторонние и в научном отношении пагубные крайности как европоцентризма, так и востокоцентризма» [Виппер 1983, с. 7].

Точно выбранная интонация – «так называемые», да и слово «малые» в кавычках – отменяла фактор малости как решающий, априори задающий вектор все еще популярной дифференциации народов и культур на исторические и неисторические, передовые и отсталые, хотя различные культуры, как отмечал К. Леви-Стросс, вовсе не означают «неравные», потому что «ничто не позволяет определить их как таковые». Он определил принцип подхода к феномену культурной гетерогенности: «... ни один критерий не позволяет расценивать какую-либо культуру как превосходящую другую... Культуры развиваются путем заимствования друг у друга или путем противостояния друг другу. Это обоюдное обогащение и стимулирование» [Леви-Стросс 2008].

Нетрудно предположить, что методологически конструктивный и перспективный подход, заявленный во вступлении к «Истории всемирной литературы», был инспирирован новейшей литературной практикой представителей «так называемых малых» литератур, в ряду которых выделялись Р. Гамзатов и Ч. Айтматов. Вынесенные на обложку послевоенной книги Р. Гамзатова три слова – «Дети дома одного» – сегодня могут включить в перечень стандартных советских идеологем, но истины ради надо сказать о неконъюнктурном и чрезвычайно важном для молодых литератур смысле, открывавшим иную жизнь за пределами отцовской сакли («в мир большой я из малого вышел селенья»), приобщавшим к праву на изменение и развитие, «чтобы не был малым человек, принадлежащий малому народу». Невозможное становилось возможным: «я с крыши горского аула сквозь даль, которой нет конца...». Ключевое слово здесь, конечно, даль... Когда в 60-х годах прошлого столетия в газете «Литература и жизнь» развернулась дискуссия о возможной интеграции культур и наций в нечто единообразное и надэтническое, то национальные литературы, взбудораженные призраком гипотетического «слияния», ответили гамзатовским стихотворением «Родной язык»: «и если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть».

Айтматов также смотрел на мир глазами своей культуры как определенной системы ценностей, сакральных символов, восходящих к великой эпической школе «Манаса». Креативный потенциал айтматовского текста позволял увидеть в особенном, национально-уникальном, масштаб и достоинство общезначимой ценности, связывая эффект этой общезначимости с художественной результативностью. Вне принципа эстетической самооценности сама постановка вопроса о всеобщности как имманентном качестве национально-литературного самоопределения утрачивает значимость. Именно состоявшийся художественный уровень открывает возможность, наполняет смыслом «постоянно возобновляющуюся претензию на всеобщность», которую акцентировал чешский теоретик Я. Мукаржовский в рабо-

те «Может ли эстетическая ценность иметь всеобщее значение?» [Мукаряжовский 1994, с. 180].

Художественный опыт Айтматова убедительно свидетельствовал о глубинной взаимообусловленности «различия» как основы и движущей силы идентичности и диалогизма, если воспринимать ее как имманентный структурно-семантический принцип, как фактор внутрилитературной эволюции, формируемой борьбой смысловых интенций, конфликтом ценностей. Речь может идти о внутреннем диалоге в ней креативных и репродуктивных тенденций, который несет в себе зерно обновления и творческого спора с традицией внутри этой традиции, о напряжении внутрилитературного контекста диалогического взаимодействия, которое проявляется в текстуальной диалектике «своего-чужого», присвоения – отталкивания, усвоения – переосмысления, схождения – несхождения.

При всей чуткости к архетипическим культурным моделям, к мифологическому первоистоку (повести «Пегий пес, бегущий краем моря», «Белый пароход»), к ментальным тонкостям, к самодостаточности предания, ритуала, Айтматов избегал искушения назидательным этнизмом, вовлекая киргизский мир в горизонт существования рода человеческого. Взятая в своей многомерности художественная мысль не нуждалась в избыточном этнографизме, в статике орнаментальности, в «гурманстве по части экзотики», о котором счел нужным сказать С.С. Аверинцев в статье о Гете и Пушкине, отмечая при этом, что «всечеловечество невозможно без интереса к “местному колориту”, но и несводимо к нему...» [Аверинцев 1999, с. 194].

Полнота мировосприятия по-айтматовски – это и нравственный долг перед предками, и чувство поколенческой преемственности, и новый тип творческого мышления, для которого нет ничего заведомо неинтересного и заведомо ненужного. Идентификационная точность и то, что называют соответствием запросам времени, в айтматовской картине мира находят общий язык. Вовлеченность своего народа в перемены есть вовлеченность своего народа в жизнь человечества. Национальное освобождается от маргинализации, а всеобщность обнаруживает связь с теплой конкретикой домашнего очага.

В айтматовских текстах артикуляция человеческой субъективности, укрепощенного чувства, несломленности соотносятся с экзистенциальной проблематикой, чуткостью к социально-психологическим коллизиям и потрясениям (в первых повестях, как правило, война и тяжелейшая работа в ее тылу). Он чувствовал антиномичность усложняющегося национального бытия, опознавая обновленческие признаки изменяющегося в неизменном, сдвиги в национальной психологии.

Начиная с первых публикаций в журналах «Октябрь» и «Новый мир» («Лицом к лицу», «Джамиля»), Айтматов понял, что дело не в апологии застывших в своей этнокультурной непререкаемости истин, а в энергетике творческого продления традиции в новых условиях, сдвигая центр тяжести в сферу подвижной диалектики неизменного – изменяющегося, константного – вариативного. Каждое его произведение было тем или иным по художественному потенциалу ответом на вопросы Кемеля из повести «Верблюжий

глаз»: «О Анархай, о великая степь! Что же ты молчишь, о чем думаешь? Что таишь ты в себе от века и что ждет тебя впереди?».

Прозаик оставался верным тому, что, предельно обобщая, можно назвать онтологией национального бытия, той шкалой ценностей, отказ от которой равнозначен катастрофическому слову идентичности. Но ему близок был и инструментальный аспект, та прагматика национального бытия, которая не останавливается перед переоценкой ценностей, обновляющей социокультурное пространство. Отсюда чувствительность художника к местам разрыва социокультурной ткани. Сюжет мог разворачиваться в Анархайской степи или в «нашем аиле Куркуреу», на «материнском поле» или в сарозеках из романа «И дольше века длится день», но духовная картография или художественная стратегия Айтматова таковы, что не возникает ощущение окраинности, периферийности. Читатель не чувствует географических, пространственных, этнокультурных ограничений, предлагающих только «гурманство по части экзотики».

При всей заведомой правильности идеологических деклараций в «Первом учителе», провозглашаемых Дюйшеном, происходит их десакрализация под диктовку художественной логики, ориентированной на истину свободного личного выбора, на выстраданную правду отношений Дюйшена и Алтабай. Айтматов как бы удерживает эту живую пульсацию человеческой экзистенции, не посягая и не обедняя ее установочным схематизмом. Важно выделить эту деятельностную функцию художественного слова или перформативности, когда поступок и высказывание айтматовского героя создают прецедент, открывающий новый горизонт. В ситуации духовно-психологического перекрестка, существования на грани, неизбежного выбора заявляет о себе выход за пределы, причем не только за границы традиционного уклада, поведенческого стереотипа, но и за собственные личностные ограничители. В «Джамиле» юный повествователь «впервые почувствовал тогда, как проснулось во мне что-то новое, чего я еще не умел назвать, но это было что-то неодолимое, это была потребность выразить себя». Преодоления того, что казалось фатально непреодолимым, выхода за пределы требуют нравственные запросы Данияра и Джамилы. Мотив перехода границы как акта долгожданной, открытой будущему трансгрессии определил тональность и «Первого учителя»: «Сам того не ведая, Дюйшен совершил подвиг ... в те дни нам, киргизским детям, нигде не бывавшим за пределами айла, ... вдруг открылся новый, неслышанный и невиданный прежде мир...».

Жизнепространство айтматовского метатекста организуют две ключевые и взаимоподсвечивающие метафоры: белая птица Доненбай, не устающая задавать свой судьбоносный вопрос «Чей ты?» и железная дорога, рассекающая и раздвигающая «материнское поле» до ранее неведомого и пугающего горизонта, символизирующая присутствие и наступление другого мира. Устойчивый образ железной дороги олицетворяет, напоминает о возможной новой жизни. Данияр и Джамиля, не оглядываясь, «уходили в сторону железнодорожного разъезда». В «Материнском поле» Толганай добирается до неблизкой станции, чтобы повидаться с ушедшим на фронт сыном, но становится испуганным свидетелем только мимо летящих поездов – один из

лучших эпизодов в произведениях Айтматова по силе художественной выразительности. Или пролог и эпилог «Первого учителя»: «темная черточка железной дороги, уходящей за горизонт ...» и финальный «поезд ... понес меня по равнинам казахской степи к новой жизни...». Поезд, уносящий героя – сквозной образ, синонимически соотнесенный с «колесом времени» из романа «И дольше века длится день», которое «убыстрятся», побуждая Едигея вновь и вновь задавать себе сакраментальный вопрос: «почему стали такими дети?». За ним острота выбора между обезличенностью, когда родовое кладбище Ана-Бейит перестает быть таковым, а сырмятная верблюжья кожа, отбивающая память, плодит манкуртов, и самосохранением, суть которого сформулировал тот же Едигей: «не идите против человеческого обычая».

Казалось бы, обычай, как и все в мире, подвержен изменениям и тот или иной обычай вполне может превратиться в анахронизм. Но Айтматов смотрит глубже, улавливая онтологически значимые для народа и человека смыслы. «Идти против» в контексте его доминирующих художественных идей – от «Джамили» до «И дольше века длится день» – значит, как сказано в романе, «вырвать корни того, что пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других». Генетическая память приаральского казаха Едигея и философия забвения или расчеловечивания человека, воплощенная в мироощущении Сабитжана, полемически противостоят друг другу, приобретаемая в художественном мире Айтматова парадигмальное значение. Похороны отца для Сабитжана формальная обязанность, но для Едигея, озабоченного сохранением порядка слов в молитве, – нравственный закон, предписывающий похоронить Казангапа именно на Ана-Бейит.

Распад патриархальной цельности – трещина, проходящая через сердце Едигея, но есть и другая сторона медали – на заброшенном родовом кладбище, далеко от цивилизационных центров, сходятся этос и ракета, архаика и современность, локальный обычай и планетарная технология. Айтматов явил такой уровень миропонимания, когда они вдруг перестают быть некими полюсами, антиномиями, тезисом-контртезисом, обнаруживая взаимозависимость, вне которой уже не дано найти ответ на вопрос «почему стали такими дети?». Полет ракеты – то, что казалось Едигею «посторонним» делом – коснулся и его: в финале человек, верблюд, собака – родственные души, учувшие одну на всех угрозу – бегут от космодрома, от «сокрушающего грохота» иного мира. И все-таки в финале дочери не застают Едигея дома: он, оглушенный, но не сломленный, уехал-таки бороться за спасение Ана-Бейит.

Айтматовский метатекст вполне может быть воспринят как философско-художественный плебисцит в том смысле, что перспективно мыслящий художник на языке национально-характерных образов, на языке тревог и надежд XX века отстаивал национально-культурную индивидуальность народа как нерастворимую субстанцию в кипящем «бульоне» унифицирующей глобализации. При этом нациесберегающая парадигма ничего общего не имела с узко понятой идентичностью, предполагая взаимодополняемость

глубинной этнокультурной аксиоматики национального бытия и неизбежности перемен, требующей адекватной осознанности.

Сохраняя лицо, удерживая память об Анна-Бейит, неотвратимо превращаемом в космодром, Айтматов улавливал дыхание наступающей злободневной проблематики, откликаясь на нее художественным опытом позитивной идентичности, в основе которой принцип самоуважения, переживание своей самоценности и в то же время чувство границы, отделяющей национальное как созидательную творческую задачу от националистической узости, всеобщность «особенного» от духовной нищеты «отдельного». Это та позитивно-творческая идентичность, которую отличает духовное дальноедействие и качество смысловой неизолированности от вновь возникающих историко-культурных контекстов.

Как-то Айтматов проникновенно сказал о своем «чувстве признательности» классику татарской литературы Габдулле Тукаю, который «принадлежит не только татарскому народу... Все тюркоязычные народы испытали воздействие творчества Тукая». Далее Ч. Айтматова выделяет то, что ему представляется наиболее важным и духовно близким: «Он был среди тех, кто вел под уздцы нацию и боролся за ее возрождение. Значение Тукая состоит в том, что он совершил переоценку истории и культуры своего народа. Это великое достижение личности, великое достижение художника»³²⁴.

Выразительный эпизод из творческой биографии Т. Тукая свидетельствует и о его предрасположенности к межкультурному, взаимосближающему собеседованию – 4 марта 1911 года он писал поэту и переводчику С. Сунчелею: «В голове витает множество замыслов об одной поэме. Только полностью переварить ещё не успел. Мечта моя вот о чём: на татарском, в татарском духе, с татарскими героями, хочу создать своего «Евгения Онегина» [Хисамов 2011, с. 6].

Состоявшаяся глубина самопознания, явленная в поэзии Г. Тукая и в прозе Ч. Айтматова, неизбежно обнаруживает свою имплицитную связь и с евразийским первоистокком, и с национальной самобытностью, которая, по Айтматову, «пребывает с человеком до последнего вздоха, оставаясь его единственным обретением, уходящим вместе с ним и недоступным для других» – будь это татарская деревня Кушлауч Казанского уезда или киргизский аил Шекер Таласского кантона...

... В одной из работ пришлось «споткнуться» на словосочетании «русская многонациональная литература». Описка или оплошность? Если литература «многонациональная», то она непременно советская или российская, но если речь идет о русской литературе, то при чем здесь «многонациональная»? Ни в каком дополнительном символическом укрупнении русская литература, разумеется, не нуждается, но что-то в том оксюморонном со вмещении несовместимого наводило на размышления...

В метафизическом смысле «национальное» в русской литературе тягело к такому самопреодолению, когда раздвигались границы и предвосхищались новые духовные горизонты. Один из высших смыслов, к которым пробивалась художественная мысль, станет понятнее, если сослаться на

³²⁴ Айтматов Ч.Т. О Тукае [Электронный ресурс] // Сайт «Габдуллау Тукай». URL: http://gabdullatukay.ru/rus/index.php?option=com_content&task=view&id=136&Itemid=40 (дата обращения 19 декабря 2022).

мудрую пронизательность воспоминания Л.Н. Толстого о зеленой палочке из далекого детства и о состоявшейся солидарности живущих: «Идеал муравейных братьев, льнущих любовно друг к другу, только не под двумя креслами, завешанными платками, а под всем небесным сводом всех людей мира, остался для меня тот же»³²⁵.

В нашу эпоху сокрушительной победы интереса над идеалом найдутся желающие заняться разоблачением простодушного морализаторства и доверчивости ко всякого рода утопиям. Но идея преодолеваемого отчуждения ради межнационального согласия в русской литературе ориентирована не столько на «светлое будущее», сколько на практическую этику, воплощенную в жизнь.

Позабывшие распри народы «в великую семью соединятся» у Пушкина, «стать братом всех людей» у Достоевского, «уменьшение несогласия» у Толстого – так определялась этическая сверхзадача, соразмерная по своей нравственной высоте мощному эстетическому потенциалу.

Вхождение в инонациональный контекст, распознавание другого голоса и другой жизни в ее теплой человеческой конкретике становились чуткой диагностикой возможного сближения. Эта озабоченность поиском языка взаимопонимания находила благодарный отклик в литературах народов России. Отличаясь разностадиальностью и художественной разноразмерностью, они были едины в своем особом отношении к русской литературе, которое подразумевало радостную добровольность ответного культурного и душевного движения.

Слово «многонациональная» кажется эмоционально остывшим и обесчелоченным из-за накопленной инерции его использования. Но если «стереть случайные черты» и разглядеть историософски значимый неологизм «русская многонациональная литература», взятый в евразийском измерении, то обнаружится главное – сопрягающая мысль, кровно заинтересованная в общем деле и в таком признании разнонационального многоголосия, когда оно предстает благом, а не обузой...

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1999 – *Аверинцев С.С.* Гете и Пушкин (1749–1799–1999) // Новый мир. 1999. № 6. С. 189–198.

Аверинцев 2001 – *Аверинцев С.С.* Диалог всегда находится в опасности // Известия. 2001. 11 января.

Ауэрбах 2004 – *Ауэрбах Э.* Филология мировой литературы // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 123–139.

Бахтин 2003 – *Бахтин М.М.* К вопросам методологии эстетики словесного творчества // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. – М.: Русские словари, Языки славянской культуры, 2003. – 956 с.

Бенхабиб 2003 – *Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. – М.: Логос. 2003. – 350 с.

³²⁵ Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. Т. 36. М.–Л.: Государственное издательство «Художественная литература», 1936, с. 740.

Библер 1991 – *Библер В.* От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.

Виппер 1983 – *Vinner Ю.Б.* Вступительные замечания // История всемирной литературы в 8 томах. Т. 1. – М.: Наука. 1983. – 584 с.

Гадамер 1991 – *Гадамер Г.-Г.* Актуальность прекрасного. – М.: Искусство, 1991. – 367 с.

Гумбольдт 1985 – *Гумбольдт В. фон.* Язык и философия культуры. – М.: Прогресс. 1985. – 448 с.

Диалог 2005 – Диалог культур в глобализирующемся мире: мировоззренческие основания и ценностные приоритеты. – М.: Наука, 2005. – 427 с.

Жирмунский 1979 – *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л.: Наука. 1979. – 492 с.

История 2003 – История татарской литературы Нового времени (XIX – начало XX в). – Казань: Фикер, 2003. – 472 с.

Культурология 1998 – Культурология. XX век. Энциклопедия: в 3 т. / гл. ред. и сост. С.Я. Левит. Т. 1. – СПб.: Университетская книга, 1998 // URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt028.htm#09> (дата обращения 19.11.2022).

Леви-Стросс 2008 – *Леви-Стросс К.* Раса и политика. Беседа Клода Леви-Стросса с Дидье Эрибоном // Неприкосновенный запас. 2008. № 1 URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/1/rasa-i-politika.html>; (дата просмотра 27.01.2023).

Мукаржовский 1994 – *Мукаржовский Я.* Исследования по эстетике и теории искусства. – М.: Искусство, 1994. – 606 с.

Основоположник 2010 – Основоположник российского академического кавказоведения академик Андрей Михайлович Шёгрэн. В 2 томах. Т. 1. Исследование. Тексты. – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 948 с.

Ренан 1902 – Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собр. соч. в 12-ти томах. Т. 6. – Киев: Издание Б. К. Фукса, 1902. – 87–101 с.

Тиханов 2014 – *Тиханов Г.* «Малые и большие литературы» в меняющемся формате истории литературы // Вопросы литературы. № 6. 2014. 253–278 с.

Трубецкой 2007 – *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.

Трубецкой 1993а – *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М.: Наука, 1993. – 368 с.

Трубецкой 1993б – *Трубецкой Н.С.* Мы и другие // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М.: Наука, 1993. – 368 с.

Трубецкой 1993с – *Трубецкой Н.С.* «Русская проблема» // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. – М.: Наука, 1993. – 368 с.

Федотов 2011 – *Федотов Г.П.* Национализм (конспективная запись доклада) // Вопросы философии. 2011. № 10.

Федотов 1929 – *Федотов Г.П.* Будет ли существовать Россия? // Вестник РСХД. Париж. 1929. № 1–2.

Франк 2019 – *Франк С.* Проект многонациональной советской литературы как нормативный проект мировой литературы (с имперскими импликациями) // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. 230–247 с.

Хисамов 2011 – *Хисамов Н.Ш.* Величие и трагедия Тукая. Татарский мир / Татар дөнъясы. 2011. № 4. С. 6. URL: <http://www.vatanum.ru/content/images/tm0411.pdf> (дата обращения 06.04.2023).

Чхеидзе 2004 – *Чхеидзе К.А.* Страна Прометея. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. – 264 с.

Шаламов – *Шаламов В.Т.* Студент Муса Залилов // URL: <https://shalamov.ru/biography/> (дата посещения 12.03.2023).

Шпет 2002 – *Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования.* – М.: Наука, Памятники исторической мысли, 2002. – 1168 с.

REFERENCES

Averincev, S. (1999), “Goethe and Pushkin (1749–1799–1999)”, *Novyj mir*, no. 6, pp. 189–198.

Averincev, S. (2001), *Dialog vseгда nahoditsja v opasnosti* [Dialogue is always in danger], *Izvestija*. 11 January 2001.

Aujerbah, E. (2004), “Philology of world literature”, *Voprosy literatury*, no. 5, pp. 123–139.

Bahtin, M. (2003), *K voprosam metodologii jestetiki slovesnogo tvorcestva. Sobr. soch.: v 7 t. T. 1* [To questions of methodology of aesthetics of verbal creativity. Sobr. op.: in 7 vols. Vol. 1], *Russkie slovari, Jazyki slavjanskoj kul'tury*, Moscow.

Benhabib, S. (2003), *Pritjazanija kul'tury. Ravenstvo i raznobrazie v global'nuju jeru* [The claims of culture. Equality and diversity in the global era], Logos, Moscow.

Bibler, V. (1991), *Ot naukouche nija – k logike kul'tury. Dva filosofskih vvedenija v dvadcat' pervyj vek* [From science to the logic of culture. Two Philosophical Introductions to the Twenty-first century], Politizdat, Moscow, Russia.

Vipper, J. (1983), *Vstupitel'nye zamechanija. Istorija vsemirnoj literatury v 8 tomah. T. 1.* [Frequent replacements. History of Universal Writers in 8 volumes. Vol. 1], Nauka, Moscow, Russia.

Gadamer, G.-G. (1991), *Aktual'nost' prekrasnogo* [Relevance of the beautiful], *Iskusstvo*, Moscow, Russia.

Gumbol'dt, V. (1985), *Jazyk i filosofija kultury* [Language and philosophy of culture], Progress, Moscow.

Dialog, (2005), *Dialog kul'tur v globalizirujushhemsja mire: mirovozzrencheskie osnovanija i cennostnye prioritety* [Dialogue of cultures in a globalizing world: ideological foundations and value priorities], Nauka, Moscow.

Zhirmunskij, V. (1979), *Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad* [Comparative literary studies. East and West], Nauka, Leningrad, USSR.

Istorija (2003), *Istorija tatarskoj literatury Novogo vremeni (XIX- nachalo XX v)* [The history of Tatar literature of Modern times (XIX- early XX centuries)], Fiker, Kazan', Russia.

Kul'turologija, (1998), *Kul'turologija. XX vek. Jenciklopedija: v 3 t. / gl. red. i sost. S.Ja. Levit. T. 1* [Encyclopedia: in 3 vols. / chap. ed. and comp. S.Ya. Levitan. Vol. 1], Universitetskaja kniga, available at: URL: <http://psylib.org.ua/books/levit01/txt028.htm#09> (Assessed 19.11.2022).

Levi-Stross, K. (2008), *Rasa i politika. Beseda Kloda Levi-Strossa s Did'e Jeribonom* [Race and politics. A conversation between Claude Levi-Strauss and Didier Eribon], *Neprikosnovennyj zapas*. 2008. № 1 URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/1/rasa-i-politika.html> (Assessed 27.01.2023).

Mukarzhovskij, Ja. (1994), *Issledovanija po jestetike i teorii iskusstva* [Research on aesthetics and art theory], *Iskusstvo*, Moscow, Russia.

Osnovopolozhnik, (2010), *Osnovopolozhnik rossijskogo akademicheskogo kavkazovedenija akademik Andrej Mihajlovich Shjogren. V 2 tomah. T. 1. Issledovanie. Teksty* [The founder of the Russian academic kavkazovedeniya academician Andrey Mikhailovich Shegren. In 2 volumes, Vol. 1, Research. Texts], IMLI RAN, Moscow, Russia.

Renan, Je. (1902), *Chto takoe nacija?* [What is a nation?], Vol.6, Izdanie B. K. Fuksa, Kiev, Ukraine.

Tihanov, G. (2014), “Small and large literatures” in the changing format of literary history”, *Voprosy literary*, no. 6, pp. 253–278.

Trubeckoj, N.S. (2007), *Vavilonskaja bashnja i smeshenie jazykov* [The Tower of Babel and the confusion of languages], Nasledie Chingishana, Jeksmo, Moscow, Russia.

Trubeckoj, N.S. (1993a), *Obshheevrazijskij nacionalizm* [Pan – Eurasian nationalism], *Rossija mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn. Antologija*, Nauka, Moscow, Russia.

Trubeckoj, N.S. (1993b), *My i drugie* [We and others], *Rossija mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn. Antologija*, Nauka, Moscow, Russia.

Trubeckoj, N.S. (1993c), «*Russkaja problema*» [«The Russian problem»], *Rossija mezhdru Evropoj i Aziej: Evrazijskij soblazn. Antologija*, Nauka, Moscow, Russia.

Fedotov, G.P. (2011), “Nationalism (summary of the report)”, *Voprosy filosofii*, no.10.

Fedotov, G.P. (1929), “Will Russia exist?”, *Vestnik RSHD*, Parizh, no. 1–2.

Frank, S. (2019), “The project of multinational Soviet Literature as a normative project of World Literature (with Imperial implications)”, *Imagologija i komparativistika*, no. 11, pp.230–247.

Hisamov, N.Sh. (2011), “The greatness and tragedy of Tukai. Tatar World”, *Tatar den’jasy*, no. 4, p. 6. Available at: <http://www.vatanym.ru/content/images/tm0411.pdf> (Assessed 06.04.2023).

Chheidze, K.A. (2004), *Strana Prometeja* [Prometheus Country], Poligrafservis i T Nal’chik, Russia.

Shalamov, V.T. *Student Musa Zalilov* [Student Musa Zalilov], available at: <https://shalamov.ru/biography/> (Assessed 12.03.2023).

Shpet, G.G. (2002), *Istorija kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovanija* [History as a problem of logic. Critical and methodological research], Nauka, Pamjatniki istoricheskoi mysli, Moscow, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Казбек Камилевич Султанов, доктор филологических наук, профессор, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия, 121069 ул. Поварская, д. 25 а; sulkaz@inbox.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kazbek K. Sultanov, Doctor of Philology, Professor, Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, 121069 Povarskaya str., 25 a; sulkaz@inbox.ru.

Репрезентация российских пространств и их этнического многообразия в путевой прозе XIX века (Урало-Поволжский регион)

Наталья Б. Граматчикова

Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия, n.gramatchikova@gmail.com
ORCID 0000-0002-2585-7399

Аннотация. *Статья написана на материале очерковой путевой прозы XIX века, соединяющей в себе традиции эпистолярной прозы, травелогов и ранних этнографических описаний. Беллетристические описания путешествий А.А. Фукс, М.В. Авдеева по Поволжью, Башкирии и Оренбуржью имели целью познакомить широкую читательскую аудиторию с разнообразием природы и народонаселения Российской империи, ввести в литературу объемный пласт новых образов, связанных с историко-культурным ландшафтом российских территорий. В статье показано, как характер контактов с пространством и его обитателями зависит от способа передвижения автора, каким образом формируется хронотопическая составляющая текста, какую роль играет вводимый авторами широкий контекст поездки, включающий устные источники, опору на литературную традицию и научную литературу. А. Фукс, исключая из путевых очерков содержание собранного ею в поволжских деревнях этнографического и фольклорного материала, добросовестно отмечает широкий и прихотливый контекст своих взаимодействий с местным населением, фиксируя, таким образом, скрытую, субъективную сторону науки. В дорожных записках М. Авдеева документальность повествования сочетается с беллетристическим построением сюжета и яркой образностью. Разнообразие авторской позиции и видов использованного транспорта позволили ему стать одним из первых разработчиков языка описания популярных маршрутов поездки на кумыс и минеральные воды. В статье отмечается, что каждый вид транспорта формирует свой характер общения, порождает свой хронотоп и служит своим целям, в том числе и литературным.*

Ключевые слова: *путевая проза, травелог, очерк, А.А. Фукс, М.В. Авдеев, удмурты (вотяки), чувашаи, башкиры, гужевой транспорт.*

Для цитирования: *Граматчикова Н.Б. Репрезентация российских пространств и их этнического многообразия в путевой прозе XIX века (Урало-Поволжский регион) // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 440–456. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-438-454.*

Representation of Russian Spaces and Their Ethnic Diversity in Travelogues of the XIX Century (Ural-Volga Region)

Natalia B. Gramatchikova

Institute of History and Archeology

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

Yekaterinburg, Russia n.gramatchikova@gmail.com

ORCID 0000-0002-2585-7399

Abstract. *The article is based on the material of essays of the XIX century, combining the traditions of epistolary prose, travelogues and early ethnographic descriptions. The fictional descriptions of the travels of A.A. Fuchs, M.V. Avdeev in the Volga region, Bashkiria and Orenburg were intended to acquaint a wide readership with the diversity of nature and population of the Russian Empire, to introduce into the literature a voluminous layer of new images associated with the historical and cultural landscape of Russian territories. The article shows how the nature of contacts with space and its inhabitants depends on the author's mode of movement, how the chronotopic component of the text is formed, what role is played by the wide context of the trip introduced by the authors, including oral sources, reliance on literary tradition and scientific literature. Fuchs, excluding from travel essays the content of ethnographic and folklore material collected by her in Volga villages, conscientiously notes the broad and whimsical context of her interactions with the local population, thus fixing the hidden, subjective side of science. In M. Avdeev's travel notes, the documentary nature of the narrative is combined with the fictional construction of the plot and vivid imagery. The variety of the author's position and the types of transport used by him allowed him to become one of the first developers of the language for describing popular routes to Kumys and mineralnye vody. The article notes that each type of transport forms its own character of communication with informants, generates its own chronotope and serves its own purposes, including literary ones.*

Keywords: *travel prose, travelogue, essay, A.A. Fuchs, M.V. Avdeev, Udmurts (Votyaks), Chuvash, Bashkirs, horse-drawn transport.*

For citation: *Gramatchikova, N.B. (2023), "Representation of Russian Spaces and Their Ethnic Diversity in Travelogues of the XIX Century (Ural-Volga Region)", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 440–456. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-438-454.*

Введение

Литература XIX века оставила богатейшие описания этнического и геокультурного разнообразия России в нескольких художественных парадигмах, от сентиментализма до реализма. Принято считать, что интерес к иным культурам был большей частью воспитан романтизмом и остро востребован в процессах нациестроительства, захвативших Европу XIX века [Miller, Berger 2015]. Антропологический поворот, характерный для гуманитаристики двух последних десятилетий, позволяет прочитать беллетристические этнографические описания XIX века: путевые заметки, очерки и письма с дороги, т. е. тревелогии в широком смысле, разместив исследовательский вопрос на стыке эпистемологии и герменевтики. Нас интересует, каким

образом логистика – транспортное обеспечение выездов «в поле» – повлияла на форму публичного представления материала; существует ли устойчивая связь между способом передвижения пишущего (гужевым транспортом, железнодорожным или водным) и характером его письма. Некоторые исследователи видят дискурсы письма целиком совпадающими с видом транспорта путешествующих и прослеживают прямую связь между типом транспортного сообщения и образом места, формирующимся в описаниях пассажиров [Власова 2011]. В проанализированных нами текстах видно, что способы описания, скорее, следуют за практиками использования, т. е. в некоторых случаях при смене транспорта остаются прежними (например, в поездах едут, как прежде, в каретах, «просто нынче стали так возить»³²⁶, в других – более сложно дифференцированы, в зависимости от маршрута, класса езды и др. Авторы травелогов XIX века встречаются с новой для литературы задачей: как сделать описания путешествий по России (теперь доступных многим, но все еще утомительно-долгих и требующих многократных пересадок) занимательными для широкой читательской аудитории.

Из очеркового наследия XIX века мы выбрали несколько текстов, чьи авторы в равной степени были наделены и талантом литератора, и этнографическим азартом, хотя и не относили себя к научному сообществу. Наше внимание будет сосредоточено на очерках Александры Андреевны Фукс и Михаила Васильевича Авдеева. Безусловно, их текстами обозначенная тема не исчерпывается (тем более, что для XIX века характерен быстрый прогресс российской транспортной системы), и в путевых очерках их современников и последователей: Е.А. Вердеревского, П.И. Небольсина, Ф.М. Решетникова, Д.М. Мамина-Сибирияка, Н.Д. Телешова и других, – мы находим обильный материал для дальнейшей разработки проблемы. Все эти авторы путешествовали по Поволжью, Уралу и Приуралью, начиная с 1830-х гг., с большим любопытством вглядываясь в природное своеобразие и пестроту этнического «ковра» этих мест. Их журнальные и газетные тексты содержали не только описания быта и нравов народов Урала, но и впечатления авторов от преодоления российских пространств.

Выбор авторов, в большинстве своем принадлежащих к так называемым «писателям второго ряда», видится актуальным в контексте формулируемой исследователями смежных гуманитарных дисциплин (истории, антропологии, социологии и др.), необходимости (ре)интеграции в исследовательское поле прежде исключенных из него групп, обнаруженных в оптике «новой этики», «уязвимости» и др.³²⁷. Разделяя с коллегами постструктуралистское смещение методологического фокуса с автора на текст для беллетристов XIX века [Козлов 2017, с. 179], попробуем обнаружить ресурс там, где автор, стараясь увлечь и развлечь читателя, включает в текст массу (авто)биографических подробностей, «слишком человеческих», откровенно субъективных, оценочных и др. Такая оптика вполне соответствует признанию

³²⁶ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. С. 290 // Авдеев М. В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. 384 с.

³²⁷ Brodiex-Dolino A. Le concept de 'vulnérabilité' [Электронный ресурс] // La Vie des idées. 2016, le 11 février. URL: Le concept de vulnérabilité - La Vie des idées (laviedesidees.fr) (дата обращения 11 июня 2023).

субъективности как конституирующей части науки, сменяющему отношению к научному знанию как нейтральному, «объективному», очищенному от личного. Если согласиться, что каждое путешествие – это в некотором роде испытание, то оно, часто неожиданно, делает видимыми и обратимыми установленные прежде социальные отношения. Из испытаний «люди обязательно выходят... преобращенными, даже если это преобразование заключается в подтверждении их прежнего статуса и социальной идентичности», – пишет французский социолог С. Лемье, осмысляя наследие своего соотечественника М. Поллака [Lemieux 2008].

Не-«сентиментальная путешественница» Александра Фукс

Александра Андреевна Фукс (1805–1853), основательница литературного салона в Казани, жена профессора и ректора Императорского Казанского университета Карла Федоровича Фукса, была разносторонне одаренным человеком, не боявшимся пробовать новое³²⁸. Первой среди российских писательниц она оставила после себя этнографические очерки, созданные по итогам ее поездок «в поле»: к чувашам, марийцам (черемисам) и удмуртам (вотякам). Для репрезентации своих наблюдений она выбрала форму писем, написанных в диалоге с мужем – ученым-естествоиспытателем.

Обратим внимание на «Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии»³²⁹ и «Поездку к вотякам Казанской губернии»³³⁰. Отправляясь в родные ей места (родившись в Чебоксарах, Александра Фукс в юности подолгу жила в деревнях Исенево, Казанбаши), Фукс берет на себя миссию собрать полевой материал по религиозным практикам, обрядам и обычаям народов Поволжья, оставляя последующую обработку собранного своему мужу, фигура которого в ее текстах олицетворяет академическую науку: объективную, спокойную, безэмоциональную³³¹. Такого рода ролевое сотрудничество было принято между супругами Фукс: так, например, «повесть в стихах» об основании Казани на основании татарских преданий, написанная Александрой Андреевной, предварялась историческим предисловием Карла Федоровича Фукса «Болгары и основание Казани»³³². Себя же А. Фукс именует «сентиментальной путешественницей»: ее маршрут определяется не только научными целями, но и посещением родных мест. Однако это не носталь-

³²⁸ Об этом подробнее, см., например: Бобров Е.А. А. Фукс и казанские литераторы 30–40-х годов // Русская старина. 1904. Июнь. С. 482–509. Июль – август – сентябрь. С. 3–5; Аристов В.В. Журнал «Заволжский муравей» и его авторы // Казанская периодическая печать XIX – начала XX века: библиогр. указатели. Казань: изд-во Казанского ун-та, 1991. С. 5–18.

³²⁹ Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, Типография Императорского Казанского университета, 1840. 329 с.

³³⁰ Фукс 1844 - Фукс А.А. Поездка к вотякам Казанской губернии (Письма А. А. Фукс к супругу ее, К. Ф. Фуку) [Электронный ресурс] // Прибавления к Казанским губернским ведомостям 1844, №№ 14, 16, 17, 19, 22, 26, 29. URL: Периодика дореволюционной Чувашии | Библиотека в цифровом формате (echznbchr.blogspot.com) (дата обращения 11 июня 2023).

³³¹ Монография К. Фукса о казанских татарах начинается с изложения статистических данных (Фукс К., 2013). В этом отношении образ К. Фукса полностью соответствует тому, что сегодня осознается как «каноническая форма научного знания», т. е. белая, мужская, гетеросексуальная, средняя/высшая классовая, христианская и трудоспособная перспектива исследования [Ellis и др. 2010].

³³² Фукс К.Ф. Предисловие. Болгары и основание Казани // Основание города Казани. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий Александрю Фукс. Казань, Университетская типография, 1836. С. III–XXXIX.

гические поездки, но скорее, попытка нового взгляда на знакомое прежде, введение в научный оборот новых данных. В этом отношении можно говорить о наличии в текстах А. Фукс элементов автоэтнографии, т. е. такого «подхода к исследованию и написанию статей, который направлен на описание и систематический анализ личного опыта с целью понимания культурного опыта» [Ellis и др. 2011]. Записки А. Фукс можно рассматривать и как образец «женского письма», с его большей уязвимостью и меньшей императивностью следования канонам. Принятые в XIX веке нормы восприятия и описания «инородцев» у Фукс не позволяют скрыть их стигматизированность при всей авторской расположенности к ним³³³, однако сегодня очевидно и другое: сама Александра Фукс, автор текста, оказывается в ситуации уязвимости, когда заходит на «территорию науки», отчего и передает право письма мужу как более компетентному «настоящему» ученому. В целом же публикация путевых очерков «сентиментальной путешественницы» А. Фукс в «Казанских губернских ведомостях» и журнале «Заволжский муравей» вполне соответствует современному требованию повышения доступности исследовательских текстов для разных групп читателей, в том числе неакадемической среды³³⁴.

Научный дискурс XIX–XX вв. предполагал доминирование рационального, дистанцированного, – мужского – типа письма, которое и осуществлял К.Ф. Фукс, чьи письма образуют диалогический гипертекст с очерками жены. Диалогизм женской и мужской позиции можно рассматривать с привычной академической позиции как нейтрализацию женской эмоциональности и впечатлительности мужской рассудительностью [Созина 2020, с. 468]. Авторские ремарки А. Фукс настойчиво подталкивают к такой интерпретации: текст изобилует извинениями («Ты скажешь, что я принялась за это поздно...»³³⁵), обесцениванием собственных усилий и риторикой уничижения («Сердце женское, особенно материнское, никуда не годится; с ним ничего не сделаешь: тоскует, да и только. Я воображаю, что мое описание чуваш будет очень жалкое. Может быть, я принимаюсь не за свое дело; но я решилась, дала тебе обещание, и исполняю его с удовольствием»)³³⁶. Обратим внимание, что А. Фукс охотно прибегает к «женской позиции» и в тех случаях, когда научность изложения требует дополнительных усилий, оставляя их мужу-ученому: здесь «женское» становится синонимичным прихотливому, необязательному, вариативному. Во многом это коррелирует с самим характером поездки А. Фукс: маршрут повозки Александры Фукс зависит и от погоды (нужно долго ждать переправы из-за ветра на

³³³ Любопытным опытом представляется чтение путевых записок А. Фукс в свете рекомендаций Отчета Европейской комиссии об этике исследований в антропологии и этнографии: в письмах А. Фукс, ориентированных на процессуальность полевого этапа исследования, его «кухню», присутствуют многие мотивы, вынесенные в названия глав Отчета: «Работа с предрассудками», «Установление доверия», «Вовлечение субъектов исследования» и др. См.: Iphofen R. *Research Ethics* [Электронный ресурс] // *Ethnography/Anthropology*, pp. 49-55. URL: ethics-guide-ethnog-anthrop_en.pdf (europa.eu) (дата обращения 11 июня 2023).

³³⁴ См. об Пономарев П.А. Казанская периодическая пресса. «Заволжский муравей» // Казанский литературный сборник. 1878. Казань: тип. М. А. Гладышевой, 1878. С. 177-222, а также [Созина, 2016.].

³³⁵ Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, Типография Императорского Казанского университета, 1840. С. 52.

³³⁶ Там же, с. 1.

Волге), и от прихоти кучера («моему кучеру рассудилось ехать далее, и он меня привез в Липовую деревню к моему старому знакомцу...»³³⁷). Между тем из сопоставления с более поздними мужскими текстами М.В. Авдеева, Д.Н. Мамина-Сибиряка и др. становится очевидно, что женская манера письма Фукс не мешает ей планировать маршрут, руководить ямщиками, регулировать отношения с горничной (и даже идти с ней пешком, бросив коляску) – оставляя все это в тени повествования как несоответствующее образу «сентиментальной путешественницы». В текстах путешественников-мужчин мы обнаружим много больше сетований на поведение спутников, слуг и ямщиков. Фукс же невзгоды пути переносит вполне стоически: однажды пьянство хозяина постоянной избы вынуждает ее провести ночь в коляске, нажив простуду, однако это не останавливает путницу.

В отношении транспорта Александра Фукс находится в безальтернативной ситуации: деревни вотяков, марийцев и удмуртов в 1830–1840-х гг. достижимы только на гужевом транспорте. Движение текста заметок Фукс, как и движение ее экипажа, подчиняется целям автора: путешественнице нужно не только добраться до нерусских поселений вдаль от больших дорог, но и найти информантов на полевых работах – крестьяне, ушедшие на покосы, с опаской воспринимают подобные визиты «на поля». Текст то трогается в путь («Прощай, закладывают лошадей»³³⁸), то замирает (пятидневное богомолье в Цивильске исключается из рассказа), то приобретает черты потенциального, становясь обещанием мужу (соскучившись по мужу, Фукс переносит сбор материала по чувашским свадьбам: «Осенью все увижу, все опишу, и ты мной будешь доволен»³³⁹).

Александра Фукс активно и без посредников взаимодействует с местными жителями: удивляется чистоте и опрятности молодухи Катерины (д. Липовая), уступает настойчивости «чувашенина», прикрикнувшего на гостью-барыню, брезгающую пивом («Ты, матушка, больно черемонна, ведь ты не Царь, и Царь бы отведал»)³⁴⁰, вместе с русскими крестьянами дожидается окончания «непристойностей» на чувашских поминках, после которых русские собирают все оставленное на могилах; принимает интерпретации своей судьбы и положения и от русского богомольца, и от впечатленной смелостью барыни чувашки (без мужа едешь – «знать, другого любишь»³⁴¹). Жанровая природа путевых записок А. Фукс позволяет ей не включать в повествование сам собранный материал, но для каждой попытки его сбора, успешной или не вполне, фиксировать контекст этого опыта: для изложения «основ религий» Фукс приходится поднести старикам стакан вина, старухи рассказывают ей об обрядах сами, радуясь слушателю, «неприятные зрелища» встречаются в каждой главе, и автор заметок избегает их просмотра, не испытывая исследовательского долженствования. Впрочем, и во время зрелища достойного, но скучного (многочасового моления) она просто уходит

³³⁷ Там же, с. 2.

³³⁸ Там же, с. 37.

³³⁹ Там же, с. 24.

³⁴⁰ Там же, с. 9.

³⁴¹ Там же, с. 37.

и засыпает: «Я вышла из терпения, пошла в рощу, позавтракала, заснула, а они все еще молились...»³⁴².

Итак, текст заведомо выборочен, что не отменяет установки автора на строгую достоверность описываемого: «...Ты знаешь, что я не пишу того, чего не увижу своими глазами, или не узнаю наверное»³⁴³ [там же, с. 12]. Таким образом, плотная сеть включенных в текст А. Фукс взаимодействий воссоздает контекст полевого исследования не менее богатый, нежели собранные ею, с ориентацией на работы мужа-профессора, данные, но работающий в иной, «невидимой» для науки прошлой эпохи, парадигме³⁴⁴.

Исследователь неизбежно «преобразуется» полем, которое представляется ситуацией испытания его теоретических воззрений и способности прислушиваться к иной логике, отказавшись от утешительной простоты теоретических объяснений³⁴⁵.

Кроме опыта встречи с «чужим/иным», А. Фукс переживает встречу с собственным прошлым, что составляет более разработанную часть «сентиментальных путешествий». Посещая места юности и молодости, она ожидаемо обнаруживает, что «всеистребляющее время все уничтожило до жалости»³⁴⁶, вновь и вновь переживая «стеснение сердца». В значимом для нас аспекте отметим, что преимуществом пешего путника здесь становится выбор ракурса осмотра места: «Бестолковые улицы, узенькие переулки и неопрятность города несомны до того, что невольно закроешь глаза. Поднимаясь уже на гору, увидишь Волгу, и опять восхитишься Чебоксарами»³⁴⁷.

Сочетание мотива «встречи с прошлым» при посещении родных мест с этнографическим их разнообразием найдет дальнейшее воплощение в очерках М. В. Авдеева.

Поездки М. Авдеева: из столиц в «сердце России»

Михаил Васильевич Авдеев (1821–1876), известный в свое время беллетрист и критик [Авдеев 2020], путешествовал, в основном, по указаниям врачей. Однако наблюдательность, хорошее чувство юмора и любовь к просторам родного ему Оренбургского края – «именно края, а не губернии»³⁴⁸ – позволяли ему описывать дорожные впечатления занимательно для читателей. В произведениях М. Авдеева усложняются способы выражения автор-

³⁴² Там же, с. 22. О диапазоне приемлемых эмоций в этнографической беллетристике XIX века подробнее [Грамотчикова 2021].

³⁴³ Там же, с. 12.

³⁴⁴ Не только данные А. А. Фукс становятся основой теоретических работ ее мужа-профессора, но и ее полевая работа ориентирована на его умозаключения. А. Фукс оценивает произносимое информантами, исходя из установок, сформированных на основании работ мужа, и, в свою очередь, полемизирует с ним. Так, например, она сравнивает записанную молитву с переведенной мужем прежде: «Я знаю, ты недоволен моими письмами и верно скажешь: нет объяснений, нет замечаний. – Успокойся: все будет в конце писем. Эта поездка есть только приступ к моему описанию» (Фукс А.А. Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань, Типография Императорского Казанского университета, 1840. С. 32).

³⁴⁵ Французские социологи во введении к «Руководству по проведению полевых исследований» обращают внимание на необходимость постоянного возвращения не только к результатам исследования, но к тому, каким образом они получены [Beard, Weber 2003].

³⁴⁶ Там же, с. 10.

³⁴⁷ Там же, с. 44.

³⁴⁸ Авдеев М.В. Горы // Отечественные записки. 1851.Т. 79. № 11/12. С. 153-210.

ской позиции, а кроме того, обнаруживается разнообразие видов передвижения, доступных путешественнику по России в середине XIX века.

Урал, открываемый в XIX веке массовому читателю, дает несколько образов, которые затем разворачиваются, распространяясь на все российское пространство. Один из таких гиперболизированных контрастов – «в России сочетается несочетаемое», «Россия – место встречи Европы и Азии» – рождается как раз в Оренбургском крае, огромная территория которого действительно ошеломляет природным и этническим разнообразием. Рассказ М. Авдеева «Горы» (1855) открывается гиперболизированной и одновременно документальной фиксацией контрастных сочетаний, как климатических («в Гурьеве зреет виноград... на границе Вятской Губернии поспевают одна репа»), так и этнических («На этом пространстве живут Киргизы, Калмыки, Башкиры, Мордва, Чуваши, Татары, Черемисы, Мещеряки, Тептяри – всех и не перечтешь»), и цивилизационных (здесь «Европа сошлась с Азией, пароход встречается с верблюдом и танцевальная зала дворянского собрания, по проекту Тона, в двадцати верстах от кочевой кибитки»³⁴⁹).

Сквозной оппозицией повествования Авдеева в «Горах» и позднее в «Дорожных заметках» (1857) становится противопоставление и нераздельность европейского и азиатского по тому же принципу, по какому устроены дома в Башкирии, где европейское обличье служит проводником в азиатское внутреннее, интимное пространство жилища. Авдеев-автор озабочен соблюдением баланса достоверности и занимательности своих очерков: полное описание дороги в пять тысяч верст утомительно, однако входит в авторский замысел – «безопасно» провезти читателя «всеми степями и горами вплоть до Тифлиса»³⁵⁰. Первоначальную редукцию впечатлений осуществляет записная книжка, на основании которой, если верить автору, строится композиционное распределение глав («скачками»), объемы которых зависят от скорости передвижения по территории.

В путевых очерках Авдеева тарантас, а затем «азиатская кибитка» знаменуют начало и конец пути: от дома до вокзала либо от пристани до места. Именно конная повозка позволяет сделать, например, отъезд из Уфы по-человечески теплым: переправившись через Дёму и Белую, путник имеет возможность проститься с городом, целиком окинув его взглядом. Только так в Уфе и обнаруживается городской облик: «Просторно раскинувшись по горам и оврагам, и, своим, большею частью, деревянным строением, она стояла издали, как и быть городу»³⁵¹. В отличие от Фукса, за редкими исключениями «не пускающей» в свою эпистолярную беседу с мужем и читателями второстепенных персонажей (горничную и ямщика), Авдеев обращает внимание на то, как передвижение в повозке образует некую новую семейственность: путнику предстоит проводить многие часы между «бритым затылком татарина-ямщика» и новым слугой, чей характер пока неясен. Это ближайшее окружение непосредственно влияет на реализацию авторских

³⁴⁹ Там же.

³⁵⁰ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

³⁵¹ Там же, глава 1.

планов. Так, возможное знакомство с Серноводском окажется сорванным из-за неспособности ямщика к минимальной импровизации: «...Я велел было ямщику провезти себя из конца в конец; но он крайне затруднился, каким образом можно ехать не по той улице, которой обыкновенно ездят; в раздумье, потер себе затылок, вдарил по лошадям и повез обыкновенной дорогой»³⁵². И все же передвижение в экипаже позволяет «своротить с большой дороги» и регулировать скорость движения. Авдеев неоднократно повторяет³⁵³, что предпочитает ехать сутками напролет, обнаруживая себя то среди большого села, «спящего первым сном» на границе степи, то на переправе через безымянную речку, прислушиваясь к свисту змей (с. Каменный брод), сполна переживая ощущение рубежа перед погружением в безбрежность степного пространства: «Тоскливое чувство овладело мною. Мне будто грустно было пуститься в это поросшее былием и полынью земляное море и хотелось пред тем поглядеть на что-нибудь живое... Что за безжизненность кругом – точно и здесь какая-то людская степь!»³⁵⁴.

Именно конные экипажи в наибольшей мере вписаны в среду, приближены к ней. Поезда максимально унифицированы, различаясь публикой и ее классом; пароходы занимают промежуточное положение, выделяясь собственным названием и обликом, как, например, «Обвинец», он же «Кособеня» на Колве, в очерке Н. П. Белдыцкого «В Парме»³⁵⁵. У А. Фукс, передвигающаяся в пределах губернии, повозка находится в зоне «невидимого», она исключена из текста как нечто очевидное.

Просторы Оренбургской губернии позволяют М. Авдееву отразить момент сдвига привычных культурных образов: в одном пространстве оказываются его азиатская повозка, «родная пустыне», и «русское село со своим спокойным тружеником-мужи́ком», которое кажется ночным миражом под «казачьим солнышком» (месяцем). При этом мотив Оренбуржья как южного фронта России, связанный с напряжением и опасностями, у Авдеева, уроженца этих мест, отсутствует и замещен экзистенциальными переживаниями, родственными изображенному И. Левитаном («Над вечным покоем»): «Едешь уединенно по этой безграничной пустыне и неприятное чувство пустоты сжимает сердце. Хоть бы страх какой, хоть бы опасность взволновали и разбудили вас – нет! Едешь в спокойном тарантасе, как в одинокой лодке по умершему океану без бурь, островов и берега. <...> Один только звук [крик степной птицы – Н. Г.], мерный, тоскливый, звонкий встает над пустыней и длинно прозвучав в ночном воздухе, умирает на минуту. Какой великий, какой томительный простор!...»³⁵⁶

³⁵² Там же, глава 2.

³⁵³ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 314.

³⁵⁴ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. Глава 5. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

³⁵⁵ Белдыцкий Н.П. В Парме. Очерки северной части Чердынского уезда // В Парме. Сост., предл. и комм. Н. Ф. Авериной. Пермь: Кн. изд-во, 1988. С. 340.

³⁵⁶ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. Глава 5. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

«Поездка на кумыс» (1852) представляет собой путевые очерки, композиционно стилизованные под письма. Это произведение Авдеева строится на постоянной смене наполнения оппозиции «свое-чужое». Адресуясь столичным читателям, автор позиционирует и себя как человека, ценящего комфорт городской жизни («столичное-провинциальное»: «теплые, живо-трепещущие» новости довозят до провинции перевранными и «простывашими», и это не говоря уже об удовольствиях театра, маскарадов, газового освещения и др.) и держащего руку на пульсе цивилизации: со знанием дела Авдеев описывает железнодорожное сообщение между Петербургом и Москвой, где петербуржцы и москвичи встречаются в станционных буфетах, обмениваясь приветами и новостями³⁵⁷. Мосты, виадуки и вокзальные помещения железной дороги «изящны, удобны и часто великолепны»: накрытые для пассажиров блюда еще горячи, обеды из пяти блюд с кофе и моционом занимают не более получаса; ночью почти нет надобности в свечах – все дремлют в своих креслах.

С одной стороны, паромы и паровозы – близкая родня («Чертов конь – огнёвке брат»)³⁵⁸, с другой – практики пользования ими сильно различаются: экипажи привозят пассажиров и уезжают, вокзал быстро пустеет, однако покупка билетов происходит перед выездом: в этом явно видят канцелярскую формальность, предпочитая сперва сдать багаж, а затем покупать и «прописывать» билет. Все эти хлопоты не дают состояться печали разлуки – все время отвлекают. Чувства приглушены: Авдеев хотя и упоминает о разных типах пассажиров («немец с общенемецкой физиономией»³⁵⁹), однако большого любопытства к ним не испытывает. Роль медиаторов исполняют кондукторы, пассажиров не покидает нервозность: на платформе они не отходят от вагона «боясь остаться», как ранее боялись, что не хватит билетов или мест, при каждом свистке суматоха и суета возобновляются, – так поезда скоростью и строгим следованием расписанию привязывают к себе внимание путников.

Отличительное и исключительное свойство русского путника, по Авдееву, – «он в дороге не эгоист»³⁶⁰. Редко и мало пользуясь общим транспортом, не имея возможности купить отдельное место, русский путник в общественном поезде либо почтовой карете «отрекается от своей личности, делается уступчив, услужлив и нетребователен», «он наперед обрекает себя на эти маленькие неприятности»³⁶¹. «Право ничего не делать и не заниматься в дороге многие находят одним из ее наслаждений»³⁶². Модернизация затрагивает не все аспекты жизни: и в новом поезде есть «верные старине» люди с узелками – «плодами собственной предусмотрительности и кухни или нежной заботливости своих знакомых»³⁶³; да и дорожные трактиры все

³⁵⁷ О реакции других представителей литературного сообщества на развитие железных дорог и связанные с этим социальные изменения, см., например [Шенк 2016].

³⁵⁸ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 287.

³⁵⁹ Там же, с. 296.

³⁶⁰ Там же, с. 291.

³⁶¹ Там же.

³⁶² Там же.

³⁶³ Там же, с. 299.

те же, «и не изменили их не время, ни порядочные дороги, ни общественные экипажи и увеличившийся проезд»³⁶⁴.

Часть пути от столиц на Урал можно проехать речным транспортом. Небольшой фрагмент о пароходном сообщении содержится в «Дорожных заметках», где автор пытается с помощью «изобретения ума человеческого» «верст на четыреста спасти свои бока от различного рода толчков и тряски»³⁶⁵, да и в «Поездке на Кумыс» старается избежать «весьма незавидный летний тракт между Нижним и Казанью»³⁶⁶.

Удобства пароходов в середине XIX века условны, хотя Авдеев и приветствует «начало прекрасного дела, которое со временем должно принять огромное развитие»: они удешевляют и делают комфортнее дорогу, однако путник лишается какой-либо возможности организации своего времени – по Волге пароходы «бегают» вне расписания, узнать об их прибытии можно только от ямщиков либо дежуря на пристани днями. В «Дорожных заметках» терпение автора истощается третий день и, потратив пару часов на подписание билета на переправу, он отправляется из Самары на почтовых. Ожидание в несколько часов неизбежно на любой последующей переправе, в это время вынужденного бездействия воля путника слабеет, и он оказывается на границе между сном и бодрствованием («в эти минуты всякий из нас более или менее сочинитель»³⁶⁷. Здесь-то и происходят «подслушивания» историй русскоязычных типажей, как например, сетований незадачливого чиновника, упустившего арестанта и др. Подобные «предпаромные ожидания» П.Н. Рыбникова, как известно, обогатили русскую фольклористку открытием живой былинной традиции, да и М. Авдеев отмечает, что его переправа через Клязьму под песни паромщиков была одной из самых веселых.

В «Поездке на кумыс» неторопливое путешествие на пароходе, предсказуемое по маршруту, уравнивает представленность «внешнего» и «внутреннего» пространства: времени достаточно и для знакомств и наблюдений (пассажиров не более двух десятков), и для созерцания берегов, от которого отвлекает борьба с комарами в каютах. Обзор берегов у Авдеева напоминает апгрейд речного путеводителя: вот древний Печерский монастырь, съехавший по подмытому речному склону вниз, село Лысково, схоронившее за три дня по приезду парохода своего столетнего хозяина и др. – такие новости поступают от рулевых либо новоприбывших пассажиров. Ощущение домашнего, теплого пространства поддерживается еще и тем, что часть провожающих плывет до соседней пристани, чтобы оттуда вернуться в Самару. Ожидаемая печаль разлуки так и не наступает, затерявшись в веселье совместной гулянки в общей каюте.

³⁶⁴ Там же, с. 291.

³⁶⁵ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. Глава 3. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

³⁶⁶ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 311.

³⁶⁷ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. Глава 4. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

При этом в «Поездке на кумыс» вновь, как прежде в «Дорожных заметках», но уже не на степных рубежах, в мягкой пыли южных дорог, а на пароходе, возникает мотив некоторой утомительной предсказуемости этого комфорта: «Плавание весною на речном пароходе мало подвержено случайностям: нет ни мелей, ни перекатов, фарватер широк, ночи светлые и коротки, и потому пароходы на ночь не останавливаются»³⁶⁸. Как если бы прежде задачи заинтересовать читателя травелогом, автор искал и свои способы разнообразить тысячевёрстный путь.

Впрочем, зоны мало событийного комфорта длятся недолго: за Волгой начинается иная жизнь. И по Авдееву, меняющему в этой части свою идентичность, наслаждение прибыть в Петербург осенью уступает только желанию покинуть его весной, чтобы отправиться в провинцию, в степь, где «сердце России»³⁶⁹.

Вслед за описаниями столичных жителей в путевых очерках Авдеева появляется картина жизни губернского города, хорошо знакомого автору, представляющего «страну неведомую» для читателей³⁷⁰. Жизнь в губернском городе устроена своеобразно, хотя и довольно просто: «губернские города – города самолюбивые», они хотя и нравятся и очаровывают при первом знакомстве, но затем начинается собственно жизнь, когда «каждый занимает свое место в общественной сфере. Видность этого места есть лучшая прелесть губернской жизни»³⁷¹. В губернском городе никто не «незаметный атом», но важный рычаг сообщества: «Губернская жизнь так несложна, что в ней всякое колесо на виду»³⁷².

И для А. Фукса, и для М. Авдеева характерны риторические повторы-опасения возможной читательской скуки и настойчивое позиционирование собственной очерковой прозы как малозначимой, но небезынтесной («не придаю этим очеркам претензии на серьёзный труд и только желаю моим читателям не повстречаться в них со скукой») ³⁷³. В случае путевой прозы Авдеева мы видим два устойчивых приема: во-первых, для опытного путешественника и огромное пространство, и длинная дорога размечены личными приметами и ожиданиями: чем толще личный (пока еще не культурный) слой воспоминаний и впечатлений, тем с большей уверенностью пишущий работает со временем, перемещаясь во время езды то в прошлое, то в будущее: в безлюдье подсыхающих озер разлива вокруг Нижнего Новгорода Авдеев провидит, как скоро, спеша к ярмарке, «тысячи мастеровых бросятся возобновлять этот огромный город, живущий в год только два месяца»³⁷⁴; переезжая через мост у Боголюбова, рассказывает историю про его обрушение в прошлом и гибель паломников. Путешествующим на почтовой карете доступно к осмотру немного: исторические памятники «довольно

³⁶⁸ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 311.

³⁶⁹ Там же, с. 287.

³⁷⁰ Там же, с. 304.

³⁷¹ Там же, с. 304-305.

³⁷² Там же.

³⁷³ Там же, с. 299.

³⁷⁴ Там же, с. 303.

редки на пути»³⁷⁵, тем большее значение имеют «хорошие сафьянные диваны на пружинах – вещь, которая единожды встречается в гостиницах всего моего двух тысячевёрстного пути» в Вязниках³⁷⁶, и крайняя нелюбезность хозяйки ресторана в Гороховцах, на любую просьбу постояльцев отвечающей «нежны больно!»³⁷⁷ и др.

Несмотря на то, что одним из сквозных мотивов всей жизнетворческой стратегии Авдеева было желание избежать литературоцентризма российской жизни [Козлов 2016, с. 38], все же выработка языка описания преодоления тысячевёрстных пространств «без скуки» лучше всего удастся посредством именно литературы: во Владимире указывается гостиница, известная по «Тарантасу» В. Соллогуба, под Казанью выразительное описание «дунькина-[о]врага» соседствует с историей угрюмого особняка в д. Шураны, воспетого в повестях Марлинского. Тем не менее, ироничный настрой автора по отношению к современному ему литературному процессу легко прочитывается в сценке беседы русского и немца о современных авторах; здесь доброжелательная интонация путеводителя сменяется публицистическим запалом, вполне уместным и в современной медиасреде.

Путь от Санкт-Петербурга до Башкирии занимает у Авдеева около восьми суток, наихудшая дорога – от Казани до Уфы. За Казанью больше нет «ни пароходов, ни паровозов, ни почтовой кареты к услугам проезжающего, ни гостиниц для его питания», начинается «езда на поэтической разбитой тройке», путник едет «в тарантасе с деревянными осями, которые горят всю дорогу, с пуховыми подушками и перинами от ряски и запасом провизии на несколько суток, потому что путь идет по стране, в которой можно найти только самовар с горячей водой да там и сям одну какую-нибудь курицу»³⁷⁸. Все это обеспечивает успех вольных почт, услугами которых охотно пользуются обеспеченные проезжающие. Меню также постепенно ухудшается: в Чистополе меню существует «для видимости», в Бугульме нет уже и этого, лишь соленая рыба, которая «была не очень хороша», «по сознанию даже самого трактирщика»³⁷⁹. Последние трое суток путники пьют только чай.

В Оренбургской губернии дорога улучшается и хороша вплоть до Стерлитамака, благодаря местному покрытию из «хряща», и автор уже не скрывает свою радость от возвращения в знакомый и любимый край, выступая в роли проводника для своих спутников, также приехавших на лечение кумысом. Башкирия рождает иное ощущение пространства, нежели Оренбургский край. Там человек встречается с безмерностью: «Здравствуй, знакомое мне и родное безлюдье! – писал Авдеев в «Дорожных заметках». – От Кокана до Кавказа, обхватив Алар и Каспий, разнообразно меня жителей, климаты, небо, и едва меняя оттенки, ты затопило целый край России»³⁸⁰.

³⁷⁵ Там же, с. 299.

³⁷⁶ Там же, с. 300.

³⁷⁷ Там же, с. 302.

³⁷⁸ Там же, с. 314.

³⁷⁹ Там же, с. 316.

³⁸⁰ Авдеев М.В. Дорожные заметки (Из поездки на Кавказ) [Электронный ресурс] // Авдеев М. В. Сочинения. Т. 1. Санкт-Петербург, изд-во Ф. Стелловского, 1868. Глава 5. URL: Lib.ru/Классика: Авдеев Михаил Васильевич. Дорожные заметки (дата обращения 11 июня 2023).

Башкирия вся оживлена разнообразными человеческими контактами. Авдеев с юмором описывает свой розыгрыш спутников при первом знакомстве их с кумысом, а далее переходит к рассказу о лечебных свойствах напитка, не отягощая текст риторическими конструкциями, которые были типичны для предыдущего поколения южноуральских литераторов (к примеру, В. Зефинова и др.): Авдеев выступает как знаток края и его обычаев, не извиняясь за это перед читателем, но с усмешкой разоблачая мифы и стереотипы о быте кочевников. Рассказ о кумысе становится рассказом о турсуках как лучших сосудах для кумыса, придающих «отзыв кожи и дыма» «благородному напитку», и о жизни башкир в целом³⁸¹. По Авдееву, только отсутствие инфраструктуры для лечения не позволяет пользоваться этим даром природы тем, у кого нет личных знакомств среди местных жителей. Регулярность потребления вырабатывает привычку: к кумысу ли, к устрицам или к специфическим сортам сыра.

Представления Авдеева о быте, хозяйствовании и характерах башкир подтверждены многолетним общением с ними, хотя включают и стереотипные сравнения с русскими (кому лучше жить: русскому мужику-земледельцу или башкиру-коневоду), и элементы стигматизации степняков («Башкирцы вообще народ здоровый, умный, хитрый и в высшей степени ленивый и праздничный»³⁸²). И в то же время «полудикая и полудевственная» природа Башкирии, летние долгие дни в тишине, среди лесов и пастбищ, ввиду гор-шиханов – детей одной «разрозненной и разметанной» семьи – настолько полны внутренней жизни, что Авдеев, несколько раз извиняясь перед читателем за задержку, все же страницу за страницей длит описания все новых подробностей из жизни края. Здесь перед автором встает иная задача: как увлечь читателя описанием жизни той, «хороша только для себя, и описывать ее здесь не место и у меня не было в намерении», которая полна «подробностей живых, любопытных и разнообразных, когда они бросаются в глаза в действительности, сухих, и может быть, мало интересных на бумаге»³⁸³.

Впрочем, довольно сухое окончание очерка заставляет думать, что сам автор не был вполне уверен, что буквальное следование принципу «нон-фикшн» (я «не обещал рассказывать небывалые приключения какого-нибудь героя или говорить о вещах и бывалых, но лично до меня касающихся, я хотел только описать поездку на кумыс так, как она была, – и сдержал свое обещание»)³⁸⁴ состоялось как успешное и смогло заменить любимые им вымышленные истории, имитирующие «случаи из жизни», как в рассказе «Горы».

Заключение

Итак, путевые очерки А. Фукс и М. Авдеева в оптике антропологии движения подтверждают высокий исследовательский потенциал путевой прозы и этнографической беллетристики XIX века. Оправдываясь в безус-

³⁸¹ Авдеев М.В. Поездка на кумыс. Роман. Рассказы. Очерк. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1987. С. 320.

³⁸² Там же, с. 320.

³⁸³ Там же, с. 331.

³⁸⁴ Там же, с. 332.

кусности, извиняясь за задержки, уверяя в скромности своих притязаний, авторы неуклонно разрабатывали язык говорения об опыте проживания пространства в новой эпохе, предлагавшей путешествующим разные степени мобильности и комфорта.

Для публицистически-документальной прозы середины XIX века конная тройка оказалась не столько поэтическим образом, сколько востребованным начальным способом путешествия до железнодорожных или речных транспортных артерий, а затем – «в глубинку». Чем более опытен путешественник, тем увереннее его «разметка пространств», где в повествовании равноценны хорошие гостиницы и трактиры и места, отмеченные на литературной карте. Пароходы и поезда, при внешней принадлежности эпохе модерна, создают разные пространства общения. Пароходы пока вообще исключают какой-либо график, кроме сезонного, зато легко для человеческого контакта (впрочем, следование расписанию будет слабым местом пароходства еще довольно долго – см. очерки М. Решетникова «Глухие места»³⁸⁵ и Д. Мамина-Сибиряка «От Урала до Москвы»)³⁸⁶. Поезда требуют большей привычки, в них, так же, как и на пароходах, выражено социальное расслоение, что более ярко проявится, например, у Мамина-Сибиряка. Однако ни пароходы, ни поезда пока не являются пространством контакта и репрезентации этнических сообществ, за исключением европейских наций.

По мере того, как развивалась транспортная сеть, конный транспорт не терял своего значения для индивидуальных путешественников, но изменял его. Так, в очерке Н. Телешова «На тройках» дорога от столицы до Ирбита становится пространством состязания купцов, таким образом «разогревающих кровь» перед знаменитой ярмаркой³⁸⁷. А неутомимый исследователь Урала Д. Н. Мамин-Сибиряк всего через 30 лет после путешествия Авдеева уверял, что «путешествие по железным дорогам и на пароходах, с их чиновничьими порядками, бестолковой сутолокой и угнетающим однообразием, давно надоело всем и каждому»³⁸⁸. Звонки, свистки, «и вообще потеря всякой самостоятельности отравляют путешествие по самым лучшим местам»³⁸⁹. Для своего путешествия Мамин, ценящий труд и инженерное искусство, вложенные в Уральскую железную дорогу, вполне сознательно выбирает конный экипаж, где «развертывается бесконечная поэзия странствования на полной своей воле... встречами и знакомствами, и с неизбежными приключениями», что в полной мере подтверждает текст его очерков³⁹⁰. Таким образом, путешественник-исследователь, выбирая транспорт, предопределяет не только скорость передвижения, но и характер проживания этого движения, режим восприятия территории и, в определенной степени, язык рассказа об этом.

³⁸⁵ Решетников Ф.М. Глухие места // В Парме. Сост., предисл. и комм. Н.Ф. Авериной. Пермь: Кн. изд-во, 1988. С. 130-161.

³⁸⁶ Мамин-Сибиряк Д.Н. От Урала до Москвы // В Парме. Сост., предисл. и комм. Н.Ф. Авериной. Пермь: Кн. изд-во, 1988. С. 162-298.

³⁸⁷ Телешов Н.Д. Рассказы. Повести. Легенды. [Электронный ресурс] М.: Сов. Россия, 1983. 336 с. URL: http://az.lib.ru/t/teleshov_n_d/text_1892_na_troykah.shtml (дата обращения 11 июня 2023)

³⁸⁸ Мамин-Сибиряк Д.Н. По Зауралью. Путевые заметки // Южный Урал. Литературно-художественный альманах. 1952. № 8–9. Челябинск, Челябинское обл. гос. изд-во, 1952. С. 16–87. С. 18.

³⁸⁹ Там же.

³⁹⁰ Там же.

ЛИТЕРАТУРА

Авдеев 2020 – *Авдеев М. В.* // История литературы Урала. XIX век: в 2 кн. / Под ред. проф. Е. К. Созиной. Кн. 2. – М.: Изд. Дом ЯСК, 2020. – С. 971–988.

Власова 2011 – *Власова Е.Г.* В контакте с пространством: образ Урала в литературе путешествий XIX – начала XX вв. // По Каме и Уралу: путевые записки XIX – начала XX вв. / сост. и примеч. Д. А. Красноперова; вступ. статья Е. Г. Власовой; ред. Т. И. Быстрых; Центр. город. б-ка им. А. С. Пушкина. – Пермь, 2011. – С. VIII–XIX.

ГраMATчикова 2021 – *ГраMATчикова Н.Б.* Между дремой и дикостью: эмоции и эмпатия в этнографии XIX – начала XX вв. // Журнал Фронтирных исследований. 2021. № 1(21). Vol. 6. С. 69–92. DOI: 10.46539/JFS.V6I1.275.

Козлов 2016 – *Козлов А.Е.* К вопросу о литературной репутации М. В. Авдеева // Сибирский филологический журнал. 2016. № 1. С. 36–45. DOI: 1017223/18137083/54/4.

Козлов 2017 – *Козлов А.Е.* О диахронических исследованиях истории русской беллетристики XIX века // Вестник НГПУ: Новосибирского государственного пед. ун-та. 2017. № 2. С. 177–187. DOI: 10.15293/2226–3365.1702.12.

Созина 2016 – *Созина Е. К.* Репрезентация Восточной России на страницах казанского журнала «Заволжский муравей» (1832–1834) // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему». – Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2016. – С. 242–278.

Созина 2020 – *Созина Е.К.* «Между Европой и Азией». Ориенталистские мотивы Александры Фукс: Риторика письма и позиция автора // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. № 3. С. 465–475. DOI:10.35634/2224–9443–2020–14–3–465–475.

Шенк 2016 – *Шенк Ф.Б.* Поезд в современность. Мобильность и социальное пространство России в век железных дорог / Ф. Б. Шенк, авториз. перевод с нем. М. Лавринович. – М.: НЛЮ, 2016. – 584 с.

Beaud, Weber 2003 – *Beaud S. and Weber F.* Guide de l'enquête de terrain, Nouvelle édition. Paris: La Découverte. 2003. 356 p.

Ellis 2010 – *Ellis C., Adams T. E., Bochner A. P.* Autoethnography: An Overview // Forum: Qualitative Social Research. 2010, 12(1), Art. 10, <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs1101108>. Available at: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1589/3095> (Assessed 11.06.2023).

Lemieux 2008 – *Lemieux C.* De la théorie de l'habitus à la sociologie des épreuves: relire L'expérience concentrationnaire // Israël (L.), Voldman (D.), dir., Michaël Pollak. De l'identité blessée à une sociologie des possibles, Paris, Editions Complexe, 2008, p. 179–205. Available at: 2007---Hommage-M.-Pollak.pdf (cuso.ch) (Assessed 11.06.2023)

Miller, Berger 2015 – *Miller A., Berger St.* Nationalizing Empires. Budapest; N.Y.: CEU Press, 2015. 692 p.

REFERENCES

Avdeev, M. V., (2020), In *The History of Literature of the Urals. XIX century: in 2 books.* / Ed. by prof. E. K. Sozina. Book 2. M.: ed. YASK House, pp. 971–988.

Beaud, S. and Weber, F. (2003), *Guide de l'enquête de terrain.* Nouvelle édition. Paris: La Découverte, 356.

Ellis, C., Adams, T.E., Bochner, A.P. (2010) “Autoethnography: An Overview”, *Qualitative Social Research*, 12(1), Art. 10, <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0114-fqs1101108>. URL: <https://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/view/1589/3095> (Accessed 11 June 2023).

Gramatchikova, N.B. (2021), “Between drowsiness and savagery: emotions and empathy in ethnography of the XIX – early XX centuries”, *Journal of Frontier Studies*, no. 1(21), v. 6, pp. 69–92. doi: 10.46539/JFS.V6I1.275.

Kozlov, A.E. (2016), “On the question of M. V. Avdeev’s literary reputation”, *Siberian Philological Journal*, 1, pp. 36–45. doi: 1017223/18137083/54/4.

Kozlov, A.E. (2017), “On diachronic studies of the history of Russian fiction of the XIX century”, *Science for Education Today*, 2, pp. 177–187. doi: 10.15293/2226–3365.1702.12.

Lemieux, C., (2008), “De la théorie de l’habitus à la sociologie des épreuves: relire L’expérience concentrationnaire” In Israël (L.), Voldman (D.), dir., *Michaël Pollak. De l’identité blessée à une sociologie des possibles*, Paris, Editions Complexe, 2008, pp. 179–205. URL: 2007---Hommage-M.-Pollak.pdf (cuso.ch) (Accessed 11 June 2023).

Miller, A., Berger, St. (2015), *Nationalizing Empires*. Budapest; N.Y.: CEU Press, 692.

Schenk, F.B. (2016), *Poezd v sovremenost’. Mobil’nost’ i social’noe prostranstvo Rossii v vek zheleznih dorog. (Train to Modernity. Mobility and Social Space of Russia in the Age of Railways)*, Trans. from German, Novoe Literaturnoe Obozrenie, Moscow, p. 584.

Sozina, E.K. (2016), “Representation of Eastern Russia on the pages of the Kazan’s Magazine “Zavolzhsy Ant” (1832–1834)”, In *Literaturnyi process v regional’noi periodicheskoi pechati 1830–1930-kh gg.: ot «Zavolzhsкого murav’ya» k «Ural’skomu rabochemu» (Literary Process in the Regional Periodical Press of the 1830s–1930s: from “Zavolzhsy Ant” to “Ural Worker”)*, Ekaterinburg, «Kabinetnyi uchenyi», pp. 242–278.

Sozina, E.K. (2020), “«Between Europe and Asia». Orientalist narratives of Alexandra Fuchs: The rhetoric of writing and the author’s position”, *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, v. 14, iss. 3, pp. 465–475. doi: 10.35634/2224–9443–2020–14–3-465–475.

Vlasova, E.G. (2011), “In contact with space: the image of the Urals in the literature of the XIX – early XX centuries” In *Po Kame i Uralu: putevye zapiski XIX -nachala XX vv. (On the Kama and the Urals: travel notes of the late XIX-early XX centuries)*. Ed. by N. T. I. Bystykh. Perm, pp. 8–19.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наталья Борисовна Граматчикова, кандидат филологических наук, Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; 620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, д. 16; *n.gramatchikova@gmail.com*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia B. Gramatchikova, Cand. of Sci. (Literature), Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia; 620990, Ekaterinburg, Russia, Sofia Kovalevskaya Street, 16. *n.gramatchikova@gmail.com*.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-455-474

Языковые контакты в России: основные направления исследований

Егор В. Кашкин

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
Москва, Россия, egorka1988@gmail.com
ORCID ID 0000-0003-3044-0851

Аннотация. В статье представлен обзор исследований языковых контактов на территории России. Перечислены наиболее крупные проекты по изучению социолингвистического состояния распространенных в нашей стране языков, которое нужно учитывать при изучении этих контактов. Обсуждается повсеместно происходящее контактное влияние русского языка на другие языки России, а в некоторых случаях и обратное влияние, когда местная разновидность русского языка приобретает контактно обусловленные особенности. Упоминаются исследования контактов между автохтонными языками народов России (как, например, в Ямало-Ненецком автономном округе, где распространены четыре языка уральской семьи). Во всех случаях приводятся примеры языковых явлений, развитие которых может быть связано с ситуацией контакта (заимствованные слова и морфемы, калькированные модели устройства грамматических конструкций и лексической полисемии и др.). Отдельно рассмотрены работы, посвященные переключению кодов (сочетанию фрагментов из разных языков в речи носителя), а также пиджинам (упрощенным языкам, возникающим при необходимости базовой коммуникации в ситуации торговых и т. п. контактов). По каждому направлению упомянуты наиболее значимые исследовательские группы, публикации, электронные ресурсы. Намечены некоторые перспективные направления исследований.

Ключевые слова: языковые контакты, русский язык, языки России, заимствования, социолингвистика, переключение кодов, пиджины.

Для цитирования: Кашкин Е.В. Языковые контакты в России: основные направления исследований // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 457–476. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-455-474.

Language contact in Russia: main directions of research

Egor V. Kashkin

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, egorka1988@gmail.com
ORCID ID 0000-0003-3044-0851

Abstract. The article outlines the main directions of research on language contact in Russia. I mention the most influential projects dealing with sociolinguistic situation, which should be taken into account when studying language contact. Russian influence on other languages of Russia is commonly attested. Sometimes, on the contrary, the local variety of Russian is influenced by another language. In some areas, indigenous

languages of Russia closely interact (cf. e. g. four Uralic languages spoken in the Yamalo-Nenets autonomous district). All the above-mentioned cases are considered and illustrated with examples of language phenomena probably having contact-induced origin (borrowed words and morphemes, pattern borrowing in grammatical constructions and in lexical polysemy, etc.). Special directions are the study of code-switching (combination of different languages in someone's speech), as well as the study of pidgins (simplified languages emerging for the purposes of basic communication, e. g. in commerce). For each area of investigation, the main research groups, publications, online resources are provided. Some challenging directions for future research are suggested.

Keywords: *language contact, Russian language, languages of Russia, borrowings, sociolinguistics, code-switching, pidgins.*

For citation: *Kashkin, E.V. (2023), "Language contact in Russia: main directions of research", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 457–476. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-455-474.*

1. Введение

Один из важных аспектов взаимодействия народов России касается языковых контактов. В современной лингвистике эта область весьма популярна, см. обобщающие работы [Thomason 2001; Matras 2009; Grant 2020; Adamou, Matras 2021] и многие другие. Причина этого, по-видимому, заключается в ее междисциплинарности: при изучении контактов важно учитывать не только структурные особенности (например, сходства синтаксических моделей в контактирующих языках или правила фонетической адаптации заимствованных слов), но и целый ряд других факторов, влияющих на структурный аспект: исторических, культурных, социолингвистических, психолингвистических. Всё это ставит перед исследователями немало задач, которые на более ранних этапах развития лингвистики были недооценены.

Языки России представляют благодатную почву для изучения контактных явлений. На территории нашей страны насчитываются многие десятки языков (по классификации Института языкознания РАН – 155, [Языки России]), относящихся к различным семьям и группам, характеризующихся значительным варьированием фонетических и грамматических явлений и находящихся в довольно разнородных социолингвистических, в том числе контактных ситуациях. Изучение такого материала, несомненно, ценно и с эмпирической точки зрения, и в свете построения типологических и теоретических обобщений о том, как может быть устроена ситуация языкового контакта. Основным исследовательским направлениям в этой сфере (на материале языков России) и посвящена настоящая работа.

Дальнейшая часть статьи структурирована следующим образом. В разделе 2 упомянуты наиболее важные проекты, посвященные социолингвистическому состоянию языков России. В разделе 3 обсуждается влияние русского языка на контактирующие с ним языки. Раздел 4 посвящен влиянию контактных языков на русский язык. Раздел 5 содержит обзор работ, посвященных взаимодействию автохтонных языков России между собой. В разделе 6 обсуждается проблематика переключения кодов. В разделе 7 приводятся сведения о пиджинах, засвидетельствованных на территории России. В разделе 8 подводятся итоги.

2. Социолингвистические характеристики языков России

Проблематика языковых контактов предполагает детальное рассмотрение социолингвистических характеристик вовлеченных в нее языков. Сами эти характеристики также подвергаются влиянию в результате контактов, очевидный пример – доминирование русского языка над языками народов России во многих сферах коммуникации. Помимо многочисленных работ о современном функционировании тех или иных языков, в последние годы появился ряд крупных обобщающих проектов, о которых мы и скажем нескоро слов далее.

В энциклопедии [Язык и общество 2016] приведены социолингвистические очерки по распространенным в России языкам в целом, а также по регионам России. Из них можно извлечь информацию о численности носителей, о проценте владения этническим языком, о распространении билингвизма, о сферах функционирования языков (бытовая коммуникация, образование, СМИ, религия и проч.), о письменности и др. Все эти сведения релевантны для разностороннего анализа той или иной контактной ситуации.

Значительная работа в области социолингвистики ведется в настоящее время исследователями из Института языкознания РАН. На пополняемом сайте [Малые языки России] доступна базовая справка о многих языках: в первую очередь подробная социолингвистическая информация, основные особенности фонетики, грамматики и лексики, образцы текстов, ссылки на доступные ресурсы. На странице [Языки России] доступен список распространенных в России языков, включающий в т. ч. оценку сохранности каждого из них с краткими пояснениями. На странице [Научный центр...] размещены совершенствуемые в настоящее время практические предложения по сохранению языков России, также сопровождающиеся анализом их социолингвистического положения.

3. Влияние русского языка на контактные языки

Русский язык в силу своего превалирующего социолингвистического статуса оказывает значительное и разностороннее влияние на языки народов России. В ареальной типологии неоднократно высказывалась идея о шкалах заимствованных явлений: большая степень их интегрированности в структуру языка коррелирует с большей интенсивностью контактного влияния одного языка на другой (см., например, [Thomason 2001, p. 66–74; Matras 2009, p. 153–165] и приводимые в указанных работах ссылки). Например, окказиональные лексические заимствования (как в английском языке *borsch*, *tsar* или *perestroika*) возможны и при небольшой степени контактного влияния. Если же заимствованию подвергаются лексемы т. н. закрытых классов (местоимения, союзы и др. маркеры грамматических отношений), фонемы, морфемы, грамматические категории, модели устройства грамматических конструкций (порядок слов, структура сложных предложений и др.), то интенсивность контакта и связанного с ним влияния может быть оценена как более высокая. В такой перспективе цель исследования может состоять, во-первых, в инвентаризации явлений, предположительно заимствованных из русского языка в контактный с ним язык, и в их оценке

в терминах типологических шкал заимствований; во-вторых, в углубленном анализе тех или иных заимствований.

Рассмотрим несколько примеров языковых феноменов, вовлеченных в контактные процессы³⁹¹. В [Forker, Grenoble 2021, pp. 272–274] с привлечением многих источников данных по конкретным языкам отмечены частые заимствования маркеров неопределенных, отрицательных и универсальных местоимений из русского языка в языки России, см. в удмуртском языке *котькин* ‘кто угодно’, в кетском *qud áná* ‘кто угодно’ (< рус. *хоть*), в кильдинском саамском *ni-mí* ‘ничто’ (< рус. *ни*), в ижемском коми *kyti s’ure* ‘[ходить] где попало’ (в образовании неопределенного местоимения участвует форма глагола *s’urnu* ‘попасть’). В селькупском языке, как отмечают авторы упомянутой статьи, зафиксировано употребление заимствованного маркера *нибудь*.

В предложении (1) из удмуртского языка предикат располагается не в конечной позиции, что было бы типично для удмуртской системы. В цитируемой статье его позиция в середине предложения связывается с русским влиянием (см. также более общее обсуждение порядка слов в уральских языках, к которым относится удмуртский, в [Vilkuna 2022]).

(1) УДМУРТСКИЙ

<i>бигэр-йос но</i>	<i>вал-эн</i>	<i>вэтл-о</i>	<i>вал</i>
татарин-pladd	лошадь-ins	ходить-prs.3pl	быть.pst

<i>сопала-тапала</i>	<i>трак</i>	<i>куз’а.</i>
туда-сюда	тракт	по

‘И татары на лошадях ездили по тракту (букв.: ездили бывало по тракту туда-сюда)’.

[Шаланки, Кондратьева 2019, с. 385]

В (2) относительное предложение в васюганском диалекте хантыйского языка копирует русскую модель с союзным придаточным предложением, расположенным после главного предложения. Как утверждают авторы цитируемой статьи, исконная хантыйская стратегия предполагает использование причастных оборотов (ср. *Я слушаю сказку, рассказываемую моей мамой*), а конструкции, подобные приведенной в (2), не встретились им в архивных текстах, испытывавших меньшее влияние русского языка.

(2) ХАНТЫЙСКИЙ (ВАСЮГАНСКИЙ ДИАЛЕКТ)

<i>mä</i>	<i>qolentə-l-əm</i>	<i>merəm,</i>	<i>muujj</i>
я	слушать-prs-1sg	сказка	который

<i>jaleswə-wəl</i>	<i>aŋk-im.</i>
рассказывать-prs.3sg	мать-poss.1sg

‘Я слушаю сказку, которую рассказывает моя мама’.

[Potanina, Filchenko 2016, p. 34]

³⁹¹ Примеры из общеизвестных языков сопровождаются в статье поморфемной нотацией — глоссированием. Лексические глоссы и переводы примеров из англоязычных работ переведены нами на русский язык. При отсутствии глосс в источнике они добавлены. Некоторые обозначения грамматических морфем, варьирующиеся в разных источниках, унифицированы в этой статье без содержательных переинтерпретаций.

Детальному анализу заимствований разных типов в языках России посвящены многочисленные работы, см. позволяющие составить представление об этой области сборники статей [Stolz (ed.) 2015; Кашкин и др. (ред.) 2020; Forker, Grenoble (eds.) 2021]. Среди конкретных исследованных явлений, помимо проиллюстрированных выше, можно назвать заимствование русских союзов [Leinonen 2009, p. 324–326; Оскольская, Стойнова 2013; Forker, Grenoble 2021, p. 275–282], калькирование моделей управления [Кузнецова 2000; Сай 2018; Рудницкая 2020], стратегии освоения заимствований [Oskolskaya, Stoynova 2013; Баранова 2020b; Forker, Grenoble 2021, p. 261–271], устройство посессивных конструкций [Edygarova 2018] и мн. др.

4. Влияние контактных языков на русский язык

Местные разновидности русского языка также могут подвергаться влиянию контактных языков. Эта проблематика достаточно подробно освещалась на материале лексических заимствований, см., например, работы С.А. Мызникова о лексике русских говоров Поволжья и Северо-Запада ([Мызников 2003, 2004, 2005, 2019] и др.), а также исследования А.Е. Аникина о русских говорах Сибири ([Аникин 2000] и др.). Заимствования модели, происходящие на уровнях фонетики, грамматики, лексической полисемии, рассматривались в связи с практическими проблемами преподавания русского языка в условиях интерференции (см. [Гаврилова, Ушаков (ред.) 1984; Юсупова 2000; Ахмадуллина 2002] и др.), а также кратко упоминались исследователями языков, контактирующих с русским (см., например, наблюдения А.И. Кузнецовой о русской речи марийцев и селькупов в [Кузнецова 2002, с. 135–138; Кузнецова 2007, с. 58–60]). В последние годы эта область, уходящая на второй план по сравнению с изучением воздействия русского языка на языки России, приобретает значительную популярность. Исследуются результаты контактов русского языка, в частности, с языками Дагестана [Даниэль, Добрушина 2013], мордовскими [Shagal 2016; Кашкин 2020], марийскими [Колесникова 2018; Кашкин 2022], энецким [Стойнова, Шлуинский 2010], калмыцким [Баранова 2020a], тюркскими языками Южной Сибири [Резанова 2019]. В результате можно выявлять общие и различные черты в территориальных разновидностях русского языка, отличающиеся от литературной нормы (в большей степени эти черты характерны для речи пожилых носителей и/или носителей с меньшим уровнем образования). Так, во многих из этих вариантов русского языка фиксируются случаи опущения предлогов, обусловленные особенностями устройства падежной системы по сравнению с русской: в контактных языках однословных падежных форм больше, и часто именно они используются в контекстах, типичных для предложных конструкций в русском языке. См. примеры, записанные от носителей языков Дагестана (3), мокшанского (4) и горномарийского (5) языков.

(3) *Курбамагомед он же живёт/ он **Качалибе**³⁹² живёт.*

[Даниэль, Добрушина 2013: 193]

(4) *Она [сестра] всё **ягодами** ходит.*

[Кашкин 2020: 119]

³⁹² Название населенного пункта.

(5) *Были тюрьме, там... Пушкинский дворец были, вот туда заходишь, тапочки дадут, другую там, блестит всё, господи.*

[Кашкин 2022: 40]

В то же время явления, имеющие вероятную связь с контактной ситуацией, могут быть специфическими в зависимости от языка-источника. Например, в [Баранова 2020а, с. 136–137] описана редупликация со вторым компонентом на *м-*, продуктивная в русской речи носителей калмыцкого языка, которая выходит за рамки индивидуальных единиц (как *шашлык-машлык*) в русском просторечии: *копейки-мопейки, деньги-меньги, Париж-мариж* и др. Такая модель редупликации характерна для калмыцкого языка в отличие от других языков, которые фигурируют в упомянутых выше исследованиях, и встречается именно в русской речи носителей калмыцкого (при этом нельзя исключать, что она может быть выявлена при вовлечении в такие исследования локальных вариантов русского языка, контактных с другими языками, где есть подобная модель).

Образцы речи на локальных вариантах русского языка, испытывающих контактное влияние, вводятся в научный оборот в корпусах текстов. На данный момент объем каждого из этих корпусов невелик, учитывая сложность ручной обработки текстов, но проделанная работа создает благоприятную основу для масштабирования результатов. На сайте Лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ представлены корпуса вариантов русского языка [Lingconlab], контактирующих с башкирским, карельским, луговым марийским, цыганским, чувашским, якутским языками, а также с языками Дагестана и с бесермянским диалектом удмуртского языка. В корпусах имеется морфологическая разметка русских текстов, однако системно не размечены контактно-обусловленные явления (поиск и интерпретация примеров отдается полностью на откуп пользователю). В подготовленной на базе Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН коллекции корпусов [Ruscontact], где представлены образцы русской речи носителей самодийских, тунгусо-маньчжурских и чукотско-камчатских языков, система разметки более детализирована и учитывает различные типы явлений, которые, с точки зрения составителей, могут быть обусловлены языковыми контактами (рассогласование по роду, нестандартное употребление форм вида или числа, лексические кальки и мн. др.).

5. Контактное взаимодействие автохтонных языков России

Для многих регионов России характерно (сейчас или на предшествующих исторических этапах) многоязычие, когда автохтонные языки взаимодействуют не только с русским языком, но и между собой. Такая ситуация подробно описана для языков Поволжья, см., например, [Федотов 1990; Исанбаев 1993] о взаимодействии марийских языков с тюркскими языками (в первую очередь с чувашским и татарским). Помимо сотен лексических заимствований, его результатом стало заимствование некоторых морфем и грамматических конструкций. Так, тюркское происхождение³⁹³, согласно

³⁹³ Аргументировать заимствование показателя из тюркских языков можно, в частности, его широким распространением в пределах этой группы языков, не зависящим от контактов с марийскими языками, ср. *gözellik* ‘красота’ в азербайджанском, *baýlık* ‘богатство’ в алтайском, *analik* ‘материнство’ в карачаево-балкарском и мн. др., см. [Щербак 1977, с. 104, 109–111]. Подобная аргументация применяется и в других случаях, когда нужно определить направление заимствования.

[Федотов 1990, с. 86–87], имеет суффикс *-лык*, образующий в марийских языках имена с семантикой предназначения (*нерлык* ‘намордник’ < *нер* ‘нос’, *сынзалык* ‘очки’ < *сынза* ‘глаз’) или абстрактные имена (*нелелык* ‘тяжесть’ < *неле* ‘тяжелый’, *йочадымылык* ‘бездетность’ < *йочадыме* ‘бездетный’). С влиянием тюркских языков связывается и развитие в марийских языках т. н. сложных глаголов, состоящих из деепричастия лексического глагола и из грамматикализованного глагола, который выражает, в частности, аспектуальные значения (см. [Bradley 2016] и цитируемую в указанной работе литературу): ср. в луговом марийском языке *jūlaten koltaš* ‘сжечь (букв.: сжигая, послать)’ и аналогично устроенные образования в татарском языке *qābāzāp žibāriüβ*, в чувашском *čértse jar* [Bradley 2016, p. 165].

Сложная модель взаимодействия языков наблюдается и в различных регионах Сибири. В [Кошкарева и др. 2017; Kashkin, Muravyev 2021] описан ряд лексических групп в уральских языках, распространенных на территории Ямало-Ненецкого АО (ненецком, селькупском, хантыйском, ижемском диалекте коми). В некоторых из них, согласно указанным источникам, наблюдаются контактно обусловленные изменения. Так, в зауральских говорах ижемского диалекта коми распространены эвфемистические наименования ряда животных, нехарактерные для диалектов коми языка, носители которых проживают в Европейской части России. Например, волк может обозначаться единицами *лэк звер* (букв.: плохой зверь), *кузь бōж* / *кузь бōжа* (букв.: длинный хвост / длиннохвостый), *вой ветлалысь* (букв.: ночью ходящий), *ылласа* (букв.: уличный), *ёма* (букв.: ведьма) и др. Аналогичные модели распространены в хантыйском и ненецком языках, с которыми контактируют зауральские коми-ижемские говоры и которые, по-видимому, стали источниками калькирования. Еще один пример контактного взаимодействия между языками Сибири – взаимодействие языков Нижнеколымского региона (якутского, эвенского, эвенкийского, юкагирского, чукотского), проявляющееся в большом количестве лексических заимствований, а также в копировании некоторых грамматических моделей (см. [Malchukov 2006; Pakendorf 2014; Курилова 2016, 2020; Puryunina, Aralova 2021] и др.).

Вопросы многоязычия актуальны также для Дагестана, где на сравнительно небольшой территории распространены десятки языков, и многие жители владеют более, чем одним из них. В базе данных [Dobrushina et al. 2017] суммированы данные социолингвистических исследований (экспедиционные опросы, переписи населения, похозяйственные книги) о владении теми или иными языками. Структурные особенности языков Дагестана систематизируются на основании полевых исследований авторов и сведений из литературы в базе данных [Daniel et al. 2022]. В этой базе доступны сведения о некоторых фонетических (лабиализация, назализация, долгота гласных и др.), грамматических (эвиденциальность, комитативы, сравнительные конструкции и др.), лексических (утреннее приветствие, выражение значений ‘вчера’ / ‘завтра’ и др.) характеристиках. Визуализация данных на мультимедийных картах позволяет в том числе проследить ареальные закономерности и строить объясняющие их гипотезы.

6. Переключение кодов

Еще один важный сюжет в исследовании языковых контактов – это переключение кодов, когда в речи носителя сосуществуют фрагменты на разных языках (см. [Bullock, Toribio 2009] и приводимые в указанной работе ссылки). В отрывке из текста на горномарийском языке (6) встречаются как собственно горномарийские, так и русские (выделены полужирным) фрагменты, причем включающие не только заимствованные корни, но и словоизменяемые показатели каждого из языков (ср. *не знаю, не хочется* на русском языке и отгlossированные горномарийские словоформы).

(6) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

<i>Так и</i>	<i>ir-et</i> писать-NPST.2SG	<i>təďə-m,</i> ОН-ACC	<i>так и</i>	<i>əške</i> REFL
<i>əškə-län-et</i> REFL-DAT-POSS.2SG		<i>ru-et</i> давать-NPST.2SG		
<i>əš-ətm.</i> УМ-ACC	<i>Может быть, и не хочется, да,</i>		<i>tenge, но уже чисто</i> так	
<i>психологический характер уже</i>		<i>əl-ən, что</i> БЫТЬ-PRET	<i>ulə.</i> ИМЕЕТСЯ	<i>и</i>
<i>pa-kə-la-žə</i> даль-ILL2-SIM-POSS.3SG	<i>tumajə-del-na</i> думать-NEG.PRET-1PL		<i>ta-malən...</i> INDEF-ПОЧЕМУ	
<i>tumaj-al-del-na</i> думать-ATT-NEG.PRET-1PL		<i>ələn,</i> RETR	<i>не знаю,</i>	
<i>tenge li-ält-ən</i> так становится-MED-PRET	<i>совершенно</i>	<i>случайно.</i>		

‘Так и пишешь это [сочинение о выборе профессии], так и сам себе подаешь идею. Может быть, и не хочется, да, так, но уже чисто психологический характер уже был, что есть. И дальше почему-то мы не думали... не подумали, не знаю, так получилось совершенно случайно’.³⁹⁴

Переключение кодов в языках России изучалось на разнообразном материале, см. анализ данных эвенкийского [Grenoble 2010], эрзянского [Janurik 2017], санжинского даргинского [Forker 2018], горномарийского [Дьячков 2020], нанайского [Оскольская 2020] языков, малых прибалтийско-финских языков России [Муслимов 2005] и др. Исследовательские вопросы затрагивают частотность переключения кодов; его зависимость от социолингвистических факторов и от характеристик текста; типы морфологических единиц и синтаксических составляющих, которые чаще вовлекаются в переключение кодов; модели взаимодействия грамматических систем контактирующих языков. Например, в

³⁹⁴ Горномарийский корпус — Корпус горномарийского языка, составленный экспедициями МГУ имени М. В. Ломоносова, «Ученики», предложения 47–49 [Электронный ресурс] URL: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus> (дата обращения 20 июня 2023).

[Дьячков 2020, с. 279–280] зафиксированы примеры на *крылечке-štë* и *молодые-et-šë*. В первом случае русская предложная группа на *крылечке* оформляется горномарийским показателем инессива (местного падежа) *-štë*, дублирующим выражение семантики локализации. Во втором случае словоформа *молодые*, включающая русский показатель множественного числа, оформляется посессивными показателями 2-го (*-et*) и 3-го (*-šë*) лиц, в данном случае имеющими дискурсивную (выделительную) функцию. В то же время, как видно в (6), русские фрагменты могут включаться в горномарийский текст и без дополнительного оформления горномарийскими морфологическими показателями.

Некоторые работы, посвященные переключению кодов, фокусируются на том или ином классе конструкций. Так, в [Муслимов 2020] обсуждается переключение кодов в именных группах (сочетаниях существительного с зависимыми словами) в парах водский/русский и ижорский/русский. Проанализированы, в частности, закономерности согласования по числу, падежу (с учетом различий падежных систем русского и прибалтийско-финских языков) и роду. В водском и ижорском, как и в других уральских языках, категория рода отсутствует. При этом фиксируются примеры, когда русскому прилагательному приписывается род, согласующийся с родом русского эквивалента водского/ижорского существительного. Например, в (7) водское существительное *marjõ* не охарактеризовано по роду, тогда как его русский перевод *ягода* относится к женскому роду, по которому с ним и согласуется прилагательное *осенняя*.

(7) водский

<i>karpolo</i>	<i>on</i>	<i>marjõ</i>	осенн-яя.
клюква	быть.3SG	ягода(F _{рус})	

‘Клюква – ягода осенняя’.

[Муслимов 2020, с. 199]

В [Khomchenkova, Pleshak 2021] проанализировано употребление русских числительных в мокшанском и горномарийском языках. Рассмотрено, как влияет на выбор русского (и сопутствующее этому переключение кодов) или на сохранение исконного числительного морфосинтаксический класс (количественное/порядковое числительное), большое/малое арифметическое значение, семантический тип контекста (время, денежная сумма, номер класса в школе и др.). Например, в рассмотренной выборке мокшанских текстов большие числительные (более 10) существенно чаще употребляются в заимствованном, чем в исконном варианте (8), тогда как в выборке горномарийских текстов такая закономерность выявлена не была. Также русские числительные преобладают, в частности, при обозначении номера какой-либо единицы (9).

(8) МОКШАНСКИЙ

<i>i</i>	<i>rabota-n'</i>	<i>двадцать два года.</i>
и	работать-PST.1SG	

‘И я работала 22 года’.

[Khomchenkova, Pleshak 2021: 289]

(9) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

<i>mäm-nä-m</i>	<i>čast'-äš</i>	<i>kand-evä,</i>	<i>čast'</i>
мы-POSS.1PL-ACC	часть-ILL	приносить-AOR.3PL	часть

man-alt-eš *сорок пять сто пять.*

говорить-MED-NPST.3SG

‘Нас привезли в [воинскую] часть, часть называется 45105’.

[Khomchenkova, Pleshak 2021: 289]

Тексты с переключением кодов могут сопровождаться специальной разметкой в корпусах. См., например, уже упоминавшуюся коллекцию ресурсов [Ruscontact], в которую включены тексты из различных регионов России с разметкой частей речи и типов составляющих во фрагментах с переключением кодов.

7. Пиджины

Пиджин – это упрощенный язык, который не является родным ни для кого из говорящих на нем и используется при бытовом общении (например, при торговле) между носителями разных языков. Основу лексики пиджина представляет язык одного из контактирующих народов (язык-лексификатор). При этом и словарь пиджина, и его грамматическая структура оказываются редуцированными. В (10) приведен пример из говорки – пиджина, использовавшегося вплоть до 2-й половины XX в. на полуострове Таймыр, коренное население которого включает нганасан, энцев, ненцев, долган, эвенков. В этом примере мы видим русские слова с некоторым лексическим упрощением (*царь девка* вм. *царевна*), а также явные отклонения в грамматике от литературного русского языка: широкое употребление формы местоимения *меня* (в данном случае вместо формы *я*), широкое употребление форм именительного падежа существительного (*девка*) и мужского рода прилагательного (*богатый*), употребление глагольной формы несовершенного вида *брал* в контексте, где ожидалась бы форма совершенного вида *взял* (по причине нейтрализации видовой оппозиции в говорке).

(10) *Меня богатый царь девка брал.*

‘Я взял [в жены] богатую царевну’.

[Хелимский 2000, с. 391]

Русский язык в разные исторические периоды оказался вовлечен в формирование множества пиджинов. Среди наиболее известных упомянем руссенорск (использовался русскими и норвежскими рыбаками), кяхтинский китайско-русский (использовался в XVIII–XIX вв. на границе к югу от озера Байкал) и ряд других китайско-русских пиджинов, а также проиллюстрированную выше говорку. Более подробный анализ истории и языковых особенностей русских пиджинов доступен в [Перехвальская 2008, 2014]. Многие исследования посвящены отдельным пиджинам: см. статьи в [Перехвальская 2014] о русско-китайских пиджинах, [Хелимский 2000; Stern 2012; Гусев 2013] о говорке, [Клонова 2007] о руссенорске.

8. Заключение

В статье был дан обзор исследований языковых контактов на территории России. Эти исследования ведутся по целому ряду направлений. Изучается социолингвистическая ситуация в различных регионах, что позволяет проследить сохранность языков России, сферы их использования и влия-

ние русского языка на них. Получены многочисленные наблюдения об изменениях в фонетических, грамматических, лексических системах языков России под воздействием русского языка. В то же время многие местные разновидности русского языка подвергаются обратному влиянию других языков России: эта проблематика активно исследуется, в т. ч. в последние годы, но пока скрывает, на наш взгляд, немало «белых пятен». Еще одна интригующая область – взаимодействие коренных языков России между собой. Этот вопрос наиболее подробно исследован на материале лексических заимствований, тогда как данные, касающиеся заимствования структурных (в первую очередь грамматических) моделей, определенно нуждаются в пополнении и более глубоком анализе. Достаточно популярна тематика переключения кодов: по ней накапливается внушительный объем типологических и теоретических обобщений, и данные языков России играют в этой работе существенную роль. Детально описаны многие пиджины, распространенные на территории и границах России в те или иные периоды. Развитие современных технологий способствует созданию электронных ресурсов – баз данных и текстовых корпусов, позволяющих визуализировать данные по описанным темам и облегчить обработку их больших массивов. Эта работа имеет и дальнейшие широкие перспективы.

Список сокращений

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, ACC – аккузатив, ADD – аддитивная частица, AOR – аорист (тип прошедшего времени), ATT – аттенуатив («уменьшительный» аспектуальный показатель), DAT – датив, F – женский род, ILL – иллатив (направительный падеж), ILL2 – второй (непродуктивный) иллатив, INDEF – показатель неопределенного местоимения, INS – инструменталис (творительный падеж), MED – медиопассив (средневозвратный залог), NEG – отрицание, NPST – непрошедшее время, PL – множественное число, POSS – посессивность, PRET – претерит (тип прошедшего времени), PRS – настоящее время, PST – прошедшее время, REFL – рефлексив, RETR – ретроспективный сдвиг, SG – единственное число, SIM – симилатив (сравнительная форма).

ЛИТЕРАТУРА

Аникин 2000 – *Аникин А. Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М., Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.

Ахмадуллина 2002 – *Ахмадуллина С. В.* Системно-функциональный подход к изучению глаголов движения студентами-мари в практическом курсе русского языка: дисс. ... канд. пед. н. – Нижний Новгород: НГПУ, 2002. – 251 с.

Баранова 2020a – *Баранова В. В.* Языковые контакты в Калмыкии и формирование локального варианта русского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 4. С. 131–146.

Баранова 2020b – *Баранова В. В.* Адаптация глагольных заимствований в монгольских языках // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3. С. 7–18.

Гаврилова, Ушаков 1984 – *Гаврилова Т. Г., Ушаков Г. А.* (ред.). Из опыта преподавания русского языка в удмуртской школе. – Ижевск: Удмуртия, 1984. – 113 с.

Гусев 2013 – Гусев В. Ю. История говорки (русского таймырского пиджина) по лингвистическим данным // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1. С. 135–157.

Даниэль, Добрушина 2013 – *Даниэль М. А., Добрушина Н.Р.* Русский язык в Дагестане: проблемы языковой интерференции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). Т. 1: Основная программа конференции. Вып. 12 (19). – М.: РГГУ, 2013. – С. 186–211.

Дьячков 2020 – *Дьячков В. В.* Структурные и социолингвистические характеристики горномарийско-русского переключения кодов: пилотное исследование // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. № 4. С. 273–289.

Исанбаев 1993 – *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты: дисс. ... докт. филол. н. – Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. – 53 с.

Кашкин 2020 – *Кашкин Е. В.* Особенности русской речи носителей мокшанского языка // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. № 4. С. 110–130.

Кашкин 2022 – *Кашкин Е. В.* О нестандартном (заметки о русской речи горных марийцев) // Родной язык. 2022. № 2. С. 35–51.

Кашкин и др. (ред.) 2020 – *Кашкин Е.В., Стойнова Н.М., Хомченкова И.А.* (ред.). Языки России в контакте с русским языком // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. № 4. 304 с.

Клонова 2007 – *Клонова О.Ю.* Упрощенные языковые системы и формирование пиджина (на материале русско-норвежских языковых контактов): дисс. ... канд. филол. н. – СПб: СПбГУ, 2007. – 224 с.

Колесникова 2018 – *Колесникова Е.Н.* Русская устная речь в Республике Марий Эл: региональные особенности: выпускная квалификационная работа бакалавра. – М.: НИУ ВШЭ, 2018. – 72 с.

Кошкарева и др. 2017 – *Кошкарева Н.Б., Кашкин Е.В., Коряков Ю.Б., Казакевич О.А., Буркова С.И., Муравьев Н.А., Будянская Е.М.* Диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого автономного округа / Под общ. ред. Н.Б. Кошкаревой. – Калининград: РОС-ДО-АФК, 2017. – 256 с.

Кузнецова 2000 – *Кузнецова А.И.* Изменения в глагольном управлении в селькупском языке: спустя 65 лет после работы Г.Н. Прокофьева у туруханских селькупов // Дульзонские чтения. Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. – Томск: ТГПУ, 2000. – С. 107–113.

Кузнецова 2002 – *Кузнецова А.И.* Старый Торъял на распутье: причины изменений, происходящих в говоре // Языковые контакты Поволжья. Симпозиум в городе Турку 16–18.8.2001. – Турку: Университет Турку, 2002. – С. 127–138.

Кузнецова 2007 – *Кузнецова А.И.* Селькупы Туруханского района Красноярского края на рубеже II и III тысячелетий (социолингвистическая ситуация и языковые изменения). – Воронеж: ВГУ, 2007. – 114 с.

Курилова 2016 – *Курилова С.Н.* Интеграция тунгусизмов в языке тундровых юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7, ч. 2. С. 120–122.

Курилова 2020 – *Курилова С.Н.* Якутизмы в юкагирском языке // Современная филология: состояние, проблемы, перспективы развития. – Петрозаводск: Новая наука, 2020. – С. 77–107.

Малые языки России – Малые языки России. [Электронный ресурс]. URL: <https://minlang.iling-ran.ru/> (дата обращения 26 июня 2023).

Муслимов 2005 – *Муслимов М.З.* Языковые контакты в Западной Ингерманландии: Нижнее течение реки Луги: дисс. ... канд. филол. н. – СПб.: ИЛИ РАН, 2005. – 411 с.

Муслимов 2020 – *Муслимов М.З.* Особенности оформления именных групп в смешении кодов водский/русский и ижорский/русский // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 4. С. 193–223.

Мызников 2003 – *Мызников С.А.* Русские говоры Обонежья: ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. – СПб.: Наука, 2003. – 540 с.

Мызников 2004 – *Мызников С.А.* Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: Этимологический и лингвогеографический анализ. – СПб.: Наука, 2004. – 492 с.

Мызников 2005 – *Мызников С.А.* Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. – СПб.: Наука, 2005. – 635 с.

Мызников 2019 – *Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. – М., СПб.: Нестор-История, 2019. – 1076 с.

Научный центр... – Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России. [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/web/ru/departments/languages_of_russia (дата обращения 26 июня 2023).

Оскольская 2020 – *Оскольская С.А.* Переключение кодов в речи носителей нанайского языка // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 4. С. 224–242.

Оскольская, Стойнова 2013 – *Оскольская С.А., Стойнова Н.М.* Русские союзы в современном нанайском языке // Acta Linguistica Petropolitana. 2013. № 3. С. 362–389.

Перехвальская 2008 – *Перехвальская Е. В.* Русские пиджины. – СПб.: Алетейя, 2008. – 363 с.

Перехвальская 2014 – *Перехвальская Е.В.* Исследования по русским пиджинам. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2014. – 224 с.

Резанова 2019 – *Резанова З.И.* Корпус устной речи русско-тюркских билингвов Южной Сибири: разметка отклонений от речевого стандарта // Вопросы лексикографии. 2019. № 15. С. 127–140.

Рудницкая 2020 – *Рудницкая Е.Л.* Лексические заимствования из русского языка и модель управления в эвенкийском языке // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2020. № 4. С. 89–109.

Сай 2018 – *Сай С.С.* Маркирование актантов двухместных предикатов: предварительные итоги типологического исследования // Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках / Под ред. С.С. Сая. – СПб.: ИЛИ РАН, 2018. – С. 557–616.

Стойнова, Шлуинский 2010 – *Стойнова Н.М., Шлуинский А.Б.* Русская речь лесных энцев: зарисовки исследователей вымирающего языка // Slavica Helsingiensia 40. Sociolinguistic approaches to nonstandard Russian / Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: University of Helsinki, 2010. P. 153–165.

Федотов 1990 – *Федотов М.Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. – Саранск: Издательство Саратовского университета (Саранский филиал), 1990. – 336 с.

Хелимский 2000 – *Хелимский Е.А.* «Говорка» – таймырский пиджин на русской лексической основе // Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 378–395.

Шаланки, Кондратьева 2019 – *Шаланки Ж., Кондратьева Н.В.* Морфосинтаксическая интерференция в условиях удмуртско-русского билингвизма // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. № 3. С. 380–389.

Щербак 1977 – *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). – Л.: Наука, 1977. – 192 с.

Юсупова 2000 – *Юсупова З.Ф.* Лингводидактические основы обучения русским местоимениям в татарской школе: функционально-семантический аспект: дисс. ... канд. пед. н. – Казань: КГПУ, 2000. – 231 с.

Язык и общество 2016 – Язык и общество. Энциклопедия. – М.: Азбуковник, 2016. – 872 с.

Языки России – Проект «Языки России». [Электронный ресурс]. URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru/> (дата обращения 25 июня 2023).

Adamou, Matras 2021 – *Adamou E., Matras Y.* (eds.) The Routledge handbook of language contact. London, NY: Routledge, 2021. 576 pp.

Bradley 2016 – *Bradley J.* Mari converb constructions: productivity and regional variance. Doct. diss. Vienna: University of Vienna, 2016. 316 pp.

Bullock, Toribio 2009 – *Bullock B., Toribio A.* (eds.) The Cambridge handbook of linguistic code-switching. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 438 pp.

Daniel et al. 2023 – *Daniel M., Filatov K., Maisak T., Moroz G., Mukhin T., Naccarato C., Verhees S.* Typological Atlas of the Languages of Daghestan (TALD), v. 1.0.0. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE. [Online]. Available at <http://lingconlab.ru/dagatlas> (Accessed 27 June 2023).

Dobrushina et al. (eds.) 2023 – *Dobrushina N., Staferova D., Belokon A.* (eds.) Atlas of multilingualism in Dagestan online. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE. [Online]. Available at <https://multidagestan.com> (Accessed 27 June 2023).

Edygarova 2018 – *Edygarova S.* Interference from Russian in the possessive morphosyntactic structures of Udmurt in translational test data // Multilingual practices in Finno-Ugric communities / Ed. by O. Tánzos, M. Kovács, U. Puura. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2018. P. 113–161.

Forker 2018 – *Forker D.* Sanzhi–Russian code switching and the Matrix Language Frame model // International Journal of Bilingualism. 2018. № 6. P. 1448–1468.

Forker, Grenoble 2021 – *Forker D., Grenoble L.* Some structural similarities in the outcomes of language contact with Russian // Language contact in the territory of the former Soviet Union / Ed. by D. Forker, L. Grenoble. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. P. 259–287.

Forker, Grenoble 2021 – *Forker D., Grenoble L.* (eds.) Language contact in the territory of the former Soviet Union. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. 386 pp.

Grant 2020 – *Grant A.* (ed.) The Oxford handbook of language contact. Oxford: Oxford University Press, 2020. xxix + 757 pp.

Grenoble 2010 – *Grenoble L.* Switch or shift: code-mixing, contact-induced change and attrition in Russian–Evenki contacts // Instrumentarium of linguistics. Sociolinguistic approaches to non-standard Russian / Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: University of Helsinki, 2010. P. 139–152.

Janurik 2017 – *Janurik B.* Erzya–Russian bilingual discourse: a structural analysis of intrasentential code-switching patterns. PhD dissertation. Szeged: University of Szeged, 2017. iii + 220 pp.

Kashkin, Muravyev 2021 – *Kashkin E., Muravyev N.* Izhma Komi in Western Siberia: at the crossroads of language contact // Language contact in the territory of the former Soviet Union / Ed. by D. Forker, L. Grenoble. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2021. P. 119–142.

Khomchenkova, Pleshak 2021 – *Khomchenkova I., Pleshak P.* Russian numerals in Moksha and Hill Mari // *Linguistica Uralica*. 2021. № 4. P. 277–302.

Leinonen 2009 – *Leinonen M.* Russian influence on the Ižma Komi dialect // *International Journal of Bilingualism*. 2009. № 3. P. 309–329.

Lingconlab – Сайт Лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: http://lingconlab.ru/index_ru.html (дата обращения 6 июня 2023).

Malchukov 2006 – *Malchukov A.* Yakut interference in North-Tungusic languages // *Turkic languages in contact* / Ed. by H. Boeschoten, L. Johanson. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. P. 122–139.

Matras 2009 – *Matras Y.* *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. xvi + 366 pp.

Oskolskaya, Stoynova 2013 – *Oskolskaya S., Stoynova N.* The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech // *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*. 2013. № 2. P. 99–116.

Pakendorf 2014 – *Pakendorf B.* Paradigm copying in Tungusic. The Lamunkhin dialect of Even and beyond // *Paradigm Change. In the Trans Eurasian languages and beyond* / Ed. by M. Robbeets, W. Bisang. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 287–310.

Potanina, Filchenko 2016 – *Potanina O., Filchenko A.* Russian contact-induced innovations in Eastern Khanty // *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2016. № 2. P. 27–39.

Pupynina, Aralova 2021 – *Pupynina M., Aralova N.* Lower Kolyma multilingualism: historical setting and sociolinguistic trends // *International Journal of Bilingualism*. 2021. № 4. P. 1081–1101.

Ruscontact – Языки России в контакте с русским языком. [Электронный ресурс]. URL: <http://web-corpora.net/ruscontact/index.html> (дата обращения 26 июня 2023).

Shagal 2016 – *Shagal K.* Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers // *Mordvin languages in the field* / Ed. by K. Shagal, H. Arjava. Helsinki: University of Helsinki, 2016. P. 363–377.

Stern 2012 – *Stern D.* *Tajmyr-Pidgin-Russisch. Kolonialer Sprachkontakt in Nordibirien*. München, Berlin: Otto Sagner, 2012. 659 pp.

Stolz (ed.) 2015 – *Stolz C. (ed.)*. *Language empires in comparative perspective*. Berlin, München, Boston: De Gruyter, 2015. 406 pp.

Thomason 2001 – *Thomason S.* *Language contact*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. x + 310 pp.

Vilkuna 2022 – *Vilkuna M.* *Word order* // *The Oxford guide to the Uralic languages* / Ed. by M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 950–960.

REFERENCES

Adamou, E. and Matras, Y. (eds.) (2021), *The Routledge handbook of language contact*, Routledge, London, UK, NY, USA.

Akhmadullina, S. V. (2002), *Sistemno-funktsional'nyi podkhod k izucheniyu glagolov dvizheniya studentami-mari v prakticheskom kurse russkogo yazyka* [Systemic-functional approach to the learning of motion verbs by Mari students in the practical course of Russian], Ph.D. Thesis, Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Russia.

Anikin, A. E. (2020), *Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh yazykov* [Etymological dictionary of Russian dialects of Siberia: borrowings from Uralic, Altaic, and Paleo-Asiatic languages]. Nauka, Moscow, Novosibirsk, Russia.

Baranova, V.V. (2020a), “Yazykovye kontakty v Kalmykii i formirovanie lokal'nogo varianta russkogo yazyka” [Language contacts in Kalmykia and the emerging of new local Russian variety], *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, no. 4, pp. 131–146.

Baranova, V.V. (2020b), “Adaptatsiya glagol'nykh zaimstvovaniy v mongol'skikh yazykakh” [Adaptation of verbal borrowings in Mongolic], *Ural-Altai Studies*, no. 3, p. 7–18.

Bradley, J. (2016), *Mari converb constructions: productivity and regional variance*, Doctoral dissertation, University of Vienna, Austria.

Bullock, B. and Toribio, A. (eds.) (2009), *The Cambridge handbook of linguistic code-switching*. Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Daniel, M., Filatov, K., Maisak, T., Moroz, G., Mukhin, T., Naccarato, C. and Verhees, S. (2023) *Typological Atlas of the Languages of Dagestan (TALD)*, v. 1.0.0, [Online], available at: <http://lingconlab.ru/dagatlas> (Accessed 27 June 2023).

Daniel', M.A. and Dobrushina, N.R. (2013), “Russkii yazyk v Dagestane: problemy yazykovoi interferentsii” [Russian language in Dagestan: problems of language interference] in *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» (Bekasovo, 29 maya – 2 iyunya 2013 g.). T. 1: Osnovnaya programma konferentsii. Vyp. 12 (19)*. [Computational linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual international conference “Dialogue” (Bekasovo, 29 May – 2 June 2013). Vol. 1. Main conference program. Issue 12 (19)]. RSUH, Moscow, Russia, pp. 186–211.

Database “Minority languages of Russia”, available at <https://minlang.iling-ran.ru/> (Accessed 26 June 2023).

Dobrushina, N., Staferova, D. and Belokon, A. (eds.) (2023) *Atlas of multilingualism in Dagestan*, [Online], available at: <https://multidagestan.com> (Accessed 27 June 2023).

D'yachkov, V.V. (2020), “Strukturnye i sotsiolingvisticheskie kharakteristiki gornomariisko-russkogo pereklyucheniya kodov: pilotnoe issledovanie” [Structural and sociolinguistic features of Hill Mari – Russian code switching: a pilot study], *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, no. 4, pp. 273–289.

Edygarova, S. (2018), “Interference from Russian in the possessive morphosyntactic structures of Udmurt in translational test data” in Tánczos, O., Kovács, M. and Puura, U. (eds.), *Multilingual practices in Finno-Ugric communities*. Suomalais-Ugrilainen Seura, Helsinki, Finland, pp. 113–161.

Fedotov, M.R. (1990), *Chuvashsko-mariiskie yazykovye vzaimosvyazi* [Chuvash-Mari language relations], Saratov University Publishing House (Saransk branch), Saransk, Russia.

Forker, D. (2018), “Sanzhi–Russian code switching and the Matrix Language Frame model”, *International Journal of Bilingualism*, no. 6, pp. 1448–1468.

Forker, D. and Grenoble, L. (2021) “Some structural similarities in the outcomes of language contact with Russian” in Forker, D. and Grenoble, L. (eds.), *Language contact in the territory of the former Soviet Union*. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA, pp. 259–287.

Forker, D. and Grenoble, L. (eds.) (2021), *Language contact in the territory of the former Soviet Union*, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA.

Gavrilov, T.G. and Ushakov, G.A. (eds.) (1984), *Iz opyta prepodavaniya russkogo yazyka v udmurtskoi shkole* [Some experience of teaching Russian in Udmurt schools], Udmurtiya, Izhevsk, Russia.

Grant, A. (ed.) (2020), *The Oxford handbook of language contact*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Grenoble, L. (2010), “Switch or shift: code-mixing, contact-induced change and attrition in Russian-Evenki contacts” in Mustajoki, A, and Protassova, E. (eds.), *Instrumentarium of linguistics. Sociolinguistic approaches to non-standard Russian*. University of Helsinki, Helsinki, Finland, pp. 139–152.

Gusev, V.Yu. (2013), “Istoriya govorki (russkogo taimyrskogo pidzhina) po lingvisticheskim dannym” [Linguistic evidence for the history of Govorka (Taimyr Pidgin Russian)], *Russian Language and Linguistic Theory*, no. 1, pp. 135–157.

Hill Mari corpus created by the fieldwork team of Lomonosov Moscow State University, available at: <http://hillmari-exp.tilda.ws/corpus> (Accessed 20 June 2023).

Isanbaev, N.I. (1993), *Mariisko-tyurkskie yazykovye kontakty* [Mari-Turkic language contact], Doctoral Dissertation, Mari State University, Russia.

Janurik, B. (2017), *Erzya–Russian bilingual discourse: a structural analysis of intertextual code-switching patterns*, PhD dissertation, University of Szeged, Hungary.

Kashkin, E. V. (2020), “Osobennosti russkoi rechi nositelei mokshanskogo yazyka” [Some peculiarities of the Russian speech of Moksha speakers], *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, no. 4, pp. 110–130.

Kashkin, E. V. (2022), “O nestandartnom (zametki o russkoi rechi gornyx mariitsev)” [On non-standard features of Russian in the grammar and lexicon of Hill Mari speakers], *Rodnoy yazyk*, no. 2, pp. 35–51.

Kashkin, E. and Muravyev, N. (2021), “Izhma Komi in Western Siberia: at the crossroads of language contact” in Forker, D. and Grenoble, L. (eds.), *Language contact in the territory of the former Soviet Union*. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA, pp. 119–142.

Kashkin, E.V., Stoinova, N.M. and Khomchenkova, I. A. (eds.) (2020) “Yazyki Rossii v kontakte s russkim yazykom” [Languages of Russia in contact with Russian], *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, no 4.

Khelimskii, E.A. (2000), “«Govorka» – taimyrskii pidzhin na russkoi leksicheskoi osnove” [“Govorka – Tajmyr pidgin with the Russian lexical basis”] in Khelimskii E. A. *Komparativistika, uralistika. Lektsii i stat'i* [Comparative and Uralic studies. Lectures and articles]. Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, Russia, pp. 378–395.

Khomchenkova, I. and Pleshak, P. (2021), Russian numerals in Moksha and Hill Mari, *Linguistica Uralica*. no. 4, pp. 277–302.

Klonova, O.Yu. (2007), *Uproshchennnye yazykovye sistemy i formirovanie pidzhina (na materiale russko-norvezhskikh yazykovykh kontaktov)* [Simplified language systems and the formation of a pidgin (evidence from Russian-Norwegian language contact)], Ph.D. Thesis, St. Petersburg State University, Russia.

Kolesnikova, E.N. (2018), *Russkaya ustnaya rech' v Respublike Marii El: regional'nye osobennosti* [Russian oral speech in the Republic of Mari El: regional peculiarities], BA Thesis, Higher School of Economics, Russia.

Koshkareva, N.B., Kashkin, E.V., Koryakov, Yu.B., Kazakevich, O.A., Burkova, S.I., Murav'ev, N.A., Budyanskaya, E.M. (2017), *Dialektologicheskii atlas ural'skikh yazykov, rasprostranennykh na territorii Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga* [Dialectological atlas of the Uralic languages spoken in the Yamalo-Nenets Autonomous district], ROS-DOAFK, Kaliningrad, Russia.

Kurilova, S.N. (2016), “Integratsiya tungusizmov v yazyke tundrovyykh yukagirov” [Integration of Tungus borrowings in the language of Tundra Yukagir], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, no. 7, part 2, pp. 120–122.

Kurilova, S.N. (2020), “Yakutizmy v yukagirskom yazyke” [Yakut borrowings in Yukagir] in *Sovremennaya filologiya: sostoyanie, problemy, perspektivy razvitiya* [Contemporary philology: current state, problems, perspectives]. Novaya nauka, Petrozavodsk, Russia, pp. 77–107.

Kuznetsova, A.I. (2000), “Izmeneniya v glagol’nom upravlenii v sel’kupskom yazyke: spustya 65 let posle raboty G. N. Prokof’eva u turukhanskikh sel’kupov” [Changes in verbal valency patterns in Selkup: 65 years after the research of G. N. Prokofyev on Turukhan Selkup] in *Dul’zonovskie chteniya. Sravnitel’no-istoricheskoe i tipologicheskoe izuchenie yazykov i kul’tur* [Dulson readings. Comparative and typological studies of languages and cultures]. Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia, pp. 107–113.

Kuznetsova, A.I. (2002), “Staryi Tor”yal na rasput’e: prichiny izmenenii, proiskhodyashchikh v govore” [Staryj Torjal at the crossroads: causes of changes in the subdialect], in *Yazykovye kontakty Povolzh’ya. Simpozium v gorode Turku 16–18.8.2001* [Language contact in the Volga region. Symposium in the city of Turku]. University of Turku, Turku, Finland, pp. 127–138.

Kuznetsova, A.I. (2007), *Sel’kupy Turukhanskogo raiona Krasnoyarskogo kraja na rubezhe II i III tysyacheletii (sotsiolingvisticheskaya situatsiya i yazykovye izmeneniya)* [Selkups of the Turukhansk district of the Krasnoyarsk Krai at the borderline of II and III millennia], VSU, Voronezh, Russia.

Languages of Russia in contact with Russian, [Online], available at: <http://web-corpora.net/ruscontact/index.html> (Accessed 26 June 2023).

Leinonen, M. (2009), “Russian influence on the Ižma Komi dialect”, *International Journal of Bilingualism*, no. 3, pp. 309–329.

Malchukov, A. (2006), “Yakut interference in North-Tungusic languages” in Boeschoten, H. and Johanson, L. (eds.), *Turkic languages in contact*. Harrassowitz, Wiesbaden, Germany, pp. 122–139.

Matras, Y. (2009), *Language contact*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.

Muslimov, M.Z. (2005), *Yazykovye kontakty v Zapadnoi Ingermanlandii: Nizhnee techenie reki Lugi* [Language contact in the Western Ingria: lower course of Luga], Ph.D. Thesis, Institute for Linguistic Studies, Russia.

Muslimov, M.Z. (2020), “Osobennosti oformleniya imennykh grupp v smeshenii kodov vodskii/russkii i izhorskii/russkii” [On the structure of the noun phrase in Votic/Russian and Ingrian/Russian code-mixing], *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, no. 4, pp. 193–223.

Myznikov, S.A. (2003), *Russkie govory Obonezh’ya: areal’no-etimologicheskoe issledovanie leksiki pribaltiisko-finskogo proiskhozhdeniya* [Russian subdialects of the Onega region: areal-etymological research of the lexicon of Balto-Finnic origin], Nauka, St. Petersburg, Russia.

Myznikov, S.A. (2004), *Leksika finno-ugorskogo proiskhozhdeniya v russkikh govorakh Severo-Zapada: Etimologicheskii i lingvogeograficheskii analiz* [Lexicon of Finno-Ugric origin in the Russian subdialects of the North-West: the analysis of etymology and linguistic geography], Nauka, St. Petersburg, Russia.

Myznikov, S.A. (2005), *Russkie govory Srednego Povolzh’ya: Chuvashskaya Respublika, Respublika Marii El* [Russian subdialects of the Middle Volga region: Republic of Chuvashia, Republic of Mari El], Nauka, St. Petersburg, Russia.

Myznikov, S.A. (2019), *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar’. Leksika kontaktnykh regionov* [Russian dialectal etymological dictionary. Lexicon of contact regions], Nestor-Istoriya, Moscow, St. Petersburg, Russia.

Oskolskaya, S. and Stoynova, N. (2013), “The *la*-form: Russian verbs in Nanai speech”, *Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics*, no. 2, pp. 99–116.

Oskol’skaya, S.A. (2020), “Pereklyuchenie kodov v rechi nositelei nanaiskogo yazyka” [Code-switching in the speech of a Nanai speaker], *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, no. 4, pp. 224–242.

Oskol'skaya, S.A. and Stoinova, N.M. (2013), "Russkie soyuzy v sovremennom nanaiskom yazyke" [Russian conjunctions in the modern Nanai language], *Acta Linguistica Petropolitana*, no. 3, pp. 362–389.

Pakendorf, B. (2014), "Paradigm copying in Tungusic. The Lamunkhin dialect of Even and beyond" in Robbeets, M. and Bisang, W. (eds.), *Paradigm Change. In the Transeurasian languages and beyond*. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Netherlands, Philadelphia, USA, pp. 287–310.

Perekhval'skaya, E.V. (2008), *Russkie pidzhiny* [Russian pidgins], Aleteiya, St. Petersburg, Russia.

Perekhval'skaya, E.V. (2014), *Issledovaniya po russkim pidzhinam* [Studies on Russian pidgins], Direkt-Media, Moscow, Russia, Berlin, Germany.

Potanina, O. and Filchenko, A. (2016), "Russian contact-induced innovations in Eastern Khanty", *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, no. 2, pp. 27–39.

Project "Languages of Russia", available at <http://jazykif.iling-ran.ru/> (Accessed 25 June 2023).

Pupynina, M. and Aralova, N. (2021), "Lower Kolyma multilingualism: historical setting and sociolinguistic trends", *International Journal of Bilingualism*, no. 4, pp. 1081–1101.

Rezanova, Z.I. (2019), "Korpus ustnoi rechi russko-tyurkskikh bilingvov Yuzhnoi Sibiri: razmetka otklonenii ot rechevogo standarta" [The oral speech corpus of Russian-Turkic bilinguals of Southern Siberia: the marking of deviations from the speech standard], *Russian Journal of Lexicography*, no. 15, pp. 127–140.

Rudnitskaya, E.L. (2020), "Leksicheskie zaimstvovaniya iz russkogo yazyka i model' upravleniya v evenkiiskom yazyke" [Lexical borrowings from Russian and the subcategorization frame in Evenki], *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, no. 4., pp. 89–109.

Sai, S. S. (2018), "Markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov: predvaritel'nye itogi tipologicheskogo issledovaniya" [Valency patterns of bivalent predicates: preliminary results of a typological study] in Sai, S. S. (ed.), *Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturykh yazykakh* [Bivalent valency classes in structurally diverse languages]. ILS RAS, St. Petersburg, Russia, pp. 557–616.

Shagal, K. (2016), "Contact-induced grammatical phenomena in the Russian of Erzya speakers" in Shagal, K. and Arjava, H. (eds.), *Mordvin languages in the field*. University of Helsinki, Helsinki, Finland, pp. 363–377.

Shalanki, Zh. and Kondrat'eva, N. V. (2019), "Morfosintaksicheskaya interferentsiya v usloviyakh udmurtsko-russkogo bilingvizma" [Morphosyntactic interference in the Udmurt-Russian bilingualism], *Yearbook of Finno-Ugric Studies*, no. 3, pp. 380–389.

Shcherbak, A. M. (1977), *Ocherki po sravnitel'noi morfologii tyurkskikh yazykov (imya)* [Sketches on comparative morphology of the Turkic languages (nominals)], Nauka, Leningrad, USSR.

Stern, D. (2012), *Tajmyr-Pidgin-Russisch. Kolonialer Sprachkontakt in Nordsibirien*, Otto Sagner, München, Berlin, Germany.

Stoinova, N.M. and Shluinskii, A.B. (2010), "Russkaya rech' lesnykh entsev: zarisovki issledovatelei vymirayushchego yazyka" [Russian speech of Forest Enets speakers: remarks of researchers of a dying language] in Mustajoki A., Protassova E. and Vakhtin N. (eds.), *Slavica Helsingiensia 40. Sociolinguistic approaches to nonstandard Russian*. University of Helsinki, Helsinki, Finland, pp. 153–165.

Stolz, C. (ed.) (2015), *Language empires in comparative perspective*, De Gruyter, Berlin, München, Germany, Boston, USA.

The official site of Linguistic convergence laboratory, HSE, available at: http://lingconlab.ru/index_ru.html (Accessed 6 June 2023).

The official webpage of the Research Center for the Preservation, Revitalization and Documentation of the Languages of Russia, available at https://iling-ran.ru/web/ru/departments/languages_of_russia (Accessed 26 June 2023).

Thomason, S. (2001), *Language contact*, Edinburgh University Press, Edinburgh, UK.

Vilkuna, M. (2022), “Word order” in Bakró-Nagy, M., Laakso, J. and Skribnik, E. (eds.), *The Oxford guide to the Uralic languages*. Oxford University Press, Oxford, UK, pp. 950–960.

Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya [Language and society. Encyclopedia] (2016), Azbukovnik, Moscow, Russia.

Yusupova, Z.F. (2000), *Lingvodidakticheskie osnovy obucheniya russkim mestoimeniyam v tatarskoi shkole: funktsional’no-semanticheskii aspekt* [Linguodidactic basis of teaching Russian pronouns in Tatar schools: functional-semantic aspect], Ph.D. Thesis, Kazan State Pedagogical University, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Егор Владимирович Кашкин, кандидат филологических наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; 119019, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; *egorka1988@gmail.com*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Egor V. Kashkin, Cand. of Sci. (Philology), Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka str., Moscow, Russia, 119019; *egorka1988@gmail.com*.

DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-475-479

Концепция языковой политики Российской Федерации: документ, формирующий будущее

Ольга А. Казакевич
Институт языкознания РАН
Москва, Россия, kazakevich.olga@iling-ran.ru
ORCID ID 0000-0003-0597-2979

Андрей А. Кибрик
Институт языкознания РАН
МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, aakibrik@iling-ran.ru
ORCID ID 0000-0002-3541-7637

Аннотация. Настоящая публикация знакомит с проектом Концепции языковой политики РФ, одним из проектов Института языкознания РАН, реализованным по поручению Совета при Президенте РФ по русскому языку. В работе над этим проектом приняли участие в лице своих представителей еще три института РАН: Институт русского языка имени В.В. Виноградова, Институт лингвистических исследований и Институт этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая. Языковое многообразие – это наше национальное достояние. Составители проекта Концепции исходили из того, что главная цель государственной языковой политики – сохранение языкового многообразия страны как основы единства и стабильности государства и гражданского общества, а сама Концепция рассматривалась ими как рамочный стратегический документ, призванный оказывать влияние на дальнейшее развитие законодательства страны в языковой сфере. В рамках данной публикации представлен текст подготовленного квалифицированными специалистами документа, работа над которым продолжалась практически год (с августа 2020 г. по июль 2021 г.) и который мог бы быть успешно использован на практике.

Ключевые слова: языковая политика, языки России, языковое многообразие, языковой сдвиг, межпоколенческая передача языков, сохранение языков.

Для цитирования: Казакевич О.А., Кибрик А.А. Концепция языковой политики Российской Федерации: документ, формирующий будущее // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 477–481. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-475-479.

Для цитирования текста Концепции как таковой: Казакевич О.А., Кибрик А.А., Шлуинский А.Б., Агранат Т.Б., Алпатов В.М., Биткеева А.Н., Дыбо А.В., Коряков Ю.Б., Шмелева Е.Я., Головки Е.В., Соколовский С.В., Функ Д.А., Филиппова Е.И., Шаховцов К.Г. Концепция языковой политики Российской Федерации // Евразийский ежегодник. 2023. № 1. С. 482–512.

Concept of language policy of the Russian Federation: A document shaping the future

Olga A. Kazakevich

Institute of Linguistics RAS, Moscow, Russia, kazakevich.olga@iling-ran.ru

ORCID ID 0000-0003-0597-2979

Andrej A. Kibrik

Institute of Linguistics RAS and Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia, aakibrik@iling-ran.ru

ORCID ID 0000-0002-3541-7637

Abstract. *This publication introduces readers to a project of the Concept of Language Policy of the Russian Federation, one of the projects of the Institute of Linguistics RAS, implemented in accordance with a request from the Presidential Council for the Russian language. Apart from the Institute of Linguistics RAS, three other Russian Academy of Sciences institutes participated in the project, as represented by their staff members: Vinogradov Institute for the Russian Language, Institute for Linguistic Studies, and Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology. Linguistic diversity is our national heritage. The authors of the Concept relied on the idea that the main goal of the state's language policy is preservation of the country's linguistic diversity as the basis of unity and stability of the state and civil society, while they viewed the Concept itself as a strategic framework document, intended to further influence the legal development in the linguistic domain. This publication presents the text of the document, prepared by highly qualified specialists. Its preparation lasted for a year, between August 2020 and July 2021. This document could potentially be used to the benefit of practical work.*

Keywords: *language policy, languages of Russia, linguistic diversity, language shift, inter-generation language transmission, language preservation.*

For citation: *Kazakevich, O.A. and Kibrik, A.A. (2023), "Concept of language policy of the Russian Federation: A document shaping the future", Eurasian Yearbook, no. 1, pp. 477-481. DOI: 10.22455/2949-5865-2023-1-475-479.*

На территории России функционирует большое количество языков [Алпатов 2000]. Языковое многообразие представляет собой большую ценность, и его сохранение является важной государственной задачей. В Конституции Российской Федерации отмечено, что «государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия». Соответственно, если языки России будут исчезать, Конституция будет нарушаться. Сохранение языков важно и с точки зрения отдельного человека. Для каждого человека родной язык – большая ценность. Язык является одним из аспектов самоидентификации личности. Утрата родного языка вызывает фрустрацию, а социальная фрустрация, затрагивающая целую группу людей, становится конфликтогенной. Это лишний раз показывает, что сохранение языков важно для государства. Наконец, сохранение языков необходимо и в общегуманитарном плане. Каждый язык представляет собой уникальное явление человеческой мысли, культуры и истории и таким

образом вносит незаменимый вклад в психологическое и культурное богатство человечества.

Соответственно, утрата языкового многообразия является негативным процессом. Между тем такая утрата фактически происходит – см., например, [Brenzinger 2007; Austin, Sallabank 2011]. Это общемировой процесс, и Россию он также затрагивает [Krauss 1997; Казакевич, Кибрик 2005]. Согласно исследованию [Коряков и др. 2022], с начала XX века исчезло 15 языков России, из них более половины за постсоветский период. Языки ослабевают и впоследствии исчезают в результате процесса, известного как языковой сдвиг: родители фактически принимают решение обучать родившихся детей не своему этническому языку, а языку, социально более престижному, в случае России обычно русскому. Межпоколенческая передача языка прерывается. Если такое решение охватывает всю этническую группу, через некоторое время молодых носителей языка не остается, и исчезновение языка становится лишь вопросом времени. Хорошо известно, что под угрозой исчезновения находится большинство языков коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Однако те же процессы в настоящее время начали развиваться и среди носителей малых языков Кавказа, и даже среди носителей государственных языков республик РФ.

Лингвисты, профессионально занимающиеся языками, видят процессы ослабления и исчезновения языков особенно отчетливо. Соответственно, Институт языкознания РАН придает задаче сохранения языкового многообразия большое значение. В Институте осуществляется большое количество исследований, прямо или косвенно связанных с этой задачей. Концепция языковой политики (КЯП) РФ – один из проектов Института языкознания РАН по языкам России, см. [Кибрик и др. 2023].

Проект КЯП реализован по поручению Совета при Президенте РФ по русскому языку. В соответствии с п. 4(а) перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по русскому языку 5 ноября 2019 г. от 01.03.2020 № Пр-355, летом 2020 года Совет при Президенте РФ по русскому языку обратился в Институт языкознания РАН с предложением создать проект Концепции языковой политики РФ. Институт языкознания РАН привлек к этой работе специалистов из других профильных институтов РАН. Работа велась с августа 2020 г. по июль 2021 г.

В результате авторами проекта Концепции языковой политики стали восемь сотрудников Института языкознания РАН, по одному представителю от Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН и от Института лингвистических исследований РАН и четыре сотрудника Института этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Авторы настоящей работы приняли решение представить документ полностью, поскольку, на наш взгляд, текст документа может рассматриваться как в русле развития теоретической и прикладной социолингвистики, так и в русле практического использования, давая прочное основание для разработки сбалансированной языковой политики, обеспечивающей сохранность языкового многообразия РФ.

ЛИТЕРАТУРА

Алпатов 2020 – *Алпатов В. М.* 150 языков и политика: 1917–2000. – М: Крафт+, ИВ РАН, 2000.

Казакевич, Кибрик 2005 – *Казакевич О.А., Кибрик А.Е.* Малые языки на постсоветском пространстве // Малые языки и традиции: существование на грани. Выпуск 1. Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков. Под ред. А.Е. Кибрика. – М.: Новое издательство, 2005. – С. 13–39.

Кибрик и др. 2023 – *Кибрик А.А., Казакевич О.А., Коряков Ю.Б., Сюрюн А.А.* Проекты Института языкознания РАН в области языкового многообразия России // Россия: единство и многообразие. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 16–17 ноября 2022 г. – М., 2023. – С. 305–314.

Коряков и др. 2022 – *Коряков Ю.Б., Давидюк Т.И., Харитонов В.С., Евстигнеева А.П., Сюрюн А.А.* Список языков России и статусы их витальности. Монография-препринт. – Институт языкознания РАН, 2022. 80 с. URL: <http://jazykirf.iling-ran.ru/>.

Austin, Sallabank 2011 – *Austin P.K., Sallabank J.* Introduction // Peter K. Austin, Julia Sallabank (eds.), *Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 1–24.

Brenzinger 2007 – *Brenzinger M.* (ed.). *Language Diversity Endangered*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.

Krauss 1997 – *Krauss M.* The indigenous languages of the North: a report on their present state // Hiroshi Shoji & Juha Janhunen (eds.), *Northern Minority Languages: Problems of Survival*. Osaka: National Museum of Ethnology, 1997. P. 1–34.

REFERENCES

Alpatov V.M. (2000), *150 jazykov i politika: 1917–2000* [150 languages and politics: 1917–2000]. M: Kraft+, IV RAN.

Kazakevich, O.A. and Kibrik, A.E. (2005), “Malye jazyki na postsovetском prostranstve” [Minor languages in the post-Soviet area], in Kibrik, A.E. (ed.) *Malye jazyki i tradicii: sushhestvovanie na grani. Vypusk 1. Lingvisticheskie problemy sohraneniya i dokumentacii malyh jazykov* [Minor languages and traditions: On the brink of existence]. Moscow, Novoe izdatel'stvo, pp. 13–39.

Kibrik, A.A., Kazakevich, O.A., Korjakov, Ju.B. and Sjurjun, A.A. (2023), “Proekty Instituta jazykoznanija RAN v oblasti jazykovogo mnogoobrazija Rossii” [Projects of the Institute of Linguistics RAS in the domain of Russia’s linguistic diversity], in *Rossija: edinstvo i mnogoobrazie. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russia: unity and diversity. Materials of the all-Russian scholarly and partical conference], Moscow, 16–17 nojabrja 2022, Moscow, pp. 305–314.

Korjakov, Ju.B., Davidjuk, T.I., Haritonov, V.S., Evstigneeva, A.P. and Sjurjun, A.A. (2022), *Spisok jazykov Rossii i statusy ih vital'nosti. Monografija-preprint*. [A list of the Russia’s languages and their vitality statues], Institut jazykoznanija RAN, Moscow.

Austin, P. K. and Sallabank, J. (2011), “Introduction”, in Austin P.K., Sallabank J. (eds.), *Cambridge Handbook of Endangered Languages*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 1–24.

Brenzinger, M. (ed.) (2007), *Language Diversity Endangered*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

Krauss, M. (1997), "The indigenous languages of the North: a report on their present state", in Shoji H. and Janhunen J. (eds.), *Northern Minority Languages: Problems of Survival*. Osaka, National Museum of Ethnology, pp. 1–34.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ольга Анатольевна Казакевич, кандидат филологических наук, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125 009, Россия, Москва, Б. Кисловский пер. 1; *kazakevich.olga@iling-ran.ru*.

Андрей А. Кибрик, доктор филологических наук, Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 125 009, Россия, Москва, Б. Кисловский пер. 1; *aakibrik@iling-ran.ru*.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Olga A. Kazakevich, Cand. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow 125009, B. Kislovsky per., 1; *kazakevich.olga@iling-ran.ru*.

Andrej A. Kibrik, Doct. of Sci. (Philology), Institute of Linguistics RAS and Lomonosov Moscow State University; Russia, Moscow 125009, B. Kislovsky per., 1; *aakibrik@iling-ran.ru*.

КОНЦЕПЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ³⁹⁵

Структура

- I. Введение*
- II. Понятия и термины*
- III. Языковая политика России*
- IV. Цели и задачи современной языковой политики Российской Федерации*
- V. Субъекты и объекты языковой политики Российской Федерации*
- VI. Механизмы обеспечения права народов Российской Федерации на сохранение родного (этнического) языка*
- VII. Положение русского языка в мире и механизмы обеспечения статуса государственного языка Российской Федерации*
- VIII. Механизмы обеспечения статуса государственных языков субъектов РФ*
- IX. Механизмы сохранения языкового многообразия, защиты и сохранения языков народов РФ*
- X. Графические системы. Кодификация языка*
- XI. Языковая политика и образование в Российской Федерации*
- XII. Языковая и научно-техническая политика Российской Федерации*
- XIII. Языковая и культурная политика Российской Федерации*
- XIV. Языковая политика и национальная политика в Российской Федерации*
- XV. Международно-правовые и внешнеполитические аспекты языковой политики*
- XVI. Инструменты реализации языковой политики Российской Федерации*
- XVII. Показатели эффективности реализации языковой политики Российской Федерации*

I. Введение

Язык – одна из важнейших характеристик человека. С помощью языка люди познают мир, общаются между собой, осуществляют разнообразную деятельность и координируют свои действия. Язык яв-

³⁹⁵ Авторы проекта Концепции: ИЯз РАН – к. ф. н., зав. лабораторией исследования и сохранения малых языков О.А. Казакевич (координатор коллектива); д. ф. н., зав. Отделом типологии и ареальной лингвистики, директор ИЯз РАН А.А. Кибрик; к. ф. н. А.Б. Шлуинский; д. ф. н., в. н. с. отдела урало-алтайских языков Т.Б. Агранат; академик РАН, руководитель научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям В.М. Алпатов; д. ф. н., в. н. с. научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям А.Н. Биткеева; чл.-корр. РАН, зав. отделом урало-алтайских языков А.В. Дыбо; к. ф. н., с. н. с. отдела типологии и ареальной лингвистики Ю.Б. Коряков; ИРЯ РАН – к. ф. н., зам. директора ИРЯ РАН Е.Я. Шмелева; ИЛИ РАН – чл.-корр. РАН, директор ИЛИ РАН Е.В. Головкин; ИЭА РАН – д. и. н., г. н. с. центра антропоэкологии С.В. Соколовский; д. и. н., директор ИЭА РАН Д.А. Функ; д. и. н., г. н. с. центра этнополитических исследований Е.И. Филиппова; к. и. н., н. с. отдела Севера и Сибири К.Г. Шаховцов.

ляется важнейшим средством идентификации – как индивидуальной, так и коллективной, в том числе этнической и национально-государственной. В силу важности языка в человеческом обществе возникает потребность в языковой политике, то есть системе принципов, определяющих функционирование, развитие и планирование языков. Тем более языковая политика необходима в обществах, в которых функционирует более одного языка. Согласно современным научным представлениям, языковую политику может проводить любой человеческий коллектив – от целого государства до отдельной семьи. В настоящей Концепции формулируются принципы государственной языковой политики Российской Федерации. Основным приоритет современной языковой политики РФ состоит в том, чтобы согласовать роль русского языка как объединяющего языка государства и сохранение языкового многообразия страны. Языковая политика направлена на защиту языковых прав граждан и поддержку и сохранение языкового многообразия как части культурного достояния человечества.

Языковая политика составляет неотъемлемую часть внутренней и внешней политики любого государства. Она должна проводиться последовательно, в единых концептуальных рамках и быть направлена на защиту языковых прав граждан и на поддержку и сохранение языкового многообразия. В настоящее время государственная языковая политика РФ основывается на принципах Конституции РФ 1993 г. (в редакции 2020 г.), общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Российской Федерации, поддерживается *Федеральным законом РФ «О языках народов Российской Федерации» № 1807–1 1991 г. (в редакции 2020 г.)*, *Федеральным законом РФ «О государственном языке Российской Федерации» № 53-ФЗ 01.06.2005 (в редакции 2014 г.)*, а также законами о языках субъектов Российской Федерации и федеральными и региональными подзаконными актами. При этом принципы, отраженные в соответствующих законах, далеко не всегда подкрепляются четкими механизмами реализации этих принципов и нередко остаются декларативными. Задача настоящего документа – выработать адекватные современному подходу основы государственной языковой политики Российской Федерации и сформулировать их в явной форме. Этот рамочный документ в дальнейшем должен стать базой для более конкретных законодательных актов, регулирующих определенные аспекты языковой политики.

Языковая политика РФ должна быть согласована со Стратегией государственной национальной политики. Языковая политика нацелена на укрепление национального согласия и единства народа Российской Федерации, обеспечение политической и социальной стабильности, развитие демократических институтов, на обеспечение равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии и вероисповедания, а также других обстоятельств, на сохранение и поддержку этнокультурного и языкового многообразия Российской Федерации, на

гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений, на обеспечение беспрепятственной коммуникации между живущими в стране людьми, создание единого информационного и культурного пространства, на успешную адаптацию иностранных граждан в Российской Федерации. При этом между языком, с одной стороны, и этнической группой, с другой, нет взаимно-однозначного соответствия. Есть этнические сообщества, которые рассматриваются как единые, но пользуются достаточно далекими вариантами языков и даже различными языками. Есть, напротив, этнические группы, которые на данный момент сохраняют этническую самоидентификацию, но утратили этнический язык и пользуются доминирующим языком, чаще всего русским. Особый случай полного отсутствия связи языка с этнической группой – русский жестовый язык (РЖЯ). Этот язык является родным для культурного сообщества глухих и слабослышащих людей, имеющих самое разное этническое происхождение. Поэтому языковая политика не может полностью стать частью национальной политики и должна формулироваться отдельно. В большинстве случаев, тем не менее, язык связан с определенным этносом или подгруппой внутри определенного этноса. Из этого исходит ряд положений данной Концепции.

II. Понятия и термины

А. Общественные группы

Этническая общность (этническая группа, национальность, народ) – группа людей, отличающих себя от других групп на основе общих признаков, таких как происхождение, история, культура, традиции, религия, язык, а часто и территория.

Народ – 1) = этническая общность;

2) совокупность граждан страны (= нация).

Народы России – народы (этнические общности, этнические группы), традиционно живущие на территории России и/или составляющие заметную долю населения хотя бы в одном населенном пункте.

Коренные малочисленные народы России – этнические общности, традиционно живущие на территории РФ, насчитывающие в РФ менее 50 тысяч человек и ведущие традиционную хозяйственную деятельность в местах своего компактного проживания. Список коренных малочисленных народов законодательно утвержден (*Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 24 марта 2000 года № 255, изменен согласно постановлениям от 13 октября 2008 г. № 760, от 18 мая 2010 г. № 352, 17 июня 2010 г. № 453, 2 сентября 2010 г. № 669, 26 декабря 2011 г. № 1145, 25 августа 2015 г. № 880*).

Национальность – 1) этническая группа;

2) нация.

Нация – совокупность граждан страны (= народ 2).

Национальный – 1) относящийся к национальности (этнической общности);

2) относящийся к нации.

Соотечественники за рубежом – граждане Российской Федерации, постоянно проживающие за пределами Российской Федерации, а также лица, проживающие за пределами Российской Федерации и соотносящие себя с народами России.

Диаспора – совокупность лиц определенной этнической группы, проживающих за пределами основного традиционного места расселения этнической группы и обладающих относительной сплоченностью и (иногда) наличием общих социальных институтов.

Языковая общность – группа людей, объединенных общим языком.

Языковое сообщество – группа людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с разного рода социальными институтами посредством одного или более чем одного языка.

Б. Язык, языки

Официальный язык – язык, за которым нормативно закреплена особая функция в той или иной стране, на определенной территории, в определенной организации.

Государственный язык – законодательно закрепленный язык, выполняющий интегрирующую функцию в рамках государства в политической, социальной и культурной сферах и выступающий в качестве символа государства.

Государственные языки субъектов Российской Федерации – законодательно закрепленные официальные языки субъектов РФ, используемые в государственной, социальной и культурной сферах и выступающие в качестве символов субъектов РФ.

Жестовый язык – язык, в котором смысл передается не посредством звука, а посредством визуально воспринимаемых жестов рук и других частей тела. Жестовые языки используются в первую очередь глухими и слабослышащими людьми.

Русский жестовый язык – жестовый язык, распространенный среди глухих и слабослышащих людей, проживающих на территории РФ и отчасти других стран бывшего СССР.

Иностраный язык (по отношению к тому или иному государству) – язык, традиционно бытующий и/или распространенный в этнических группах, компактно проживающих на территории другого государства или других государств.

Миноритарный язык – язык, носители которого находятся в меньшинстве на определенной территории (= язык национального меньшинства).

Бесписьменный язык – язык, носители которого не пользуются письменной формой речи.

Младописьменный язык – язык, впервые получивший письменность после 1917 г., в основном в начале 1930-х гг. Применительно к языкам, получившим письменность в 1970–1990-е гг. иногда используется термин **новописьменные языки**.

Материнский язык – язык, усвоенный в раннем детстве в семье в качестве первого.

Этнический язык (язык этнической идентичности) – язык, традиционно используемый или использовавшийся ранее определенной этнической общностью. Этнический язык может быть принадлежностью как этнической общности, так и входящего в нее индивида.

Основной язык – язык человека, используемый им как преимущественное средство общения (в течение всей жизни или в определенный период жизни).

Родной язык – 1) *материнский язык* человека, усвоенный с раннего детства;

2) то же, что *этнический язык* человека или этнической общности;

3) то же, что *основной язык* человека.

У человека может быть более одного родного языка в каждом из значений термина.

Язык межнационального общения – язык, систематически используемый для коммуникации между людьми, этническими языками которых являются другие языки.

Языки Российской Федерации – множество языков, традиционно бытующих и/или распространенных в этнических группах, компактно проживающих на территории России (= языки народов России, языки коренных народов России).

В. Другие понятия

Языковая политика – система принципов, определяющих функционирование, развитие и планирование языков.

Субъекты языковой политики – общественные институты, организации, лица, которые формулируют, иницируют и проводят языковую политику.

Объекты языковой политики – языковые общности, носители языков, языки, языковые явления, языковые процессы, с которыми взаимодействуют или на которые оказывают влияние субъекты языковой политики.

Коммуникативная ситуация – ситуация общения.

Функциональная (коммуникативная) сфера – набор однотипных коммуникативных ситуаций использования языка (например, семейно-бытовая, образовательная, законодательная, административная, производственная, религиозная, сфера средств массовой информации).

Регламентируемые сферы функционирования языка – официальные сферы общения, в которых использование языка / языков регламентируется государством и/или обществом (сферы образования, администрации, законодательства, средств массовой информации, религии, культуры, промышленного производства).

Нерегламентируемые сферы функционирования языка – неофициальные сферы общения, в которых использование языка / языков не

регламентируется ни государством, ни обществом (семейное, повседневное бытовое, межличностное общение).

Правовой (официальный) статус языка – закрепленное законом особое положение языка в социальной системе в пределах определенной территории.

Функциональный статус языка – положение языка в социальной системе, определяемое его демографической и функциональной мощностью.

Демографическая мощьность языка – количество носителей языка в определенном языковом сообществе (на определенной территории).

Функциональная мощьность языка – количество коммуникативных сфер, в которых используется язык, в отношении к общему количеству коммуникативных сфер в данном языковом сообществе (в данном государственном образовании, на данной территории).

Языковая ситуация – положение дел на определенной территории с точки зрения функционирования и взаимодействия языков, языковых форм, функциональных стилей.

Доминирующий язык – язык, используемый в качестве основного в определенных или во всех коммуникативных сферах в языковом сообществе (на определенной территории).

Межпоколенческая передача языка – усвоение детьми языка старшего поколения (в частности, этнического языка) в раннем возрасте.

Многоязычие (человека / социальной группы) – владение более чем одним языком. Частный случай: двуязычие.

Языковое многообразие – функционирование на определенной территории большого числа языков.

Языковой ландшафт – представленность языков, функционирующих в языковом сообществе, в общественном пространстве (на дорожных знаках, указателях, табличках с названиями населенных пунктов, географических объектов, в вывесках, надписях на общественных зданиях, в уличной рекламе).

Носитель языка – человек, владеющий данным языком, то есть обладающий способностью говорить на данном языке и/или понимать смысл сказанного на нем.

Витальность языка – жизнеспособность языка, определяемая по различным параметрам, включая сохранность межпоколенческой передачи, количество носителей, долю носителей в этнической общности, сферы использования языка. Витальность оценивается обычно по шкале с диапазоном значений от «благополучный» до «мертвый».

Сохранение языка – поддержка функционирования языка, поддержка его витальности на определенном уровне.

Возрождение (ревитализация) языка – повышение уровня витальности языка.

Языковое планирование (= планирование языков) – сознательное воздействие на развитие языка с целью повлиять на его функционирование, структуру или усвоение. Это воздействие может производиться как

отдельными людьми, так – государственными учреждениями или общественными организациями.

Кодификация (нормирование, стандартизация) языка – упорядочение норм языка (включая фонетику, орфографию, грамматику, лексику) и их фиксация в нормативных словарях, нормативных грамматиках, справочниках.

Языковые права – официально закрепленные индивидуальные и коллективные права человека и гражданина выбирать язык или языки для общения в частной или общественной обстановке.

Языковой активизм – деятельность граждан и организаций, направленная на сохранение и/или ревитализацию языков.

III. Языковая политика России: история двух последних веков

В любом государстве проводится та или иная языковая политика, однако нередко это происходит стихийно, без формулирования ее принципов. В XIX веке языковая политика в России не была последовательной и значительно варьировала в разные периоды в отношении разных миноритарных языков. В основном она была направлена на распространение русского языка. После революции 1905 года в отношении миноритарных языков произошла значительная либерализация: в сферу образования вернулись языки, ранее из нее изгнанные (польский, украинский), появилось большое количество периодических изданий на языках Центральной России (татарском, удмуртском, чувашском, коми-зырянском). Кардинальные изменения произошли после Октябрьской революции 1917 г., когда власти начали проводить не имевшую мировых аналогов политику всестороннего развития миноритарных языков. Для нескольких десятков языков были созданы алфавиты – первоначально на латинской, позже на кириллической основе, – создавались и совершенствовались их литературные нормы, шла ликвидация неграмотности населения, причем во многих случаях читать и писать граждан учили на их этнических языках. Одновременно происходило распространение русского языка среди всех народов страны, хотя первоначально эта задача считалась менее приоритетной. Со второй половины 1930-х гг. политика стала меняться: основное внимание было перенаправлено на повсеместное распространение русского литературного языка, усилилось его преподавание в школе. В последующий период, особенно начиная со второй половины 1950-х гг., была поставлена задача сделать русский язык «вторым родным языком» для всего нерусского населения страны. Развитию миноритарных языков стало уделяться меньше внимания, что вызвало недовольство носителей этих языков. В годы «перестройки» на территории РСФСР делались попытки расширить функции миноритарных языков. Однако в целом это начинание в РСФСР (в отличие от других союзных республик, будущих независимых государств) оказалось не слишком успешным, хотя преподавание некоторых языков России в школе и высших учебных заведениях расширилось. С начала 1990-х гг. внимание к проведению целенаправленной языковой поли-

тики ослабело, она стала развиваться во многом стихийно. При этом, если сохранение единого государства способствовало преобладанию русского языка и распространению его в обществе, то для миноритарных языков ситуация оказалась неблагоприятной: ускорилось их вытеснение русским языком или другими более крупными языками. В последние годы языковая политика в РФ приобрела большую значимость, стали приниматься меры по сохранению и развитию миноритарных языков.

Положение языков РФ (см. <https://iling-ran.ru/web/ru/jazykirkf>) далеко не одинаково как с точки зрения их официального статуса, так и с точки зрения разнообразия сфер и объема их функционирования. Самым функционально мощным и благополучным языком в РФ является русский язык, что вполне естественно, учитывая демографическую базу языка и его официальный статус государственного языка РФ. Доля носителей русского языка в РФ в последние три десятилетия постоянно растет. Среди прочих языков официальным статусом обладают государственные языки республик и языки коренных малочисленных народов. Остальные языки на федеральном уровне официального статуса не имеют, но некоторые из них получают статус охраняемых миноритарных языков на региональном уровне.

Функциональная мощность языков РФ существенно различается. Есть лишь небольшое число языков, стабильно функционирующих в нерегламентируемых функциональных сферах и в большинстве регламентируемых сфер, таких как законодательная, административная, судебно-правовая, сферы промышленного производства, транспорта, науки, образования, СМИ; к этой категории относятся прежде всего русский, татарский, якутский, тувинский языки. Противоположна ситуация с языками, на которых говорит лишь небольшая группа людей старшего поколения и которые функционируют только спорадически, преимущественно как языки фольклора и традиционной культуры или «тайные языки» (используемые для тайной передачи информации в присутствии людей, этих языков не знающих). Большинство языков РФ уже почти не используются даже в семейно-бытовой сфере, особенно среди городских жителей, и тем более не функционируют в регламентируемых сферах. Среди таких языков есть и языки, имеющие статус государственных языков республик. Под угрозой исчезновения находятся все языки коренных малочисленных народов, а многие из них находятся на грани исчезновения. Сравнение данных переписей населения 1989 и 2010 гг. показывает общую для носителей большинства языков РФ тенденцию: доля носителей языка среди представителей соответствующих народов, также как и абсолютное число носителей языков, неуклонно сокращается.

IV. Цели и задачи языковой политики Российской Федерации

Концепция языковой политики Российской Федерации представляет собой систему современных взглядов, принципов и приоритетов в деятельности федеральных органов государственной власти и органов

государственной власти субъектов РФ в сфере использования русского языка и других языков на территории РФ. Концепция направлена на обеспечение единства и целостности РФ при сохранении языкового и культурного многообразия страны, согласование общегосударственных интересов и интересов всех живущих в стране людей, содействие всестороннему сотрудничеству органов публичной власти и гражданского общества. Концепция разработана в стремлении создать основу для выработки конкретных мер сбалансированной языковой политики и исходит из положений Конституции РФ: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (ст. 68, ч. 1); «Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития» (ст. 68, ч. 3); «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» (ст. 69, ч. 2); «Каждый имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (ст. 26, ч. 2). Концепция учитывает основные документы стратегического планирования, прежде всего «Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г.», и способствует их реализации.

Целями государственной языковой политики являются регулирование и планирование процессов, связанных с использованием русского языка и других языков, создание условий для всемерного удовлетворения языковых прав человека и гражданина, сохранение языкового многообразия РФ как основы единства и стабильности государства и гражданского общества, поддержка и развитие многоязычия граждан и понимания его ценности в сочетании с владением государственным языком РФ, укрепление позиций государственного языка РФ, государственных языков республик РФ и других языков РФ, укрепление позиций русского языка и других языков РФ за рубежом, полное преодоление дискриминации по языковому признаку.

Поставленные цели определяют следующие задачи государственной языковой политики:

- создание правовых, социальных, образовательных, экономических и общественно-политических условий для сохранения, развития и повышения престижа всех языков РФ, включая языки коренных малочисленных народов РФ, другие миноритарные языки, а также русский жестовый язык (глухих);
- улучшение правовых и социальных условий для всемерного удовлетворения языковых прав человека и гражданина на территории РФ;
- развитие правового обеспечения, социальных и экономических условий для укрепления позиций государственного языка РФ;
- содействие субъектам РФ по укреплению позиций их государственных языков;

- разработка и реализация мер, направленных на предотвращение исчезновения языков РФ и /или уменьшение их демографической и функциональной мощности;
- содействие развитию многоязычия как позитивного социального и когнитивного явления;
- создание и развитие правовых и социальных условий недопущения дискриминации лиц, групп и категорий лиц по языковому признаку;
- развитие правовых, нормативных и организационных условий обучения государственному языку РФ граждан иностранных государств, прибывающих на ее территорию в целях осуществления экономической деятельности;
- разработка и реализация мер по укреплению позиций русского языка и других языков РФ за рубежом;
- содействие распространению знаний о языковом многообразии РФ в стране и за рубежом;
- содействие научным исследованиям в сфере языкознания, изучения языков РФ и иных языков, языковой политики.

Концепция призвана стать ориентиром для органов государственной власти и гражданского общества в целях сохранения и развития языкового многообразия и многоязычия как важнейшего национального достояния РФ, гармонизации использования языков РФ в регламентируемых сферах, содействия высокому уровню усвоения государственного языка всеми гражданами РФ не вместо их родных (этнических) языков, а наряду с ними, поддержки языков РФ, находящихся под угрозой исчезновения.

V. Субъекты и объекты языковой политики Российской Федерации

По уровню охвата субъекты языковой политики Российской Федерации можно разделить на федеральные, региональные и местные. Сферы действия субъектов языковой политики включают собственно государственную политику, образование, СМИ, науку, языковой активизм.

В политической сфере основными субъектами языковой политики являются федеральные и региональные (законодательные) органы, региональные и местные администрации, а также Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН).

В сфере образования основными субъектами являются: на федеральном уровне – Министерство просвещения и Министерство науки и высшего образования РФ, на уровне отдельных субъектов федерации – соответствующие министерства и ведомства, а также люди, связанные с языками в своей профессиональной деятельности (например, преподаватели всех уровней, переводчики, авторы учебников, ученые).

СМИ могут выступать в функции субъектов языковой политики двумя способами: во-первых, они могут выпускать материалы, связанные с языковой политикой; во-вторых, они могут использовать разные языки, тем самым способствуя языковой активности, формируя языковую норму каждого из используемых языков и расширяя их функциональные

сферы, продвигая медийный интерес к языкам и повышая их привлекательность.

В сфере науки субъектами могут выступать научные учреждения как федерального, так и регионального уровня. Субъектами могут быть как собственно научные институты, так и высшие учебные заведения, осуществляющие научную деятельность в языковой сфере.

В сфере языкового активизма субъектами обычно являются отдельные лица (языковые активисты) или общественные организации, как правило, местного, реже регионального, но иногда и федерального уровня. Субъектами языковой политики являются также все лица, владеющие теми или иными языками, и представители соответствующих этнических групп.

Объектами языковой политики являются язык или языки (например, языки того или иного региона, языки всей страны); языковые ситуации (тип контактирования и взаимодействия языков) или коммуникативные ситуации (допустимость или недопустимость использования тех или иных языковых пластов – диалектизмов, профессиональных терминов, жаргонизмов, табуированной лексики и пр. – в речевом общении; формирование речевого поведения и, посредством этого поведения, языковой личности).

Объектом языковой политики выступает также статус языка (как правовой, так и функциональный). При этом изменение статуса одного языка, как правило, влечет за собой одновременное изменение статуса и прочих языков на той же территории. Поэтому языковая политика всегда является комплексной: она предполагает воздействие как на конкретные языки, так и на группы языков, как на языковую ситуацию в целом, так и на коммуникативное поведение членов языкового сообщества.

VI. Механизмы обеспечения права народов Российской Федерации на сохранение родного (этнического) языка

Право этнической или языковой общности на сохранение родного (этнического) языка – это право на передачу родного (этнического) языка новым поколениям. Оно включает, в частности:

- право на свободу от дискриминации на языковой основе;
- право на признание родного (этнического) языка в законодательствах федерального и регионального уровней;
- право на использование родного (этнического) языка во всех нерегламентированных сферах;
- право на получение образования (по крайней мере, начального) на родном (этническом) языке;
- право осуществлять культурную, литературную, научную и общественно-политическую деятельность на родном (этническом) языке;
- право иметь доступ к средствам массовой информации на родном (этническом) языке.

Носителем данных прав является совокупность жителей РФ, говорящих на определенном языке и желающих передать его следующим поко-

лениям. Задача обеспечения этих прав возлагается на федеральные органы, органы власти субъектов федерации, муниципальные органы.

Для обеспечения этих прав необходимо принятие центральными и региональными законодательными органами соответствующих законов, а также подзаконных актов, обеспечивающих выделение финансирования на реализацию принятых законов.

Необходимо также вести работу по разъяснению жителям РФ их языковых прав и возможных путей реализации этих прав.

VII. Положение русского языка в мире и механизмы обеспечения статуса государственного языка Российской Федерации

Русский язык входит в десятку самых распространенных языков мира. По данным авторитетного справочника *Ethnologue: Languages of the World*, общее количество лиц, владеющих русским языком и использующих его в качестве родного языка или в качестве средства межнационального общения, составляет 258 млн. По этому параметру в рейтинге языков мира он находится на восьмом месте (<http://www.ethnologue.com/guides/ethnologue200>). В мировом пространстве русский язык является языком межгосударственного и международного общения, входит в Клуб мировых языков. В соответствии с Уставом Организации объединенных наций русский язык является одним из шести официальных и рабочих языков ООН и ее дочерних организаций (ЮНЕСКО, МАГАТЭ, ВОЗ и др.). Русский язык является также официальным или рабочим языком многих крупных международных организаций, таких как ШОС, ОБСЕ, СНГ, ЕврАзЭС, СДА, ОДКБ, ИСО, ЕЭП, МФОКК и КП, ГУАМ и др.

Русский язык находится на четвертом месте среди языков, с которых чаще всего переводят книги на другие языки, и на седьмом месте среди языков, на которые переводится большинство книг (Электронная база данных реестра переводов «Index Translationum»). По данным компании «Яндекс», русский язык является вторым по популярности языком в интернете. Среди 1 млн самых популярных сайтов, на которые ежедневно заходят 99,9% всех пользователей, половина представлена на английском языке, а на втором месте находятся сайты на русском языке, при этом доля сайтов на русском языке с каждым годом растет.

Русский язык является государственным языком Российской Федерации (*Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» № 53-ФЗ от 2005 г.*: «1. В соответствии с Конституцией Российской Федерации государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык»). По данным переписи 2010 г., в России русским языком владеют 138 млн чел. (99,4 %), среди горожан русским языком владеют 101 млн чел. (99,8 %), а в сельской местности – 37 млн чел. (98,7 %).

Русский язык имеет законодательно закрепленный официальный статус в целом ряде стран, ранее входивших в состав СССР. Так, русский язык, наряду с белорусским, является государственным языком

Белоруссии (*Референдум 1995 г.*), официальным языком Казахстана (*Конституция 1995 г.*), Киргизии (*Конституция* в ред. 2007 г.) и Молдавии. В Киргизии и Молдавии русский является языком межнационального общения, так же как в Азербайджане, Таджикистане (*Конституция 1994 г.*) и Туркменистане (*Закон о языке 1990 г.*, *Конституция 1992 г.*). В Армении, Грузии, Литве (*Закон о ратификации Европейской Хартии 2003 г.*), Узбекистане, Украине и Эстонии русский язык признается языком национального меньшинства, а в Латвии – иностранным языком (см. http://gramota.ru/book/rulang/page3_2.html). Русский язык выполняет функцию официального языка Содружества независимых государств в соответствии с *Модельным законом «О языках» от 4 декабря 2004 года № 24–6*, принятым Межпарламентской ассамблеей государств-участников СНГ на двадцать четвертом пленарном заседании (Информационный бюллетень № 35 (часть 1) МПА СНГ. СПб., 2004).

Таким образом, русский язык является одним из наиболее распространенных языков в мире, языком международного общения, государственным языком Российской Федерации, языком межнационального общения и важным инструментом взаимодействия на пространстве бывшего СССР, средством этнокультурной и языковой самоидентификации соотечественников, проживающих за рубежом (см. *Концепцию государственной поддержки и продвижения русского языка за рубежом 2015 г.*: <http://www.kremlin.ru/acts/news/50644>).

Хотя русский язык преподается более чем в 100 государствах мира, число изучающих русский язык после распада Советского Союза уменьшилось в два раза (по данным ФГАНУ «Социоцентр», в начале 1990-х гг. число изучавших русский составляло 74,6 млн человек, к 2004 г. сократилось до 51,2 млн, а к 2018 г. – до 38,2 млн человек). В последние годы в ряде стран, например, в КНР, наблюдается рост интереса к русскому языку. Однако несомненна задача по увеличению числа носителей русского языка в мире.

Для обеспечения статуса русского языка как государственного языка РФ необходимы следующие механизмы:

- совершенствование преподавания русского языка как государственного языка РФ в дошкольных и школьных учебных учреждениях и в вузах; повышение общего уровня владения русским языком в РФ, обеспечение полноценного усвоения русского языка всеми гражданами РФ;
- стремление к соблюдению должностными лицами государственных, региональных и муниципальных органов и организаций, государственными и муниципальными служащими, всеми гражданами норм и правил современного русского литературного языка в регламентированных сферах, в которых использование государственного языка РФ является обязательным;
- проведение экспертизы грамматик, словарей и справочников, содержащих нормы современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка РФ, а также эксперти-

зы правил русской орфографии и пунктуации, для чего по поручению Президента РФ при Правительстве РФ образуется межведомственная комиссия по русскому языку при Правительстве РФ (*Постановление Правительства РФ от 8 августа 2020 г. № 1197 «О Правительственной комиссии по русскому языку»*);

- разработка и реализация программы «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом» и других программ, направленных на поддержку, сохранение и развитие русского языка в России и в мире.

Кроме того, в рамках обеспечения статуса государственного языка РФ необходимо расширить сеть курсов русского языка для мигрантов. Такие курсы должны финансироваться из федерального бюджета, поскольку государство заинтересовано в расширении использования русского языка в России и мире.

VIII. Механизмы обеспечения статуса государственных языков субъектов РФ

Определение государственного языка/государственных языков регионов РФ (субъектов федерации) должно являться прерогативой самих субъектов. Одним из государственных языков всех субъектов РФ является русский язык: как государственный язык РФ, он имеет статус государственного на всей территории страны, в том числе и на территории всех республик. В этих случаях его статус имеет двойное обеспечение: и как государственного языка РФ, и как государственного языка субъекта РФ. Что касается государственных языков субъектов РФ помимо русского, то для обеспечения их реального, а не декларативного статуса государственным органам субъектов рекомендуется использовать следующие механизмы:

- обеспечение переводов на государственные языки субъектов РФ федеральных государственных документов и доступности этих переводов для населения республик;
- обеспечение доступности для населения субъекта РФ государственных документов субъекта РФ на всех государственных языках субъекта;
- наличие в государственных учреждениях субъекта РФ текстов всех вывесок, надписей и указателей на всех государственных языках субъекта РФ;
- дублирование уличных и дорожных вывесок, надписей и указателей на всех государственных языках субъекта РФ;
- маркирование продукции, выпускаемой в субъекте РФ, на государственных языках субъекта РФ;
- наличие государственных средств массовой информации уровня субъекта РФ на всех государственных языках субъекта;
- поощрение владения по меньшей мере двумя государственными языками субъекта РФ лицами, занимающими государственные должности в субъекте РФ, имеющем более одного государственного языка;

— обязательное преподавание по меньшей мере двух государственных языков в дошкольных, начальных и средних школьных учебных заведениях и на гуманитарных специальностях высших учебных заведений на территории субъекта РФ, имеющего более одного государственного языка.

Законодательным органам субъектов РФ рекомендуется обеспечить законодательную базу для этих мер. На специалистов-лингвистов в субъектах РФ, имеющих более одного государственного языка, должна быть возложена задача поддержки языковой нормы и создания, развития и поддержки употребления необходимой терминологии на государственных языках субъектов РФ, помимо русского.

IX. Механизмы сохранения языкового многообразия, защиты и сохранения языков России

Сохранение языкового многообразия РФ является важнейшей целью языковой политики РФ. Механизмом сохранения языкового многообразия является распространение знаний о языковом многообразии и его ценности. Обязательным должно стать знакомство всех граждан РФ с важной составляющей достояния страны – многообразием культур и многоязычием. Это знакомство следует начинать с уровня дошкольных образовательных учреждений и углублять в течение всех лет обучения в школе в рамках курсов по окружающей среде, истории, литературе, мировой культуре, географии.

Кроме того, необходимо распространение на всех уровнях образования от детского сада до вуза знаний о языке и языках, о том, как важен язык для нашего видения и понимания мира, о языке как источнике и посреднике в получении наших знаний о мире, о том, что усвоение каждого нового языка – это получение нового взгляда на мир и новых жизненных перспектив. Разъяснение преимуществ многоязычия в сравнении с одноязычием чрезвычайно важно, так как позволит родителям учеников не бояться «лишней» нагрузки, ложащейся на детей в виде уроков родного (этнического) языка или государственного языка субъекта РФ.

Необходимо воспитывать у детей и взрослых позитивное отношение к многоязычию как к неотъемлемой части нематериального наследия народов РФ. В этом должны участвовать образовательные учреждения, СМИ, учреждения культуры, региональные, районные и муниципальные администрации, неправительственные организации, языковые активисты.

Необходимо совершенствовать методики преподавания языков в дошкольных образовательных учреждениях и в школе. Это касается как преподавания языков России, так и преподавания иностранных языков.

Задача языковой политики, направленная на достижение высокого уровня усвоения русского языка всем населением России, должна сочетаться с уважительным отношением к миноритарным языкам, в том числе со стороны этнических русских и представителей других крупных народов. Необходима общегосударственная работа, направленная на

разъяснение преимуществ усвоения миноритарных языков представителями более крупных этнических групп.

Сфера функционирования того или иного языка обычно связывается с определенной территорией, на которую распространяются меры по поддержке этого языка. Предполагается также, что миноритарные языки сохраняются главным образом в сельской местности. Однако языки могут быть распространены дисперсно на больших территориях. Кроме того, в настоящее время доминирующая в РФ и в мире демографическая модель связана с городами, в том числе большими городами. Многие языки в большей степени представлены именно в городах, а не в сельских населенных пунктах, и меры поддержки языков должны распространяться и на городскую среду, в том числе за пределами исконной территории распространения языков.

В последние десятилетия существенно увеличился приток трудовых мигрантов на территорию РФ. В связи с этим возникают две связанные с языковой политикой задачи: во-первых, трудовым мигрантам следует предоставлять возможность освоения и/или совершенствования их знания русского языка, во-вторых, следует способствовать реализации их права на использование собственных этнических языков на территории РФ.

Поддержки требует также русский жестовый язык (глухих), сокращенно РЖЯ. В России РЖЯ признан, согласно *Федеральному закону «О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» от 30.12.2012 № 296-ФЗ*, одним из равноправных языков РФ. Данные о числе его носителей, начиная с переписи населения 2010 г., учитываются при сборе сведений о языках РФ. Широкое и безусловное признание РЖЯ одним из языков РФ и его поддержка в этом качестве является важным направлением языковой политики.

Для защиты и сохранения языков России, в том числе и языков коренных малочисленных народов, рекомендуется использовать следующие механизмы, доказавшие свою эффективность:

- создание условий для поддержки естественной передачи языка от старшего поколения младшему там, где эта передача сохраняется, путем формирования в обществе позитивного образа семей, в которых родители или хотя бы бабушки и дедушки говорят с детьми на миноритарных языках;
- в случае прекращения внутрисемейной передачи языка от старших младшим – создание финансируемых за счет федеральных средств культурно-языковых центров и разработка современных методик, по которым дети получали бы возможность в дошкольном возрасте усваивать язык своего сообщества на регулярной основе;
- создание условий для реализации права на получение детьми из всех этнических общностей РФ дошкольного и начального школьного образования на родном (этническом) языке;
- создание условий для изучения родного (этнического) языка в местах традиционного и/или компактного проживания представителей каждой этнической общности (в том числе в городах) в учреждениях дошкольного образования и начальной школы;

- в случае желания представителей языковой общности бесписьменного языка России получить систему письма, финансирование разработки письменности и правил орфографии с привлечением специалистов по этому языку и языковых активистов – носителей языка;
- финансирование разработки учебной литературы по языкам России и на языках РФ с учетом языковой ситуации в локальных этнических группах;
- поддержка научных исследований, включающих сбор языкового материала и разработку научных описаний языков России специалистами-лингвистами;
- поощрение организации курсов для детей и взрослых по обучению языкам России и оказание им финансовой поддержки на федеральном и региональном уровне;
- способствование развитию государственных и частных СМИ на языках России, а также появлению страниц в газетах и журналах, радио- и телепередач и интернет-сайтов на языках РФ;
- создание мотивации к изучению языков России у детей и их родителей, демонстрация того, что все языки могут быть ассоциированы не только с традиционным хозяйством и культурой, но и с новыми технологиями: разработка учебных онлайн-курсов, обучающих игр, онлайн-словарей и грамматических пособий; создание общих учебных платформ и цифровых учебных блоков, которые можно было бы наполнять материалами разных языков; разработка интернет-переводчиков, сопряженных с социальными сетями, и других интернет-ресурсов на языках России;
- обеспечение жителей самых отдаленных населенных пунктов высококачественным доступом в интернет, чтобы они могли изучать свои языки онлайн при отсутствии такой возможности внутри населенных пунктов;
- развитие языкового ландшафта на многоязычных территориях РФ от республик до районов и отдельных населенных пунктов: финансирование на уровне региональных администраций использования дву- и многоязычных табличек с названиями населенных пунктов, географических объектов, улиц, государственных учреждений и т. д.;
- развитие использования языков России в сфере культуры: поддержка театральных, эстрадных и фольклорных коллективов, производство кинопродукции и анимационных фильмов на языках России;
- поощрение авторов, пишущих на миноритарных языках РФ;
- поддержка книгоиздания на языках России;
- подготовка квалифицированных учителей языков России, владеющих современными интерактивно-коммуникативными методиками преподавания иностранных языков и мотивированных на достижение в классе реальных результатов;
- подготовка квалифицированных лингвистов из числа носителей языков РФ, готовых исследовать свои собственные языки и преподавать их в вузе;
- поддержка и развитие языкового активизма.

Языки России, особенно те, что находятся под угрозой исчезновения, должны в приоритетном порядке научно документироваться в целях сохранения языковых данных для будущих поколений жителей России и в интересах науки.

Важным инструментом сохранения языкового многообразия РФ призвана стать Программа Института языкознания РАН по сохранению и возрождению языков России, подготовленная по поручению Президента РФ.

Х. Графические системы. Кодификация языка

При формировании и реализации языковой политики необходимо проводить различие между языком и системой письма, используемой для записи текстов и лексики на этом языке. Первичная форма существования подавляющего большинства языков – устная речь; графическая система, используемая для записи текстов и лексики, является внешней по отношению к языку. Усваивая естественным образом язык, ребенок учится в первую очередь говорить и понимать устную речь, а уже много позже, возможно, читать и писать. Кроме того, наличие превосходной системы письма не гарантирует сохранения языка. И наоборот, подавляющее большинство человеческих языков веками передавались из поколения в поколение в устной форме. По этим причинам сохранение и развитие языков должно быть направлено в первую очередь на усвоение устной формы языка.

В то же время письменность играет важную вспомогательную роль. Удачно разработанная система письма дает языку дополнительный шанс на сохранение. Вновь создаваемая письменность должна быть научно обоснованной и разрабатываться лингвистами – специалистами по соответствующему языку, а далее проходить тщательную апробацию в языковом сообществе. При этом выбор графической базы не играет существенной роли: в частности, ни кириллица, ни латиница не обладают какими-либо «врожденными» достоинствами, которые требуют их неперемного использования в тех или иных случаях. Во главу угла должны быть поставлены практические соображения, такие как преемственность графических систем и поддержание грамотности населения в рамках той системы, к которой оно привыкло.

При общественном обсуждении языковых проблем на первый план нередко выдвигаются вопросы кодификации. Это касается как русского языка, так и миноритарных языков. Однако языки, подобно живым организмам, развиваются по своим законам, они изменяются во времени, и попытки их законсервировать путем чрезмерного нормирования вряд ли можно признать продуктивными. Нормирование необходимо для языков, имеющих литературную (стандартную) форму, но имеет лишь ограниченную значимость и касается прежде всего официальных сфер использования языков. У многих языков общая норма не сформирована, эти языки существуют как множество локальных вариантов, иногда довольно далеких друг от друга. В таких случаях попытки насильственного нормирования могут быть вредны, поскольку они обычно включают

навязывание одного из локальных вариантов в местах распространения других вариантов языка. Это нередко приводит к неприятию искусственно выбранной нормы, к отторжению ее преподавания в школе и в результате вызывает не поддержку отличного от нормы варианта языка, а напротив, ускоряет его исчезновение.

Развитие литературной формы (стандарта) языка не должно становиться препятствием к сохранению и использованию локальных вариантов (диалектов). Локальные диалекты всех языков обладают такой же самостоятельной ценностью, как и языки в целом. Это касается в том числе и диалектов русского языка.

Языки изменяются не только по внутренним причинам, но и под воздействием других, контактирующих с ними языков. Практически все языки содержат лексические и/или грамматические заимствования из других языков, и это не мешает им успешно функционировать. Попытки искусственно ограничить или запретить заимствования могут привести к демотивации носителей языка использовать свой язык в той или иной функциональной сфере.

Сбалансированная языковая политика должна быть направлена на компромиссное отношение к кодификации языка и языковой норме: кодификация литературной нормы безусловно имеет некоторую значимость, но не должна абсолютизироваться и тем более становиться инструментом вытеснения локальных вариантов языка.

XI. Языковая политика и образование в Российской Федерации

Сфера образования – важнейшая по силе воздействия на функционирование языков в сферах, где их использование регламентировано. Система образования должна еще на дошкольной ступени, а потом уже в начальной школе знакомить учеников с богатством страны – многоязычием – и объяснять преимущество владения двумя и более языками по сравнению со знанием только одного языка. Ученики должны получать сведения о народах, живущих в стране, и о языках, на которых эти народы говорят. Интерес к соседу, к его языку и культуре – испытанная «прививка» от ксенофобии и прочный фундамент толерантности. И то, и другое – гарантия единства общества и нации.

В то же время школа должна обеспечить преподавание языков народов, компактно живущих на соответствующей территории. Высокий уровень обучения русскому языку должен сочетаться с высоким уровнем преподавания языка или языков, представленных на данной территории. Если языковая ситуация на конкретной территории такова, что дети приходят в школу, владея своим этническим языком, необходимо вести преподавание по крайней мере части предметов в начальной школе на этом языке. Если дети на данной территории уже не владеют своим этническим языком, следует организовывать «языковые гнезда» – группы с постоянным общением только на миноритарном языке – еще на младшей ступени детского сада, это даст возможность восстановить язык у дошкольников и поддержать многоязычие на данной территории.

В случае, если в конкретной этнической общности среди детей есть и те, кто владеет своим этническим языком, и те, кто им не владеет, необходим дифференцированный подход: следует заниматься с владеющими и не владеющими языком детьми, используя разные методики. Учебники и учебные пособия также должны различаться по адресату и строиться на основании разных принципов для владеющих и для не владеющих языком.

Дву- и многоязычие в образовании необходимо продолжать поддерживать и развивать как в средней школе, так затем и в рамках средне-специального и высшего образования. Это будет способствовать расширению кругозора и повышению интеллектуального уровня учащихся.

В вузах необходимо обучать студентов иностранным языкам, в первую очередь английскому языку как ведущему международному языку политики, науки и бизнеса. Важно, что двуязычные школьники и студенты, владеющие родным (этническим) языком помимо русского, быстрее и с большей легкостью выучивают третий, иностранный, язык, чем их одноязычные сверстники. Студентов в вузах следует обучать и русскому языку как языку науки с установкой на поддержание языковой идентичности современного человека в глобальном мире.

ХII. Языковая и научно-техническая политика Российской Федерации

Научно-техническая и языковая политика РФ имеют область пересечения, затрагивающую язык / языки, используемые в сфере науки. Общие принципы, которые должны быть при этом использованы, следующие:

- польза многоязычия (для обычных граждан и тем более для представителей научного сообщества);
- открытость международным научным контактам.

Следует подчеркнуть, что языковая идентичность человека является одной из важнейших составляющих его общей идентичности, и усвоение дополнительного языка на общую идентичность также влияет. Неверно относиться к дополнительному языку чисто инструментально, как к механическому альтернативному способу оформления мыслей. Это касается и взаимоотношений миноритарных языков России с русским, и взаимоотношений русского языка с международным языком науки – английским. Необходимо сочетать углубленное усвоение дополнительных языков с сохранением и развитием изначальной языковой идентичности. Такое сохранение вполне возможно и обеспечивает гармоничное личностное развитие.

Общепризнанно, что в современном мире международным языком науки является английский язык. В ряде дисциплин активно функционируют и другие мировые языки, в частности, немецкий и французский. В то же время в России существует длительная и успешная традиция использования в качестве языка науки русского языка, некоторые другие языки России также используются в отдельных областях науки. Требуется сбалансированный подход к ситуации: одинаково неприемлемы ни

установка на тотальный переход к английскому языку как языку науки, ни установка на отрицание международного языка науки. Как и в других функциональных сферах, в науке полезно развитие дву- и многоязычия, ученые должны уметь устно и письменно излагать свои идеи и на международном языке науки, и на государственном языке России, и при этом стараться развивать научную сферу государственных языков республик. Для этого необходимы следующие меры:

- сохранение русского научного языка, созданного многими поколениями наших предшественников и отвечающего текущим потребностям и уровню развития науки;
- обучение ученых грамотному и компетентному использованию научного английского языка;
- установка на публикацию основных научных результатов как на русском, так и на английском языках;
- развитие научного функционального стиля у миноритарных языков России в той степени, в которой соответствующая языковая общность к этому готова и стремится;
- создание системы реферативных публикаций исследований российских ученых на английском языке;
- привлечение иностранных студентов в российские вузы с целью расширения знания русского языка в мире и знания иностранных языков в РФ.

ХIII. Языковая и культурная политика Российской Федерации

Культура Российской Федерации является уникальным наследием ее народов. Культура народов Российской Федерации поддерживается и охраняется государством согласно *Ст. 69 Конституции РФ*: «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия».

Государственная языковая политика в сфере культуры основывается на принципах Конституции Российской Федерации и общепризнанных нормах международного права и находит свое выражение в системе федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, специальных законах о языках, указах, национальных проектах, федеральных и других государственных программах. Основной задачей указанных законодательных норм в сфере культуры РФ является реализация положений *Ст. 44 Конституции РФ*: «Каждый имеет право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям. Каждый обязан заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры».

Для успешной реализации целей и задач языковой политики Российской Федерации в сфере культуры необходимо:

- поощрять все виды творчества на языках России, содействовать публикации (бумажной и электронной) фольклора и литературных произведений на языках России и развитию различных средств доступа к публикациям;

- содействовать развитию доступа носителей языков России к произведениям на других языках посредством более широкого использования перевода, дублирования, синхронного перевода и субтитров;
- принимать меры по обеспечению проведения различного рода культурных мероприятий на языках России, учитывая при этом фактическое знание используемых языков аудиторией;
- принимать меры по обеспечению ведомств, ответственных за организацию или поддержку культурных мероприятий, персоналом, который свободно владеет местными миноритарными языками; предусмотреть в бюджете организаций культуры дополнительные выплаты сотрудникам за владение местными миноритарными языками;
- поощрять прямое участие представителей населения, пользующегося миноритарными языками РФ, в обеспечении и планировании культурных мероприятий;
- выделять гранты, включающие авторские гонорары, для публикации (бумажной и электронной в режиме свободного доступа) произведений на языках России с малым числом носителей;
- оказывать содействие, в том числе финансовое, деятельности по переводам с одних языков России на другие.

XIV. Языковая политика и национальная политика в Российской Федерации

Языковая политика РФ должна быть согласована со Стратегией государственной национальной политики. Языковая политика РФ полностью следует общему принципу, сформулированному в Указе Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 06.12.2018) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», ст. 2, направлена на «обеспечение интересов государства, общества, человека и гражданина, укрепление государственного единства и целостности Российской Федерации, сохранение этнокультурной самобытности ее народов, обеспечение конституционных прав и свобод граждан, гармонизацию общественных и государственных интересов, а также координацию деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов, органов местного самоуправления и их взаимодействия с институтами гражданского общества при реализации государственной национальной политики Российской Федерации» и «основывается на принципах демократического федеративного государства». В то же время, поскольку между языком, с одной стороны, и национальностью (этничностью), с другой, нет взаимно-однозначного соответствия, а язык представляет собой самостоятельный феномен, языковая политика не входит полностью в состав национальной политики и представляет собой особое направление государственной политики.

В том, что касается связи с национальной политикой, языковая политика должна быть направлена:

- на обеспечение эффективного, равноправного и бесконфликтного взаимодействия между всеми гражданами РФ и между гражданами РФ и других государств;
- на сохранение языкового многообразия как культурного достояния граждан РФ и свободу его выражения в публичной сфере;
- на предотвращение дискриминации по языковому признаку;
- на развитие и широкое распространение дву- и многоязычия.

Общий принцип языковой политики состоит в том, что государство, с одной стороны, осуществляет поддержку, сохранение и развитие всех языков РФ, а с другой стороны, заботится о знании всеми гражданами государственного языка РФ – русского, а жителями республик РФ, имеющих наряду с русским другие государственные языки, – и других государственных языков. Уважительное отношение ко всем языкам и народам РФ служит гармонизации межэтнических отношений как важнейшей составляющей государственной безопасности. Во избежание угроз государственному единству, граждане РФ, в том числе говорящие на миноритарных языках, не должны ощущать себя чужими в своей стране.

Языковая политика неизбежно распространяется не только на языки России, но и на языки, появившиеся в России недавно в результате новейших миграционных волн, и это ее направление также должно вестись не стихийно, а в единых концептуальных рамках с другими направлениями. В ряде населенных пунктов такие языки по количеству проживающих носителей превосходят все языки России (кроме, как правило, русского). Носители «новых» языков должны в языковом отношении чувствовать себя комфортно, их языки должны быть предметом государственной заботы, охраняться и изучаться. Нельзя ограничиться установкой на то, что эти языки интересуют лишь страну-метрополию, из которой люди переехали в Россию. Языковая политика в отношении таких языков должна предусматривать сочетание социальной и культурной адаптации мигрантов в Российской Федерации и защиты их права на сохранение и использование собственных языков. Если носителей какого-либо языка на той или иной территории достаточно много, им должны быть даны соответствующие права на использование родных (этнических) языков, в том числе в сфере образования. Этот подход должен быть распространен как на граждан РФ – носителей недавно распространившихся в России языков, так и на проживающих в России иностранных граждан и на лиц без гражданства.

Следует отметить, что этнические конфликты и напряжения на постсоветском пространстве были вызваны среди прочего и неудачной языковой политикой местных властей, направленной на ущемление интересов носителей миноритарных языков. Подобная языковая политика неизменно порождает национализм, сепаратизм и даже экстремизм. Языковая политика РФ должна учитывать многократный отрицательный опыт такого рода и взять курс на предоставление широких языковых прав, в том числе прав на использование, сохранение и развитие языков.

XV. Международно-правовые и внешнеполитические аспекты языковой политики

Международно-правовое регулирование языковой политики имеет как внутри-, так и внешнеполитическую стороны. Внутриполитическая его сторона выражается в том, что языковые права граждан страны защищаются, помимо норм, зафиксированных в законодательстве федерального и регионального уровней, также и соответствующими нормами международных соглашений в области прав человека и защиты прав национальных меньшинств. Внешнеполитическая сторона заключается в том, что Российская Федерация, являясь членом ООН и ряда региональных международных организаций, в соответствии с подписанными и ратифицированными международными соглашениями в области прав человека и национальных меньшинств (см. их перечень в Приложении), выполняет взятые на себя международные обязательства в сферах прав человека и защиты прав меньшинств, включая обеспечение языковых прав и соблюдение принципов недискриминации по признаку языка. Ратификация Российской Федерацией международных документов (а также носящих рекомендательный характер документов этого права – *Гаагских рекомендаций о правах национальных меньшинств на образование* (1996), *Ословских Рекомендаций по языковым правам национальных меньшинств* (1998), *Лундских Рекомендаций об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни* (1999), *Рекомендаций Комитета министров Совета Европы «О преподавании языков сопредельных государств в приграничных регионах»* (2005), *Модельного закона о языках СНГ* (2004) и *общеполитических рекомендаций Европейской Комиссии против расизма и нетерпимости – ЕКРН*) является ее вкладом в создание международной системы гарантий для обеспечения защиты прав лиц, относящихся к национальным меньшинствам и недопущения дискриминации по зафиксированным в соответствующих международных соглашениях признакам, включая язык. Российская Федерация ратифицировала также международную *Конвенцию ЮНИСЕФ о правах ребенка* (1989), статья 30 которой гарантирует право пользования своим языком. Международное право фиксирует права ребенка на обучение официальному языку/языкам государства

Документы ООН, Совета Европы, ОБСЕ, СНГ политически и морально обязывают их членов придерживаться разработанных критериев, однако не вмешиваются в системы государственных юридических норм, и многие вопросы, касающиеся защиты прав в области языка и образования, остаются в компетенции государств-членов. В этом отношении Концепция языковой политики Российской Федерации на основе выбора приоритетных направлений законодательства в данной сфере выполняет роль одного из инструментов гармонизации норм международного права и законодательства страны. (В Таблице 1 Приложения приводится сопоставление норм российского законодательства и соответствующих положений международного права.) Важным самостоятельным направлением внешнеполитической деятельности в области языковой политики

является укрепление позиций русского языка в качестве языка международного общения; консультативное, кадровое и финансовое обеспечение его распространения за рубежом; поддержка зарубежных образовательных институций и научных центров, в которых преподается и исследуется русский язык и литература; поддержка русскоязычных сообществ в защите их языковых прав за счет создания специальных фондов и ассоциаций.

Для помощи иностранным преподавателям и учащимся в изучении русского языка еще в 1967 г. была создана Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), а в 1973 г. в Москве был открыт Институт русского языка имени А.С. Пушкина (ныне – Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина), стал выходить специальный журнал «Русский язык за рубежом». В 2007 г. «в целях популяризации русского языка, являющегося национальным достоянием России и важным элементом российской и мировой культуры, а также для поддержки программ изучения русского языка за рубежом» был образован фонд «Русский мир» (*Указ Президента Российской Федерации от 21 июня 2007 года № 796*). В 2008 г. было создано Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) (*Указ Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 года № 1315*), в задачи которого также входит поддержка и продвижение русского языка за рубежом. На базе зарубежных представительств Россотрудничества в 58 странах ближнего и дальнего зарубежья функционируют курсы русского языка, проводятся культурно-просветительские, образовательные и научно-методические мероприятия, направленные на популяризацию русского языка и стимулирование интереса зарубежных граждан к его изучению, а также повышение уровня преподавания русского языка в странах, где имеются зарубежные представительства (<http://rs.gov.ru/ru/activities/9>). Эта работа должна быть продолжена, а ее масштаб расширен.

XVI. Инструменты реализации языковой политики Российской Федерации

А. Экономические и организационные инструменты реализации языковой политики, включая и ряд мер, предусмотренных поручением Президента РФ № Пр-355 от 1.03.2020 (пункт 1е, часть вторая). Необходимо принятие экономических и организационных мер, способствующих развитию русского языка, сохранению и развитию многоязычия и поддержке языкового разнообразия:

- содействие созданию рабочих мест, связанных с использованием языков РФ, в том числе в сфере образования, культуры, средств массовой информации, науки;
- формирование экономической заинтересованности государственных служащих и иных граждан в том, чтобы повышать уровень владения языками РФ;

- подготовка и издание словарей, справочников и грамматик русского языка и других языков РФ;
- проведение научных исследований и подготовка научно-популярных изданий по истории и современному состоянию русского языка и других языков РФ;
- поддержка проектов, направленных на повышение грамотности и овладение родным языком (научно-популярные теле- и радиопередачи, интернет-сайты, «Тотальный диктант», олимпиады, конкурсы и др.);
- выделение грантов на инициативные проекты, связанные с использованием языков РФ в различных сферах (литература, песенное творчество, фольклор, праздники, языковые клубы, программы типа «языковое гнездо», программы типа «мастер-ученик», языковые курсы онлайн и оффлайн, фильмы и мультипликационные фильмы, интернет-сайты и иные интернет-ресурсы с языковым контентом);
- экономическая поддержка многоязычия у диаспор и трудовых мигрантов на территории РФ, включая освоение русского языка и соблюдение права людей на пользование родным (этническим) языком.

Б. Информационные и просветительские инструменты реализации языковой политики. Необходима работа по внедрению в общественное сознание интереса к истории и современному состоянию родного языка, к полнофункциональному владению русским языком и к многоязычию, то есть гармоничному использованию индивидом и социальными группами одновременно двух и более языков. Необходимы также информационные инструменты, направленные на повышение престижа миноритарных языков в обществе. Необходимо вовлечение языковых сообществ в формирование локальной и общегосударственной языковой политики и обеспечение их участия в процессе реализации этой политики.

В. Образовательные инструменты реализации языковой политики. Система всех уровней образования должна стать инструментом реализации Концепции языковой политики по следующим направлениям:

- подготовка и переподготовка педагогических кадров преподавателей русского языка в сфере среднего и высшего образования;
- подготовка и переподготовка педагогических кадров преподавателей других языков РФ в сфере дошкольного, начального и среднего школьного, среднего специального и высшего образования;
- издание учебников и учебных словарей русского и других языков России;
- поддержка изучения русского языка как гражданами РФ, так и трудовыми мигрантами на территории РФ, расширение такого изучения в мире;
- поддержка использования языков России в качестве средства обучения в системе дошкольного, общего, специального, в том числе высшего, образования;
- поддержка изучения языков России в качестве предмета изучения в системе дошкольного, общего, специального, в том числе высшего образования, а также в системе дополнительного образования;

- методическая работа, направленная на увеличение разговорной составляющей в преподавании языков России;
- увеличение в программах школьного и профессионального образования объема сведений, касающихся языкового разнообразия РФ и мира, его значимости в качестве нематериального достояния граждан нашего государства и всего человечества, ценности многоязычия для гармоничного развития личности, значимости поддержания миноритарных языков как фактора социальной стабильности;
- расширение работы, связанной с созданием письменности и улучшением орфографий, литературных форм языков РФ, словарей и учебников, языковых корпусов языков РФ;
- подготовка кадров для научных исследований в области миноритарных языков, в том числе из числа носителей этих языков;
- расширение работы, связанной с изучением российскими гражданами иностранных языков, особенно языков, имеющих существенное геополитическое значение.

Г. Публицистические инструменты реализации языковой политики.

Необходима массовая кампания по пропаганде:

- языкового и культурного разнообразия РФ, знаний о языковых семьях и ареалах страны, лингвистических особенностях языков России;
- богатства и разнообразия русского языка, его диалектов и региональных вариантов;
- фактора поддержки языкового разнообразия как воспитания этнической толерантности;
- пользы многоязычия и знания выученных языков для интеллектуального и когнитивного развития личности, вопреки распространенному предрассудку относительно того, что знание миноритарного этнического языка препятствует полноценному усвоению государственного языка или изучению иностранных языков;
- усвоения и использования русского языка за рубежом.

Д. Административные инструменты реализации языковой политики.

Необходимо использование административных инструментов, направленных на поддержку русского языка, языкового разнообразия и культурных инициатив, в частности:

- обеспечение локальной административной поддержки реализации мер, предусмотренных поручением Президента РФ № Пр-355 от 1.03.2020 (пункт 1е, часть вторая);
- использование и развитие правовых административных механизмов, направленных на увеличение использования миноритарных языков (таких как проведение мероприятий на миноритарных языках, создание языкового ландшафта на миноритарных языках – вывески, дорожные знаки, объявления, реклама и т. д.);
- проведение в местах компактного проживания носителей миноритарных языков публичных мероприятий на этих языках.

Е. Законодательные инструменты реализации языковой политики. Необходимо изменение федерального и регионального законодательства в направлении положений настоящей Концепции, совершенствование за-

конодательства РФ в части мер по сохранению и возрождению языков РФ (согласно поручению Президента РФ № Пр-355 от 1.03.2020, пункт 1е, часть вторая).

Ж. Общественные организации и языковые активисты как инструмент реализации языковой политики. Языковая политика должна включать инициативы снизу, находящиеся в русле положений настоящей Концепции, и рассматривать их в качестве инструмента ее реализации.

З. Академическая наука как инструмент реализации языковой политики. Неотъемлемой частью языковой политики должны стать:

- поддержка исследований по русскому языку и языковому разнообразию, включая научную документацию русских диалектов, языков России и их диалектов, в особенности находящихся под угрозой исчезновения, полевые экспедиционные исследования, архивные исследования;
- подготовка выполненных на современном научном уровне грамматик и словарей русского языка и языков РФ в электронном и бумажном формате, работа по созданию Национального словарного фонда и Национального корпуса русского языка и других языков России, поддержка основных лингвистических научных организаций РФ;
- совершенствование методов оценки эффективности государственной языковой политики РФ.

XVII. Показатели эффективности реализации языковой политики Российской Федерации:

- численность населения, указывающего (например, в ходе переписи населения) владение и пользование каждым языком РФ;
- восстановление передачи языков от старших поколений детям там, где она была прервана, возвращение этническим языкам функции бытового общения в семье и, таким образом, увеличение количества семей, в которых используется этнический язык;
- численность лиц, указывающих владение и пользование более, чем одним языком РФ;
- количество сфер использования каждого из языков РФ и объем их использования по сферам ;
- появление новых носителей языка как результат обучения языку на всех образовательных уровнях;
- количество иностранных граждан, получивших сертификат о владении русским языком и другими языками России;
- отсутствие фактов языковой дискриминации в отношении лиц, групп или категорий лиц, в том числе юридических, в докладах уполномоченных по правам человека, по правам ребенка, в судебных исках;
- повышение позитивного отношения граждан РФ к языковому разнообразию и пользе знания миноритарных языков.

Для каждого показателя эффективности может быть подготовлен способ количественной оценки на основе методики мониторинга.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Международные и российские нормы в области языковой политики

В своей внешнеполитической деятельности в области языковой политики Российская Федерация опирается на систему норм международного права, регулиющую языковые права человека, в частности, на принятые ею обязательства и разделяемые ею принципы, отраженные в следующих ратифицированных РФ документах международного права:

Универсальные международные документы в области защиты прав меньшинств

- Устав ООН (1945);
- Всеобщая декларация прав человека (1948);
- Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказание за него (1948);
- Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960);
- Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960);
- Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965);
- Международный Пакт об экономических, социальных и культурных правах (1966);
- Международный Пакт о гражданских и политических правах (1966, ратифицирован СССР в 1973 г.);
- Факультативный протокол к Международному Пакту о гражданских и политических правах (1966);
- Конвенция о правах ребенка (1989);
- Декларация ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992).

Региональные международные документы в области защиты прав меньшинств

- Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1953).
- Европейская Хартия по региональным языкам и языкам меньшинств (1994, подписана, но не ратифицирована РФ).
- Европейская Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств (1995).
- Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащим к национальным меньшинствам (1994).

Таблица 1

Сопоставление норм международного и российского права в сфере защиты языковых прав*

Норма	№ документа (статьи и §) международного права	№ документа (статьи и §) законодательства РФ	Примечания
Свобода выбора принадлежности к меньшинству	2 (3.1)	1 (26.1); 2 (2.1, 4.3)	Не регламентирована ответственность за нарушение права
Свободное использование своего языка, устно и письменно, в частной жизни и публично	2 (10.1)	1 (2.2–4, 4, 26.2, 58.3); 2; 3; 4; 5	
Официальное пользование ФИО на своем языке	2 (11.1)	3 (16.4)	В законодательно неопределенной формулировке «с учетом национальных традиций именованя»
Право наименования на родном языке своих организаций и предприятий	-	3 (16.2)	Пункт 2 Ословских рекомендаций
Право публичного размещения вывесок и объявлений на своем языке	2 (11.2)	3 (16.2)	(только на гос. языках республик)
Право получения топографической информации на своем языке	2 (11.3)	3 (23.2)	
Право использования своего языка в официальной сфере	2 (10.2)	3 (3.4, 11.2, 14.1, 15.2, 15.4, 16.3, 21, 22.1)	
Право использования своего языка в сфере частного предпринимательства	-	3 (22.1–2)	Пункт 12 Ословских рекомендаций
Право распространения, доступа и обмена информацией на своем языке	2 (9.1, 9.3–4)	2 (9.2); 3 (20.1–3)	
Право на использование своего языка во время следствия, в суде и в местах лишения свободы	2 (10.3)	3 (18.3); 7 (10.3); 8 (12.5, 18)	Пункты 17–21 Ословских рекомендаций
Право изучать свой язык и получать образование на родном языке	1 (5.1с); 2 (14.1–2)	1 (26.2, 68.3); 2 (10, 12); 3 (9.2, 9.4–5, 10.1, 10.4); 5 (6)	
Право на распространение знаний о своем языке, культуре и истории	2 (12)	2 (13.7, 15.2–4)	

Норма	№ документа (статьи и §) международного права	№ документа (статьи и §) законодательства РФ	Примечания
Право создавать собственные образовательные учреждения	2 (13); 1 (5.1с)	2 (11, 12.6)	
Право создавать и поддерживать свои культурные учреждения	-	2 (4, 13.1); 4 (15)	Копенгагенское совещание СБСЕ, пункт 32.2
Право создавать свои ассоциации	2 (7)	1 (30); 2 (1); 4 (16, 21); 6 (3)	Запрещение создания партий на национальной основе – 8 (9.3)
Право участия в деятельности НПО	2 (17.2)	2 (4, 11, 13)	
Право на контакты с членами группы, проживающими в других государствах	2 (17.1)	2 (4, 9)	

* Таблица не содержит ссылок на Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств, поскольку Хартия фиксирует обязательства *государств*, а не права человека или групп меньшинств, и не ратифицирована Российской Федерацией.

Перечень документов международного права, отраженных в Таблице 1 (столбец 2):

1. Конвенция ЮНЕСКО о борьбе с дискриминацией в области образования (1960).

2. Европейская Рамочная конвенция по защите национальных меньшинств (1995).

Перечень документов внутреннего законодательства, отраженных в Таблице 1 (столбец 3):

1. Конституция РФ (1993).

2. Федеральный закон “О национально-культурной автономии” (1996).

3. Федеральный закон “О языках народов РФ” (1991).

4. Основы законодательства РФ о культуре (1992).

5. Федеральный закон “Об образовании” (1992).

6. Федеральный закон “Об общественных объединениях” (1995).

7. Федеральный закон “О судебной системе Российской Федерации” (1996).

8. Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

Reviewers:

AMIRKHANOV Kh.A, Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Historical Sciences, Professor

MOLDOVAN A.M., Academician of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Philology

The first issue of the new periodical “Eurasian Yearbook” of the Scientific Council of the Division of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences on key problems of modern history and culture of Eurasia is publishing to eve of the 300th anniversary of the Russian Academy of Sciences and includes priority researches for Nowday Council Agenda. Among them are the problems of integration and disintegration on the space of Greater Eurasia. These themes are represented in yearbook by papers devoted to the phenomenon of multipolarity in a historical retrospective, the ideology of Eurasianism: from its inception to modern world practices; the articles devoting to the topics: Greater Eurasia in the focus of China’s modern policy; Business interactions in the post-soviet space, the Digital Agenda and its new priorities and integration potential, the technologies of non-violent struggle in the “color revolutions” in Eurasia, etc.

Yearbook represents actual topics of the history and culture of the subregions of Eurasia from ancient times to the present day, including Eastern Europe, the Volga region, the Urals, Siberia, Central Asia, Transbaikal region, Mongolia, China, Korea and the Far East of the Russian Federation. The publication includes materials devoting to the history of Diasporas, languages and literature of the countries of the Eurasian countries, historical memory and historical policy.

For reseachers, teachers and professor of universities, students of higher educational institutions, everyone who is interested in the actual problems of current history and culture of Eurasia.

Федеральная служба по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций

Выписка

из реестра зарегистрированных средств массовой информации
по состоянию на 04.12.2023 г.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-86431 от 30 ноября 2023 г.

Статус средства массовой информации: Действующее

Наименование (название) средства массовой информации: Евразийский ежегодник

Язык(и): русский, английский

Адрес редакции: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6

Примерная тематика и (или) специализация: Научная, реклама в соответствии с законодательством Российской Федерации о рекламе

Форма периодического распространения (вид - для периодического печатного издания): Периодическое печатное издание, журнал

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Учредитель (соучредители): Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (ОГРН 1037739214270)

СВЕДЕНИЯ О СЕРТИФИКАТЕ ЭП	
сертификат	С 642с7са9622а1аВН
владелец	Виноградов Максим
действителен	с 03.05.2023 по 26.07.2024

Заместитель начальника
Управления разрешительной
работы, контроля и надзора в сфере
массовых коммуникаций

М.В. Виноградов

СВИДЕТЕЛЬСТВО

о регистрации в Национальном центре

ISSN

и присвоении Международного стандартного номера
серийного издания
(International Standard Serial Number)

Издание: Основное заглавие: Евразийский ежегодник
Параллельное заглавие: Eurasian yearbook
Ключевое заглавие: Евразийский ежегодник
Номер Свидетельства о регистрации СМИ в Роскомнадзоре: -
Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение "Российская академия наук"
Место издания: г. Москва
URL: -
Язык издания: русский, резюме: английский
Периодичность: 1 раз в год
Вид издания: сборник
Версия издания: печатное

зарегистрировано в Национальном центре ISSN Российской Федерации.

Изданию присвоен номер ISSN: 2949-5865

Владелец номера предупреждается о том, что номер ISSN нужно использовать в строгом соответствии с нормативными документами, не передавать его другим лицам и организациям.
Об изменениях в сведениях, заявленных при регистрации, в т. ч. о любых изменениях в заглавии, изменении издателя, контактной информации и пр. необходимо сообщать в Национальный центр ISSN.

Свидетельство выдал _____ / Наговицына А. В. /
01.12.2023

Научное издание

**Евразийский Ежегодник
2023 (1)**

Утверждено к печати
Бюро Отделения историко-филологических наук
Российской академии наук
(*постановление от 28.06.2023 г. № 29*)

Подписано в печать 11.12.2023.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times.
Уч.-изд. л. 30,38. Усл.-печ. л. 37,05. Заказ № 3173.3. Тираж 300.

Издатель – Российская академия наук

Отпечатано в типографии ООО «Принт».
426035, г. Ижевск, ул. Тимирязева, 5.

Издаётся по решению Научно-издательского совета
Российской академии наук (НИСО РАН) от 31.03.2023 г.
и распространяется бесплатно